

4
том 21
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2019, 21(4): 881–1159

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф., Потсдамский университет (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.;
8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01;
vestnik@kemsu.ru; http://vestnik.kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof., Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof., Potsdam University (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и археология

- Торговая переписка кумыкских феодальных владельцев с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан)
Абдусаламов М.-П. Б. 881
- Конституция А. И. Гучкова – праволиберальный проект Основного закона Российской империи или черновик партийной программы?
Аронов Д. В., Жияева С. К. 890
- Феномен Н. Д. Хвощинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского
Гаврилов С. В. 898
- Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе
Гарбарт М. И. 907
- А. Р. Розенберг: «дело врачей» в Сталинском государственном институте для усовершенствования врачей (1953)
Генина Е. С., Каймашикова Е. Б. 915
- Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в.
Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н. 924
- Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана
Зиняков Н. М. 932
- Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника: Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1973)
Мартынов А. И. 940
- Роль учебно-показательных мастерских в развитии профессионально-технического образования и подготовки кадров для кустарной промышленности Томской губернии в начале XX в.
Овчинников В. А. 948
- Психология**
- Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. А. 962
- Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности
Иванов М. С. 974
- Методологические возможности системного и синергетического подходов к изучению проектного мышления
Мазуркевич А. В. 982
- Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи
Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В. 989
- Бригадный подход к диагностике и коррекции трудностей обучения в общеобразовательной начальной школе
Плотникова А. В., Глозман Ж. М. 998

Факторы профессионального стресса врачей и возможности повышения адаптивности к ним на этапе обучения в вузе Погодаева М. В., Чепурко Ю. В., Молокова О. А.	1005
Опыт психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей младшего школьного возраста: методические и нейрофизиологические аспекты Проскуракова Л. А., Налимова Т. А.	1014
Типология поведения молодежи в ситуациях с коррупционной составляющей Стеклова Ю. В., Петрова Е. А.	1021
Связь агрессивного поведения и неравновесных психических состояний у водителей автотранспорта Четверикова А. И., Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Бутовская Е. В.	1030
Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: к постановке проблемы Чижкова М. Б.	1039
Диагностика представлений о прокурорской деятельности: теория и практика Шабаров Д. В., Губин В. А., Майоров В. А.	1050
Языкознание	
Языковые установки вынужденных переселенцев в регионе Курдистана Амин Р. М.	1060
Актуализация понятийных признаков концепта <i>star</i> в английской лингвокультуре Бакирова А. А.	1069
Характер синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в произведениях Д. Д. Сэлинджера <i>The Catcher in the Rye</i> и Л. Грофф <i>Fates and Furies</i> Ганиева Р. Р.	1078
Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе Гришенкова Т. Ф., Вариясова Е. В.	1086
Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в. Дутбаева С. С.	1095
Передача флоберовской точки с запятой в англоязычных переводах <i>Madame Bovary</i> Карапец В. В.	1105
Лингвоконфликтологическое исследование интернет-обращения Кишина Е. В., Сафиулина Е. Ю.	1114
Общетюркская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ) Мальшева Н. В., Данилов И. А.	1123
Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта <i>воин</i>) Пименова М. В., Бодриков А. Б.	1131
Лингвокреативные основания немецкого комикса <i>Dig, Dag, Digedag</i> Энгель Е. А., Денеко М. В.	1139

History and Archeology

- Trade Correspondence between Kumyk Feudal Lords with the Russian Military Administration in the Caucasus in the 1740's–1760's (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)
Abdusalomov M.-P. B. 889
- Was A. I. Guchkov's Constitution a Right-Liberal Draft of the Basic Law of Russian Empire or a Party Program?
Aronov D. V., Zhilyaeva S. K. 896
- The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Populist Historian V. I. Semevsky
Gavrilov S. V. 905
- Main Sources of Chinese "Soft Power" in Latin America in the Modern Era
Garbart M. I. 913
- A. R. Rosenberg: "the Doctors' Plot" in Stalinsk State Institute of Advanced Medical Training (1953)
Genina E. S., Kaymashnikova E. B. 922
- Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century
Drobotushenko E. V., Lantsova Y. N. 930
- Historical Background of Formation and Development of Medieval Cities in Zhetysu (Semirechye) and South Kazakhstan
Zinyakov N. M. 938
- Archeology: University Textbook and Science (to the 45th Anniversary of the Publication of the Textbook: Martynov A. I. Archeology of the USSR. Moscow, 1973)
Martynov A. I. 946
- The Role of Educational and Demonstration Workshops in the Development of Vocational Education and Training for the Handicraft Industry of Tomsk Province in the Early XX Century
Ovchinnikov V. A. 960
- ### Psychology
- Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison
Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. 972
- Identity Threats in the System of Attitudes to Personal Security
Ivanov M. S. 980
- Methodological Abilities of Systemic and Synergistic Approaches to the Study of Project Thinking
Mazurkevich A. V. 987
- Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth
Oyunsuren J., Yermolaev V. V. 996
- Team Approach to Diagnostic and Correction of Learning Problems in a Public Primary School
Plotnikova A. V., Glozman J. M. 1003

Physicians' Occupational Stress: Factors and Teaching Adaptability at Medical Schools <i>Pogodayeva M. V., Chepurko Y. V., Molokova O. A.</i>	1012
Pedagogical Correction of Reading Phobia in Primary School Pupils: Methodical and Neurophysiological Aspects <i>Proskuryakova L. A., Nalimova T. A.</i>	1019
Typology of Behavior of Youth in Situations with a Corruption Component <i>Steklova Y. V., Petrova E. A.</i>	1027
Aggressive Behavior and Unstable Mental States in Car Drivers <i>Chetverikova A. I., Yermolaev V. V., Voroncova J., Butovskaya E. V.</i>	1037
Adaptation Dynamics of the First-Year Students to the Educational Environment of the Medical University <i>Chizhkova M. B.</i>	1047
Social Attitudes to Public Prosecution: Theory and Practice <i>Shabarov D. V., Gubin V. A., Mayorov V. A.</i>	1058
Linguistics	
Language Attitude among the Displaced People in the Kurdistan Region <i>Ameen R. M.</i>	1061
Concept "Star" in English Linguaculture: Notional Features <i>Bakirova A. A.</i>	1076
Syntactic Relations Reflected by Word Order in "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger and "Fates and Furies" by L. Groff <i>Ganieva R. R.</i>	1084
Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse <i>Grishenkova T. F., Variyasova E. V.</i>	1093
Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's <i>Dutbayeva S. S.</i>	1103
Flaubert's Semicolon in English Translations of "Madame Bovary" <i>Karapets V. V.</i>	1112
Linguaconflictological Research of Internet Appeal <i>Kishina E. V., Safiulina E. Yu.</i>	1121
Common Turkic Vocabulary of the Yakut Language: Words Denoting Animal Body Parts (Comparative Historical Analysis) <i>Malysheva N. V., Danilov I. A.</i>	1129
Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concept) <i>Pimenova M. V., Bodrikov A. B.</i>	1137
Linguacreative Foundations of the German Comic Book "Dig, Dag, Digidag" <i>Engel E. A., Deneko M. V.</i>	1148

Торговая переписка кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан)

Магомед-Паша Б. Абдусаламов^{a, @}

^a Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 367008, Россия, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5

[@] vikingpasha@mail.ru

Поступила в редакцию 07.08.2019. Принята к печати 22.11.2019.

Аннотация: В статье на основе документов фондов 339 «Походная канцелярия генерал-лейтенанта А. П. Девица» и 379 «Кизлярский комендант» Центрального государственного архива Республики Дагестан рассмотрена и исследована история торговой переписки кумыкских правителей с российскими военными властями на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. Значительная часть документов фондов введена автором впервые в научный оборот. Они иллюстративно показывают, что торгово-экономические связи кумыков с Россией в целом приняли интенсивный характер к середине XVIII в. Кумыкские владетели были заинтересованы в торговле с Кизляром, как и с другими российскими городами. Натуральное хозяйство Кумыкии не могло в полной мере обеспечить растущие внутренние потребности местного населения. Не хватало в первую очередь промышленных товаров. Кумыкские владетели понимали это, стремились создать благоприятные условия местным торговцам – савдагарам, обеспечить их безопасность от возможных разбоев на дорогах, о чем и свидетельствуют их письма кизлярским комендантам. Постепенная интеграция кумыкских земель во всероссийский рынок способствовала экономическому росту, развитию производительных сил края. В то же время торговля кумыкских владетелей с Россией носила взаимовыгодный характер. Кумыкские савдагары ввозили в русские города, в том числе и в Кизляр, важное для развития отечественной промышленности сырье – шелк-сырец, марену и хлопок.

Ключевые слова: Российская империя, кумыкские владетели, кизлярский комендант, торговля, товары, переписка, савдагар, Тарки, Засулакские владения

Для цитирования: Абдусаламов М.-П. Б. Торговая переписка кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 881–889. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-881-889>

Введение

Торговые связи кумыков с Россией приняли более интенсивный характер в XVIII в. В период нахождения кумыкских земель в составе Российской империи кумыкско-российская торговля значительно расширилась. Основанный в 1735 г. Кизляр стал не только главным центром торговых связей народов региона с Россией, но и центром российской военной администрации на Кавказе. Кизляр как важный транзитный узел в торговых связях России с восточными странами к середине XVIII в. фактически стал, с одной стороны, средоточием русско-кавказских экономических связей, с другой – многонациональным торговым центром, где северокавказские народы, в том числе кумыки, обменивались продуктами сельского хозяйства и кустарно-ремесленного производства. Россия в своей кавказской политике рассматривала Кизляр как «одно из средств укрепления своего влияния в данном регионе» [1, с. 74].

Письма кумыкских феодальных владетелей, адресованные на имя кизлярских комендантов, представляют в связи с рассматриваемой проблемой определенный интерес.

Они позволяют говорить об интенсивных торговых связях кумыков с Россией в рассматриваемый нами период. В кумыкско-российской деловой переписке есть весьма ценные сведения о состоянии торговли, о перечне товаров, как ввозимых, так и вывозимых из Дагестана, о таможенной политике российских военных властей в регионе, о грабежах, чинимых горцами на дорогах, о мерах, предпринимаемых кизлярскими комендантами и кумыкскими владетелями по их искоренению и обеспечению безопасности торговли и т. д.

Цель – исследование истории торговой переписки кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. В рамках поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать письма кумыкских владетелей 40–60-х гг. XVIII в. кизлярским комендантам и показать их взаимовыгодный торговый характер;
- раскрыть сущность торгово-фискальной политики российских властей на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в.;

- показать мероприятия российских военных властей по обеспечению безопасности торговли в Приморском Дагестане в 40–60-х гг. XVIII в.

Статья базируется на принципах историзма и объективности. Принцип историзма позволил рассмотреть торговую переписку кумыкских владетелей с Российской империей в конкретных исторических условиях и связях, во взаимосвязи с политическими процессами в Дагестане. В соответствии с принципом объективности осуществлен глубокий анализ торговой переписки кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в., предпринятый на основе материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД).

Применены как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования. Общенаучные методы представлены историческим и логическим методами. Исторический метод позволил исследовать торговую переписку кумыкских феодальных владетелей с российскими военными властями в хронологическом развитии на протяжении указанного исследуемого периода. Логический метод позволил прийти к выводам и обобщениям о роли и значении торговли во взаимоотношениях российской военной администрации с кумыкскими феодальными владетелями.

Из специально-исторических методов научного исследования применен сравнительно-исторический метод, учитывающий многовариативность всемирно-исторического процесса. Данный метод научного исследования позволил рассмотреть исторические события в их взаимовлиянии, последовательности и причинно-следственной внутренней и внешней связи.

Письма торгового содержания кумыкских владетелей 40–60-х гг. XVIII в. кизлярским комендантам

Материалы фонда 379 «Кизлярский комендант» ЦГА РД содержат ценную информацию по исследуемой проблеме. Рассмотрим некоторые документы, извлеченные из данного фонда архива. Так, в письме от 17 января 1745 г. кизлярскому коменданту Василию Елисеевичу Оболенскому аксаевского владетеля Каплан-Гирея Ахмадханова содержится просьба позволить его человеку Алхасу купить двух быков и «пропустить приказать»¹. 12 мая 1748 г. другой кумыкский владетель шамхал Тарковский Хасбулат в письме ген.-лейтенанту Андрею Петровичу Девицу сообщал, что его люди во главе с Зерюшем с арбами, нагруженными товаром, по торговым делам отправились Кизляр, и в связи с этим просил у российских властей обеспечить беспрепятственную торговлю тарковских савдагаров

и сохранность их имущества². В другом письме от 20 июня 1753 г. шамхал Хасбулат обратился к кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу со следующей просьбой: «Податель сего письма человек называемой Хамух для купечества купить потребных вещей поехал в Кизлярскую крепость. И в бытие его в Кизляре прошу милостиво приказать подвластным своим людям, чтоб никаких обид и налог ему не чинили»³.

Как справедливо отмечает А. С. Акбиев, то, что кумыкские владельцы в своих письмах кизлярским комендантам называли направлявшихся в Кизляр савдагаров «мои люди», «мой человек», не всегда означало, что и товар соответственно мог быть исключительно владельческим. Местные феодальные владетели проявляли заботу обо всем подвластном населении. Это касалось и савдагаров-торговцев. Ведь торговля в этот период была сопряжена с большим риском и опасностями, поэтому, проявляя о них заботу, кумыкские владетели в письмах кизлярским комендантам называли савдагаров своими людьми [2, с. 241].

Действительно, у каждого направлявшегося в Кизляр кумыкского савдагара с собой имело данное их владетелем сопроводительное письмо коменданту с просьбой обеспечения беспрепятственной и свободной торговли. При этом в письме указывалось имя приезжего савдагара [3, с. 165].

В письме от 6 сентября 1748 г., адресованном на имя кизлярского коменданта А. П. Девица, содержится просьба шамхала Хасбулата позволить его человеку купить «несколько кремней и... четыре лошади»⁴. Аналогичная просьба Хасбулата Тарковского содержится и в письме от 28 января 1749 г. кизлярскому коменданту, где он просил позволения на закупку в Кизляре его савдагарами Абдуллой и Алипией для нужд нескольких кремней и пяти фунтов олова⁵.

В свете сказанного более информативным по содержанию является письмо от 14 декабря 1751 г. кизлярскому коменданту Леопольду Исааковичу Дебеаусобриу аксаевского владетеля Каплан-Гирея Ахмадханова, в котором сообщается, что от него в Кизляр отправлен уроженец Дербента Мамасайт для приобретения товара: железа, красных кож, холста, коровьего масла, а также трех лошадей. В связи с этим аксаевский владетель просил кизлярского коменданта «оного дербентца поупкою дозволить» и обеспечить сохранность его товара⁶.

Вышеприведенные архивные материалы показывают, что поездки в Кизляр кумыкских савдагаров носили довольно частый характер, сюда приезжали торговые люди как из шамхальства Тарковского, так и из владений Засулакской Кумыкии [4, с. 10].

¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 90. Л. 18.

² ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 291. Л. 119.

⁴ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁵ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 24. Л. 77.

⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 13, 13 об.

В письмах эндириевских владетелей Темира Хамзина и Магомеда Айдемирова от 31 августа и 31 октября 1748 г. ген.-лейтенанту А. П. Девицу говорится о требованиях освободить их савдагаров от уплаты пошлины в Кизляре. При этом содержится информация о товарах, необходимых для покупки (коровье масло, рыбий жир, парча), и о приобретаемом скоте (быках)⁷.

Документы второй половины XVIII в. содержат аналогичную информацию. Как указывалось выше, тарковские савдагары были частыми гостями в Кизляре [5, с. 13]. Тарковские правители стремились обеспечить им свободную, беспрепятственную торговлю, создать условия для выгодных покупок. В письме от 6 июля 1751 г. тарковскому шамхалу Хасбулату кизлярский комендант Л. И. Дебеаусобрий беспрепятственно позволил его савдагару Уке купить в Кизляре сорок пудов коровьего масла, двести сорок аршин холста, две пары башмаков, семьдесят севрюжьих спинок⁸.

Аналогичным по своему содержанию является письмо от 2 августа 1751 г. Л. И. Дебеаусобрия шамхалу Хасбулату, в котором кизлярский комендант извещает тарковского правителя о том, что дано дозволение его савдагару Асану приобрести в Кизляре следующие товары: «севрюжьей пятьдесят икры два кулька, салакурдючева один пуд башмаков две пары сапоги один перцу один пуд, холста на десять рубак, ножик складной, бурмет одна, кремней десять»⁹.

В письме от 28 сентября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий удовлетворяет просьбу шамхала Хасбулата по поводу приобретения его савдагаром Акаем Исмаиловым товара в Кизляре, в частности две тысячи аршин холста, «укладу четыре фунта», двести железных скоб, один пуд смолы, один пуд бараньего сала, двести сальных свеч и проч.¹⁰

Из содержания документов мы видим, что кизлярские коменданты охотно удовлетворяли просьбы тарковского правителя. Думается, это было связано не только с взаимовыгодными торгово-экономическими связями Тарков с Кизляром, но и службой шамхалов Тарковских российской короне. Кумыкские правители обеспечивали безопасность Прикаспийского торгового пути, сопровождали русских и иностранных курьеров, дипломатов, купцов и пр., направлявшихся в Дербент, Шемаху, Персию. Во многом благодаря этому российские военные власти на Кавказе уделяли немалое внимание конструктивным отношениям с кумыкскими владетелями, особенно с шамхалом Тарковским.

Интерес вызывает и письмо шамхала Хасбулата от 27 апреля 1753 г., адресованное на имя кизлярского коменданта Ивана Львовича фон Фрауендорфа. В нем тарковский правитель просил И. Л. фон Фрауендорфа позволить его человеку

Юсуфу купить в Кизляре четыре пуда масла, четыре пуда железа, четырех лошадей и беспрепятственно пропустить купленный товар обратно¹¹. К сожалению, нет сведений, удовлетворил ли просьбу шамхала Хасбулата И. Л. фон Фрауендорф, т. к. не располагаем документом (ответным письмом кизлярского коменданта). Скорее всего, исходя из аналогичных писем, И. Л. фон Фрауендорф не отказал в просьбе Хасбулату Тарковскому.

Документы Кизлярского комендантского архива свидетельствуют и о тесных контактах засулакских феодалов с российской военной администрацией на Кавказе. По содержанию письма засулакских князей, адресованные кизлярским комендантам, идентичны письмам тарковских правителей.

Частым товаром, ввозимым савдагарами в кумыкские владения из Кизляра, являлось вино, которое доставлялось засулакским князьям. В письме от 3 августа 1751 г. кизлярскому коменданту Л. И. Дебеаусобрию содержится просьба костековского владетеля Алиша Хамзина о дозволении покупки нескольких ведер кизлярского вина¹². Определенный интерес вызывает ответное письмо от 4 августа 1751 г. Л. И. Дебеаусобрия костековскому владетелю Алишу Хамзину: «письмо через человека вашего, которым требовали о даче для вас в покупке вина позволения я получил, то оному человеку вашему в покупке сколько для вас надобно, того вина от меня позволение учинено было, токмо он мне объявил, якобы на покупку вина денег у него не имеется, и от вас не дано, а просит об отпуске без денежно, коему поверить не можно, да к тому ж как здесь при Кизляре одно, токмо казенное вино, коего без денег отпустить, ни как невозможно и затем присланной от вас человек обратно отпущен, и ежели вам к празднику вина потребно, то прислать, почему по указной цене, сколько потребно будет в отпуске позволение учинено быть имеет буде вышеписанному человеку вашему, которой меня просил»¹³.

Кизлярский комендант был прав, утверждая, что «отпустить» кизлярское вино безденежно он не вправе, т. к. оно казенное. Остается неясным одно: как у человека князя Алиша Хамзина, прибывшего за покупкой вина в Кизляр, не оказалось денег? Из документа явствует, что его человек якобы не получил на это денег от Алиша Хамзина. Это крайне сомнительно. Засулакские князья знали, что вино из Кизляра не отпускается безденежно. Как выше указывалось, оно являлось казенным, и соответственно, могло отпускаться только на платной основе. Об этом свидетельствует другое письмо от 19 ноября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрия Алишу

⁷ ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 6. Л. 88; Д. 7. Л. 100.

⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 48.

⁹ Там же. Л. 54 об.–55.

¹⁰ Там же. Л. 65.

¹¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 290. Л. 59.

¹² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 225. Л. 91.

¹³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 55 об.–56.

Хамзину, в котором им было «покупкою дозволено и... отправлено»¹⁴.

В этом плане интерес представляет ордер 11 января 1763 г. Кизлярской комендантской канцелярии об отпуске с Кизлярского кружечного двора для подарка тарковскому шамхалу Магомеду двух ведер вина: «Посылающемуся к Тарковскому шамхалу Магомету ротмистру Александру Кирееву Кизлярская гражданская канцелярия имеет определить с Кизлярского кружечного двора для подарку тому шамхалу отпустить простого вина по указной истинной цене два ведра, за которое деньги принять от находящегося при Кизлярской комендантской канцелярии у исправления заграничных письменных дел прапорщика Алексея из определенной на покупку товаров и вещей для посылок подарков горским и другим соседственным владельцам суммы»¹⁵.

Помимо вина, в перечне товаров, вывозимых из Кизляра кумыкскими савдагарами в Кумыкию, были скобы железные, железо, сукно, кафтаны, котлы медные, холст, кожи, сальные свечи, баранье сало, рыба, рыбопродукты и т. д. [6, с. 40].

Письмо эндиреевского владельца Темира Хамзина от 2 октября 1751 г., адресованное на имя кизлярского коменданта Л. И. Дебеаусобрия, содержит информацию о покупке в Кизляре кожи. В частности, в нем говорится, что савдагар Темира Хамзина Уюш прибыл в Кизляр для покупки князю «кож юфтенных красных три». В связи с этим эндиреевский владелец просил кизлярского коменданта его человека «приказать пропустить»¹⁶. В ответном письме от 3 октября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий эндиреевскому владельцу Темиру Хамзину писал, что на его прошение о покупке в Кизляре кожи дано разрешение¹⁷.

Как выше указывалось, в кумыкские владения савдагары ввозили железо. Несмотря на информацию о наличии в Кумыкии железной руды в местности Гасан Солган вблизи сел Карабудахкент и Казанище, железа, промышленного в них, не хватало. Железо для местного и кузнечного, и оружейного дела покупали в России, Иране и Крыму [7, с. 55]. Так, в письме от 26 мая 1765 г. кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову содержится просьба эндиреевского владельца Темира Хамзина позволить купить для него железо¹⁸. Темир Хамзин в аналогичном

письме (1765) снова обратился к генералу Н. А. Потапову с просьбой позволить его кузнецу купить в Кизляре железо: «Податель этого письма – мой человек – кузнец. Мы послали его к Вам, так как ему нужно немного железа. Ради нас прошу распорядиться дозволить, ему купить железо, – мы в нем очень нуждаемся»¹⁹. Идентичным по содержанию является письмо от 8 февраля 1767 г. аксаевской владелицы Джана Эльмурзина кизлярскому коменданту Н. А. Потапову с просьбой позволить купить «для оковы сундуков» пять тысяч железных гвоздей и один пуд железа²⁰.

Определенный интерес в плане исследуемой проблемы вызывают письма аксаевской княгини Девлет хан бике Арсланбековой кизлярским комендантам. Например, в письме от 6 октября 1751 г. она просит у коменданта Л. И. Дебеаусобрия разрешения купить в Кизляре арбузы, рыбу и жир²¹. Как и следовало ожидать, в ответном письме от 14 октября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий удовлетворил просьбу княгини Девлет хан бике: «Письмо ваше через присланного от вас узденя Джи Магула я исправно получил, по которому рыбий жир и икры, и арбузов, сколько они отыскать могли узденю вашему купить позволено и до вас обратно отправлен»²².

Письмо Девлет хан бике Арсланбековой от 15 декабря 1751 г., адресованное кизлярскому коменданту Л. И. Дебеаусобрию содержит информацию о покупке княжеским узденем Абдуллоем в Кизляре скота, в частности двух быков²³. Аналогичным по содержанию является письмо княгини Девлет хан бике Арсланбековой от 1 апреля 1753 г., адресованное кизлярскому коменданту И. Л. фон Фрауендорфу, с просьбой позволить купить в Кизляре ее савдагарам Жан Мурзе и Бутаная одну лошадь, одного вола, одну арбу рыбы и беспрепятственно пропустить их с товаром «дозволить»²⁴.

Как свидетельствуют документы Кизлярского комендантского архива, чаще ввозили в кумыкские владения хлеб и скот. Так, в письме от 17 декабря 1751 г. супруги эндиреевского владельца Темира Хамзина княгини Тутума на имя кизлярского коменданта Л. И. Дебеаусобрия содержится просьба позволить купить трех волов и пропустить их беспрепятственно через Каргинской форпост²⁵. В ответном письме от 24 декабря 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий разрешил

¹⁴ Там же. Л. 71.

¹⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 556. Л. 13.

¹⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 227. Л. 96.

¹⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 65 об.

¹⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 596. Л. 6.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

²⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 651. Л. 83.

²¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 227. Л. 107.

²² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 67.

²³ Там же. Л. 16, 16 об.

²⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 290. Л. 25.

²⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 18.

уздению эндириевской княгини Тутум бике Халмею приобрести быков в Кизляре²⁶.

В плане исследуемой проблемы весьма информативно письмо от 25 августа 1753 г. аксаевского владельца Магомеда Уцмий Султанмамутова, адресованное на имя И. А. фон Фрауендорфа, в котором он просил кизлярского коменданта разрешить для свадьбы приобрести пять буйволов, пять быков, восемьдесят баранов и четырех лошадей²⁷. С аналогичной просьбой обратился 5 мая 1755 г. аксаевский владелец Каплан-Гирей Ахмадханов к И. А. фон Фрауендорфу с просьбой позволить в Кизляре купить двух быков и пропустить их обратно беспрепятственно²⁸. В письме от 4 марта 1762 г. на имя кизлярского коменданта Алексея Алексеевича Ступишина костековский владелец Алиш Хамзин просил о разрешении его человеку купить в Кизляре одного быка²⁹. В другом письме от 6 января 1763 г. Алиш Хамзин просил А. А. Ступишина пропустить в Кизляр его человека Каплана для покупки сорока баранов³⁰.

Как выше указывалось, солидным предметом ввоза в кумыкские владения служил хлеб. В письме от 1 мая 1755 г. кизлярскому коменданту И. А. фон Фрауендорфу аксаевская княгиня Бикебай бики Казаналыпова обратилась с просьбой разрешить купить шесть арб хлеба³¹. С аналогичной просьбой обратился к И. А. фон Фрауендорфу аксаевский владелец Каплан-Гирей Ахмадханов в своем письме от 4 мая 1755 г., в котором просил кизлярского коменданта беспрепятственно пропустить через его торгового человека «шесть чувалов хлеба»³².

Помимо хлеба, из сельскохозяйственных товаров в Кумыкию ввозили просо. В письме эндириевского владельца Темира Хамзина от 5 мая 1755 г. на имя кизлярского коменданта И. А. фон Фрауендорфа содержится просьба разрешить его человеку купить в Кизляре одну арбу проса: «Вашего высокородия прошу посланному моему человеку Баисунгуру приказать в Кизляре купить проса одну арбу для его крайней надобности и пропуском дозволить, и дабы ему ни от кого обид показывано не было»³³. С аналогичной просьбой к кизлярскому коменданту обратились 12 и 15 мая 1755 г. аксаевские владельцы Магомеда Уцмий Султанмамутов и владелец Каплан-Гирей Ахмадханов, 16 мая 1755 г. –

костековский воевода князь Алиш Хамзин, 17 мая 1755 г. – аксаевская княгиня Бикебай бике Казаналыпова³⁴.

Следует отметить, что среди писем кумыкских владельцев, адресованных кизлярским комендантам, мы нередко видим, что они содержат информацию о покупке лекарств. В письме от 10 июня 1764 г. эндириевский владелец Темир Хамзин обратился к кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой разрешить его человеку купить в Кизляре лекарства «к излечению болезни»³⁵. Просьба эндириевского владельца Темира Хамзина была повторена и в письме от 11 ноября 1764 г., в котором он просил кизлярского коменданта позволить купить лекарство «курай дарман» для лечения болезни его дочери Пачая³⁶.

В рассматриваемый период в регионе значительным спросом пользовались лошади. Ввиду их важного значения для нужд армии просьбы кумыкских владельцев по поводу покупки лошадей не всегда удовлетворялись российскими властями на Кавказе. В свете сказанного интересным представляется письмо от 8 октября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрия, отправленное на имя костековского владельца Алиша Хамзина: «По письму вашего сиятельства, хотя здесь в лошадях за покупкою на армию, а паче падежом крайней не недостаток... Однако для вас одна лошадь цевки серебра, да одно золото... Мелко Данилову купить позволено и до вас отправлено»³⁷. Думается, что кизлярский комендант Л. И. Дебеаусобрий не отказал Алишу Хамзину потому, что тот находился на службе у российской короны, был костековским воеводой и имел чин бригадира. В остальных случаях подобные просьбы редко удовлетворялись.

В 1744 г. Коллегией иностранных дел в силу причины приближения к границам России на Кавказе войск Надир-шаха местному населению было запрещено прогонять в Иран лошадей под угрозой конфискации живого товара. Поэтому засулакские феодальные владельцы и их уздени нередко осуществляли прогон к персидским границам лошадей контрабандно. А закупали их заранее у кабардинцев и калмыков [2, с. 250–251].

Иногда и сами кизлярские коменданты обращались к засулакским князьям с просьбой оказать содействие отправленным от них людям в приобретении лошадей. Так, в письме от 18 июля 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий просил аксаевского владельца Каплан-Гирей Ахмадханова по прибытии

²⁶ Там же. Л. 74 об.

²⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 289. Л. 52, 52 об.

²⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 336. Л. 41, 41 об.

²⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 135 об.

³⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 542. Л. 26.

³¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 336. Л. 7.

³² Там же. Л. 19.

³³ Там же. Л. 46.

³⁴ Там же. Л. 80, 88, 94, 110, 110 об., 138.

³⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 567. Л. 137.

³⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565. Л. 10, 10 об.

³⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 66 об.–67.

в Аксай его человека Ивана Григорьева вместе с одним тезиком ногойцем помочь ему купить лошадь для самого генерал-фельдмаршала и кавалера Семена Кирилловича Нарышкина и при возвращении в Кизляр для их безопасности дать проводника³⁸. В аналогичном письме от 21 июня 1762 г. кизлярский комендант Алексей Алексеевич Ступишин просил костекковского князя Алиша Хамзина помочь его людям ротмистру Александру Кирееву и сержанту Герасимову купить для «Его Императорского Величества к полевой езде способных лошадей»³⁹.

Следует отметить, что просьбы кумыкских владетелей о дозволении покупок сельскохозяйственных и ремесленно-производственных товаров охотно удовлетворялись кизлярскими комендантами. Здесь в качестве доказательства уместно привести письмо Л. И. Дебеаусобрия от 30 октября 1751 г., адресованное аксаевскому владетелю Арасланбеку Султанмамуту о дозволении его савдагару узденю Акмурзе купить в Кизляре «для своих нужд разных товаров»⁴⁰. В другом письме от 29 октября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий дал разрешение отправленному в Кизляр узденю костекковского воеводы князя Алиша Хамзина Казию «покупку потребных надобностей»⁴¹.

Торгово-фискальная политика российских властей на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в.

Торговые связи с Кизляром не всегда осуществлялись в мирной обстановке. Со стороны российской военной администрации в лице кизлярских комендантов чинились и некоторые препятствия, о чем свидетельствуют жалобы кумыкских владетелей. По этому поводу А. С. Акбиев приводит интересный документ – письмо от августа 1749 г. шамхала Хасбулата, адресованное кизлярскому коменданту ген.-лейтенанту А. П. Девицу. В нем тарковский правитель выражает недовольство А. П. Девицу в том, что его савдагарам в Кизляре запрещено российскими властями покупать «юфтей, кремней и прочего» и «по покупке от вас запрещено по заставам пропускать». Далее в письме Хасбулат Тарковский в категорической форме требует от кизлярского коменданта «оное все отложить» и позволить его савдагарам беспрепятственно осуществлять торговую деятельность в Кизляре, ибо в противном случае русским, грузинским и армянским купцам «и прочим потому и чинимо будет» [2, с. 243]. Письмо шамхала Хасбулата от 12 мая 1755 г. кизлярскому коменданту И. Л. фон Фрауендорфу вовсе содержит просьбу возвратить приобретенный для него в Крыму и задержанный в Кизляре свинец: «Сим дружеским

письмом вашему высокородию объявляем, человек мой Абдулла едущей из Крыма с товаром у вас в Кизляре был и сюда пропущен. Токмо у оного задержано свинцу шестьдесят фунтов, которой задерживать бы и надобности не предвидится, ибо оной куплен в Крыму. Для того прошу сего с подателем человеком моим Юсупом тот свинец ко мне приказать пропустить»⁴².

Подобные препятствия со стороны российских властей вызывали недовольство и засулакских владетелей. В письме от 19 января 1756 г. кизлярскому коменданту И. Л. фон Фрауендорфу говорится о претензиях костекковского воеводы Алиша Хамзина не задерживать его торговых людей в Кизляре: «вашего высокородия прошу неужерно в Кизляр из подвластных моих для всяких нужд пропустить»⁴³.

Действительно, вдоль р. Терек в конце 40-х гг. XVIII в. российские власти учредили казачьи разъезды с целью пресечения беспопластной торговли [2, с. 243]. Естественно, это не могло не вызвать волну негодования кумыкских владетелей. Свидетельством тому служат их письма кизлярским комендантам. Так, аксаевская владелица Девлет хан бике Арсланбекова в письме от 22 мая 1753 г. обратилась с просьбой к кизлярскому коменданту И. Л. фон Фрауендорфу не взимать с ее савдагаров пошлины за товары, покупаемые в Кизляре: «Ныне намерение имею ехать в деревню Ункуч и для того съезду нужду имею. Того ради вашего высокородия прошу по покупке тех товаров с подателя сего письма приказать пошлину не брать»⁴⁴. С аналогичной просьбой обратился к кизлярскому коменданту тарковский шамхал Хасбулат 25 мая 1753 г.⁴⁵ Российские власти понимали важность торговли с Кумыкией в целом. Думается, в основном поэтому в 1764 г. они отменили пошлины с товаров кумыкских савдагаров, ввозимых ими в Кизляр [2, с. 244].

О мерах российских военных властей по обеспечению безопасности торговли в Приморском Дагестане в 40–60-х гг. XVIII в.

В рассматриваемый нами хронологический отрезок времени торговые связи кумыков, как и народов Дагестана в целом, с Россией поддерживались через Каспийское море и по сухопутной караванной магистрали Астрахань–Кизляр–Эндирей–Тарки–Дербент и далее в страны Закавказья и Персию [8, с. 73].

Необходимо подчеркнуть, что торговый путь, пролежавший через Приморский Дагестан, не был безопасным. Наоборот, он таил серьезные препятствия для торговых

³⁸ Там же. Л. 50 об.

³⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 163, 163 об.

⁴⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 69 об.

⁴¹ Там же. Л. 69 об.–70.

⁴² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 33. Л. 76.

⁴³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 353. Л. 33, 33 об.

⁴⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 291. Л. 27.

⁴⁵ Там же. Л. 35.

караванов, уязвимых на суше. Опасность подстерегала как местных, так и российских и иностранных купцов [9, с. 12]. Об этом, в частности, свидетельствуют документы Кизлярского комендантского архива, содержащие ценную информацию по данной проблеме. Рассмотрим некоторые из них. В письме от 24 сентября 1751 г. кизлярскому коменданту Л. И. Дебеаусобрию шамхал Хасбулат обратился с просьбой вернуть отнятые при переправе через реку Сунжу брагунским владельцем Мундаром во главе с гребенскими казаками у его торговых людей Дахана Киши и Ажи Алиева лошадей и товаров⁴⁶.

В ответном письме от 26 сентября 1751 г. Л. И. Дебеаусобрий уведомляет шамхала Хасбулата, что отобранные гребенскими казаками у его людей товар и лошади находятся в целостности и сохранности: «Вашего сиятельства дружеское письмо через ближнего вашего Аджы Аминева, которым требовать изволите покупных лошадей и товар, которые отбиты брагунским владельцем Мундаром и гребенскими казаками у подвластных ваших об отдаче я исправно получил, на которое дружеский ответствую. Брагунским владельцем князем Мундаром Кучюковым и гребенскими казаками у подвластных ваших людей лошадей и товар в отбитии имеются я не известен... А ныне уведомился вашему сиятельству объявляю об оном табуна и товаре, а особливо б, во-первых, о пропуске [требовать от меня, почему, и пропущены были б] через учрежденные заставы требовать от меня, почему, и пропущены были без задерживания, но оное как видимо ими Мундаром и гребенскими казаками учинено в не знании товар тот ваш и люди. Чего ради в оном имеете быть надежны, яко взятое в целостности находится будет, ибо от меня к главной команде представлено, и на мое скорейшей резолюции ожидаю»⁴⁷.

Из содержания письма мы видим, что здесь не идет речь о разграблении савдагаров тарковского правителя гребенскими казаками. Служилый брагунский владелец Мундар Кучюков по неведению конфисковал лошадей и товар тарковских савдагаров при прохождении через казачий разъезд на р. Сунже. Кизлярский комендант Л. И. Дебеаусобрий дружелюбно дает понять шамхалу Хасбулату, что его товар в сохранности и он вскоре все получит.

Ради справедливости следует подчеркнуть, что российские власти в целом были заинтересованы в обеспечении безопасной и беспрепятственной торговли в регионе. Интересы торгового капитала требовали от российской военной администрации на Кавказе действенных мер по созданию благоприятных условий для развития торговли и прежде всего безопасности на дорогах [10, с. 18].

На рассматриваемую нами проблему проливает свет рапорт капитана Ивана (его фамилия в документе написана неразборчиво) от 7 марта 1754 г. кизлярскому коменданту И. Л. фон Фраундорфу об ограблении казаками каравана

тарковских купцов, в котором сообщалось, что 5 марта прибывший к нему «от аксаевского владельца Каплан-Гирея с письмом крымский татарин мулла Ахмед Алиев просил вашего высокородия, что прибыл де он в калмыцкие улусы с товаром и, распродав тамо свой товар и накупя в калмыках товару ехал с товарищем назад тому дней с пятнадцать и прибыл в урочище Мекен, где де во время переправления его обще с тарковскими жителями не успел переправить одну арбу наехав на них казаков человек до тридцати и ту у них одну арбу отбили и увезли, а они поехали в те свои и велено мне оным вашего высокоблагородия ордером справиться обстоятельно и вашими мерами разведывать и по приложенной притом ордере в реестру все те вещи отыскать неотменно, как наискорее не упуская ни малого времени и по взятое при рапорте в Кизляр и с теми вещами главного к то притом деле был прислать»⁴⁸.

Из данного документа мы видим, что при переправе в урочище Мекен были ограблены тарковские савдагары. Тридцать человек казаков силой отняли и увезли арбу с купеческим товаром. В связи со случившимся инцидентом капитан просил кизлярского коменданта помочь разведать про украденный товар и оказать содействие в его возврате пострадавшим купцам. К сожалению, мы не можем сказать, чем завершилось данное дело, т. к. не располагаем соответствующим документом. Несомненно одно – обеспечение безопасности торгового пути было нелегким делом. Могли ограбить всех проезжих купцов, независимо от национальности и веры. Российские власти предпринимали меры в целях обеспечения безопасности на дорогах, возмещению ущерба ограбленным купцам и т. д. [10, с. 18].

Заключение

К середине XVIII в. усилились, приняли интенсивный характер торговые связи кумыков с Россией. Это мы видим из торговой переписки рассматриваемого периода кумыкских правителей с российскими властями на Кавказе. Важно подчеркнуть, что кумыкские государственные образования занимали Прикаспийскую полосу Дагестана. Такое географическое положение не могло не наложить отпечаток на экономику местного населения. Нахождение кумыкских государственных образований на пересечении важных торговых путей позволяло местным правителям контролировать местную торговлю. Географическое положение выгодно выделяли кумыкские государственные образования среди политических структур Дагестана. Именно на Кумыкской равнине локализовались торговые центры Дагестана, способствовавшие интеграции в экономическое пространство России не только кумыков, но и горских народов.

Важно понимать, что торгово-экономические связи кумыков с русскими особенно усилились в период нахождения кумыкских земель в составе Российской империи.

⁴⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 227. Л. 73.

⁴⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 64 об.

⁴⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 315. Л. 22–23.

Предыдущий опыт взаимодействия с горскими народами региона показал, что более действенным методом в реализации кавказской политики России являлась именно торговля, позволявшая ей во многом усилить свои позиции в регионе. Это, на наш взгляд, важнейший этап российского проникновения на Кавказ, связанный со сменой военно-силовых методов на политику торгово-экономических выгод. Снижая или отменяя пошлины, одаривая подарками местных владетелей, Москва добилась перехода в подданство России большинства влиятельных кумыкских политических фигур в Дагестане.

Материалы Кизлярского комендантского архива, как никакие другие, позволяют лучше проследить этот процесс. Кумыкские князья активно втягивались в торговлю

с Кизляром, превратившимся к тому времени в важный торгово-экономический центр региона. Торговля с Кизляром была взаимовыгодной, удовлетворяла внутренние потребности кумыкских владений и в то же время обеспечивала российский рынок товарами, привозимыми кумыкским савдагарами в русские города: шелком-сырцом, мареной, хлопком – игравшими важное значение в развитии отечественной мануфактурной промышленности. В документах XVIII в. содержатся информативные сведения о приезде с товарами в Кизляр эндиреевских, аксаевских, костековских и тарковских савдагаров. Кумыкские владетели старались обеспечить им беспрепятственную торговлю в Кизляре, впрочем, как и в других городах России, т. к. это отвечало в первую очередь и их торговым интересам.

Литература

1. Кидирниязов Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 490 с.
2. Акбиев А. С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала: Новый день, 2000. 303 с.
3. Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 2. С. 165–170.
4. Абдусаламов М.-П. Б. Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 7–15.
5. Абдусаламов М.-П. Б. Экономическое развитие кумыкских феодальных владений в XVIII – начале XIX в. // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 11–15.
6. Магомаев В. Х., Магомаева Ф. В. Российская политика на Северном Кавказе в конце XVII – первой половине XIX в. М.: Парнас, 2018. 362 с.
7. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские государственные образования в стратегических планах России на Северном Кавказе в XVII – первой четверти XVIII в. М.: Парнас, 2017. 264 с.
8. Абдусаламов М.-П. Б., Магарамов Ш. А. Институт «берегового права» в отношениях российских властей и правителей Северного Дагестана в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 72–79.
9. Абдусаламов М.-П. Б. Роль кумыкских феодальных владетелей в обеспечении безопасности торгового пути в Приморском Дагестане в первой половине XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 5. С. 12–14.
10. Абдусаламов М.-П. Б., Муртазаев А. О. Роль российских властей в обеспечении безопасности торговли в Приморском Дагестане в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8. С. 16–19.

Trade Correspondence between Kumyk Feudal Lords with the Russian Military Administration in the Caucasus in the 1740's–1760's (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)

Magomed-Pasha B. Abdusalamov^{a, @}

^a Dagestan State Institute of National Economy, 5, Atayev St., Makhachkala, Russia, 367008

[@] vikingpasha@mail.ru

Received 07.08.2019. Accepted 22.11.2019.

Abstract: The research was based on the documents of funds 339 "Campaign Office of Lieutenant General A. P. Devits" and 379 "Kizlyar commandant". The documents were obtained from the Central State Archive of the Republic of Dagestan. The paper focuses on the trade correspondence between Kumyk rulers with the Russian military authorities in the Caucasus in the 1740's–1760's. The documents of the Campaign Office of Lieutenant General A. P. Devits and the Kizlyar curfew archive illustrate that the trade and economic ties between the Kumyks and Russia grew quite intensive by the middle of the XVIII century. Most part of the material has never been studied before. Kumyk rulers were interested in trade with the city of Kizlyar, as well as other Russian cities. The subsistence economy of Kumykia could not fully provide for the growing domestic needs of the local population, e.g. industrial products. According to their letters to the Kizlyar commandants, the Kumyk rulers sought to create favorable conditions for the local merchants – savdagars – in order to protect them from highway robberies. The gradual integration of the Kumyk lands into the all-Russian market contributed to their economic growth and the development of the productive forces in the region. At the same time, the trade was mutually beneficial. The savdagars imported raw silk, madder, and cotton, which were important for the development of domestic Russian industry.

Keywords: Russian Empire, Kumyk rulers, Kizlyar commandant, trade, goods, correspondence, savdagar, Tarki, Zaslak possessions

For citation: Abdusalamov M.-P. B. Trade Correspondence between Kumyk Feudal Lords with the Russian Military Administration in the Caucasus in the 1740's–1760's (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 881–889. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-881-889>

References

1. Kidirniyazov D. S. *The relationship of the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the XVIII – mid XIX century: political, trade, economic and ethnocultural aspects*. Makhachkala: ALEF, 2016, 490. (In Russ.)
2. Akbiev A. S. *The social structure of the Kumyks in the XVII–XVIII centuries*. Makhachkala: Novyi Den, 2000, 303. (In Russ.)
3. Abdusalamov M.-P. B., Chekulaev N. D. The role of Kizlyar in the trade and economic relations Kumyk fiefdoms with Russia in the XVIII century. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, 9(2): 165–170. (In Russ.)
4. Abdusalamov M.-P. B. The role of kumyks' trade centers in the trade economic ties of Russia with peoples of Northern Caucasus in XVIII century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 4(2): 7–15. (In Russ.)
5. Abdusalamov M.-P. B. The economic development of Kumyk feuds in XVIII and at the beginning of the XIX century. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2012, (3): 11–15. (In Russ.)
6. Magomaev V. H., Magomaeva F. V. *Russian politics in the North Caucasus in the late XVII – first half of the XIX century*. Moscow: Parnas, 2018, 362. (In Russ.)
7. Abdusalamov M.-P. B. *The Kumyk state formations in the strategic plans of Russia in the North Caucasus in the XVII – first quarter of the XVIII century*. Moscow: Parnas, 2017, 264. (In Russ.)
8. Abdusalamov M.-P. B., Magaramov Sh. A. The institute of "the coastal law" in the relations of the Russian authorities and the governors of Northern Dagestan in the XVIII century (on materials of Kizlyar curfew archive). *Modern scientific thought*, 2016, (4): 72–79. (In Russ.)
9. Abdusalamov M.-P. B. Role of the Kumyk feudal lords in safety of the trade way in Seaside Dagestan in the first half of the XVIII century (on the materials of Kizlyar commandant's archive). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2016, 22(5): 12–14. (In Russ.)
10. Abdusalamov M.-P. B., Murtazaev A. O. Role of Russian authorities in providing trade security in Coastal Dagestan in the XVIII century (by the materials of Kizlyar commandant archive). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, 8 (70): 16–19. (In Russ.)

Конституция А. И. Гучкова – праволиберальный проект Основного закона Российской империи или черновик партийной программы?

Дмитрий В. Аронов^{a, @}; Светлана К. Жилаева^b

^a Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95

^b Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2

@ aronovdv@mail.ru

Поступила в редакцию 19.08.2019. Принята к печати 24.09.2019.

Аннотация: В статье анализируется политико-правовая природа документов, которые хранятся в личном фонде создателя и лидера политической партии России начала XX в. «Союз 17 октября» А. И. Гучкова под названием «Проект конституции Российской империи». В российской историко-правовой науке сформировался подход к этим материалам как к проекту конституции России начала XX в., разработанному представителями правого крыла российского либерализма. Проведенный сравнительный анализ текста конституционного проекта Гучкова с материалами ряда вариантов программы политической партии «Союз 17 октября» показал, что он практически полностью совпадает с текстом двух вариантов партийной программы. Ряд выявленных признаков указывает на то, что он занимает промежуточное место между редакциями партийной программы октябристов, которые были последовательно приняты Первым и Вторым съездами партии, а также Московским Центральным комитетом партии. Сделан вывод о необходимости отнести анализируемый документ не к конституционным проектам, а к материалам партийно-политического творчества партии «Союз 17 октября». Соответственно, можно говорить об отсутствии у правого крыла либерального здания самостоятельного конституционного проекта.

Ключевые слова: либерализм, конституционный проект, Союз 17 октября, государственное устройство

Для цитирования: Аронов Д. В., Жилаева С. К. Конституция А. И. Гучкова – праволиберальный проект Основного закона Российской империи или черновик партийной программы? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 890–897. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-890-897>

Введение

Конституционное наследие отечественного либерализма имеет давнюю и устойчивую традицию как научного, так и общественно-политического осмысления в российской историографии. Оно возникло в качестве уникального общественно-политического явления в условиях жестких ограничений практически любой общественной активности со стороны официальной власти, локализованной в системе государства т. н. полицейского типа. Либеральное конституционное законодательство прошло эволюцию от набросков структуры российской конституции до эмигрантских проектов, которые сегодня воспринимаются скорее как наивные надежды представителей либеральной мысли, вытесненных ходом событий за пределы родной страны [1].

Несмотря на то, что либеральное конституционное законодательство изучается без идеологических стереотипов на протяжении уже более чем четверти века, мы не можем говорить, что оно исчерпало свой исследовательский потенциал. В наши дни новые грани обретает дискуссия о наличии национальной модели либерализма вообще и российской в частности, о совместимости либерализма

с насильственными методами преобразования общества [2–6], о присутствии в либеральном дискурсе тех, чья политическая практика (октябристы) вряд ли может быть однозначно соотнесена с безусловным признанием равных прав различных национальностей и в отношении ряда других вопросов политической жизни России начала XX в. [7; 8]. Полагаем, что и в ближней, и в дальней перспективе проблематика исследования сохранит свой непреходящий исследовательский интерес.

Материалы и методы

Базовым понятием, которым оперирует современная историческая и историко-правовая наука, выступает сегодня дефиниция *либеральные проекты Основного закона (Конституции) России*. Ее составляют документы, позволяющие дать оценку теоретической деятельности и партийной политико-правовой практике российского либерализма. Хронологически ряд этих документов открывает «освободительский» проект¹. При этом его текст более чем на 80 % был использован в тексте «харьковского» проекта [9]. В структурном и отчасти в содержательном

¹ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона. Режим доступа: <http://be.sci-lib.com/article075133.html> (дата обращения: 10.05.2014).

отношении, по кругу авторов «освободительский» проект органически взаимосвязан с самым известным либеральным проектом Основного закона России – «муромцевским»². Соответственно именно содержание этих двух законопроектов используется отечественными и зарубежными исследователями для характеристики либерального конституционного законодательства начала XX в. [10]. Этот подход вполне обоснован. Действительно, для работ общего характера, не имеющих в качестве специальной цели исследование либерального этапа российского конституционализма, этих материалов вполне достаточно.

Однако при постановке специальной исследовательской задачи по полной и всесторонней характеристике российского либерального законодательства крайне важным выступает привлечение в качестве эмпирических источников всего комплекса документов, чья внешняя форма и / или сущностное содержание позволяют присовокупить их к числу либеральных конституционных законопроектов.

Если мы будем следовать данной методологии, то в первую очередь следует включить в эмпирическую базу проект Московской городской думы (МГД), который также называют «герценштейновским» проектом. Он стал результатом деятельности группы либеральных депутатов МГД. Судя по всему, в массе своей они были связаны с деятельностью комиссии МГД по общим вопросам городского устройства. История создания проекта, круг лиц, входивших в число авторов, на сегодняшний момент практически не известны. Даже в диссертационной работе, в которой более чем подробно рассматривается деятельность гласных МГД, относящихся к различным политическим лагерям, в годы Первой русской революции, не упоминается ни сам проект, ни какие-либо сведения о работе над ним в эти годы [11].

Компаративистский анализ текста «герценштейновского» проекта с текстами, так сказать, классических образцов либерального конституционного законодательства начала XX в.³ показал наличие эволюционно-генетической связи. Она вполне логична как в силу общелиберальной ориентации их авторов, так и использования удачных находок ранних по происхождению текстов в более поздних проектах.

В качестве примера можно привести переработку «освободительского» проекта при написании «муромцевского» в сторону замены декларативно-политизированных положений на статьи с гораздо более высокой степенью юридизации. Если говорить о проекте МГД, то ему присуща иная архитектура, предполагающая принципиально новые, в сравнении с иными проектами, разделами. В частности, это блоки, посвященные рабочему вопросу, государственному регулированию экономики, финансовой сферы, местного

самоуправления. Данное обстоятельство, как и стиль и язык проекта, исключают из числа проектов-доноров «освободительский», впрочем, как и «муромцевский» проекты. С. А. Муромцев и его коллеги решили, казалось бы, нерешаемую задачу. Они сумели вогнать либеральные идеалы в прокрустово ложе текста уже действующих Основных законов России [12, с. 244–255].

Однако наиболее дискуссионным с точки зрения классики науки конституционного права и истории государства и права стал вопрос о включении в корпус либеральных конституционных проектов документа, известного в российской историографии под названием «Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством». Собственно о том, что этот текст не претендует на звание проекта Основного закона, писали уже его авторы в приложенной к нему сопроводительной записке. Они перечислили внешние обстоятельства, определившие стиль и содержание документа, которое было ограничено «кратким изложением тех положений, которые должны служить основой грядущих преобразований»⁴. Эклектичный текст, как мы все-таки полагаем, относящийся к категории конституционных проектов, сочетается с декларацией и заключением общеполитического содержания. В частности, все завершалось перечислением первоочередных сфер общественной жизни, которые, по их мнению, требовали незамедлительной реформы регулирующего их законодательства.

«Харьковский» проект представляет собой частичную переработку «освободительского» текста, не содержащую принципиальных изменений, и на настоящий момент является пока единственным известным нам проектом, который реализовал план «освободителей» пропагандировать в российском обществе идеи конституционализма именно посредством публикации проекта основного закона. Еще проект интересен тем, что изменения, которые присутствуют в нем сравнительно с «освободительским», мы практически полностью сохранившими видим в тексте «муромцевского» проекта. Последнее обстоятельство связано с общностью авторов «харьковского» и «муромцевского» проектов.

При этом все упомянутые нами конституционные проекты по их политической принадлежности можно отнести к центристским и отчасти леволиберально ориентированным разработкам политико-правового свойства [13, с. 113–120]. Открытым оставался вопрос о наличии подобных материалов у представителей праволиберальных политических кругов, которые в политической истории России традиционно соотносятся с деятельностью «Союза 17 октября» [14, с. 121–125]. В данном случае мы абстрагируемся от дискуссионного вопроса о соответствии

² Также существовало, но не получило распространения наименование проекта «земский». См.: Кокошкин Фёдор Фёдорович. Биография. Режим доступа: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html> (дата обращения: 15.08.2019).

³ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С. А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. К. К. Арсеньева, Н. И. Астрова, С. И. Бондарева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, Н. В. Давыдова, Н. А. Кабукова, А. А. Кизеветтера, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Котляревского, А. Р. Ледниченко, П. Н. Милокова, В. Д. Набокова, Н. В. Тесленко, А. А. Цурикова, кн. Д. И. Шаховского и Г. Ф. Шершеневич. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. [6], 419 с.

⁴ Проект Государственной Думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. № 21 (29 мая).

содержания политико-правовых практик октябристов⁵ либеральному символу веры и принимаем за основу тезис об октябризме как правом крыле либерализма в России.

Соответственно, наиболее репрезентативным материалом для поисков в этом направлении выступает документ, отложившийся в фонде А. И. Гучкова и получивший название «гучковской» конституции. К этому побуждает и само название архивного дела, в котором используется формула «Проект конституции Российской империи»⁶.

Неверно было бы говорить, что данный проект полностью обошли своим вниманием отечественные специалисты в области истории государства и права, политической истории России. Правда, следует отметить, что даже в работах, специально посвященных истории российского дореволюционного конституционализма, авторы порою не упоминают не только отечественных специалистов, много лет занимающихся этой проблематикой, хотя бы и представляющих иные отрасли научного знания, но даже собственно базовые либеральные проекты Основного закона и их авторов – С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошина, М. Я. Герценштейна и др. [15, с. 31–58, 162–178]. Системно и столь же подробно с применением компаративистских методов исследования, наряду с иными проектами Основного закона, «гучковский» проект до недавнего времени не рассматривался. Одним из первых авторов, обратившихся к его тексту, была Т. А. Пучина, которая в 1995 г. в кандидатской диссертации, посвященной вопросам государственного устройства в программах политических партий России, отнесла «гучковский» проект к актам т. н. английского типа. С этим выводом, если говорить о сущности документа, вполне можно согласиться. Однако в рамках поставленной исследовательской задачи главное внимание в работе было уделено типу предлагаемого в ней государственного устройства России [16, с. 75–76; 17]. Такова на сегодняшний день в самом общем виде историография проблемы и источниковая база исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

Определенную специфику имеет и методология, примененная в ходе проведения исследования. Наряду с устоявшимся вполне академичным набором общенаучных методов исследования есть определенная специфика в применении компаративистских (сравнительных) методов исследования. Она связана со спецификой источниковой базы. Говоря о конституционных проектах российского либерализма начала XX в. мы, по сути, имеем дело не столько с материалами юридического характера, сколько с источниками, отражающими политико-правовые взгляды их авторов и коллективных политических акторов, чью позицию они

выражали. При этом практически одновременно с этим массивом материалов формируется корпус партийной программтики, весьма близкой по смыслу и, если говорить о классическом развитии партийного законодательства, предшествующей ему. Однако в политической жизни России начала XX в. эти стадии порой менялись местами или развивались параллельно. Решая вопрос об определении базы для сравнительно-правового исследования, нами была разработана система критериев отнесения сгенерированных в начале XX в. материалов именно к конституционным проектам. Одной из целей ее разработки было отделение от конституционных проектов материалов партийной программтики. Помимо таких явных признаков, как собственно название того или иного документа и степень юридикализации его структуры и языка, есть ряд существенных отличий в этих видах источников. К наиболее явным относятся возможность дуализма в программтике и органическая невозможность этого в законопроектном материале.

Наиболее интересные результаты новая методология дала применительно к материалам политической партии «Союз 17 октября». Итогом стал отказ от ранее выдвинутого нами тезиса о существовании праволиберального проекта Основного закона России, основанного на материалах архивного фонда А. И. Гучкова.

Результаты

Говоря о проекте А. И. Гучкова как о документе, нельзя не отметить, как нам представляется, знаковые в свете последующих наших рассуждений детали. Они заключаются в том, что само архивное дело содержит три экземпляра документа, при этом в одном из них отсутствует страница. Судя по общим признакам печатного текста на всех страницах, эти три копии были выполнены на одной машинке. Какая-либо рукописная правка или пометки любого рода в проекте отсутствуют, как и какие-либо явные указания на авторство и дату его подготовки.

Материалы мемуарного характера, оставленные соратником А. И. Гучкова, активным участником организации «Союза 17 октября» Д. Н. Шиповым, материалы заседаний рабочих органов «Союза 17 октября»⁷, не содержат указаний ни на авторство проекта, ни на дату его появления, ни на историю его возникновения. Специалисты, занимающиеся историей отечественного либерализма, полагают, что большинство программных материалов октябристов готовили лидеры Санкт-Петербургского клуба общественных деятелей – прежде всего, М. В. Красовский и Ю. Н. Милютин. Если говорить об авторстве проекта, то в мемуарах Д. Н. Шипова⁸ мы периодически встречаем

⁵ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. / сост., автор предисл., введ. и коммент. Д. Б. Павлов, отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1996. С. 343–346.

⁶ Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 555 (Гучков А. И.). Оп. 1. Д. 5.

⁷ Партия «Союз 17 октября»...

⁸ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом / предисл., подгот. текста и коммент. канд. ист. наук С. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2007. 679 с.

ссылки на дефицит в партии кадров, способных оперативно работать с материалами, инициируемыми представителями государственной власти в период разработки изменений, вносимых в текст Основных законов России. Данной проблемы не возникало у кадетов, сосредоточивших в своей партии лучшие интеллектуальные силы страны. Они не только генерировали несколько проектов Основного закона России, отчасти нашедших свое воплощение в правительственном конституционном законодательстве, но и разработали совокупность законопроектов, которые, по их мнению, были необходимы для их реального правоприменения⁹.

При нашем первом обращении к тексту проекта, несмотря на определенные сомнения, связанные с архитектурой (внутренней структурой) документа, мы включили его в общий ряд либеральных проектов Основного закона, отнеся к праволиберальным проектам [18; 19]. Данное обстоятельство, как представлялось, позволяло показать все богатство способов включения в российское правовое поле совокупности базовых либеральных ценностей, уже обремененных в строго юридические, технически приемлемые имперским законодательством формулы.

«Проект Гучкова» в нашей первоначальной его оценке как проекта Основного закона по духу и сути явно принадлежал октябристам. В пользу этого предположения говорит как общелиберальный характер его базовых положений в области государственного устройства страны, так и института (в основном) прав человека. Проект также содержал своего рода фирменный знак отечественных октябристов: в него был включен весьма масштабный (более трети) относительно общего объема проекта раздел «Народное просвещение»¹⁰. Нельзя не отметить, что стиль и язык этого раздела явно отличны как от языка разделов «Государственное устройство» и «Права граждан», так и от стилистики норм конституционного законодательства, принятых в юриспруденции начала XX в. Эта часть проекта напоминала, скорее, декларацию на заданную тему.

Своеобразной сквозной темой целого ряда заседаний органов партийного руководства октябристов выступало требование о включении в партийную программу такого права, как право петиции. Данное право в тексте «гучковского» проекта присутствует¹¹. При сравнении структуры проекта (Государственное устройство, Права граждан, Народное просвещение) со структурой партийной программы октябристов¹² был сделан вывод, что программа выглядит и более системной, и более структурированной.

Это позволило сделать предположение о появлении проекта конституции еще до разработки партийной программы.

Общая оценка проекта «гучковской» конституции, его места в общем ряду либерального конституционного законодательства начала XX в. состояла в том, что он в силу явной необработанности структуры был оценен как явно уступающий «освободительскому» («харьковскому»), «муромцевскому» проектам и проекту МГД, превосходя при этом «екатеринославский» проект, не считая раздела по образованию.

Отсутствие в проекте даже намеков на вступление и заключение подвигло нас к предположению, что «гучковский» проект – это лишь часть проекта, который, судя по разнице в стилистике разделов, скорее всего, готовился несколькими рабочими группами. Отсутствовал в проекте и столь популярный у либералов сюжет, как реформирование судебной системы [20; 21], хотя в проекте мы постоянно встречаем указания на место и роль судебной власти в обеспечении института прав и свобод человека, фундаментальной основы либерального символа веры [22; 23].

Однако данное предположение оказалось ошибочным. Выявленные в ходе работы с источниками по истории российского либерализма начала XX в. детали позволили выявить знаковые совпадения текста т. н. проекта конституции А. И. Гучкова с октябристской программатикой. Данное обстоятельство подвигло нас к комплексному компаративистскому анализу текста законопроекта с соответствующими разделами ряда материалов, в которых отразилась эволюция партийной программы «Союза 17 октября»¹³. В первую очередь это вариант программы «Союза 17 Октября», принятый Первым съездом в феврале 1906 г., утвержденный Московским Центральным Комитетом (ЦК) в 1906 г. в преддверии Второго съезда партии, «Краткая политическая программа "Союза 17 октября"», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г., и изменения, внесенные в программу октябристов Вторым съездом, проходившим в феврале 1907 г.

Результаты сравнительного анализа показали, что особняком среди них стоит политическая программа, принятая Поволжским съездом, прочие же материалы совпадают практически дословно. Если сравнивать разделы, посвященные государственному устройству и правам человека, то они полностью идентичны в «гучковском» проекте и программе, принятой Московским ЦК. Единственное отличие состоит в том, что в шестой статье в программе Московского ЦК отсутствует одно слово. В формуле «Члены Государственной Думы избираются полноправными

⁹ См., например: Записка, составленная советом из Ковалевского В. И., Ковалевского М. М., Милукова П. Н., Гессена В. М., Головина Ф. А., Лазаревского Н. И. и Муромцева С. А., представленная государю по поводу выработанного Советом Министров проекта основного и избирательного закона // Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 281. Л. 1.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–3 об.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Программа «Союза 17-го октября» // Хронос. Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/1905prog14.php (дата обращения: 10.05.2014).

¹³ Программа «Союза 17-го октября» ...; Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г. [Н. Новгород: Тип. Т-ва тружеников печатного дела, 1906]. 8 с.; Партия «Союз 17 октября»... С. 341–342.

гражданами, имеющими в данной местности местожительство в течение определенного законом времени, из числа всех избирателей не моложе 25 лет, путем равной, реальной и закрытой подачи голосов прямой в городах, имеющих свое отдельное представительство, и двухстепенной в остальных местностях» убрано слово *реальной*. В них также идентичны и разделы, посвященные народному образованию.

Незначительные отличия выявляются при сравнении этих фактически единых текстов с текстом изменений, внесенных в программу партии Вторым съездом в феврале 1907 г. Это касается раздела «Государственное устройство», который изменился лишь на 4 %. Они относятся к первой статье, в которой в формулировку «Российская империя есть наследственная конституционная монархия...» добавили политически достаточно значимый акцент: «Российская империя есть *единая и нераздельная* наследственная конституционная монархия...». Не вошел в редакцию программы 1907 г. и термин *реальной* в контексте подачи голосов, отличающий «гучковский» проект от редакции Московского ЦК, каковая и была использована Вторым съездом. В ст. 7 (таблица) того же раздела при перечислении субъектов, избирающих часть Госсовета, формируемую по избранию, из перечня были убраны представители от «областей Империи».

Есть изменения и в ст. 11, где речь идет об ответственности министров. Здесь присутствует как стилистическая, так и содержательная правка. Что касается последней, то если в первоначальных вариантах для возбуждения судебного преследования в отношении министра было необходимо решение одной из палат, то в редакции Второго съезда для этого необходимо было совместное решение двух палат. Из этой же статьи была убрана та ее часть, в которой речь шла о том, что «Министр не может в этом

случае быть амнистирован или помилован без согласия народного представительства». Нетрудно заметить, что оба отмеченных изменения вполне существенны и однонаправленны в сторону некоторого сокращения прав народного представительства в отношении высшего эшелона представителей исполнительной власти.

Заключение

Выявленные в результате сравнительного анализа как общность, так и отличие текстов вполне убедительно доказывают, что документ, хранящийся в архивном фонде А. И. Гучкова под названием «Проект Конституции Российской Империи...», является одним из вариантов партийной программы «Союза 17 октября», который, судя по выявленным в нем отличиям от иных редакций октябристской программы, является промежуточным между редакцией Первого съезда и Программой, принятой Московским ЦК партии.

Истории было угодно распорядиться так, что либеральные рецепты оказались невостребованными политической практикой нашей страны начала XX в. Либеральные сценарии вообще не популярны в эпохи системных социальных кризисов, но тем значимее этот опыт на фоне истории нашей страны теперь уже прошлого века. Поиск материалов, свидетельствующих о типологии подходов российских либералов, представляющих собой весь спектр оттенков либерального мировоззрения, привел нас к отказу от определения «проект А. И. Гучкова» как праволиберального проекта основного закона России.

Однако это никоим образом не влияет на объединяющую их парадигму – ориентацию на ненасильственные методы социального проектирования и их претворения в жизнь

Табл. Сравнительный анализ текста «Проекта Конституции Российской Империи А. И. Гучкова» с текстами Партийных программ политической партии «Союз 17 октября», утвержденной Первым и Вторым съездом партии

Tab. Comparative analysis of the text of A. I. Guchkov's Draft Constitution of the Russian Empire and the Party programs "The Union of October 17" approved by the First and second Party Congresses

Проект Конституции Российской Империи А. И. Гучкова	Программа «Союза 17 октября», утвержденная Московским ЦК, 1906 г.	Программа партии «Союз 17 октября» в редакции Второго съезда, май 1907 г.
Члены Государственного Совета (верхняя палата) входят в его состав по назначению монарха (не более половины всего числа членов), по избранию от органов местного самоуправления в каждой из губерний и областей Империи и от органов местного самоуправления в городах, имеющих особых представителей в Государственной Думе, по избранию от духовенства различных вероисповеданий, от учреждений промышленности и торговли и от высших учебных заведений	Члены Государственного Совета (верхняя палата) входят в его состав по назначению монарха (не более половины всего числа членов), по избранию от органов местного самоуправления в каждой из губерний и областей Империи и от органов местного самоуправления в городах, имеющих особых представителей в Государственной Думе, по избранию от духовенства различных вероисповеданий, от учреждений промышленности и торговли и от высших учебных заведений	Члены Г. Совета (верхняя палата) входят в его состав по назначению монарха (не более половины всего числа членов), по избранию от органов местного самоуправления в каждой из губерний и областей империи и от органов самоуправления в городах, имеющих особых представителей в Г. Думе, по избранию от духовенства различных вероисповеданий, от учреждений промышленности и торговли и от высших учебных заведений

в ходе текущих политико-правовых практик. Весьма образно сказал об этом брат Петра Столыпина – Александр Столыпин, который на общем собрании членов «Союза 17 октября» 28 января 1906 г., предшествовавшем Первому партийному съезду «Союза 17 октября», обратился к собравшимся со следующими словами: «Наша программа отрицает всякий насильственный путь для достижения свободы; мы заранее указали, как нам чужды и отвратительны кровопролития, хотя бы оправданные защитой наших прав. Это послужило

чертой, отмежевывающей нас от революционных партий»¹⁴. Подобный принцип логически подводил октябристов к соответствующим выводам о понимании государства как главной преобразующей силы российского социума. Но судя по всему, концепции правого крыла российского либерализма в области государственного переустройства не вышли на уровень конституционных проектов, остановившись на стадии партийной программтики.

Литература

1. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.
2. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. 280 с.
3. Мальшева О. Г. Развитие конституционных идей и зарождение парламентаризма в России. I и II Гос. думы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 181 с.
4. Медушевский А. Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.
5. Пархоменко А. Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М.: Молодая гвардия, 1998. 159 с.
6. Пахоленко Н. Б. Из истории конституционных проектов в России. М.: ИГП РАН, 2000. 83 с.
7. Карнишин В. Ю. Конституционализм М. П. Драгоманова в контексте общественно-политического развития Украины второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 51–58.
8. Карнишин В. Ю. Модернизация и российское общество в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 3–8.
9. Аронов Д. В., Шепарнева А. И., Леонова И. А., Кошелева С. В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества – место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.
10. Шаццло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1996. 354 с.
11. Ваовин С. Е. Деятельность партийно-политических групп гласных Московской Городской Думы 1904 – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 491 с.
12. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX в. – начало XX в. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2016. 765 с.
13. Шелохаев В. В., Соловьев К. А. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М.: Гос. Дума, 2013. 240 с.
14. Макаров Н. В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М.: Памятники ист. мысли, 2015. 392 с.
15. Боброва Г. С. Становление российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 178 с.
16. Пучина Т. А. Вопросы государственного устройства и управления в программных документах и материалах политических партий России начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 142 с.
17. Дарчиева С. В. Вопросы государственного устройства и Государственная дума Российской империи в начале XX в. // Власть. 2015. № 7. С. 153–157.
18. Аронов Д. В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» – из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53.
19. Аронов Д. В., Коновалова М. А. Государственное устройство России в проекте конституции Александра Ивановича Гучкова // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 2. С. 7–11.
20. Демичев А. А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. 2012. № 5. С. 2–5.
21. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
22. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.
23. Кравец И. А. Формирование конституционализма в России (проблемы теории и практики). М.: ЮКЭА, 1995. 360 с.

¹⁴ Партия «Союз 17 октября»... С. 87.

Was A. I. Guchkov's Constitution a Right-Liberal Draft of the Basic Law of Russian Empire or a Party Program?

Dmitry V. Aronov^{a, @}; Svetlana K. Zhilyaeva^b

^a Orel State University, 95, Komsomolskaya St., Orel, Russia, 302026

^b Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2, Ignatova St., Orel, Russia, 302027

@ aronovdv@mail.ru

Received 19.08.2019. Accepted 24.09.2019.

Abstract: The article analyzes the political and legal nature of "The Draft Constitution of the Russian Empire" stored in A. I. Guchkov's personal archive. A. I. Guchkov was the founder and leader of "The Union of October 17", a political party formed in the early twentieth century Russia. Russian historical and legal science considers these materials as a draft Constitution drawn by the representatives of the right wing of Russian liberalism. We conducted a comparative analysis of Guchkov's Constitution and the versions of "The Union of October 17" political party programs. The Constitution proved almost identical with the texts of two versions of the party program. The draft could fill the intermediate place in a series of different versions of the party program. The party programs were successively adopted by the first and second party Congresses and the Moscow Central Committee. Therefore, it is necessary to refer the document not to the constitutional projects, but to the legal and political materials of "The Union of October 17". Thus, the right wing of the liberal forces had no independent constitutional project.

Keywords: liberalism, draft constitution, The Union of October 17, state structure

For citation: Aronov D. V., Zhilyaeva S. K. Was A. I. Guchkov's Constitution a Right-Liberal Draft of the Basic Law of Russian Empire or a Party Program? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 890–897. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-890-897>

References

1. Shelokhaev V. V. *Constitutional Democratic Party in Russia and emigration*. Moscow: ROSSPEN, 2015, 863. (In Russ.)
2. Shelokhaev V. V. *The liberal model of the reorganization of Russia*. Moscow: ROSSPEN, 1996, 280. (In Russ.)
3. Malysheva O. G. *The development of constitutional ideas and the emergence of parliamentarism in Russia. I and II State Duma*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1994, 181. (In Russ.)
4. Medushevsky A. N. Constitutional projects of Russian liberalism and its political strategy. *Voprosy istorii*, 1996, (9): 3–23. (In Russ.)
5. Parkhomenko A. G. *The ideas of Russian constitutionalism and their implementation in domestic constitutional (state) law*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1998, 159. (In Russ.)
6. Pahkolenko N. B. *From the history of constitutional projects in Russia*. Moscow: IGP RAN, 2000, 83. (In Russ.)
7. Karnishin V. Yu. Constitutionalizm of M. P. Dragomanov sociopolitical development of Ukrainian in the second half of XIX century. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 2013, (4): 51–58. (In Russ.)
8. Karnishin V. Yu. Modernization and Russian society in the early XX century. *University proceedings. Volga region. Humanities*, 2012, (3): 3–8. (In Russ.)
9. Aronov D. V., Sheparneva A. I., Leonova I. A., Kosheleva S. V. Draft of the basic law of the Russian Empire of the Kharkov law society – place and role in the liberal constitutional lawmaking in the early XX century. *History of State and Law*, 2017, (1): 60–64. (In Russ.)
10. Shatsillo K. F. *Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907*. Moscow: Nauka, 1996, 354. (In Russ.)
11. Vdovin S. E. *The activities of party and political groups of counselors of the Moscow City Duma 1904 – February 1917*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2002, 491. (In Russ.)
12. *Reforms in Russia from ancient times until the end of XX century. Vol. 3. The second half of the XIX century – early XX century*, ed. Shelokhaev V. V. Moscow: ROSSPEN, 2016, 765. (In Russ.)
13. Shelokhaev V. V., Soloviev K. A. *History of the activities of the first State Dumas of pre-revolutionary Russia: a comparative analysis of the traditions of law-making*. Moscow: Gos. Duma, 2013, 240. (In Russ.)
14. Makarov N. V. *Russian liberalism of the late XIX – early XX century in the mirror of Anglo-American historiography*. Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2015, 392. (In Russ.)
15. Bobrova G. S. *The formation of Russian constitutionalism*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2016, 178. (In Russ.)

16. Puchina T. A. *Issues of state structure and management in program documents and materials of political parties in Russia in the early XX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1995, 142. (In Russ.)
17. Darchieva S. V. State system and the State Duma of the Russian Empire at the beginning of the 20 century. *Vlast*, 2015, (7): 153–157. (In Russ.)
18. Aronov D. V. "The draft of the Russian empire constitution which includes the following sections: state structure, civic rights, and public education" – extract from political and legal heritage of Alexander Ivanovich Guchkov. *History of State and Law*, 2014, (24): 49–53. (In Russ.)
19. Aronov D. V., Konovalova M. A. The state structure in Russia in the draft constitution of the Russian empire set forth by Alexander Ivanovich Guchkov. *Scientific notes of Orel State University*, 2019, (2): 7–11. (In Russ.)
20. Demichev A. A. On trends in the study of judicial reform of 1864. *History of State and Law*, 2012, (5): 2–5. (In Russ.)
21. Leontovich V. V. *The History of Liberalism in Russia (1762–1914)*. Moscow: Russkii put, 1995, 444. (In Russ.)
22. Shelokhaev V. V. *The Cadets are the main party of the liberal bourgeoisie in the struggle against the revolution of 1905–1907*. Moscow: Nauka, 1983, 328. (In Russ.)
23. Kravec I. A. *The formation of constitutionalism in Russia (problems of theory and practice)*. Moscow: YuKEA, 1995, 360. (In Russ.)

Феномен Н. Д. Хвощинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского

Сергей В. Гаврилов^a, @, ID

^a Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, 454135, Россия, г. Челябинск, ул. Энергетиков, 63

@ sv.gavrilov@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2449-5058>

Поступила в редакцию 14.10.2019. Принята к печати 04.12.2019.

Аннотация: Цель – ретроспективный анализ исторической идентификации образа известной российской писательницы Н. Д. Хвощинской, предпринятой историком-народником В. И. Семевским. Для реализации намеченной цели были привлечены архивные и опубликованные источники. Источниковая база исследования включает в себя материалы личного происхождения (письма, мемуары), периодику, биографический очерк и научные труды В. И. Семевского. Методологическую основу составляют метод критического анализа источников по теме статьи; метод конкретности, определивший отбор источников для изучения темы; смысловой анализ источников путем сопоставления анализируемых данных со сведениями из других источников. Субъективные описания В. И. Семевского позволяют интерпретировать его собственные взгляды на такие актуальные для своего времени вопросы социального развития, как определение места и роли женщины в обществе и воспитание молодого поколения. Историк не делал скрупулезного анализа художественных достоинств произведений Н. Д. Хвощинской, но представил их исчерпывающий библиографический перечень. Сделан акцент на характеристике оценок В. И. Семевского в отношении различных этапов деятельности Н. Д. Хвощинской как писателя и литературного критика. Показано неоднозначное с точки зрения морали введение автором биографии в научный оборот ряда источников личного происхождения. Статья заканчивается выводом о том, что В. И. Семевский как первый биограф Н. Д. Хвощинской-Зайончковской мог ставить перед собой три задачи: 1) предотвращение забвения писательницы; 2) своеобразная идеологическая приватизация, представление ее близкой народничеству; 3) характеристика Н. Д. Хвощинской как образца женщины-труженицы и носителя идеальных этических принципов, близких историку-народнику.

Ключевые слова: женский вопрос, эмансипация, биографика, В. Крестовский-псевдоним, интеллигенция, народничество, субъективизм

Для цитирования: Гаврилов С. В. Феномен Н. Д. Хвощинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 898–906. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-898-906>

Введение

В отечественной историографии российский историк-народник Василий Иванович Семевский (1848–1916) традиционно ассоциируется с исследованием истории крестьянства, крестьянского вопроса и общественно-политической мысли XVIII – первой половины XIX в., а также рабочего класса и золотопромышленности Сибири после опубликования в конце 1880-х – 1890-е гг. серии статей по истории быта рабочих и обширного двухтомного исследования «Рабочие на сибирских золотых промыслах» при активной финансовой поддержке известного иркутского мецената И. М. Сибирякова. Вне поля зрения ученых незаслуженно остаются произведения биографического жанра, вышедшие из-под пера исследователя в 1870-х – начале 1890-х гг. [1–9]. Одной из таких работ является первая биография Надежды Дмитриевны Хвощинской-Зайончковской (1821–1889), женщины-литератора, получившей наибольшую

известность как прозаик под псевдонимом В. Крестовский. Историография изучения жизни и литературного наследия Н. Д. Хвощинской относительно скромна. В первые месяцы после смерти писательницы пресса отзывалась о ней в основном некрологическими заметками. Редкими исключениями в дореволюционный период являлись воспоминания А. А. Веницыной [10], В. Р. Зотова [11], П. Д. Хвощинской [12] и М. К. Цебриковой [13]. В советской историографической традиции имя Н. Д. Хвощинской было забыто на долгие десятилетия, если не считать кратких биографических очерков М. С. Горячкиной [14] и А. П. Могилянского [15]. На современном этапе судьба и творчество Н. Д. Хвощинской становятся предметом изысканий рязанских краеведов, среди которых необходимо выделить работы А. В. Чечневой [16], и филолога Е. Н. Строгановой [17–19].

Н. К. Пиксанов в статье-некрологе, посвященной памяти покойного В. И. Семевского, отмечал, что «историк

русского крестьянства и русской общественности... не претендовал на звание историка русской литературы. Эволюция литературы как художественного творчества никогда не была предметом его научных исследований и ближайших интересов. Но... в силу близости истории литературы к истории политической и социальной Василий Иванович неизбежно увлекался в литературные изучения» [20, с. LXXXVI].

Целью настоящей статьи является ретроспективный анализ исторической идентификации образа известной российской писательницы середины – второй половины XIX в. Н. Д. Хвощинской, предпринятой российским историком-народником В. И. Семевским. Объектом исследования служит первый биографический очерк о Н. Д. Хвощинской-Зайончковской, публикация В. И. Семевским которого, по меткому выражению Е. Н. Строгановой, «спровоцировала ситуацию, которая сама Хвощинская называла "даться покойником"» [19, с. 187]. Изучение содержания данного биографического произведения и синхронных документов личного происхождения позволяет уточнить ценностные ориентации историка и охарактеризовать восприятие образа и творчества писательницы представителями либерально-народнической интеллигенции.

Согласно одному из крупнейших отечественных специалистов в области гендерной истории Н. А. Пушкаревой, «продвигать дальнейшее изучение женской истории значит сегодня не просто добавлять женские имена в имеющуюся картину прошлого, не просто обращаться к описанию женской повседневности (столь всегда отличной от мужской). Речь о другом – <...>, об умении наблюдать многообразие социально-половых иерархий, выявлять случаи редкого, хрупкого равновесия между двумя мирами (мужским и женским), созданными ради того, чтобы понимать и поглощать друг друга» [21, с. 10].

В. И. Семевский – первый биограф Н. Д. Хвощинской: бесцеремонность историка или попытка спасения от забвения?

Разработка В. И. Семевским биографического жанра началась в 1874 г. со статьи (с нее ведется отсчет научной деятельности В. И. Семевского), посвященной Екатерине Романовне Дашковой, активной участнице переворота 1762 г. и первой женщине-президенту Академии наук [1]. Статья начинающего исследователя играла роль развернутого предисловия к публикуемому в этом же номере «Русской старины» мемуарам самой Дашковой и в контексте своеобразной редакционной политики журнала отражала некоторые факты, эпатазирующие потенциального читателя.

Вторым и наиболее успешным опытом работы в области биографики стал социокультурный портрет известного педагога-словесника Василия Ивановича Водовозова [3–5]. В нем автору удалось через призму характеристики

взглядов педагога и своего учителя, в доме которого он воспитывался, провозгласить собственные мировоззренческие ценности [22].

В 1890 г., примерно через полтора года после безвременной кончины Н. Д. Хвощинской, «появилась обильно оснащенная документальными материалами биографическая статья В. И. Семевского – первый очерк жизненного и творческого пути писательницы» [19, с. 187]. Согласно Х. Хогенбюм, «Хвощинская не хотела иметь литературной биографии, но нуждалась в ней по требованию своей эпохи. К тому же, несмотря на то, что она сопротивлялась всякой автобиографичности, ее жизнь и творчество стали парадигмой забытой русской писательницы» [23]. «При ее жизни, журналист и ее литературный защитник Зотов, другие сторонники (например, Семевский) постоянно уговаривали Хвощинскую спасти себя от забвения и написать мемуары. Хотя признание несколько беспокоило ее, она отказывалась все же писать мемуары, и только в конце жизни, когда уже стало поздно, она передумала. Ее возражения были моральные и формальные: в случае собственных мемуаров, как она замечала, художественные приемы искажают материал» [23].

С точки зрения Е. Н. Строгановой, историк-народник поступил бестактно в отношении к имевшимся у него материалам, «не соблюдая этических условий срока давности» [19, с. 187]. Исследователь считает, что «Семевский пренебрег и тем, что была жива еще младшая сестра писательницы Прасковья Дмитриевна, которая восприняла некоторые материалы как личную обиду» [19, с. 187].

Отметим, однако, что П. Д. Хвощинская прожила долгую жизнь и умерла в 1916 г., т. е. одновременно с автором первой биографии Н. Д. Хвощинской. Значит, по логике литературоведа, В. И. Семевский вообще не должен был получить шанс опубликовать свой очерк. Кроме того, из переписки историка и младшей сестры покойной писательницы, находящейся в личном фонде В. И. Семевского в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), следует, что Прасковья Дмитриевна не имела ничего против написания биографии. Она выразила благодарность историку за сохранение доброй памяти о старшей сестре. «Вы даете возможность познакомиться общество с ней не как с писательницей, а как с человеком, значением которого она больше всего дорожила»¹. Одновременно автор письма заявила адресату, что их «семейная переписка была настолько интимна»², что предоставить ее по этой причине не предоставлялось возможным, пообещав однако выбрать из нее что-то представляющее интерес для публики. Первоначально отношения Прасковьи Дмитриевны и Василия Ивановича носили доверительный характер, о чем наглядно свидетельствует обращение к нему как к посреднику о возвращении какой-то «неоконченной вещи, которая

¹ Письмо Хвощинской П. Д. к Семевскому В. И. от 9 марта 1890 г. // ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.

² Там же.

находится в руках у Москалевой»³. В следующем письме она отправила В. И. Семевскому ненапечатанные стихотворения сестры, «писанные в очень раннюю пору», а также адрес и материал для биографического очерка⁴. Из этого же послания становится известно, что письма мужу Надежда Хвоцинская уничтожила, и сестра может отправить историку только письма Щербины.

Что же представляет собой первая творческая биография Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской, вокруг которой разгорелось столько споров? Источниковую базу произведения составило эпистолярное наследие писательницы. В частности, историк упоминал о более чем 150 письмах выдающейся беллетристки к разным лицам и письмах литераторов и издателей к ней. По утверждению В. И. Семевского, часть материалов была ему предоставлена младшей сестрой писательницы П. Д. Хвоцинской (Зимаровой). В распоряжении исследователя оказались и письма, адресованные Н. Д. Хвоцинской народническому критику и публицисту Н. К. Михайловскому и редактору А. А. Краевскому. Кроме того, при работе над биографическим портретом Н. Д. Хвоцинской историк апробировал воспоминания ее близкой подруги М. М. Андреевой. И наконец, первый биограф Н. Д. Хвоцинской использовал многочисленные устные рассказы современников, лично знакомых с писательницей, и свои личные впечатления. Вводя в научный оборот новый эпистолярный материал, В. И. Семевский ставил перед собой в качестве основной задачи сохранение памяти о Н. Д. Хвоцинской как писательнице-демократке.

Рязанское общество и генезис литературного творчества Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской

Биографический очерк, выполненный В. И. Семевским, построен по классическому хронологическому принципу. Повествуя о детстве и юности Надежды Дмитриевны, автор сделал акцент не только на ее замечательной памяти, способности к усвоению языков, доброжелательной семейной обстановке, стимулирующей творческую активность ребенка, что вполне естественно, но и на социальной составляющей. Будущая писательница родилась и росла в небогатой многодетной дворянской семье в Рязанской губернии будучи старшим ребенком. В детстве ей пришлось столкнуться с проявлением социальной несправедливости: отец писательницы в течение нескольких лет находился под следствием по обвинению в растрате, которую не совершал. Имение было продано, чтобы покрыть сумму иска, составлявшую 15000 руб. Семейство переехало в Рязань и жило очень бедно. В. И. Семевский отмечает, что «нужда в семье была так велика, что приходилось экономно обращаться с бумагой» [6, с. 51]. Идея борьбы за выживание в очерке историка красной нитью проходит через всю биографию Н. Д. Хвоцинской. Обладая навыками к письму и черчению, маленькая Надя стала фактически

личным делопроизводителем отца. Ее образование было в основном домашним. Французский язык она усвоила с помощью матери, а итальянскому научилась самостоятельно. Увлечение литературной деятельностью на уровне сочинения исторических романов и стихов также было родом из детства.

1847 год можно считать стартом литературной деятельности Надежды Дмитриевны. В «Литературной газете» за № 38 были опубликованы ее первые шесть стихотворений. По наблюдениям В. И. Семевского, «отец Надежды Дмитриевны очень сочувствовал ее литературной деятельности; мать, напротив, была очень огорчена вступлением дочери на литературное поприще» [6, с. 54–55]. С данной трактовкой была категорически не согласна ее младшая сестра Прасковья Дмитриевна. Она полагала, что мать писательницы рисуется В. И. Семевским «совершенно равнодушной и даже противодействующей литературным занятиям моей сестры. Этого никогда не было, да и не могло быть». Абзацем ниже она фактически противоречит сама себе, утверждая, что «она не поощряла ее первых писательских попыток... вовсе не потому, что не сочувствовала им, а потому что в то время не только в провинции... но и в столице женщины писательницы были наперечет, таились под псевдонимами, и труд их считался неприличным, не женским» [12, с. II].

Историк объективно констатировал неприязненное отношение к Н. Д. Хвоцинской в уездном обществе в 1850-е гг. Рязанцы воспринимали молодую писательницу как особу, выпадающую за признаваемые большинством каноны должного бытия женщины. Причинами этого являлись курение, «литературные наклонности, нерасположение к выездам, внимательное отношение к крестьянам... и наконец, некоторые взгляды, шедшие вразрез с мнением большинства, как, например, несочувствие к крепостному праву» [6, с. 55].

Большое внимание уделено биографом описанию наиболее симпатичных ему черт Н. Д. Хвоцинской. Подобные характеристики, как правило, даны от третьего лица, например, В. Р. Зотова, бывшего редактора «Литературной газеты», посетившего писательницу в Рязани. В. И. Семевский писал о том, что он нашел в ней «ум, знание света, большую начитанность, глубокую симпатию ко всем, кто страдает и терпит, искреннее отвращение от всякой неправды, низости, насилия, гуманное отношение ко всем слабым, ошибкам, заблуждениям, проступкам. В ней самой, как и в ее романах не было ни желания рисоваться, ни аффектации, ни утрировки» [6, с. 59].

Конструктивное влияние на Н. Д. Хвоцинскую оказало знакомство с издателем А. А. Краевским и его ближайшим окружением. Многолетнее плодотворное сотрудничество писательницы с «Отечественными записками» началось в 1850 г. с публикации в этом рупоре демократической

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Письмо Хвоцинской П. Д. к Семевскому В. И. Без даты // ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 166. Л. 3–4.

печати ее первого прозаического произведения – повести «Анна Михайловна». Тогда же, по мнению В. И. Семевского, появился случайно выбранный писательский псевдоним В. Крестовский.

В биографическом очерке историка нет скрупулезного анализа содержательно-артистических достоинств произведений Н. Д. Хвоцинской, зато представлен их исчерпывающий библиографический перечень. Неравнодушие к затронутой им проблеме увеличения гонораров писательницы объяснялось В. И. Семевским стремлением «показать, какую серьезную материальную поддержку стала оказывать Хвоцинская своей семье, которой была так самоотверженно предана». В понимании автора, данные сведения «представляют собой любопытный материал для истории литературного труда» [6, с. 59–60]. Не отрицая данной версии историка, отметим, что изложение денежной компоненты работы женщины-литератора напоминает анализ материалов земской статистики.

Характеризуя литературную деятельность рязанской писательницы 1850-х гг., В. И. Семевский в сносках привел подробный список благожелательных рецензий в периодической печати. Основу читательской аудитории составляли женщины. Тематика работ была посвящена «изображению исключительно жизни провинциального общества со всеми его мрачными сторонами» [6, с. 61]. Выход же за пределы обозначенного круга вопросов был закрыт в силу цензурных проблем. Так, в отношении второй повести Н. Д. Хвоцинской «Сельский учитель», опубликованной в «Отечественных записках» в 1850 г., В. И. Семевский привел ремарку В. Р. Зотова о том, что «над нею порядочно потрудился цензор... Фрейганг... человек неуступчивый, подозрительный, враждебно относившийся ко всякому выражению, сколько-нибудь выходящего из общепринятого рутинного литературного языка» [6, с. 61]. Цензуре подвергались и другие произведения рязанской писательницы. Можно согласиться с тезисом В. И. Семевского в том, что «нападая на мертвенность журналистики в известные эпохи, на узость кругозора некоторых писателей, приходится считаться и с теми условиями, в которых находилась тогда литература» [6, с. 62]. Несмотря на препоны цензуры Н. Д. Хвоцинская как беллетрист стала популярной у отечественной читающей публики, что подтверждает выход в 1859 г. первого шеститомного собрания ее сочинений.

«Принципы дороже денег»: Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская как беллетрист, литературный критик и человек принципов

В. И. Семевский пытался вызвать позитивную рефлексию на Н. Д. Хвоцинскую не только как беллетриста, но и как человека, готового терпеть бедность и не желающего поступиться принципами ради денег. В качестве симптоматичного примера можно привести фрагмент письма В. Крестовского-псевдонима редактору

«Отечественных записок» С. С. Дудышкину от 29 октября 1863 г. Н. Д. Хвоцинская испытывала значительные финансовые затруднения, несколько месяцев не получая гонорара за свои вещи и за опубликованные повести своей любимой сестры Софьи Дмитриевны, но не пожелала перенаправить произведения в «Русский вестник», предлагающий более выгодные условия. «Отдавая туда свою работу, я поступаю против совести. Этого со мной никогда не случалось. "Русский вестник" прошлых годов был не то, что теперь, и я не могу вообразить себе своих строк на его страницах... Помогите мне не идти против совести» [6, с. 64–65]. С позиции историка «письмо это должно быть весьма поучительно для тех нынешних молодых писателей, которые... по беспринципности готовы участвовать в органах совершенно не соответствующих их взглядам» [6, с. 65].

Повесть Н. Д. Хвоцинской «Пансионерка», опубликованная в третьем номере «Отечественных записок» за 1861 г., о судьбе молодой девушки, вынужденной выбирать между самопожертвованием семье и самостоятельностью, получила положительную оценку В. И. Семевского не столько из-за художественной ценности, сколько из-за метких наблюдений: «автор так рано сумел подметить те новые течения среди молодежи, которые потом были не раз предметом изучения наших беллетристов» [6, с. 65].

С 1861 г. Н. Д. Хвоцинская стала известна не только как маститый беллетрист, но и как литературный критик, взявший себе на вооружение псевдоним В. Поречников. По В. И. Семевскому, непримиримая борьба с концепцией «искусства для искусства» является главным фактором в оценке профессионального кредо Хвоцинской-Поречникова: «требуя от писателей беллетристов определенного направления, автор считает образцом литературной критики Белинского» [6, с. 70]. В. Г. Белинский – это «вечный и единственный пример... учитель целой школы» [24, с. 50].

Отзывы В. И. Семевского важны прежде всего в уяснении нравственных императивов писательницы. Субъективизм историка позволяет сквозь призму проведенного анализа интерпретировать его собственные взгляды на такие актуальные для своего времени вопросы социального развития, как определение места и роли женщины в обществе и воспитание подрастающего поколения. «Критик протестует против идеализирования буржуазно-слащавых семейных отношений, этих оазисов семейного счастья». Все они держатся на «эгоизме семейном, отделяющем семьи от общества, на сладенькой примирительной религии, на неведении, сберегаемом тщательно ради его удобства» [6, с. 73].

В. И. Семевский обширно цитировал близкие ему рассуждения Хвоцинской-Поречникова о молодежи начала 1860-х гг. «В молодом поколении уже успели резко определиться... две важные черты: стремление к труду общественному и стремление сблизиться с народом... Молодежь принимает к сердцу нужды народа, благородно желает ему образования, готово посвятить ему все свои

силы, – это черты существенные. Понятно, что их должна взять во внимание беллетристика»⁵. В данной выдержке сформулирован один из постулатов народнической идеологии о служении интеллигенции народу.

В целом литературная критика Н. Д. Хвоцинской воспринималась историком прохладно: «мы не можем признать за ней особого критического таланта, но приведенные нами отзывы интересны для биографа, так они характеризуют ее взгляды на некоторые явления нашей жизни и на более выдающиеся произведения того времени» [6, с. 75].

С увеличением степени писательской известности в лучшую сторону изменилось отношение к Н. Д. Хвоцинской передовой части интеллигенции, непосредственно связанной с процессом проводимых реформ. Патриархальный уклад семьи Хвоцинских не претерпел существенных изменений, и Надежда Дмитриевна продолжала вести уединенный образ жизни. Единственным развлечением сестер Надежды и Софьи были эпизодические поездки в Петербург, где их постоянными гостями и собеседниками стали С. С. Дудышкин, В. Р. Зотов, А. А. Краевский, Н. Ф. Щербина. В представлении В. И. Семевского, первые трое олицетворяли демократический спектр столичных литературных кругов, Н. Ф. Щербина же, издававшийся в присутствии всех над «нигилистами», вызывал у историка неприязнь. В. И. Семевского не удивляло, что Н. Д. Хвоцинская допускала подобное в первой половине 1860-х гг., потому что «она сама в то время во многом не симпатизировала тогдашней молодежи. Но что она продолжала сочувственно отзываться о нем в конце семидесятых ... это объясняется лишь крайней субъективностью Хвоцинской в отзывах о людях вообще и о писателях в особенности» [6, с. 79]. Историк искренне не мог понять, почему писатель демократического лагеря ввел в круг своего ближнего общения таких консервативно настроенных деятелей, как поэт Н. Ф. Щербина.

Анализируя вехи биографии писательницы, В. И. Семевский не мог обойти проблему неприятия радикально-демократической периодики творчества Н. Д. Хвоцинской, обозначившуюся в первой половине 1860-х гг. на почве того, что «некоторые стороны во взглядах Хвоцинской... раздражали тогдашних передовых людей» [6, с. 88]. Автор справедливо отмечал, что отторжение было взаимным. В представлении революционно-демократической публицистики ее взгляды были недостаточно демократическими. Н. Д. Хвоцинская же во многом не принимала новые ценности исходя из присущих ей эстетических установок. Поэтому ее нельзя однозначно идентифицировать в среде прогрессивной интеллигенции в системе *свой – чужой*.

В работе В. И. Семевского сочинительница выступает как человек принципов, не готовый изменять им в угоду меняющейся политической конъюнктуре или моде. Она пряма и не смолчит тогда, когда чувствует несправедливость. Эти убеждения выработались в далекой юности и были

пронесены Н. Д. Хвоцинской через всю жизнь. Таковым был и сам автор биографического очерка В. И. Семевский, воспитанный на идеях В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других ярких представителей демократической публицистики и литературы. «Высокая нравственная непоколебимость В. И. Семевского определяла еще одну его черту... У него не было нерешительности в нравственных оценках. У него отсутствовала боязнь громкого высказывания мнения. Его волновал каждый ложный шаг товарищей, и он со свойственной ему прямооткровенностью давал свою оценку поступку, который мог вызвать недоразумение, злорадование врагов, смущение близких» [25, с. СХІХ–СХХ].

Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская в контексте ценностных ориентаций историка-народника

Примечательно освещение В. И. Семевским отношения критики к творчеству писательницы в 1860-х – середине 1870-х гг.: «ее произведения охотно печатались и имели в публике значительный успех, но она довольно долго не могла похвалиться особенно благосклонным отношением к ней критики» [7, с. 90]. На общем фоне нейтральных малозаметных рецензий настоящим потрясением для Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской стала публикация резкой статьи Н. Щелгунова «Женское бездушие» в девятом номере журнала «Дело» за 1870 г. «Крестовского можно назвать романистом праздных читателей, имеющих слишком много времени для того, чтобы примеривать на себя страсти и страдания пассивно страдающих героев и героинь, которые и сами мучаются душевно только потому, что у них нет никакого другого дела» [26, с. 8]. «Гладкая благоприличность Крестовского, смазывающая вас прозрачным лаком неподвижности есть философия застоя. Эта скромная благоприличность тиха, как богомолка, и ядовита, как ханжа ... это философия графа Толстого, но только более скромная и в женском платье, более безобидная и более деликатная, как женщина, но, в сущности, стремящаяся к той же голубиной непосредственной мудрости и проповедующая всем слабым смирение и покорность» [26, с. 12]. Согласимся с биографом в том, что данный отзыв является жестоким и незаслуженным для автора, «в честном направлении трудившимся всю жизнь» [7, с. 91]. Статья Н. Щелгунова была в значительной степени провокационна. Ее целью было не оскорбить или унижить женщину-писателя, а подтолкнуть автора к поиску деятельных «героев нашего времени» с активной жизненной позицией. В. И. Семевский не отрицал право Н. Щелгунова на собственное мнение, но решительно возражал против принципа «бей своих, чтобы чужие боялись».

Аналогично и его отношение к критическому разбору в уничижительных тонах творчества Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской в статье известного народнического публициста А. М. Скабичевского «Волны русского

⁵ Романы и повести // Отечественные записки. 1863. № 10. Литературная летопись. С. 191.

прогресса» [27] в тех же «Отечественных записках», где увидели свет и еще будут опубликованы многие произведения Надежды Дмитриевны. Не принимая тональность подобных высказываний в отношении Н. Д. Хвоцинской, В. И. Семевский все же полагал, что критические статьи «принесли ей некоторую долю пользы, так как ... она стала высказывать свои общественные симпатии с большей определенностью» [7, с. 95]. Результат коррекции ценностей не заставил себя долго ждать, и цикл очерков, напечатанный в журнале «Вестник Европы» в 1874–1875 гг. под общим наименованием «Альбом», встретил восторженную оценку у читающей публики и критики в целом.

В 1870-х – первой половине 1880-х гг. проза Н. Д. Хвоцинской импонировала первому биографу, чего нельзя сказать о ее литературной критике. Не являясь специалистом в области литературоведения, историк подошел к оценке этого аспекта деятельности Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской сквозь призму субъективизма и соответствия рецензируемого автора прогрессивному общественному течению. Суждения Н. Д. Хвоцинской, совпадающие с мировосприятием самого В. И. Семевского, сопровождались хвалебными отзывами. Другие ее критические оценки истолковывались им в свете особой женской впечатлительности.

Обширный нарративный материал, который использовал В. И. Семевский для характеристики литературной критики Н. Д. Хвоцинской, представляет интерес тем, что позволяет верифицировать не только разделяемую ею систему общественных ценностей, но и некоторые смысловые ориентации. В частности, при интерпретации Н. Д. Хвоцинской отдельных произведений А. Н. Толстого можно сделать вывод о ее индифферентности к религии. А одной из причин негативного взгляда беллетристики на И. С. Тургенева как писателя и человека было его непоследовательное отношение к крепостному праву. «Если он так сильно не сочувствовал крепостному праву, как сам утверждает, то почему не освободил своих крестьян»? [7, с. 101].

В современной научной традиции болезненно квалифицируется оперирование В. И. Семевским источниками личного происхождения, иллюстрирующими супружескую жизнь писательницы. Версии знакомства Н. Д. Хвоцинской с будущим мужем различаются в изложении биографа и младшей сестры. Историк написал, что в 1865 г. «под влиянием охватившего ее чувства одиночества, она, вскоре после смерти сестры, согласилась выйти замуж за доктора Зайончковского, лечившего Софью Дмитриевну» [9, с. 455]. Иван Иванович Зайончковский, входя в одну из групп «Земли и воли», был арестован и в течение года содержался в Петропавловской крепости, где заболел чахоткой. После освобождения он поселился в Рязани и часто бывал у Хвоцинских, лечил Софью Дмитриевну. Прасковья Дмитриевна же настаивала на том, что за несколько дней до смерти Софии Дмитриевны «его совершенно случайно привел к нам как медика наш хороший друг в надежде, что он найдет средство облегчить ее страдания»

[12, с. XIII]. Если кого и лечил Иван Иванович, так это саму Надежду Дмитриевну.

По утверждению В. И. Семевского, семейная жизнь не принесла счастья Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской. Супруг долго болел, уехал на лечение за границу, где умер в 1872 г. «Надежда Дмитриевна всегда вспоминала о муже как о честном, хорошем человеке, хотя этот брак несколько не скрасил ее печальной жизни» [9, с. 456]. Описание замужества Н. Д. Хвоцинской с обнаружением ее писем к Ивану Ивановичу являлось, по мнению сестры, недопустимым. «Автор статьи о Надежде Дмитриевне, напечатанной в "Русской мысли" очень свободно коснулся этой печальной стороны ее жизни. Воспользовавшись интимными ее письмами к мужу, неизвестно каким образом очутившимися в руках постороннего лица, он напечатал их, позабыв еще раз, что есть еще живой человек, близкий Н. Д., для которого нелегко оглашение ее сердечных мук» [9, с. 456].

Во второй половине 1870-х гг. одинокую жизнь Н. Д. Хвоцинской в Рязани скрашивала ее переписка с М. Е. Салтыковым-Щедриным, в которой нашли отражение не только вопросы редакционно-издательского плана, но и личные. Писательница стала корреспондентом «Отечественных записок» и частым гостем в доме Щедриных. Сын выдающегося критика К. М. Щедрин описывал Н. Д. Хвоцинскую: «Эта добрейшая старушка, можно сказать, боготворила отца и, вместе с тем, баловала нас, детей, принося нам сласти и рассказывая преинтересные сказки, которых мы насладиться достаточно не могли» [28, с. 8].

Обширная корреспонденция конца 1870-х – начала 1880-х гг. между Н. Д. Хвоцинской и М. Е. Салтыковым как редактором «Отечественных записок», помещенная В. И. Семевским в биографическом очерке, имела своей задачей продемонстрировать, что она была «своим» востребованным и уважаемым автором в этом оплоте демократической журналистики.

В это же время пришло, по мнению историка, признание таланта В. Крестовского-псевдоним со стороны критики и в демократических, и в некоторых консервативных изданиях. 3 апреля 1883 г. Н. Д. Хвоцинской был поднесен комплиментарный памятный адрес от лица литературной общественности, составленный известной писательницей и феминисткой М. К. Цебриковой. «Вы одна из первых подали свой голос за право женщин стать участниками общего движения и с глубоким пониманием женского сердца дали много правдивых и художественных картин ее борьбы и страданий ... Вы выразили не одну скорбь женской доли, но и глубокую скорбь гражданскую» [8, с. 139–140].

Завершение жизненного и творческого пути Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской в интерпретации В. И. Семевского было отягощено борьбой с болезнями и нуждой. И с этим трудно поспорить. Последние годы жизни писательница страдала хронической пневмонией и болезнью ног. Ее материальное положение можно было охарактеризовать термином «нищета», причины которой,

по оценкам биографа, связаны с ее перманентной помощью близким людям. Против данной формулировки возражала младшая сестра беллетристки, высказывая подозрение, что ее подруга В. А. Москалькова присваивала последние гонорары и произведения [12, с. XVII]. Через весь биографический этюд В. И. Семевского проходит мысль о том, что жизнь видной российской писательницы – это каждодневный неустанный литературный труд и «борьба за существование», что было свойственно и для самого народнического исследователя.

Заключение

Работая над биографическим очерком о лично знакомой ему Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской, историк-народник мог ставить перед собой следующие цели. Во-первых, он стремился предотвратить забвение недавно умершей писательницы даже вопреки ее воле. При жизни она была закрытой для медийного сообщества того времени персоной. Работа В. И. Семевского, не бесспорная в плане фактографической достоверности, но содержащая богатейший эпистолярный материал, должна была повысить интерес целевой аудитории к ее творческой и общественной жизни. К сожалению, эту задачу изыскание исследователя-народника не выполнило, и имя одной из наиболее ярких женщин-писательниц второй половины XIX в. было почти забыто российским читателем.

Во-вторых, В. И. Семевский, разделяя народнические представления, мог решать вопросы своеобразной идеологической приватизации художественного наследия писательницы. Несмотря на тесное общение с редакцией «Отечественных записок», Н. Д. Хвоцинская не позиционировала себя как представительницу пронароднической интеллигенции и высказывала критические суждения о литераторах, не вписывающиеся в утверждавшиеся в демократической традиции оценки. Биограф же старался игнорировать это, списывая их на издержки женской эмоциональности.

В-третьих, идеалом для исследователя была женщина-труженица, активно занимающаяся самообразованием. «Главная задача общества освободить женщину от влияния сковывающих патриархальных обычаев и дать ей образование, которое сравняло бы ее с мужчиной» [5, с. 145]. Такой образец женщины в лице Н. Д. Хвоцинской, неустанно работающей на литературном поприще, продемонстрировал читателю В. И. Семевский.

И наконец, Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская могла быть, безусловно, интересна историку как носитель идеальных этических установок, не изменявший им ни при каких обстоятельствах и посвятивший всю сознательную жизнь служению обществу. Таким был и сам В. И. Семевский, искренне воспринявший в молодости идеи общественного служения и последовательно придерживающийся их независимо от конъюнктуры.

Литература

1. Семевский В. И. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Русская старина. 1874. Т. IX. С. 407–430.
2. Семевский В. И. Н. И. Костомаров, 1817–1885. Историко-биографический очерк // Русская старина. 1886. Т. XLIX. С. 181–212.
3. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. Биографический очерк // Вестник Европы. 1887. № 11. С. 8–78.
4. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. Биографический очерк // Вестник Европы. 1887. № 12. С. 560–638.
5. Семевский В. И. Василий Иванович Водовозов. СПб.: Тип. Ф. С. Сушинского, 1888. 169 с.
6. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 10. С. 49–89.
7. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 11. С. 83–110.
8. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская мысль. 1890. № 12. С. 124–148.
9. Семевский В. И. Надежда Дмитриевна Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский-псевдоним) // Русская старина. 1891. Т. 69. С. 449–465.
10. Веницкий А. А. Воспоминания о Н. Д. Хвоцинской // Исторический вестник. 1890. Т. 39. № 1. С. 146–155.
11. Зотов В. Р. Надежда Дмитриевна Хвоцинская (Из воспоминаний старого журналиста) // Исторический вестник. 1889. № 10. С. 93–108.
12. Хвоцинская П. Д. Биография // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). В 5 т. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1892. Т. 1. С. I–XVIII.
13. Цебрикова М. К. Очерк жизни Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской // Мир Божий. 1897. № 12. С. 1–40.
14. Горячкина М. С. Послесловие // Хвоцинская Н. Д. Повести и рассказы / сост., подгот. текста, послесл. и примеч. М. С. Горячкиной. М.: Моск. рабочий, 1984. С. 366–379.
15. Могиланский А. П. Н. Д. и С. Д. Хвоцинские // История русской литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 228–237.
16. Чечнева А. В. Соратница великих. Рязань: Поверенный, 2003. 173, [2] с.
17. Строганова Е. Н. «Прах и суета»: женское писательство в оценках Надежды Хвоцинской и ее современников // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой, Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.

18. Строганова Е. Н. М. Е. Салтыков и Н. Д. Хвошинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. Тверь: СФК-офис, 2009. С. 50–67.
19. Строганова Е. Н. Н. Д. Хвошинская: портрет писательницы в некрологах // Русская литература. 2016. № 3. С. 182–188.
20. Пиксанов Н. К. Заслуги В. И. Семевского в изучении русской литературы // Голос минувшего. 1916. № 10. С. LXXXVI–XCI.
21. Пушкарева Н. Л. Женская история и женские исследования в России и за ее пределами (о российской ассоциации исследователей женской истории и не только о ней) // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Армавир, 15–16 октября 2010 г.) / отв. ред. С. А. Дударев, Н. Л. Пушкарева. Армавир: АГПУ, 2010. С. 5–11.
22. Гаврилов С. В. В. И. Водовозов и В. И. Семевский: от исторической биографии педагога к внутренней биографии историка // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.5
23. Хогенбом Х. Гендер и литературная биография: Надежда Хвошинская, загадочная личность // Литературоведческие тексты. Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/hogenbom.htm (дата обращения: 14.10.2019).
24. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо шестое. Рассказы женщин о женщинах // Отечественные записки. 1862. № 11. С. 48–60.
25. Русанов Н. С. Памяти В. И. Семевского // Голос Минувшего. 1916. № 10. С. CXVIII–CXX.
26. Щелгунов Н. Женское бездушие (По поводу сочинений В. Крестовского-псевдонима) // Дело. 1870. № 9. С. 1–34.
27. Скабичевский А. М. Волны русского прогресса // Отечественные записки. 1872. № 1. С. 1–41.
28. Щедрин К. М. Интимный Щедрин. М.-Пг., 1923. 79, [1] с.

The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Narodnik Historian V. I. Semevsky

Sergey V. Gavrilo^{a, @, ID}

^a Russian State University of Justice, Uralian branch, 63, Energetikov St., Chelyabinsk, Russia, 454135

@ sv.gavrilov@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2449-5058>

Received 14.10.2019. Accepted 04.12.2019.

Abstract: The present research featured a retrospective analysis of the historical identification of the image of a famous Russian writer Nadezhda D. Khvoshchinskaya, undertaken by a narodnik historian Vasilii I. Semevsky. The study was based on archival and published sources, i.e. materials of personal origin (letters, memoirs), periodicals, as well as Semevsky's biographical sketch and scientific works. The research involved the method of critical analysis of historical sources; the method of specificity, which determined the selection of sources; a semantic analysis of sources by comparing the analyzed data with information from other sources. Semevsky's subjective descriptions made it possible to interpret his own views on such topical issues of social development as the place and role of women in society and the problems of education of the younger generation. The historian did not analyze artistic merits of Khvoshchinskaya's works, but presented an exhaustive bibliographic list. The author characterizes V. I. Semevsky's assessments in relation to various stages of N. D. Khvoshchinskaya's activity as a writer and literary critic. An ambiguous from the point of view of morality introduction into scientific circulation of a number of sources of personal origin by the author of the biography is shown. The paper ends with the conclusion that Semevsky, as the first biographer of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya, could set himself three tasks: (1) prevention of the writer's oblivion; (2) a kind of ideological privatization, presentation of her views as close to the populist movement (the so-called Narodniks); and, (3) characterization of Khvoshchinskaya as a sample of a working woman and a bearer of ideal ethical principles that were close to those of Semevsky himself.

Keywords: women's question, emancipation, biography, V. Krestovskiy-pseudonym, intelligentsia, the Narodnik movement, subjectivity

For citation: Gavrilo S. V. The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Narodnik Historian V. I. Semevsky. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 898–906. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-898-906>

References

1. Semevsky V. I. Princess Ekaterina Romanovna Dashkova. *Russkaia starina*, 1874, IX: 407–430. (In Russ.)
2. Semevsky V. I. N. I. Kostomarov, 1817–1885. Historical and Biographical Sketch. *Russkaia starina*, 1886, XLIX: 181–212. (In Russ.)
3. Semevsky V. I. Vasilii Ivanovich Vodovozov. Biographical Sketch. *Vestnik Evropy*, 1887, (11): 8–78. (In Russ.)
4. Semevsky V. I. Vasilii Ivanovich Vodovozov. Biographical Sketch. *Vestnik Evropy*, 1887, (12): 560–638. (In Russ.)
5. Semevsky V. I. *Vasilii Ivanovich Vodovozov*. St. Petersburg: Tip. F. S. Sushchinskogo, 1888, 169. (In Russ.)
6. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonom). *Russkaia mysl*, 1890, (10): 49–89. (In Russ.)
7. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonom). *Russkaia mysl*, 1890, (11): 83–110. (In Russ.)
8. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonom). *Russkaia mysl*, 1890, (12): 124–148. (In Russ.)
9. Semevsky V. I. Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya (V. Krestovskiy-psevdonom). *Russkaia starina*, 1891, 69: 449–465. (In Russ.)
10. Vinitskaia A. A. Recollections of N. D. Khvoshchinskaya. *Istoricheskii vestnik*, 1890, 39(1): 146–155. (In Russ.)
11. Zotov V. R. Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya (from the memoirs of an old journalist). *Istoricheskii vestnik*, 1889, (10): 93–108. (In Russ.)
12. Khvoshchinskaya P. D. Biography. V. Krestovskiy's (pseudonym). *Collected Works*. St. Petersburg: Izd-vo A. S. Suvorina, 1892, vol. 1, I–XVIII. (In Russ.)
13. Tsebrikova M. K. A sketch of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya's life. *Mir Bozhii*, 1897, (12): 1–40. (In Russ.)
14. Khvoshchinskaya N. D. *Novels and tales*, comp. Goryachkina M. S. Moscow: Moskovskii rabochii, 1984, 366–379. (In Russ.)
15. Mogilianskii A. P. N. D. and S. D. Khvoshchinskaya. *History of Russian literature*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, vol. 9, 228–237. (In Russ.)
16. Chechneva A. V. *Companion of the great*. Ryazan: Poverennyyi, 2003, 173, [2]. (In Russ.)
17. Stroganova E. N. "Dust and fuss": women's writing in evaluation of Nadezhda Khvoshchinskaya and her contemporaries. *Women's challenge: Russian women-writers of XIX – early XX centuries*. Tver: Liliia Print, 2006, 120–137. (In Russ.)
18. Stroganova E. N. M. E. Saltykov and N. D. Khvoshchinskaya: facts and interpretations. *Shchedrin's Collection*. Tver: SFG-ofis, 2009, vol. 3, 50–67. (In Russ.)
19. Stroganova E. N. N. D. Khvoshchinskaya: the authoress portrayed through obituaries. *Russkaia literatura*, 2016, (3): 182–188. (In Russ.)
20. Pisanov N. K. Achievements of V. I. Semevsky in the study of Russian literature. *Golos minuvshogo*, 1916, 10: LXXXVI–XCI. (In Russ.)
21. Pushkareva N. L. Women's history and women's studies in Russia and abroad (about the Russian association of researchers of women's history and other matters). *Women in history: missing fragments of the historical canvas*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Armavir, October 15–16, 2010, eds. Dudarev S. L., Pushkareva N. L. Armavir: AGPU, 2010, 5–11. (In Russ.)
22. Gavrilov S. V. V. I. Vodovozov and V. I. Semevsky: from the historical biography of the teacher to the inner biography of the historian. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, (4): 5–15. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.5
23. Hogenbom H. *Gender and literary biography: Nadezhda Khvoshchinskaya, a mysterious personality*. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/hogenbom.htm (accessed 14.10.2019). (In Russ.)
24. Porechnikov V. Provincial Letters about our Literature. Letter 6. Women's Stories about Women. *Otechestvennye zapiski*, 1862, (11): 48–60. (In Russ.)
25. Rusanov N. S. In Memory of V. I. Semevsky. *Golos minuvshogo*, 1916 (10): CXVIII–CXX. (In Russ.)
26. Shchelgunov N. Women's Callousness (On the Writings of V. Krestovskiy-pseudonym). *Delo*, 1870, (9): 1–34. (In Russ.)
27. Skabichevskii A. M. Waves of Russian Progress. *Otechestvennye zapiski*, 1872 (1): 1–41. (In Russ.)
28. Shchedrin K. M. *Familiar Shchedrin*. Moscow-Petrograd, 1923, 79, [1]. (In Russ.)

Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе

Максим И. Гарбарт^{a, b, @}

^a Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

^b Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36

[@] maxharbart@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.10.2019. Принята к печати 26.11.2019.

Аннотация: Рассматриваются главные факторы формирования китайской «мягкой силы» в Латинской Америке. Установлено, что «мягкая сила» занимает важное место во внешнеполитической стратегии Китая как на общегосударственном уровне, так и в рамках развития отношений с латиноамериканским регионом. Описаны основные особенности развития отношений между Китаем и государствами Латинской Америки на современном этапе. Изучены основные источники формирования положительного образа КНР в регионе. Осуществлен анализ ресурсов, которыми обладает китайская «мягкая сила» в Латинской Америке. Доказано, что за последние годы общее состояние «мягкой силы» Китая в государствах региона значительно укрепилось. Вместе с тем отмечено, что китайская «мягкая сила» в Латинской Америке все еще серьезно уступает американской. Сделан вывод, что в современных условиях Китай будет стремиться активнее использовать новые способы реализации своих национальных интересов, в том числе и «мягкую силу». Методологическую основу статьи составил системный подход, предполагающий рассмотрение «мягкой силы» как составляющего элемента всего комплекса внешней политики КНР. Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования состоит в создании базы для дальнейших исследований по данной проблематике, результаты исследования могут быть использованы при анализе и прогнозировании развития внешнеполитической стратегии КНР, рассмотрении комплекса отношений Китая со странами Латинской Америки.

Ключевые слова: внешняя политика Китая, мирное возвышение Китая, китайско-латиноамериканские отношения, международные отношения, несиловое влияние, инструменты международного взаимодействия

Для цитирования: Гарбарт М. И. Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 907–914. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-907-914>

Введение

На современном этапе «мягкая сила» становится одним из главных новых трендов в международных отношениях. Концепция «мягкой силы» была введена в научный оборот профессором Гарвардского университета Дж. Наем в 1990 г. Определение «мягкой силы», предложенное Дж. Наем, обозначает ее как способность влиять на других при помощи приобщающих инструментов, убеждения и привлекательности с целью достижения желаемых результатов [1]. Сегодня термин «мягкая сила» используется для обозначения широкого круга феноменов международной политики и межгосударственного взаимодействия.

В условиях сохраняющегося недоверия и предубежденности по отношению к КНР в мире «мягкая сила» приобрела особое значение для китайской внешней политики. Эта концепция хорошо укладывается в идеи «мирного возвышения Китая», развития «гармоничного мира»

и других положений, составляющих основу современной внешнеполитической стратегии КНР. В 2012 г. было констатировано официальное включение «мягкой силы» в политическую стратегию КНР. В своей речи на 18 съезде партии Ху Цзиньтао прямо заявил о необходимости укрепления «мягкой силы» и необходимости продвижения китайской культуры на мировой арене¹. В данной статье «мягкая сила» рассматривается как составляющий элемент внешней политики КНР, направленный на создание позитивного имиджа Китая за рубежом и привлечение международных акторов к добровольному проведению политики, соответствующей национальным интересам Китая.

Латиноамериканский регион на протяжении долгого времени считался сферой влияния США. Однако за последние годы эта ситуация изменилась и на сегодняшний день КНР является одним из важнейших внешних игроков на пространстве Латинской Америки². Углубление

¹ Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. 27.11.2012. Режим доступа: http://www.china-embassy.org/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/t992917.htm (дата обращения: 13.09.2019).

² В рамках данной работы под термином Латинская Америка понимаются страны Центральной и Южной Америки, Карибского бассейна.

экономического сотрудничества между сторонами актуализировало решение и других задач в отношениях, среди которых, например, проблема полного политического признания КНР в регионе, где по-прежнему существует целый ряд государств, не имеющих официальных дипломатических отношений с КНР. «Мягкая сила» в таких условиях выступает важным инструментом продвижения интересов КНР в регионе. В официальной стратегии развития отношений со странами Латинской Америки КНР отводит важную роль различным элементам формирования «мягкой силы», таким как популяризация китайской культуры, развитие туризма и образовательных обменов.

В статье предпринята попытка описать основные источники формирования «мягкой силы» Китая в Латинской Америке. Методологическую основу работы составляет системный подход, предполагающий рассмотрение «мягкой силы» как составляющего элемента всего комплекса внешней политики КНР в регионе. В первой части работы рассмотрены основные особенности развития отношений между Китаем и странами Латинской Америки на современном этапе, затем описаны основные источники формирования «мягкой силы» КНР в регионе, также сделаны выводы о современном положении «мягкой силы» Китая в странах Латинской Америки.

Основы современных отношений Китая со странами Латинской Америки

Быстрое развитие комплекса международных отношений между Китаем и странами Латинской Америки в последние два десятилетия стало возможным благодаря целому ряду факторов. С одной стороны, начало 2000-х гг. было отмечено растущей дистанцированностью США от дел в регионе, что было связано с особенностями внешнеполитической доктрины Джорджа Буша мл. А пришедшая к власти в 2009 г. администрация Барака Обамы столкнулась с необходимостью преодоления последствий той политики, что мешало вернуть утраченные позиции. Деятельность администрации президента Д. Трампа с учетом его громких публичных заявлений и неоднозначных внешнеполитических мер привела к еще большему осложнению отношений между странами региона и США. В этих условиях для многих латиноамериканских государств развитие отношений с Китаем выступило как инструмент снижения собственной зависимости от США и диверсификации внешнеторговых и внешнеполитических связей [2]. Кроме того, на рубеже XX и XXI веков стремительное развитие экономики КНР и нехватка национальных природных ресурсов вынудили китайское руководство активизировать поиски новых

источников импорта ресурсов и рынков экспорта промышленных товаров. Минеральные, энергетические и сельскохозяйственные ресурсы Латинской Америки, прежде всего, нефть, медь, железная руда и соя, а также относительная емкость латиноамериканских рынков привлекли внимание Пекина. Все эти факторы привели к невиданной ранее активизации отношений между КНР и странами Латинской Америки [3].

Развитие отношений с латиноамериканскими государствами в 2000-е гг. привело руководство КНР к необходимости выработки полноценной стратегии по развитию сотрудничества со странами региона, в которой были бы определены основные цели и задачи китайской политики в Латинской Америке. В ноябре 2008 г. Государственный Совет КНР принял «Основной документ по отношениям со странами Латинской Америки и Карибского бассейна», в котором были обозначены приоритеты внешней политики Китая в регионе и задачи, решение которых направлено на построение всеобъемлющего партнерства со странами Латинской Америки. В 2016 г. была принята обновленная версия документа³. В тексте подчеркивается, что КНР рассматривает страны Латинской Америки и Карибского бассейна как важную часть развивающегося мира и одну из основных сил на международной арене, с которой Китай стремится развивать сотрудничество на равных условиях. Среди приоритетов китайской политики в регионе указываются укрепление взаимного доверия и построение взаимовыгодного сотрудничества, продвижение принципа единого Китая.

За короткий период Китаю удалось стать одним из основных торговых партнеров региона, а для целого ряда стран занять место главного экономического партнера. Однако, несмотря на интенсивное развитие отношений между сторонами, для подавляющего большинства латиноамериканцев Китай и китайская культура остаются загадкой, а образ КНР подвержен стереотипизации [4]. Хотя опросы общественного мнения показывают общее позитивное отношение к Китаю⁴, в тех же исследованиях отмечается, что латиноамериканцы имеют слабое представление о массовой китайской культуре, редко могут назвать хотя бы одну современную китайскую знаменитость, а новости о Китае обсуждаются только среди экспертов и отдельных энтузиастов⁵. Все это мешает формированию положительного образа Китая в Латинской Америке, ограничивает потенциал китайской внешней политики в регионе. Китай заинтересован в изменении такого положения дел и в последние годы отчетливо это демонстрирует [5].

³ Zhongguo dui ladingmei he jialebi zhengce wenjian // Zhonghua renmin gongheguo waijiaobu. 24.11.2016. Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1418250.shtml> (дата обращения: 13.09.2019).

⁴ What we think about China // Inter-American Development Bank. 26.05.2016. Режим доступа: <https://conexional.int.iadb.org/2016/05/26/que-pensamos-sobre-china/?lang=en> (дата обращения: 13.09.2019).

⁵ Most Latin Americans Can't Name a Chinese Singer. Why That's Great for Beijing // America's Quarterly. 02.05.2018. Режим доступа: <https://www.americaquarterly.org/content/most-latin-americans-cant-name-chinese-singers-great-beijing> (дата обращения: 13.09.2019).

Источники «мягкой силы» Китая в Латинской Америке

Согласно концепции Дж. Ная, источниками притягательной силы могут быть культура страны (а именно те ее составляющие, которые могут быть привлекательны для других), внешняя политика страны (которая рассматривается другими участниками международных отношений как законная и справедливая), политические ценности страны (как внутренние, так и внешние). При этом Дж. Най подчеркивает, что «мягкая сила» – это не разновидность власти, а ресурс, который может использоваться для достижения тех или иных целей [1].

Китай активно использует политические меры как способ формирования позитивного имиджа в мире. Для формирования положительного образа страны китайские власти часто акцентируют внимание на том, что основополагающими принципами внешней политики КНР являются принципы невмешательства, поддержания стабильности международных отношений, развития многополярности в мировой политике [6]. В разные периоды китайские политики и исследователи выдвигали целый ряд подходов и концепций, нацеленных на формирование позитивного образа Китая в международной политике. Это, например, концепция «мирного подъема» Китая, предполагающая вхождение КНР в число ведущих мировых держав, не сопряженное с ущемлением интересов любых других участников международной политики [7]. Подобные положения содержит и теория гармоничного мира, подразумевающая приверженность Китая принципам мирного развития сотрудничества и взаимовыгодной кооперации на условиях равного партнерства [8]. По замыслу их создателей эти концепции подчеркивают стремление Китая продолжать развитие, при этом не бросая вызов существующему международному порядку. Очевидно, что подобные политические ценности позитивно влияют на образ Китая, формирующийся в Латинской Америке. В рамках совместных мероприятий китайская сторона методично подчеркивает равный характер развития партнерства со странами региона. Китай в отношениях с государствами Латинской Америки стремится выступать как часть развивающегося мира, заявляет о необходимости реформирования существующего порядка в международной политике и построения более справедливого мира. Декларируя подобные цели, Китай активно участвует в развитии сотрудничества с региональными организациями, такими как Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна и Андское сообщество [9]. В новом тысячелетии укреплению контактов с латиноамериканскими обществами поспособствовал приход к власти в ряде стран региона «социалистов XXI века»: Уго Чавес в Венесуэле, Уго Моралес в Боливии, Рафаэль Корреа в Эквадоре. Ориентация этих стран на более активное развитие отношений с Китаем позволила расширить возможности для построения положительного образа КНР в регионе [10].

При этом политические ценности китайского государства зачастую рассматриваются специалистами как слабая сторона «мягкой силы» Китая [11]. Отсутствие демократии западного образца, преследования оппозиционных деятелей, ограничения свободы слова и подавление протестов – все это негативно влияет на образ Китая по всему миру, в том числе и в Латинской Америке. Тем не менее отсутствие у китайского руководства стремления экспортировать собственную политическую систему за рубеж, а также вынесение за пределы повестки таких вопросов, как проблемы с соблюдением прав человека или защита экологии, способствует формированию положительного имиджа Китая среди латиноамериканских элит и помогает в укреплении сотрудничества с местными сообществами. Кроме того, китайская политическая система выглядит более стабильной и устойчивой к кризисам – в отличие, например, от США, где внешнеполитический курс страны сильно зависит от взглядов действующего правительства [7].

Популяризация китайской культуры выступает важным инструментом расширения китайского влияния как по всему миру, так и в Латинской Америке. В целом, заявляя о необходимости положительного изменения имиджа Китая в мире, китайские политики, прежде всего, отмечают важность продвижения «культурной мягкой силы» [12]. Для продвижения собственной культуры в Латинской Америке Китай разработал целый комплекс мер, направленных на информирование местного населения о китайской культуре, повышение уровня осведомленности латиноамериканцев о Китае, популяризации китайского языка в регионе. Эти меры включают в себя правительственные программы по образовательным обменам, проведение совместных научных и образовательных мероприятий, деятельность СМИ на языках стран Латинской Америки, поддержку общественных организаций, связанных с Китаем и китайской культурой, и популяризацию китайского языка [13]. Самым очевидным примером такой деятельности является работа институтов Конфуция в Латинской Америке. Всего в регионе сегодня открыты 39 институтов Конфуция⁶. Основная деятельность институтов в Латинской Америке, так же как и по всему миру, сосредоточена на организации курсов китайского языка и культуры, координации программ образовательного обмена. Несмотря на то, что институты выступают проводниками «мягкой силы» КНР, многие специалисты полагают, что институты Конфуция нельзя считать настоящим проявлением «мягкой силы», поскольку они являются полностью государственным проектом и, скорее, выступают как элементы публичной дипломатии или одно из направлений гуманитарного сотрудничества [14]. Кроме того, многими отмечается, что быстрый рост числа институтов по всему миру связан в первую очередь не со стремительно растущим интересом к Китаю и китайской культуре, а с ростом финансирования,

⁶ About Confucius Institutes // Confucius Institute Headquarters. 01.09.2019. Режим доступа: http://english.hanban.org/node_10971.htm (дата обращения: 30.09.2019).

которое правительство КНР направляет в эту сферу. Тем не менее нельзя отрицать, что деятельность Институтов играет важную роль в распространении знаний о Китае, китайском языке и культуре, а все это способствует формированию положительного имиджа КНР. По оценкам китайской стороны, за последние годы число изучающих китайский язык в регионе выросло в несколько раз и уже в 2016 г. превысило 150 тыс. человек⁷.

Деятельность китайских СМИ также направлена на повышение уровня информированности о Китае среди латиноамериканцев. На испанском и португальском языках ведут работу все основные государственные медиа КНР – агентство Синьхуа, Международное радио Китая, газета Жэньминь Жибао. Кроме того, китайская сторона активно сотрудничает с региональными изданиями, предлагая их читателям информационные приложения и специальные авторские материалы о Китае. Например, в 2015 г. было заключено соглашение о сотрудничестве и публикации материалов между Жэньминь Жибао и главной аргентинской газетой *La Nación*⁸. А в 2016 г. году китайское государственное издание *China Daily* совместно с сетью региональных аргентинских газет *Diario Uno* запустило печатное приложение *China Watch*⁹.

Несмотря на то, что в общемировом контексте китайская культура рассматривается специалистами как один из наиболее мощных элементов «мягкой силы» Китая, в Латинской Америке культура – одна из самых слабых ее составляющих [15]. Лишь весьма ограниченные элементы китайской культуры обретают популярность среди местного населения и становятся частью мейнстрима. Рядовые латиноамериканцы фактически не знакомы с современной популярной китайской музыкой, имеют слабое представление о китайском кинематографе (за исключением голливудских фильмов с Джеки Чаном и Брюсом Ли), феномены интернет-культуры Китая не находят никакого отклика в Латинской Америке [16]. В условиях подавляющего господства американской массовой культуры в обозримом будущем это положение вряд ли изменится. Это ослабляет потенциал «мягкой силы» Китая в регионе.

Эксперты отмечают весьма ограниченную роль в продвижении китайской «мягкой силы» сообщества этнических китайцев в Латинской Америке [15]. Несмотря на существование относительно крупных и укоренившихся китайских общин в Перу, Эквадоре, Панаме и Бразилии, китайские иммигранты в регионе исторически стремились не привлекать к себе внимание и занимались ограниченными видами деятельности, такими как управление ресторанами или

бакалейными магазинами. В результате в XXI в. латиноамериканцы китайского происхождения играют относительно слабую роль в продвижении китайских интересов в регионе. Тем не менее примечателен тот факт, что первый институт Конфуция в Латинской Америке, открытый в 2006 г. в Мехико, был учрежден при культурном центре Хуася, основанном китайскими эмигрантами [17]. Это позволяет говорить о том, что местная община все же выступает одним из проводников культурной экспансии Китая.

Экономические инструменты многими исследователями исключаются из факторов, влияющих на формирование «мягкой силы», поскольку связываются с проявлениями жесткой силы. Однако, как отмечал сам Дж. Най, любой ресурс, являющийся привлекательным для других государств, может влиять на формирование «мягкой силы» государства, и экономика также может служить инструментом формирования позитивного образа [18]. При рассмотрении особенностей становления международного имиджа Китая нельзя не учитывать экономические факторы. Прежде всего, сам факт экономического успеха КНР выступает ресурсом «мягкой силы» – продолжающийся рост заставляет самые разные государства обращать внимание на китайский опыт. Кроме того, стремительное расширение международной торговли и увеличение инвестиций положительно влияет на образ Китая в мире – развитие экономического сотрудничества приводит к увеличению контактов и обогащению знаний о Китае среди его экономических партнеров. Это особенно актуально для Латинской Америки – за последние два десятилетия регион круто изменил вектор международного экономического сотрудничества. Роль Китая на экономическом пространстве региона выросла колоссально [19]. Активное развитие торговли с Китаем, рост масштабов китайских инвестиций в региональную экономику увеличивают заинтересованность местной элиты в развитии отношений с КНР, подогревают интерес обывателей к Китаю, это в свою очередь способствует формированию положительного образа КНР в регионе. Стремление к выходу на китайский рынок заставляет латиноамериканских бизнесменов обращать особое внимание на развитие сотрудничества с Китаем. Как отмечает американский исследователь Э. Элис, «несмотря на то, что выход на китайский рынок – это сложная задача, число потенциальных клиентов и размеры выгод рождают большие надежды среди латиноамериканских бизнесменов, политиков и студентов»¹⁰ [15]. Растущая популярность китайских брендов среди местного населения помогает формировать выгодный имидж Китая в регионе.

⁷ La 'fiebre' del idioma chino en América Latina // Sputnik. 26.10.2016. Режим доступа: <https://mundo.sputniknews.com/sociedad/201610261064382870-lengua-china-popularidad-american-latina/> (дата обращения: 30.09.2019).

⁸ Acuerdo con el Diario del Pueblo, de China // La Nación. 14.06.2015. Режим доступа: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/acuerdo-con-el-diario-del-pueblo-de-china-nid1801618> (дата обращения: 30.09.2019).

⁹ China Watch, un ejemplo del vínculo con China // UNO. 11.05.2016. Режим доступа: https://www.diariouno.com.ar/publicidad/china-watch-un-ejemplo-del-vinculo-con-china-11052016_H1-a2z2frm (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁰ Перевод автора статьи.

В 2016 г. китайская компания *Huawei* стала спонсором футбольного клуба Ривер Плейт – одного из самых популярных в Латинской Америке¹¹. Спонсорское сотрудничество развивается со множеством других спортивных организаций в разных странах региона.

Становление позитивного образа Китая в регионе полагается на растущий поток инвестиций и на различные формы экономической помощи, предоставляемые Латинской Америке. Например, на китайские деньги строятся инфраструктурные объекты, спортивные и общественные центры [20]. Хотя это и не является проявлением «мягкой силы» Китая в регионе, но способствует продвижению китайских интересов в Латинской Америке и общему улучшению имиджа страны. Кроме того, потенциальная возможность привлечения китайских инвестиций сама по себе становится фактором формирования позитивного образа Китая и положительных надежд на развитие отношений с ним среди латиноамериканцев.

Одновременно с этим некоторые экономические факторы оказывают негативное влияние на процесс формирования «мягкой силы» Китая в регионе. С одной стороны, симбиоз китайской политики и бизнеса отрицательно влияет на имидж КНР в развитии отношений с латиноамериканскими государствами [21]. Наблюдатели отмечают, что деятельность китайских компаний нередко выступает инструментом достижения международных политических целей Китая¹². Это приводит к снижению доверия к китайскому капиталу. С другой стороны, хотя расширение сотрудничества с КНР и увеличение потока китайских инвестиций в целом способствуют экономическому росту в регионе, это приводит к растущей конкуренции со стороны китайских производителей, которую латиноамериканские компании не всегда способны выдерживать [22]. Кроме того, Китаю нередко приходится сталкиваться с критикой из-за несоблюдения экологических норм и нарушений прав человека, происходящих в ходе реализации китайских проектов в регионе. Все это отрицательно влияет на продвижение «мягкой силы» КНР и периодически приводит к общественным акциям, направленным против проектов, связанных с китайскими инвестициями [23].

Заключение

Несмотря на относительную культурную и историческую однородность латиноамериканского региона, в различных странах китайская «мягкая сила» работает по-разному.

На ее формирование и развитие влияют такие факторы, как историческое существование китайской общины (например, в Панаме, Мексике, Перу), политический строй (Венесуэла, Эквадор), особенности развития экономического сотрудничества (Чили, Бразилия). Об успехах китайской «мягкой силы» в Латинской Америке можно судить по результатам опросов общественного мнения в странах региона. Так, по результатам социологического исследования в Аргентине, проведенном в 2019 г., 79 % опрошенных придерживались позитивного мнения о КНР, при этом 54 % выразили мнение о необходимости приоритетного развития сотрудничества Аргентины с Китаем, а не с США¹³. Похожая ситуация в Чили, где в рамках социологических исследований 77 % опрошенных положительно отзывались о Китае, а 51 % выразили мнение о том, что страна должна развивать торговые отношения прежде всего с КНР, а не с США¹⁴. Важно понимать, что «мягкая сила» – это феномен, связанный с эмоциями и особенностями восприятия отдельных людей, что далеко не всегда соотносится с объективной реальностью [24]. Популярность американской массовой культуры далеко не всегда приносит гарантированный результат для американской внешней политики. И наоборот, относительная непопулярность китайской массовой культуры необязательно препятствует реализации интересов КНР.

Несмотря на укрепление положения «мягкой силы» Китая в регионе, нельзя говорить о том, что сегодня она завоевывает Латинскую Америку. Ресурсы «мягкой силы» США и глобального «Запада» в регионе по-прежнему гораздо мощнее китайских, растущая испаноязычная община в США только способствует расширению потенциала американской мягкой силы в регионе. Однако было бы ошибкой оценивать успешность «мягкой силы» Китая, сравнивая ее с «мягкой силой» США. КНР опирается на иные ресурсы и ставит перед собой другие задачи в отношениях с латиноамериканскими государствами. В современных условиях «мягкая сила» выступает как неотъемлемая часть международной стратегии Китая, анализ источников и ресурсов, на которые эта сила может опираться, важен для понимания общей внешнеполитической траектории КНР. Современные события, разворачивающиеся в международной политике, показывают, что в будущем Китай будет стремиться еще активнее использовать новые способы реализации своих международных амбиций, в том числе «мягкую силу».

¹¹ River presented Huawei as its new official sponsor // Club Atlético River Plate. 20.10.2016. Режим доступа: <http://www.cariverplate.com.ar/river-presented-huawei-as-its-new-official-sponsor> (дата обращения: 30.09.2019).

¹² El encanto del dragón: la estrategia china de influencia en América Latina // Fundación para el Progreso. 01.05.2019. Режим доступа: <https://fppchile.org/es/el-encanto-del-dragon-cual-es-la-estrategia-china-de-influencia-en-america-latina/> (дата обращения: 30.09.2019).

¹³ New poll reveals three-quarters of Argentines hold positive view of China // Buenos Aires Times. 27.07.2019. Режим доступа: <https://www.batimes.com.ar/news/argentina/from-beijing-with-love-poll-shows-vast-argentine-support-for-china.phtml> (дата обращения: 30.09.2019).

¹⁴ Plaza Pública, Estudio. № 275. – Imagen China y Estados Unidos // CADEM. 2019. № 45.

Литература

1. Nye J. S. Soft power // Foreign policy. 1990. № 80. P. 153–171.
2. Ferchen M. China's Latin American Interests // Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. 06.04.2012. Режим доступа: <https://carnegietsinghua.org/2012/04/06/china-s-latin-american-interests-pub-47759> (дата обращения: 30.09.2019).
3. Díaz E. M., Florido E. R., Oliva M. V. R. Relaciones China – América Latina y Caribe. Estado actual y perspectivas // Revista Cubana de Economía Internacional. 2016. № 2. P. 75–95.
4. Ospina J. D. E. The coverage of China in the Latin American Press: Media framing study // Cogent Arts & Humanities. 2017. Vol. 4. № 1. DOI: 10.1080 / 23311983.2017.1287319
5. Barr M. Who's afraid of China? The challenge of Chinese soft power. London; N. Y.: Zed Books Ltd., 2012. 160 p. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.2856>
6. Виноградов И. С. История развития внешней политики КНР // Общество: философия, история, культура. 2018. №. 6. С. 72–77. DOI: 10.24158/fik.2018.6.14
7. Kurlantzick J. Charm offensive: How China's soft power is transforming the world. Yale University Press, 2007. 320 p.
8. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
9. Lei Yu. China's strategic partnership with Latin America: a fulcrum in China's rise // International Affairs. 2015. Т. 91. № 5. P. 1047–1068. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12397>
10. Brand A., McEwen-Fial S., Munro W. An 'Authoritarian Nexus'? China's alleged special relationship with autocratic states in Latin America // European Review of Latin American and Caribbean Studies. 2015. № 99. P. 7–28. DOI: <http://doi.org/10.18352/erlacs.9588>
11. Rodríguez Aranda I., Van de Maele D. L. El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina // Polis. Revista Latinoamericana. 2013. Vol. 12. № 35. P. 497–517. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-65682013000200022>
12. Тарабарко К. А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских ученых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2. С. 181–184.
13. Ran J. Zhongguo zai ladingmeizhou de ruanshili jianshe // Lading meizhou yanjiu. 2014. Vol. 36. № 1. 35–39.
14. Ren Z. The Confucius institutes and China's soft power // IDE Discussion Paper. 2012. Vol. 330. Режим доступа: https://ir.ide.go.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=37844&item_no=1&page_id=39&block_id=158 (дата обращения: 30.09.2019).
15. Ellis E. R. Chinese soft power in Latin America: a case study // Joint Force Quarterly. 2011. № 60. P. 85–91.
16. Cunhai G. La imagen de China en América Latina en el siglo XXI // Orientando Temas de Asia Oriental, Sociedad, Cultura y Economía. 2017. № 14. P. 11–44.
17. Cornejo R. China en América Latina: perspectivas sobre las relaciones culturales // Observatorio de la Política China. 2015. Режим доступа: politica-china.org (дата обращения: 30.09.2019).
18. Nye J. S. The Future of Power. N. Y.: Public Affairs, 2011. 320 p.
19. Яковлев П. П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47–58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58
20. Eichenauer V. Z., Fuchs A., Brueckner L. The effects of trade, aid, and investment on China's image in developing countries // University of Heidelberg Department of Economics Discussion Paper Series. 2018. № 646. Режим доступа: <https://d-nb.info/1192450183/34> (дата обращения: 30.09.2019).
21. Armony A. C., Velásquez N. Anti-Chinese sentiment in Latin America: an analysis of online discourse // Journal of Chinese Political Science. 2015. Vol. 20. № 3. P. 319–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-015-9365-z>
22. Cypher J. M., Wilson T. D., Jenkins R. Is Chinese competition causing deindustrialization in Brazil? // Latin American Perspectives. 2015. Vol. 42. № 6. P. 42–63. DOI: <https://doi.org/10.1177/0094582X15593553>
23. Ray R., Gallagher K., López A., Sanborn C. China and sustainable development in Latin America: the social and environmental dimension. Anthem Press, 2017. 382 p.
24. Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. № 2. P. 147–158.

Main Sources of Chinese "Soft Power" in Latin America in the Modern Era

Maxim I. Garbart^{a, b, @}

^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

^b Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, Russia, 634050

@ maxharbart@yandex.ru

Received 17.10.2019. Accepted 26.11.2019.

Abstract: The article covers the fundamentals of Chinese "soft power" in Latin America. "Soft power" now takes an important place in Chinese foreign strategy, both the international level and in Latin America. The author describes the main features of international relations between China and Latin-American countries. The paper focuses on the main sources of formation of positive image of China in the region. The study revealed that Chinese "soft power" has significantly strengthened in the region in recent years. At the same time, the author notes that it is still much weaker than that of the USA. In modern conditions, Chinese government is likely to seek more active application of new forms of international cooperation, promotion of "soft power" being one of them. The methodology of the research was based on the systematic approach, which means considering Chinese "soft power" as a part of the whole foreign policy of China. Theoretical and practical relevance of the study consists in that fact that it creates a basis for further research on this issue. The results can be used to forecast the development of Chinese foreign policy strategy, as well as to study the complex of relations between China and Latin American states.

Keywords: Chinese foreign policy, peaceful rise of China, China-Latin-America cooperation, international cooperation, non-coercive power, tools of international cooperation

For citation: Garbart M. I. Main Sources of Chinese "Soft Power" in Latin America in the Modern Era. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 907–914. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-907-914>

References

1. Nye J. S. Soft power. *Foreign policy*, 1990, (80): 153–171.
2. Ferchen M. *China's Latin American Interests*. 06.04.2012. Available at: <https://carnegietsinghua.org/2012/04/06/china-s-latin-american-interests-pub-47759> (accessed 30.09.2019).
3. Díaz E. M., Florido E. R., Oliva M. V. R. Relaciones China – América Latina y Caribe. Estado actual y perspectivas. *Revista Cubana de Economía Internacional*, 2016, (2): 75–95.
4. Ospina J. D. E. The coverage of China in the Latin American Press: Media framing study. *Cogent Arts & Humanities*, 2017, 4(1). DOI: 10.1080 / 23311983.2017.1287319
5. Barr M. *Who's afraid of China? The challenge of Chinese soft power*. London; N. Y.: Zed Books Ltd., 2012, 160. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.2856>
6. Vinogradov I. S. Background to the PRC's foreign policy. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*, 2018, (6): 72–77. (In Russ.) DOI: 10.24158/flk.2018.6.14
7. Kurlantzick J. *Charm offensive: How China's soft power is transforming the world*. Yale University Press, 2007, 320.
8. Liu Zaiqi. "Soft power" in China's development strategy. *Polis. Political Studies*, 2009, (4): 149–155. (In Russ.)
9. Lei Yu. China's strategic partnership with Latin America: a fulcrum in China's rise. *International Affairs*, 2015, 91(5): 1047–1068. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12397>
10. Brand A., McEwen-Fial S., Munro W. An 'Authoritarian Nexus'? China's alleged special relationship with autocratic states in Latin America. *European Review of Latin American and Caribbean Studies*, 2015, (99): 7–28. DOI: <http://doi.org/10.18352/erlacs.9588>
11. Rodríguez Aranda I., Van de Maele D. L. El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina. *Polis. Revista Latinoamericana*, 2013, 12(35): 497–517. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-65682013000200022>
12. Tarabarko K. A. "Soft power" of culture: evolution of the conception in the works of Chinese scientists. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (7-2): 181–184. (In Russ.)
13. Ran J. Z. Hongguo's Soft Power Construction in Latin America. *Lading Meizhou yanjiu*, 2014, 36(1): 35–39. (In Chin.)
14. Ren Z. The Confucius institutes and China's soft power. *IDE Discussion Paper*, 2012, 330. Available at: https://ir.ide.go.jp/?action=pages_view_main&active_action=repository_view_main_item_detail&item_id=37844&item_no=1&page_id=39&block_id=158 (accessed 30.09.2019).
15. Ellis E. R. Chinese soft power in Latin America: a case study. *Joint Force Quarterly*, 2011, (60): 85–91.
16. Cunhai G. La imagen de China en América Latina en el siglo XXI. *Orientando Temas de Asia Oriental, Sociedad, Cultura y Economía*, 2017, (14): 11–44.

17. Cornejo R. *China en América Latina: perspectivas sobre las relaciones culturales*. 2015. Available at: politica-china.org (accessed 30.09.2019).
18. Nye J. S. *The Future of Power*. N. Y.: Public Affairs, 2011, 320.
19. Yakovlev P. P. USA and China in Latin America: contours of competition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2019, 19(1): 47–58. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58
20. Eichenauer V. Z., Fuchs A., Brueckner L. The effects of trade, aid, and investment on China's image in developing countries. *University of Heidelberg Department of Economics Discussion Paper Series*, 2018, (646). Available at: <https://d-nb.info/1192450183/34> (accessed 30.09.2019).
21. Armony A. C., Velásquez N. Anti-Chinese sentiment in Latin America: an analysis of online discourse. *Journal of Chinese Political Science*, 2015, 20(3): 319–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-015-9365-z>
22. Cypher J. M., Wilson T. D., Jenkins R. Is Chinese competition causing deindustrialization in Brazil? *Latin American Perspectives*, 2015, 42(6): 42–63. DOI: <https://doi.org/10.1177/0094582X15593553>
23. Ray R., Gallagher K., López A., Sanborn C. China and sustainable development in Latin America: the social and environmental dimension. *Anthem Press*, 2017, 382.
24. Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*, 2008, 4(2): 147–158.

А. Р. Розенберг: «дело врачей» в Сталинском государственном институте для усовершенствования врачей (1953 г.)

Елена С. Генина^{a, @}; Елена Б. Каймашникова^b

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

^b Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова, 127473, Россия, г. Москва, ул. Делегатская, 20/1
[@] elena_genina@mail.ru

Поступила в редакцию 31.07.2019. Принята к печати 14.11.2019.

Аннотация: Представлены результаты реконструкции биографии А. Р. Розенберга, доктора медицинских наук, профессора, первого заведующего кафедрой микробиологии Сталинского государственного института для усовершенствования врачей в 1951–1953 гг. Основное внимание уделено преследованию ученого и педагога в период «дела врачей» в СССР (1953 г.). «Дело врачей» рассматривается как завершающая акция кампании по борьбе с космополитизмом (1949–1953), направленной в первую очередь против еврейской интеллигенции. Одной из составляющих борьбы с космополитизмом явилось наступление на научно-педагогическую интеллигенцию. В Сталинском государственном институте для усовершенствования врачей развернулась чистка кадров по национальному признаку, было сфабриковано уголовное дело против сотрудников учреждения. Одним из фигурантов уголовного дела стал А. Р. Розенберг. Арестованных объявили «участниками еврейско-буржуазной националистической группы». Обвинения, выдвинутые в отношении профессора, оказались связанными с идеологическими установками кампании по борьбе с космополитизмом и «дела врачей». После прекращения уголовного дела А. Р. Розенберга восстановили в занимаемой должности. В 1953 г. ученый, здоровье которого было подорвано, покинул Сталинский государственный институт для усовершенствования врачей и вышел на пенсию. А. Р. Розенберг разделил судьбы представителей отечественной интеллигенции, пострадавших во время кампании по борьбе с космополитизмом и «дела врачей».

Ключевые слова: биография, научно-педагогическая интеллигенция, кафедра микробиологии, идеология, репрессии, Кемеровская область, Сталинск

Для цитирования: Генина Е. С., Каймашникова Е. Б. А. Р. Розенберг: «дело врачей» в Сталинском государственном институте для усовершенствования врачей (1953 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 915–923. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-915-923>

Введение

В середине 1940-х – начале 1950-х гг. в СССР прошел ряд идеологических кампаний под лозунгами советского патриотизма, связанных с воздействием на отечественную интеллигенцию. Кампания по борьбе с космополитизмом, развернувшаяся в 1949–1953 гг., предполагала в первую очередь наступление на еврейскую интеллигенцию. На завершающей стадии данной кампании возникло «дело врачей», характерными составляющими которого стали чистка кадров медицинских учреждений, учебных заведений и преследование «врачей-вредителей». «Дело врачей» (1953 г.) изменило жизнь А. Р. Розенберга, доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой микробиологии Сталинского государственного института для усовершенствования врачей (Сталинский ГИДУВ). К различным аспектам «дела врачей» в СССР (1953 г.) неоднократно обращались исследователи. Значительный вклад в изучение истории «дела врачей» в стране и сопровождавшей его идеолого-пропагандистской кампании внесли монографии, подготовленные Г. В. Костырченко. Ученый воссоздал моменты подготовки, официального начала «дела врачей», определил базовые составляющие процессов,

протекавших в январе-апреле 1953 г., с точки зрения проводившейся политики государственного антисемитизма [1, с. 240–282; 2, с. 523–610]. Авторы, поднявшие региональную проблематику, обратились к вопросам реконструкции хронологии событий, роли местных органов власти, идеологического обеспечения в период «дела врачей», репрессивного фактора, общественных настроений, биографиям пострадавших [3–6; 7, с. 382–385; 8, с. 185–188; 9, с. 159–196; 10, с. 105–106; 11; 12].

Ситуация вокруг Сталинского ГИДУВа в 1953 г. уже становилась объектом исследования. Условия деятельности ГИДУВа в первой половине 1950-х гг. проанализированы в работе В. Н. Брежа [13, с. 10–11]. Важные события «дела врачей» в Кемеровской области, позволившие зафиксировать ряд его характерных признаков, выявлены А. Б. Коноваловым [14, с. 136–140]. Определены основные черты «дела врачей» в Кемеровской области с первоочередным вниманием к его репрессивной составляющей, связанной с институтом [15, с. 35–37]. Обзор событий регионального варианта «дела врачей» представлен в исследовании М. М. Колязимовой [16, с. 90–96].

Силами сотрудников Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей¹ подготовлены издания об учреждении, в которых идет речь о времени «дела врачей». В издании, посвященном 75-летию института, затронут период «дела врачей» [17, с. 6]. В одном из томов серии, воссоздающей историю учреждения, дан обзор ситуации «дела врачей», прежде всего, проводившейся кадровой политики [18, с. 24–26]. Отмечено влияние «дела врачей» на судьбы преподавателей института в их биографиях [19; 20].

Основные вехи биографии А. Р. Розенберга и страница его биографии периода «дела врачей» представлены в изданиях НГИУВа [18, с. 24–26;

20, с. 139–141]. Сведения о преследовании профессора во время «дела врачей» присутствуют в работах авторов настоящей статьи [9, с. 184–196; 21, с. 209; 22, с. 39–40; 23, с. 117–147]. Но на сегодняшний день отсутствует исследование, раскрывающее заявленную тему в полной мере. Возможности для этого создает привлечение комплекса документов, обнаруженных в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО), Государственном архиве Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО (Н)), Архиве Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (А НГИУВа). При проведении исследования авторы опирались на принципы историзма и объективности, использовали сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, просопографический методы, методы анализа и синтеза.

Основные вехи биографии А. Р. Розенберга, этапы профессиональной деятельности ученого и педагога

Абрам Романович Розенберг, еврей по национальности, родился 11 марта 1893 г. в Санкт-Петербурге, в семье мещан-ремесленников. В 1908–1911 гг. юноша учился в реальном училище. В 1911–1919 гг. освоил курс медицинского факультета Второго Петроградского государственного университета. А. Р. Розенберг принимал участие в Первой мировой войне: служил в армии рядовым в 1914–1917 гг. Его не обошла стороной Гражданская война. В 1919–1922 гг. А. Р. Розенберг служил в Красной Армии, являлся врачом артдивизиона² [20, с. 139].

Рис. Абрам Романович Розенберг [17, с. 119]

Fig. Abram Romanovich Rosenberg [17, p. 119]

После окончания Гражданской войны выпускник университета стал ассистентом кафедры микробиологии Ленинградского ГИДУВа. Эту должность Абрам Романович занимал до 1 января 1936 г. После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук он работал старшим научным сотрудником и заведующим Кальметтовской лабораторией³ Ленинградского государственного педиатрического медицинского института (1 января 1936 г. – 1 марта 1937 г.), доцентом кафедры микробиологии Ленинградского ГИДУВа (1 марта 1937 г. – 15 апреля 1951 г.). А. Р. Розенберг возглавлял кафедру микробиологии Ленинградского государственного педиатрического

медицинского института с 4 мая 1942 г. по 1 сентября 1944 г. Перед началом работы в Сталинском ГИДУВе состоял профессором Ленинградского туберкулезного института (14 мая – 12 сентября 1951 г.). В начале 1941 г. А. Р. Розенберг защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицинских наук. 19 апреля 1941 г. Высшая аттестационная комиссия приняла решение о присуждении ему искомой ученой степени. А. Р. Розенберг был утвержден ВАК в ученом звании профессора по кафедре микробиологии 3 июля 1943 г.⁴ [20, с. 139].

Профессор являлся военврачом 2 ранга. Он был награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1943) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946). Согласно приказу Министерства здравоохранения СССР от 10 октября 1946 г. ученому объявили «благодарность за труды, способствовавшие научной разработке и практической организации противотуберкулезной вакцинации в СССР».

А. Р. Розенберг был беспартийным. Он хорошо знал немецкий и английский языки. Профессор был женат, воспитывал сына. В Ленинграде семья проживала по адресу: ул. Марата, д. 49, кв. 23⁵ [20, с. 139].

В 1951 г. А. Р. Розенберг стал сотрудником Сталинского ГИДУВа⁶. Институт усовершенствования врачей, являвшийся первым в Сибири, был открыт в Томске в 1927 г. (Сибирский ГИДУВ). Перевод учреждения в Новосибирск произошел в 1931 г. (Новосибирский ГИДУВ). В 1951 г. ГИДУВ перевели в Сталинск Кемеровской

¹ Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей (НГИУВ) – современное название учреждения, в котором работал А. Р. Розенберг.

² Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича // А НГИУВа. Л. 14, 14 об., 15.

³ Кальметт Альбер – французский микробиолог и гигиенист, автор трудов, посвященных проблемам туберкулеза, оспы, чумы, один из создателей противотуберкулезной вакцины (БЦЖ).

⁴ Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 14, 14 об., 17, 18.

⁵ Там же. Л. 5, 15, 15 об.

⁶ Там же. Л. 5, 10, 13.

области. Для начального этапа пребывания института в промышленном городе характерны острый дефицит кадров, сложности с размещением сотрудников, проблемы материально-технической базы. В Сталинск переехали лишь 50 из 180 сотрудников ГИДУВа, в том числе 12 профессоров. Большая часть имущества института осталась в Новосибирске. Директор Сталинского ГИДУВа, кандидат медицинских наук, доцент Г. Т. Шиков обозначил одну из задач, стоявших перед учреждением при переводе на новое место расположения: «В Сталинске необходимо создать большие показательные клиники и теоретические кафедры, где можно было бы с успехом развертывать научную работу и вести подготовку специалистов»⁷. В выполнение этой задачи предстояло включиться кафедре микробиологии, ранее возглавлявшейся заслуженным деятелем науки РСФСР, профессором П. В. Бутягиным, который являлся основоположником сибирской бактериологической науки [20, с. 139, 140; 18, с. 9; 21; 17, с. 5, 22, 119; 24, с. 45–47; 25, с. 3–7].

После участия в конкурсе и утверждения Министерством здравоохранения РСФСР на основании приказа Министерства здравоохранения СССР ленинградский профессор был зачислен заведующим кафедрой микробиологии Сталинского ГИДУВа 20 сентября 1951 г. Данная кафедра стала одной из кафедр учреждения, созданных заново в 1951–1952 гг. По сведениям на конец апреля 1952 г. на теоретической кафедре микробиологии трудились три человека: профессор, заведующий кафедрой А. Р. Розенберг, ассистент З. С. Волкова, старший лаборант В. И. Ломшакова. В 1952 г. в ГИДУВе по специальности Микробиология прошли подготовку 25 врачей, хотя по плану требовалось подготовить 15 человек. По данным на 1952 г. А. Р. Розенберг входил в состав Ученого совета института. В 1951 г. он стал членом научно-плановой комиссии учреждения. Во время пребывания А. Р. Розенберга в Сталинске его семья оставалась в Ленинграде. В год отъезда Абрама Романовича в Сибирь его сыну Леониду было только семь лет⁸ [20, с. 140; 18, с. 9, 15, 16; 17, с. 119].

Утверждение в должности заведующего кафедрой микробиологии Сталинского ГИДУВа проходило для А. Р. Розенберга успешно. Об этом свидетельствует его характеристика, подписанная заместителем директора Сталинского ГИДУВа, профессором В. А. Пулькисом, секретарем партийной организации учреждения З. П. Леговым и датированная 24 апреля 1952 г.: «Профессор РОЗЕНБЕРГ Абрам Романович, 1893 года рождения, является высококвалифицированным микробиологом, обладающим большим педагогическим опытом. В институте усовершенствования врачей работает с 1951 года.

С 1952 года проводит цикл специализации врачей-бактериологов, причем с указанного цикла, как и с других циклов, поступают вполне благоприятные отзывы. Активно участвует в работе санитарно-эпидемиологической организации и оказывает необходимую методическую и консультационную помощь. Политически развит удовлетворительно. Работает систематически над повышением своего идейно-политического уровня путем самостоятельного изучения произведений классиков Марксизма-Ленинизма. Беспартийный. Делу партии Ленина – Сталина и Социалистической Родине предан. Морально устойчив»⁹ [20, с. 140].

17 октября 1952 г. вышел приказ Министерства здравоохранения СССР № 924 «О мерах по улучшению подготовки, специализации и усовершенствования гигиенистов, эпидемиологов и микробиологов». В январе 1953 г. в Управление высших медицинских учебных заведений Министерства здравоохранения РСФСР из Сталинского ГИДУВа поступила информация о положении дел, существовавшем в учреждении. На начало 1953 г. на кафедре микробиологии из трех положенных штатных ставок (заведующего кафедрой – профессора; доцента и ассистента) оказалась занята только ставка руководителя. В осеннем семестре 1952 г. ассистент кафедры З. С. Волкова, которая была женой военнослужащего, выбыла из института в связи с переездом на место работы мужа. Для проведения учебных занятий в ГИДУВ пригласили двух местных врачей-микробиологов, один из которых вскоре уволился, а второй не имел необходимой квалификации. Сложившаяся ситуация предопределила отсутствие занятий по микробиологии в ГИДУВе в весеннем семестре 1953 г. В начале января 1953 г. на кафедру приняли аспиранта. Кафедре микробиологии требовалось оснащение оборудованием. Поэтому в документе от Сталинского ГИДУВа высказывалась просьба о содействии в пополнении кадрами кафедры и ее обеспечении оборудованием. На кафедре инфекционных болезней не хватало кадров: были заняты четыре из семи штатных ставок. Особенно насущной для кафедры микробиологии являлась проблема отсутствия ассистента¹⁰.

А. Р. Розенберг как фигурант «дела врачей» в Сталинском ГИДУВе (1953 г.)

13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». В сообщении говорилось о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». В тексте приводился список участников «группы» – виднейших советских медиков, большинство из которых были евреями

⁷ Шиков Г. Новый вуз в Кузбассе // Кузбасс (Кемерово). 1951. 29 авг.

⁸ ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 7, 12, 13, 63, 64; Д. 2 а. Л. 5; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 166. Л. 8, 9; Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 5, 15 об., 19.

⁹ Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 13.

¹⁰ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 166. Л. 2, 6–7; ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

по национальности. «Врачей-убийц» объявили наемными агентами иностранной разведки. Сообщение ТАСС завершалось информацией об окончании следствия в ближайшее время¹¹. Сообщение ТАСС сопровождалось редакционной статьей «Правды» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», где содержались призывы к усилению «революционной бдительности» и борьбе с «ротозейством»¹².

В январе, феврале и первой половине марта 1953 г. в Сталинском ГИДУВе дважды побывала комиссия Министерства здравоохранения РСФСР, занимавшаяся проверкой деятельности учреждения и переаттестацией кадров доцентов и ассистентов, и бригада Кемеровского обкома КПСС¹³. Служебно-производственная характеристика А. Р. Розенберга, подготовленная в связи с проверкой, подписанная исполняющим обязанности директора Сталинского ГИДУВа, профессором П. Т. Приходько, секретарем партийного бюро института В. А. Рогулиным и датированная 20 января 1953 г., несла непосредственную угрозу для профессора. В документе отмечается: «РОЗЕНБЕРГ А. Р. является высококвалифицированным микробиологом. В теоретическом изложении курса микробиологии допускал ошибки: механически перенес учение ЛЫСЕНКО о стадийности развития растений в микробиологию; об учении ЛЕПЕШИНСКОЙ сделал заключение, что оно всеильно, потому что верно; недостаточно критично применял Эрлиховские схемы»¹⁴ [20, с. 140].

В связи с характеристикой следует обратить внимание на два важных момента. Как явствует из «Отчета о работе института за 1952 год», критике подвергались лекции по микробиологии А. Р. Розенберга по причине неверной оценки учения советского биолога О. Б. Лепешинской и «неточных цитат» классиков марксизма-ленинизма¹⁵. В условиях кампании по борьбе с космополитизмом, которой предшествовала кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947–1948), обвинение в «недостаточной критике» «Эрлиховских схем» приобрело особое значение. П. Эрлих (1854–1915) – немецкий врач, бактериолог и биохимик, известный как один из основоположников иммунологии и химиотерапии. Ему принадлежат труды по гематологии, гистологии, онкологии. Лауреат Нобелевской премии (1908 г., совместно с И. И. Мечниковым)¹⁶.

По итогам проверки бригада Кемеровского обкома партии подготовила «Справку о работе Сталинского

государственного института для усовершенствования врачей» (от 20 февраля 1953 г.). Проверяющие сделали заключение о подборе профессорско-преподавательских кадров института «в основном по национальному признаку, родственными и приятельскими связями», «выявили», что большая часть профессоров, заведующих кафедрами, – евреи по национальности. В «Справке» особо подчеркивается факт значительного присутствия среди профессорско-преподавательского состава, заведующих кафедрами «лиц, не внушающих политического доверия и не пригодных к научной и преподавательской работе». Но в числе шести «подозрительных» заведующих кафедрами ГИДУВа, евреев по национальности, фамилия заведующего кафедрой микробиологии не значится¹⁷. Однако в документе фамилия А. Р. Розенберга упоминается следующим образом: «В ряде лекций, выступлений и высказываний (профессора Карцовник и Розенберг, доцент Некачалова и другие) И. П. Павлов ставится в один ряд с основоположниками научного коммунизма, а павловское физиологическое учение отождествляется с марксизмом-ленинизмом»¹⁸.

18 марта 1953 г. на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС рассматривался вопрос «О недостатках в работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей». Здесь вновь присутствовала информация о том, что профессорско-преподавательский состав ГИДУВа подбирался в первую очередь исходя из национальной принадлежности, родственных и приятельских отношений. В итоге в коллективе «сложилась обстановка, способствовавшая проявлению буржуазного национализма». Участники заседания пришли к следующему выводу: «Среди руководителей кафедр, профессоров и преподавателей оказались лица, не внушающие политического доверия и имеющие крайне низкие показатели в учебной, научной и лечебной работе (профессор Фукс Б. И., проф. Могилев М. В., проф. Розенберг А. Р. и др.)»¹⁹.

В период «дела врачей» в Сталинском ГИДУВе присутствовало идейное и моральное давление на сотрудников, прошла чистка кадров по национальному признаку, постепенно готовилась почва для уголовного дела. Уголовное дело было сфабриковано в отношении трех заведующих кафедрами института: М. В. Могилев, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии; А. Р. Розенберг, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии; И. И. Карцовник, доктор медицинских

¹¹ Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.

¹² Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв.

¹³ ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 26. Л. 47; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252. Л. 1.

¹⁴ Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 10.

¹⁵ ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

¹⁶ Эрлих (Ehrlich) Пауль // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1986. С. 1564.

¹⁷ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252. Л. 1–5.

¹⁸ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252. Л. 16; ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 5.

¹⁹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 212. Л. 61, 62.

наук, профессор, заведующий кафедрой нервных болезней. Первоначально предполагался и арест Б. И. Фукса, доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой хирургии, но ученый заболел. «Негативные» сведения о М. В. Могилове, И. И. Карцовнике, Б. И. Фуксе содержатся в «Справке о работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей» (от 20 февраля 1953 г.)²⁰ [15, с. 35–37; 18, с. 24–26; 20, с. 140–141; 22, с. 39–40].

14 марта 1953 г. М. В. Могилов, А. Р. Розенберг, И. И. Карцовник были арестованы Управлением МГБ по Кемеровской области. Они обвинялись в том, что якобы являлись «участниками еврейско-буржуазной националистической группы» и вершили «контрреволюционную националистическую деятельность»: «Группировали вокруг себя лиц еврейской национальности, в лекциях, читаемых для курсантов-врачей, протаскивали буржуазную идеологию, принижали достоинство и приоритет русских ученых, создавали невыносимые условия для работы в больнице русским врачам и старались выжить их с работы». Действия арестованных квалифицировались по ст. 58-10 (ч. 2) и ст. 58-11 УК РСФСР²¹. Ст. 58-10 УК РСФСР карала за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – за особо тяжкий вид преступления), ст. 58-11 УК РСФСР – за участие в контрреволюционной организации²².

16 марта 1953 г. вышел приказ по Сталинскому ГИДУВу № 71 об увольнении И. И. Карцовника, М. В. Могилова, А. Р. Розенберга и объявлении конкурса на должности заведующих кафедрами. Согласно приказу по учреждению № 72 от той же даты назначались временно исполняющие обязанности заведующих кафедрами²³ [18, с. 26].

В ходе следствия картина обвинений дополнилась. Развивалась линия «националистических настроений», присущих А. Р. Розенбергу. Согласно одному из обвинений, профессор высказался, «что будто бы положение для еврейского населения в СССР сложилось тяжелое, что евреи стали не в почете, им не доверяют, стараются сократить с работы и что поступают с ними так потому, что Советское правительство, якобы, проводит политику недоверия». А. Р. Розенберг одобрил образование Государства Израиль: «Вот видите, нам – евреям, помогает Трумэн, и коль Советское правительство признало еврейское государство, то это будет иметь положительное значение для самостоятельности

еврейского населения». Заведующий кафедрой микробиологии в лекциях для обучавшихся врачей «допускал грубейшие извращения марксистско-ленинской материалистической теории, физиологического учения Павлова, пропагандировал буржуазную идеологию, космополитизм и идеализм». При этом нарушения в работе кафедры, возглавлявшейся А. Р. Розенбергом, обозначили кратко как несоответствие учебного процесса требованиям и отсутствие некоторых практических занятий для врачей-курсантов²⁴.

А. Р. Розенберг содержался в тюрьме в Сталинске и Кемерове. По свидетельству профессора, он находился в общей камере, к нему применялось моральное и физическое воздействие. 15 марта 1953 г. в Сталинске получили телеграмму, адресованную директору ГИДУВа Г. Т. Шикову: «Обеспокоена молчанием. Сообщите жене, что с профессором Розенбергом. Ленинград, Марата, 49, кв. 23. Розенберг». На следующий день в Ленинград был отправлен ответ с информацией об аресте А. Р. Розенберга. Жена профессора перенесла инфаркт миокарда²⁵ [20, с. 140–141].

В начале апреля 1953 г. последовала реабилитация «врачей-вредителей». 4 апреля 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение МВД СССР о безосновательном аресте проходивших «по делу группы врачей», их полной реабилитации и освобождении²⁶. Через два дня газета поместила передовую статью «Советская социалистическая законность неприкосновенна»²⁷. После реабилитации «врачей-вредителей» руководство Сталинского ГИДУВа первоначально следовало прежним идеологическим установкам. 10 апреля 1953 г. состоялось закрытое собрание первичной парторганизации института, где обсуждалось постановление бюро Кемеровского обкома КПСС от 18 марта 1953 г. На собрании обращалось внимание на «выявленные» во время работы бригады обкома партии и аттестационной комиссии «вопиющие факты политической безграмотности со стороны ряда профессоров», в числе которых оказался А. Р. Розенберг²⁸.

Исходя из недоказанности принадлежности А. Р. Розенберга, И. И. Карцовника, М. В. Могилова «к еврейской буржуазно-националистической группе», «контрреволюционного умысла в допущенных ими извращениях марксистско-ленинской теории, физиологического учения Павлова», нарушений в учебной и лечебной деятельности, недостаточности доказательств

²⁰ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 – 1991. Аннотированный каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. С. 18; ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330. Л. 1, 4–6; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252. Л. 1–5.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330. Л. 1, 4.

²² Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. С. 73–75.

²³ Отдел кадров. Приказы ректора института по личному составу за 1953 год с № 1 по № 267 // А НГИУВа. Л. 87, 88.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330. Л. 4–5.

²⁵ Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 9.

²⁶ Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апр.

²⁷ Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. 1953. 6 апр.

²⁸ ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 26. Л. 37–46, 47–54.

«антисоветской националистической деятельности» профессоров, подпадения других обвинений, выдвинутых против М. В. Могилева и И. И. Карцовника, под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» (от 27 марта 1953 г.), уголовное дело было прекращено 30 апреля 1953 г. А. Р. Розенберга, И. И. Карцовника, М. В. Могилева из-под стражи освободили²⁹. Сохранилась копия справки, выданной А. Р. Розенбергу Управлением МВД по Кемеровской области (от 30 апреля 1953 г.). Она свидетельствует о том, что профессор находился в заключении с 14 марта по 13 апреля 1953 г.³⁰ [20, с. 141].

4 мая 1953 г. вышел приказ по Сталинскому ГИДУВу № 116, отменивший приказ № 71 от 16 марта 1953 г. об увольнении заведующих кафедрами. Освобождались от временного исполнения обязанностей назначенные заведующие кафедрами. А. Р. Розенберга, И. И. Карцовника, М. В. Могилева восстановили в ранее занимаемых должностях³¹ [18, с. 26; 20, с. 141].

Кемеровский обком КПСС снял обвинения политического характера с профессоров, работавших в ГИДУВе, только в 1956 г. 4 сентября 1956 г. на заседании бюро обкома партии поднимался вопрос «О недостатках в работе Сталинского института усовершенствования врачей». Принятое решение отменило формулировку постановления бюро обкома партии от 18 марта 1953 г. «не внушающие политического доверия» в отношении Б. И. Фукса, М. В. Могилева, А. Р. Розенберга. Но сохранялось заключение о присутствии в институте «семейственности» [14, с. 139–140].

После освобождения А. Р. Розенберга настигла болезнь. Лишь 29 мая 1953 г. он смог вернуться к работе. По состоянию здоровья его направили на врачебно-трудовую экспертную комиссию (ВТЭК). 23 июня 1953 г. вышел приказ по Сталинскому ГИДУВу № 150, где первым пунктом значилось увольнение А. Р. Розенберга «согласно поданного заявления». Следует отметить, что той же датой директор института Г. Т. Шиков подписал безупречную производственную характеристику профессора, в которой подчеркивалось, что он «проявил инициативу и энергию в организации заново кафедры микробиологии». 6 сентября 1953 г. ВТЭК была установлена А. Р. Розенбергу II группа инвалидности («по общему заболеванию»). Приказом министра здравоохранения РСФСР В. С. Степанова № 2289-л от 17 сентября 1953 г. А. Р. Розенберг был освобожден от занимаемой должности заведующего

кафедрой микробиологии Сталинского ГИДУВа «в связи с переходом на пенсию». Он возвратился в Ленинград³² [18, с. 27; 20, с. 141]. Поиск сведений о дальнейшей судьбе А. Р. Розенберга станет научной задачей для авторов настоящей статьи.

В силу сложившихся обстоятельств непростой оказалась судьба кафедры микробиологии Сталинского ГИДУВа. В 1953 г. 20 врачей-курсантов (как было запланировано) не прошли обучение в институте по микробиологии по причине отсутствия кадров преподавателей. Однако кафедра оказывала консультации врачам. В 1953–1958 гг. кафедру микробиологии института возглавляла кандидат медицинских наук, доцент А. А. Дорошкевич. По данным на начало 1954 г. она исполняла обязанности заведующего кафедрой, являлась кандидатом наук, ассистентом. А. А. Дорошкевич была направлена в ГИДУВ Министерством здравоохранения РСФСР³³ [17, с. 119; 18, с. 27].

Заключение

А. Р. Розенберг вошел в историю Сталинского ГИДУВа как первый заведующий кафедрой микробиологии (1951–1953). «Дело врачей» (1953 г.) прервало процесс его утверждения в должности заведующего кафедрой микробиологии Сталинского ГИДУВа, становление кафедры в новых условиях, усугубило серьезную кадровую ситуацию для кафедры и процесса обучения врачей-курсантов. «Национальный момент» во многом предопределил трагический перелом в жизни ученого и педагога. А. Р. Розенберг являлся доктором медицинских наук, профессором, высококвалифицированным микробиологом, ранее имевшим многолетний опыт работы по специальности в Ленинградском ГИДУВе. Подобные специалисты были особенно необходимы Сталинскому ГИДУВу в период его становления. В случае продолжения пребывания в Сталинске деятельность профессора могла успешно способствовать развитию учебной и научной работы в ГИДУВе. Судьба А. Р. Розенберга стала отражением судеб научно-педагогических работников медицинских учебных заведений, пострадавших во время кампании по борьбе с космополитизмом и «дела врачей». Она воплотила особенности сложных судеб отечественной интеллигенции в период идеологических кампаний сталинского режима середины 1940-х – начала 1950-х гг.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330. Л. 6.

³⁰ Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 8.

³¹ Отдел кадров. Приказы ректора института... Л. 140; Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 7; ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 113.

³² Отдел кадров. Приказы ректора института... Л. 184; Отдел кадров. Личное дело Розенберга Абрама Романовича... Л. 1, 2, 4, 5; ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 130.

³³ ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 7, 8, 118.

Литература

1. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 415 с.
2. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (новая версия). Ч. II. На фоне холодной войны. М.: Международные отношения, 2015. 672 с.
3. Кимерлинг А. С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Пермский гос. институт искусства и культуры, 2011. 163 с.
4. Чарный С. Еврейские религиозные общины во время «дела врачей» // Ксенофобия: История. Идеология. Политика. Академическая серия. Вып. 13 / редкол.: К. Ю. Бурмистров, Р. М. Капланов, В. В. Мочалова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2003. С. 106–117.
5. Асташкин Д. Ю. Антисемитская реакция советского общества на «дело врачей» (по материалам Новгородского управления МГБ) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1. С. 32–39.
6. Сперанская А. Н. Общественная реакция на «дело врачей» (на материалах Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 2. С. 68–72. DOI: 10.14529/ssh190209
7. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
8. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (на материалах Западной Сибири). Ч. 1: «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. 224 с.
9. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово: КемГУ, 2009. 255 с.
10. Степанов М. Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 182 с.
11. Демина С. М. «Дело врачей»: региональный уровень // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы / отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 352–358.
12. Бескемпирова А. Обвиняемый доктор Лурье // Забвению не подлежит. Книга Памяти жертв политических репрессий Омской области: в 9 т. / гл. ред. А. И. Казанник. Омск: Омское кн. изд-во, 2002. Т. 5. С. 188–190.
13. Брель В. Н. Развитие высшей школы и науки в Кузбассе в послевоенный период (1945–1955 гг.) // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории / отв. ред. Л. И. Гвоздкова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. С. 6–14.
14. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 491 с.
15. Служение Отечеству. 1917–2005 гг. Кн. 2. 1945–2005 гг. / авт.-сост. В. В. Онищенко; ред. Т. И. Махалова. Кемерово: УФСБ РФ по Кемеровской области, 2005. 896 с.
16. Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг.: по материалам Кемеровской области. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 123 с.
17. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей: юбилейное издание, посвященное 75-летию ГИДУВа / ред. А. А. Луцки; сост. О. М. Галыгина, Л. И. Фойгт. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИДУВ, 2002. 136 с.
18. Колбаско А. В., Ольшанский Г. С. Гордость сибирского здравоохранения – Новокузнецкий ГИУВ (первое высшее медицинское образовательное учреждение Кузбасса). Т. 8. Начальный период деятельности института в Кузбассе. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИУВ Росздрава, 2011. 375 с.
19. Колбаско А. В., Луцки А. А., Ольшанский Г. С. Новокузнецкий ГИУВ – гордость сибирского здравоохранения. Т. 2: Ректоры НГИУВа и ведущие ученые начального периода деятельности института в Кузбассе. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИУВ Росздрава, 2011. 290 с.
20. Колбаско А. В., Луцки А. А., Ольшанский Г. С. Новокузнецкий ГИУВ – гордость сибирского здравоохранения. Т. 3: Видные ученые и преподаватели начального периода деятельности института в Кузбассе. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИУВ Росздрава, 2011. 296 с.
21. Генина Е. С., Каймашникова Е. Б. Начало становления Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (1951–1953 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-3. С. 206–211.
22. Генина Е. С., Фукс Б. Б. Биография врача-хирурга Б. И. Фукса в контексте истории советской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–45. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-36-45
23. Генина Е. С., Макачук С. В. Борьба с космополитизмом: политические дела и разоблачения в Кемеровской области (1949–1953 гг.). Кемерово: КРИПО, 2018. 176 с.
24. Савченко М. Г. Очерк развития системы повышения квалификации врачебных кадров в СССР. Кишинев: Изд-во ЦК КП Молдавии, 1967. 156 с.
25. Новокузнецкий государственный институт для усовершенствования врачей / редкол.: И. А. Витюгов, Г. А. Старков, Я. Б. Юдин, К. Г. Потехин, И. Б. Ликстанов, В. Е. Багликов. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1977. 48 с.

A. R. Rosenberg: "the Doctors' Plot" in Stalinsk State Institute of Advanced Medical Training (1953)

Elena S. Genina^{a, @}; Elena B. Kaymashnikova^b

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b A. I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, 20/1, Delegatskaya St., Moscow, Russia, 127473

@ elena_genina@mail.ru

Received 31.07.2019. Accepted 14.11.2019.

Abstract: This research reconstructed the biography of Professor A. R. Rosenberg, MD, who was the first head of the Microbiology Department of Stalinsk State Institute of Advanced Medical Training (the modern city of Novokuznetsk) in 1951–1953. The paper focuses on the prosecution this scientist and educator who suffered from the so-called "Doctors' plot" (1953). "The Doctors' plot" is regarded as the final event of the anti-cosmopolitanism campaign of 1949–1953, which was directed primarily against the Jewish intellectuals. The campaign was notorious for the severe attacks on the academia. At the Stalinsk Institute, they launched a "purge" based on the ethnic principle, which resulted in a criminal case against some employees, including A. R. Rosenberg. The arrested educators were declared "members of the Jewish-bourgeois nationalist group". The charges brought were connected with the ideological principles of the campaign against cosmopolitanism and "the Doctors' plot". After the criminal case was terminated, A. R. Rosenberg was reinstated in his position. However, poor health made him retire in 1953. A. R. Rosenberg shared the fate of the Soviet intelligentsia who suffered during the campaign against cosmopolitanism and "the Doctors' plot".

Keywords: biography, scientific and pedagogical clerisy, Microbiology Department, ideology, repression, Kemerovo Region, Stalinsk

For citation: Genina E. S., Kaymashnikova E. B. A. R. Rosenberg: "the Doctors' Plot" in Stalinsk State Institute of Advanced Medical Training (1953). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 915–923. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-915-923>

References

1. Kostyrchenko G. V. *Stalin against the "cosmopolitans". Power and Jewish intelligentsia in the USSR*. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2009, 415. (In Russ.)
2. Kostyrchenko G. V. *Secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism (new version). Pt. II. Amid the cold war*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2015, 672. (In Russ.)
3. Kimerling A. S. *Before the end of terror. The Doctors' Plot in the Ural Province*. Perm: Permskii gos. institut iskusstva i kul'tury, 2011, 163. (In Russ.)
4. Charny S. Jewish religious communities during the "Doctors' Case". *Xenophobia: History. Ideology. Politics. Academic Series*. Iss. 13, ed. board: Burmistrov K. Iu., Kaplanov R. M., Mochalova V. V. Moscow: Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh "Sefer", 2003, 106–117. (In Russ.)
5. Astashkin D. Yu. The anti-Semitic reaction on the doctors' plot by the soviet society (on materials of Novgorod KGB). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2015, (1): 32–39. (In Russ.)
6. Speranskaya A. N. Public reaction to "The Case of Doctors" (based on the materials of the Chelyabinsk region). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'nogumanitarnye nauki"*, 2019, 19(2): 68–72. (In Russ.) DOI: 10.14529/ssh190209
7. Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)
8. Sizov S. G. *The intelligentsia and the authorities in Soviet society in 1946–1964 (based on materials from Western Siberia). Pt. 1. "Late Stalinism" (1946 – March 1953)*. Omsk: Izd-vo SibADI, 2001, 224. (In Russ.)
9. Genina E. S. *Campaign to Combat Cosmopolitanism in Siberia (1949–1953)*. Kemerovo: KemGU, 2009, 255. (In Russ.)
10. Stepanov M. G. *Stalinist repression in Khakassia in the late 1930s – early 1950s*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 2006, 182. (In Russ.)
11. Demina S. M. "The Doctors' Plot": regional level. *History of the Altai Krai. XVIII–XX centuries: scientific and documentary materials*, ed. Shcheglova T. K. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005, 352–358. (In Russ.)
12. Beskempirova A. The accused Dr. Lurie. Not subject to oblivion. *In memory of the victims of political repressions of the Omsk region*, ed. Kazannik A. I. Omsk: Omskoe kn. izd-vo, 2002, vol. 5, 188–190. (In Russ.)

13. Brel V. N. The development of higher education and science in Kuzbass in the post-war period (1945–1955). *Relevant Issues of the modern Russian history*, ed. Gvozdkova L. I. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999, 6–14. (In Russ.)
14. Konovalov A. B. *The history of the Kemerovo region in the biographies of party leaders (1943–1991)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 491. (In Russ.)
15. *Service to the Fatherland. 1917–2005. Book 2. 1945–2005*, author-comp. Onishchenko V. V., ed. Makhalova T. I. Kemerovo: UFSB RF po Kemerovskoi oblasti, 2005, 896. (In Russ.)
16. Kolyazimova M. M. *Ideological campaigns in the USSR 1946–1953: based on materials from the Kemerovo Region*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 123. (In Russ.)
17. *Novokuznetsk State Institute of Advanced Medical Studies: an anniversary publication dedicated to the 75th anniversary of the State Institute of Advanced Medical Training*, ed. Lutsik A. A., comp. Galygina O. M., Foygt L. I. Novokuznetsk: Novokuznetskii GIUV, 2002, 136. (In Russ.)
18. Kolbasko A. V., Ol'shanskii G. S. *The pride of Siberian healthcare is the Novokuznetsk State Medical University (the first higher medical educational institution in Kuzbass)*. Vol. 8. *The initial period of the Institute in Kuzbass*. Novokuznetsk: Novokuznetskii GIUV Roszdrava, 2011, 375. (In Russ.)
19. Kolbasko A. V., Lutsik A. A., Ol'shanskii G. S. *Novokuznetsk State Pedagogical University is the pride of Siberian healthcare*. Vol. 2. *Rectors of NIIUVA and leading scientists of the initial period of the institute in Kuzbass*, 2nd ed. Novokuznetsk: Novokuznetskii GIUV Roszdrava, 2011, 290. (In Russ.)
20. Kolbasko A. V., Lutsik A. A., Ol'shanskii G. S. *Novokuznetsk State Pedagogical University is the pride of Siberian healthcare*. Vol. 3. *Prominent scientists and teachers of the initial period of the Institute in Kuzbass*, 2nd ed. Novokuznetsk: Novokuznetskii GIUV Roszdrava, 2011, 296. (In Russ.)
21. Genina E. S., Kaymashnikova E. B. The start of establishing Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refresher Institute (1951–1953). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-3): 206–211. (In Russ.)
22. Genina E. S., Fuks B. B. Biography of surgeon B. I. Fuks in the context of the Soviet era history. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 36–45. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-36-45
23. Genina E. S., Makarchuk S. V. *The fight against cosmopolitanism: political affairs and revelations in the Kemerovo region (1949–1953)*. Kemerovo: KRIRPO, 2018, 176. (In Russ.)
24. Savchenko M. G. *Essay on the development of a system for advanced training of doctors in the USSR*. Kishinev: Izd-vo TsK KP Moldavii, 1967, 156. (In Russ.)
25. *Novokuznetsk State Institute for Advanced Medical Studies*, ed. board: Vitiugov I. A., Starkov G. L., Iudin Ia. B., Potekhin K. G., Likstanov I. B., Baglikov V. E. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1977, 48. (In Russ.)

Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в.*

Евгений В. Дроботушенко^{a, ID1}; Юлия Н. Ланцова^{a, @, ID2}

^a Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

@astra205@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7176-0478>

Поступила в редакцию 30.07.2019. Принята к печати 25.10.2019.

Аннотация: Характеризуются отдельные аспекты колонизационной политики Китая на монгольских землях севера страны в начале XX в. Отмечается, что существует определенное количество публикаций, которые отчасти затрагивают проблематику, однако нет серьезного комплексного исследования, не все исторические факты и личности нашли отражение в научных трудах. Это предопределило обращение к документам Государственного архива Российской Федерации и отчетной документации поездок по территории Маньчжурии в первой четверти XX в. Описана неизвестная широкой общественности поездка китайского Министра Колоний князя Су по территории Юго-Восточной Монголии (Северо-Восточный Китай), анализируются выводы, сделанные по результатам поездки чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине действительным статским советником Д. Д. Покотиловым. Наряду с этим приводится анализ состояния колониальной политики Китая на монгольских землях, сделанный князем Су в докладе китайским властям. Пик китайской колонизации рассматриваемой территории приходится именно на начало XX в. и во многом связан с расширением российского влияния в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Очевидной для авторов является необходимость дальнейшей работы с источниками для воссоздания наиболее полной картины колонизации Китаем монгольских территорий.

Ключевые слова: Министерство Колоний, Хэйлунцзян, Маньчжурия, Лифаньюань, Лифаньбу

Для цитирования: Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н. Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 924–931. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931>

Введение

История Китая начала XX в. изучена достаточно хорошо, однако и сегодня некоторые ее аспекты проанализированы и охарактеризованы не полностью. Одним из таковых является китайская колонизация монгольских земель на севере и северо-востоке страны.

Имеется определенное количество исследований по данной проблематике (часть из них вышла из печати еще в первой четверти XX в.), но основная их масса дает, скорее, дополнительный материал по теме, в работах есть неточности. Так, Е. Е. Яшнов автором труда [1] называет Д. А. Давидовича, хотя на самом деле это Д. А. Давидов [2; 3; 4, с. 47].

В советское время историей китайской колонизационной политики в Маньчжурии занималась М. А. Патрушева, авторству которой принадлежит несколько статей и диссертационное исследование, при этом основное внимание автор уделяла иным хронологическим отрезкам [5; 6].

Некоторыми авторами рассматриваемый вопрос затрагивается и на современном этапе [7].

Несмотря на наличие ряда публикаций по истории китайской колонизации монгольских земель в начале XX в., сегодня ее общая картина не сформирована. Существуют отдельные составляющие названной истории, которые не получили полного, всестороннего научного анализа. Таковой является деятельность Министерства Колоний Китая. Ей посвящены отдельные работы, начиная с досоветского времени, которые характеризуют административное управление Северного Китая в начале XX в., в том числе изданные (точнее, переизданные) за рубежом на английском языке и работы иностранных исследователей. Но в них нет, по нашему мнению, развернутой характеристики деятельности названного министерства в целом и в отношении монгольских земель в частности [8–21].

* Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Краткий период в начале XX в. Министерство Колоний Китая возглавлял князь Су. Во время своей деятельности он осуществил поездку по монгольским землям северо-востока страны. Данная поездка не нашла освещения в научной литературе. Она и стала объектом настоящего исследования. Характеристика имеющихся материалов выступает как дополнение к истории китайской колонизации монгольских земель.

В работе использовались общенаучные методы и специальные методы исторической науки. Общенаучные – методы сбора, анализа и синтеза материала, важные при работе с архивными документами, которые легли в основу статьи. Из специальных научных методов использован сравнительно-исторический, позволяющий анализировать факты и явления в сравнении на разных этапах развития общества. Метод системного анализа позволил рассматривать колониальную политику Китая как самостоятельную систему со свойственными ей функциями. Исследование опирается на основополагающие принципы исторической науки: историзм и объективность. Первый позволяет анализировать деятельность китайских властей на монгольских землях в ее историческом развитии. Второй важен при оценке любого исторического факта или явления, дистанцирует от неоправданных измышлений авторов.

Колонизация монгольских земель. Организация Министерства Колоний

Во второй половине XIX в. Китаем был взят курс на колонизацию в отношении монгольских земель на севере страны. Цель – сделать монгольские земли равными иным территориям по уровню и степени развития [9, с. 143].

С 1638 г. по 1906 г. монгольские территории в границах империи Цин находились под управлением специальной службы – Лифаньюань. В литературе, переведенной на русский язык, она именуется по-разному: Палата внешних сношений, Палаты по делам вассальных отношений, Палата по делам зависимых земель, Китайское управление земель [22, с. 87]. Наиболее часто встречается первое наименование.

Лифаньюань была создана в 1638 г. (в отдельных публикациях указывается 1763 г. [23, с. 2]) преобразованием монгольского ямыня (ямуна) – органа административного управления. Она организовывалась для управления землями Монголии и Тибета, а впоследствии всеми вассальными владениями Китая. На местах в помощь Лифаньюань действовали институты военных наместников – цзянь-цзюней и амбаней. В их функции входил контроль над местной администрацией и местными правителями [10, с. 51; 11, с. 34; 22, с. 44; 24, с. 3, 31, 88].

На монгольских землях (после их присоединения) в границах империи Цин власть носила двойственный характер. С одной стороны, китайские власти укрепляли

раздробленность монгольских земель, постоянно увеличивая количество хошунов (военно-административных единиц), с другой – управление территорией осуществлялось Лифаньюань [22, с. 81]. Это было свойственно всем монгольским землям.

Китайские власти вплоть до второй половины XIX в. не поощряли заселение территории севера Китая китайцами. По некоторым данным только в 1860 г. китайцам было официально разрешено заниматься сельским хозяйством на этих землях. Послужил этому доклад цзянь-цзюня Тебцина, в котором он просил китайские власти разрешить переселение китайцев в Ху-лань. Он надеялся путем обложения распаханых земель получить средства на содержание армии¹.

Колонизация новых земель носила, скорее, народный характер. Во второй половине XIX в. китайцы постепенно осваивали земли Хэйлунцзянской провинции и власти просто признавали этот факт свершившимся. Тогда у китайских властей появилась идея колонизации всего северного Хэйлунцзяна. Так они поступили с провинциями Гири и Шэн-цзин, а также с южной частью Хэйлунцзяна [25, с. 82–83]. Китайские власти официально открыли доступ переселенцев в Маньчжурию в 1878 г. [26, с. 174].

Некоторые авторы указывают, что земли Маньчжурии и Внутренней Монголии использовались китайцами уже в XVII в. С. А. Кузьмин говорит об указе Сюанье, который поощрял китайское хлебопашество в Джоудаском уезде, где со временем образовалась китайская колония в 3 тыс. человек [27, с. 60].

Китайские власти активизировали деятельность по колонизации Маньчжурии в связи с боязнью роста русского влияния². О том, что уже в 1901 г. ходил слух о желании российских властей отправить в Маньчжурию до 600 тыс. российских переселенцев, пишет А. В. Михалев [7, с. 268].

В 1902 г. в Китае организовано Общество колонизации, цель которого – колонизация части территории Монголии между Ургой и Бодунэ [2, с. 2; 3, с. 500]. Известно, что в том же году состоялось отчуждение земель под колонизацию выходцами из Внутреннего Китая территорий монгольского княжества Чжалайтэ Чжэримского сейма [28].

24 октября 1906 г. Палаты по делам вассальных отношений Лифаньюань были преобразованы в Министерство зависимых территорий, или Министерство Колоний (Лифаньбу). Оно занималось всеми делами на территории Монголии и Тибета и сопредельных местностях [10, с. 51; 11, с. 34; 24, с. 87–88; 29, с. 15]. После Синьхайской революции 1911 г. Министерство колоний было трансформировано в Комитет (Бюро) по делам Монголии и Тибета (Мэн цзан ши'у цзюй) [29, с. 16; 30, с. 42].

К середине декабря 1906 г. китайскими властями было принято решение о создании в составе Лифаньюань двух департаментов: Департамента охраны границ

¹ Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / сост. Экон. бюро Китайск. Вост. ж. д. Харбин, 1922. С. 8.

² Справочник по с. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд-во Экономического Бюро КВ жд, 1927. С. 6.

и Колонизационного департамента. В функции первого входили вопросы подготовки войск из монголов и тибетцев, просвещения, торговли. Второе занималось вопросами постройки железных дорог, работы рыбных промыслов, добычи природных ископаемых, а главное – колонизации монгольских земель. Эти департаменты сохранились в Лифаньбу, которое, к примеру, С. Л. Кузьмин именует отделом Цзун-ямыня (внешнеполитическое бюро) [27, с. 60].

В 1906 г. было создано Пекинское Особое бюро по переселенческим делам в Монголии [31, с. 188]. Архивные источники начала XX в. дают его точное название – Министерство Колоний³.

Характеристика поездки Министра Колоний князя Су
Информацию о поездке Министра Колоний князя Су мы находим в секретных материалах действительного статского советника Д. Д. Покотилова⁴. Д. Д. Покотил в 1905–1908 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в Китае. Достаточно подробно о нем писал А. Н. Хохлов [32]. В рамках предметного поля статьи представляют интерес его записи, связанные с изучением отчета о поездке князя Су и характеристикой разговоров с ним.

Д. Д. Покотил, сообщая о поездке, использовал, в частности, данные, полученные им из личной беседы с князем, в которой тот пытался убедить российского посланника, что не имеет каких-либо пристрастий в пользу Японии⁵. Главной своей задачей князь Су видел рост экономического благосостояния Монголии. Объехав значительную территорию, князь нашел, что наиболее успешными из монгольских князей являлись на юге – харачинский князь, в северных хошунах – князь Удай, который был известен Д. Д. Покотилу по своим сношениям с российскими властями в Маньчжурии. Су отмечал, что он дал самые лестные рекомендации князю Удаю, китайской императрице Цыси и Богдохану (Богдо-гэгэну) монгольских земель, что позволило снять с него обвинения в пророссийской политике⁶.

После беседы Д. Д. Покотил поставил себе задачу выяснить подробности поездки князя Су по северу Китая. Об этом он указывал в донесении⁷. В распоряжении у Д. Д. Покотилова был письменный отчет (доклад) князя

Су, составленный для представления императрице Цыси и Богдохану. Данный отчет не имел отношения к поездке князя по монгольским землям. Скорее сама поездка стала отражением позиции китайских властей в целом и Министра Колоний князя Су в отношении территории северного Китая⁸.

По мнению Д. Д. Покотилова, при осуществлении плана активной колонизации монгольских земель китайские власти должны были встретить серьезное сопротивление со стороны монголов. Те были не заинтересованы впускать китайцев на свои земли⁹. В докладе говорилось, что монголы собирались прибегнуть «к самым крайним мерам» в воспрепятствовании планам китайских властей¹⁰. По отчету князя Су можно сделать вывод о его отрицательном отношении к Хэйлунцзянскому цзянь-цзюню сановнику Чэнь-дэ-цюаню. Его проектам князь противопоставляет мнение одного из Вице-директоров Министерства Колоний Яо-си-гуана, который еще в 1905 г. объехал монгольские земли¹¹.

Архивные документы содержат в себе перевод упомянутого выше доклада Министра Колоний князя Су, ставшего причиной его поездки. Доклад опирался на данные поездки Вице-директоров Министерства Колоний Яо-си-гуана. В нем отмечалось, что в 1905 г. Хэйлунцзянский цзянь-цзюнь Чэнь-дэ-цюань вышел с всеподданнейшим докладом о необходимости развития монгольских племен, объясняя это «серьезностью современного положения дел»¹².

По словам Чэнь-дэ-цюаня, все монгольские сеймы издавна выступали защитниками северных границ Китая. Сейм (чуулган) – это административная единица монгольских земель цинского Китая. Согласно иной точке зрения, это съезд хошунных князей аймака, который собирался периодически¹³ [33, с. 120].

Так или иначе, Чэнь-дэ-цюань настаивал на необходимости принятия мер для упрощения управления страной, в данном случае ее монгольскими землями. Из Пекина пришел ответ следующего содержания: «Предлагаемые цзянь-цзюнем меры колонизации не лишены известных достоинств. Сего ради повелеваем Князю Первой степени Су, Министерству Колоний и подлежащим цзянь-цзюням, генерал-губернаторам и губернаторам изыскать должные меры применительно к условиям вверенных им округов

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 559. Оп. 1. Д. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4–5.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Чуулган // Академик. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/20134/ЧУУЛГАН> (дата обращения: 02.07.2019).

и войти по сему предмету с подробным докладом»¹⁴. Пришедший ответ определил, с одной стороны, необходимость поездки князя Су, с другой – его негативное отношение к Хэйлунцзянскому цзянь-цзюню сановнику Чэнь-дэ-цюаню, который вышел с инициативой в обход князя и получил одобрение Пекина. В то же время в своем докладе в Пекин князь поддержал идею¹⁵.

В Хэйлунцзян из Гирина были посланы чиновники для размежевания земель под грядущую китайскую колонизацию. Между тем оставались значительные пустующие земли, в отношении которых работа китайских чиновников не начиналась. Это территория «к западу от гор Суюрцзи (Суюрци), в знаменах Учжумуцин, Аруцин, в левом и правом знамени Чжарута, Тумизэ, левом и правом крылах Буркинских и прочих – незаселенные пустыри на протяжении нескольких сот верст»¹⁶. Территория Внутренней Монголии была разделена китайскими властями на 49 знамен (хошунов) – административно-территориальных единиц во главе с дутунами. Знамена входили в 6 сеймов (чуулганов). К незаселенным, пустынным территориям князь Су предлагал применить опробованную и хорошо зарекомендовавшую себя практику Шаньсийской провинции. Туда специальным указом должен быть послан сановник для управления колонизационными делами и прочими вопросами, касающимися устройства страны. Руководящим началом при этом должно было стать «не требование немедленной выгоды», а привлечение значительного количества колонистов¹⁷.

Князь Су также указывал, что монгольские знамена, расположенные к востоку и западу от гор Суюрцзи (Суюрци), такие как Учжумуцин и сеймы Чжеримский, Чжосутуйский, Чжасудаский, Силингольский и др., подчиненные Мукдэнскому цзянь-цзюню, Жехескому и Чахарскому дутунам и расположенные за пределами Великой стены по линии Чжилийской провинции, на юге прикрывали собой столичную область. На востоке же они издавна служили основой для управления Монголией¹⁸.

В докладе обозначено, что монголы являются приверженцами буддизма и очень чтут данное учение. Выражение уважения к нему со стороны китайских властей, по мнению князя Су, должно было позволить заручиться поддержкой монгольского населения в колониальных начинаниях¹⁹.

Во исполнение Высочайше возложенного поручения по решению «монгольского вопроса» князь Су отправился в поездку по монгольским землям. Что касается

самой поездки, то судя по документам, она была краткой и не соответствовала запланированному маршруту.

А. И. Кохановский в одной из работ начала XX в. характеризует высказывание подьесаула В. А. Третьякова, который в 1907 г. совершил научную поездку по Монголии. Тот отмечал притеснения монгольского населения со стороны китайцев, указывал на серьезное переселенческое движение китайцев из провинций Шанси и Шенси на монгольские земли, особенно в районы городов Далай-Нор (Далайнор), Синминтин, Кайпин-Сан, Ляоян-Вопынь, Цзин-цзя-гунь, Бодунэ [2, с. 6–7; 3, с. 504–505].

Переселенческие движения шли по самой территории северного Китая. Подобное наблюдалось в начале второго десятилетия XX в. в Хэйлунцзянской провинции. Центр ее был заселен плотно, отдельные же земли пустовали. Туда и переселялись китайцы из густонаселенных районов²⁰.

Известно, что в рассматриваемое время монгольское население сопротивлялось колонизации со стороны китайцев. В его среде создавались дугуйланы – кружки, состоявшие главным образом из аратов (в узком смысле – скотоводы, в широком – трудящиеся) [27, с. 196].

В начале 1909 г. генерал-губернатором Маньчжурии Яи Ляном пекинским властям был предложен план китаизации монголов, заключавшийся в искоренении монгольских традиций. План был одобрен. На монгольских землях начали строиться китайские города [27, с. 66]. Колонизация Внешней Монголии со стороны Китая формально запрещалась Кяхтинским договором 1915 г., китайские же колонисты стали покидать названную территорию еще в 1911 г. [27, с. 138, 185]. Внешняя Монголия, находясь с цинским Китаем, по сути, в вассальных отношениях, была и до того в несколько лучшем положении, чем Внутренняя. Там намного активнее шла постепенная колонизация земель китайцами и окитаивание монгольского населения. Однако, как и во Внешней Монголии, происходило это до 1911 г.

По замечанию А. В. Михалева, к 1911 г. были заселены хошуны Дурбэт, Северный Горлос, Чжалайт, Тушэ-гун (Сэ-гун), Южный Горлос (Гун-е-фу), Чжасакту, Ту-шэ-ту [7, с. 269–270].

Показательными в плане освоения северных территорий страны, причем как китайцами, так и русскими, являются некоторые цифры. Так, в 1911 г. в Хэйлунцзянской провинции проживало 3,292266 млн человек, а в 1903 г. – всего 408 тыс. [28, с. VIII].

¹⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 8–9.

¹⁸ Там же. Л. 9–10.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Болопан А. П. Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А. П. Болобана по обследованию в 1911 году районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукдёнской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношениях. Харбин: Коммерч. часть Кит. Вост. ж. д., 1912. 21 с.

В связи с революционными событиями в Китае и Монголии в 1912–1914 гг. приток колонистов сократился. Вновь он начал расти в 1914–1915 гг., но Первая мировая война замедлила данный процесс. Колонизация продолжалась и далее, но значительно меньшими темпами²¹.

Заключение

Колонизационная политика Китая на монгольских землях севера и северо-востока страны получила серьезное развитие в самом начале XX в. Первые колонисты появились на этой территории значительно раньше, но по начальному периоду говорить о массовой колонизации не приходится. Строительство Китайско-Восточной железной дороги и муссируемые в российском обществе и средствах массовой информации слухи о планах массовой российской колонизации северных и северо-восточных территорий Китая заставили китайские власти активизировать свои действия на данных землях.

Однако «российская угроза» была только одной составляющей. Вторая – т. н. «монгольский вопрос», т. е. наличие самостоятельности монгольских правителей, в некоторых случаях доходившей до противопоставления себя китайской власти. Два названных факта привели к созданию Министерства Колоний Китая. Его задача – организация и реализация процесса колонизации китайским населением

монгольских земель севера и северо-востока страны. Метод – переселенческая политика, в рамках которой названные земли заселялись крестьянами с более южных территорий государства. Колонизация была неравномерной. Отдельные регионы обширных монгольских земель получили более плотное заселение, в других переселенцы на начальной стадии практически не появились. Со временем начался процесс внутренней миграции китайцев уже по монгольским землям.

В начале XX в. решением «монгольского вопроса» занялся Министр Колоний князь Су. Он осуществил поездку по Юго-Восточной Монголии (Северо-Восточный Китай) с целью поиска путей колонизации. И такой путь им был найден: использование имевшегося опыта колонизации провинции Шаньси, когда туда был послан специальный сановник для управления процессом переселения. По мнению князя, требовалось решать вопрос не мгновенно, а постепенно, с привлечением как можно большего числа колонистов.

Поставленная задача колонизации территории Северного и Северо-восточного Китая была решена. Население региона резко увеличилось, а самое главное, он стал более подчиненным китайским властям, чем ранее. Монгольские правители утратили самостоятельность.

Литература

1. Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу). Владивосток: Вост. ин-т, 1911. 187 с.
2. Кохановский А. И. По поводу колонизации в Китае и у нас. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 20 с.
3. Кохановский А. И. По поводу колонизации в Китае и у нас // Известия Императорского Русского географического общества. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 499–517.
4. Яшнов Е. Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1928. 292 с.
5. Патрушева М. А. О характере колонизационной политики цинского правительства в Маньчжурии в 70–80-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 226 с.
6. Патрушева М. А. Китайская колонизация Маньчжурии в 1911–1931 гг.: переселенческое движение и его социально-экономические последствия // Общество и государство в Китае: тез. и докл. 14 науч. конф. М., 1983. Ч. 2. С. 192–200.
7. Михалев А. В. Китайская колонизация северо-восточной Монголии начала XX века в исследованиях российского генштаба // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: мат.-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.) Иркутск, 2014. С. 267–271.
8. Дацышен В. Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 232 с.
9. Курас Л. В. Монголия в составе империи Цин в начале XX в. // Власть. 2015. № 12. С. 143–148.
10. Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалья // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 50–55.
11. Дацышен В. Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: мат.-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.) Иркутск, 2014. С. 25–48.
12. Спицын А. В. Административное устройство Маньчжурии. Харбин: Рус.-кит. газ. «Юань-Дунь-Бао», 1909. 30 с.
13. Баранов И. Г. Административное устройство Северной Маньчжурии. Харбин, 1926. 22 с.
14. Бруннерт И. С., Гагельстром В. В. Современная политическая организация Китая / под ред. Н. Ф. Колесова. Пекин: тип. Успен. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. 532 с.
15. Ду Бинбин. Реформа административного аппарата империи Цин (1901–1911 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 26 с.

²¹ Справочник по с. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд-во Экономического Бюро КВЖД, 1927. С. 7.

16. Костина О. А. Административные реформы на Северо-Востоке Китая в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 141 с.
17. Баранов А. М. Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии. Харбин: Штаб Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1906. 13 с.
18. Баранов А. М. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин: Штаб Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1908. 138 с.
19. Спицын А. В. Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 26–54.
20. Добролюбовский И. А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин: Упр. воен. комиссара Хэйлунцзян. провинции, 1906. 196 с.
21. Brunnert H. S., Hagelstrom V. V. Present day political organization of China. Rev. by N. Th. Kolessoff; tr. from the Russian by A. Beltchenko and E. E. Moran. N. Y.: Paragon, 1911. 676 p.
22. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия, XVI – нач. XX века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 101 с.
23. Меньшиков П. Н., Смольников П. Н., Чирков А. И. Северная Маньчжурия. Т. I: Гиринская провинция. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1916. 652 с.
24. Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 246 с.
25. Макуха Н. А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2. С. 80–85.
26. Глуздовский В. Е. Приморско-Амурская Окраина и Северная Маньчжурия. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток: тип. и цинк. «Далекая Окраина», 1917. 184 с.
27. Кузьмин С. А. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.
28. Меньшиков П. Н., Смольников П. Н., Чирков А. И. Северная Маньчжурия. Т. II: Хэйлунцзянская провинция. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1916. XXII+646 с.
29. Лапин П. А. Палата по делам вассальных территорий (Лифаньюань) в системе российско-китайских отношений (середина XVII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
30. Лапин П. А. Очерк национального законодательства для монголов в Китае во время династии Цин // Восточный архив. 2015. № 1. С. 39–47.
31. Ордынская Ю. В. Освоение территории Внутренней Монголии – путь от китайской колонии до промышленного центра // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 4. С. 188–193.
32. Хохлов А. Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилор // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 36–54.
33. Базаров Б. В., Хишигжаргал Г. Особенности военно-административной системы Внешней Монголии в цинский период // Власть. 2016. № 10. С. 120–126.

Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century*

Evgeny V. Drobotushenko^{a, ID1}; Yuliya N. Lantsova^{a, @, ID2}

^a Transbaikial State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039

@astra205@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7176-0478>

Received 30.07.2019. Accepted 25.10.2019.

Abstract: The paper features some aspects of Chinese colonization policy in the Mongolian North in the early XX century. There have been publications on the issue; however, they fail to provide a full coverage of the period, and no serious comprehensive study has ever been performed. In this regard, documents of the State Archive of the Russian Federation can contribute to the comprehensive study of the topic. The documents are mostly represented by trip reports to Manchuria in the first quarter of the XX century. The article describes a document about a little known event of the period in question: the trip made by the Chinese Minister of Colonies Prince Su to the territory of South-Eastern Mongolia (North-Eastern China). The author also analyzed the related conclusions made by the Actual State Councilor D. D. Pokotilov, the Extraordinary Envoy and Plenipotentiary Minister in Beijing. The paper also contains a revision of Chinese colonial policy in the Mongolian lands, made by Prince Su in his report to the Chinese authorities. The beginning of the XX century became the climax of the Chinese colonization on the territory in question. This period is also associated with the expansion of Russian influence on the territory of the Sino-Eastern railway right of way. Nevertheless, a complete picture of Chinese colonization requires further studies of archival sources.

Keywords: the Ministry of the Colonies, Heilongjiang, Manchuria, Lifanyuan, Lifanbu

For citation: Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N. Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 924–931. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931>

References

1. Davidov D. A. *Colonization of Manchuria and North-Eastern Mongolia (Tao-Nan-Fu Area)*. Vladivostok: Vost. in-t, 1911, 187. (In Russ.)
2. Kokhanovskii A. I. *Colonization in China and in this country*. St. Petersburg: tip. M. M. Stasiulevicha, 1909, 20. (In Russ.)
3. Kokhanovskii A. I. *Colonization in China and in this country*. *Izvestiia Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1909, 45(8): 499–517. (In Russ.)
4. Iashnov E. E. *Chinese colonization of Northern Manchuria and its prospects*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1928, 292. (In Russ.)
5. Patrusheva M. A. *On the nature of the colonization policy of the Qing government in Manchuria in the 70–80s XIX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1981, 226. (In Russ.)
6. Patrusheva M. A. Chinese colonization of Manchuria in 1911–1931: the resettlement movement and its socio-economic consequences. *Society and State in China: theses and reports of 14th Sci. Conf. Moscow*, 1983, pt. 2, 192–200. (In Russ.)
7. Mikhalev A. V. Chinese colonization of Northeastern Mongolia in the early XX century in studies of the Russian General Staff. *Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, economics, science: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk*, May 29–30, 2014. Irkutsk, 2014, 267–271. (In Russ.)
8. Datsyshen V. G. *Essays on the history of Mongolia in the XIX – first quarter of the XX centuries*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, 232. (In Russ.)
9. Kuras L. V. Mongolia as part of the Qing Empire at the beginning of the 20th century. *Vlast*, 2015, (12): 143–148. (In Russ.)
10. Tarasov A. P. Historical fate of Barga and Transbaikial. *Aziia i Afrika segodnia*, 2013, (4): 50–55. (In Russ.)
11. Datsyshen V. G. Mongolia as part of the Qing Empire in the early XX century and the Xinhai Revolution. *Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, economics, science: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk*, May 29–30, 2014. Irkutsk, 2014, 25–48. (In Russ.)
12. Spitsyn A. V. *The administrative structure of Manchuria*. Harbin: Rus.-Kit gaz. "Iuan-dun-bao", 1909, 30. (In Russ.)
13. Baranov I. G. *Administration of Northern Manchuria*. Harbin, 1926, 22. (In Russ.)

* This research was funded by grant of the Council for Science and Innovations of the Transbaikial State University (No. 266-GR) "Normative regulation of confessional relations in the border territories of Transbaikalia, Northern China, and Mongolia: history and modernity (a comparative analysis)".

14. Brunnert I. S., Gagelstrom V. V. *Modern political organization of China*, ed. Kolesov N. F. Pekin: tip. Uspen. monastyria pri Rus. dukhov. missii, 1910, 532. (In Russ.)
15. Du Binbin. *The reform of the administrative apparatus of the Qing Empire (1901–1911)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 26. (In Russ.)
16. Kostina O. A. *Administrative reforms in Northeast China in the early XX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2007, 141. (In Russ.)
17. Baranov A. M. *Mongolia. Brief review of the political state of Mongolia*. Harbin: Shtab Zaamur. okr. Otd. korpusa pogran. strazhi, 1906, 13. (In Russ.)
18. Baranov A. M. *Northeast Sejms of Mongolia*. Harbin: Shtab Zaamur. okr. Otd. korpusa pogran. strazhi, 1908, 138. (In Russ.)
19. Spitsyn A. V. Administration of Manchuria. *Vestnik Azii*, 1909, (2): 26–54. (In Russ.)
20. Dobrolovskii I. A. *Heilongjiang Province of Manchuria*. Harbin: Upr. voen. komissara Kheiluntszian. provintsii, 1906, 196. (In Russ.)
21. Brunnert H. S., Hagelstrom V. V. *Contemporary political organization of China*, rev. by Kolesoff N. Th.; tr. from the Russian by Beltchenko A. and Moran E. E. N. Y.: Paragon, 1911, 676.
22. Skrynnikova T. D. Lamaist church and state. *Outer Mongolia, XVI – early XX century*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988, 101. (In Russ.)
23. Menshikov P. N., Smolnikov P. N., Chirkov A. I. *Northern Manchuria. Vol. I: Girin Province*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1916, 652. (In Russ.)
24. Namsaraeva S. B. *The Institute of governors of Qing China in Mongolia and Tibet in the XVIII Century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2003, 246. (In Russ.)
25. Makukha N. A. Secret reports of Russian officials in the Far Eastern territory on Chinese colonization of northern Manchzhuria in the end of the 19 – the beginning of the 20th centuries. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2008, (2): 80–85. (In Russ.)
26. Gluzdovskii V. E. *Primorsko-Amur Border Land and Northern Manchuria*, 2nd ed. Vladivostok: tip. i tsink. "Dalekaia Okraina", 1917, 184. (In Russ.)
27. Kuzmin S. L. *Theocratic statehood and the Buddhist church of Mongolia in the early XX century*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016, 496. (In Russ.)
28. Menshikov P. N., Smolnikov P. N., Chirkov A. I. *North Manchuria. Vol. II: Heilongjiang Province*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1916, XXII+646. (In Russ.)
29. Lapin P. A. *Chamber of Vassal Territories (Lifanyuan) in the system of Russian-Chinese relations (mid XVII – mid XIX centuries)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2011, 26. (In Russ.)
30. Lapin P. A. National legislation for Mongols in China in time of Tsyn Dynasty. *Vostochnyi arkhiv*, 2015, (1): 39–47. (In Russ.)
31. Ordynskaya Y. V. The development of the territory of Inner Mongolia: from a Chinese colony to an industrial center. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2016, (4): 188–193. (In Russ.)
32. Hohlov A. N. Dmitriy Dmitrievich Pokotilov. *Voprosy istorii*, 2011, (5): 36–54. (In Russ.)
33. Bazarov I. G., Khishigzhargal G. Specific features of the military-administrative system of Outer Mongolia in the Qing period. *Vlast*, 2016, (10): 120–126. (In Russ.)

Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана

Николай М. Зиняков^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] nmzinyakov@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 03.12.2019.

Аннотация: На основе археологических и письменных источников рассматриваются предпосылки средневековой урбанизации районов Семиречья и Южного Казахстана. Исследования свидетельствуют, что в основе урбанизационных сдвигов в регионе были взаимовлияющие политические, экономические и социальные процессы. В политической сфере таковыми стали создание и развитие государственных образований, формирование политического и идеологического единства общества, обеспечение внешней безопасности населения, регулирование законодательной и налоговой деятельности и в результате формирование единого хозяйственного механизма с условиями для воспроизводящего хозяйства. В экономической сфере важными факторами градообразования стали хозяйственные изменения так называемого второго этапа аграрной революции: переход от примитивного ручного земледелия к интенсивному, использование пахотных орудий с железными лемехами и упряжными животными, широкое применение ирригации, культивирование зерновых и технических культур, накопление навыков хранения и переработки зерна. В социальной сфере происходило разложение родового строя и формирование раннеклассового общества, основанного не на кровнородственных, а на хозяйственных связях, что способствовало формированию социальной структуры средневековых городов, в том числе страт ремесленников, торговцев, административной элиты и служителей культа. В целом анализ источников показывает, что основные исторические предпосылки развития городов Семиречья и Южного Казахстана сложились в период раннего Средневековья. При этом формирование их в различных районах означенной территории протекало весьма неравномерно.

Ключевые слова: критерии города, урбанизация, государство, аграрная революция, социальные процессы

Для цитирования: Зиняков Н. М. Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 932–939. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-932-939>

Введение

История Казахстана эпохи раннего Средневековья характеризуется активными урбанизационными процессами, концентрированным выражением которых было формирование городов, являвшихся важным фактором общественного развития.

В научной литературе в настоящее время не существует единой формулировки понятия *город*. Чаще всего понятие *город* обуславливается хронологическими и географическими факторами [1–8]. В перечень критериев, определяющих город, обычно входят: 1) крупное поселение; 2) преобладание ремесленной и торговой деятельности жителей; 3) наличие специализации в сфере ремесленного производства; 4) существование развитого обмена, имеющего форму рынка; 5) дифференцированная структура населения в зависимости от рода занятий и социальных функций; 6) представление собой крепости и военного центра.

Проблема средневекового города, возникшая на рубеже XVIII–XIX вв., постоянно привлекала внимание исследователей и в настоящее время составляет отдельное научное

направление. О состоянии западной и российской урбанистической историографии можно судить по публикациям В. В. Стоклицкой-Терешкович [9], А. А. Сванидзе [10], А. Л. Ястребицкой [7], А. В. Кузы [11], А. В. Хрякова [12]. Город как историческое явление активно изучается в Средней Азии. Значительный вклад в исследование городов Средней Азии внесли В. В. Бартольд, М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов, А. М. Беленицкий, О. Г. Большаков, И. Б. Бентович, Р. Г. Мукминова, Ю. Ф. Буяков и др. История изучения средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана берет свое начало с работ В. В. Бартольда, П. И. Лерха, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама. К настоящему времени проблемы средневекового города нашли свое отражение в обобщающих работах [13; 14], статьях и монографиях К. М. Байпакова [15–22], Т. Н. Сениговой [23], Т. В. Савельевой [24], Е. А. Смагулова [25–28], Н. М. Зинякова [29], Б. А. Байтанаева [30] и др. В опубликованных работах рассматриваются актуальные проблемы и исторические закономерности возникновения и развития городской культуры средневекового Казахстана,

динамика и этапы развития урбанизационных процессов в регионе, локализация средневековых городов, состояние их материальной и духовной культуры, развитие городской архитектуры, хозяйственные занятия населения, демография городов, взаимодействие тюрков и согдийцев.

Целью данной статьи является характеристика исторических предпосылок появления и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана, менее других затронутая исследователями.

Политические процессы, повлиявшие на градообразование

Появление и развитие городов связано со сложными взаимосвязанными и взаимовлияющими политическими, экономическими и социальными процессами, происходившими в эпоху раннего и зрелого Средневековья на изучаемой территории. Сложные структурные подвижки сформировали необходимые предпосылки реализации в значительной степени специфического пути становления средневековых городов в регионе. В политической сфере важным фактором урбанизационных процессов было становление и развитие государственных образований. Само появление государства прямо или косвенно связано с урбанизацией [31, с. 102]. По мнению А. В. Коротаева и Л. Е. Гринина, взаимосвязь между наличием государственности и формированием городов не является случайной, поскольку политические, экономические и социальные процессы в государстве переплетены с урбанизацией, опираются на нее и в свою очередь влияют на развитие городов [31, с. 103]. Урбанизация и развитие государственности не просто тесно взаимосвязаны и влияют друг на друга, но они являются разными сторонами единого процесса развития [31, с. 127].

Известно, что государство – это комплексный интегративный институт, концентрирующий в себе различные функции. Среди факторов влияния государства на процессы градообразования ученые называют: 1) создание политического и идеологического единства; 2) формирование единого хозяйственного организма; 3) обеспечение внешней безопасности; 4) усиление военного значения посредством поддержки и строительства городов-крепостей, ставших наиболее распространенным типом городов; 5) обеспечение социального порядка и перераспределение прибавочного продукта в условиях социальной стратификации; 6) создание условий для воспроизводящего хозяйства; 7) регулирование повинностей (делая их посильными) [32, с. 130]. При этом содержание, интенсивность, формы реализации этих факторов зависели от конкретно-исторических условий существования изучаемого сообщества.

Материалы средневековой истории свидетельствуют, что территория Южного Казахстана и Семиречья в той или иной мере входила в состав неоднородной группы государств, находившихся на разных уровнях и стадиях развития и преследовавших неравнозначные цели [13; 33]. Отправной точкой появления этих государств следует признать создание Тюркского каганата в середине VI в.

По мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, Тюркский каганат стал интегрирующей частью тогдашнего мира, связав в единое целое земли и страны между Китаем, Ираном и Византией. Сложился общий для тюрков и иранцев полиэтнический мир, в котором возникали устойчивые формы хозяйственного и культурного синкретизма [34, с. 119]. Период тюркских каганатов был временем не только обширных завоеваний. Завоевательные походы сопровождались крупной миграцией тюркских племен и заселением новых территорий. В связи с этим возникает вопрос – каковы были взаимоотношения пришлых кочевников с местным оседлым населением? С. Г. Кляшторный в одной из своих работ отмечает: «Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях Средней Азии с городами и оседлоземледельческим населением существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Тюркский каганат ограничился здесь утверждением своего сюзеренитета и получения дани» [34, с. 93]. Однако археологические материалы свидетельствуют о существовании серьезных негативных явлений, сопровождавших миграцию тюркского населения. Например, в Отрарском оазисе в VI – первой половине VIII в. прекратили свое существование многие из поселений и городищ, а население их было вытеснено в низовья Сырдарьи [19, с. 349]. Вместе с тем археологические исследования в Юго-Западном Семиречье и Южном Казахстане выявили несколько десятков городищ, сформированных в VI–VIII вв. [18, с. 295]. Приведенные примеры иллюстрируют нелинейный характер влияния ранних государств на урбанизационные процессы. В целом уже в тюркских каганатах отмечается складывание устойчивых форм хозяйственного и культурного симбиоза. Указанному процессу способствовала позиция тюркских каганов, искавших экономическую и политическую опору в регионе, и этой опорой стали города, городское и оседлое население [19, с. 332]. В последующее время в государстве Караханидов наблюдался расцвет городской культуры. Археологические исследования фиксируют в обозначенных хронологических рамках территориальный рост старых и возникновение новых городов и поселений, распространение процессов урбанизации в районах Северо-Восточного Семиречья [19, с. 351].

Характерной особенностью средневековых государств являлась их политическая непрочность, при которой власть разделялась между центральными и удельными правителями. Кроме того, на протяжении нескольких сотен лет их межгосударственные границы не были точно установлены и неоднократно менялись в зависимости от политической ситуации в регионе. Исходя из сказанного, очевидно, что направление деятельности государственных образований оказывало серьезное влияние на урбанизационные процессы, их интенсивность, направленность и в конечном счете на состояние и облик средневекового города.

Экономические процессы, второй этап аграрной революции

В экономической сфере население изучаемого региона периода раннего и зрелого Средневековья переживало второй этап аграрной революции, связанный с переходом от ручного земледелия к интенсивному. Характерными чертами последнего являлись: использование плуга с железным или чугунным лемехом и упряжных животных, широкое распространение ирригации, селекции растений, комбинированное выращивание зерновых, технических, бахчевых и садовых растений при доминирующей роли зерновых злаковых культур.

Особенное значение имело внедрение плуга с железным, а в еще большей степени – с чугунным лемехом и упряжными животными. Их широкое распространение позволяло значительно расширить посевные площади, увеличить производительность труда (до 75 раз [35]) и повысить урожайность. Одновременно с этим появились стальные серпы с изогнутым лезвием, без применения которых расширение посевных площадей было бы невозможным. Это убедительно подтверждается археологическими материалами и данными металлографических исследований.

Неотъемлемой частью аграрной революции было культивирование зерновых культур. Значение растениеводства повышалось в связи с тем, что оно способно было прокормить большее во много раз количество населения, нежели животноводство [32, с. 111]. Продукция растениеводства хорошо хранилась, ее можно было накапливать и легко перемещать. На территории Южного Казахстана остатки зерновых (ячмень, пшеница, просо) обнаружены на раскопанных поселениях и раннегородских центрах Кангюя. Выращенное зерно хранилось в ямах-хранилищах или больших глиняных емкостях, располагавшихся в специальных помещениях [36, с. 284]. Уровень развития земледелия эпохи раннего Средневековья хорошо характеризуется археологическими материалами из раскопок Алтын-асара. Здесь на участке «Большого дома» выявлено два строительных горизонта. Нижний получил название «горизонт зернотерок» (рубеж н. э. – IV в. н. э.), верхний – «горизонт жерновов» (IV–VIII вв. н. э.) [37, с. 34]. Совершенно очевидно, что появление каменных жерновов значительно увеличило получаемый объем зерна, производительность труда (от 5 до 15 раз) и качество продукции. По своей значимости применение каменных жерновов, во много раз увеличивавших производительность труда, можно сравнить с другим эпохальным изобретением – гончарным кругом, преобразовавшим в корне гончарное производство.

Изучение археологических материалов показывает, что ручные мельницы начинают бытовать на территории Нижней Сырдарьи в период IV–VII вв., в Отрарском оазисе – в V–VII вв. [38, с. 61]. С VIII–IX вв. они становятся достаточно распространенными находками. Размеры наиболее ранних жерновов небольшие. Диаметр камней составлял 25–35 см. В последующем наблюдалась тенденция к их увеличению.

Дальнейшее развитие земледелия и увеличение размеров возделываемых земельных площадей привело в конечном итоге к росту численности оседлого и, прежде всего, городского населения, для которого, с одной стороны, складывалась достаточная продовольственная база, с другой – расширялось поле деятельности и в ремесле, торговле, и в обработке сельскохозяйственной продукции. Свою нишу в этом смысле заняли и мукомолы, занимавшиеся малопроизводительным трудом по измельчению зерна в муку на ручных мельницах. Сама переработка все возрастающих объемов собираемого зерна отвлекала все большее количество рабочих рук. Выходом из создавшегося положения явилось использование водяной мельницы, источником энергии которой были текущие реки. Применение водяной мельницы существенно повысило производительность труда в мукомольном деле и способствовало процессу трудосбережения, высвободив значительное количество трудовых ресурсов.

Производительность водяных мельниц зависела от размера жерновых камней и скорости их вращения. В зависимости от этих показателей можно было размолоть от 1 до 4 пудов зерна в час. Наиболее ранние свидетельства использования водяных мельниц в Средней Азии содержатся в договоре об аренде трех мельниц со всеми каналами, строениями и жерновыми. Договор обнаружен на горе Муг, датирован началом VIII в. [39, с. 320]. Археологическое изучение городов Средней Азии VIII – начала XIII в. показало, что в этот период водяные мельницы давали основную часть товарной муки [40, с. 290]. В качестве археологических свидетельств служат жернова из Ак-Бешима (диаметр – 1,5 м) и три нижних камня из Талгара (диаметр – 110–113 см; высота – 13 см).

Главными хлебными культурами в Семиречье были пшеница и просо. Зерновые ямы с остатками зерна обнаружены в слоях VIII–IX вв. при раскопках городищ Жаксылык, Антоновское, Сумбе [17 с. 123]. В долине Арыси сеяли просо, ячмень, пшеницу [41]. Сходная ситуация наблюдалась в Таразе.

Среди других важных факторов аграрной революции были успехи поливного земледелия, позволявшие земледельцам получать стабильные, относительно высокие урожаи и обеспечивать продовольствием и сырьем неземледельческое население. Ирригация как метод искусственного увлажнения земель довольно рано (середина I тыс. до н. э.) появилась на территории Нижней Сырдарьи. Найденные остатки оросительных сооружений свидетельствуют, что местное население было давно знакомо с приемами регулярного поливного земледелия, носившего примитивный характер [37, с. 31]. Более значительные оросительные каналы появляются на Нижней Сырдарье в IV–II вв. до н. э. Следующий период в развитии ирригации низовьев Сырдарьи охватывает период раннего Средневековья (начало н. э. – IX в. н. э.). Для орошения земель использовались регулируемые извилистые и разветвленные русла стариц с отходящими от них арыками [37, с. 33–34]. В Отрарском оазисе зарождение ирригации относится к I–IV вв. н. э. [37, с. 44].

Здесь, на левом и правом берегах Сырдарьи, обнаружены многочисленные оросительные системы с сельскохозяйственными поселениями, относящимися к I–IV вв. н. э. [37, с. 41–43].

На территории южных склонов Каратау выявлены арыки и сельскохозяйственные поселения, относящиеся к III–V вв. н. э.

Последующий период (VII–IX вв.) – период раннефеодальных государств – отмечен совершенствованием оросительной сети в Южном Казахстане, расширением посевных площадей, строительством новых и реконструкцией старых каналов [37, с. 118–119].

В Заилийском Алатау искусственное орошение получило развитие в VIII–X вв. Оно базировалось на использовании горных рек, отведенных от них каналов и устройстве поливных сооружений [17, с. 123].

Результатами аграрной революции явились: 1) рост населения, повышение его плотности и образование зон густонаселенных районов (последнее наблюдалось в бассейне Сырдарьи, северных склонах Каратау и в Семиречье); 2) распространение оседлости населения; 3) возникновение мощных миграционных потоков; 4) появление излишков благ, которые можно было концентрировать, хранить, перемещать и отчуждать [42, с. 63–64]. Кроме того, аграрная революция открыла новые движущие силы развития в виде разделения труда различного уровня: внутри сельского хозяйства – между растениеводством и животноводством, между сельским хозяйством и ремеслом, между ремеслом и торговлей, внутри ремесла и торговли, между производственной и социальной деятельностью (управленческая, военная, интеллектуальная и пр.) [32, с. 113].

Чрезвычайно важным фактором урбанизационных процессов являлось начавшееся в средние века отделение ремесла от сельского хозяйства. Отделение ремесла от земледелия (второе общественное разделение труда) способствовало развитию производительных сил, росту производительности труда и, соответственно, промышленного производства в целом, а также концентрации производителей в крупных населенных пунктах. Дальнейший прогресс промышленности в рамках средневекового города заключался в углублении специализации ремесленников и появлении новых отраслей ремесленного производства. Следствием разделения труда стал рост обмена продуктами производства, что положило начало эпохе товарного производства. Более того, развитие обмена обусловило появление металлических денег и монетного производства и – как следствие – формирование новых групп ремесленников и торгового сословия.

Изменения в социальной сфере

Экономические процессы влекли за собой изменения в социальной сфере, главным из которых было разложение родового строя, ограничивавшего деятельность ремесленников родовыми узами. Разложение родоплеменного строя представляло собой сложный и длительный процесс, которому сопутствовали:

1) межплеменная борьба, в ходе которой происходили неоднократные перемещения отдельных групп населения с одной территории на другую, сопровождавшиеся нередко включением их в состав более сильного социума и дальнейшей ассимиляцией, а также дроблением и разрушением родовых структур [33, с. 310, 311, 315, 319];

2) образование раннефеодальных государств на основе территориально-удельной системы (при этом политические образования, созданные кочевниками в процессе завоевания сельскохозяйственных районов Евразии, представляли собой интегрированную систему, состоявшую из политически субординированных разнородных политий (государство и вождество, государство и племена) [43, с. 42];

3) социальное расслоение, концентрация богатств в руках верхушки родоплеменной знати (известно, что имущественная дифференциация внутри тюркских племен была весьма значительной);

4) переход части кочевых и полукочевых племен к оседлому земледелию, вызванный отчасти утратой скота и обнищанием, приводившим к отрыву их от родового ядра и утрате родовых связей (по мнению Н. Н. Крадина, последний процесс ускорялся вхождением в состав кочевых империй оседло-земледельческих сообществ [44, с. 172]).

Таким образом, в ходе описанных процессов происходило формирование раннеклассового общества, основанного в большей степени не на кровнородственных, а на хозяйственных связях. Упоминание в арабско-персидских источниках исследуемого периода многочисленных племенных групп, учитывая асинхронность процессов распада родовых отношений в регионе, следует связывать, с одной стороны, с фактором длительного сохранения форм родовой организации и ее элементов в обществе переходного периода, с другой – с изменением внутреннего содержания термина *племя*, которое уже основывалось не на кровно-родственных узах, а на фиктивном генеалогическом родстве.

Так или иначе, новые социальные процессы способствовали формированию социальной структуры средневековых городов, характерными чертами которой были:

1. Появление населения, занятого изготовлением ремесленной продукции, представлявшего собой отдельную социальную группу. Археологический материал свидетельствует, что первоначально круг ремесленных специальностей был довольно узок: ткачи, гончары, кузнецы, медники, ювелиры, значившиеся практически в каждом городе. В последующем по мере развития городов происходило разделение специальностей, появление новых отраслей и узкоспециализированных производств.

2. Формирование особого социального слоя, занимавшегося торговлей. Покупая товары для последующей продажи с целью получения прибыли, торговцы становились посредниками между производителями и потребителями продукции. По мере роста городов и городского населения они превратились в неотъемлемый элемент новой социальной структуры.

3. Концентрация в городах административной элиты (правители округов, мехтары, хакиды, райсы), что превратило города в административно-политические центры.

4. Развитие культовой системы и слоя духовенства, связанного с распространением основных духовных конфессий и в особенности государственной религии – ислама, что способствовало превращению городов в идеологические центры.

Большой слой городского населения составляли люди непроизводительных профессий: писцы, менялы, ростовщики, разносчики, лекари, цирюльники, банщики, погонщики, пастухи, коновалы, музыканты и др. Сравнительно высокий уровень жизни в городе и его благоустройство становились привлекательными для поселения в нем крупных земельных собственников, составлявших небольшую, но очень влиятельную группу городского населения.

Заключение

Анализ известных археологических и исторических материалов свидетельствует, что в раннем Средневековье в Южном Казахстане и Семиречье были сформированы основные исторические предпосылки развития урбанизационных процессов, проявившиеся в политической, экономической и социальной сферах. Процессы формирования предпосылок в отдельных регионах обозначенной территории протекали неравномерно, что являлось отражением неравномерности общественного развития проживавшего там населения. Основные хронологические маркеры отмеченных процессов следующие: Южный Казахстан – начало н. э.; Юго-Западное Семиречье – середина I тысячелетия; Северо-Восточное Семиречье – VIII в. н. э. Рассмотренные факторы исторического развития отличались своей динамичностью, а их совместное воздействие определило региональную специфику формирования городов, облик и характер городской цивилизации средневекового Казахстана.

Литература

1. Аскарлов А. А. Типы оседлых поселений бронзового века и истоки урбанизации на юге Узбекистана // Древние города: мат-лы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 10–12.
2. Гуляев В. И. Города-государства древних майя // Древние города: мат-лы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 20–24.
3. Воробьев М. В. Город в раннесредневековой Японии // Древние города: мат-лы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 66–69.
4. Кляшторный С. Г. Древние города Монголии // Древние города: мат-лы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 64–65.
5. Кузицин В. И. К проблеме римского города (италийский город в I в. до н. э. – I в. н. э.) // Древние города: мат-лы к Всесоюзной конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». (Пенджикент, октябрь 1977 г.) / ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 29–31.
6. Сванидзе А. А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 29–31.
7. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Интерпракс, 1995. 416 с.
8. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Древний город и античный полис // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 93–99.
9. Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 339 с.
10. Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М.: Наука, 1980. 366 с.
11. Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.
12. Хряков А. В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // Исторический ежегодник. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. С. 76–83.
13. Байпаков К. М. Оседлая и кочевая культура в VI – первой половине IX вв. Город и степь // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4 т. Алматы: Атамұра, 1996. Т. I. С. 347–397.
14. Байпаков К. М. Культура оседлого, городского и степного населения во второй половине IX – первой половине XIII вв. // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4 т. Алматы: Атамұра, 1996. Т. I. С. 454–488.
15. Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 212 с.
16. Байпаков К. М., Шарденова З. Ж., Перегудова С. Я. Раннесредневековая архитектура Семиречья и Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 2001. 237 с.

17. Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Алматы: Credo, 2005. 187 с.
18. Байпаков К. М. Западно-тюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 396 с.
19. Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Алматы: Экожан, 2012. 389 с.
20. Байпаков К. М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Кн. III. Урбанизация в XIII – первой половине XV в. (по материалам исследований Южноказахстанской комплексной археологической экспедиции). Алматы: Хикари, 2016. 367 с.
21. Байпаков К. М., Савельева Т. В., Петров П. Н. Открытие города Иланбалык (Иланбали) в Жетысу // История и археология Семиречья. Алматы, 2017. Вып. 5. С. 156–159.
22. Байпаков К. М., Савельева Т. В. Великий шелковый путь и урбанизация Казахстана // Центральная Азия на Великом Шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности. Алматы: Service Press, 2018. С. 28–59.
23. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 219 с.
24. Савельева Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы: Ғылым, 1994. 216 с.
25. Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Средневековый город Сауран. Алматы: Credo, 2005. 201 с.
26. Смагулов Е. А. Застройка центральной площади города Саурана XIV–XVI вв. // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 93–119.
27. Смагулов Е. А., Петров П. Н. Археологические исследования Сауранского регистана // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 67–120.
28. Смагулов Е. А., Петров П. Н., Ержигитова А. А. Когда прекратил существование средневековый город Шавгар или новые данные к хронологии верхних слоев городища Шойтобе (Туркестанский оазис) // Археология Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2018. С. 164–189.
29. Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякин Д. А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Ғылым, 1998. 228 с.
30. Байтанаев Б. А. Древний Испиджаб: средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. Шимкент-Алматы: ЮОГУ, 2003. 136 с.
31. Коротаев А. В., Гринин Л. Е. Урбанизация и политическое развитие Мир-Системы: сравнительный количественный анализ // История и математика. Макроисторическая динамика общества и государства / отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. М.: КомКнига, 2007. С. 102–141.
32. Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. Волгоград: Учитель, 2003. 307 с.
33. Кумекон Б. Е. Государства раннего средневековья // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4 т. Алматы: Атамұра, 1996. Т. I. С. 296–346.
34. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
35. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М.: Учитель, 2015. 424 с.
36. Байпаков К. М., Смагулов Е. А. Кангюй // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 4 т. Алматы: Атамұра, 1996. Т. I. С. 272–294.
37. Грошев В. А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата: Наука, 1985. 148 с.
38. Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 158 с.
39. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе: Ирфон, 1989. Кн. 1. 378 с.
40. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. 393 с.
41. Баштанник С. В. Земледельческая культура Южного Казахстана. Кемерово: КеМГУКИ, 2007. 127 с.
42. Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Т. I. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
43. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
44. Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

Historical Background of Formation and Development of Medieval Cities in Zhetysu (Semirechye) and South Kazakhstan

Nikolai M. Zinyakov^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] nmzinyakov@rambler.ru

Received 12.11.2019. Accepted 03.12.2019.

Abstract: The present research was based on archaeological and written sources and featured the prerequisites of medieval urbanization of Zhetysu, or Semirechye, and South Kazakhstan. The local urbanization was influenced by political, economic, and social processes. In the political sphere, the factors included: onset and development of state units; political and ideological inclusion of society; better external security; regulation of legal and tax activities, which created a single economic mechanism for reproductive economy, etc. In the economic sphere, the important factors of urban development corresponded with the so-called second stage of the agrarian revolution, i.e. transition from primitive to intensive manual agriculture; use of arable tools with iron ploughshares and sled animals; popularization of irrigation; cultivation of grain and industrial crops; better storage and grain processing, etc. As for the social sphere, the period was marked by degradation of tribal relations. As a result, early class society was beginning to form. This new type of social relations was based not on family ties but on economic contacts, which contributed to the formation of the social structure of medieval cities, e.g. strata of artisans, merchants, administrative elite, priests, etc. The analysis of sources showed that the main historical prerequisites for the urban development of Semirechye and South Kazakhstan were formed in the early Middle Ages. However, their formation was rather irregular and depended on the exact area.

Keywords: city criteria, urbanization, state, agrarian revolution, social processes

For citation: Zinyakov N. M. Historical Background of Formation and Development of Medieval Cities in Zhetysu (Semirechye) and South Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 932–939. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-932-939>

References

1. Askarov A. A. Types of settlements of the Bronze Age and the origins of urbanization in the south of Uzbekistan. *Ancient cities: Proc. All-Union Conf. "Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"*, Panjakent, October 1977, ed. Masson V. M. Leningrad: Nauka, 1977, 10–12. (In Russ.)
2. Gulyaev V. I. Ancient Mayan City States. *Ancient cities: Proc. All-Union Conf. "Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"*, Panjakent, October 1977, ed. Masson V. M. Leningrad: Nauka, 1977, 66–69. (In Russ.)
3. Vorobiev M. V. Japanese city in the Early Middle Ages. *Ancient cities: Proc. All-Union Conf. "Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"*, Panjakent, October 1977, ed. Masson V. M. Leningrad: Nauka, 1977, 66–69. (In Russ.)
4. Klyashtorny S. G. Ancient cities of Mongolia. *Ancient cities: Proc. All-Union Conf. "Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"*, Panjakent, October 1977, ed. Masson V. M. Leningrad: Nauka, 1977, 64–65. (In Russ.)
5. Kuzishchin V. I. To the problem of the Roman city (Italian city in the 1st century BC – 1st century AD). *Ancient cities: Proc. All-Union Conf. "Culture of Central Asia and Kazakhstan in the Early Middle Ages"*, Panjakent, October 1977, ed. Masson V. M. Leningrad: Nauka 1977, 29–31. (In Russ.)
6. Svanidze A. A. City in civilization: to the question of definition. *City as a sociocultural phenomenon of the historical process*, ed. Saiko E. V. Moscow: Nauka, 1995, 29–31. (In Russ.)
7. Iastrebitskaia A. L. *Medieval culture and the city in the new historical science*. Moscow: Interpraks, 1995, 410. (In Russ.)
8. Marinovich L. P., Koshelenko G. A. Ancient city and antique policy. *City as a sociocultural phenomenon of the historical process*, ed. Saiko E. V. Moscow: Nauka, 1995, 93–99. (In Russ.)
9. Stoklitskaya-Tereshkovich V. V. *The main problems of the history of the medieval city in the X–XV centuries*. Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoi literatury, 1960, 339. (In Russ.)
10. Svanidze A. A. *Medieval city and market in Sweden in XIII–XV centuries*. Moscow: Nauka, 1980, 366. (In Russ.)
11. Kuza A. V. *Small towns of Ancient Russia*. Moscow: Nauka, 1989, 168. (In Russ.)
12. Khriakov A. V. The origin of the medieval city: one-sided approach to the development of Russian medieval studies. *Historical Yearbook*. Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta, 1997, 76–83. (In Russ.)
13. Baipakov K. M. Sedentary and nomadic culture in VI – first half of IX centuries. *City and steppe. History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)*. Almaty: Atamura, 1996, vol. I, 347–397. (In Russ.)

14. Baipakov K. M. The culture of the settled, urban, and steppe population in the second half of the IX – first half of the XIII centuries. *History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)*. Almaty: Atamura, 1996, vol. I, 454–488. (In Russ.)
15. Baipakov K. M. *The medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road*. Almaty: Gylym, 1998, 212. (In Russ.)
16. Baipakov K. M., Shardenova Z. Zh., Peregodova S. Ya. *Early medieval architecture of the Seven Rivers and Southern Kazakhstan on the Great Silk Road*. Almaty: Gylym, 2001, 237. (In Russ.)
17. Baipakov K. M., Saveleva T. V., Chang K. *Medieval cities and settlements of northeast Zhetysu*. Almaty: Credo, 2005, 187. (In Russ.)
18. Baipakov K. M. *West Turkic and Turgesh Khaganates: the Türks and the Sogdians, steppe and city*. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza, 2010, 396. (In Russ.)
19. Baipakov K. M. *Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan*. Almaty: Ekozhan, 2012, 389. (In Russ.)
20. Baipakov K. M. *Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan. Book III. Urbanization in the XIII – the first half of the XV century (based on the reports of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition)*. Almaty: Hikari, 2016, 367. (In Russ.)
21. Baipakov K. M., Saveleva T. V., Petrov P. N. Discovery of the city of Ilanbalyk (Ilanbali) in Zhetysu. *History and Archeology of Semirechye*, Almaty, 2017, iss. 5, 156–159. (In Russ.)
22. Baipakov K. M., Saveleva T. V. The Great Silk Road and the urbanization of Kazakhstan. *Central Asia on the Great Silk Road: a dialogue of cultures and faiths from antiquity to modernity*. Almaty: Service Press, 2018, 28–59. (In Russ.)
23. Senigova T. N. *Medieval Taraz*. Alma-Ata: Nauka, 1972, 219. (In Russ.)
24. Saveleva T. V. *The sedentary culture of the northern slopes of Zailiysky Alatau in the VIII–XIII centuries*. Almaty: Gylym, 1994, 216. (In Russ.)
25. Baipakov K. M., Smagulov E. A. *The medieval city of Sauran*. Almaty: Credo, 2005, 201. (In Russ.)
26. Smagulov E. A. The ensemble of the central square of Sauran city-site, XIV–XVI centuries. *Povolzhskaya arxeologiya*, 2016, (2): 93–119. (In Russ.)
27. Smagulov E. A., Petrov P. N. Archaeological studies of the Sauran registan. *Cultural heritage of Eurasia (from Antiquity to the present day)*, ed. Baitanaev B. A. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2016, 67–120. (In Russ.)
28. Smagulov E. A., Petrov P. N., Erzhigitova A. A. The end of the medieval Shavgar, or new data on the chronology of the upper layers of the Shoitobe settlement (Turkestan oasis). *Archeology of Kazakhstan*. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2018, 164–189. (In Russ.)
29. Saveleva T. V., Zinyakov N. M., Voyakin D. A. *Blacksmithing of the Northeast Semirechye*. Almaty: Gylym, 1998, 228. (In Russ.)
30. Baitanaev B. A. *Ancient Ispidzhab: medieval cities of Southern Kazakhstan on the Great Silk Road*. Shimkent-Almaty: IuKGU, 2003, 136. (In Russ.)
31. Korotaev A. V., Grinin L. E. Urbanization and the political development of the World System: a comparative quantitative analysis. *History and Mathematics. Macrohistorical dynamics of society and state*, eds. Malkov S. Yu., Grinin L. E., Korotaev A. V. Moscow: KomKniga, 2007, 102–141. (In Russ.)
32. Grinin L. E. *Productive forces and the historical process*. Volgograd: Uchitel, 2003, 307. (In Russ.)
33. Kumeikov B. E. States of the early Middle Ages. *History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)*. Almaty: Atamura, 1996, vol. I, 296–346. (In Russ.)
34. Klyashtorny S. G., Savinov D. G. *The empires of the steppes of ancient Eurasia*. St. Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU, 2005, 346. (In Russ.)
35. Grinin L. E., Grinin A. L. *From stone axes to nanorobots. The world on the path to self-governing systems (History of technologies and a description of their future)*. Moscow: Uchitel, 2015, 424. (In Russ.)
36. Baipakov K. M., Smagulov E. A., Kangju. *History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)*. Almaty: Atamura, 1996, vol. I, 272–294. (In Russ.)
37. Groshev V. A. *Irrigation of South Kazakhstan in the Middle Ages*. Alma-Ata: Nauka, 1985, 148. (In Russ.)
38. Baipakov K. M., Podushkin A. N. *Monuments of agricultural and cattle breeding culture of South Kazakhstan*. Alma-Ata: Nauka, 1989, 158. (In Russ.)
39. Gafurov B. G. *Tajiks. Primordial, ancient and medieval history*. Dushanbe: Irfon, 1989, book 1, 378. (In Russ.)
40. Belenitskii A. M., Bentovich I. B., Bolshakov O. G. *The medieval city of Central Asia*. Leningrad: Nauka, 1973, 393. (In Russ.)
41. Bashtannik S. V. *Agricultural culture of South Kazakhstan*. Kemerovo: KemGUKI, 2007, 127. (In Russ.)
42. Grinin L. E. *State and historical process. Vol. 1. The era of state formation: the general context of social evolution in the formation of the state*. Moscow: KomKniga, 2007, 272. (In Russ.)
43. Korotaev A. V., Kradin N. N., Lynsha V. A. Alternatives to social evolution. *Alternative paths to civilization*. Moscow: Logos, 2000, 24–83. (In Russ.)
44. Kradin N. N. *Nomadic societies*. Vladivostok: Dalnauka, 1992, 240. (In Russ.)

Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника: Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1973)

Анатолий И. Мартынов^{a, @}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] prof_martynov@mail.ru

Поступила в редакцию 19.10.2018. Принята к печати 25.06.2019.

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимодействия археологической науки и учебников по археологии. В ней последовательно рассматриваются вопросы истории создания в России учебников по археологии для высшего исторического образования, начиная с XIX в. и до современности, и значение учебников в становлении и развитии археологии как одного из основных предметов вузовского исторического образования. Раскрывается роль археологии и учебников в реконструкции основных событий истории на протяжении 3 млн лет, когда археологические материалы являются единовременными источниками. Подчеркивается особая роль археологии в открытиях цивилизаций Древнего Востока: Китая, Индии, Ирана; Архаической Греции и истории Древнего Рима. Обозначается значение археологического наследия России. Отмечается, что с начала 1970-х гг. только два университета в России: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Кемеровский государственный университет (кафедра археологии) – подготавливают вузовские учебники по археологии для вузов страны. Среди них 9 изданий было подготовлено только Кемеровским государственным университетом. Таких precedентов нет в мировой практике, как нет и таких учебников по содержанию, методологии и методике изложения научного материала. В статье обращается внимание на особенности взаимодействия археологической науки и вузовских учебников. Это касается объяснения глобальных исторических событий, таких как начало освоения человеком пространств Евразии, особенностей этногенеза в среднем палеолите, освоение Америки в верхнем палеолите, формирование культурно-исторических особенностей в начале голоцена, революции производящего хозяйства в палеометаллическую эпоху. Раскрывается влияние учебников по археологии в формировании концептуальных основ современной археологии как исторической науки. В разделе статьи «Одна история – две науки» обращается внимание на недостатки современной российской исторической науки, в частности на безальтернативность концепции формационного объяснения истории в учебниках по истории школьного образования и профессиональной вузовской подготовки специалистов. История демонстрируется исключительно как социально-классовый процесс развития, что не позволяет понять роль фундаментальных основ исторического развития, роль открытий, новаций, достижений в области материальной культуры и производящего хозяйства. Автор считает, что по этой причине достижения человечества в прошлом, на которые указывается в учебниках археологии, не находят должного применения в объяснении исторических процессов на территории России и Евразии в современных учебниках по истории.

Ключевые слова: учебный процесс, методика, методология, новации, обучение, реконструкция, историзм, археологическое наследие

Для цитирования: Мартынов А. И. Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника: Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1973) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 940–947. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-940-947>

Введение

В настоящей статье автором поставлено несколько научных задач:

1) показать роль учебников по археологии для вузов страны в становлении и развитии высшего исторического образования;

2) исследовать роль учебников в развитии археологической науки, её методологии, исторической роли археологических источников в реконструкции исторических процессов на пространстве Евразии;

3) показать роль Кемеровского государственного университета (кафедра археологии) как центра подготовки вузовских учебников по археологии.

Два центра подготовки вузовских учебников по археологии

В 2018 г. исполнилось 45 лет со времени первой публикации учебника «Археология» для педагогических институтов страны, написанного в Кемеровском государственном педагогическом институте (КГПИ) [1]. За прошедшие годы в Кемеровском государственном университете (КемГУ)

на кафедре археологии было подготовлено 9 изданий учебников автора данной статьи (проф. А. И. Мартынова) общим тиражом более 80000 экземпляров, выпущенных издательствами «Высшая школа» и «Юрайт», последним из которых опубликовано 9-е издание [2]. Заслуживает внимания тот факт, что на протяжении многих лет учебники по археологии для страны создаются одним автором и одним вузом. Возраставшая потребность в вузовских учебниках отражала уровень развития науки и подготовки научных и педагогических кадров.

Надо отметить, что археология как учебная дисциплина начала формироваться в России в конце XIX – начале XX в., несколько позже, чем сложилась сама наука, стало заметным её влияние в обществе и появилась потребность в получении научных знаний по археологии. Первые попытки создать учебник по археологии были предприняты в начале XX в. Тогда ещё не было достаточно опыта преподавания археологии в стране и за рубежом: в обществе существовали разные взгляды на роль и место археологии как исторической науки, несмотря на то, что уже с середины XIX в. археология в России и мире демонстрировала свои достижения открытиями, публикациями материалов археологических раскопок, деятельностью Археологической комиссии с 1859 г., Археологических съездов России с 1869 г. В ряде губерний в XIX в. возникли археолого-краеведческие общества; общества любителей старины и др. Большое значение имело издание Материалов Археологических съездов России, Известий Императорской Археологической Комиссии и других изданий. Все это формировало общественный интерес к археологическим древностям России как источнику исторических знаний о прошлом территории страны.

С начала XX в. появляются публикации, отвечающие задачам учебной литературы, разъясняющие значение археологических материалов как исторических источников. Пионерами в этом деле были два российских археолога – Василий Алексеевич Городцов и Сергей Александрович Жебелев. Первый ещё в 1908 г. опубликовал книгу «Первобытная археология» [3], а через два года вышла ещё одна его книга, близкая по содержанию к учебной литературе – «Бытовая археология» [4]. Большое значение в формировании археологии как исторической науки в начале XX в. имели его работы по археологической периодизации [5] и впервые им выделенным археологическим культурам бронзового периода в Восточной Европе [6]. В 1923 г. В. А. Городцов опубликовал учебник «Археология» [7]. С. В. Жебелев в том же 1923 г. опубликовал «Введение в археологию» в 2-х частях [8; 9]. В 1925 г. в Москве выходит учебник «Археология» В. А. Городцова, содержащий 397 страниц текста и 77 иллюстраций [10].

В дальнейшем появление вузовских учебников по археологии связано с кафедрой археологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (МГУ). В 1938 г. были опубликованы «Лекции по археологии» А. В. Арциховского [11; 12], а в 1940 г. вышло 2-е издание

его «Введения в археологию» [13], переизданное в третий раз в 1947 г. [14]. В 1955 г. публикуется 2-е издание учебника А. В. Арциховского «Основы археологии» [15]. Во второй половине XX в. появился учебник по археологии проф. кафедры археологии МГУ Д. А. Авдусина [16].

С 1973 г. одновременно с МГУ учебники по археологии стали подготавливаться в КГПИ (с 1975 г. – КемГУ). Одновременно разрабатывались учебные программы по археологии для университетов и исторических факультетов педагогических институтов страны, учебные пособия по полевым практикам и учебные пособия для студентов заочной формы обучения.

Время показало, что в России на протяжении многих лет устойчиво существуют два центра подготовки вузовских учебников по археологии – МГУ и КемГУ. Последний фундаментальный учебник археологии был подготовлен кафедрой археологии МГУ в 2006 г. [17]. Надо отметить, что по объёму, конструкции и изложению материала учебник, написанный специалистами по отдельным направлениям археологии, больше отвечает потребностям студентов магистратуры.

Роль вузовских учебников в развитии высшего исторического образования очевидна, как очевиден и факт, что на протяжении длительного времени в стране только два университета заявили себя как центры разработки современных вузовских учебников археологии, факт, не имеющий прецедентов в мировой практике. Очевидна ценность учебников по археологии в формировании научных знаний и представлений о процессе исторического развития. В 2000 г. в КемГУ (кафедра археологии) был опубликован новый учебник по археологии, 4-е издание [18]. Вслед за этим тем же издательством «Высшая школа» было выпущено в 2005 г. 5-е издание [19], а ещё через три года – 6 издание [20]. Издательство «Высшая школа» перестало существовать. Последующие изготовленные в Кемеровском государственном университете рукописи современных вузовских учебников археологии: издание 7-е – 2012 г. [21], 8-е – 2014 г. [22] и издание 9-е, вышедшее в 2018 г. [2] – были опубликованы издательством «Юрайт». Последние издания учебников археологии новационны, они соответствуют современным образовательным стандартам высшего профессионального образования по направлению История. На рисунках 1–3 представлены обложки изданий 1973, 2014 и 2018 годов.

Учебник и археологическая наука

В научном и вузовском образовательных сообществах существует мнение, что вузовский учебник – это обобщенное изложение достижений науки. Однако, это не так. Археология как наука с её целями, конкретными задачами, исследованиями тесным образом взаимодействует с вузовскими учебниками. Рассмотрим некоторые аспекты научного взаимодействия. Учебник «Археология» – единственная книга, которая дает фундаментальные знания по археологии, формирует

у специалистов систему представлений. Роль учебника в развитии самой науки значительно шире и разнообразнее. Чтобы понять это, надо обратить внимание на некоторые особенности археологии как исторической науки. Работа археолога всегда связана с определенными личными или плановыми научными интересами в исследовании памятников, сборе артефактов, изучении археологических культур, т. е. с фактами, вещественными источниками и исследовательской процедурой. Результатам этих исследований посвящено большинство научных статей, публикаций, сборников. Археолог-исследователь всегда имеет дело с конкретным материалом и действует в рамках решения конкретных задач исследования на уровне археологического памятника, комплекса или археологической культуры в тот или иной археологический период, например, в неолите, энеолите, бронзовом периоде или раннем железном веке. Широких обобщений или исторических выводов в этих случаях не предусматривается в современных научных исследованиях, посвященных полевым работам или процедуре лабораторных исследований. Такова специфика научного исследования в археологии. Учебник, наоборот, акцентирует внимание на демонстрации археологического факта как явления истории, превращая археологические факты в исторические события. На этом фоне вузовский учебник археологии становится единственной книгой, предлагающей обобщенную картину исторического развития на основании археологических материалов и источников. Таким образом, в основном учебник выполняет в известной степени исследовательскую роль, являясь единственной массовой книгой, демонстрирующей вещественные археологические источники и раскрывающей историю человечества на протяжении почти 3 млн лет истории. При этом надо отметить, что учебники по археологии влияют на развитие археологической науки своим методологическим объяснением научных открытий в археологии в контексте отечественной и мировой истории, акцентируя внимание исследователей на те факты в отечественной археологии, которые не находят должного объяснения у исследователей, например: почему первоначальное расселение древнего человека типа *homo erectus* в период 1,2–1 млн лет происходило в Азии и Южной Европе в основном

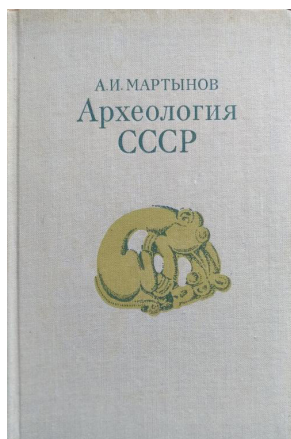

Рис. 1. Обложка учебника
1-го изд., 1973 г. [1]
Fig. 1. Cover the textbook,
1th edition, 1973 [1]

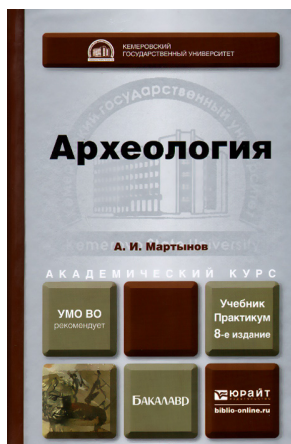

Рис. 2. Обложка учебника
8-го изд., 2014 г. [22]
Fig. 2. Cover the textbook,
8th edition, 2014 [22]

Рис. 3. Обложка учебника
9-го изд., 2018 г. [2]
Fig. 3. Cover the textbook,
9th edition, 2018 [2]

по горным территориям; причины образования больших культурно-исторических общностей в неолите, связанные с бассейнами крупных рек Евразии: Днепр, Волга, Обь, Лена, Амур и крупными природными образованиями, такими как Урал, Сахалин и др.

Учебник незаменим, когда речь идет об объяснении в археологии таких глобальных событий, как переход к производящему хозяйству, процесс начала цивилизационного развития. Наконец, только учебник дает знания об археологической периодизации, археологических памятниках, их исторической, национальной и общечеловеческой ценностях, формирует знания об археологии как исторической науке, учитывая, что по истории длительного археологического периода вообще нет никаких других источников, кроме археологических. Особую роль учебники археологии сыграли в начале XXI в. Учебник «Археология» (издание 4-е) [18] имел 3 приложения, археология излагалась в нем в контексте мировой истории. Археологические эпохи, периоды и культуры на территории стран СНГ от палеолита до раннего Средневековья демонстрируют процесс исторического развития на значительной территории Евразии, включая Восточную Европу, Северную и Центральную Азию. Книга была снабжена большим количеством рисунков и фотографий археологических материалов, более 130 иллюстраций археологических предметов, карт, схем, таблиц, раскрывающих археологию как фундаментальную историческую науку, её возможности реконструировать исторический процесс в археологические периоды истории.

Это был принципиально новый по содержанию, охвату археологического материала, сведениям, источникам и своей исторической направленности учебник, раскрывающий роль археологии как фундаментальной исторической науки. Можно считать, что к началу XXI в. археология в основном сформировалась как учебная дисциплина высшего исторического образования в университетах, педагогических институтах и институтах культуры России, во многом благодаря вузовским учебникам археологии. В учебниках археологии исторический процесс демонстрируется как единство четырех начал: биологического (антропогенез), материального (история материальной культуры),

духовного (мировоззрение, искусство) и социального (страты, классы, лидерство, цивилизация, государство).

В учебниках впервые дается четкое научное обоснование четырёх видов исторических источников: письменные, документальные, вещественные, археологические. Подчеркивается, что на протяжении длительного периода истории древности, а в ряде случаев и Средневековья, нет никаких других источников, кроме археологических. Следовательно, современная археология – не вспомогательная, а основная, фундаментальная историческая наука, способная научно объяснить исторический процесс на протяжении трех эпох древности: каменный, бронзовый и ранний железный периоды.

Не случайно учебник «Археология» (8-е изд.) [22] в 2018 г. был выдвинут Ученым советом КемГУ на соискание Премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Научное значение учебников археологии в том, что, интерпретируя археологические источники и обращая внимание на их исключительную историческую значимость, они делают то, на что исследователи часто не обращают должного внимания, и не всегда учитывают историческое значение археологических фактов. Например, проблема природно-исторических святынь на территории Евразии. Многие из них в археологии традиционно интерпретируются как памятники наскального искусства, на самом деле являясь природно-историческими святынями. В учебниках убедительно показано: какую культуруформирующую роль в истории играл природный фактор, оказывая влияние на формирование культурно-исторических общностей в неолите, формируя особенности хозяйства, бытовой культуры и мировоззрения. В последних изданиях учебника особое внимание уделено сложным процессам перехода к производящему хозяйству на значительной территории Евразии, которое сопровождалось распространением скотоводства, освоением горного дела и металлургии, появлением колесного транспорта, что в свою очередь привело к изменению археологических культур, появлению курганных захоронений, распространению наскального искусства и появлению древних святынь. Все это весьма важно в практической работе археологов-исследователей. Таким образом, учебники археологии оказывают определенное, а в ряде случаев весьма значимое влияние на исследовательскую работу в области археологии. Они представляют собой одну из составных частей исследовательского комплекса российской археологии, включающего памятники евразийского археологического наследия, являющиеся достоянием страны, полевую археологию с её методами исследования, лабораторные исследования, публикаций результатов научных исследований, среди которых значительное место занимают вузовские учебники по археологии.

Одна история – две науки

Опубликованные за последние десятилетия вузовские учебники по археологии и успехи науки позволяют утверждать, что в отечественном историческом образовании сформировались два основных направления, фактически две науки. С одной стороны, история, нацеленная в основном на изучение общества, общественных отношений, исторических событий, революций, войн. С другой – археология, с её памятниками, вещественными источниками, иной, чем в истории, процедурой исследования, другой периодизацией (деление истории на три периода: каменный, бронзовый и железный, который продолжается в наше время) и возможностями изучения процесса исторического развития с начала появления человека.

Две науки и две методологии объяснения истории. В одном случае это формационное эволюционное объяснение: первобытное общество, которое традиционно в учебниках по истории и монографиях рассматривается больше философски, часто без опоры на археологические источники [23]. Такое объяснение истории древности традиционно для отечественной науки, отдающей первенство в историческом развитии общественным, социально-классовым отношениям [24]. Эта эволюционная концепция ведет свое начало с середины XIX в. с работ Л. Г. Моргана [25] и Ф. Энгельса [26] по первобытному обществу. К сожалению, за последние десятилетия в методологии истории мало что изменилось: вузовские и школьные новые учебники до сих пор демонстрируют исключительно формационное объяснение истории, а история рассматривается как процесс социально-политического развития. В то же время новые факты и открытия свидетельствуют, что классическое рабовладение существовало только в странах бассейна Средиземного моря, и вряд ли есть необходимость рассматривать рабовладение как общеисторическую формацию. Возникновение государств ошибочно рассматривается как результат образования классов и классовой борьбы. В учебной литературе в целом объяснение истории преподносится исключительно как процесс социального развития. Очевидно, по этой причине в российских вузах продолжают преподавать две науки об одном и том же – археологию и историю первобытного общества.

Разные учебники – разные взгляды на историю как единый процесс развития. В связи с этим хочется обратить внимание ещё на один опубликованный профессором Ленинградского университета В. И. Равдоникасом ещё в прошлом веке учебник «История первобытного общества» в 2-х частях [27; 28]. Этот объемный труд, на наш взгляд, лучшее в то время и не потерявшее значения в наши дни издание по первобытному обществу на территории России. Книга ценна тем, что первобытная история в ней излагается на основании исчерпывающего использования археологических источников того времени. К сожалению, в то время учебники не получили широкого применения, очевидно, по той причине, что всё историческое образование

в стране было нацелено на изучение социально-политической истории. Это объяснение истории как процесса общественного развития остается основным и в наше время. В связи с этим нельзя не обратить внимания на низкий уровень использования или вообще отсутствие в современных учебниках по истории достижений археологии в целях реконструкции исторических процессов на пространстве современной России в древности и Средневековье. Фактически эта область не затрагивается, учитывая, что археология исследует археологические источники в рамках археологических культур, а науки по древней истории на территории России вообще нет. Все известные немногочисленные специалисты по древней истории занимаются зарубежными древностями: Египет, Месопотамия, Древняя Греция и Рим. Значительный простор в современной отечественной исторической науке и образовании могло бы дать применение на практике концепции цивилизационного развития, которая способна привести к новому пониманию и оценке событий эпохи бронзы и раннего железного века, связанных со сложением древней Евразийской цивилизации на просторах современной степной части России, Казахстана, Киргизии, Монголии. Однако многие факты археологии Евразии остаются вне образовательного интереса [29].

Не только учебная литература, но и давно сложившаяся концепция общего среднего исторического образования не отвечают, на наш взгляд, современным задачам. Наше общее историческое образование начинается с устаревших рассуждений о первобытном обществе, не дающих никаких знаний об уникальных археологических памятниках евразийской истории на пространстве России. Потом Древний Восток, Древняя Греция и Древний Рим, далее европейское Средневековье, формирующее европоцентрическое представление об истории и культуре. Такая структура исторического образования способна сформировать у поколений россиян только устойчивое представление о том, что всё исторически ценное находится за рубежом, а на огромной евразийской территории России ничего исторически ценного нет. Очевидно, надо срочно менять структуру и содержание общего исторического образования. А пока учащиеся могут узнать об археологических ценностях на территории страны только из вузовских учебников по археологии. Пока только в них дано представление о том, как выглядела территория России в каменном периоде, кто здесь жил и какие новации и изобретения эти люди дали человеку. Из них можно узнать о революции перехода к производящему хозяйству, распространении скотоводства на рубеже 4–3 тыс. до н. э., начале горного дела и металлургии, изобретении колесного транспорта. Затронутая нами проблема имеет, как видим, не только научное, но и актуальное в наши дни практическое значение. Нельзя на современном этапе рассматривать исторический процесс в разных трактовках формационной теории. В связи с этим возникают трудности в объяснении событий

исторического развития в древности и Средневековье на евразийском пространстве страны.

Ясно, что нужна новая, более приближенная к археологическим источникам и конкретным территориям концепция исторического развития. Такая концепция есть, ей успешно пользуются зарубежные исследователи. Мы имеем в виду концепцию цивилизационного развития истории, которая могла бы объяснить многие факты исторического развития на просторах Евразии.

Вторая важная, на наш взгляд, научная проблема связана с решением вопроса о том, что является основой, своего рода источником исторического развития. Наши учебники по истории утверждают, что человек, коллективы, страты, классы являются творцами истории. В какой-то мере это так. Но надо иметь в виду, что в истории человеческие коллективы создавали свои материальные ценности, духовную и бытовую культуру в зависимости от обстоятельств, т. е. действий естественных законов. Одним из важных был закон влияния природной среды. История и естественные законы – это особая область научного исследования в истории и археологии, к которой, к сожалению, современное научное сообщество не питает особого интереса. Остается ещё одна определяющая причина развития истории. Эти новации основного типа приводили к изменениям хозяйственной основы бытовой культуры, мировоззрения и стали началом цивилизационного развития в степной и горностепной Евразии.

Таким образом, мы подошли к основному вопросу – что же является основным в истории: общественные отношения или новации? Открытия, освоение новых материалов, развитие производства (камень, бронза, железо, строительные материалы), новые технологии, которые создавали базу материальной культуры, оказывали влияние на развитие общества, культуры и мировоззрения в древности, обеспечивали развитие человечества, были основной движущей силой истории, источником прогресса человека [29]. В учебниках археологии фактически предложена иная, современная парадигма исторического развития, что особенно актуально в наше время, когда прослеживаются кризисные явления в целом в исторической науке, особенно в фундаментальных её основах, концепциях и интерпретациях [30].

Заключение

На протяжении последних 45 лет в России устойчиво существуют два научных центра по подготовке вузовских учебников археологии: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Кемеровский государственный университет.

Установлено, что учебники археологии были основой формирования лекционных курсов в вузах страны, создания программ учебных комплексов по археологии, включающих лабораторные занятия, практики, соответствующие

современному образовательному стандарту подготовки специалистов по направлению История.

Анализ показал, что учебная литература, направленная на решение образовательных задач, способствовала развитию методологии археологии, интерпретации археологических артефактов, формированию представлений о роли археологии как исторической науки. Учебники по археологии показали основополагающую роль в историческом

процессе революций в области материальной культуры как основы исторического развития.

Вузовские учебники археологии, учитывая их структуру, содержание, методологическую направленность, могут стать основой для разработки в стране новых по содержанию современных учебников по Древней истории для общего и вузовского исторического образования.

Литература

1. Мартынов А. И. Археология СССР. М.: Высш. шк., 1973. 295 с.
2. Мартынов А. И. Археология. 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 367 с.
3. Городцов В. А. Первобытная археология. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. 416 с.
4. Городцов В. А. Бытовая археология. М.: Моск. археол. ин-т, 1910. 474 с.
5. Городцов В. А. Археологическая классификация. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 28 с.
6. Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского русского Исторического музея им. императора Александра III в Москве за 1914 г. М.: Синодальная типография, 1916. С. 121–228.
7. Городцов В. А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. 397 с.
8. Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923. 199 с.
9. Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 2. Теория и практика археологического знания. Пг.: Наука и школа, 1923. 172 с.
10. Городцов В. А. Археология. М.-Л.: Гос. Издат., 1925. 397 с.
11. Арциховский А. В. Лекции по археологии. М.: МГУ, 1938. Ч. 1. 97 с.
12. Арциховский А. В. Лекции по археологии. М.: МГУ, 1938. Ч. 2. 85 с.
13. Арциховский А. В. Введение в археологию. 2-е изд. М.: МГУ, 1940. 164 с.
14. Арциховский А. В. Введение в археологию. 3-е изд. М.: МГУ, 1947. 220 с.
15. Арциховский А. В. Основы археологии. 2-е изд. М.: Гос. изд. полит. лит-ры, 1955. 275 с.
16. Авдусин А. А. Археология СССР. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1977. 272 с.
17. Археология / под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 608 с.
18. Мартынов А. И. Археология. 4-е изд. М.: Высш. шк., 2000. 440 с.
19. Мартынов А. И. Археология. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 2005. 447 с.
20. Мартынов А. И. Археология. 6-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 2008. 448 с.
21. Мартынов А. И. Археология. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 460 с.
22. Мартынов А. И. Археология. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 472 с.
23. История первобытного общества. Общие вопросы, проблемы антропосоциогенеза / под ред. Ю. В. Бромлея, А. И. Першица, Ю. И. Семенова. М.: Наука, 1983. 432 с.
24. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1986. 572 с.
25. Морган Л. Г. Древнее общество. Л.: Изд-во народов Севера, 1935. 350 с.
26. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Избранные произведения. В 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 3. 639 с.
27. Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л.: Изд. ЛГУ, 1939. Ч. 1. 287 с.
28. Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л.: Изд. ЛГУ, 1947. Ч. 2. 390 с.
29. Мартынов А. И. Археологические культуры и цивилизационное развитие в степной Евразии (к 100-летию открытия В. А. Городцовым археологических культур палеометаллической эпохи) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. (Астана, 22–24 апреля 2014 г.) Астана: Сарыарка, 2014. С. 460–470.
30. Мартынов А. И. Археологические факты и исторический процесс в степной Евразии // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3. С. 43–47.

Archeology: University Textbook and Science (to the 45th Anniversary of the Publication of the Textbook: Martynov A. I. Archeology of the USSR. Moscow, 1973)

Anatolii I. Martynov ^{a, @}

^a Kemerovo State University, 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya St., 6

[@] prof_martynov@mail.ru

Received 19.10.2018. Accepted 25.06.2019.

Abstract: The paper features the interaction of archaeological science and textbooks on archeology. It successively examines the history of textbooks on archeology in Russia published for higher education institutions of history, from the XIX century to the present. The author stresses the importance of textbooks in the formation and development of archeology as one of the main subjects of university historical education. Archeology and its textbooks play a key role in the reconstruction of important historical events of the three million years of human history, especially in cases when archaeological materials are the only source. Archeology discovered civilizations of the Ancient East, e.g. China, India, Iran, as well as Archaic Greece and ancient Rome. The paper states the significance of the archaeological heritage of Russia. Since 1970s, only two universities in Russia, Lomonosov Moscow State University and Kemerovo State University (Department of Archeology), have been publishing university textbooks on archeology to be used in universities nationwide. The list involves nine publications prepared by Kemerovo State University. These textbooks are unique from the point of view of the content and methodology of the presentation. The article focuses on the interaction of archaeological science and university textbooks. This concerns the explanation of global historical events, e.g. the early colonization of Eurasia, ethnogenesis in the Middle Paleolithic Era, human migration to America in the Upper Paleolithic, the formation of cultural in the early Holocene, revolution of the producing economy in the Paleometallic Era, etc. The author describes the effect of archeological textbooks on the formation of the conceptual foundations of modern archeology as a historical science. The section "One History – Two Sciences" features the shortcomings of modern Russian historical science, in particular, the lack of alternative to the concept of formational explanation of history in school and university textbooks. History is currently being demonstrated exclusively as a social-class development process, which makes it impossible to understand the role of the fundamental foundations of historical development, as well as the role of discoveries, innovations, achievements in the field of material culture and productive economy. As a result, the human achievements of the past, which are indicated in archeology textbooks, do not find proper application in explaining the historical processes in Russia and Eurasia in modern history textbooks.

Keywords: educational process, methodology, methodology, innovations, training, reconstruction, historicism, archaeological heritage

For citation: Martynov A. I. Archeology: University Textbook and Science (to the 45th Anniversary of the Publication of the Textbook: Martynov A. I. Archeology of the USSR. Moscow, 1973). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 940–947. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-940-947>

References

1. Martynov A. I. *Archeology of the USSR*. Moscow: Vyssh. shk., 1973, 295. (In Russ.)
2. Martynov A. I. *Archeology*, 9th ed. Moscow: Iurait, 2018, 367. (In Russ.)
3. Gorodtsov V. A. *Primitive archeology*. Moscow: Pechatnia A. I. Snegirevoi, 1908, 416. (In Russ.)
4. Gorodtsov V. A. *Household archeology*. Moscow: Mosk. arkheol. in-t, 1910, 474. (In Russ.)
5. Gorodtsov V. A. *Archeological classification*. Moscow-Leningrad: Gos. izd-vo, 1925, 28. (In Russ.)
6. Gorodtsov V. A. Culture of the Bronze Age in Central Russia. *Report of the Emperor Alexander III Imperial Russian History Museum in Moscow in 1914*. Moscow: Sinodalnaia tipografiia, 1916, 121–228. (In Russ.)
7. Gorodtsov V. A. *Archeology. Vol. 1. The Stone Period*. Moscow-Petrograd: Gos. izd-vo, 1923, 397. (In Russ.)
8. Zhebelev S. A. *Introduction to archeology. Pt. 1. History of archaeological knowledge*. Petrograd: Nauka i shkola, 1923, 199. (In Russ.)
9. Zhebelev S. A. *Introduction to archeology. Pt. 2. Theory and practice of archaeological knowledge*. Petrograd: Nauka i shkola, 1923, 172. (In Russ.)
10. Gorodtsov V. A. *Archeology*. Moscow-Leningrad: Gos. izdat, 1925, 397. (In Russ.)
11. Artsikhovskii A. V. *Lectures on archeology*. Moscow: MGU, 1938, pt. 1, 97. (In Russ.)
12. Artsikhovskii A. V. *Lectures on archeology*. Moscow: MGU, 1938, pt. 2, 85. (In Russ.)

13. Artsikhovskii A. V. *Introduction to archeology*, 2nd ed. Moscow: MGU, 1940, 164. (In Russ.)
14. Artsikhovskii A. V. *Introduction to archeology*, 3rd ed. Moscow: MGU, 1947, 220. (In Russ.)
15. Artsikhovskii A. V. *Fundamentals of archeology*, 2nd ed. Moscow: Gos. izd. polit. lit-ry, 1955, 275. (In Russ.)
16. Avdusin A. A. *Archeology of the USSR*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1977, 272. (In Russ.)
17. *Archeology* / ed. Ianin V. L. Moscow: Izd-vo-mosk. un-ta, 2006, 608. (In Russ.)
18. Martynov A. I. *Archeology*, 4th ed. Moscow: Vyssh. shk., 2000, 440. (In Russ.)
19. Martynov A. I. *Archeology*, 5th ed. Moscow: Vyssh. shk., 2005, 447. (In Russ.)
20. Martynov A. I. *Archeology*, 6th ed. Moscow: Vyssh. shk., 2008, 448. (In Russ.)
21. Martynov A. I. *Archeology*, 7th ed. Moscow: Iurait, 2012, 460. (In Russ.)
22. Martynov A. I. *Archeology*, 8th ed. Moscow: Iurait, 2014, 472. (In Russ.)
23. *The history of primitive society. General issues, problems of anthroposociogenesis*, ed. Bromlei Iu. V., Pershits A. I., Semenov Iu. I. Moscow: Nauka, 1983, 432. (In Russ.)
24. *The history of primitive society. The era of the primitive tribal community*, ed. Bromlei Iu. V. Moscow: Nauka, 1986, 572. (In Russ.)
25. Morgan L. H. *Ancient Society*. Leningrad: Izd-vo narodov Severa, 1935, 350. (In Russ.)
26. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property, and the State. Selected Works*. Moscow: Politizdat, 1986, vol. 3, 639. (In Russ.)
27. Ravdonikas V. I. *History of primitive society*. Leningrad: Izd. LGU, 1939, pt. 1, 287. (In Russ.)
28. Ravdonikas V. I. *History of primitive society*. Leningrad: Izd. LGU, 1947, pt. 2, 390. (In Russ.)
29. Martynov A. I. Archaeological cultures and civilizational development in Eurasian steppes (dedicated to the 100th anniversary of V. A. Gorodtsov's discovery of archaeological cultures of the Paleometallic Era). *The Dialogue of Cultures of Eurasia in the Archeology of Kazakhstan*: Proc. dedicated to the 90th birthday of the outstanding archaeologist K. A. Akishev, Astana, April 22–24, 2014. Astana: Saryarka, 2014, 460–470. (In Russ.)
30. Martynov A. I. Archaeological facts and historical process in steppe Eurasia. *Vestnik TGU. Istoriii*, 2013, (3): 43–47. (In Russ.)

Роль учебно-показательных мастерских в развитии профессионально-технического образования и подготовки кадров для кустарной промышленности Томской губернии в начале XX в.

Владислав А. Овчинников^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] rpsib@gambler.ru

Поступила в редакцию 13.08.2019. Принята к печати 01.10.2019.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования деятельности учебно-показательных кустарных мастерских Томской губернии начала XX в. Цель – определить общий ход, особенности создания, результаты деятельности мастерских, сыгравших наряду с другими учреждениями Томского государственного кустарного комитета (музеи, склады, библиотеки) существенную роль в процессе модернизации технологий и в развитии кустарных промыслов в регионе. Мастерские стали важной частью инновационного для того времени механизма создания системы профессионально-технического образования. Основную роль в создании сети мастерских на российском уровне сыграли Главное управление землеустройства и земледелия и Императорское Русское техническое общество, в Томской губернии – Томский губернский кустарный комитет и Томское отделение Русского технического общества. К 1917 г. в 17 населенных пунктах шести уездов губернии действовало 17 мастерских по 9 направлениям кустарного производства. Преобладали ткацкие и тележные мастерские и мастерские сельскохозяйственного машиностроения. Они стали центрами развития профессионально-технического образования и распространения новых технологий. На их основе были реализованы новые проекты: создание учебно-вспомогательных мастерских для взрослого населения, продажа современных механизмов и материалов, организация складов для продажи кустарных изделий и ремонтных мастерских, открытие инструкторских школ. Сеть мастерских вместе с профессионально-техническими учебными учреждениями стала основой для создания советской системы профессионального образования Сибири в послереволюционный период. Исследование основано на анализе научных трудов ученых-историков и комплексе письменных источников. Данные, полученные в ходе исследования, позволили заполнить пробелы в истории профессионального образования юга Западной Сибири.

Ключевые слова: учебные мастерские, Сибирь, профессиональная школа, кустарное производство, ремесленное производство, Российская империя

Для цитирования: Овчинников В. А. Роль учебно-показательных мастерских в развитии профессионально-технического образования и подготовки кадров для кустарной промышленности Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 948–961. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-948-961>

Введение

В конце XIX – начале XX в. Российская империя вступила в стадию монополистического капитализма, превращаясь из аграрной в аграрно-индустриальную державу. Одной из особенностей ее экономического развития являлась многоукладность экономики, в которой значительное место занимало мелкотоварное (кустарно-ремесленное) производство, дававшего около 30 % всей выпускаемой продукции. Поэтому для индустриальной революции и социально-экономического развития страны, где около 90 % населения проживало в сельской местности, необходимыми условиями являлись создание системы профессионально-технического образования для крестьян и развитие кустарного производства на современной технологической основе (особенно на Урале и в Сибири).

В начале XXI в. в условиях попыток перманентной модернизации экономики задача создания эффективной

системы профессионального образования остается все такой же актуальной, как и в конце XIX – начале XX в. Отечественный опыт внедрения новых результативных механизмов, особенно на региональном уровне, недостаточно изучен. Отсутствуют единые концепции, подходы к изучению российского профессионального образования, не устоялся набор методов и приемов исследования проблемы. Реформирование профессионального образования в начале XXI в. продолжается в рамках традиционного для России ресурсно-мобилизационного типа, когда граждане рассматриваются как ресурс, а система профессионального образования как механизм, перерабатывающий и обогащающий данный ресурс для пользы государства [1; 2]. В то же время еще в начале XX в. предпринимались попытки изменения этой парадигмы, нацеленные на внедрение механизмов профессионального обучения для создания слоя технически грамотных ремесленников-кустарей, которые своим трудом

могли бы обеспечить не только себя и семью, но и развитие промышленности в целом, а также стать социальным слоем, обеспечивающим стабильность в государстве.

Деятельность по развитию кустарной промышленности, в том числе работа учебно-показательных кустарных мастерских (УПМ), на юге Западной Сибири в отличие от европейской части Российской империи и Урала изучена недостаточно полно, что требует устранения лакун как с позиции исследования социально-экономической истории региона, так и истории профессионального образования.

Методология. В статье поставлена задача определить общий ход, особенности создания и результаты деятельности УПМ, которые создавались для улучшения техники и развития промыслов в Томской губернии в начале XX в. и являлись составляющей частью инновационного для того времени механизма решения задач по созданию системы профессионально-технического образования, обеспечивающей социально-экономическое развитие страны. Выводы основаны на анализе научных работ предшественников и письменных источников: организационно-правовых документов (положений, уставов), отчетов, докладов, статистических данных – с помощью историко-генетического и историко-сравнительного методов, метода структурно-функционального анализа.

Создание системы профессионально-технического образования в России в конце XIX в.

В России в 1880–1890-е гг. совместными усилиями государства и общества начала создаваться многоуровневая система профессионально-технического образования [3–5]. В 1883 г. при Ученом комитете Министерства народного просвещения было учреждено особое отделение по техническому и профессиональному образованию¹ [6, с. 62]. И. А. Вышнеградский, выдающийся ученый-механик, являясь членом Совета при министре народного просвещения, разработал «Общий нормальный план промышленного образования в России» (1884), который стал первым программным документом, определившим основные принципы и мероприятия формирования данной системы. Впоследствии, будучи назначенным в 1886 г. членом Государственного совета и Комитета финансов, а в 1887–1892 гг. министром финансов, он активно способствовал претворению плана в жизнь.

В плане была подробно описана система многоуровневой подготовки технических кадров: современных инженеров, руководителей промышленного дела, техников, мастеров,

рабочих для нужд развития промышленности. В нем был предложен механизм внедрения ручного труда в различных типах учебных заведений, специального образования рабочих и обучения подростков приемам ремесел. Одной из основных стала идея создания новых специализированных учебных мастерских, т. к. «сознание существующих недостатков ученичества привело во многих местах к мысли заменить ученичество в мастерских устройством особых школ с учебными мастерскими для приготовления рабочих к занятиям специальными ремеслами»².

Следующим шагом в создании специального технического образования в России стало принятие «Основных положений о промышленных училищах» (1888), которые определяли основные пути подготовки квалифицированных рабочих, мастеров, техников, вводили профессионально-технические учебные заведения в общую систему учреждений образования. Для установленных законом различных типов учебных заведений были разработаны примерные учебные планы и программы. Примерные программы определяли минимум знаний, умений и навыков, который должен иметь выпускник соответствующего специального учебного заведения. Этому способствовало утверждение уставов средних, низших технических училищ и ремесленных школ (1889). Позднее были созданы более упрощенные и дешевые типы профессионально-технических учебных заведений: школы ремесленных учеников, низшие ремесленные школы, ремесленные мастерские, которые, однако, можно рассматривать как один тип – ремесленные учебные заведения, т. к. они имели общие определяющие характеристики и задачи. Уже к 1888 г. в России действовало 88 средних и низших профессиональных училищ, в которых состояло более 5 тыс. учащихся³.

В государственном плане развития профессионально-технического образования особое место занимало создание развернутой сети низшего уровня подготовки кадров для мелкого и кустарного производства [7; 8]. Задача преодоления отставания профессиональной школы от требований быстрого роста экономики страны решалась в том числе и путем законодательного утверждения профессиональных учебных заведений упрощенного типа: в 1893 г. – школ ремесленных учеников, в 1895 г. – низших технических школ, в 1902 г. – ремесленных и технических учебных мастерских. Это должно было обеспечить быстрое развертывание сети ускоренного профессионально-технического образования и обеспечить внедрение новых технологий⁴.

Развитие начального (низшего) уровня профессионально-технического образования стало приоритетным, т. к. могло

¹ Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. II. СПб., 1895. С. III.

² Там же. С. 21; Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования России. СПб., 1910. Ч. 2. С. 185.

³ Сборник статистических сведений... С. 185.

⁴ О школах ремесленных учеников (извлечение). 20 декабря 1893 г. // Профтехобразование России: Итоги XX века и прогнозы. Т. 2: Систематизированный сборник нормативных документов (1888–1999). М., 1999. С. 66–67; О низших ремесленных школах. Закон от 24.04.1895 г. // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 12. СПб., 1896. С. 1872; Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 13. СПб., 1898. С. 1315–1346; О низших технических школах (извлечение). Закон от 24.04.1895 г. // Профтехобразование России... С. 74–78; О технических и ремесленных учебных мастерских и курсах (собрание узаконений 7 мая 1902 г., № 45). // Профтехобразование России... С. 97–102.

обеспечить быстрый рост кустарного и ремесленного производства и создать основу для дальнейшего становления средней и высшей ступеней профессионально-технических учебных заведений. В 1913 г. государственные чиновники отмечали, что рост высших и средних профессиональных училищ значительно уступает росту низших школ, процесс увеличения которых превосходил рост средних профессиональных училищ почти в 5 раз. Несмотря на это, существующие профессионально-технические учебные заведения не могли полностью удовлетворить потребность развивающейся сельскохозяйственной, фабрично-заводской и ремесленной промышленности в мастерах, низших и средних техниках и рабочих, что требовало дальнейшего развития сети средних и низших профессиональных училищ⁵.

Роль Императорского Русского Технического общества в развитии профессионально-технического образования

К решению этой задачи подключилось общество. Основные положения организации профессионально-технического образования, его методика, вопросы воспитания и физической подготовки учащихся были выработаны на съездах «русских деятелей по техническому и профессиональному образованию» России в 1889–1904 гг., созываемых Императорским Русским техническим обществом (РТО). РТО, одной из задач которого являлось распространение технического образования, было дано право открывать училища двух видов для взрослых рабочих и их детей: школы и специальные классы по различным отраслям производства с учебными мастерскими и общеобразовательные школы с курсом начального общего и элементарного технического обучения. Всего специальной Постоянной Комиссией по техническому и профессиональному образованию РТО было открыто 55 учебных заведений [9, с. 14]. С конца XIX в. территориальные отделения РТО начали создавать в губерниях и крупных городах Российской империи (в 1899 г. их было 7, в 1903 г. – 27, в 1905 г. – 38), что способствовало развитию профессионально-технического образования в регионах. РТО при помощи земств и общественных объединений распространяло элементарные технические знания и развивало низший уровень профессионально-технического образования, в том числе путем открытия ремесленно-промышленных мастерских и УПМ с учетом потребностей развития местных промыслов. К 1916 г. в ведении земств было 668 ремесленных мастерских, 98 мастерских находилось в ведомстве Министерства торговли и промышленности, которое являлось одним из инициаторов создания данных заведений [10, с. 17]. Чтобы создать условия для обучения детям из бедных семей в европейской части Российской империи, губернские и уездные земства открывали при большинстве УПМ общежития, организовывали бесплатное питание

для учеников и выдавали денежные пособия. В соответствии с постановлением губернских земских собраний контроль над работой УПМ возлагался на кустарные отделы губернских земств.

В 1915 г. Государственная дума одобрила «Проект законоположения о профессиональном образовании в империи», который был направлен на активизацию участия частных лиц и общества в деле открытия профессионально-технических школ и курсов. В 1916 г. был утвержден Совет по делам профессионального образования России под председательством министра народного просвещения П. Н. Игнатьева. К сожалению, Совет провел только одну сессию, и вскоре планы развития профессионально-технического образования прервали революционные события, смена форм государственного устройства и правления в России.

Начальный этап создания Главным управлением землеустройства и земледелия учебно-показательных мастерских в России

В составе Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) (1905–1915), созданного в результате реорганизации Министерства земледелия и государственных имуществ, продолжил работу министерский отдел сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственной статистики (создан в 1894 г.). Двумя особыми направлениями работы отдела стали кустарное дело и сельскохозяйственная статистика. При отделе был создан Кустарный комитет как особый совещательный орган, который взаимодействовал с земствами, сельскохозяйственными обществами и созданными в отдельных губерниях кустарными комитетами [11]. 1909 г. был охарактеризован ГУЗиЗ как «год особого значения» – с этого момента правительственная программа борьбы с аграрным кризисом стала реализовываться как комплекс мероприятий, включающий меры по распространению технического образования и обучению ремеслам⁶. Учитывая слабое развитие кустарной промышленности в Сибири и низкое качество кустарных изделий, ГУЗиЗ возложило на губернские кустарные комитеты обязанность по открытию учебных мастерских [12; 13].

В начале XX в. в различных губерниях Российской империи стали открывать именно УПМ, главной целью которых являлась практическая подготовка к самостоятельным занятиям ремеслом и кустарным производством [14; 15]. В мастерских обучали ремеслам, наиболее востребованным и перспективным для регионов. ГУЗиЗ следовало двум основным правилам: «В каждом крупном районе есть свой центр тяжести, свое сельскохозяйственное призвание, свои наиболее острые потребности; на них и надо сосредоточить средства и силы, помня, что однообразной, универсальной сельскохозяйственной программы для всей России нет

⁵ Из «Объяснительной записки к отчету государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1913 г.». Пг., 1914. С. 283–290.

⁶ Обзор деятельности ГУЗиЗ за 1909 г. СПб., 1910. С. 147.

и быть не может»; «Кустарное дело... должно получить более широкую постановку»⁷.

Особенностью данной формы обучения было функционирование УПМ не только как учебных, но и частично как обычных кустарных мастерских на коммерческих началах. Создание сети УПМ было направлено на решение задач развития низшей ступени технической школы для подготовки кадров для кустарного производства, что должно было привести к решению проблем занятости и роста благосостояния населения в сельской местности, развитию кустарных промыслов и в конечном итоге способствовать социально-экономическому развитию регионов страны. По мнению Н. М. Ядринцева, это была «огромная мужицкая фабрика, существующая издавна и сама себя поддерживающая». Он считал, что кустарная промышленность для народной жизни, особенно в Сибири, исторически играет более важную роль, чем мануфактуры. Ее особая роль и должна была обусловить успех дела «при учреждении ремесленного обучения в селениях»⁸.

В 1910 г. ГУЗиЗ начало работу по развитию кустарной промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке «с целью вызвать к жизни местную промышленность, наиболее отвечаемую местным нуждам» [11, с. 146]. Планировалось открыть примерно 7 УПМ в Западной Сибири по ткацкому, дереводельному, гончарному, скорняжному, кожевенному промыслам [16, с. 162].

Характеристика профессионально-технического образования Томской губернии в начале XX в.

Исследователи отмечают низкий уровень развития профессионально-технического образования в регионе в изучаемый период [17–20]. Открытие низших профессионально-технических школ и УПМ было актуально для Томской губернии начала XX в., население которой только за 1897–1915 гг. увеличилось за счет переселенческого движения более чем в два раза – до 4,227776 млн человек, из которых 4,020138 млн человек составляли сельские жители. О низком уровне профессионально-технического образования в Томской губернии свидетельствуют данные отчета о состоянии образования за 1908 г.: всего в 1561 учебном заведении обучалось 89,876 тыс. человек обоего пола. Из них в селах – 67,901 тыс. человек, что составляло 2,4 % от сельского населения губернии. Профессиональных учебных заведений в 1908 г. насчитывалось всего 16 (13 в Томске и 1 в Каинске, 2 в других населенных пунктах), в них обучались 898 человек (1 % от числа всех учащихся в губернии). При этом большинство профессиональных школ не имели отношения к техническому образованию. В списке значились повивальный институт – 1, акушерско-фельдшерская школа – 1,

зубоврачебные школы – 3, музыкальные школы и классы – 3, техническое железнодорожное училище – 1, ремесленные училища – 3, школы рукоделия – 2, лесная школа в Боготоле – 1, школа молочного хозяйства в Каинске – 1⁹.

До середины 1890-х гг. во всей Западной Сибири работали только 5 профессиональных низших и средних учебных заведений, к 1910 г. их количество увеличилось до 27, к 1916 г. – до 36. 22 из 36 профессиональных учебных заведений были открыты с 1900 г. по 1914 г. При этом доля профессионально-технических заведений была мала – примерно 20 %: среднее механическо-техническое училище с 4-летним сроком обучения и ремесленной школой при нем в г. Барнаул, низшее механическо-техническое училище в г. Омск, два ремесленных училища в Томске, железнодорожные училища в Омске и Томске. В 1917 г. в Бийске была открыта низшая ремесленная школа.

По профилю подготовки 36 профессиональных учебных заведений распределялись следующим образом: 8 – учительские, 8 – медицинские, 8 – сельскохозяйственные, 5 – торгово-промышленные, 5 – технические, 2 – железнодорожные. В Томской губернии в 1916 г. работали 17 из 36 профессиональных учебных заведений Западной Сибири, большинство из них были сосредоточены в г. Томск (7 средних и 4 низших) [21, с. 13–15; 22].

Очевидно, что указанное количество профессиональных училищ не могло удовлетворить потребности развития региона. Одной из причин слабого развития профессиональной школы было недостаточное государственное финансирование, в этой ситуации значительная роль в развитии системы профессионального образования принадлежала местной власти и обществу.

Открытие первых учебно-показательных мастерских в Томской губернии

ГУЗиЗ для развития в Томской губернии кустарного производства командировало туда весной-летом 1910 г. специалистов отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики: инженера-технолога Н. П. Первушина (деревообработка), профессора А. М. Соколова (гончарное и скорняжное производство), С. В. Романенко (ткачество), Ю. А. Вейса (сельскохозяйственное машиностроение) – для ознакомления с кустарным производством в губернии и его развития путем устройства УПМ в тех районах, где они слабо развиты и где имелись перспективы их развития¹⁰.

Губернатор Е. Н. Извеков провел совещание, на котором присутствовали крестьянские начальники и податные инспекторы, члены Крестьянского присутствия, чиновники Казенной палаты, представители общества. По итогам работы был сделан вывод о недостаточности сведений

⁷ Главное управление землеустройства и земледелия. Итоги работ за последнее пятилетие (1909–1913 гг.). СПб., 1914. С. 20, 38.

⁸ Ядринцев Н. М. Кустарные промыслы в Сибири и значение их // Русская мысль. 1881. Кн. 10. С. 46–72.

⁹ Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск, 1909. С. 54.

¹⁰ Положение кустарного дела в Томской губернии в 1911 и 1912 г., виды его и возможное развитие в будущем // Памятная книжка Томской губернии на 1913 год / под ред. П. Т. Виноградова. Приложение. Томск: Типография Губернского управления, 1913. С. 2.

о кустарном производстве и намечен ряд населенных пунктов для открытия первых УПМ¹¹.

Н. П. Первушин уже в октябре 1910 г. открыл мебельно-столярную мастерскую в с. Петропавловском вблизи г. Томск. Были намечены площадки для открытия мастерских А. М. Соколовым в с. Боготол, Ю. А. Вейсом в г. Бийск, С. В. Романенко в с. Беловское (Бийский уезд).

В конце 1910 г. начала работу мастерская по сельскохозяйственному машиностроению (г. Бийск), в начале 1911 г. – ткацкая мастерская в с. Беловское и тележная мастерская в с. Болотное. В январе 1912 г. – гончарная мастерская в с. Боготол¹². Таким образом, пять первых УПМ были организованы командированными специалистами отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ практически в течение одного года.

Отметим, что попытки открытия учебных мастерских в регионе предпринимались и ранее. Еще после неурожая 1901 г. кружок трудовой помощи организовал раздачу льна на пряжу и ткание холстов в Каинском уезде и открыл ткацкую учебную мастерскую в г. Колывань. Она просуществовала больше 10 лет и была закрыта в 1912 г. из-за отсутствия средств на содержание и обучающихся мастеров.

Детальное исследование кустарных промыслов было поручено местному отделению Императорского Русского технического общества. Томское отделение РТО (ТО РТО) было создано в 1902 г. в числе немногих в Азиатской России¹³ [23]. Несмотря на то, что около 1913 г. оно прекратило свою работу, за 10 лет был проведен ряд исследований кустарных промыслов Томской губернии, образована комиссия по техническому образованию, разработана программа вечерних и воскресных классов для мастеровых и ремесленных учеников, открыты УПМ. Деятельность отделения характеризовалась нестабильностью, что было связано с общественно-политической активностью его председателя Е. А. Зубашева, первого директора Томского технологического института. В 1905–1908 гг. произошел перерыв в деятельности отделения, который был связан с вхождением в 1905 г. Е. А. Зубашева в состав комитета Томского отделения партии конституционных кадетов, а затем его высылкой из г. Томск временным генерал-губернатором, оставлением им поста директора института

и последующей болезнью. В 1909 г. деятельность РТО в Томске была возобновлена: 27 января 1909 г. на общем собрании членов Томского отделения председателем вновь был избран Е. А. Зубашев. ТО РТО сразу подключилось к решению задачи по содействию развитию кустарных промыслов Западной Сибири¹⁴. На совещаниях, проведенных губернатором Томской губернии Н. А. Гондатти, открытие УПМ было признано наиболее целесообразным для развития кустарных промыслов. Но так как первоначально места их открытия были определены случайным способом, то для создания эффективной сети мастерских было решено провести детальное исследование, чтобы получить точные сведения о состоянии кустарных промыслов¹⁵. Решение этой задачи было возложено на ТО РТО, которое организовало анкетный опрос и сбор образцов кустарных промыслов¹⁶. Но в 1912 г. Е. А. Зубашев был избран членом Государственного совета и переехал с семьей в Санкт-Петербург, после чего ТО РТО прекратило свою деятельность.

Открытие Томского губернского кустарного комитета и его роль в создании сети учреждений для развития кустарных промыслов

Поскольку работа по развитию кустарного производства в губернии, как уже отмечалось, проходила под руководством ГУЗиЗ, то эта задача изначально была возложена на местное управление переселением, а затем губернское управление земледелием и государственными имуществами. Но вскоре дело было передано созданному в 1911 г. одним из первых в Азиатской России Томскому губернскому кустарному комитету (ТГКК) (положение о комитете было утверждено 18 июля 1911 г.), целью которого являлось содействие развитию промыслов в губернии¹⁷, а одной из задач – «подготовка кустарей и сообщение им лучших приемов работы путем устройства учебно-показательных мастерских и музеев»¹⁸. К 1914 г. за Уралом действовали Акмолинский, Тобольский и Дальневосточный (г. Харбин) комитеты¹⁹.

В Томской губернии дальнейшее обследование кустарных промыслов и их развитие также было поручено ТГКК, который финансировался отделом сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ²⁰.

¹¹ Зубашев Е. А. Краткий очерк кустарной промышленности в Томской губернии и деятельности Томского Губернского Кустарного комитета // Труды III-го Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге. 1913 г. Вып. 1. СПб., 1913–1914. С. 108.

¹² Там же. С. 108–109.

¹³ Труды Томского отделения Русского технического общества. Томск, 1911. 204 с.

¹⁴ Отчет о деятельности Томского отделения Императорского Русского технического общества за 1909 год. Томск, 1910. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Труды Томского отделения ...

¹⁷ Положение о Томском губернском кустарном комитете. Томск, 1911. С. 1–4.

¹⁸ Зубашев Е. А. Краткий очерк ... С. 110.

¹⁹ Азиатская Россия. Т. 2. Земля и хозяйство. СПб., 1914. С. 404.

²⁰ Отчеты по обследованию гончарного, ткацкого и кожевенного кустарных промыслов, произведенному в 1912 году в отдельных районах Томской губернии состоящими при Томском губернском кустарном комитете специалистами Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. Томск, 1913; Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии. Томский губернский кустарный комитет. Томск, 1915.

Успешности работы комитета способствовало то, что по положению в его состав входили губернатор Томской губернии как попечитель, управляющий земледелием и государственными имуществами, управляющий переселением Томского района, губернский агроном, один из крестьянских начальников, один из членов присутствия по крестьянским делам, представители от университета, технологического института, ТО РТО. Должность управляющего делами во вновь созданном ТГКК в 1911 г. по приглашению ГУЗиЗ занял председатель ТО РТО Е. А. Зубашев. За время его руководства комитетом до 31 октября 1912 г. в Томской губернии было открыто 6 УПМ для «улучшения техники» и «насаждения того или иного промысла» и разработаны планы открытия в 1913 г. еще 5 мастерских. В 1917 г. в губернии работало уже 17 УПМ²¹.

Из анализа сведений, собранных в ходе анкетных опросов, следовало, что основной причиной слабого развития кустарного производства являлся малый спрос, что напрямую связано с качеством продукции. В основном изделия изготавливались для собственных нужд или для соседей. Всего кустарным промыслом в 1910 г. занималась 1,3 % сельского населения. Открытие УПМ должно было привести к внедрению современных технологий и улучшению качества изделий, что, несомненно, должно было повысить спрос на них. В то же время занятие промыслами, по мнению чиновников, не должно было отвлекать крестьян от сельского хозяйства, но давать возможность заработка в свободное от занятия сельским хозяйством время. В районах, неблагоприятных для занятия сельским хозяйством, кустарная промышленность должна была стать основой хозяйства населения. Предполагалось открывать УПМ не только в переселенческих поселках, но и в старожиловских населенных пунктах, в основном в сельских районах, и только в исключительных случаях – в городах²².

Характеристика первых учебно-показательных мастерских Томской губернии

Работа пяти УПМ, открытых в октябре 1910 – январе 1912 г., выявила проблемы в их организации и необходимость корректировки дальнейшего плана развития. Курс обучения в УПМ составлял 1–3 года. Например, в мебельно-столярной мастерской (открыта 08 октября 1910 г., с. Петропавловское), мастерской по сельскохозяйственному машиностроению (24 ноября 1910 г., г. Бийск), тележной мастерской (24 января 1911 г., с. Болотное) учились три года, а в ткацкой мастерской (январь 1911 г., с. Беловское) только один год. В целом проблемы с набором учеников в УПМ не было. Так, в мебельно-столярной мастерской (с. Петропавловское) в 1913 г. училось 30 человек, из них 40 % – дети жителей села, в основном кустарей. Из 61 хозяйства с. Петропавловское 31 принадлежало кустарям, изготавливающим мебель. Промысел

был распространен и в окрестных селах. Другие УПМ также были популярны у населения. Большой конкурс был в УПМ г. Бийск, в котором не было ремесленного училища. Ткацкая мастерская (с. Беловское) пользовалась популярностью у населения, т. к. была единственной мастерской, где обучали девочек (в 1913 г. – 13 человек: 7 местных и 6 из других сел). Конфликтная ситуация, произошедшая в с. Боготол, где после открытия УПМ местные кустари-гончары, увидев в ней конкурента, начали бойкотировать отправку своих детей на обучение, разрешилась к концу 1912 г.

Среди проблем, которые возникли при организации УПМ, одной из самых сложных была неграмотность большинства учеников. Так, в УПМ с. Петропавловское было около 60 % неграмотных. Исключение составляла УПМ в г. Бийск, где все ученики закончили начальную школу, а многие – двухклассное училище. Но т. к. она не решала задачу подготовки сельских кустарей (из УПМ выходили городские ремесленники), было принято решение перевести мастерскую из города в одно из сел Бийского уезда.

Большое значение для подготовки детей из разных населенных пунктов и бедных семей имело наличие общежитий и стипендий. Например, в тележной мастерской (с. Болотное) ученики-крестьяне из окрестных сел не задерживались дольше, чем на полгода. Поэтому курс обучения невозможно было завершить. В УПМ в основном обучались дети торговцев и железнодорожных служащих, которые в будущем не готовы были стать сельскими кустарями или ремесленниками. После строительства общежития ТГКК ситуация кардинально изменилась. В 1913 г. общежития имели УПМ в с. Петропавловское, с. Боготол, с. Болотное.

В общежитиях УПМ с. Петропавловское, с. Болотное ученики находились на полном содержании за исключением одежды. В мастерской г. Бийск 480 руб. ежегодно расходовалось на стипендии беднейшим ученикам, в с. Беловское стипендию 5 руб. в месяц получали ученицы из других сел и беднейших семей²³. Эти меры позволяли сохранить контингент учащихся и обеспечить дополнительную мотивацию.

Основной задачей на первом этапе организации УПМ было строительство или аренда помещений и оборудование мастерских. УПМ с. Боготол, с. Болотное располагали собственными помещениями и общежитием, в с. Петропавловское часть помещений была арендована, но начато строительство собственных. В двух других УПМ мастерские находились в арендованных помещениях.

Сельские общества и организации в отдельных случаях оказывали помощь. По их запросам также происходила корректировка программ обучения. Так, общество с. Болотное ходатайствовало об обучении учеников в тележной мастерской ремонту сельскохозяйственных машин и передало ТГКК 3900 руб. на организацию литейной мастерской.

²¹ Марков М. П. Доклад Томскому Губернскому народному собранию первой сессии 1917 года. Томск, 1917. С. 3.

²² Зубашев Е. А. Краткий очерк ... С. 111, 114.

²³ Там же. С. 111–114.

Программа обучения была рассчитана на три года: 1-й год обучение шло в столярной мастерской, 2-й год – в кузнечном отделении, 3-й год – в слесарно-токарном отделении. В результате выпускники могли самостоятельно изготавливать телеги на железных осях. Кроме того, они обучались тигельному литью в литейной мастерской и ремонту сельскохозяйственных машин. Подобный трехгодичный курс был и в мастерской по сельскохозяйственному машиностроению (г. Бийск), где в течение 1-го года ученики работали в столярном отделении, 2-й год – в кузнице и слесарно-токарной мастерской, 3-й год собирали и ремонтировали сельскохозяйственные машины: веялки, сортировки, конные приводы. Программа обучения с первых дней предусматривала самостоятельное изготовление учениками простых изделий.

В ткацкой мастерской с. Беловское, где было развито льноводство, ученицы в течение одного года прослушивали курс теории ткачества и анализа тканей, учились работать на автоматических ткацких станках-самолетах, изготавливать узорчатую ткань на жаккардовом ткацком станке (шафт-машине), изучали на практике ковровое плетение, отбеливание и окрашивание пряжи и ткани, а также ее сортировку и нумерацию²⁴.

Задачей УПМ было не только обучение населения передовым приемам ткацкого производства, но и оказание технического и экономического влияния на развитие ткачества в населенных пунктах в районе мастерской (снабжение кустарей орудиями труда по льготной цене и материалами по ценам заготовки, посредничество между кустарями и рынком сбыта). Стояла также задача изготавливать изделия исключительно из местного сырья²⁵.

Оценив положительный опыт работы УПМ, сельские и волостные сходы, сельские общества и кредитные товарищества подали в ТГКК восемь заявлений об открытии УПМ в 1912–1913 гг. (кожевенной, гончарной, по изготовлению черепицы, сельскохозяйственного машиностроения, по обработке дерева, скорняжной, тележной) с предложением выделения земли и денег. Например, Верх-Чебулинское кредитное товарищество выделяло под тележную мастерскую землю и помещения, Поломошнинское и Балтинское сельские общества передавали 3000 руб. и 2000 руб. соответственно, Барнаульская городская управа – 5000 руб.

Все заявки ТГКК не мог удовлетворить. После обследования районов специалистами ТГКК было принято решение о первоочередном открытии четырех УПМ: белодеревной и игрушечно-токарной мастерской в феврале 1913 г. в с. Таловское Томского уезда, а осенью того же года кожевенной УПМ в с. Алтайское Бийского уезда, ткацкой УПМ в с. Трубачево Томского уезда, тележной УПМ

в с. Верх-Чебула. Планировалось открыть также гончарную УПМ в с. Сузун, центре гончарного промысла, для повышения качества изделий и противостояния вытеснению с развитием маслodelия гончарной посуды низкого качества металлической эмалированной посудой; ткацкую УПМ в с. Усть-Чарышская пристань Бийского уезда как отделение мастерской с. Беловское. Таким образом, в планах ТГКК было открытие к осени 1913 г. шести мастерских, из них три ткацких. План был почти полностью осуществлен. На апрель 1917 г. не была открыта только УПМ в с. Сузун.

В рамках реализации плана в 1914 г. в с. Верх-Чебула Мариинского уезда была открыта УПМ по тележному производству и совместному ремонту сельскохозяйственных машин и орудий. В 1915 г. началось возведение зданий для мастерских, которое было завершено в 1916 г. В мастерских действовало три отделения: кузнечное, слесарное, столярное. Курс обучения составлял три года, каждый ученик в течении года обучался на всех трех отделениях, где за год получал одну профессию. В ученики набирались дети крестьян не моложе 13 лет, им выплачивалась стипендия. Отдельно финансировалось профессиональное обучение детей-сирот. Окончившие курс получали инструмент и материалы в счет будущей оплаты за изделия²⁶. Это было значительным достижением для образования населения Мариинского уезда, в котором на 1 января 1916 г. из 41,215 тыс. детей школьного возраста только 132 человека учились в министерских и 90 – в церковно-приходских школах.

Программа развития сети учебно-показательных мастерских 1913 г.

Программа ТГКК развития сети УПМ 1913 г.:

1. Открытие УПМ упрощенного типа с 1–2-летним сроком обучения. Например, ткацкие мастерские планировалось открывать небольшие, но в как можно большем количестве. Такой подход позволял создать широкую сеть УПМ за короткий срок в условиях ограниченных финансовых ресурсов. В дальнейшем, несмотря на удорожание содержания, все УПМ должны были перейти на трехлетнее обучение, т. к. специалисты ТГКК понимали, что за меньшее время невозможно подготовить опытного ремесленника.

2. Задача снижения затрат и сокращения сроков обучения без потери качества должна была решаться усилением специализации. Например, по действующей программе в тележной мастерской или мастерской сельскохозяйственного машиностроения предусматривалось обучение в первый год – столярному мастерству, во второй год – кузнечному, в третий год – слесарно-токарному и сборке.

²⁴ Там же; Паюсов А. К. Кустарное ткачество в Томской губернии и мероприятия к насаждению и развитию его // Труды III-го Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в С.-Петербурге. 1913 г. Вып. 1. СПб., 1913–1914. С. 178.

²⁵ Паюсов А. К. Кустарное ткачество в Томской губернии... С. 178.

²⁶ Марков М. П. Доклад Томскому Губернскому народному собранию первой сессии 1917 года. Томск, 1917. С. 3; Устав Учебно-показательной мастерской Томского губернского кустарного комитета. Томск, 1914. С. 1–14.

Обучение ученика только одному ремеслу в течение года позволило решить эту задачу.

3. УПМ должны были решать задачи воспитания и содействовать повышению образовательного и культурного уровня сельского населения. Предлагалось вводить общеобразовательные предметы, т. к. среди учеников был большой процент безграмотных и малограмотных, а это затрудняло преподавание графической грамоты и счетоводства. Кроме того, учащиеся должны были вести индивидуальные журналы для учета материалов и времени, затраченных на изготовление изделия. Для решения этой задачи на начальном этапе в УПМ начали открывать учебные библиотеки и проводить воскресные чтения.

4. Для привлечения детей из большого количества населенных пунктов предусматривалось развитие четырех форм поддержки учеников: обеспечение общежитием с полным содержанием; стипендии ученикам из беднейших семей; оплата труда учеников по нормальным расценкам; содержание и проживание в общежитии учеников-сирот. В 1917 г. в 9 УПМ обучались сироты.

5. Проблему нехватки кадров обучающихся мастеров планировалось решать приглашением инструкторов и мастеров на службу ТГКК из европейской части России.

Ученикам выдавали на дом инструменты и материалы (как ссуду), что давало возможность зарабатывать деньги. После окончания курса УПМ выпускники также снабжались инструментом и материалами в счет платы за будущие изделия и могли сразу начать свое дело. Кроме того, выпускникам давалась возможность остаться в УПМ в качестве практикантов и работать за сдельную плату.

По ходатайству ТГКК и поддержке уездных распорядительных комитетов общественным присутствием Томского губернского правления 22 июня 1914 г. была утверждена смета на развитие кустарных промыслов в рамках земской сметы Томской губернии более чем на 470 тыс. руб. Но и она не могла обеспечить выполнения всех запросов по открытию УПМ и складов изделий и материалов. Планировалось открыть еще 17 УПМ дополнительно к 12 УПМ, существовавшим в 1914 г. Но из-за начавшейся Первой мировой войны смета была сокращена до 183 тыс. руб., и вместо запланированных 17 УПМ был выдан кредит только на 4 мастерских (тележная в с. Кыштовском Каинского уезда, две УПМ сельскохозяйственного машиностроения в с. Локтевское Змеиногорского уезда, в с. Тюменцевское Барнаульского уезда, щеточная в с. Повалиха Барнаульского уезда)²⁷. Из-за бюрократической волокиты первые 32 тыс. руб. ТГКК получил только в марте 1916 г.

УПМ сельскохозяйственного машиностроения из Бийска, как и планировалось, была перенесена в с. Енисейское Бийского уезда. К весне 1917 г. в Томской губернии работало 17 УПМ (табл.²⁸).

Табл. Учебно-показательные мастерские Томской губернии (апрель 1917 г.)

Tab. Educational and demonstration workshops in the Tomsk Province (April 1917)

Направление УПМ	Населенный пункт
Мебельно-столярное	с. Петропавловское, Томский уезд
Токарно-столярное	с. Таловское, Томский уезд
Тележное	с. Болотное, Томский уезд; с. Верх-Чебула, Мариинский уезд; с. Кыштовское, Каинский уезд
Сельскохозяйственное машиностроение	с. Енисейское, Бийский уезд; с. Локтевское, Змеиногорский уезд; с. Тюменцевское, Барнаульский уезд
Гончарное	с. Боготол, Мариинский уезд
Кожевенное	с. Алтайское, Бийский уезд; с. Поломошниково, Томский уезд
Ткацкое	с. Беловское, Бийский уезд; с. Усть-Чарышская пристань, Бийский уезд; с. Сетовское, Бийский уезд; с. Кривошеинское, Томский уезд
Кружевное	с. Трубачево, Томский уезд
Щеточное	с. Повалиха, Барнаульский уезд
Итого 9 направлений	17 населенных пунктов: Томский уезд (6), Бийский уезд (5), Барнаульский уезд (2), Мариинский уезд (2), Змеиногорский уезд (1), Каинский уезд (1)

Новые направления работы учебных мастерских в предвоенный и военный периоды

Развитие сети УПМ дало толчок еще нескольким проектам по развитию кустарного производства в Томской губернии. Из-за нехватки средств на развитие сети УПМ во время войны ТГКК, переняв опыт Пермского губернского земства, начал открывать учебно-вспомогательные мастерские (УВМ), где современным приемам изготовления изделий из местных материалов обучались взрослые кустари, что давало им возможность получить инструмент и материалы, освоить новые технологии и обеспечить себе заработок²⁹. В 1914 г. была открыта первая ткацко-прядельная УВМ в с. Пышкино-Троицкое Томского уезда. Ее продукция (мешки, холст, сарпинка (легкая хлопчатобумажная ткань)) пользовалась большим спросом. В том же году в Рубинской и Козеюльской волостях Мариинского уезда заработали две бондарных УВМ, которые производили полубочечные остовы для засолки мяса для нужд армии, также в Козеюльской волости появилась корзинная мастерская для изготовления

²⁷ Марков М. П. Доклад Томскому Губернскому народному собранию... С. 4.

²⁸ Составлено по: Марков М. П. Доклад Томскому Губернскому народному собранию... С. 3–4.

²⁹ Марков М.П. Доклад Томскому Губернскому народному собранию... С. 2–3, 5.

легких корзин из черемухи. В 1917 г. в д. Феськи Кузнецкого уезда начала работу кожевенная мастерская, оснащенная усовершенствованными механизмами.

Война способствовала получению кустарями Томской губернии военных заказов, но в целом затормозила развитие новых направлений и форм кустарного производства. По первоначальному замыслу выпускники УПМ должны были стать основой для создания кустарных артелей, позволяющих повысить производительность труда и качество продукции. В 1913 г. желание создать артели выразили 5 выпускников УПМ сельскохозяйственного машиностроения с. Болотное и 11 выпускников мебельно-столярной УПМ с. Петропавловское. Уже в январе 1914 г. начала работу кустарная артель в с. Болотное, осенью того же года был утвержден ее устав. Но из-за призыва в армию ее организаторов она практически прекратила свое существование. ТГКК пытался реанимировать ее деятельность, оплачивая аренду кузницы и инвентарь, для выполнения военного заказа на саперно-парковые двуколки. Артель в с. Петропавловское также практически сразу прекратила работу из-за призыва в армию основных организаторов. Попытка 5 выпускников 1916 г. мебельно-столярной УПМ возобновить ее работу по той же причине не увенчалась успехом. В начале XX в. именно артели стали перспективной формой развития кустарного производства, этот опыт был эффективно использован в советский период [22, с. 135; 24, с. 10].

Более удачным был опыт по решению задачи обеспечения кустарей материалами и инвентарем, возложенной на УПМ. Так, УПМ в селах Болотное, Петропавловское, Беловское были выделены кредиты на обеспечение местного кустарного тележного, ткацкого, мебельно-столярного производства. Кустари также обращались в УПМ за советом к инструкторам или мастерам, пользовались современными приспособлениями в мастерских. Успешным был признан опыт УПМ в с. Болотное, которая, получив начальный кредит 150 руб., уже к 1915 г. довела оборот по снабжению кустарей (спицы, обода, уголь) до 1000 руб. в год. В УПМ с. Беловское, получившей первоначально кредит 300 руб., годовой оборот составил более 1000 руб., несмотря на мелочные продажи (краска, белильная известь). Торговля расширялась, т. к. потребителями становились выпускники УПМ, привыкшие к определенным материалам. К 1916 г. оборотный капитал УПМ из ссуды, выданной в 1912 г. в размере 10 тыс. руб., был доведен до 50 тыс. руб. Опираясь на этот положительный опыт ТГКК предоставил кредиты практически всем УПМ. В дальнейшем планировалось поставлять через УПМ технику для кустарных артелей Томской губернии, а затем и сами УПМ передавать в собственность артелей, которые должны были обеспечить сохранение содержания и качества подготовки по учебным программам.

Еще одним проектом ТГКК стала организация склада кустарных изделий в г. Томск. Он был создан в 1913 г. как склад изделий учеников УПМ, но уже в 1914 г. начал принимать изделия у всех кустарей. К 1916 г. при складе были открыты столярная и обойная мастерские³⁰.

Источники и объемы финансирования учебно-показательных мастерских

К 1917 г. расширяющаяся сеть УПМ требовала все большего финансирования, но с каждым годом мастерские вносили все больший вклад в свое обеспечение. В 1917 г. требуемый объем финансирования ТГКК и УПМ достиг 604 тыс. руб., из которых 337 тыс. руб. составляли оборотные средства, необходимые для изготовления заказанной продукции. Если в 1912–1913 гг. основным источником содержания УПМ являлись субсидии ГУЗиЗ, то в 1916 г. финансирование состояло из субсидии ГУЗиЗ (117 тыс. руб.), средств от Романовского комитета призрения сирот сельского населения на строительство общежитий (29,360 тыс. руб.), средств Земской сметы Томской губернии (32 тыс. руб.), военных заказов на сумму 97,660 тыс. руб. (33,770 – Областной Томский военно-промышленный комитет, 63,890 – Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов), выручки от продажи ученических изделий и выполнения частных заказов (8,2 тыс. руб.). В 1916–1917 гг. УПМ получили большой объем военных заказов. В период Первой мировой войны военные заказы кустарям значительно увеличились [24, с. 23–30]. Были и мирные заказы для нужд губернии. Так, в 1915 г. Енисейская УПМ сельскохозяйственного машиностроения получила заказ от Департамента земледелия при поддержке делегатов Агрономического съезда на 100 веялок и 25 молотилок³¹.

Решение кадровой проблемы учебно-показательных мастерских

С расширением сети УПМ все острее становилась проблема нехватки кадров обучающихся мастеров. Заведующими УПМ назначали лиц со среднетехническим образованием, а мастерами брали практикующих кустарей, часть из которых была неграмотна. В результате некоторые из мастеров не могли дать ученикам элементарные теоретические знания, обучить простым чертежам и объяснить особенности технологического процесса, что отрицательно отражалось на качестве подготовки. Для устранения проблемы ТГКК стали приглашаться мастера – руководители промыслов с теоретической и практической подготовкой; для построения учебного дела – выпускники инструкторских школ министерства земледелия из европейской России. Мастера по тележному и бондарному промыслам из Мариинско-Посадской школы Казанской губернии, по ткацкому – из Вышневолоцкой и Сосновницкой школ, по кожевенному –

³⁰ Там же. С. 6–8.

³¹ Там же. С. 11–6.

из Болховской, по скорняжному – из Мурашкинской инструкторской школы³².

ГУЗиЗ в начале XX в. начал создавать сеть инструкторских школ, которые готовили руководителей и инструкторов-мастеров УПМ и становились центрами развития кустарного производства в своих губерниях. О серьезном подходе к этому начинанию свидетельствовало то, что руководители инструкторских школ, как правило, имели высшее образование и были приравнены к специалистам отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ГУЗиЗ. В 1905 г. действовало всего три инструкторских школы, в 1909 г. было открыто 9, к 1913 г. их количество возросло до 18 [11, с. 146; 16, с. 176]. В 1917 г. ГУЗиЗ был преобразован в Министерство земледелия, в котором был создан Кустарный отдел, одной из его задач было дальнейшее развитие сети инструкторских школ.

С началом Первой мировой войны 1914 г. инструкторов, мастеров стали призывать на службу в армию, что вновь обострило кадровую проблему. Поэтому в конце 1914 г. ТГКК, решив создавать сеть губернских инструкторских школ, обратился в ГУЗиЗ с запросом на финансирование создания инструкторской школы на основе ткацкой УПМ с. Беловское. В связи с отсутствием средств в удовлетворении запроса было отказано, но ТГКК осенью 1915 г. ввел 2-годовое обучение в УПМ (вместо 1 года), добавив несколько курсов, что являлось первым шагом в преобразовании УПМ в инструкторскую школу. В конце 1916 г. комитет добился выделения 5 тыс. руб. на строительство здания инструкторской школы на земле, выделенной сельским обществом с. Беловское³³.

Планы развития сети учебно-показательных мастерских после Февральской революции

При обсуждении проблем социально-экономического развития региона на 1-й сессии Томского губернского народного собрания на 16 заседании (11 мая 1917 г.) рассматривался вопрос развития кустарного и ремесленного производства в рамках доклада торгово-промышленной комиссии и по вопросам кооперации. Предварительно был рассмотрен обстоятельный доклад члена-делопроизводителя ТГКК М. П. Маркова о работе комитета.

Членами Народного собрания была высоко оценена деятельность ТГКК и 17 УПМ в деле обучения ремеслам, образования мастерских и распространения технических знаний. В резолюцию были внесены пункты по развитию всех направлений работы комитета и даже их расширению (инструкторские школы, открытие УПМ в городах и др.). Это были меры по поддержке Народным собранием и исполнительными органами развития кооперативов всех видов, что оценивалось «как показатель широкой

самостоятельности и крупный фактор в культурно-хозяйственной жизни губернии»³⁴.

Ссылаясь на то, что в европейской части государства кустарные комитеты работали при земствах, было решено, что ТГКК не должен оставаться казенным самостоятельным учреждением, а будет преобразован в кустарный отдел Томского губернского народного собрания. В состав советов по управлению и наблюдению за хозяйственной частью УПМ должны были войти заведующие мастерскими, мастера, руководители и представители местных народных собраний и кооперативов. В целях развития кустарной промышленности и распространения технических знаний предполагалось создавать за государственный счет инструкторские школы; организовывать артели, кооперативные мастерские, заводы и их инструктирование, создать сеть УПМ в селах и городах. Важным решением стала резолюция о распространении отсрочки от призыва в армию для ремесленников и сельских кустарей, занятых «всецело изготовлением машин и сельскохозяйственных орудий и техников, инструкторов, специалистов по насаждению ремесленных и промышленных знаний в Томской губернии». Лиц данных категорий должны были вернуть из тыловых воинских частей³⁵.

Судьба учебно-показательных мастерских после Октябрьской революции

Планы новой региональной власти расстроили Октябрьская революция и начавшаяся Гражданская война. В 1918 г. обучение в оставшихся мастерских шло с перебоями в связи с событиями Гражданской войны, в 1920 г. они перешли в ведение Губпрофобра и были преобразованы в профтехшколы с тремя отделениями (кузнечное, слесарное и столярное). Из-за недостатка средств в 1922 г. школы были опять преобразованы в УПМ. Советское государство активно использовало дореволюционную систему обучения для подготовки кадров для кустарного производства и развития кооперации [26].

В период становления молодого советского государства профессиональному образованию стало уделяться особое внимание. Создание советской системы профессионально-технического образования происходило в сложных условиях. Советское правительство, ломая старую систему образования, одновременно закладывало основу для создания новой системы, отвечающей требованиям нового государства. Уже в ноябре 1917 г. была образована Государственная комиссия по просвещению, а на ее первом заседании был учрежден отдел профессионального образования Народного комиссариата просвещения, объединивший все профессиональные школы, независимо от их форм собственности, содержания и методов обучения.

³² Там же. С. 8–9.

³³ Там же. С. 9.

³⁴ Протоколы Томского губернского народного собрания, 1 сессия. Томск, 1917. С. 132.

³⁵ Там же. С. 132–133.

В октябре 1918 г. была опубликована декларация «О задачах профессионально-технического образования в России», определившая важнейшие установки по данному вопросу: начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища и т. д. упразднялись, а на смену им приходила единая трудовая школа 1-й ступени (с 8 до 13 лет) и 2-й ступени (с 13 до 17 лет). Единая трудовая школа должна была стать единой политехнической школой, учащиеся которой в процессе производительного, общественно полезного труда должны были знакомиться с самыми различными формами производства. Считалось возможным создать т. н. специальную школу профессионального характера, в которой специальное обучение должно было осуществляться на основе политехнического образования. Год спустя существующие прежде профессиональные школы и некоторые УПМ были преобразованы в школы фабрично-заводского ученичества, в которых было органично объединено общее и профессиональное обучение, а теоретическая подготовка сочеталась с производственным трудом. Данный тип профессиональных учебных заведений являлся самым распространенным и пропагандировался как «классовая школа пролетариата», источник пополнения рабочей среды политически просвещенными и технически образованными пролетариями.

Заключение

Деятельность УПМ за семь неполных лет позволила оценить их потенциал в деле социально-экономического развития региона. До начала Первой мировой войны для модернизации кустарной промышленности ГУЗиЗ, земствами губерний и уездов Российской империи, частными лицами было создано 460 школ, складов, музеев, УПМ и пунктов [7, с. 33–46]. Безусловно, Первая мировая война, а затем революции и гражданская война прервали становление сети учреждений для развития кустарной промышленности и снизили эффект их влияния на данный процесс. Но именно УПМ вместе с первыми низшими и средними техническими учебными заведениями были первым шагом в формировании традиций и заложили основу для создания системы профессионально-технического образования в регионе. Эффективность УПМ обусловило использование дуальной модели обучения, когда сочеталось профессиональное и общее обучение, теория и практика с превалированием последней. Ученик с первого этапа обучения включался в производственный процесс и нес ответственность за результаты своего труда, оценку которым давал потребитель продукции. Нельзя не отметить роль УПМ в распространении не только технических знаний, но и элементарной грамотности среди сельского населения, которое в основном было безграмотным или малограмотным (обучение общеобразовательным предметам, учебные библиотеки,

воскресные чтения, музеи). Мастерские выполняли важную социальную функцию обучения и содержания детей из бедных семей и детей-сирот, привлекая к решению этих задач общественные организации и сельские общества.

УПМ стали не только местами подготовки специалистов-кустарей и организаторов-инструкторов кустарного производства, но и центрами модернизации кустарной промышленности и распространения технических знаний, которые внедряли современные технологии, инструменты, механизмы и в которых обучали новым формам взаимодействия (артели), получения заказов и реализации своей продукции, введению дополнительных услуг (ремонт, продажа материалов и инструментов и др.). Косвенным подтверждением влияния УПМ и других учреждений ТГКК на развитие кустарной промышленности служит следующая динамика: если в 1910 г. 1,3 % сельского населения Томской губернии занимались кустарными промыслами, то к 1915 г. уже 2,25 % (4,6 % семей в среднем по губернии)³⁶. По данным сельскохозяйственной переписи в 1917–1920 гг. в Томской губернии количество лиц, занятых в сельских кустарно-ремесленных промыслах, сократилось на 31,8 %³⁷.

Деятельность УПМ в результате должна была повлиять на развитие кустарных промыслов и дать возможность дополнительного заработка для сельского населения, особенно в районах, где занятие земледелием было неэффективным, а также поддержать крестьянское сельскохозяйственное хозяйство, создавая альтернативу отхожим промыслам, которые отрывали мужчин от ведения хозяйства. На основании анкетных опросов, проведенных в Томской губернии, средний ежегодный доход от кустарных промыслов составлял примерно 100 руб., но в отдельных случаях мог достигать 750 руб. в год, например в кожевенной отрасли. В это время зарплата рабочего в Санкт-Петербурге могла составлять 300–750 руб. в год. Поэтому процесс увеличения количества и укрепления экономического положения слоя сельских кустарей и ремесленников также был направлен на достижение одной из основных целей столыпинской реформы – создание стабильной социальной основы гражданского общества и государства. Процесс развития кустарной промышленности, в котором активно участвовали УПМ, был направлен на решение задач самозанятости населения, укрепление мелкого и среднего производства, переподготовки взрослого населения. Как отмечает ряд исследователей, это было особенно актуально для Урала и юга Западной Сибири. 21 мая 1912 г. Совет министров специально рассматривал вопрос об обеспечении быта рабочих закрытых и закрывающихся горных заводов. Рабочих, непривычных к сельскохозяйственному труду и проживающих в районах, зачастую мало пригодных для земледелия, предлагалось обучать кустарным промыслам, открывая УПМ, ремесленные школы, музеи, склады [27, с. 41–42; 28].

³⁶ Материалы анкетного обследования кустарно-ремесленной промышленности в Томской губернии. Томский губернский кустарный комитет. Томск, 1915. С. 3; Памятная книжка по Томской губернии. Томск, 1915. С. 3–4, 9.

³⁷ Промышленность мелкая и кустарно-ремесленная // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 714.

Таким образом, УПИМ под руководством ТГКК в начале XX в. оказали существенное влияние и могли сыграть важную роль в развитии профессионально-технического образования, подготовки кадров для кустарной промышленности юга Западной Сибири, если бы не войны

и социально-политические события 1917 г., за которыми последовала смена государственного строя и новые подходы к социально-экономическому развитию страны, включая создание новой системы профессионального образования.

Литература

1. Захаровский А. В. Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 104 с.
2. Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России / под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 233 с.
3. Дубровская Т. А. Формирование и развитие системы профессионального образования в России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 54 с.
4. История профессионального образования в России / под ред. С. Я. Батышева. М.: Проф. образование, 2003. 663 с.
5. Кузьмин Н. Н. Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск: Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1971. 280 с.
6. Панина Н. В. Разработка нормативно-правовых основ профессионально-технического образования второй половины XIX в. // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 2. № 3. С. 62–66.
7. Зяблова С. Л. Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX – начала XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 228 с.
8. Дереза Н. А. История становления и развития системы начального профессионального образования России: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 223 с.
9. Зяблова С. Л. Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004. 24 с.
10. Веселов А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М.: Трудрезервиздат, 1955. 328 с.
11. Емельянова Т. В. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики в структуре Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в 1905–1914 гг. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 144–149.
12. Карташова М. В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. (1872–1917 гг.): статистика, локализация, государственная поддержка. Н. Новгород: Кварц, 2018. 414 с.
13. Соловьева Е. И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
14. Максимов Е. Д. Учебно-показательные мастерские в ряду других учреждений ремесленного обучения. СПб.: Гос. тип., 1902. 17 с.
15. Шубович В. Г. Особенности учебно-воспитательного процесса в ремесленных отделениях, классах и учебных мастерских при учебных заведениях Симбирской губернии в конце XIX века // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4-1. С. 179–185.
16. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 267 с.
17. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1957. 271 с.
18. Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Овчинников В. А. История горного начального и среднего профессионального образования в Кузбассе (XVIII – начало XXI вв.). Кемерово: КРИПО, 2015. 130 с.
19. Овчинников В. А., Блинов А. В. Становление горного профессионального образования на территории Кузбасса в XVIII – первой половине XIX в. // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 1. С. 144–151.
20. Горощенкова О. А. Техническое образование в Иркутской губернии: история становления, развития, преемственности сети учебных заведений (середина XVIII – 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 259 с.
21. Сковородина И. С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 28 с.
22. Зозуля О. А. Российское государство, земства и кустари на рубеже XIX–XX веков: формирование системы взаимоотношений // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. Т. 19. № 4. С. 129–137.
23. Ситникова Д. А. Открытие Томского отделения Императорского Русского Технического общества в 1902 году // Гений В. Г. Шухова и современная эпоха: мат-лы Междунар. конгресса. (Москва, 17–18 апреля 2014 г.) М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2015. С. 71–77.
24. Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.

25. Карташова М. В. Государственные военные заказы кустарям в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 23–30.
26. Кокина Л. М. Подготовка кадров для кустарных промыслов (1917–1927 гг.) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6. С. 74–78.
27. Тарновский К. Н. Кустарная промышленность и царизм (1907–1914 гг.) // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 33–46.
28. Кружкова Т. И., Колобков И. А. Подготовка кадров для малого бизнеса в ремесленных учебных заведениях Урала (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2001. 79 с.

The Role of Educational and Demonstration Workshops in the Development of Vocational Education and Training for the Handicraft Industry of Tomsk Province in the Early XX Century

Vladislav A. Ovchinnikov ^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] rpsib@rambler.ru

Received 13.08.2019. Accepted 01.10.2019.

Abstract: The present research featured educational and demonstration handicraft workshops in the Tomsk Province in the early XX century. The research objective was to determine the general course and features of the workshops that played a significant role in the modernization of technology and handicrafts in the region, along with other institutions of the Tomsk State Handicraft Committee, e.g. museums, warehouses, and libraries. The workshops became an important part of vocational education. A major role on the state level belonged to the administration of land management and agriculture and the Imperial Russian technical society. In the Tomsk province it belonged to the Tomsk Provincial Handicraft Committee and the Tomsk Department of the Russian Technical Society. By 1917, seventeen settlements in six parishes of the Province had seventeen workshops in nine areas of handicraft industry. Weaving, wagon-making, and agricultural engineering workshops predominated. They became centers for the development of vocational education and the popularization of new technologies. They organized educational support workshops for the adult population, sold modern machinery and materials, built warehouses for handicrafts and repair shops, instructor schools, etc. The network of workshops, along with vocational educational institutions, became the basis for the Soviet system of vocational education in Siberia in the post-revolutionary period. The paper contains an analysis of researches and historical sources. The results helped to fill the gaps in the history of vocational education in the South of Western Siberia.

Keywords: educational workshops, Siberia, vocational school, handicraft production, handicraft production, Russian empire

For citation: Ovchinnikov V. A. The Role of Educational and Demonstration Workshops in the Development of Vocational Education and Training for the Handicraft Industry of Tomsk Province in the Early XX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 948–961. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-948-961>

References

1. Zakharovskiy L. V. *The Soviet model of vocational education: updating experience in modern conditions*. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2015, 104. (In Russ.)
2. *Problems of the formation of professional craft education in Russia*, ed. Romantsev G. M. Ekaterinburg, 2012, 223. (In Russ.)
3. Dubrovskaya T. A. *Formation and development of the vocational education system in Russia*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2004, 54. (In Russ.)
4. *History of vocational education in Russia*, ed. Batyshev S. Ia. Moscow: Prof. obrazovanie, 2003, 663. (In Russ.)
5. Kuzmin N. N. *Lower and secondary vocational education in pre-revolutionary Russia*. Chelyabinsk: Iuzh.-Uralsk. kn. izd-vo, 1971, 280. (In Russ.)
6. Panina N. V. Development of legal and regulatory framework of vocational education of the second half of the XIX century. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2012, 2(3): 62–66. (In Russ.)
7. Zabllova S. L. *The development of lower vocational education in Russia in the mid XIX – early XX centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Ivanovo, 2004, 228. (In Russ.)

8. Dereglazov N. A. *The history of the formation and development of the system of primary vocational education in Russia*. Cand. Hist. Sci. Diss. Voronezh, 2006, 223. (In Russ.)
9. Ziablova S. L. *The development of lower vocational education in Russia in the mid XIX – early XX centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Ivanovo, 2004, 24. (In Russ.)
10. Veselov A. N. *Higher vocational education in the RSFSR*. Moscow: Trudrezervizdat, 1955, 328. (In Russ.)
11. Emelianova T. V. The department of rural economy and agricultural statistics in the structure of the Main Directorate for Land Management and Agriculture in 1905–1914. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, (S): 144–149. (In Russ.)
12. Kartashova M. V. *Handicrafts of the Russian Empire in the last third of the XIX – early XX centuries. (1872–1917): statistics, localization, state support*. Nizhny Novgorod: Kvarts, 2018, 414. (In Russ.)
13. Soloveva E. I. *Peasant industry of Siberia in the second half of the XIX century*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1975, 39. (In Russ.)
14. Maksimov E. D. *Educational and demonstration workshops among other institutions of craft education*. St. Petersburg: Gos. tip., 1902, 17. (In Russ.)
15. Shubovich V. G. Peculiarities of education process in handicraft departments, classes, training workshops of educational institutions in the Simbirsk region at the end of the 19th century. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2013, (4-1): 179–185. (In Russ.)
16. Tarnovskii K. N. *Small industry in Russia in the late XIX – early XX centuries*. Moscow: Nauka, 1995, 267. (In Russ.)
17. Shamakhov F. F. *School of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1957, 271. (In Russ.)
18. Blinov A. V., Ermolaev A. N., Ovchinnikov V. A. *The history of mountain primary and secondary vocational education in Kuzbass (XVIII – early XXI centuries)*. Kemerovo: KRIRPO, 2015, 130. (In Russ.)
19. Ovchinnikov V. A., Blinov A. V. Formative stage of mining vocational education in Kuzbass territory in the XVIII – first half of the XIX century. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2014, (1): 144–151. (In Russ.)
20. Goroshchenova O. A. *Technical education in the Irkutsk Province: history of the formation, development, and continuity of the network of educational institutions (mid XVIII – 1917)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Irkutsk, 2005, 259. (In Russ.)
21. Skovorodina I. S. *The development of lower and secondary vocational education in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2003, 28. (In Russ.)
22. Zozulya O. A. Russian government, zemstvos and craftsmen in the late XIX – early XX century: relationship formation. *Moscow state forest university bulletin – Lesnoy vestnik*, 2015, (4): 129–137. (In Russ.)
23. Sitnikova D. L. Opening of the Tomsk branch of the Imperial Russian Technical Society in 1902. *Genius V. G. Shukhov and the modern era: Proc. Intern. Congress*, Moscow, April 17–18, 2014. Moscow: MGTU im. N. E. Bauman, 2015, 71–77. (In Russ.)
24. Averianov V. V., Venediktov V. Iu., Kozlov A. V. *Artel and artel man*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2014, 688. (In Russ.)
25. Kartashova M. V. State military orders to handicraftsmen in the Russian Empire in the late 19 – early 20 century. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2017, (5): 23–30. (In Russ.)
26. Kokina L. M. Training for handicrafts (1917–1927). *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2012, (6): 74–78. (In Russ.)
27. Tarnovskii K. N. Handicraft industry and tsarism (1907–1914). *Voprosy istorii*, 1986, (7): 33–46. (In Russ.)
28. Kruzhkova T. I., Kolobkov I. A. *Training for small businesses in craft schools of the Urals (second half of the XIX – early XX centuries)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. prof.-ped. un-ta, 2001, 79. (In Russ.)

Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения*

Татьяна Г. Бохан^{a, ID1}; Марина В. Шабаловская^{b, ID2}; Юлия В. Бородич^{a, ID3}; Ольга В. Терехина^{a, ID4}; Анна Л. Ульянич^{a, @, ID5}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36

^b Сибирский государственный медицинский университет, 634050, Россия, г. Томск, Московский тр., 2

@ FiALe@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-4256-7641>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

Поступила в редакцию 12.11.2019. Принята к печати 06.12.2019.

Аннотация: Статья посвящена описанию кросскультурного сравнения особенностей и связи личностной и этнической идентичности студентов в условиях поликультурной образовательной среды. Исследование проведено с участием 141 студента (русские студенты – 48 человек, европейские студенты – 45, китайские студенты – 48). Психодиагностические методы исследования: опросник «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой), опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова). Выявлены общие и специфические особенности личностной и этнической идентичности каждой группы студентов. Установлено, что общим в структуре личностной идентичности является значимость рефлексии и идентификация собственной учебно-профессиональной ролевой позиции, в структуре этнической идентичности для всех групп характерен повышенный уровень позитивной этноидентичности и средняя выраженность этноиндифферентности. Специфическим в содержании личностной идентичности для русских студентов является большая выраженность Социального Я (профессия, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я, в отличие от студентов других групп. Для европейских студентов характерно большее проявление этнонигилизма. Китайские студенты демонстрируют более выраженные параметры гиперидентичности. В каждой эмпирической группе студентов установлены два типа, отличающиеся спецификой взаимосвязи личностной и этнической идентичности. Результаты позволяют определить мишени психологического сопровождения студентов в процессе их самоидентификации в условиях поликультурного образовательного пространства.

Ключевые слова: личностная идентичность, этническая идентичность, гипoidентичность, гиперидентичность, поликультурная образовательная среда, межэтническая коммуникация, студенческая молодежь

Для цитирования: Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородич Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. Л. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 962–973. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973>

Введение

Одна из приоритетных задач российского образования и стратегическое направление внешней государственной политики России – привлечение иностранных студентов, что отражено в паспорте проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на 2017–2025 гг. Ключевой целью проекта является повышение привлекательности и конкурентоспособности

русского образования на международном рынке образовательных услуг¹. В последнее время повышается интерес иностранных студентов к российскому образованию и, соответственно, усиливается поток желающих получить качественное высшее образование в российских вузах. Международная мобильность студентов в Россию оказывает не только положительное влияние на социально-экономическую обстановку в стране, но и негативную,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Становление идентичности как психологического фактора субъективной оценки качества жизни у молодежи в поликультурной среде университетов (кросскультурные исследования)» (грант № 19-413-700007).

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.05.2017 № 6). Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/DkOXerfvAnLv0vFKJS9ZeqTC7ycla5HV.pdf> (дата обращения: 09.09.2019).

связанную с возможным повышением негативизма, проявлением расизма, дискриминации в отношении иностранных студентов, трудностями их адаптации в новых образовательных и социо-культурных условиях [1–5], что может вызывать у них негативные эмоциональные и социальные последствия, снижать их субъективную оценку качества жизни в условиях поликультурной среды. Исследователями отмечается, что «в этих условиях этнопсихологические и кросс-культурные исследования субъективного благополучия приобретают особую остроту, поскольку необходимо выяснить не только константные характеристики этого явления, но и специфические особенности и факторы, проявляющиеся как эффекты этнической (гражданской) социализации личности, связанные с ее включением в деятельность различных сообществ (этнических или национальных или «цивилизационных» групп)» [5, с. 8].

В связи с этим актуализируются вопросы поиска психологических индикаторов и психологических факторов качества жизни студенческой молодежи в условиях поликультурного образовательного пространства. Мы предполагаем, что к таким психологическим факторам может быть отнесена идентичность, представленная системой личностного и социального аспектов. Данное предположение основывается на том, что идентичность является основным новообразованием, которое определяет вектор личностного и профессионального становления, саморазвития и самореализации в период молодости, что непосредственно может находить свое отражение в субъективной оценке качества жизни молодежи в условиях поликультурной образовательной среды.

Как известно, статус идентичности как самостоятельной научной категории, базирующейся на трех уровнях структуры человеческой природы – социальном (поиск соответствий между собственными ценностями и идеалами и мира), личностном (осознание собственной тождественности, уникальности, неповторимости жизненного опыта) и индивидуальном (глубинное осознание собственного Я как неизменной данности через пространственно-временные характеристики), был сформулирован в психоисторическом подходе Эриком Эриксоном [6]. Таким образом, идентичность как психологическая категория была представлена как структурное и интегративное образование, включающее два основных аспекта: личностный (персональный) и социальный [7]. Личностная идентичность рассматривается как определенный набор характеристик и сообщает человеку свойство уникальности, социальная является результатом идентификации личности с социальной средой. Выделенные уровни находятся в динамическом взаимодействии [7]. Существует мнение о том, что данное взаимодействие носит взаимодополняющий характер [8]. Приводя аргументы, авторы отмечают, что личностная идентичность отражает лишь индивидуальные качества человека, которые он сам отмечает в себе, все остальные личностные критерии не могут быть однозначно отделены от социальных, т. к. они в той

или иной степени формируются под влиянием социальных норм и правил общества. Социальная идентичность, согласно литературным данным, включает в себя такие подвиды, как возрастная, профессиональная, идеологическая, расовая, классовая, этническая идентичность и др. В контексте данного исследования наибольший интерес представляет этническая идентичность, под которой, согласно Т. Г. Стефаненко [9], понимается осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической группе, пониманию, оцениванию и переживанию своего членства в ней и ее связь с характеристиками личностной идентичности у студентов, представителей различных этнокультурных групп.

В научной литературе активно рассматриваются различные аспекты проблемы идентичности современной молодежи. В ряде зарубежных исследований показано, что сильная идентичность (*a strong identification*) оказывает благоприятное воздействие на социально-культурную адаптацию и межэтническую коммуникацию для обеих сторон, как принимающей, так и мигрирующей [10]. Некоторые исследователи указывают, что уровень сформированности этнической и расовой идентичности является ключевым фактором, способствующим позитивному психосоциальному функционированию молодежи и их субъективному благополучию [11–13]. Выявлена связь этнической идентичности с позитивным психологическим функционированием и положительными академическими результатами латинской молодежи [14]. Выявлена специфика формирования идентичности у некоторых групп молодежи, обучающихся в университете, которая заключается в стремлении поддержания «отложенной идентичности» или сохранения статуса моратория идентичности в период обучения [15].

В отечественных работах объективируется и изучается проблема российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия [16], анализируются особенности формирования идентичности в условиях социокультурной трансформации [17], вводится понятие *гражданская идентичность* и рассматривается соотношение гражданской и этнической идентичности студентов вузов [18], аргументируется значимость изучения особенностей идентичности молодежи в региональном и культурном пространствах [19; 20], социальная идентичность молодежи изучается как проблема социальной политики [21]. Проводится анализ общенациональной и этнической идентичностей в их соотношении как между собой, так и с региональным и макрорегиональным видами идентичности у молодежи разных национальностей в полиэтничных республиках Сибири [22; 23].

С учетом роста образовательной миграции актуализируются задачи поиска тех условий, которые позволяют обеспечить субъективное благополучие студенчества в условиях поликультурной образовательной среды. Ссылаясь на литературные данные, мы предполагаем, что таким фактором может выступать идентичность, представленная взаимосвязью сильной и интегрированной личностной

и этнической идентичностью. В связи с этим цель исследования – кросскультурное сравнение особенностей и связи личностной и социальной идентичности студентов в условиях поликультурной образовательной среды.

Методы и материалы

Для выявления показателей личностной идентичности студентов использовался опросник «Кто Я?» М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой. Шкала анализа идентификационных характеристик включает в себя 7 групп показателей: Социальное Я, Коммуникативное Я, Материальное Я, Физическое Я, Деятельное Я, Перспективное Я, Рефлексивное Я, а также дополнительные показатели: проблемная идентичность и ситуативное состояние. Для выявления показателей этнической идентичности использовался опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [24], позволяющий диагностировать этническое самосознание, определить его трансформации в условиях поликультурной среды и доминирующую склонность к одному из шести типов этнической идентичности. Согласно методике, выраженность любого из шести типов этнической идентичности может варьироваться от 0 до 20 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный тип. Линейка оценок условно разделена на степени выраженности: 0 – тенденция отсутствует; 1–4 балла – низкая интенсивность; 5–8 баллов – пониженная степень интенсивности; 9–12 баллов – средняя степень; 13–16 баллов – повышенная степень интенсивности; 17–20 баллов – высокая степень значимости типа этнической идентичности.

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе IBM SPSS Statistics 24. В качестве статистических методов исследования были выбраны описательные статистики. Для проверки распределения показателей на нормальность использовался критерий Колмогорова-Смирнова. Для выявления статистически значимых различий между показателями разных групп использовался ранговый критерий Крускала-Уоллиса и непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

В исследовании принимали участие 141 человек в возрасте от 19 до 24 лет, студенты Томского государственного университета 3-х и 4-х курсов бакалавриата и магистранты 1 года обучения (факультеты психологии, химический, иностранных языков, филологии, юридический), 60 человек мужского, 81 человек женского пола. Выборка разделена на 3 группы: 48 участников – российские студенты, 45 – европейские студенты (итальянцы, французы, англичане), 48 – китайские студенты.

Результаты

Для сравнения показателей типов личностной идентичности были определены частотные значения встречаемости лексических единиц, относящихся к определенному типу личностной идентичности, и их процентное соотношение (табл. 1).

Для российских студентов наиболее характерны следующие показатели-компоненты идентичности: Рефлексивное Я (например, добрая, странная, неуверенный, индивидуальность, оптимист, интересная, ироничный), Физическое Я (красивая, красавчик, полная, блондинка), Социальное Я, представленное полом (мужчина, парень, девушка, женщина), учебно-профессиональной ролевой позицией (студент, магистр, фотограф, актриса, режиссер, официантка), семейной принадлежностью (дочь, сын, сестра, тетя, жена, муж), Коммуникативное Я (хороший друг, знакома с лучшими из всех людей, подруга). Наименьшая частота встречаемости приходится на показатели сексуальной роли и мировоззренческой идентичности Социального Я, Материального Я и Ситуативного состояния.

Для китайских студентов наиболее выражены следующие показатели-компоненты идентичности: учебно-профессиональная ролевая позиция, этнически-региональная принадлежность Социального Я (студент, магистр, преподаватель, китаец), Рефлексивное Я (терпеливый, упорный, смелый, прямой, мудрый, оптимист), Деятельное Я (люблю музыку, кино, люблю математику, люблю читать). Редко встречается идентификация с сексуальной ролью, мировоззренческой позицией, групповой принадлежностью в Социальном Я, компонентами идентичности Материального Я, Коммуникативного Я и Ситуативного состояния, самооценкой способности к деятельности Деятельного Я.

Для европейских студентов наиболее характерны следующие показатели-компоненты идентичности: Рефлексивное Я (интересный, счастливый, перфекционист, открытый, позитивный, простой, вспыльчивый), Физическое Я (здоровый, вегетарианец, люблю кофе, люблю свои волосы), учебно-профессиональная ролевая позиция Социального Я (студент, культуролог, исследователь), занятие и интересы Деятельного Я (люблю читать, хорошо готовлю, играю в игры, путешественник). Наименее выражены идентификация сексуальной роли и групповой принадлежности, мировоззренческая идентичность Социального Я, показатели идентичности Ситуативного состояния.

Согласно полученным результатам можно предположить, что наиболее актуальными среди показателей-компонентов идентичности для всех групп являются Рефлексивное Я и учебно-профессиональная ролевая позиция Социального Я. Также наиболее часто встречаемыми компонентами идентичности для многих российских и европейских студентов оказалось Физическое Я, в то время как для многих представителей китайских и европейских студентов – занятия и интересы Деятельного Я, российские представители студенчества часто идентифицируют себя в аспекте Коммуникативного Я. Наименее выражены для всех групп такие показатели-компоненты идентичности, как сексуальная роль, мировоззренческая идентичность Социального Я, Материальное Я и Ситуативное состояние.

Табл. 1. Частотные показатели значений типов личностной идентичности

Tab. 1. Frequency values of the types of personal identity

Шкала		Российские студенты (n=48)	Китайские студенты (n=48)	Европейские студенты (n=45)
Социальное Я	Пол	31 (64 %)	13 (27 %)	8 (17 %)
	Сексуальная роль	1 (2 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
	Учебно-профессиональная позиция	40 (83 %)	25 (52 %)	24 (53 %)
	Семья	35 (72 %)	9 (18 %)	11 (24 %)
	Этнос	14 (29 %)	17 (35 %)	15 (33 %)
	Мировоззрение	6 (12 %)	2 (4 %)	3 (6 %)
	Социальная группа	14 (29 %)	4 (8 %)	3 (6 %)
Коммуникативное Я		32 (66 %)	6 (12 %)	14 (31 %)
Материальное Я		3 (6 %)	2 (4 %)	5 (11 %)
Физическое Я		42 (87 %)	12 (25 %)	26 (57 %)
Деятельное Я	Занятие	21 (43 %)	19 (39 %)	22 (48 %)
	Самооценка	14 (29 %)	5 (1 %)	15 (33 %)
Перспективное Я		13 (27 %)	7 (14 %)	8 (17 %)
Рефлексивное Я		45 (93 %)	24 (5 %)	28 (62 %)
Ситуативное состояние		6 (12 %)	7 (14 %)	7 (15 %)

Для определения значимых различий между показателями личностной идентичности в трех группах проводился сравнительный анализ непараметрическим критерием Краскела-Уоллиса (для трех независимых выборок) (табл. 2).

Значимые различия выявлены между группами студентов по показателям личностной идентичности: профессия и семья в Социальном Я, Перспективное Я, Рефлексивное Я.

Более высокие показатели Социального Я (профессия, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я, по сравнению с другими группами, имеют респонденты российской выборки, более низкие – у представителей Европы. Таким образом, несмотря на то, что Рефлексивное Я и идентификация с профессиональной принадлежностью в Социальном Я наиболее часто встречается в структуре идентичности студентов всех эмпирических групп, можно говорить о значимых различиях между группами, указывающих на большую представленность этих компонентов в структуре идентичности студентов российской выборки.

Проверка на нормальность распределения показателей шкал этнической идентичности указала на возможность использовать для сравнения средние значения (табл. 3). Для многих студентов российской выборки характерны низкие показатели этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма, средняя степень выраженности этнической индифферентности и повышенная степень выраженности позитивной этнической идентичности. Большинство представителей китайской выборки показали пониженную степень интенсивности показателей

этнонигилизма, этноизоляционизма и этноэгоизма, среднюю степень выраженности этнической индифферентности и этнофанатизма. Среднее значение показателя позитивной этнической идентичности в данной группе указывает на повышенный уровень. У большинства европейских студентов выявлена пониженная степень выраженности этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма, средняя степень выраженности этнической индифферентности и повышенная степень выраженности позитивной этнической идентичности.

С помощью Критерия Краскела-Уоллиса выявлены статистически значимые различия между тремя группами по выраженности типов этнической идентичности (табл. 4). Статистически значимые различия между тремя выборками имеются в следующих переменных: этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм. Более высокий показатель этнонигилизма среди трех групп выявлен у европейских студентов, самый низкий – у российских студентов. Более высокие показатели этноэгоизма, этноизоляционизма, этнофанатизма, по сравнению с другими группами, отмечаются в выборке китайских студентов, самые низкие – у студентов российской выборки. В показателях позитивной этнической идентичности и этнической индифферентности статистически значимые различия не обнаружены. То есть многим представителям всех групп характерна позитивная этническая идентичность и средний уровень выраженности этнической индифферентности.

Табл. 2. Результаты критерия Краскела-Уоллиса для показателей личностной идентичности

Tab. 2. Results of the Kruskal-Wallis test for personal identity indicators

Переменная		Средний ранг			X ²	p
		Российские студенты	Китайские студенты	Европейские студенты		
Социальное Я	Половая идентичность	27,1	25,5	25,5	1,38	0,50
	Учебно-профессиональная ролевая позиция	55,1	45,7	27,5	19,9	0,01**
	Семейная принадлежность	34,4	18,2	15,5	14,7	0,01**
	Этническо-региональная идентичность	23,1	26,2	17	1,9	0,39
	Мировоззренческая идентичность	6	6	6	0	1,00
	Групповая принадлежность	10,4	9,5	6,5	1,73	0,42
Коммуникативное Я		28,3	29,5	21	0,77	0,68
Материальное Я		6	9	6	4	0,14
Физическое Я		45,5	44,6	30,5	1,32	0,52
Деятельное Я	Занятия, деятельность, интересы, увлечения	32,6	37,9	29,5	1,22	0,54
	Самооценка способности к деятельности	17,9	21,4	14,5	1,21	0,55
Перспективное Я		17,2	15,2	9,5	6,03	0,05*
Рефлексивное Я		73,6	46,6	22,5	19,3	0,01**
Ситуативное состояние		3,5	3,5	3,5	0,56	0,76

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Табл. 3. Средние значения и стандартные отклонения показателей типов этнической идентичности

Tab. 3. Average values and standard deviations of indicators of ethnic identity types

Тип этнической идентичности	Российские студенты (n=48)	Китайские студенты (n=48)	Европейские студенты (n=45)
Этнонигилизм	3,72±2,68	5,47±3,83	6,4±3,58
Этническая индифферентность	12,09±4,17	12,38±2,46	11,16±3,17
Позитивная этническая идентичность (норма)	15,83±2,42	15,23±2,86	14,4±3,53
Этноэгоизм	4,23±3,14	8,28±3,97	6,87±3,90
Этноизоляционизм	2,45±2,06	7,57±3,92	6,67±4,18
Этнофанатизм	3,98±2,81	10,4±3,61	6,93±5,22

Табл. 4. Результаты критерия Краскела-Уоллиса для показателей этнической идентичности

Tab. 4. Results of the Kruskal-Wallis test for the ethnic identity indicators

Переменная	Средний ранг			X ²	p
	Российские студенты	Китайские студенты	Европейские студенты		
Этнонигилизм	54,1	71,2	85,2	13,9	0,01**
Этническая индифферентность	71,9	76,3	61,3	3,38	0,19
Позитивная этническая идентичность (норма)	77,4	70,2	61,9	3,45	0,18
Этноэгоизм	47,9	87,7	74,4	23,8	0,01**
Этноизоляционизм	37,8	91,6	81	47,2	0,01**
Этнофанатизм	42,4	100,7	66,6	50	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Для выявления однородности / неоднородности групп по показателям идентичности был осуществлен иерархический кластерный анализ данных с помощью метода межгрупповых связей (корреляция Пирсона). На основании результатов проведенной кластеризации можно предположить, что выборку российских студентов целесообразно разделить на 2 кластера (типа). Сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни) определил статистически значимые различия по некоторым параметрам личностной и этнической идентичности (табл. 5).

Кластерная группа 1 (46,8 % респондентов) показала значимо меньшую представленность в структуре идентичности Физического Я, Перспективного Я, Рефлексивного Я, менее выраженную, но в пределах нормы, позитивную этническую идентичность при большей выраженности показателей этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма в структуре этнической идентичности по сравнению с кластерной группой 2 (53,2 % респондентов).

Группа китайских студентов на основании результатов проведенной кластеризации также разделилась на 2 кластера. Сравнительный анализ определил статистически значимые различия по некоторым параметрам личностной и этнической идентичности (табл. 6) между выделенными кластерными группами. В группе китайской выборки студенты (44,7 % респондентов), входящие в первый кластер, характеризуются более низкими показателями Коммуникативного Я, Перспективного Я, Рефлексивного Я в структуре личностной идентичности, менее выраженной позитивной этнической идентичностью и более высокими показателями этнонигилизма, этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма по сравнению с респондентами второй кластерной группы (55,3 % респондентов).

Группа европейских студентов в результате кластерного анализа также разделилась на 2 типа, значимо отличающиеся по некоторым показателям личностной и этнической идентичности. Респонденты первого кластера (51 %) характеризуются более низкими показателями Коммуникативного Я и более высокими значениями Ситуативного состояния в структуре личностной идентичности, а также такими более выраженными типами этнической идентичности: этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, по сравнению с респондентами второй кластерной группы (49 %) (табл. 7).

На основании полученных данных относительно психологического содержания структуры личностной идентичности можно предположить, что существуют как общие тенденции, вероятно, отражающие возрастные особенности студентов, так и различия, связанные с этнокультуральной обусловленностью. Так, наиболее значимые компоненты личностной идентичности, проявляющиеся в рефлексии и идентификации собственных качеств, возможностей, способностей, профессиональной ролевой позицией в настоящем и будущем, отмечаются у многих студентов всех групп, свидетельствуя о возрастной норме развития. Наряду с вышеуказанными компонентами в структуре личностной идентичности у российских студентов значимыми являются идентификация себя в физическом облике, в качестве представителя определенного пола и социальной коммуникации, которые относятся к характеристикам идентичности в юношеском возрасте [25–27]. В то же время в отличие от других групп респондентов для многих российских студентов значимой является идентификация себя как члена своей семьи, что может указывать на большую связь с семьей и зависимость от нее. Для европейских студентов более значимой является

Табл. 5. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки российских студентов

Tab. 5. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the Russian students

Шкала	Средний ранг		U	p
	1 кластер (n=22)	2 кластер (n=25)		
Социальное Я	26,93	21,42	210,5	0,17
Коммуникативное Я	24,20	23,82	270,5	0,92
Материальное Я	25,70	22,50	237,5	0,06
Физическое Я	18,14	29,16	146,0	0,01**
Деятельное Я	21,18	26,48	213,0	0,17
Перспективное Я	19,32	28,12	172,0	0,01**
Рефлексивное Я	18,73	28,64	159,0	0,01*
Ситуативное состояние	26,41	21,88	222,0	0,051
Этнонигилизм	31,16	17,70	117,5	0,01**
Этническая индифферентность	27,16	21,22	205,5	0,14
Позитивная этническая идентичность (норма)	18,45	28,88	153,0	0,01**
Этноэгоизм	29,61	19,06	151,5	0,01**
Этноизоляционизм	30,20	18,54	138,5	0,01**
Этнофанатизм	26,66	21,66	216,5	0,21

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

идентификация себя в физическом облике, при этом идентификация себя как представителя определенного пола не актуальна для многих студентов данной группы. Среди наиболее часто встречаемых компонентов идентичности, помимо рефлексивного и учебно-профессионального компонентов, в группах студентов китайской выборки и европейской выборки является идентификация своих интересов, увлечений и занятий. То есть деятельностный аспект идентичности в иерархии значимости ее компонентов занимает более приоритетное место у иностранных студентов, в то время

как в группе российских студентов чаще отмечается коммуникативный компонент идентичности. Однако, статистического подтверждения различий в частоте встречаемости этих компонентов идентичности не получено. Значимые различия указывают на то, что в структуре личностной идентичности российская выборка студентов отличается большей склонностью к самоидентификации через профессиональные и персональные характеристики, принадлежность к семье, собственную перспективу в будущем.

Табл. 6. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки китайских студентов

Tab. 6. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the Chinese students

Шкала	Средний ранг		U	p
	1 кластер (n=21)	2 кластер (n=26)		
Социальное Я	23,48	24,42	262,0	0,81
Коммуникативное Я	21,00	26,42	210,0	0,02*
Материальное Я	23,00	24,81	252,0	0,20
Физическое Я	22,45	25,25	240,5	0,36
Деятельное Я	21,79	25,79	226,5	0,28
Перспективное Я	20,50	26,83	199,5	0,01*
Рефлексивное Я	19,86	27,35	186,0	0,05*
Ситуативное состояние	21,57	25,96	222,0	0,08
Этнонигилизм	32,26	17,33	99,5	0,01**
Этническая индифферентность	19,95	27,27	188,0	0,07
Позитивная этническая идентичность (норма)	15,31	31,02	90,5	0,01**
Этноэгоизм	36,00	14,31	21,0	0,01**
Этноизоляционизм	36,21	14,13	16,5	0,01**
Этнофанатизм	34,69	15,37	48,5	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

Табл. 7. Результаты сравнительного анализа показателей личностной и этнической идентичности в кластерных группах выборки европейских студентов

Tab. 7. Comparative analysis of indicators of personal and ethnic identity in clustered sample groups of the European students

Шкала	Средний ранг		U	p
	1 кластер (n=23)	2 кластер (n=22)		
Социальное Я	19,72	26,43	177,5	0,07
Коммуникативное Я	18,93	27,25	159,5	0,01**
Материальное Я	22,43	23,59	240,0	0,64
Физическое Я	20,76	25,34	201,5	0,17
Деятельное Я	22,22	23,82	235,0	0,66
Перспективное Я	23,89	22,07	232,5	0,48
Рефлексивное Я	21,67	24,39	222,5	0,38
Ситуативное состояние	25,37	20,52	198,5	0,05
Этнонигилизм	30,89	14,75	71,5	0,01**
Этническая индифферентность	21,24	24,84	212,5	0,35
Позитивная этническая идентичность (норма)	19,83	26,32	180,0	0,10
Этноэгоизм	31,11	14,52	66,5	0,01**
Этноизоляционизм	27,91	17,86	140,0	0,01*
Этнофанатизм	29,80	15,89	96,5	0,01**

Прим.: * – средняя разность значима на уровне 0,05; ** – на уровне 0,01.

У большинства представителей всех групп студентов выявлен повышенный уровень позитивной этнической идентичности, который свидетельствует о том, что многие респонденты всех групп имеют баланс толерантности, т. е. сочетание позитивного отношения к собственному этносу с позитивным отношением к другим этносам. Данный факт может свидетельствовать о психологической готовности большинства участников исследования, зарубежных и российских студентов, к эффективному взаимодействию в межкультурном пространстве, в полиэтнической среде. Многие студенты всех эмпирических групп имеют средний уровень этнической индифферентности, указывающий на общую тенденцию к размыванию этнической идентичности, которая может быть выражена в неопределенности этнической принадлежности, неактуальности этничности в целом. Рядом исследователей отмечается, что незначительность этнического критерия в условиях глобализации представляется естественным для большинства сфер взаимодействия [28–30].

Также к показателям готовности к коммуникации в поликультурном пространстве образовательной среды университета можно отнести невыраженность деструктивных типов этнической идентичности у большинства студентов всех эмпирических групп. При этом можно отметить некоторые особенности в структуре этнической идентичности у студентов эмпирических групп. Низкий показатель этнонигилизма у всех трех групп говорит об отсутствии выраженных трансформаций этнического сознания по типу гиподентичности, что может быть выражено в отходе от идентификации по этническому признаку и поиске устойчивых идентификационных категорий не по этническим критериям. Низкие показатели этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма у российских и европейских студентов отражают отсутствие склонности к трансформациям этнического сознания по типу гиперидентичности, проявляющейся в негативном отношении к другим этническим группам. Средние показатели этнофанатизма и этноэгоизма у китайской группы отражают некоторую склонность к трансформациям этнического сознания по типу гиперидентичности, усиление выраженности которых может приводить к тому, что интересы своего народа ставятся выше прав индивида, к напряженности и раздражению в общении с представителями других этнических групп.

Выявленные статистические тенденции указывают на то, что выборка европейских студентов может обладать наибольшей степенью выраженности этнической толерантности, когда идентификация по этническому признаку становится менее значимой, уступая место другим устойчивым идентификационным категориям не по этническому критерию. В отличие от данной группы китайская выборка студентов демонстрирует значимо более выраженную тенденцию к усилению деструктивности в межэтнических отношениях, обусловленному трансформациями

этнического сознания по типу гиперидентичности, что может быть выражено в убежденности превосходства своего народа, в напряженности в общении с другими этническими группами. Для российской выборки данные трансформации менее характерны.

Результаты кластерного анализа позволяют говорить о существовании в каждой эмпирической группе двух типов представителей студенчества, отличающихся по характеристикам личностной и этнической идентичности. Один тип во всех группах представляют студенты с более наполненной психологическими компонентами личностной идентичностью и более нормативной этнической идентичностью, второй тип характеризует студентов как менее идентифицирующих себя и как людей с риском усиления деструктивных тенденций в структуре этнической идентичности. Выявленные характеристики идентичности этих типов студентов позволяют заметить связь большей осознанности личностной идентичности с нормой этнической идентичности, что соотносится с данными зарубежных исследователей о том, что сильная идентичность является фактором позитивного психосоциального функционирования и способствует успешной межэтнической коммуникации [10–12]. При этом в каждой эмпирической группе есть специфически значимые отличия в характеристиках личностной и этнической идентичности в выделенных типах: в российской выборке эти типы отличаются по идентификации своих персональных и физических качеств, идентификации себя в перспективе будущего, по выраженности позитивной этнической идентичности и деструктивным типам (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляция); в китайской выборке – по идентификации персональных и коммуникативных качеств, себя в перспективе будущего, выраженности позитивной этнической идентичности и деструктивных типов (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм); в европейской выборке значимыми дифференцирующими признаками оказались идентификация себя как субъекта коммуникации и своего состояния, а также деструктивные типы этнической идентичности (этнонигилизм, этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм). На основании этого можно предположить, что российские студенты, не идентифицирующие свои персональные и физические качества, свои будущие перспективы в силу различных обстоятельств (в том числе и трудностей личностного развития), оказываются менее позитивно настроены как по отношению к своей нации, так и по отношению к другим этническим группам, что проявляется в тенденциях незначимости идентификации по этническому признаку или в этноэгоизме и этноизоляции. Китайские студенты, не рефлексирующие свои персональные и коммуникативные качества, свои перспективы в будущем, могут иметь менее позитивное отношение к своей и к другим этническим группам, проявляющееся в двух тенденциях – гиперидентичности, которая представлена всеми деструктивными типами

этнической идентичности, и нивелирования этнического фактора в их социальной жизни. Европейские студенты, слабо идентифицирующие свои коммуникативные качества и сосредоточенные на своих ситуативных состояниях, могут характеризоваться склонностью к этнической гиперидентичности, выраженной всеми деструктивными типами, либо, как и в других группах, к усилению нивелирования значимости этнической идентификации.

Выявленные особенности дефицитов компонентов личностной идентичности, связанные с усилением деструктивных тенденций в этнической идентичности, позволяют определить задачи диагностики личностных факторов риска формирования социальной дезадаптации, а также направления и мишени психологического сопровождения студентов в процессе самоидентификации и поиске внутренних и внешних возможностей самореализации в условиях поликультурной образовательной среды университета.

Заключение

Для всех студентов в структуре личностной идентичности характерна выраженность рефлексивного компонента и учебно-профессиональной ролевой позиции. Общими характеристиками идентичности для российских студентов и европейских студентов является идентификация себя в физическом облике, для китайских студентов и европейских студентов значимы характеристики

деятельностного аспекта идентичности. Определены различия в структуре личностной идентичности различных групп студентов, указывающие на большую значимость Социального Я (учебно-профессиональная ролевая позиция, семья), Перспективного Я и Рефлексивного Я для российских студентов.

Структура этнической идентичности у всех групп студентов представлена низкими либо пониженными значениями этнонигилизма, этноизоляционизма, этноэгоизма, этнофанатизма и повышенным уровнем позитивной идентичности. Выявленные различия в характеристиках этноидентичности указывают на выраженность этнонигилизма у европейских студентов по сравнению с другими группами и гиперидентичности (этноизоляционизм, этноэгоизм, этнофанатизм) у китайских студентов.

В каждой этнокультурной группе определены типы студентов, отличающиеся особенностями взаимосвязи характеристик личностной и этнической идентичности. Для одного типа студентов характерна связь осознанной личностной идентичности с нормативной этноидентичностью, для других – связь менее осознанной идентификации себя с более деструктивными характеристиками этнической идентичности. При этом определены значимые различия в особенностях взаимосвязи выделенных показателей в каждой эмпирической группе.

Литература

1. Богданова А. И., Осипова С. И. Инновационная поликультурная образовательная среда в контексте формирования толерантной личности // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 49–54.
2. Пилюгина Е. И., Тараненко О. Н. Исследование уровня самооценки и особенности социально-психологической адаптации студентов-мигрантов в условиях вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 68–71.
3. Овчинников А. А., Султанова А. Н., Лазурина А. С., Сычева Т. Ю. Особенности социально-психологической адаптации мигрантов (литературный обзор) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2018. № 1. С. 89–96. DOI: 10.26617/1810-3111-2018-1(98)-89-96
4. Чухрова М. Г., Султанова А. Н., Зыбина Л. Н. Социальное поведение и психоэмоциональное состояние иностранных студентов в российском университете // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3. С. 302–305.
5. Шамянов Р. М. Теоретические подходы к этнопсихологическим и кросс-культурным исследованиям субъективного благополучия личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 7–19.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
7. Муха В. Н., Литовка В. А. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 6. С. 16–20.
8. Беляя Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ФОРУМ, 2011. 208 с.
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический проект, 1999. 320 с.
10. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
11. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later // Journal of Youth and Adolescence. 2018. Vol. 47. № 1. P. 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
12. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution // Child Development. 2017. Vol. 89. № 3. P. 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755

13. Vélez M. M., Nguyen D. J., Lee R. M. Ethnic-racial identity development in adolescents and young adults // *Promoting Health Equity Among Racially and Ethnically Diverse Adolescents*. 2018. Vol. 10. P. 65–84. DOI: 10.1007/978-3-319-97205-3_5
14. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators // *Psychology in the Schools*. 2018. Vol. 55. № 10. P. 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
15. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy // *Journal of Adult Development*. 2017. Vol. 24. № 2. P. 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
16. Железняков А. С., Литвинова Т. Н. Проблема формирования российской национальной идентичности в условиях этнического многообразия // *Россия реформирующаяся*. 2012. № 11. С. 367–383.
17. Шикова Р. Ю. Идентичность молодежи России в условиях социокультурной трансформации // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2010. № 1. С. 109–113.
18. Рожкова А. В. Идентичность современной студенческой молодежи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2010. № 2. С. 55–63.
19. Кочина Е. А. Надэтническая идентичность в условиях современных социокультурных трансформаций (на примере республики Хакасия) // *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 1. С. 227–231.
20. Максимова А. А., Валиев Р. А., Руженцева Н. Б., Валиева Т. В. Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // *Психологическая наука и образование*. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92. DOI: 10.17759/pse.2019240208
21. Агарков А. А. Социальная идентичность молодежи как проблема социальной политики // *Омский научный вестник*. 2009. № 6. С. 81–85.
22. Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 3. С. 69–83. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6
23. Аксютин Ю. М., Евдокимов А. И., Захарова А. А., Кочина Е. А. Российская национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (на примере Южной Сибири). Уфа: Аэтерна, 2016. 118 с.
24. Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Прокофьева Т. Ю., Кравцова О. А. *Психодиагностика толерантности личности*. М.: Смысл, 2008. С. 140–146.
25. Мухина В. С. *Возрастная психология: феноменология развития*. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. 608 с.
26. Шнейдер А. Б. *Психология идентичности*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 328 с.
27. Ходаковская О. В. *Социальная и личностная идентичность в юности: автореф. дис. ... канд. психол. наук*. СПб., 2006. 24 с.
28. Истомина О. Б. О типах этнической идентичности // *Социологические исследования*. 2011. № 11. С. 61–65.
29. Истомина О. Б. Психология межэтнического взаимодействия: диспозиции и особенности в современном обществе // *European Social Science Journal*. 2016. № 11. С. 325–329.
30. Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // *Российский психологический журнал*. 2015. Т. 12. № 2. С. 46–55.

Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison*

Tatiana G. Bokhan^{a, ID1}; Marina V. Shabalovskaya^{b, ID2}; Julia V. Borodich^{a, ID3}; Olga V. Terekhina^{a, ID4}; Anna L. Ulyanich^{a, @, ID5}

^a Tomsk State University, 36, Lenin Ave., Tomsk, Russia, 634050

^b Siberian State Medical University, 2, Moscovski Trakt, Tomsk, Russia, 634050

@ FiALe@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-2622-3491>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-4256-7641>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

Received 12.11.2019. Accepted 06.12.2019.

Abstract: The research featured a cross-cultural comparison of personal and ethnic identity in university students in the conditions of multicultural educational environment. The study involved 141 students: 48 Russians, 45 students from various European countries, and 48 Chinese students. The psychodiagnostic research methods included the questionnaire "Who Am I?" by M. Kuhn and T. McPartland as modified by T. V. Rummyantseva and the questionnaire "Types of ethnic identity" by G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova. The research revealed common and specific features of personal and ethnic identity of each group. The importance of reflection and identification of one's own educational and professional role position were present in the structure of personal identity of every group. As for the structure of ethnic identity, all groups demonstrated an increased level of positive ethnic identity and an average level of ethnic indifference. In the content of personal identity of Russian students, the Social Self (profession, family), the Perspective Self, and the Reflective Self were more pronounced in contrast with other groups. The European students showed a greater manifestation of ethnic nihilism. The Chinese students demonstrated a greater hyper-identity. In each test group, the authors established two types that differed in the specifics of the relationship between personal and ethnic identity. The results can improve the psychological support of students in the process of their self-identification in the conditions of multicultural educational environment.

Keywords: personal identity, ethnic identity, hypo-identity, hyper-identity, multicultural educational environment, interethnic communication, young students

For citation: Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 962–973. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-962-973>

References

1. Bogdanova A. I., Osipova S. I. Innovative multicultural educational medium in the context of forming a tolerant personality. *Siberian pedagogical journal*, 2012, (4): 49–54. (In Russ.)
2. Pilyugina E. I., Taranenko O. N. The study of self-esteem and peculiarities of socio-psychological adaptation of migrant students in universities. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2017, (1): 68–71. (In Russ.)
3. Ovchinnikov A. A., Sultanova A. N., Lazurina A. S., Sycheva T. Yu. Peculiarities of social-psychological adaptation of migrants (literature review). *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii*, 2018, (1): 89–96. (In Russ.) DOI: 10.26617/1810-3111-2018-1(98)-89-96
4. Chukhrova M. G., Sultanova A. N., Zybina L. N. Social behavior and psychoemotional status of foreign students in the Russian university. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2017, (3): 302–305. (In Russ.)
5. Shamionov R. M. Theoretical approaches to ethno-psychological and cross-cultural studies of subjective well-being of the personality. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 7–19. (In Russ.)
6. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
7. Mukha V. N., Litovka V. A. Personal and social identity: the problem of relations. *Sborniki konferentsii NITS Sotsiosfera*, 16–20. (In Russ.)
8. Belaya E. N. *Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: FORUM, 2011, 208. (In Russ.)

* The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the research project "The Formation of Identity as a Psychological Factor of the Subjective Assessment of the Quality of Life among Young People in the Multicultural Environment of Universities (Cross-Cultural Studies)" (grant No. 19-413-700007).

9. Stepanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow: IP RAN, Akademicheskii proekt, 1999, 320. (In Russ.)
10. Schotte K., Stanat P., Edele A. Is integration always most adaptive? The role of cultural identity in academic achievement and in psychological adaptation of immigrant students in Germany. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 16–37. DOI: 10.1007/s10964-017-0737-x
11. Umaña-Taylor A. J., Kornienko O., Bayless S. D., Updegraff K. A. A universal intervention program increases ethnic-racial identity exploration and resolution to predict adolescent psychosocial functioning one year later. *Journal of Youth and Adolescence*, 2018, 47(1): 1–15. DOI: 10.1007/s10964-017-0766-5
12. Umaña-Taylor A. J., Douglass S., Updegraff K. A., Marsiglia F. F. A small-scale randomized efficacy trial of the identity project: promoting adolescents' ethnic-racial identity exploration and resolution. *Child Development*, 2017, 89(3): 862–870. DOI: 10.1111/cdev.12755
13. Vélez M. M., Nguyen D. J., Lee R. M. Ethnic-racial identity development in adolescents and young adults. *Promoting Health Equity Among Racially and Ethnically Diverse Adolescents*, 2018, 10: 65–84. DOI: 10.1007/978-3-319-97205-3_5
14. Piña-Watson B., Martinez A. J., Cruz L. N., Llamas J. D., López B. G. Ethnic identity affirmation as a strength for Mexican descent academic outcomes: Psychological functioning and academic attitudes as mediators. *Psychology in the Schools*, 2018, 55(10): 1155–1170. DOI: 10.1002/pits.22188
15. Sica L. S., Luyckx K., Goossens L., Ragozini G., Sestito L. A. Identity statuses and event-Focused narratives at university starting point in Italy. *Journal of Adult Development*, 2017, 24(2): 89–108. DOI: 10.1007/s10804-016-9249-2
16. Zheleznyakov A. S., Litvinova T. N. The problem of formation of the Russian national identity in the conditions of ethnic diversity. *Rossiia peformiruiushaia*, 2012, (11): 367–383. (In Russ.)
17. Shikova R. Yu. Identity of Russian youth in conditions of sociocultural transformation. *ASU Bulletin. Ser. 1: Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies*, 2010, (1): 109–113. (In Russ.)
18. Rozhkova L. V. Identity of modern students. University proceedings. *Volga region. Social sciences*, 2010, (2): 55–63. (In Russ.)
19. Kochina Ye. A. Supra-ethnic identity in the modern socio-cultural transformations (the case of Khakassia Republic). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2015, (1): 227–231. (In Russ.)
20. Maksimova L. A., Valiyev R. A., Ruzhentseva N. B., Valiyeva T. V. Conceptosphere of regional identity in young people as marker of personal relation with territory of residence. *Psychological Science and Education*, 2019, 24(2): 82–92. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2019240208
21. Agarkov A. A. Social identity of youth as social politics problem. *Omsk Scientific Bulletin*, 2009, (6): 81–85. (In Russ.)
22. Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Popkov Yu. V. Nationwide and ethnic identity of young people of ethnic groups living in Siberian republics in a comparative perspective. *Znenie. Ponimanie. Umenie*, 2017, (3): 69–83. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2017.3.6
23. Aksyutin Yu. M., Evdokimov A. I., Zakharova A. A., Kochina E. A. *Russian national identity: new risks and ways of overcoming (the case of Southern Siberia)*. Ufa: Aeterna, 2016, 118. (In Russ.)
24. Soldatova G. U., Shaigerova L. A., Prokofieva T. Yu., Kravtsova O. A. *Psychodiagnostics of personality tolerance*. Moscow: Smysl, 2008, 140–146. (In Russ.)
25. Mukhina V. S. *Age psychology: phenomenology of development*, 10th ed. Moscow: Akademiia, 2006, 608. (In Russ.)
26. Shneyder L. B. *Psychology of identity*, 2nd ed. Moscow: Iurait, 2019, 328. (In Russ.)
27. Khodakovskaya O. V. *Social and personal identity in youth*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2006, 24. (In Russ.)
28. Istomina O. B. On types of ethnic identification. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2011, (11): 61–65. (In Russ.)
29. Istomina O. B. Psychology of interethnic interaction: dispositions and features in modern society. *European Social Science Journal*, 2016, (11): 325–329. (In Russ.)
30. Grishina A. V., Lunin S. L. Ethnic identity types of Russian youth as an indicator of a positive readiness to accept the forced migrants from Ukraine. *Russian Psychological Journal*, 2015, 12(2): 46–55. (In Russ.)

Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности*

Михаил С. Иванов^{а, @, ID}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ ivanov.mikail@gmail.com

ID <http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Поступила в редакцию 20.10.2019. Принята к печати 12.11.2019.

Аннотация: Предпринята попытка исследовать проблему угроз идентичности с позиций современного подхода в области психологии безопасности, связанного с изучением психологического отношения к личной безопасности как системного явления. Угрозы личной безопасности в представлении субъекта анализируются с точки зрения угроз его идентичности. На репрезентативной выборке ($n=50$; средний возраст – 22 года) с помощью корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между оценками отдельных угроз личной безопасности и элементами идентичности, в качестве которых в исследовании измерялись субъективные оценки своих положительных и отрицательных личных качеств. Установлено, что наиболее уязвимыми являются отрицательные элементы идентичности (например, депрессивность), а также положительные элементы, более зависимые от внешних условий и оценок (счастье, щедрость), более защищенными выглядят качества, опирающиеся на собственные силы и оценки (трудолюбие, дисциплинированность). Анализ результатов показывает, что представления субъекта о себе и об угрозах своей безопасности находятся в отношениях сложной взаимной детерминации. Сделан вывод, что угрозы личной безопасности выступают угрозами идентичности в случае, если реализация этих угроз может повлечь ухудшение представлений субъекта о себе.

Ключевые слова: представления об угрозах, безопасное поведение, психология безопасности, идентичность личности, опасение, страх

Для цитирования: Иванов М. С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 974–981. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>

Введение

Отечественные и зарубежные исследования, связанные с изучением отношения человека к угрозам безопасности и безопасного поведения, актуальные в последнее время, позволяют говорить о психологической системе детерминации безопасного поведения, функционирующей на разных уровнях психического [1–6]. Отдельный интерес для исследований в этой области представляет изучение роли самосознания в детерминации безопасного поведения, обеспечивающего самоопределение субъекта по отношению к объектам и явлениям окружающего мира с позиций обеспечения безопасности. Применение методологии исследований идентичности к изучению психологического отношения к безопасности позволяет не только понять взаимодействие различных уровней и элементов идентичности с системой отношений личности к безопасности и ее составляющими, но и изучить представленность отношения к безопасности в идентичности, например конструирование образа «Я в безопасности» как отдельного элемента идентичности.

Постоянное усложнение физической, социальной и информационной сред, формирующих множественные идентичности современного человека, появление

новых видов идентичности и механизмов их формирования в нынешней постмодернистской действительности ставят все новые задачи в этой области. В совокупности со стремительными изменениями в сфере технологий и коммуникации, постоянно порождающими возможности и новые вызовы, это определяет высокую актуальность изучения проблем самоопределения личности по отношению к многообразию угроз как с позиций обеспечения личной безопасности в целом, так и с точки зрения изучения угроз самой идентичности.

Проблема угроз идентичности в основном рассматривается в политологических, историко-культурных и социологических исследованиях, изучающих угрозы национальной, этнической, гражданской и других видов социальной идентичности, рассматриваемой на уровне больших социальных групп, в основном с политических позиций [7–9]. Ближе к психологическому взгляду на проблему подходят философские исследования угроз идентичности. Так, А. А. Ахтямова с общефилософских позиций анализирует проблему радикального ухудшения способностей современного человека как угрозу для идентичности личности, отмечая, что «значимый опыт и достижения личности потеряют свою ценность или станут менее значимы в связи с появлением

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

новых стандартов, по которым общество будет оценивать индивида» [10, с. 78]. Д. Н. Бухаров анализирует ориентацию современного общества на обладание и связанные с этой тенденцией экзистенциальные и онтологические риски, представляющие собой угрозу для формирования идентичности человека [11].

Наиболее полную проработку проблема получила в работах Э. Гидденса, анализирующего с социологических позиций социальные риски, исходящие из общества, которое автор называет средой риска. Понимая идентичность как «рефлексивный проект собственного "Я"», автор отмечает, что основания идентичности необходимо искать «не в поведении человека, не в реакциях других, а в связанном и непротиворечивом частном нарративе» – «повествовании о себе, собственной истории, в которую постоянно интегрируются события повседневного жизненного опыта» [12, с. 104]. Э. Гидденс определяет фундаментальную основу угроз идентичности в период поздней современности как дисконнекцию, разведение и выделяет три глобальные угрозы идентичности в современном мире: разведение с ближайшим социальным окружением, место которого в формировании идентичности постепенно замещает глобальная информационная среда; разведение с традицией, когда человек все больше ориентируется на транслируемые СМИ и социальными сетями паттерны поведения и жизненного стиля; разведение с ценностями религии, разрушающее аксиологические основы идентичности [13].

Современные психологические исследования расширяют представления об идентичности как изменчивом и многомерном психическом явлении [14–16]. Один из ведущих отечественных исследователей в области психологии идентичности Е. П. Белинская отмечает, что в настоящее время формируется консенсус исследователей относительно множественности идентичностей, одним из положений которого является «общее для постнеклассической парадигмы понимание Я как принципиально неунитарного, постоянно изменчивого, множественного» [17]. Автор обращает внимание, что «все большее увлечение конкретной эмпирикой в исследовании частных идентификаций (этнической, гендерной, религиозной и т. п.) сопровождается все меньшей опорой на общие теоретические принципы» [18, с. 12]. Анализируя тенденции изменения идентичности постсовременного человека, Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева используют понятие *постмодернистский сэлф*, который описывается как фрагментарный или мультифренический, нагруженный большим количеством субличностей, тревожный, депрессивный, осциллирующий между тревогой и хронической скукой [15]. Придерживаясь конструктивистского подхода, М. С. Яницкий с соавторами определяют идентичность личности как систему взаимосвязанных представлений о себе, образованную ядерными (системообразующими и «относительно константными») и периферическими (более подвижными и связанными

с приспособлением личности к актуальной социальной среде) элементами [19].

В психологии проблема угроз идентичности достаточно широко представлена в работах, посвященных кризисам идентичности, понимаемым как обострение разного рода внутриличностных конфликтов между элементами идентичности или идентичностью и реальностью, которые могут вызывать нежелательные психологические последствия у субъекта. Интерес исследователей, как правило, фокусируется на психологических проявлениях кризисов или внутренних условиях их возникновения и протекания. Например, А. В. Серый и М. С. Яницкий, анализируя кризис социальной идентичности у трудовых мигрантов, показывают, что кризис сопровождается десинхронизацией временных локусов смысла (прошлого, настоящего и будущего) [20]. М. М. Орлова, изучая кризис идентичности у больных туберкулезом легких, приходит к выводу о формировании у них новой идентичности, центрированной на болезни [21]. В этих исследованиях под угрозами идентичности понимаются внутренние и внешние факторы, которые вызывают кризис идентичности, причем, поскольку речь идет о кризисе, эти угрозы уже реализуются, поэтому это уже не угрозы (угрозы всегда потенциальны), а ситуация, и она порождает новые угрозы, которые в таких исследованиях обычно не анализируются.

На наш взгляд, основная проблема исследований угроз идентичности в психологии на самом деле связана с недостаточной изученностью психологического содержания понятия *угроза*, представленности угроз в сознании, их роли и места в психологической системе. В появляющихся в последнее время исследованиях в этой области они рассматриваются как объективные условия, лежащие в основе представлений об опасностях и выступающие частью системы отношения личности к безопасности [22; 23]. Результаты показывают, что представления об угрозах могут анализироваться в качестве системы, функционирующей как на уровне значений и личностных смыслов, так и на уровне мотивации и эмоций; она включает целый ряд элементов: представления об источниках угроз, характере негативного воздействия, последствиях реализации и т. д. Согласно нашим исследованиям, в систему отношения личности к безопасности помимо представлений об угрозах входят психологические характеристики, связанные с их предотвращением и противодействием угрозам, представленным в сознании и реализующимся в поведении в виде стратегий обеспечения личной безопасности [24; 25]. Указанные теоретические положения позволяют подойти к проблеме угроз идентичности с системных позиций психологического отношения к личной безопасности и, рассматривая идентичность как сложную систему представлений субъекта о себе, в которой каждый элемент может обладать разной уязвимостью к многообразию видов угроз безопасности, поставить ряд задач:

1) проанализировать представления о наиболее распространенных угрозах личной безопасности на предмет наличия среди них угроз идентичности, отделить угрозы идентичности от других угроз личной безопасности;

2) показать, какие именно виды угроз личной безопасности связаны с отдельными элементами идентичности, проанализировать соотношение содержания угроз и элементов идентичности, установить характер их детерминации;

3) выявить элементы идентичности, наиболее уязвимые к угрозам, а также виды угроз, воспринимаемые как наиболее опасные для идентичности.

Методы

В качестве характеристик, представляющих идентичность, в исследовании изучались представления субъекта о своих личных качествах, выступающие содержательными (какие именно качества субъект считает присущими ему) и оценочными (считает ли субъект эти качества своими положительными или отрицательными качествами) компонентами идентичности. Для сбора эмпирической информации применялся опрос в форме интервью. Испытуемым предлагалось перечислить свои положительные личные качества, а затем – отрицательные. Названные испытуемыми личные качества были классифицированы по категориям. Положительные качества были разделены на категории: волевые качества (целеустремленный, упорный, не сдаюсь при первой трудности и т. п.), работоспособность (выносливый, трудолюбивый и т. п.), оптимистичность (веселый, жизнерадостный и т. п.), доброта (добрый), щедрость (щедрый, бескорыстный), верность (хороший друг, преданный и т. п.), дисциплинированность (пунктуальный, аккуратный и т. п.), ответственность, общительность (открытый, коммуникабельный и т. п.), вера в собственное счастье (счастливый), воспитанность (воспитанный), честность (честный, искренний). Качества, названные в числе отрицательных, включали категории: недостаток самоконтроля (вспыльчивый, раздражительный, нетерпеливый и т. п.), недостаток трудолюбия (ленивый), депрессивность (бывают депрессивные настроения), низкая стрессоустойчивость (часто переживаю, принимаю все близко к сердцу), уступчивость (мягкий, уступчивый, податливый). При анализе использовались категории, встречаемость которых в выборке составила более 5 %.

Угрозы идентичности изучались как часть системы представлений о них в единстве отношения личности к безопасности, включающей также готовность к их предупреждению и стратегии обеспечения личной безопасности. Для диагностики представлений об угрозах личной безопасности использовалась авторская методика оценки [24; 25]. В опроснике испытуемым был предъявлен список угроз в виде вариантов негативных последствий их реализации (потеря сбережений и имущества, утечка личной информации и т. д.), предлагалось оценить по 5-балльной шкале серьезность угрозы каждого типа лично для себя и интенсивность предпринимаемых усилий по предупреждению угроз.

В исследовании приняли участие 50 испытуемых в возрасте от 19 до 29 лет, средний возраст – 22 года; 60 % – женского пола и 40 % – мужского; 64 % испытуемых – студенты, 32 % – работают, 4 % – не работают и не учатся; 60 % – имеют неоконченное высшее образование, 28 % – высшее образование и 12 % – среднее профессиональное образование; 12 % испытуемых состоят в браке.

В качестве метода обработки данных применялся коэффициент ранговой корреляции Кендалла (τ), который наиболее информативен при анализе ранговых переменных на небольших выборках.

Результаты

Основные результаты исследования получены с помощью корреляционного анализа. Коэффициенты корреляций между представлениями испытуемых о своих личных качествах и оценками негативных последствий реализации угроз личной безопасности представлены в таблице.

Результаты в целом подтверждают исходные предположения о наличии взаимосвязи между характеристиками идентичности и представлениями об угрозах личной безопасности: значимые при $p < 0,05$ корреляции получены почти по всем выделенным категориям личных качеств, которые в исследовании выступают характеристиками идентичности. Из общей массы положительных корреляций с оценками серьезности угроз выделяются такие элементы идентичности, как щедрость и вера в собственное счастье (среди положительных), депрессивность (среди отрицательных). Обращают на себя внимание категории *верность* и *воспитанность*: по ним получены отрицательные корреляции с оценками серьезности сразу нескольких угроз.

При анализе корреляции оценок усилий по предотвращению угроз выделяются категории *доброта* и *щедрость* – наличие этих элементов в структуре идентичности положительно коррелирует с оценками усилий по предотвращению сразу нескольких угроз безопасности из предложенного списка. И наоборот, наличие в личностной идентичности элементов: волевые качества, дисциплинированность и недостаток трудолюбия – отрицательно коррелирует с несколькими оценками усилий по предотвращению угроз.

Содержательный анализ корреляций позволяет увидеть, что часть взаимосвязей отражает взаимную функциональную детерминацию представлений субъекта о себе и об угрозах своей безопасности как элементов более общей единой системы представлений. Например, отрицательная корреляция между представлением субъекта о себе как оптимистичном человеке и опасением потерять комфорт и привычный образ жизни ($r = -0,36$)¹ отражает предсказуемую логичную взаимосвязь: известно, что оптимистичные люди склонны верить в позитивные исходы событий, поэтому меньше опасаются любых негативных исходов (на это указывает и достаточно высокая корреляция оптимистичности с усредненной оценкой значимости всех угроз $r = -0,25$).

¹ Для обозначения коэффициентов корреляции Кендалла здесь и далее вместо « τ » используется буквенное обозначение « r » как более привычное.

Табл. Результаты корреляционного анализа между представлениями испытуемых о своих личных качествах и негативных последствиях реализации угроз личной безопасности

Tab. Correlation analysis between the perceptions of the subjects about their personal qualities and the negative consequences of the implementation of threats to personal security

Категория личных качеств	Потеря своих сбережений и имущества	Потеря источников дохода	Утечка личной информации	Потеря репутации и связей	Потеря близких людей или отношений с ними	Потеря прав и свобода личности	Проблемы со здоровьем, тяжелые болезни	Потеря комфорта, своего привычного образа жизни	Психологические проблемы	Среднее по всем угрозам
Положительные качества										
Волевые качества	0,02 / -0,19	-0,06 / 0,15	-0,07 / -0,30*	0,04 / -0,06	0,07 / -0,11	0,05 / -0,17	-0,21 / -0,49*	0,01 / -0,05	-0,26 / -0,01	-0,02 / -0,23
Работоспособность	0,02 / 0,01	-0,22 / 0,08	-0,13 / -0,17	-0,06 / -0,18	-0,33* / -0,21	-0,33* / -0,12	-0,15 / -0,21	-0,33* / 0,04	-0,05 / -0,01	-0,28 / -0,11
Оптимистичность	-0,10 / 0,10	-0,28 / -0,08	-0,11 / -0,10	-0,25 / 0,07	-0,22 / 0,02	-0,35* / 0,05	-0,02 / 0,18	-0,36* / -0,02	0,07 / 0,28	-0,25 / 0,08
Доброта	0,11 / 0,14	0,31* / 0,18	0,08 / 0,12	0,06 / 0,36*	0,08 / 0,34*	0,20 / -0,02	-0,05 / -0,08	0,35* / 0,30*	0,04 / 0,23	0,21 / 0,18
Щедрость	0,36* / 0,37*	0,38* / 0,36*	0,44* / 0,41*	0,44* / 0,47*	0,10 / 0,35*	0,15 / 0,33*	-0,01 / 0,19	0,10 / 0,07	-0,05 / -0,10	0,21 / 0,34*
Верность	-0,31* / -0,01	-0,38* / -0,22	-0,46* / -0,25	-0,42* / -0,27	0,01 / -0,21	-0,13 / -0,35*	0,02 / -0,01	-0,28 / -0,35*	0,12 / 0,08	-0,20 / -0,32*
Дисциплинированность	-0,23 / -0,24	-0,21 / -0,20	-0,12 / -0,18	-0,33* / -0,43*	-0,29 / -0,48*	-0,04 / -0,21	0,01 / -0,23	-0,09 / -0,15	-0,03 / -0,09	-0,21 / -0,37*
Ответственность	0,18 / -0,06	0,24 / 0,10	0,23 / 0,11	0,30* / 0,07	0,16 / 0,24	0,11 / 0,32*	-0,02 / -0,01	0,09 / -0,13	-0,12 / -0,19	0,20 / 0,14
Вера в собственное счастье	0,31* / 0,21	0,32* / 0,25	0,30* / 0,24	0,27 / 0,32*	0,23 / 0,24	0,28 / 0,18	0,25 / 0,13	0,32* / 0,22	0,24 / 0,18	0,30* / 0,30*
Воспитанность	0,04 / 0,30*	-0,03 / 0,01	-0,32* / -0,31*	-0,20 / -0,05	0,23 / 0,02	-0,24 / -0,19	0,09 / 0,13	-0,33* / -0,33*	0,31* / 0,29	-0,01 / 0,01
Отрицательные качества										
Недостаток самоконтроля	0,05 / -0,09	0,03 / 0,01	-0,26 / 0,09	0,04 / 0,17	0,31* / 0,20	0,05 / 0,05	0,13 / 0,20	0,14 / 0,33*	-0,27 / 0,17	0,11 / 0,26
Недостаток трудолюбия	-0,17 / -0,32*	-0,24 / -0,31*	-0,26 / -0,18	-0,28 / -0,30*	0,04 / -0,31*	-0,19 / -0,29	0,02 / -0,35*	-0,09 / -0,47*	0,04 / -0,17	-0,14 / -0,44*
Депрессивность	0,28 / -0,09	0,30* / -0,01	0,22 / 0,23	0,18 / 0,16	0,33* / 0,19	-0,01 / 0,08	0,36* / 0,31*	0,37* / 0,31*	0,19 / 0,07	0,31* / 0,20
Низкая стрессоустойчивость	0,28 / 0,17	0,30* / -0,01	0,22 / 0,23	0,18 / 0,16	0,10 / 0,02	-0,01 / -0,14	0,24 / 0,19	0,42* / 0,23	0,25 / -0,03	0,27 / 0,12
Уступчивость	0,10 / 0,17	0,22 / 0,10	0,33* / 0,11	0,33* / 0,31*	-0,03 / 0,19	-0,11 / 0,06	-0,22 / -0,04	-0,11 / -0,18	-0,20 / -0,27	0,04 / -0,01

Прим.: до знака «/» указан коэффициент корреляции с оценкой серьезности угроз, после – с оценкой усилий по их предотвращению; * – корреляции, значимые при $p < 0,05$; приведены только те представления, по которым получены значимые корреляции.

К такому же типу взаимосвязей можно отнести отрицательную корреляцию между дисциплинированностью и опасением потерять репутацию и связи, причем как с оценкой серьезности угрозы ($r=-0,33$), так и с усилиями по ее предотвращению ($r=-0,43$): дисциплинированность объективно позволяет снизить различные социальные риски, в том числе репутационные. На этом примере хорошо видна еще одна особенность такого типа взаимосвязи: отсутствие каузальной связи между возможными последствиями реализации угрозы и связанным элементом идентичности. Так, реализация угрозы потери репутации напрямую не влечет потерю дисциплинированности как элемента личностной идентичности.

Однако большинство полученных корреляций указывают на другой характер детерминации, когда прослеживается прямая каузальная связь последствий реализации угрозы и содержания связанного элемента идентичности. Например, испытуемые, отметившие категорию *щедрость*, чаще других опасаются потерять сбережения и имущество ($r=0,36$), источники дохода ($r=0,38$) и репутацию ($r=0,44$). Вероятно, это происходит потому, что материальное благосостояние субъекта является условием его щедрости, а поскольку без материальных возможностей щедрость теряет смысл, угроза потерять материальное благополучие влечет за собой угрозу щедрости как элементу идентичности, т. е. выступает угрозой идентичности в представлении субъекта.

Таким же образом, на наш взгляд, объясняется и корреляция между ответственностью и угрозой потери репутации ($r=0,3$). Декларация ответственности как личного качества обычно основана на репутации ответственного человека, и потеря этой репутации непременно влечет как минимум частичную утрату ответственности как элемента идентичности. Наиболее выражено угрозы идентичности проявляются у испытуемых, которые считают себя счастливыми. По этой категории обнаружены значимые корреляции сразу с несколькими типами представлений об угрозах: потеря сбережений и имущества ($r=0,31$), потеря источников дохода ($r=0,32$), утечка личной информации ($r=0,3$), потеря комфорта ($r=0,32$) – а также с усредненным показателем серьезности угроз ($r=0,3$). Больше, чем счастливые, опасаются только депрессивные: у них корреляция с усредненным показателем серьезности угроз $r=0,31$.

Получены корреляции и по личным качествам, оцениваемым как отрицательные. Депрессивность положительно коррелирует сразу с несколькими угрозами: потеря источников дохода ($r=0,30$), потеря близких людей и отношений с ними ($r=0,33$), проблемы со здоровьем, тяжелые болезни ($r=0,36$), потеря комфорта, привычного образа жизни ($r=0,37$); низкая стрессоустойчивость – с потерей источников дохода ($r=0,30$) и комфорта ($r=0,42$); уступчивость – с утечкой личной информации ($r=0,33$) и потерей репутации и связей ($r=0,33$). Все эти корреляции могут быть объяснены функциональной детерминацией индивидуально-психологических свойств, соответствующих элементам идентичности, и представлений об угрозах. Известно, что депрессивные

люди действительно могут выше оценивать серьезность угроз и опасностей. Одновременно эти корреляции можно считать и указывающими на угрозы идентичности, поскольку при реализации перечисленных угроз связанные с ними представления о своих и без того оцениваемых как отрицательные личных качествах могут еще больше усугубиться, т. е. измениться в сторону ухудшения представлений о себе. Например, если человек, оценивающий себя как депрессивную личность, потеряет источники дохода, он рискует стать еще более депрессивным.

Заключение

Анализ наиболее распространенных угроз личной безопасности показывает, что они могут выступать угрозами идентичности в случае, если их реализация влечет за собой последствия, которые могут стать причиной ухудшения представлений субъекта о себе. Угрозы идентичности могут быть направлены против элементов идентичности, оцениваемых субъектом как его сильные стороны, когда реализация угроз влечет их ослабление, и против элементов, воспринимаемых как слабые стороны, выраженность которых в случае реализации угроз возрастает, изменяя представления о себе в худшую сторону. Выявленная корреляционная связь между угрозами личной безопасности и элементами идентичности показывает, что угрозы идентичности осознаются субъектом, но лишь в определенной степени. В индивидуальном сознании не всегда присутствуют представления об угрозах, направленных против имеющихся элементов идентичности, и наоборот, имеющиеся представления об угрозах личной безопасности не обязательно означают, что в идентичности имеются элементы, против которых эти угрозы могут быть направлены. Это может значить, что субъект осознает угрозы безопасности, связанные с определенными элементами его идентичности, но не всегда понимает их как угрозы идентичности.

Элементы идентичности дифференцируются по степени уязвимости к угрозам. Наиболее уязвимыми являются представления о наличии у себя отрицательных качеств (депрессивность, уступчивость, низкая стрессоустойчивость) и таких положительных качеств, как щедрость, доброта, вера в собственное счастье, ответственность. С щедростью, добротой и верой в собственное счастье связаны в основном представления об угрозах утраты материального благополучия и комфорта, с ответственностью – угроза потери репутации и связей, с депрессивностью и сниженной стрессоустойчивостью – угрозы потери источников дохода, комфорта и здоровья. Наиболее безопасными по результатам исследования выступили представления о наличии у себя качеств работоспособности, оптимистичности, дисциплинированности, верности и воспитанности. Люди с такими представлениями о себе в целом значительно ниже оценивают серьезность угроз из числа наиболее распространенных угроз личной безопасности.

Между идентичностью личности и представлениями об угрозах безопасности существует взаимосвязь – взаимная

детерминированность. Это позволяет предположить, что отношение к безопасности обусловлено или является частью идентичности, что может выступить предметом отдельного исследования. Более того, полученные результаты указывают, что детерминация осложняется участием в ней реального набора физических и индивидуально-психологических свойств субъекта, которые влияют на идентичность и на представления об угрозах, например оптимистичность, которая снижает оценки угроз в представлениях субъекта, или депрессивность, которая повышает эти оценки.

Исследованием показана возможность изучения угроз идентичности в рамках современного неклассического подхода в психологии безопасности, связанного с исследованиями отношения к личной безопасности и системной детерминации безопасного поведения. Это позволяет подойти к изучению индивидуального содержания сознания, связанного с угрозами безопасности, посредством анализа отдельных угроз и опасений субъекта в их взаимосвязи с конкретными элементами идентичности, что задает определенный потенциал для исследований в этой области.

Литература

1. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 270 с.
2. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Мостиков С. В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2018090202>
3. Кимберг А. Н. Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 72–82.
4. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 279 с.
5. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 83–99.
6. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person // European Journal of Psychological Studies. 2015. № 2. Р. 48–57. DOI: <https://doi.org/10.13187/ejps.2015.6.48>
7. Денисова Г. С., Денисова А. В., Намруева Л. В. Этнокультурное образование в республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 176–186. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-176-186
8. Обринская Е. К. Проблема идентичности в контексте обеспечения национальной безопасности // Символ науки. 2016. № 10-1. С. 205–209.
9. Семенова Ю. А. Формирование гражданской идентичности в условиях современного российского общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 1. С. 104–108.
10. Ахтямова А. А. Радикальное улучшение способностей человека как угроза идентичности личности // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 76–78. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.17>
11. Бухаров Д. Н. Потребительская ориентация на «обладание» – угроза идентичности человека // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 3. 199–202.
12. Добринина О. А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. № 1. С. 100–108. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.29.1.09
13. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. С. П. Баньковской // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
14. Дробизева Л. М. Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет реформ // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 72–85.
15. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: НГПУ, 2009. 246 с.
16. Юрченко И. В., Герасимов И. А. Кризис идентичности как угроза ментальным основам общенациональной безопасности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 110–116.
17. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html> (дата обращения: 10.11.2019).
18. Белинская Е. П. Проблема идентичности в современной социальной психологии // Культурно-исторический подход: от Л. С. Выготского – к XXI веку / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко, Е. А. Киселевой. М.: Типография МПГУ, 2018. С. 76–84.
19. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140

20. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 11.11.2019).
21. Орлова М. М. Кризис идентичности у больных туберкулезом легких // Медицинская психология в России. 2012. № 3. Режим доступа: http://medpsy.ru/mpj/archiv_global/2012_3_14/nomer/nomer09.php (дата обращения: 11.11.2019).
22. Костоусов А. Г. Динамика представлений о безопасности личности у курсантов военного ВУЗа в процессе обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53-6. С. 230–239.
23. Ivanov M. S., Seryu A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences / eds. Ardashkin I. B., Martyushev N. V., Klyagin S. V., Barkova E. V., Massalimova A. R., Syrov V. N. Tomsk, 2018. Vol. XXXV. P. 1187–1196. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.140>
24. Иванов М. С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 128–133.
25. Иванов М. С., Яницкий М. С. Отношение к личной безопасности: понятие, структура, ценностная вариативность // Психология отношений в постнеклассической парадигме: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 1–7 июня 2015 г.) Белово, 2015. С. 54–68.

Identity Threats in the System of Attitudes to Personal Security*

Mikhail S. Ivanov^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ ivanov.mikhail@gmail.com

ID <http://orcid.org/0000-0001-5444-0069>

Received 20.10.2019. Accepted 12.11.2019.

Abstract: The study made an attempt to approach the problem of identity threats from the perspective of modern security psychology, which studies psychological attitude to personal security as a systemic phenomenon. Threats to one's personal security in the subject's view were analyzed in terms of threats to one's identity. The representative sample (n=50, age=22) underwent a correlation analysis to identify the relationships between the assessments of individual threats to personal security and elements of identity, i.e. subjective evaluations of positive and negative personal qualities. Negative elements of identity appeared to be the most vulnerable, e.g. "depressed". The same was true for positive elements that are more dependent on external conditions and assessments, e.g. "happy", "generous", etc. As for self-reliant and assessments, e.g. "hardworking", "disciplined", they proved more secured. The subject's perceptions of oneself and one's security threats were in complex mutual determinations. Threats to personal security became threats to identity if implementation of these threats led to a deterioration in the subject's self-image.

Keywords: perceptions of threats, safe behavior, security psychology, personal identity, anxiety, fear

For citation: Ivanov M. S. Identity Threats in the System of Attitudes to Personal Security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 974–981. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-974-981>

References

1. Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 270. (In Russ.)
2. Dontsov A. I., Pereyagina E. B., Zotova O. Yu., Mostikov S. V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Social Psychology and Society*, 2018, 9(2): 21–34. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17759/sps.2018090202>
3. Kimberg A. N. Psychology of personal safety: subject and problems in the perspective of the subjective approach. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 72–82. (In Russ.)
4. Krasnyanskaya T. M. *Psychology of self-security*. Pyatigorsk: PGLU, 2009, 279. (In Russ.)
5. Fomenko G. Yu. Psychology of personal security: theoretical and methodological foundations of institutionalization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2010, (1): 83–99. (In Russ.)

* The article was written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project No. 19-013-00066 "The system of identity of the personality of young students: dynamics, factors, threats".

6. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Fractal approach to the interpretation of psychological safety of the person. *European Journal of Psychological Studies*, 2015, (2): 48–57. DOI: <https://doi.org/10.13187/ejps.2015.6.48>
7. Denisova G. S., Denisova A. V., Namrueva L. V. Ethno-cultural education in the republic of kalmykia: is civil identity formation in danger? *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2016, (2): 176–186. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-176-186
8. Obrinskaya E. K. The problem of identity in the context of national security. *Simvol nauki*, 2016, (10-1): 205–209. (In Russ.)
9. Semenova Yu. A. The formation of civic identity in modern Russian society. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (1): 104–108. (In Russ.)
10. Akhtyamova A. A. Radical human enhancement as a threat to identity. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2017, (8): 76–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.17>
11. Buharov D. N. Consumers' focus on "positiveness" – threat to human identity. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, (3): 199–202. (In Russ.)
12. Dobrina O. A. Social risks of modernity and the threats to identity: systematic analysis of the concept of A. Giddens. *Systems psychology and sociology*, 2019, (1): 100–108. (In Russ.) DOI: 10.25688/2223-6872.2019.29.1.09
13. Giddens A. Fate, risk and security, tr. by Bankovskaia S. P. *THESIS*, 1994, (5): 107–134. (In Russ.)
14. Drobizheva L. M. Russian identity and trends in interethnic attitudes during 20 years of reforms. *Rossiiia reformiruiushchiasia*, 2011, (10): 72–85. (In Russ.)
15. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Homo Postmodernus. Psychological and mental disorders in the postmodern world*. Novosibirsk: NGPU, 2009, 246. (In Russ.)
16. Yurchenko I. V., Gerasimov I. A. Identity crisis as a threat to mental basics of national security. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2009, (1): 110–116. (In Russ.)
17. Belinskaya E. P. The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, 8(40). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 10.11.2019). (In Russ.)
18. Belinskaya E. P. The problem of identity in modern social psychology. *Cultural-historical approach: from L. S. Vygotsky to the XXI century*, eds. Martsinkovskaia T. D., Orestova V. R., Gavrichenko O. V., Kiseleva E. A. Moscow: Tipografiia MPGU, 2018, 76–84. (In Russ.)
19. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
20. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity's crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 2015, 8(43). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 11.11.2019). (In Russ.)
21. Orlova M. M. Identity crisis in patients with pulmonary tuberculosis. *Meditinskaiia psikhologiiia v Rossii*, 2012, (3). Available at: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2012_3_14/nomer/nomer09.php (accessed 11.11.2019). (In Russ.)
22. Kostousov A. G. Dynamics of representations about the security of the person of cadets of a military academy in the learning process. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2016, (53-6): 230–239. (In Russ.)
23. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, eds. Ardashkin I. B., Martyshev N. V., Klyagin S. V., Barkova E. V., Massalimova A. R., Syrov V. N. Tomsk, 2018, vol. XXXV, 1187–1196. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.02.140>
24. Ivanov M. S. Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 128–133. (In Russ.)
25. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Attitude to personal security: concept, structure, value variation. *Psychology of relations in the post-non-classical paradigm: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belovo, June 1–7, 2015*. Belovo, 2015, 54–68. (In Russ.)

Методологические возможности системного и синергетического подходов к изучению проектного мышления

Андрей В. Мазуркевич^{a, @, ID}

^a Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

@ lokys72@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Поступила в редакцию 25.08.2019. Принята к печати 24.09.2019.

Аннотация: Показана актуальность изучения проектного мышления применительно к реалиям современного динамичного и не предопределённого мира. Представлено обоснование необходимости принципиально нового понимания сущности процессов, составляющих содержательный фундамент проектного мышления как компетенции современного руководителя в логике проектного управления. Кратко рассмотрены аспекты применения проектного мышления в различных, прежде всего, гуманитарных областях научного знания. Предпринята попытка конкретизации определения проектного мышления с учетом современных требований к менеджеру организации. Описаны проблемы его изучения в современной психологической науке. Указано на методологическую несостоятельность линейного, эклектического понимания проектного мышления, не учитывающего системно-синергетические свойства данного феномена, например неспособность старой линейно-эклектической модели проектного мышления объяснить отсутствие у субъекта проектной деятельности способности создавать и эффективно реализовывать проект в некоторой прикладной области при наличии у него, субъекта, высоких показателей отдельных компонентов проектного мышления. Проанализированы методологические возможности системного и синергетического подходов применительно к изучению проектного мышления. Разграничено синергичное и синергетическое понимание сложных, в том числе и психологических процессов применительно к проектному мышлению. Обозначены проблемы, связанные с рассмотрением проектного мышления сквозь призму системного и синергетического подходов; намечены инструментальные пути преодоления этих сложностей.

Ключевые слова: проектное управление, проектные компетенции, системный подход, синергетический подход, психология управления, управленческая деятельность

Для цитирования: Мазуркевич А. В. Методологические возможности системного и синергетического подходов к изучению проектного мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 982–988. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-982-988>

Введение

Современная социально-экономическая ситуация как в мировом масштабе, так и в масштабе Российской Федерации характеризуется высокими значениями динамичности и вариативности, отражаясь в разных отраслях человеческой жизни и практической деятельности. Эта особенность современного мира накладывает определенные специфичные требования к системе управленческой деятельности в секторе государственного управления и в других её секторах (коммерческом и некоммерческом) и на различных уровнях и, как следствие, задает общий контент требований к личности, непосредственно включенной в управленческую деятельность.

Профессиональная деятельность руководителя / управленца, реализуемая в динамично-вариативных условиях современной жизни, неизбежно связана с временной отдаленностью результатов принимаемых руководителем управленческих решений, а также множеством сценариев потенциального развития событий, их альтернативными

и непредвиденными трендами, дивергентностью последствий принятых решений, что неизбежно порождает серьезные сложности, связанные с прогнозированием и планированием существования самой организации или предприятия. Кроме того, дополнительным фактором выступает категория ответственности руководителя, принимающего то или иное управленческое решение не только за свою жизнь и благополучие, но и персонала, находящегося в подчинении или соподчиненности к деятельности данной организации.

Обозначенные выше факторы и условия указывают на необходимость осмысления (переосмысления) проектного мышления – довольно нового для отечественной психологической науки предметного поля, однако уже не нового для управленческой деятельности и современной теории управления, в особенности в западной ветви психологии. Существующие тенденции развития экономически передовых и социально-прогрессивных стран (прежде всего, стран т. н. золотого миллиарда) совершенно четко ставят в приоритет проектный тип управления, оставляя только

в самых консервативных социальных сферах и системах управление функционального типа. Тому есть ряд оснований, связанных со спецификой социального проектирования вообще и проектного управления как такового в частности. В данной статье мы не ставим задачу описания выигрышной специфики проектного управления в сравнении с управлением функциональным, поэтому ограничимся указанием самого факта его сущностной востребованности в современной управленческой деятельности безотносительно её содержания и направленности.

Проектное мышление как компетенция руководителя и объект научного исследования

Указанная востребованность социального проектирования в современном понимании термина отрефлексирована в прогрессивных государствах довольно давно. С середины 1990-х гг. во многих государствах, например США, и позднее в Евросоюзе создаются целые институты, изучающие проектную деятельность, возможности её оптимизации и рационализации применительно к современным социально-экономическим условиям. Получили развитие целые институты / институты / организации типа *PMI PMBoOK* и стандарты проектного управления, этими институтами формируемые (например, стандарт *PMI PMBoOK* 2008 г.) [1; 2]. В рамках указанных стандартов выделены несколько сегментов компетенций управленческой деятельности, одним из которых является Интегральное управление проектом, а одна из базовых групп процессов управления – управление инициацией проекта. Этот сегмент проектной деятельности и группа процессов управления с неизбежностью завязаны на рассматриваемый в данной статье феномен проектного мышления, без наличия или актуализации которого у управленца / руководителя ни о каком проектном управлении не может быть и речи, по крайней мере о качественном, эффективном и результативном, а не просто эффектным проектном управлении идет речь. Более того, проектное управление в современном мире не мыслится в отрыве от социального проектирования, на что указывают В. В. Серёгина и др. [3].

В западной традиции начало изучения феномена проектного мышления, как правило, ассоциируется с именем Гвидо Штомпфа, написавшего программную статью [4] и указавшего в ней на существенное отличие проектного мышления от типичного / обычного – ориентированность в перспективу и на практическое решения насущных задач. Кроме Г. Штомпфа проблемой проектного мышления занимались Т. Бьюзен и Б. Бьюзен [5], которые рассматривают проектное мышление сквозь призму развиваемой ими теории *радианного мышления*, в основе которого лежит ассоциативное мышление. На возможность и необходимость применения синергетического подхода применительно к психологической системе знаний указывал один из основателей синергетики

Г. Хакен [6]. Современность изучения проектного мышления в западной научной традиции, как уже было отмечено выше, характеризуется масштабными исследованиями, проводимыми в рамках целых институтов, целенаправленно изучающих сложный феномен проектной деятельности.

В современной России со значительным отставанием от Запада проектное управление все-таки развивается. Однако необходимо заметить, что первые попытки научно-методологического осмысления проектного управления в России, и ранее – в Советском союзе, уже предпринимались, например, Георгием Петровичем Щедровицким¹ [7], разрабатывавшим и развивавшим инструментальный подход в подготовке управленцев-менеджеров, и его учеником, ныне известным российским философом-методологом Вадимом Марковичем Розиным [8].

Таким образом сложилась ситуация с исследованиями проектного мышления в России, что практически все немногочисленные работы по данной тематике выполнены в основном в русле теории проектного управления или в русле педагогики [9–16]: пишутся статьи, пособия и проводятся курсы повышения квалификации для управленцев и педагогов [15; 17–19].

Ускоренное внедрение методологии проектного управления в отечественную педагогическую науку и управленческие практики является скорее вынужденной мерой, однако без глубинного осмысления феномена проектного мышления, лежащего в основе проектного управления как метода социального конструирования, в рамках психологической науки и социальной философии такая поспешность значительно затрудняет понимание процессов, обеспечивающих само существование проектного управления, равно как и обедняет предметно-феноменологическое пространство психологии.

В качестве рабочего, с некоторыми коррективами, целесообразно взять сформулированное автором данной статьи и А. Ю. Соловьевой определение проектного мышления: это особая управленческая компетенция, суть системно-синергетическое единство, устойчивый паттерн параметров, включающий способность к целенаправленной, практико-ориентированной деятельности, её осмысленность, способность преодолевать сложности наиболее эффективным способом, стиль мыслительной деятельности, креативность и мотивационную направленность, а также способность прогнозировать развитие внешней ситуации относительно помысленного проекта и самого проекта внутри внешней ситуации [20].

К аналогичным выводам применительно базовых структурных единиц приходит М. М. Курис, он видит суть проектного мышления не с позиции его целостности, но функциональных состояний, которые видятся автором сукцессивными по отношению друг к другу. М. М. Курис пишет, что человек проектирующий «находится в одном

¹ Курс лекций П. Г. Щедровицкого по философии управления в Высшей Школе Экономики 2000 г. // ШКП.ру. 01.10.2002. Режим доступа: <http://www.shkp.ru/lib/publications/49/print> (дата обращения: 10.01.2019).

из нижеследующих состояний. Он либо: 1) анализирует ситуацию и рефлексивует (соотносит фактическую реальность и идеальную); 2) целеполагает (определяет, что нужно сделать для перехода от фактического к идеальному); 3) генерирует варианты достижения целевого состояния; 4) прогнозирует варианты развития событий и последствия реализации проекта, проектов» [21, с. 49].

На рефлексивность мыслительной деятельности и перспективный темпоральный аспект бытия проектного мышления указывают П. В. Рыбалкина и Г. Н. Калинина [22, с. 44].

Данный перечень параметров проектного мышления не является окончательно сформулированным по причине, во-первых, слабого развития теоретической и эмпирической базы изучения данного феномена, а во-вторых, по причине его крайне высокой сложности и многоплановости.

В данной статье укажем, что помимо вышеозначенных параметров в структуру проектного мышления, по нашему мнению, необходимо включить готовность к рискам (как управляемым, так и неуправляемым), открытость новому опыту, умение выходить за рамки наличествующей ситуации, ответственность, сочетание высоких уровней развитости как дивергентного, так и конвергентного типов мышления.

Но сам по себе перечень тех или иных параметров, входящих в структуру проектного мышления (свойств, качеств, характеристик, способностей и т. д.), не дает должного ответа на сущностный для данной темы вопрос: почему одни люди, обладающие этими качествами, могут проектировать, воплощать помысленное и создавать новое в реальности, а другие, ничем в плане выраженности этих свойств от первых не отличающиеся, нет? Действительно, опыт исследования специфики проектного мышления, проведенного вышеуказанными авторами, показывает, что достаточно высокая степень выраженности этих качеств слабо коррелирует с «проектным мастерством» (термин Г. Штомпа). Люди с одинаковыми по выраженности параметрами проектного мышления могут оказаться как в группе обладающих навыком проектного мышления, так и в группе не рассматривающих стоящую перед ними проблему или вопрос сквозь призму необходимости решать её проектным способом.

Более того, нет ни одного отдельного качества или даже разрозненного набора качеств в структуре проектного мышления, которое бы гарантированно автоматически запускало процесс развития / реализации проектного мышления или значительно облегчало это развитие. Можно говорить, пожалуй, о необходимых, но недостаточных свойствах личности (например, дивергентное мышление, креативность, целеориентированность / направленность на результат), которые предрасполагают личность к формированию проектной компетенции. Но ни о какой предзаданности в формировании и развитии проектного мышления речь вести не должна.

Именно поэтому все попытки понять *проектное мышление* как эклектический набор переменных представляются не вполне завершенными и релевантными исследовательской задаче. Для анализа и понимания этого феномена

требуется иная методологическая база, иной подход, нежели банальное расчленение на структурные компоненты и выделение главного параметра с провозглашением целостности изученного феномена.

Методологический потенциал системного и синергетического подходов

В рабочем определении проектного мышления, приведенное выше по тексту, неслучайно поставлено словосочетание *системно-синергетическое единство*, поскольку, по нашему мнению, именно в логике системной и синергетической методологии возможны плодотворные попытки изучения проектного мышления. Тому есть ряд причин.

1. Проектное мышление – это многокомпонентный и многоплановый феномен, части которого а) являются сами по себе сложными конструктами, б) различны по своей природе и закономерностям функционирования и в) состоят в сложных нелинейных взаимосвязях друг с другом, зачастую являющимися если не детерминационными напрямую, то опосредованно и взаимными. По совокупности данная причина адресует нас к системным свойствам феномена. В проектном мышлении невозможно выделить единственный компонент, который претендовал бы на роль универсального главного элемента, обеспечивающего существование всего феномена [23].

2. Проектное мышление – это особый паттерн (организация) психических (прежде всего когнитивных и мотивационно-смысловых) компонентов, возникающий как эмерджентное (синергетическое) свойство всей системы параметров. Это своего рода «точка сборки» различных параметров в функционально новый конструкт. Проектное мышление – это не отдельное свойство мышления или его вид, а специфическим образом структурированное множество характеристик и свойств субъекта, задействованных в его проектной деятельности.

3. Высокий уровень выраженности каждого параметра из разрозненного набора компонентов проектного мышления не есть тождество наличия проектного мышления или его облигатного условия. Следовательно, проектное мышление возникает как результат скачкообразного перехода между двумя состояниями компонентов: досистемного / протосистемного и собственно состояния наличия проектного мышления.

Указанные причины и особенности проектного мышления корреспондируют с методологическими возможностями системного и синергетического подходов.

1. Системный подход с необходимостью рассматривает изучаемый феномен как сложную структурно и иерархически организованную, целеустремленную (направленную на некий объект во времени и пространстве) совокупность элементов, объединенных по принципу взаимного дополнения и соподчинения для достижения единой цели. Каждый структурный элемент при этом сам рассматривается как система элементов меньшего структурного уровня, состоящая во множественных нелинейных связях с другими

элементами-системами. Сложная совокупность структурных элементов носит уровневый, динамический характер. Еще одним неотъемлемым аспектом системы является её саморегуляция в некотором диапазоне условий на основе большого количества внутренних положительных и отрицательных обратных связей, удерживающих всю систему в актуальном регуляционном процессе (в зависимости от сложности стоящей перед системой задачи, наличествующих ресурсов, актуальных состояний структурных элементов, взаимосвязей с другими, внешними системами и т. д.).

2. Наличие разнородных элементов, составляющих структурный остов системы, избирательно вовлеченных в различные динамические процессы развития и функционирования системы, рассматривается в рамках системного подхода как целостное единство, в котором нет главного, «вершинного», элемента, задающего интенцию всей системы, но есть главный параметр управления, предстающий в виде некоторой функции, определяющей общий вектор развития всей системы, реализацию её целевой функции, вся совокупность элементов, объединенных множественными связями, предстает как неразделимое единство, вычленение любого элемента из которого неизбежно приведет к прекращению существования всей функциональной системы или как минимум прекращению эффективного её функционирования.

3. В рамках теории систем объяснимым становится свойство несводимости проектного мышления к простой сумме составляющих его элементов. Кроме того, эта несводимость носит все признаки эмерджентности – появления нового свойства системы, отсутствовавшего у каждого отдельно взятого структурного элемента и даже их простой совокупности. Изучение проектного мышления с этих позиций позволит не только описывать и объяснять этот феномен, но и создавать необходимые внешние (например, педагогические) условия для его возникновения в соответствии с запросами широкого поля научной и управленческой практики.

4. В дополнение предыдущему пункту формирование проектного мышления можно и, вероятно, нужно рассматривать в синергетической парадигме, которая является научным и методологическим продолжением системного подхода, в логике которой возникновение нового (эмерджентного) свойства системы рассматривается, как вариант, в теории фазовых переходов и в теории катастроф. В этом ключевое новое свойство должно стать результатом прохождения системой некоторого ключевого состояния, суть критического, пройдя через которое система скачкообразно меняет свое состояние. Данная точка маркирует сущностное изменение конфигурации параметров системы и появление нового свойства / состояния, не выводимого линейно из предыстории системы. Данный подход, на наш взгляд, позволил бы избежать распространенной ошибки, допускаемой авторами, пытающимися рассматривать различные феномены предметного поля психологии в, как им кажется, синергетической парадигме. Зачастую под синергетичностью

авторы понимают некоторую нелинейность по типу взаимоусиливающего эффекта составных частей системы. В этом случае уместно говорить о неаддитивности² системы, её синергичности, что является исторически исходным содержанием термина *синергетичность*, но не современным его пониманием. Ошибочное (вернее, устаревшее) понимание синергетичности часто можно узнать в литературе по поясняющей метафоре типа « $1+1=3$ » или « $2 \times 2=5$ ». Эта трактовка (синергичная) подразумевает суммарный и согласованный эффект взаимодействующих частей системы и потому взаимоусиливающий, но совершенно не подразумевает появление нового свойства системы именно как синергетического эффекта. Так, например, еще в XIX в. Ч. Шеррингтон, физиолог и нейробиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1932 г., полагал под этим термином совместное действие мышечной системы, управляемой нервной системой [24, с. 13]. Более строго математически, нелинейная система – та, существование и функционирование которой описывается системой нелинейных дифференциальных уравнений, подразумевающая несколько устойчивых решений [25, с. 105].

Проблемы применения системного и синергетического подходов при изучении проектного мышления

На пути достижения цели использовать указанные подходы при изучении проектного мышления (как и в случае других предметов исследования) есть определенные препятствия.

1. Сложность формализации переменных, теоретически определенных как компоненты системного феномена проектного мышления. Для использования рассматриваемых подходов применительно к проектному мышлению необходимо учитывать, что они снабжены сложным математическим аппаратом, требующим строгой формализации переменных системы.

2. Внутренняя структурная сложность самих переменных, входящих в единый комплекс проектного мышления. Данный тезис подразумевает, что все переменные / параметры проектного мышления (и не только они) сами являются сложно-системными проявлениями психических процессов более глубокого уровня, и потому любая попытка представить их эмпирически и теоретически «простыми» заведомо подразумевает грубую редукцию сути проектного мышления.

На сходные проблемы синергетического подхода, но применительно к социальному бытию, указывают В. В. Серёгина и др. В частности, они пишут, что для социальной реальности свойственны такие неэлиминируемые параметры, как:

- противоречивость социального объекта;
- многовекторность развития социального объекта;
- невозможность описания социального объекта конечным числом терминов любой социальной теории (принципиальная неформализуемость);
- многофакторность бытия социального объекта;

² Аддитивность – подчиненность арифметическому, линейному сложению ($1+1=2$).

- наличие множества субъективных составляющих, определяющих соотношение должного и сущего в отношении развития социального объекта;
- субъективные факторы формирования социального ожидания, социального прогноза и социального проектирования;
- факторы, определяющие разные критерии оценки зрелости развития социального объекта [3].

Несмотря на указанные теоретико-методологические сложности применения данных подходов, определенные возможности все-таки существуют в распоряжении психологов-исследователей. Речь идет об использовании некоторых видов сложного математического анализа данных, прежде всего регрессионного анализа, факторного анализа, многомерного шкалирования, а также метода моделирования структурными уравнениями. Указанные математические инструменты позволяют не только выявлять скрытые закономерности различных феноменов, но в случае моделирования структурными уравнениями можно говорить о возможности строить системные (структурно-функциональные) модели изучаемого феномена. Данное обстоятельство, на наш взгляд, выводит исследование проектного мышления на новый уровень изучения указанного феномена.

Литература

1. Ньютон Р. Управление проектами от А до Я. 10-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2019. 180 с.
2. Павлов А. Н. Управление проектами на основе стандарта PMI PMBoK 2008. Изложение методологии и опыт применения. 2-е изд., испр. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. 208 с.
3. Серёгина В. В., Серёгина Е. А., Шаповалова Л. Н. Современное социальное проектирование и его методики // Концепт. 2016. Т. 23. С. 88–92.
4. Штомпф Г. «Проектное мышление» – это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4. № 6. С. 68–72.
5. Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление. Мн.: Попурри, 2003. 193 с.
6. Haken H. Synergetics and Some Applications to Psychology // Dynamics, Synergetics, Autonomous Agents / eds. W. Tschacher, J.-P. Dauwalder. Singapore: World Scientific, 1999. P. 3–12.
7. Щедровицкий Г. П. Путеводитель по методологии организации, руководства и управления. М.: Дело, 2003. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3344/3367> (дата обращения: 10.01.2019).
8. Розин В. М. Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. М.: Ленанд, 2015. 368 с.
9. Котов А. Ю. Возможности технологии проектного обучения в развитии творческого потенциала учащихся // Повышение квалификации и переподготовка работников образования: теория и практика: сб. ст. по мат-лам науч.-практ. конф. сотрудников ВГИПК РО 2001–2002 годов / ред. Н. М. Борытко. Волгоград: Волгоградский ГИПКПРО, 2003. С. 74–82.
10. Алексеева И. В., Паллота В. И. Развитие проектного мышления бакалавров дизайна как средство формирования профессиональных компетенций // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 133. С. 653–659. DOI: 10.21515/1990-4665-133-049
11. Вылегжанина А. О. Информационно-технологическое и программное обеспечение управления проектом. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 429 с.
12. Павлова М. Б., Питт Дж., Гуревич М. И., Сасова И. А. Метод проектов в технологическом образовании школьников. М.: Вентана-Граф, 2008. 296 с.
13. Пещерова А. С., Исаева И. Ю. Развитие творческих способностей младших школьников средствами проектной деятельности в процессе образования // Студенческий научный форум 2015: мат-лы VII Междунар. студенческой науч. конф. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015009666> (дата обращения: 10.01.2019).
14. Плотников А. Н., Плотников Д. А. Актуальные проблемы управления проектами // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 1–2. С. 152–158.

Заключение

Углубленное изучение феномена проектного мышления является актуальным и востребованным направлением современной психологии управления. Основными факторами этой актуальности являются все увеличивающаяся роль проектного управления в современной динамичной и многофакторной структуре политико-экономической и социально-психологической реальности и ускоренное внедрение инновационных управленческих технологий, не имеющих тщательно изученной теоретико-методологической научной базы.

Наиболее перспективными при изучении данного вопроса представляются системный и синергетический подходы как методологические основания, позволяющие всесторонне проанализировать ускользающие от линейного понимания феномены, сопряженные с проектным мышлением. Указанные подходы имеют ряд принципиальных сложностей при их применении безотносительно природы рассматриваемых феноменов, однако математический инструментарий современной психологии способен эти сложности преодолеть, что позволит реализовать в полной мере аналитико-конструктивистский потенциал этих подходов.

15. Смирнова С. Ю. Актуализация проектного мышления студентов на основе реализации динамической модели проектирования // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 154–158.
16. Хлебникова Е. А., Махрина И. А. Проектная деятельность в работе с одаренными детьми на начальном этапе образования. Развитие молодых талантов // Молодой ученый. 2017. № 47. С. 236–238.
17. Бушуев С. Д., Бушуева Н. С. Управление проектами. Система знаний по формированию компетенции проектных менеджеров. Киев: Иридиум, 2006. 199 с.
18. Григорьев А. Д. Предпосылки разработки методики формирования проектного мышления студентов-дизайнеров как основного элемента профессионального дизайнерского мышления // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 8. С. 52–58.
19. Громыко Ю. В. Проектное сознание: Руководство по программированию и проектированию в образовании для систем стратегического управления. М.: Институт учебника Paideia, 1997. 560 с.
20. Соловьева А. Ю., Мазуркевич А. В. Специфика проектного мышления руководителей с разным уровнем толерантности к неопределенности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 71–76.
21. Курис М. М. Проектное мышление: специфика формирования и атрибут современного человека // От науки к обществу: приоритетные направления преобразований и инструменты их реализации: сб. науч. трудов по мат-лам I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 10 декабря 2018 г.) М.: Профессиональная наука, 2018. С. 46–52.
22. Рыбалкина П. В., Калинина Г. Н. Проект и проектное мышление в истории культуры // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 4. С. 39–44.
23. Жилин Д. М. Теория систем: опыт построения курса. 6-е изд., стер. М.: Ленанд, 2017. 176 с.
24. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб.: Лань, 1999. 480 с.
25. Безручко Б. П., Короновский А. А., Трубецков Д. И., Храмов А. Е. Путь в синергетику: Экскурс в десяти лекциях. 3-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 304 с.

Methodological Abilities of Systemic and Synergistic Approaches to the Study of Project Thinking

Andrey V. Mazurkevich ^{a, @, ID}

^a V. Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032

@ lokys72@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-4947-0498>

Received 25.08.2019. Accepted 24.09.2019.

Abstract: The present research features project thinking in relation to the realities of the modern dynamic and non-predetermined world. The author specifies the need for a fundamentally new understanding of the essence of the processes that make up the substantial foundation of project thinking as the competence of a modern manager in the logic of project management. The paper describes various aspects of the application of project thinking in various, primarily humanitarian, areas of scientific knowledge. It introduces an attempt to specify the definition of project thinking with due account of the modern requirements for a company manager. The author describes the problems of studying project thinking in modern psychological science and points to the methodological inconsistency of the linear, eclectic conception of project thinking that does not take into account the system-synergetic features of this phenomenon. For instance, the inability of the old linear-eclectic model of project thinking to explain that a subject of project activity cannot create and effectively implement a project in an application area even if the subject of project activity has a high efficiency of separated components of project thinking. The paper gives an outline of the methodological abilities of the system approach and synergetic approach in relation to the study of project thinking, as well as delimited synergetic and synergistic comprehension of complicated processes, including psychological processes in relation to project thinking. Finally, the author identifies the problems associated with the consideration of project thinking through the prism of the system and synergistic approaches and proposes some instrumental ways to overcome these difficulties.

Keywords: project management, project competencies, system approach, synergetic approach, management psychology, managerial activity

For citation: Mazurkevich A. V. Methodological Abilities of Systemic and Synergistic Approaches to the Study of Project Thinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 982–988. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-982-988>

References

1. Newton R. *Project management step by step: the proven, practical guide to running a successful project, every time*, 10th ed. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 180. (In Russ.)
2. Pavlov A. N. *Project management based on the PMI PMBoK 2008 standard. Statement of methodology and application experience*. 2nd ed. Moscow: BINOM. Laboratoriia znaniy, 2012, 208. (In Russ.)
3. Seregina V. V., Seregina E. A., Shapovalova L. N. Modern social design and its methods. *Koncept*, 2016, (23): 88–92. (In Russ.)
4. Stompff G. Design thinking isn't about thinking. It is but about doing. *Problemy upravleniia v sotsial'nykh sistemakh*, 2012, 4(6): 68–74. (In Russ.)
5. Buzan T., Buzan B. *Superthinking*. Minsk: Popurri, 2003, 193. (In Russ.)
6. Haken H. Synergetics and Some Applications to Psychology. *Dynamics, Synergetics, Autonomous Agents*, eds. Tschacher W., Dauwalder J.-P. Singapore: World Scientific, 1999, 3–12.
7. Shchedrovitsky G. P. *Guide to the organization, leadership, and management methodology*. Moscow: Delo, 2003. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3344/3367> (accessed 10.01.2019).
8. Rozin V. M. *Thinking: essence and development. Thinking concept*. Moscow: Lenand, 2015, 368. (In Russ.)
9. Kotov L. Iu. Possibilities of technology for project training in the development of the creative potential of students. *Further training and retraining of educational workers: theory and practice*, ed. Borytko N. M. Volgograd: Volgogradskii GIPKiPRO, 2003: 74–82. (In Russ.)
10. Alekseeva I. V., Pallota V. I. The development of design thinking of bachelors as a way of professional competences formation. *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2017, (133): 653–659. (In Russ.) DOI: 10.21515/1990-4665-133-049
11. Vylegzhanina A. O. *Information technology and project management software: a training manual*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2015, 429. (In Russ.)
12. Pavlova M. B., Pitt J., Gurevich M. I., Sasova I. A. *The method of projects in the technological education of schoolchildren*. Moscow: Ventana-Graf, 2008, 296. (In Russ.)
13. Peshcherova A. S., Isaeva I. Iu. Development of creative abilities of primary school pupils by means of project activities in the educational process. *Student Scientific Forum 2015: Proc. VII Intern. Student Sci. Conf.* Available at: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015009666> (accessed 10.01.2019). (In Russ.)
14. Plotnikov A. N., Plotnikov D. A. Actual problems of project management. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, 14(1-2): 152–158. (In Russ.)
15. Smirnova S. Iu. Design thinking actualization in the students on the basis of the design dynamic model. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2011, (4): 154–158. (In Russ.)
16. Khlebnikova E. A., Makhrina I. A. Project activities in work with gifted children at the earliest stage of education. The development of young talents. *Molodoi uchenyi*, 2017, (47): 236–238. (In Russ.)
17. Bushuev S. D., Bushueva N. S. *Project management. The knowledge system for the formation of competence of project managers*. Kiev: Iridium, 2006, 199. (In Russ.)
18. Grigoriev A. D. Prerequisites for the development of a methodology for the formation of design thinking of design students as the main element of professional design thinking. *Siberian pedagogical journal*, 2009, (8): 52–58. (In Russ.)
19. Gromyko Iu. V. *Design consciousness: a guide to programming and design in education for strategic management systems*. Moscow: Institut uchebnika Paideia, 1997, 560. (In Russ.)
20. Solovyova A. Yu., Mazurkevich A. V. Specificity of project thinking of leaders with different levels of uncertainty tolerance. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki*, 2018, (2): 71–76. (In Russ.)
21. Kuris M. M. Project thinking: the specifics of development and the attribute of modern man. *From science to society: priority areas for transformations and tools for their implementation*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, December 10, 2018. Moscow: Professional'naia nauka, 2018, 46–52. (In Russ.)
22. Rybalkina P. V., Kalinina G. N. Project and design thinking in the history of culture. *Science. Art. Culture*, 2018, (4): 39–44. (In Russ.)
23. Zhilin D. M. *System theory: course building experience*, 6th ed. Moscow: Lenand, 2017, 176. (In Russ.)
24. Vasilkova V. V. *Order and chaos in the development of social systems*. St. Petersburg: Lan, 1999, 480. (In Russ.)
25. Bezruchko B. P., Koronovskii A. A., Trubetskov D. I., Hramov A. E. *Route to synergetics: excursus in ten lectures*, 3rd ed. Moscow: LENAND, 2015, 304. (In Russ.)

Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи

Жаргалсайханы Оюунсүрэн^{a, @, ID}; Виктор В. Ермолаев^b

^a Университет гуманитарных наук, 14200, Монголия, г. Улан-Батор, пл. Сухэ-Батора, 20

^b Московский педагогический государственный университет, 119992, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1

@ oyunsuren.j@humanities.mn

ID <https://orcid.org/0000-0001-7815-1122>

Поступила в редакцию 08.10.2019. Принята к печати 19.11.2019.

Аннотация: Приводятся данные эмпирического исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье. Выборку исследования составили 120 человек в возрасте 18–30 лет, постоянно проживающие на территории России и Монголии. Полученные результаты были подвергнуты факторному и кластерному анализу. Статистический и качественный анализ данных показал, что в целом обе группы достаточно конкретны, позитивны, сходны в отрицании существования конфликтов в счастливой семье. В то же время полученные результаты указывают на наличие этнических и гендерных особенностей представлений российской и монгольской молодежи относительно понятия *счастливая семья*. Представления российской и монгольской молодежи о своей будущей семье отличаются относительно примеров для подражания в ее построении. У монгольской молодежи счастливая семья, как правило, ассоциируется с понятиями *многодетная семья* и *родительская семья*. Примерами для построения *счастливой семьи* для российской молодежи практически в равной степени являются семьи популярных в СМИ и художественной литературе людей, родительская семья и семьи друзей. *Счастливая семья* воспринимается российскими девушками преимущественно как *малодетная семья*, в то время как для российских юношей *счастливая семья* – это *многодетная семья*. Полученные результаты дают основания сделать вывод о том, что институт семьи в Монголии имеет более традиционный характер, что отражается в представлении молодежи как о семье, так и о счастливом семейном укладе. Монгольская молодежь берет в пример семьи своих родителей, в то время как русская молодежь в большей мере стремится подражать кумирам СМИ.

Ключевые слова: будущая семья, нормальная семья, представления о счастливой семье, счастье, родительская семья

Для цитирования: Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В. Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 989–997. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-989-997>

Введение

В настоящее время в науке отмечается рост социально-психологических исследований, направленных на изучение базовых компонентов переживания счастья. Традиционно счастье рассматривается как совокупность положительных эмоциональных состояний человека в различных жизненных ситуациях¹ [1–3] и в контексте его психологического благополучия: способности жить и работать с удовольствием, заниматься любимым делом, быть причастным к общему делу, любить и радоваться счастьем других [4–6]. Среди условий психологического благополучия человека семья, по данным отечественных и зарубежных исследований, всегда занимает одно из приоритетных мест² [2; 7–10].

Вместе с тем представления о семейном счастье – одна из самых неоднозначных и сложных проблем в социальной психологии, хотя *идеальная семья* подразумевает

переживание именно этого состояния ее членами. Нерешенной проблемой является и определение тех социальных условий, характера целей, гендерных норм, социальных действий и достижений, способствующих достижению семейного счастья [2; 6; 8; 10–13]. Примечательно, что несмотря на приоритетное стремление современной молодежи к малодетности в семьях ради финансового благополучия и карьеры, данные научных исследований свидетельствуют о слабой связи семейного счастья с богатством, высоким социальным и профессиональным статусом членов семьи. В экономически развитых странах качество жизни и материального благополучия в семьях постоянно растет, но все больше семей чувствуют себя несчастными. Так, указывая среди наиболее важных для счастья сфер жизни «семейные отношения, финансовую ситуацию, работу, общество и друзей, здоровье», член британской палаты

¹ Леонтьев Д. А. Психология счастья // YouTube. 16.09.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=d7gmuDTIE-U&feature=youtu.be> (дата обращения: 12.08.2019).

² Там же.

лордов Р. Лэйард отмечает, что: «По мере того, как западные общества делаются богаче, люди в них не становятся счастливее... При этом средний доход вырос более чем вдвое. Этот парадокс одинаково верен для США, Великобритании и Японии» [9, с. 15]. Исследователь феномена счастья и преподаватель Гарвардского университета Т. Бен-Шахар пишет: «Деньги и слава вторичны по отношению к счастью и не обладают никакой самостоятельной ценностью» [1, с. 84].

В современном мире стремительно набирает силу процесс изменения семьи как социального института, вплоть до тенденций к его разрушению в некоторых странах. Трансформируется содержание таких понятий, как нормальная семья, аномальная семья, родительская семья, счастливая семья. Кардинально изменяются эталоны нравственной гендерной нормы в семейной жизни, определяющие ее критерии *хорошо и плохо, счастья и несчастья*; нивелируются традиционные семейные ценности: верность, любовь, уважение родителей, святость материнства и продолжения рода; порицается многодетность и традиционные гендерные роли в семье; в СМИ поощряется создание однополых или трансгендерных семей, которые уже стали абсолютной нормой и получили привилегированное положение в некоторых европейских странах. Примечательно, что 50 лет назад эта тенденция четко прослеживалась лишь в странах Западной Европы и США, где, набирая силу с 60-х гг. XX в., проявлялась сначала в переходе от расширенных к нуклеарным семьям, снижении количества заключенных браков и количества детей в семье, увеличении количества разводов, массовом распространении феномена незарегистрированных (гражданских) браков и проживания врозь, но в браке [2; 4; 6; 14].

Сегодня выраженные признаки этой тенденции, ранее характерные только для стран Запада, в полной мере наблюдаются как в России, так и в Монголии. По данным статистики у двух соседских стран, объединяемых ранее сильными консервативными семейными традициями, четко видны признаки деформации института семьи: падение рождаемости, рост количества разводов и социальной приемлемости гражданских браков, рост количества неполных семей, воспитывающих детей (матерей-одиночек), значительное повышение возраста вступления в первый брак³ [15–17].

Современные российские и зарубежные социально-психологические исследования представлений о семье в той или иной степени охватывают практически все возможные аспекты этой проблемы [2; 6–10; 13; 18]. При этом более детально семья исследована с точки зрения некой нормы и отклонений от нее, как правило, в рамках дихотомии

аномальная – нормальная семья [2; 6; 18; 19]. Однако, гораздо менее изученными, но более важными в контексте реализации человеком субъективных представлений о счастье остаются его представления о счастливой семье и составляющих ее факторах. К тому же каждый человек, собирающийся создать семью, представляет ее себе не просто нормальной, или более того – аномальной, а рассматривает как уникально счастливую – идеальную семью, где счастье является ориентиром ее построения и представляется для членов семьи эталонным состоянием, достойным стремления к нему. Поэтому в наблюдаемом движении с Запада на Восток процесса девальвации представлений о счастливой семье расширение шкалы представлений о семье – *аномальная – нормальная – идеальная (счастливая) семья* – приобретает особую важность и задает новое «социокультурное основание для исследований, обусловленное различием культур разных эпох, народов и стран» в эпоху глубоких социальных преобразований [8, с. 12].

Таким образом, данная социально-психологическая проблема и определила выбор направления нашего кросс-культурного исследования. Опираясь на концепцию социальных представлений С. Московичи о центральном ядре и периферической системе социальных представлений [20–22], мы предположили, что существуют различия в представлении о счастливой семье у представителей монгольской и российской молодежи. Цель нашего исследования – изучить особенности представлений о счастливой семье российской и монгольской молодежи.

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили 120 человек в возрасте 18–30 лет, постоянно проживающие на территории России и Монголии. Из них 30 российских девушек и 30 российских юношей, 30 монгольских девушек и 30 монгольских юношей.

Для проведения исследования были использованы следующие методы и методики:

1. Семантический дифференциал Ч. Осгуда с перечнем прилагательных определений, которыми можно охарактеризовать типы семьи [23, с. 94]. Семантический дифференциал в количественном виде фиксирует уникальность значения определенного объекта для испытуемого, которое он приобретает в результате своего индивидуального жизненного опыта. Испытуемому предъявляется набор биполярных шкал, каждая из которых образована парой прилагательных-антонимов. Результаты, полученные с помощью семантического дифференциала, были обработаны

³ «Монголын гэр бүлийн асуудал, хэрэгцээ, үйлчилгээний хувилбар» судалгааны тайлан. Улаанбаатар хот: Гэр бүл, хүүхэд, залуучуудын хөгжлийн газар, 2018. (Исследовательский отчет «Проблемы и потребности семей в Монголии, варианты оказания помощи». Улан-Батор: Центр развития семьи, детей и молодежи, 2018); Монгол улс дахь гэр бүл төлөвлөлтийн чанарын судалгаа. Судалгааны үр дүнгийн тайлан. Улаанбаатар: Монгол улсын засгийн газар, Эрүүл мэндийн яам, 2016. 64 хууд. (Квалификационное исследование по планированию семьи в Монголии. Улан-Батор: Правительство Монголии, Министерство здравоохранения, 2016. 64 с.); Өрх, гэр бүлийн байдал. Улаанбаатар: Үндэсний статистикийн хороо, 2010. 135 хууд. (Семья и семейное положение. Улан-Батор: Национальная служба статистики, 2010. 135 с.); 21-р зууны Монгол гэр бүл эрдэм шинжилгээний бага хурлын эмхтгэл. Улаанбаатар: Гэр бүл, Хүүхэд, Залуучуудын Хөгжлийн газар, Дэлхийн Зөн Монгол олон улсын байгууллага, Нийгмийн бодлогын судалгааны хүрээлэн, 2018. (Сборник монгольской научной конференции монгольской семьи XXI века. Улан-Батор: Центр развития семьи, детей и молодежи, Международные организации World Vision Mongolia, Институт исследований социальной политики, 2018); "Гэр бүлийн харилцааны өнөөгийн байдал" суурь судалгаа. Улаанбаатар: Нийгмийн Хамгаалал, Хөдөлмөрийн Яам, ЮНИСЕФ, Гал Голомт Үндэсний Хөдөлгөөн, 2004. (Базовое исследование «Текущая ситуация в семейных отношениях». Улан-Батор: Министерство социального обеспечения и труда, ЮНИСЕФ, Национальное движение Гал Голомт, 2004).

нами факторным анализом SPSS21, позволившим выделить группу переменных, определяющих корреляционную взаимосвязь между типами семьи:

- счастливая семья,
- родительская семья,
- моя будущая семья,
- брак по расчету,
- вынужденный брак,
- брак на основе взаимной любви,
- бездетная семья,
- многодетная семья (3 и более детей),
- малодетная семья (1 ребенок).

2. Методика анкетирования с фиксированным выбором ответов.

3. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви, модифицированная для выявления представления о счастливой семье [24].

Результаты

На *первом этапе* эмпирического исследования с целью исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье мы провели семантический дифференциал Ч. Осгуда. Мы полагали, что результаты исследования, полученные при помощи метода незаконченных предложений, несут в себе, прежде всего, содержательную наполненность, поэтому метод семантического дифференциала дает нам возможность изучить эмоциональную окраску этих представлений. Результаты, полученные с помощью семантического дифференциала, были обработаны факторным анализом, позволившим выделить группу переменных, определяющих корреляционную взаимосвязь между признаками, в нашем случае – между типами семьи. Все результаты представлены в виде точечных диаграмм.

Факторный анализ полученных данных с помощью семантического дифференциала типов семьи позволил выделить два компонента факторных нагрузок в представлении о семье российских девушек (рис. 1). На диаграмме факторных нагрузок переменных видно, что, по мнению российских девушек, понятия *приятный*, *красивый*, *жаркий* являются близкими между собой. В свою очередь, понятия *пассивный*, *темный*, *слабый*, *жестокий* являются близкими между собой, что обуславливает четкую поляризацию двух понятий. Далее мы произвели корреляционный анализ взаимосвязи между типами семьи в сознании респондентов, получили факторные оценки компонентов (рис. 2). В сознании российских девушек понятие *счастливая семья* находится в непосредственной семантической близости, практически ассоциируясь, с понятиями *моя будущая семья*, *брак на основе любви*, *малодетная семья*, группа, включающая в себя эти типы семей, воспринимается как более *приятная*, *красивая* и *жаркая*. *Родительская семья* находится близко с понятием *многодетная семья*, группа, включающая эти две типы семей, воспринимается русскими девушками как более *большая*, *возбужденная* и *толстая*. В сознании

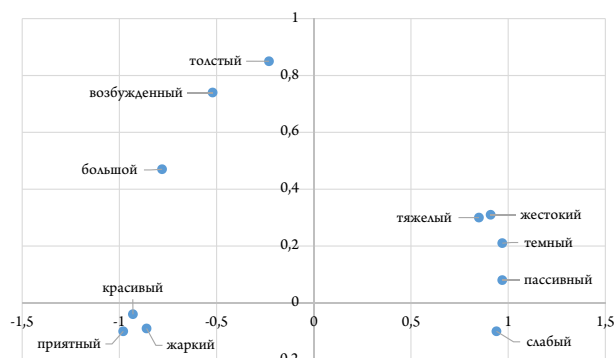

Рис. 1. Факторные нагрузки переменных (российские девушки)

Fig. 1. Factor loading of variables in Russian young women

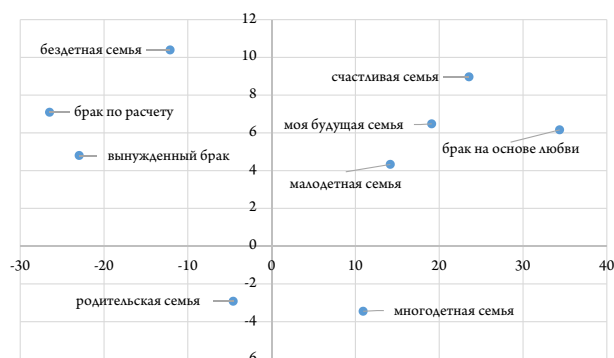

Рис. 2. Факторные оценки типов семьи (российские девушки)

Fig. 2. Factor scoring of family types in Russian young women

респондентов негативный оттенок восприятия как *пассивный*, *темный*, *слабый*, *тяжелый* и *жестокий* имеет типы семьи *брак по расчету*, *вынужденный брак*, *бездетная семья*.

В сознании российских юношей понятия *приятный*, *сильный*, *легкий*, *возбужденный* являются близкими понятиями первого фактора. Понятиями второго фактора являются такие переменные, как *темный*, *жестокий*, *тонкий*, *медленный* и *пассивный*, которые являются близкими понятиями при определении типов семьи. Также понятия *приятный* и *большой* находятся достаточно близко в сознании российских юношей (рис. 3). *Счастливая семья* находится рядом с *многодетной семьей*, воспринимаясь юношами как *большая* и *красивая*, *приятная*, *возбужденная*, *сильная*, *легкая*. Респонденты негативно представляют *брак по расчету* и *вынужденный брак* в понятиях *темный*, *жестокий*, *тонкий* и *медленный*. Смешение в представлениях многодетности, малодетности, бездетности, своей будущей семьи и родительской семьи свидетельствует о размытости, фрагментарности, отсутствии четких представлений о счастливой семье в сознании российских юношей (рис. 4).

В сознании монгольских девушек мы видим две факторные нагрузки. Понятия *приятный*, *красивый*, *большой* являются близкими понятиями первого фактора. Во второй фактор входят такие понятия, как *пассивный*, *темный*, *слабый*, *жестокий*, что обуславливает четкую поляризацию первого

и второго факторов (рис. 5). Счастливая семья находится рядом с такими типами семьи, как моя будущая семья, брак на основе любви, многодетная семья, родительская семья. Эти семьи воспринимаются респондентами понятиями приятный, красивый, большой. Вынужденный брак находится рядом с бездетной семьей и воспринимается как пассивный, темный, слабый и жестокий. Тяжелыми и медленными респондентами воспринимаются брак по расчету и малодетная семья (рис. 6).

По мнению монгольских юношей понятия красивый, жаркий, приятный являются близкими понятиями первого

фактора. Понятия пассивный, темный, слабый, жестокий, тяжелый, медленный являются близкими понятиями второго фактора, что обуславливают четкую поляризацию первого и второго факторов (рис. 7). В представлении монгольских юношей счастливая семья находится близко с понятиями моя будущая семья, брак на основе любви, многодетная семья, воспринимаясь респондентами как красивая, большая, жаркая и приятная. Бездетная семья и вынужденный брак находятся близко и воспринимаются негативно – как тяжелые, жестокие, медленные (рис. 8).

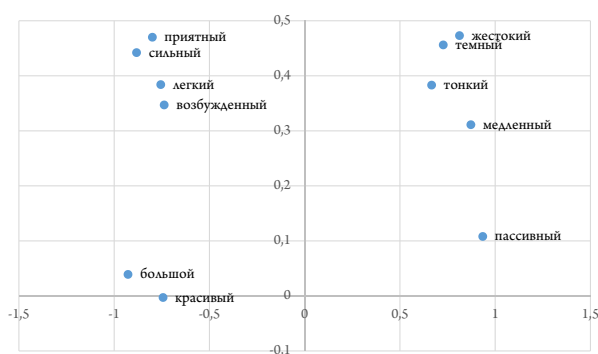

Рис. 3. Факторные нагрузки переменных (русские юноши)
Fig. 3. Factor loading of variables in Russian young men

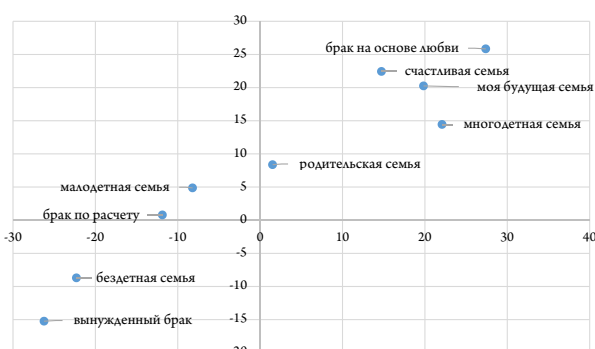

Рис. 6. Факторные оценки типов семьи (монгольские девушки)
Fig. 6. Factor scoring of family types in Mongolian young women

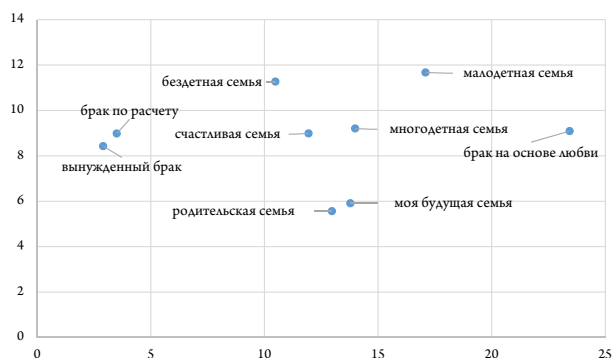

Рис. 4. Факторные оценки типов семьи (русские юноши)
Fig. 4. Factor scoring of family types in Russian young men

Рис. 7. Факторные нагрузки переменных (монгольские юноши)
Fig. 7. Factor loading of variables in Mongolian young men

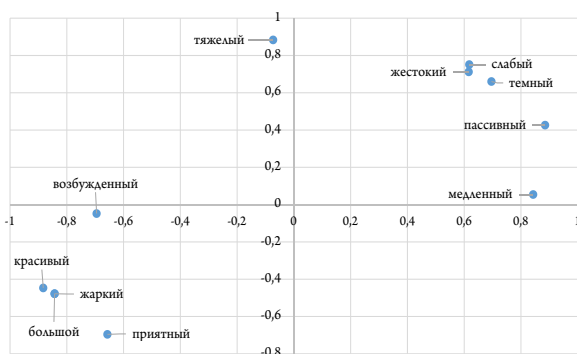

Рис. 5. Факторные нагрузки переменных (монгольские девушки)
Fig. 5. Factor loading of variables in Mongolian young women

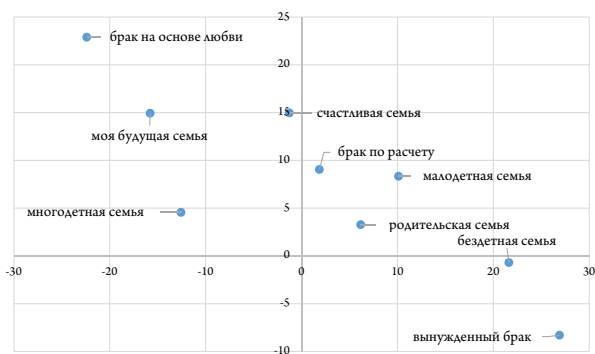

Рис. 8. Факторные оценки типов семьи (монгольские юноши)
Fig. 8. Factor scoring of family types in Mongolian young men

Таким образом, с помощью факторного анализа представлений о семье четырех групп респондентов мы выявили этнические и гендерные особенности относительно понятия *счастливая семья*. Для российских девушек она ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви, малодетная семья* и воспринимается как *приятная*. В то же время для российских девушек *родительская семья* ассоциируется с *многодетной семьей*. Для российских юношей *многодетная семья* воспринимается как *счастливая семья*, более четко дифференцированное представление выявлено не было в силу их размытости. Тем самым мы наблюдаем диссонанс в представлении о счастливой семье у российских юношей и девушек относительно количества детей в их будущих семьях.

В сознании монгольских девушек *счастливая семья* ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви* и, в отличие от российских девушек, с *многодетной семьей* и *родительской*. Монгольские девушки, в отличие от российских, *малодетную семью* ассоциируют с *браком по расчету* и воспринимают эти понятия как *тяжелые*. Монгольские юноши, так же как и монгольские девушки, *счастливую семью* ассоциируют с *многодетной семьей, браком на основе любви* и с представлением *моя будущая семья*, воспринимая ее как *приятную, большую*.

На *втором этапе* исследования представлений российской и монгольской молодежи о счастливой семье мы применили авторскую анкету с фиксированными выборами. Процентное соотношение ответов монгольской и российской молодежи представлено в табл. 1. Выявлено, что примером для построения семьи у монгольской молодежи преимущественно является *родительская семья*, а примером для построения у российской молодежи в большей мере является *художественная литература* и *фильмы*.

Полученные данные свидетельствуют о том, что традиционная российская семья испытывает гораздо большее воздействие со стороны СМИ и оказывается более размытой, теряющей родовые корни. Для монгольской молодежи до настоящего времени более важна *родительская семья* и ее пример. И только для одной трети российской молодежи примером счастливой семьи является *родительская семья*. Референтная группа относительно примеров счастливой семьи у российской молодежи значительно сдвинута в сторону подражания знакомым людям, различным медиа- и художественным персонажам, что в совокупности представляет больше половины примеров для подражания.

На вопрос «Какую Вы готовы создать семью?» российские и монгольские юноши и девушки ответили без исключения, что готовы создать только традиционную семью, в то же время в группе респондентов российских девушек 14 % выбрали другие варианты ответа – однополую, транссексуальную, полигамную. Возможно, этот результат свидетельствует о нарастающем влиянии СМИ на пересмотр российскими девушками своей половой идентификации и представлений о ролях при взаимодействии полов в семье.

Табл. 1. Примеры счастливой семьи у российской и монгольской молодежи, %

Tab. 1. Role models of a happy family among Russian and Mongolian youth, %

Пример счастливой семьи	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Семья родителей	34	81
Семья знакомых и друзей	17	12
Художественная литература	37	7
Семья популярного человека	12	–

На вопрос анкеты о том, «Сколько детей должно быть в счастливой семье?», русские респонденты в основном указали, что счастливой российской семье представляется им *малодетной*. Представление монгольской молодежи о количестве детей в счастливой семье резко отличается от российской молодежи в сторону увеличения (табл. 2).

Табл. 2. Представление молодежи о количестве детей в семье, %

Tab. 2. Opinion on the number of children in a family, %

Количество детей в семье	Российская молодежь	Монгольская молодежь
1	10	–
2	40	10
3	20	25
4 и больше	8	31
на усмотрение родителей	8	9
счастье не в количестве	14	9
как можно больше	–	16

На следующем этапе результаты, полученные с помощью методики «Незаконченные предложения», были подвергнуты кластерному анализу, в результате которого мы сформировали 14 кластеров (табл. 3–5).

Данные завершения предложения «В счастливой семье нет...» позволили нам сформировать четыре кластера и выявить, что у обеих групп респондентов наблюдаются идеализирующие утверждения, а именно: в счастливой семье нет конфликтов, ссор, ругани, недопонимания и недоверия. В то же время российскую молодежь волнуют вопросы насилия в семье и супружеская неверность. Монгольская молодежь относится к проблеме супружеской неверности более терпимо, их более волнует вопрос деструктивного отношения, холодной атмосферы, ненависти, враждебности в семье.

Ответы на незаконченное предложение «Для создания семьи необходимо и достаточно...» также привели к созданию четырех кластеров (табл. 4).

Первый кластер – взаимные чувства, взаимная любовь, взаимоуважение – оказался более важным для создания семьи у российской молодежи и почти в два раза превышает

показатели этого фактора у монгольской молодежи. Второй кластер – финансовая обеспеченность, материальное благо, наличие квартиры, хорошая работа – как необходимое и достаточное условие для создания счастливой семьи больше рассматривается монгольской молодежью. Также крепкое надежное отношение является более важным фактором создания семьи для четверти монгольской молодежи, в то время как российская молодежь придает этому меньшее значение. Четвертый кластер – личность партнера – для двух групп респондентов является важным фактором, выделяя важность зрелости и опыта жизни. При этом главным препятствием при создании семьи все четыре группы респондентов назвали отсутствие финансовой самостоятельности, любви и партнера. В группе российских девушек в качестве дополнительного препятствия в создании семьи была обозначена неуверенность в партнере.

Данные продолжения незаконченного предложения «Семья распадается, когда...» позволили нам сформировать шесть кластеров, представленных в табл. 5. Более пристального внимания заслуживают данные некоторых кластеров. Так, расхождение интересов в обеих группах в первом кластере описывается как разделение целей, интересов, мнений, идеологии супругов, отсутствие смысла совместной жизни. Второй кластер – недопонимание в отношении супругов – описывался респондентами как ситуации, когда люди не слышат друг друга, не могут найти общий язык, много ссор, отсутствие общения, и рассматривается российской и монгольской молодежью как весомая причина распада семьи. Ответы, связанные с эмоциональным дискомфортом в супружестве, когда больше нет взаимных чувств, наступает разочарование, гаснет душевная связь, разлюбили друг друга, мы объединили в третий кластер – угасание чувств. Примечательно, что эти причины рассматриваются причиной распада семьи для большинства российской молодежи и только для незначительной части монгольской молодежи. Такие качества личности, как ревность, нетерпимость, эгоизм, а также вредные привычки, алкоголизм как фактор распада семьи, характерны для ответов только монгольской молодежи.

Для выявления представления о желательных и нежелательных личностных качествах супругов при создании счастливой семьи мы попросили респондентов завершить два предложения: «Обязательными качествами для создания счастливой семьи для мужчины / для женщины являются...»; «Назовите личностные качества, которыми не должен/а обладать ваш муж / жена...». Российские девушки называли значительно чаще среди качеств, более желательных для мужчин, такие качества, как верность, честность, преданность; ответственность, надежность, сильный характер, мужество; а среди нежелательных – эгоизм, нечестность, лживость, грубость. Среди качеств, которыми не должен обладать их муж, у монгольских девушек преобладали ревность, изменщик, вспыльчивость, в то время как среди необходимых для создания счастливой семьи указывались любовь, забота, терпимость,

Табл. 3. Кластеры ответов на незаконченное предложение «В счастливой семье нет...», %

Tab. 3. Response clusters to the sentence completion task

"In a happy family, there is/are no...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Нет грубости и насилия, криков, неуважения	39	26
Нет конфликтов	28	41
Нет супружеской неверности	28	17
Нет деструктивного отношения	5	16

Табл. 4. Кластеры ответов на незаконченное предложение «Для создания семьи необходимо и достаточно...», %

Tab. 4. Response clusters to the sentence completion task

"To create a family, it is necessary and enough to...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Взаимные чувства	39	19
Финансовая обеспеченность	32	40
Крепкое надежное отношение	9	23
Личность партнера	20	18

Табл. 5. Кластеры ответов на незаконченное предложение «Семья распадается, когда...», %

Tab. 5. Response clusters to the sentence completion task

"The family breaks up when...", %

Кластер	Российская молодежь	Монгольская молодежь
Расхождение интересов	38	23
Недопонимание в отношении супругов	23	18
Угасание чувств	19	6
Обман и предательство	18	22
Нетерпимые личные качества	3	21
Вредные привычки, алкоголизм	–	10

уравновешенность, верность, честность. Представления о необходимых качествах женщин для создания счастливой семьи у российских и монгольских юношей практически совпали: верность, честность, преданность, любовь, забота, чувственность, ответственность, доброта. Однако среди нежелательных качеств женщин для создания семьи русские юноши отметили эгоизм, высокомерие, истеричность, меркантильность. В то время как монгольские – неискренность, лживость, эгоизм, грубость и неуважение к мужу.

Таким образом, мы можем констатировать различие представлений о счастливой семье у российской и монгольской молодежи, особенно относительно примеров для построения семьи, а также ориентаций на желательное количество детей в будущем. Вместе с тем для российской молодежи более важна поддержка семьи, ощущение благополучия семейной жизни, приоритетно выражаемой в поддержке друг друга, любви и гармонии, в полном неприятии грубости и насилия. Основной причиной распада семьи в представлениях российской молодежи является расхождение интересов супругов. В отличие от этой позиции, монгольскую молодежь больше волнует не возникновение взаимных чувств, а материально-финансовый вопрос – наличие жилья, высокой заработной платы, отсутствие чрезмерной ревности супругов друг к другу, факты измен и обмана.

Заключение

Представления российской и монгольской молодежи о семье отличаются относительно примеров для подражания

в ее построении. Монгольская молодежь берет в качестве примера родительскую семью, в то время как российская молодежь в основном опирается на примеры из СМИ. Выявлены выраженные отличия относительно планируемого количества детей в семье: российская молодежь более ориентирована на малодетную семью, монгольская молодежь ориентирована на многодетную семью. Выявлены этнические и гендерные особенности относительно понятия *счастливая семья*: для российских девушек счастливая семья ассоциируется с такими понятиями, как *моя будущая семья, брак на основе любви, малодетная семья*. В то же время для российских юношей *многодетная семья* воспринимается как *счастливая семья*. В сознании монгольских девушек *счастливая семья* ассоциируется с понятиями *моя будущая семья, брак на основе любви, многодетная семья и родительская семья*. Монгольские юноши, так же как и монгольские девушки, *счастливую семью* ассоциируют с понятиями *многодетная семья, брак на основе любви и представлением моя будущая семья*.

Литература

1. Бен-Шахар Т. Научиться быть счастливым. Мн.: Белорусский дом печати, 2009. 240 с.
2. Целуйко В. М. Психология современной семьи. М.: ВЛАДОС, 2004. 129 с.
3. Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. № 1. P. 1105–1117. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
4. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
5. Джидарьян И. А. Представление о счастье в Российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 53 с.
6. Шнейдер А. Б. Семья. Оглядываясь вперед. СПб.: Питер, 2013. 368 с.
7. Докучаева С. О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–45.
8. Дружинин В. Н. Психология семьи. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
9. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки. М.: Институт Гайдара, 2012. 203 с.
10. Kukubayeva A. Kh., Kudryavtseva Y. A. Age and value orientations // European researcher. Series A. 2013. № 3-1. P. 638–644.
11. Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: ИП РАН, 1997. С. 7–37.
12. Авдулова Т. П. Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования. 2011. № 6. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/573-avdulova20.html> (дата обращения: 12.08.2019).
13. Воронцова Ю., Ермолаев В. В. Представления «поколения Z» о своей будущей семье (на примере литовских старшеклассников) // Психолог. 2016. № 1. С. 1–12. DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.16664
14. Трофимова Ю. В. Общепсихологический подход к изучению семьи // Сибирская психология сегодня. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. Вып. 2. С. 93–104.
15. Намжил Т. Гэр бүл: Орчин үеийн асуудлууд. Уланбаатар, 2005. XI дэвтэр.
16. Оюунсүрэн Ж. Аз жаргалтай гэр бүлийн тухай монгол залуучуудын төсөөлөл // Социологи. 2019. № 12. Хууд. 130–134.
17. Оюун-Эрдэнэ Б. Монгол гэр бүлийн бүтэц хэв маяг, харилцааны онцлог, тулгамдаж буй асуудал // Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences. 2012. Vol. 52. № 3. P. 37–49.
18. Карпова В. М., Филиппова Е. В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование. 2013. № 4. С. 84–96.
19. Маленова А. Ю., Самойленкова А. В. Представления о брачно-семейных отношениях студенческой молодежи: социально-психологические риски и ресурсы // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2014. № 1. С. 43–51.
20. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
21. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14.

22. Moscovici S. On Social representations // *Social cognition: Perspectives on everyday understanding* / ed. by H. J. Forgas. L., 1981, P. 181–209.
23. Социальная психология. Практикум / под ред. Т. В. Фоломеевой М: Аспект Пресс, 2009. 480 с.
24. Пахомов А. П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // *Экспериментальная психология*. 2012. Т. 5. № 4. С. 99–116.

Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth

Jargalsaikhan Oyunsuren^{a, @, ID}; Viktor V. Yermolaev^b

^a University of the Humanities, 20, Sukhbaatar Sq., Ulaanbaatar, Mongolia, 14200

^b Moscow Pedagogical State University, 1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119992

@ oyunsuren.j@humanities.mn

ID <https://orcid.org/0000-0001-7815-1122>

Received 08.10.2019. Accepted 19.11.2019.

Abstract: This paper presents an empirical study of representations of Russian and Mongolian youth about a happy family. The research featured 120 young Russian and Mongolian people (age: 18–30). The results were obtained using Charles Osgood's semantic differential method, Sacks and Levy's sentence completion test, and various questionnaires. Factorial, cluster, and qualitative analyses were used to process the results. The study revealed some ethnic and gender differences regarding the concept of "happy family". Russian and Mongolian youth appear to follow different ideal models. For Mongolian youth, a happy family was a "large family" and "parental family". For Russian women, a happy family was one with few children, while for Russian men demonstrated opposite views. Therefore, in contrast to Mongolia, the family institution in Russia is developing modern ideas about a happy family life. Mongolian youth use their parents' family as a model to follow, while Russian young people follow the role models promoted by the media. However, the romantic ideas about marriage were quite similar in both groups.

Keywords: future family, normal family, representation of a happy family, happiness, parental family

For citation: Oyunsuren J., Yermolaev V. V. Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 989–997. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-989-997>

References

1. Ben-Shahar T. *Happier. Learn the secrets to daily joy and lasting fulfillment*. Minsk: Belorusskii dom pechati, 2009, 240. (In Russ.)
2. Tseluyko V. M. *Psychology of the modern family*. Moscow: VLADOS, 2004, 129. (In Russ.)
3. Diener E., Emmons R. A., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985, 49(1): 1105–1117. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
4. Argyle M. *The Psychology of happiness*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 271. (In Russ.)
5. Djidaryan I. A. *The idea of happiness in the Russian mentality*. St. Petersburg: Aleteia, 2001, 53. (In Russ.)
6. Shneyder L. B. *Family: looking forward*. St. Petersburg: Piter, 2013, 368. (In Russ.)
7. Dokuchaeva S. O. The impact of parental family on matrimonial family formation in future generation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2005, (3): 41–45. (In Russ.)
8. Druzhinin V. N. *Family psychology*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 176. (In Russ.)
9. Layard R. *Happiness: Lessons from a New Science*. Moscow: Institut Gaidara, 2012, 203. (In Russ.)
10. Kukubayeva A. Kh., Kudryavtseva Y. A. Age and value orientations. *European researcher. Series A*, 2013, (3-1): 638–644.
11. Abulkhanova K. A. Russian mentality: cross-cultural and typological approaches. *Russian mentality: issues of psychological theory and practice*, eds. Abulkhanova K. A., Brushlinsky A. V., Volovikova M. I. Moscow: IP RAN, 1997, 7–37. (In Russ.)
12. Avdulova T. P. Trends in socialization of teenagers in the context of information preferences. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2011, (6). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011-n-620/573-avdulova20.html> (accessed 12.08.2019). (In Russ.)

13. Voroncova J., Ermolaev V. V. Conception of lithuanian seniors "generation Z" about their future family. *Psychologist*, 2016, (1): 1–12. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-8701.2016.1.16664
14. Trofimova Yu. V. General psychological approach to studying the family. *Siberian psychology today*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, iss. 2, 93–104. (In Russ.)
15. Namzhil T. *Family: modern issues*. Ulanbaatar, 2005, XI notebook. (In Mong.)
16. Oyunsuren J. Representation of Mongolian youth on family happiness. *Sotsiologi*, 2019, (12): 130–134. (In Mong.)
17. Oyuun-Erdene B. The Mongolian family structure is characterized by the style and nature of the relationship. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*, 2012, 52(3): 37–48. (In Mong.)
18. Karpova V. M., Filippova E. V. Perceptions of parental and own future family in adolescence and early adulthood. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2013, (4): 84–96. (In Russ.)
19. Malenova A. Yu., Samoylenkova A. V. Deas of the matrimonial relations of student's youth: social and psychological risks and resources. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2014, (1): 43–51. (In Russ.)
20. Moscovici S. Social views: a historical view. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, 16(1): 3–18. (In Russ.)
21. Moscovici S. Social views: a historical view. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1995, 16(2): 3–14. (In Russ.)
22. Moscovici S. On Social representations. *Social cognition: Perspectives on everyday understanding*, ed. Forgas H. J. L., 1981, 181–209.
23. *Social psychology. Practice*, ed. Folomeeva T. V. Moscow: Aspect Press, 2009, 80. (In Russ.)
24. Pakhomov A. P. The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual. *Experimental Psychology (Russia)*, 2012, 5(4): 99–116. (In Russ.)

Бригадный подход к диагностике и коррекции трудностей обучения в общеобразовательной начальной школе*

Анна В. Плотникова^{a, @}; Жанна М. Глозман^{b, ID}

^a Лицей № 109, 620146, Россия, Екатеринбург, ул. Волгоградская, 376

^b Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

@ anutka7175@yandex.ru

ID <http://www.researcherid.com/rid/J-3057-2012>

Поступила в редакцию 06.09.2019. Принята к печати 09.10.2019.

Аннотация: Представлен анализ возможностей бригадного подхода в сопровождении детей с трудностями в обучении и адаптации в общеобразовательной школе, описаны возможности нейропсихологического подхода в сочетании с бригадным методом работы. Предложены этапы диагностического и коррекционного процесса с учетом специфики массовой общеобразовательной школы. Цель – анализ возможностей применения бригадного метода, основанного на нейропсихологическом подходе в общеобразовательной школе. Описаны 4 этапа диагностического и коррекционного процесса в аспекте реализации бригадного подхода в сопровождении детей с трудностями в обучении. В диагностике использован метод группового и индивидуального нейропсихологического обследования детей с использованием Лурьевской батареи, адаптированной для детского возраста, с количественной оценкой данных; была применена модифицированная методика «Корректирующая проба» и гештальт-тест Бендер. Описан метод многоступенчатой диагностики, адаптированный к условиям массовой общеобразовательной школы. Представлены результаты диагностики с описанием структуры когнитивного дефекта у первоклассников. Дана оценка возможностей применения бригадного метода, основанного на нейропсихологическом подходе в общеобразовательной школе, а также возможностей школы в сопровождении детей группы риска.

Ключевые слова: дети с трудностями в обучении, трудности в поведении, коррекция в школе, диагностическая методика, нейропсихолог в школе, дизадаптация

Для цитирования: Плотникова А. В., Глозман Ж. М. Бригадный подход к диагностике и коррекции трудностей обучения в общеобразовательной начальной школе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 998–1004. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-998-1004>

Введение

В настоящее время в отечественной педагогике и психологии остро стоит проблема обучения и социализации т. н. трудных детей. Это дети с трудностями обучения и адаптации в массовой школе, не готовые к школьному обучению, имеющие проблемы когнитивного, эмоционального и поведенческого характера. Они, как правило, не имеют явных патологий развития и серьезных клинических диагнозов, специалисты психолого-медико-педагогической комиссии рекомендуют им обучение в массовой школе, но на практике, без специально организованного психолого-педагогического сопровождения, такие дети оказываются дизадаптированными уже к окончанию первого класса. Проявлениями школьной дизадаптации являются трудности обучения по программе, соответствующей интеллектуальным способностям ребенка, стойкое нежелание ходить в школу либо отклонения от принятых дисциплинарных норм пребывания в школе [1–3]. В настоящее время количество таких детей неуклонно растет во всем мире, составляя от 15 до 40 %

учеников начальной школы [4–6]. Традиционные методы школьного обучения и психологического сопровождения не приносят должного результата. Ребенку в лучшем случае предоставляется помощь школьного психолога и логопеда, причем не в рамках единого подхода и не с целью повышения уровня адаптивности и преодоления трудностей в обучении, а в дополнение к основному обучению [7–9].

Таким образом, потребность в теоретически обоснованном подходе к вопросам обучения и коррекции детей с трудностями обучения в рамках общеобразовательной школы встает очень остро. Такой подход возможно построить как на основании точных данных об уровне развития каждого ребенка, так и через определение зоны его ближайшего развития, т. е. возможностей и условий коррекционно-развивающих мероприятий [10; 11]. Наилучшим образом эти задачи могут быть реализованы в рамках нейропсихологического подхода [12–14], что обеспечивается появлением в штате многих российских общеобразовательных школ должности школьного нейропсихолога.

* Работа выполнена при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-013-00721.

Нейропсихологический подход позволяет не адаптировать ребенка к школьному процессу, но выявить парциальные отставания в развитии высших психических функций ребенка, вскрыть механизмы трудностей в обучении и поведении, наметить «мишени» психолого-педагогического воздействия и разработать индивидуальный план коррекционно-развивающего обучения в каждом конкретном случае с опорой на сильные стороны развития ребенка [15–18].

Для наиболее полной реализации нейропсихологического подхода в условиях общеобразовательной школы работы только лишь нейропсихолога может оказаться недостаточно. Проблема заключается в самой специфике организации обучения в школе. В связи с реорганизацией и укрупнением школ в параллели одного класса оказывается большое количество детей одного возраста, до 200–250 человек. Это затрудняет этап первичной диагностики и сводит к нулю индивидуализированный подход на первом этапе. Дети, имеющие трудности обучения, практически сразу оказываются дизадаптированными и быстро обнаруживают сопутствующие проблемы, связанные с нарушениями поведения, заниженной самооценкой, сниженной мотивацией к обучению, психосоматическими реакциями. Поскольку количество детей с трудностями обучения в последнее время только растет, то в классе может быть от 30 до 70 % детей, не справляющихся с требованиями обучения. Это влияет на работу и эмоциональное состояние учителя, заставляет либо коренным образом менять подход к обучению детей, либо формирует синдром профессионального выгорания, и качество работы учителя, как и его профессиональная идентичность, начинают страдать. Наилучшим решением данной проблемы является применение бригадного метода в обучении и коррекции детей с трудностями обучения в рамках общеобразовательной школы. Бригадный метод предполагает взаимодействие всех участников процесса адаптации и обучения ребенка (педагога, психолога, нейропсихолога и социального педагога) в рамках единого подхода, направленного на выявление механизмов трудностей, испытываемых ребенком, зоны его ближайшего развития и возможностей построения коррекционно-развивающей индивидуальной программы. Немаловажно участие родителей в реализации этой программы. Внимательное отношение к ребенку, соблюдение всех рекомендаций, участие вместе с ребенком в развивающих занятиях, проводимых в школе, посещение родительских семинаров с целью лучшего понимания и принятия особенностей развития ребенка и активное участие в формировании путей помощи ему.

Нейропсихологический подход предполагает наличие точных данных об уровне развития каждого ребенка, которые выявляются путем использования специальных диагностических методик [19; 20]. В условиях общеобразовательной школы это имеет свою специфику. Методики должны, с одной стороны, быть пригодны для фронтального применения, легки в обработке и интерпретации, а с другой – быть достаточно индивидуализированы и информативны.

В условиях общеобразовательной школы такую задачу представляется возможным разрешить с помощью многоступенчатой диагностики по принципу «сита», имеющего все более мелкий размер ячеек с каждой следующей ступенью. На первом этапе диагностики должны быть применены методики, позволяющие быстро и эффективно выделить группу детей, нуждающихся в дальнейшем обследовании и сопровождении. Это позволяет провести первый этап диагностики в любой школе и быстро получить данные о группе риска в каждом классе, причем психолог для проведения этого этапа может и не обладать специализированной нейропсихологической подготовкой. Затем дети группы риска диагностируются нейропсихологом с помощью индивидуального нейропсихологического обследования с использованием Лурьевской батареи, адаптированной для детского возраста, с количественной оценкой данных [21–23]. После этого для каждого ребенка всеми специалистами совместно разрабатывается индивидуальная программа коррекционно-развивающего обучения, которая включает в себя не только методы нейропсихологической коррекции, но и методы сказкотерапии, игротерапии, семейной психотерапии, специального педагогического и социального воздействия. Немаловажно также оказать консультативную и психологическую помощь педагогу, осуществляющему контакт с детьми большую часть дня. Часть коррекционно-развивающей программы может быть осуществлена в школе, а часть требует направления ребенка в специально организованный коррекционно-развивающий центр, т. к. на данный момент общеобразовательная школа не обладает достаточными ресурсами, чтобы осуществить все ступени коррекционно-развивающей программы в полной мере.

Цель статьи – анализ возможностей применения бригадного метода, основанного на нейропсихологическом подходе в общеобразовательной школе.

Материалы и методы работы

Работа с детьми проводилась в четыре этапа. Этап I – групповое обследование детей, поступивших в первый класс, с целью выявления детей группы риска. Этап II – индивидуальное обследование детей, не набравших достаточного количества баллов на первом этапе. Этап III – реализация коррекционно-развивающей программы с опорой на бригадный метод коррекции. Этап IV – повторное индивидуальное обследование с целью оценки результатов коррекционно-развивающей программы. Исследование проводилось на базе Лицея № 109 г. Екатеринбург. На этапе I принимали участие 202 первоклассника (6–8 лет), на этапе II – 75, на III и IV этапах – 28.

Этап I

1. Была использована и модифицирована методика «Корректурная проба» [20]. Вначале испытуемым была дана инструкция вычеркивать определенную букву. По истечении 1 минуты инструкция менялась – испытуемым нужно

было вычеркивать одну букву и подчеркивать другую. Буквы не повторялись. По истечении второй минуты задание завершалось. Диагностическими критериями являлись:

- усвоение инструкции после ее смены;
- уровень продуктивности внимания после смены инструкции.

Сложностями в усвоении и следовании инструкции мы считали:

- 1) выполнение задания по старой инструкции (вычеркивание 1 элемента);
- 2) смешение старой и новой инструкций;
- 3) неусвоение либо первой, либо второй инструкции, выполнение посторонних действий;
- 4) уход от инструкции – вычеркивание не тех букв.

Уровень продуктивности внимания складывался из показателей точности и темпа выполнения. Диагностическим признаком падения продуктивности мы считали:

- 1) падение показателей точности после смены инструкции более чем на 30 %;
- 2) показатель точности 60 % и ниже как до, так и после смены инструкции;
- 3) падение темпа выполнения более чем на 50 % даже при сохранных показателях точности.

2. Групповое нейропсихологическое обследование детей с использованием Луриевской батареи, адаптированной для детского возраста, с количественной оценкой данных [23]. Использовались следующие пробы:

- графическая проба на динамический праксис «Забор»;
- копирование изображения дома;
- исследование зрительной памяти;
- исследование мышления (проба «четвертый лишний», парные ассоциации).

3. Гештальт-тест Бендер [24]. Каждому испытуемому выдавался бланк, представленный на рис. 1. Предлагалось скопировать изображения максимально точно и в том же порядке, как они представлены на бланке. Временных ограничений не вводилось.

Каждый рисунок оценивался по трем параметрам:

- передача углов;
- ориентация элементов;
- взаимное расположение элементов.

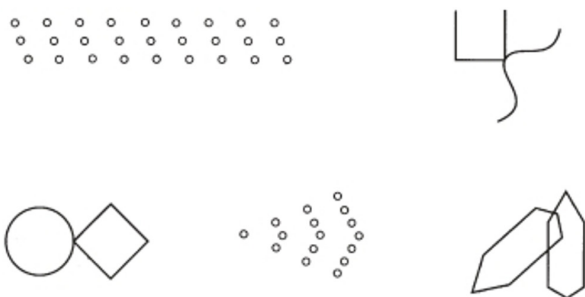

Рис. 1. Фигуры гештальт-теста Бендер
Fig. 1. Bender gestalt test figures

По каждому из параметров выставлялось от 0 до 10 баллов по каждой фигуре. 0 баллов – за максимально полное соответствие образцу, 8–10 баллов – за ошибки персевераторного характера, ротацию фигуры, зазор более 1 мм между элементами фигуры, неполное копирование фигуры, инверсию углов, отсутствие пересечения элементов фигуры. Баллы по каждой фигуре суммировались в общий балл и сравнивались с табличным значением для данного возраста.

Этап II

Индивидуальное нейропсихологическое обследование с использованием Луриевской батареи, адаптированной для детского возраста, с количественной оценкой данных. Каждый ребенок, не набравший необходимого количества баллов на групповом тестировании, проходил комплексное индивидуальное нейропсихологическое обследование [20]. Целью индивидуального нейропсихологического обследования являлась дифференциация тех детей, которые войдут в коррекционно-развивающую программу, осуществляемую в школе, с опорой на бригадный метод работы и детей, нуждающихся в индивидуальной коррекции в специализированном центре. Основным критерием отбора являлась качественная и количественная оценка данных индивидуального нейропсихологического обследования.

К указанным выше пробам обязательно добавлялась структурированная беседа с ребенком с целью выявления его личностных особенностей: адекватности в ситуации обследования, заинтересованности в успехе, эмоциональной стабильности.

Этап III

Коррекционно-развивающая программа строилась с учетом как индивидуальных особенностей развития каждого ребенка, так и особенностей осуществления процесса сопровождения в рамках общеобразовательной школы. Исходя из этого, наиболее результативным методом для решения задач развития и адаптации детей с трудностями в обучении нам представляется метод бригадного подхода. Участниками процесса являются в данном случае педагог, непосредственно обучающий ребенка в классе, психолог, нейропсихолог и социальный педагог. Реализация коррекционно-развивающей программы включает:

1. Для каждого ребенка при участии всех специалистов разрабатывается индивидуальная коррекционно-развивающая программа с учетом зоны его ближайшего развития. В коррекционно-развивающую программу входят занятия в мини-группах по 3–5 человек. Занятия включают:

- курс нейропсихологической коррекции, состоящий из 20 занятий, осуществляемый школьным нейропсихологом. Упражнения подбираются с учетом потребностей ребенка и возможностей осуществления их в рамках школы;
- курс игро- и сказкотерапии, направленный на стабилизацию эмоционального состояния и укрепление

адаптационных возможностей ребенка. Программа разрабатывается и осуществляется школьным психологом;

- курс социально-педагогической коррекции, направленный на поддержание адекватной социальной адаптации ребенка, укрепления уверенности в своих силах, создания ситуации успешности. Разрабатывается и осуществляется школьным социальным педагогом. Длительность и состав курсов определяется для каждого ребенка индивидуально, исходя из данных нейропсихологической диагностики.

2. Профилактическая работа с классами, в которых выявлено наибольшее количество детей с трудностями обучения. Работа ведется сразу со всем классом и включает в себя элементы нейропсихологической и психологической коррекции. Курс состоит из 30 профилактических занятий, разработанных и осуществляемых нейропсихологом и психологом. Занятия включают комплекс групповых игр и упражнений, направленный на развитие функций программирования, регуляции и контроля, некоторых моторных функций и межполушарного взаимодействия, который педагог реализует во время физкультминуток, на переменах, в группе продленного дня, во время прогулки. Разрабатывается нейропсихологом.

Табл. Количество детей группы риска по каждому классу

Tab. Number of children at risk for each class

	1А	1Б	1В	1Г	1Д	1Е	1Ж
Количество детей, требующих особого внимания	10 (36 %)	8 (27 %)	7 (23 %)	9 (31 %)	13 (46 %)	13 (37 %)	15 (50 %)

3. Для педагогов совместно со школьным нейропсихологом и психологом также разрабатывается программа поддержки, которая включает в себя:

- курс обучающихся занятий, где изучаются базовые принципы нейропсихологического подхода к обучению и практические методики, которые педагог может применять в классе. Разрабатывается и реализуется школьным нейропсихологом;
- группа психологической помощи, направленная на решение актуальных психологических проблем, возникающих в работе педагога с классом и в частности с детьми с трудностями в обучении и адаптации. Занятия разрабатываются школьным психологом и включают в себя методы арт-терапии, релаксационные методики, элементы групповой психотерапии.

Этап IV

Повторное индивидуальное нейропсихологическое обследование проводится с каждым ребенком по окончании его коррекционно-развивающей программы с целью определения динамики развития и разработки плана его дальнейшего сопровождения при необходимости.

Результаты

В данной статье описаны результаты только первого этапа исследования. Рассмотрим распространенность отставания в развитии среди детей, поступающих на обучение в первый класс массовой школы (табл.). Количество первоклассников, находящихся в группе риска по возможному развитию трудностей в обучении и адаптации составляет 75 человек, или 37 % от общего количества детей, принятых в первый класс общеобразовательной школы. Кроме того, дети группы риска распределены по классам неравномерно, поскольку у школы не хватает ни временных, ни правовых, ни организационных ресурсов для того, чтобы качественно продиагностировать за короткое время всех поступающих детей. Анализ гендерных и возрастных различий показал, что из 75 детей, попавших в группу риска, – 47 мальчиков и 28 девочек, из них 17 детей в возрасте 6 лет, 22 ребенка в возрасте 8 лет и 36 детей в возрасте 7 лет. Как мы видим из этих данных, количество мальчиков значительно превышает количество девочек. Наибольшее количество детей в возрасте 7 лет, что касается 6- и 8-летних детей, то в первом случае мы можем говорить о незрелости, неготовности к школьному обучению детей 6-летнего возраста, тогда как во втором на первый план уже выступает недостаточность диагностических и коррекционных воздействий за 1–2 года до школы.

Остановимся далее на структуре выявленных когнитивных дефектов, формирующих группу риска будущих трудностей обучения в начальной школе и школьной дизадаптации (рис. 2). Наибольший вклад в структуру когнитивных дефектов вносят уровень продуктивности внимания, способность следовать инструкции и степень сформированности зрительно-моторной координации первоклассников. Мыслительные процессы страдают вторично к этим функциям, ибо сложенная работа этих функций

Рис. 2. Структура когнитивных дефектов у первоклассников
Fig.2. Structure of cognitive defects in first graders

обеспечивается способностью ребенка к произвольной регуляции собственной деятельности, длительному умственному напряжению (нейродинамический фактор), переключению и распределению внимания в условиях высокого темпа работы и является необходимым условием успешности школьного обучения [25–29]. Важно отметить, что именно сочетание недостаточной сформированности нескольких функций сразу вносит наибольший вклад в формирование будущих трудностей в обучении.

Заключение

Возможности применения бригадного метода, основанного на нейропсихологическом подходе в общеобразовательной школе, заключаются, в первую очередь, во взаимодействии всех участников процесса адаптации и обучения ребенка с проблемами развития в рамках единого подхода, а также

реализации диагностических и коррекционно-развивающих задач в сопровождении детей, испытывающих трудности в обучении. Поскольку общеобразовательная школа не обладает на данный момент достаточными ресурсами для осуществления полного цикла нейропсихологической коррекции, то главной задачей школьного нейропсихолога является координация всего процесса сопровождения от диагностики до разработки коррекционно-развивающих программ для детей и обучающих программ для педагогов. При этом следует учитывать специфику первичной диагностики больших групп детей, критерии определения группы риска, оценку возможностей школы в сопровождении детей группы риска и своевременное направление в специализированные центры комплексной нейропсихологической коррекции тех детей, которые в этом нуждаются.

Литература

1. Глозман Ж. М. Нейропсихология детского возраста. 2-е изд. М.: Юрайт, 2017. 268 с.
2. Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста. СПб.: Питер, 2008. 288 с.
3. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИППО, 2017. 202 с.
4. Children with learning problems / eds. Sapir S. G., Nitzberg A. C. N. Y.: Behavioral Publications, 1973. 150 p.
5. Ахутина Т. В. Нейропсихология индивидуальных различий детей как основа использования нейропсихологических методов в школе // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. М.: Изд-во РПО, 1998. С. 201–208.
6. Выготский Л. С. Кризис семи лет // Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4: Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 376–385.
7. Практическая нейропсихология. Опыт работы с детьми, испытывающими трудности в обучении / под ред. Ж. М. Глозман. М.: Генезис, 2016. 336 с.
8. Микадзе Ю. В. Нейропсихологический анализ формирования психических функций у детей // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. М.: Изд-во РПО, 1998. С. 225–231.
9. Марковская И. Ф. Задержка психического развития. Клиническая и нейропсихологическая диагностика. М.: Компенс-центр, 1993. 198 с.
10. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Методология нейропсихологического сопровождения детей с неравномерностью развития психических функций // А. Р. Лурия и психология XXI века: доклады II Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия / под ред. Т. В. Ахутиной, Ж. М. Глозман. М.: Смысл, 2003. С. 181–189.
11. Симеоницкая Э. Г. Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М.: Изд-во МГУ, 1985. 190 с.
12. Hynd G. W., Obrzut J. E. School neuropsychology // Journal of school psychology. 1981. Vol. 19. № 1. P. 45–50.
13. Brain development and cognition: a reader. 2nd ed. / eds. Johnson M. H., Munakata Y., Gilmore R. O. Oxford: Blackwell, 1993. 560 p.
14. Davidson M. C., Amso D., Anderson L. C., Diamond A. Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching // Neuropsychologia. 2006. Vol. 44. № 11. P. 2037–2078. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.02.006
15. Gaddes W. H. An examination of the validity of neuropsychological knowledge in educational diagnosis and remediation // Neuropsychological assessment and the school-aged child: issues and procedures / eds. Hynd G. W., Obrzut J. E. N. Y.: Grune&Stratton, 1981. P. 27–85.
16. Gerstadt C. L., Hong Y. J., Diamond A. The relationship between cognition and action: performance of children 3 1/2-7 years old on a Stroop-like day-night test // Cognition. 1994. Vol. 53. № 2. P. 129–153.
17. Микадзе Ю. В., Корсакова Н. К. Нейропсихологическая диагностика и коррекция школьников. М.: ИнтелТех, 1994. 231 с.
18. Hongwanishkul D., Happaney K. R., Lee W. S. C., Zelazo P. D. Assessment of hot and cool executive function in young children: age-related changes and individual differences // Developmental Neuropsychology. 2005. Vol. 28. № 2. P. 617–644.
19. Лебединский В. В. Проблема развития в норме и патологии // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия / под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной. М.: Изд-во РПО, 1998. С. 193–201.

20. Глозман Ж. М., Соболева А. Е. Нейропсихологическая диагностика детей школьного возраста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Смысл, 2018. 175 с.
21. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / под ред. Т. В. Ахутиной, О. В. Ишанковой. М.: В. Секачев, 2008. 128 с.
22. Менчинская Н. А., Моро М. И. Вопросы методики и психологии обучения арифметике в начальных классах. М.: Просвещение, 1965. 224 с.
23. Глозман Ж. М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 264 с.
24. Лови О. В., Белополюский В. И. Зрительно-моторный гештальт-тест Бендер. М.: Когито-Центр, 2003. 42 с.
25. Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В., Балашова Е. Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении. М.: Педагогическое общество России, 2001. 238 с.
26. Шимамура А. П., Печенкова Е. В. Лобные доли и регуляция познавательной активности // А. Р. Лурия и психология XXI века: доклады II Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А. Р. Лурия / под ред. Т. В. Ахутиной, Ж. М. Глозман. М.: Смысл, 2003. С. 80–90.
27. Filippello P., Buzzai C., Costa S., Sorrenti L. School refusal and absenteeism: perception of teacher behaviors, psychological basic needs, and academic achievement // Front. Psychol. 2019. Vol. 10. P. 57–62. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01471
28. Bailey R., Meland E. A., Brion-Meisels G., Jones S. M. Getting developmental science back into schools: can what we know about self-regulation help change how we think about "no excuses"? // Front. Psychol. 2019. Vol. 10. P. 78–97. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01885
29. Krispenz A., Gort C., Schültke L., Dickhäuser O. How to reduce test anxiety and academic procrastination through inquiry of cognitive appraisals: a pilot study investigating the role of academic self-efficacy // Front. Psychol. 2019. Vol. 10. P. 37–42. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01917

Team Approach to Diagnostic and Correction of Learning Problems in a Public Primary School*

Anna V. Plotnikova ^{a, @}; Janna M. Glozman ^{b, ID}

^a Lyceum No. 109, 37B, Volgogradskaya St., Ekaterinburg, Russia, 620146

^b Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ anutka7175@yandex.ru

ID <http://www.researcherid.com/rid/J-3057-2012>

Received 06.09.2019. Accepted 09.10.2019.

Abstract: The paper presents an analysis of opportunities of a team approach in support of primary school pupils with learning difficulties and maladjustment. It describes the possibilities of neuropsychological approach in conjunction with the team method of work. The authors introduced stages of the diagnostic and remedial process, taking into account the specific features of public primary school. The research objective was to analyze opportunities of team method in a primary school, based on the neuropsychological approach. The diagnostic and remedial process has four stages. For the diagnosis, the authors used age-adapted individual and group neuropsychological assessment of children using Luria's battery, with quantitative evaluation of data, as well as a modified method of "proof-reading test" and Gestalt test by Bender. The authors proposed a multi-stage diagnostic method, adapted to conditions of the public primary school. The results of diagnosis revealed the structure of cognitive disturbances in children. The paper focuses on the application possibilities of the team method, based on the neuropsychological approach in primary school, as well as on the opportunities for schools to support children "at risk".

Keywords: children with learning difficulties, difficulties in behavior, remediation at school, diagnostic method, neuropsychologist at school, disadaptation

For citation: Plotnikova A. V., Glozman J. M. Team Approach to Diagnostic and Correction of Learning Problems in a Public Primary School. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 998–1004. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-998-1004>

* This work was partially supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-013-00721.

References

1. Glozman J. M. *Pediatric neuropsychology*, 2nd ed. Moscow: Iurait, 2017, 268. (In Russ.)
2. Mikadze Y. V. *Pediatric Neuropsychology*. St. Petersburg: Piter, 2008, 288. (In Russ.)
3. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
4. *Children with learning problems*, eds. Sapor S. G., Nitzberg A. C. N. Y.: Behavioral Publications, 1973, 150.
5. Akhutina T. V. Neuropsychology of individual differences of children as the basis for the use of neuropsychological methods in school. *I Intern. Conf. in memory of A. R. Luria*, eds. Khomskaia E. D., Akhutina T. V. Moscow: Izd-vo RPO, 1998, 201–208. (In Russ.)
6. Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 4: Child psychology*. Moscow: Pedagogika, 1984, 376–385. (In Russ.)
7. *Practical neuropsychology. Experience with children with learning difficulties*, ed. Glozman J. M. Moscow: Genezis, 2016, 336. (In Russ.)
8. Mikadze Y. V. Neuropsychological analysis of the formation of mental functions in children. *I Intern. Conf. in memory of A. R. Luria*, eds. Khomskaia E. D., Akhutina T. V. Moscow: Izd-vo RPO, 1998, 225–231. (In Russ.)
9. Markovskaia I. F. *Impaired mental function. Clinical and neuropsychological diagnosis*. Moscow: Kompens-tsentr, 1993, 198. (In Russ.)
10. Akhutina T. V., Pylaeva N. M. Methodology of neuropsychological support for children with uneven development of mental functions. *A. R. Luria and Psychology of the XXI Century: Proc. II Intern. Conf., dedicated to the 100th anniversary of the birth of A. R. Luria*, ed. Akhutina T. V., Glozman J. M. Moscow: Smysl, 2003, 181–189. (In Russ.)
11. Simernickaia E. G. *The human brain and mental processes in ontogenesis*. Moscow: Izd-vo MGU, 1985, 190. (In Russ.)
12. Hynd G. W., Obrzut J. E. School neuropsychology. *Journal of school psychology*, 1981, 19(1): 45–50.
13. *Brain development and cognition: a reader*, 2nd ed., eds. Johnson M. H., Munakata Y., Gilmore R. O. Oxford: Blackwell, 1993, 560.
14. Davidson M. C., Amso D., Anderson L. C., Diamond A. Development of cognitive control and executive functions from 4 to 13 years: Evidence from manipulations of memory, inhibition, and task switching. *Neuropsychologia*, 2006, 44(11): 2037–2078. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2006.02.006
15. Gaddes W. H. An examination of the validity of neuropsychological knowledge in educational diagnosis and remediation. *Neuropsychological assessment and the school-aged child: issues and procedures*, eds. Hynd G. W., Obrzut J. E. N. Y.: Grune&Stratton, 1981, 27–85.
16. Gerstadt C. L., Hong Y. J., Diamond A. The relationship between cognition and action: performance of children 3 1/2–7 years old on a Stroop-like day-night test. *Cognition*, 1994, 53(2): 129–153.
17. Mikadze Y. V., Korsakova N. K. *Neuropsychological diagnosis and correction of schoolchildren*. Moscow: IntelTekh, 1994, 231. (In Russ.)
18. Hongwanishkul D., Happaney K. R., Lee W. S. C., Zelazo P. D. Assessment of hot and cool executive function in young children: age-related changes and individual differences. *Developmental Neuropsychology*, 2005, 28(2): 617–644.
19. Lebedinskii V. V. Normal and pathological developmental problems. *I Intern. Conf. in memory of A. R. Luria*, eds. Khomskaia E. D., Akhutina T. V. Moscow: Izd-vo RPO, 1998, 193–201. (In Russ.)
20. Glozman J. M., Soboleva A. E. *Neuropsychological diagnosis of school children*, 2nd ed. Moscow: Smysl, 2018, 175. (In Russ.)
21. *Neuropsychological diagnosis, examination of writing and reading of primary school students*, eds. Akhutina T. V., Ishankova O. V. Moscow: V. Sekachev, 2008, 128. (In Russ.)
22. Menchinskaia N. A., Moro M. I. *Questions of the methodology and psychology of teaching arithmetic in elementary grades*. Moscow: Prosveshchenie, 1965, 224. (In Russ.)
23. Glozman J. M. *Neuropsychological examination: a qualitative and quantitative assessment of data*. Moscow: Smysl, 2012, 264. (In Russ.)
24. Lovi O. V., Belopolsky V. I. *Bender Hand-held Gestalt Test*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2003, 42. (In Russ.)
25. Korsakova N. K., Mikadze Y. V., Balashova E. Yu. *Unsuccessful children: neuropsychological diagnosis of learning difficulties*. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2001, 238. (In Russ.)
26. Shimamura A. P., Pechenkova E. V. Frontal lobes and regulation of cognitive activity. *A. R. Luria and psychology of the XXI century: Proc. II Intern. Conf., dedicated to the 100th anniversary of A. R. Luria*, eds. Akhutina T. V., Glozman J. M. Moscow: Smysl, 2003, 80–90. (In Russ.)
27. Filippello P., Buzzai C., Costa S., Sorrenti L. School refusal and absenteeism: perception of teacher behaviors, psychological basic needs, and academic achievement. *Front. Psychol.*, 2019, 10: 57–62. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01471
28. Bailey R., Meland E. A., Brion-Meisels G., Jones S. M. Getting developmental science back into schools: can what we know about self-regulation help change how we think about "no excuses"? *Front. Psychol.*, 2019, 10: 78–97. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01885
29. Krispenz A., Gort C., Schültke L., Dickhäuser O. How to reduce test anxiety and academic procrastination through inquiry of cognitive appraisals: a pilot study investigating the role of academic self-efficacy. *Front. Psychol.*, 2019, 10: 37–42. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.01917

Факторы профессионального стресса врачей и возможности повышения адаптивности к ним на этапе обучения в вузе

Маргарита В. Погодаева^{a, @, ID1}, Юлия В. Чепурко^{b, ID2}, Ольга А. Молокова^{c, ID3}

^a Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

^b Иркутский государственный медицинский университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1

^c Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, 664047, Россия, г. Иркутск, ул. Коммунаров, 3

@ margopog@rambler.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-4875-4763>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-8496-3688>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5362-5539>

Поступила в редакцию 11.05.2019. Принята к печати 23.10.2019.

Аннотация: Экстремальность условий и профессиональный стресс врачей обусловлены высоким уровнем ответственности за жизнь других людей, напряженностью и большим объемом работы, сложностью взаимоотношений с пациентами и коллегами, а также рядом факторов производственной среды. Актуальность изучаемой проблемы обусловлена необходимостью сохранения физического и психического здоровья медицинских работников для повышения их адаптивности и устойчивости к экстремальным факторам профессиональной деятельности в условиях повседневного напряжения. Для повышения качества здравоохранения важно не только установить стресс-факторы профессиональной деятельности врача, но и определить условия повышения его адаптивности и стрессоустойчивости. Цель – обоснование возможностей повышения адаптивности будущих медиков на этапе их обучения на основе анализа факторов профессионального стресса у врачей. Стрессовыми факторами выступают ограниченное время приема пациента, несоответствие оплаты труда трудовым затратам, физические нагрузки, общение с эмоционально неуравновешенными пациентами, ночные дежурства, высокий темп работы, высокий уровень ответственности за жизнь и здоровье других людей, неумение и невозможность переключить внимание на другие, кроме рабочих, проблемы, высокие требования к профессиональным характеристикам, предъявляемые пациентами. Обнаружена взаимосвязь адаптивности и стрессоустойчивости у врачей. Возраст и стаж работы не коррелируют с уровнем организационного стресса и уровнем адаптивности. Профиль врачебной деятельности и должность влияют на данные показатели в большей мере, чем возраст. На каждом возрастном этапе и стадии профессионального роста могут появляться специфические стрессоры, но на одних врачей они оказывают более сильное воздействие, на других – более слабое. У 90 % студентов-медиков уже имеет место высокий уровень организационного стресса. Не имея возможности повлиять на большинство факторов, вызывающих стресс у врача, можно наметить пути повышения стрессоустойчивости и адаптивности студентов-медиков, в частности через развитие их ключевых компетенций.

Ключевые слова: стресс-фактор, медицинский работник, студент-медик, выгорание на работе, психическое здоровье, стрессоустойчивость

Для цитирования: Погодаева М. В., Чепурко Ю. В., Молокова О. А. Факторы профессионального стресса врачей и возможности повышения адаптивности к ним на этапе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1005–1013. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1005-1013>

Введение

Профессия врача является одним из самых сложных, психоэмоционально напряженных видов деятельности. Эту деятельность можно отнести к особым по причине несравнимо высокого уровня постоянной ответственности за жизнь других людей, которая лежит на врачах. В настоящее время класс особых условий деятельности сильно приблизился к классу экстремальных условий.

Экстремальный режим в работе врача возникает вследствие увеличения напряженности и темпа работы, высокой ответственности, значительного усложнения задач, многократного возрастания документооборота, дефицита времени на принятие решений, внешних ограничений, возможного снижения внутренних возможностей, высокой цены ошибки и других причин. В этих условиях врач не может удовлетворительно справляться с выполнением профессиональных обязанностей без использования

психофизиологических резервов и наличия навыков саморегуляции [1]. Экстремальные условия профессиональной деятельности сопровождают работу врача-педиатра, хирурга, стоматолога, реаниматолога, врача скорой помощи, акушера-гинеколога и др. [2]. Повышение адаптационного потенциала врача является тем ресурсом, который позволит справиться с профессиональным стрессом и сохранить физическое и психическое здоровье.

Профессиональный стресс и адаптивность

Профессиональный стресс обусловлен высоким уровнем ответственности за жизнь других людей, напряженностью и большим объемом работы, сложностью взаимоотношений с пациентами и коллегами, а также рядом факторов производственной среды, к которым относятся в том числе и организационные вопросы [3; 4]. Значительная часть стрессов в медицинском учреждении возникает из-за неудовлетворенности медперсонала состоянием организационных вопросов трудовой деятельности. Такие стрессы называются организационными. Факторы возникновения организационного стресса очень разнообразны. К. А. Купер и др. выделяют шесть основных групп факторов возникновения стресса на работе: особенности работы, организационные роли, взаимоотношения на работе, работа и карьера, быстро изменяющаяся внешняя среда, взаимосвязь работы и семьи. Возникающее в результате стрессов психическое напряжение может проявлять себя в индивидуально-личностных характеристиках врача и в эффективности взаимодействий *врач – пациент, врач – врач, врач – администрация лечебного учреждения* [5].

Нехватка ресурсов для выполнения работы, рабочая нагрузка, низкий уровень вознаграждения и напряженный, продолжительный рабочий день чаще всего определяются как стрессовые факторы для медицинских работников [6; 7]. Э. М. Зарипова и др. выделяют категорию стрессов, которые обусловлены высокой личностной ответственностью за коллег и подчиненных. Такому стрессу подвержены руководители медицинских учреждений, заведующие отделениями. Следовательно, у лиц с высоким уровнем ответственности в большей мере вероятен стресс-синдром профессионального выгорания [7].

Вопросы профессионального стресса, измерения его уровня, эмоциональное выгорание у врачей обсуждались неоднократно в работах различных авторов [8–11]. Выгорание является распространенным синдромом, наблюдаемым у работников здравоохранения, особенно у врачей, которые подвергаются высокому уровню стресса на работе. Оно включает эмоциональное истощение, деперсонализацию и низкую заинтересованность в профессиональном росте. Профессиональное выгорание проявляется как совокупность симптомов, негативно сказывающихся на работоспособности, профессиональной деятельности, самочувствии и взаимодействии с коллегами и пациентами. В ряде случаев оно является причиной профессиональных ошибок.

В качестве основной причины эмоционального выгорания П. И. Сидоров и А. В. Парняков [12] рассматривают психологическое переутомление, когда требования (внутренние и внешние) длительное время преобладают над ресурсами (внутренними и внешними), что и приводит к нарушению состояния равновесия и возникновению этого синдрома.

Выгорание среди врачей привлекло значительное внимание также из-за негативного влияния, которое оно оказывает на процесс лечения и ухода за больными [13; 14]. Кроме того, у людей экстремальных профессий, к которым мы можем отнести и врача, выявляется комплекс признаков психической дезадаптации: нервно-психические и поведенческие нарушения, нарушения эмоциональной сферы, психосоматические симптомы, низкая психическая устойчивость. Установлено, что наиболее значимыми индивидуально-психологическими факторами психической дезадаптации являются высокий уровень организационного стресса и личностной тревожности, низкий уровень образования и интеллекта, низкий коммуникативный потенциал, использование неадаптивной копинг-стратегии (конфронтации) [15].

В отечественном здравоохранении, по данным В. А. Винокура и О. В. Рыбиной [16], в 1980-х гг. 60 % медицинских работников считали, что их работа сопровождается заметным для них эмоциональным напряжением, в 2004 г. их число возросло: постоянное высокое нервно-психическое напряжение отмечали 74 % врачей и 82 % медицинских сестер. В 2016 г. Н. В. Говорин и Е. А. Бодагова выявили признаки эмоционального выгорания у 67 % респондентов-врачей [17]. Однако и в других странах эмоциональное выгорание в сфере здравоохранения встречается гораздо чаще, чем в основной популяции. Обращает на себя внимание исследование Н. Siril и др., проведенное в Танзании. 73 % медработников сообщили о минимальном стрессе, связанном с работой, или о его отсутствии, 48 % – о хорошей мотивации к работе, почти все (98 %) отметили уверенность, что могут помочь своим пациентам, но вместе с тем 41 % из них чувствуют эмоциональное истощение [18]. Следовательно, проблема высокой напряженности профессиональной деятельности врачей наблюдается даже при прочих относительно благоприятных условиях. Если же происходит их постоянное усложнение, не всегда организационно и социально оправданное, следует ожидать повышение частоты и выраженности эмоционального выгорания медицинских работников.

К усилению выраженности эмоционального выгорания приводят внутрисемейные проблемы [19]. Исследования А. Kruger и С. Bezuidenhout показали, что большинство женщин-врачей предпочли бы работать по гибкому графику и иметь возможность неполного рабочего дня, чтобы сбалансировать семейные обязанности и профессиональную жизнь. Многие из них планируют продолжить свою карьеру за пределами государственного сектора, что, вероятно, объясняет высокую текучесть врачей в нем [20].

Таким образом, причины психоэмоционального напряжения врачей имеют гендерные особенности.

Студенты медицинских вузов также подвержены воздействию специфических стресс-факторов, связанных с высокой ответственностью, большой эмоциональной и физической нагрузкой. М. Е. Rogers и др. пишут, что студенты австралийских медицинских вузов подвержены профессиональному выгоранию уже на этапе обучения. Этот процесс связан с их работой и сопровождается депрессивными симптомами, полностью опосредованными стрессом [21]. Социальное происхождение, черты личности (невротизм и самокритика), стресс в медицинской школе, переутомление, эмоциональное давление, интенсивность работы часто приводят к проблемам с психическим здоровьем у студентов медицинских вузов и молодых врачей [22–25]. В исследованиях С. Reisah с коллегами показано, что уровень адаптивности у пожилых врачей выше, чем у молодых, и, соответственно, ниже их подверженность эмоциональному истощению и психическим заболеваниям. Этот факт пожилые врачи связывают с уроками, извлеченными за годы практики. Это может иметь большое значение для поиска способов более эффективной передачи опыта молодым врачам, чтобы помочь им справиться с профессиональными проблемами [26]. Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова характеризуют профессиональные периоды первых 5 лет работы и после 15 лет работы как наиболее уязвимые в отношении развития эмоционального выгорания и профессионально обусловленных кризисов [27]. Поэтому связь между профессиональным опытом врача, его адаптивностью и стрессоустойчивостью на разных возрастных этапах, возможно, не столь однозначна.

Для повышения качества здравоохранения важно не только установить стресс-факторы профессиональной деятельности врача, но и определить условия повышения стрессоустойчивости и адаптивности.

Под адаптивностью мы понимаем интегральное свойство организма и личности, характеризующее устойчивость, способность противостоять стрессовым факторам. Адаптивность (адаптационный потенциал) в ряде исследований используется в качестве интегративного показателя адаптации. Адаптационный потенциал человека является ресурсом, который позволяет преодолевать стрессы и справляться с жизненными трудностями, приспосабливаться к социальным и физическим стрессам. Он представляет собой сложную многоуровневую структурно-функциональную систему, на каждом уровне регулирования которой действуют физиологические и (или) психологические механизмы. Существует мнение, что выделить универсальную характеристику адаптивности невозможно. В зависимости от конкретных условий одни и те же черты личности, значимые, в частности, для адаптации студентов, могут выступать как в качестве адаптивных, так и дезадаптивных [28]. Определенная профессиональная деятельность также создает эти конкретные условия, позволяя совершенствоваться

адаптивность как интегративное свойство человека путем развития необходимых свойств и качеств личности или же выработки различных стратегий поведения. В этом случае учебно-профессиональная деятельность будущего врача может стать вкладом в развитие его адаптивности и стрессоустойчивости, что требует изучения особенностей этой деятельности на современном этапе.

Цель – обоснование возможностей повышения адаптивности будущих медиков на этапе обучения посредством анализа факторов профессионального стресса у врачей. Базой исследования стали медицинские учреждения г. Иркутск и Иркутской области, Иркутский государственный медицинский университет. В исследовании участвовали 60 врачей (26 мужчин, 34 женщины): 26 врачей районной больницы Братского района Иркутской области (северный район Иркутской области), 10 врачей из районных больниц южных районов Иркутской области (Аларский, Зиминский, Ольхонский, Чунский районы), 24 врача из городских больниц г. Иркутск. Средний возраст – 44,7 лет, средний стаж профессиональной деятельности по указанной специальности – 13 лет. Среди них молодых врачей (стаж менее 3 лет) – 5 человек. Также в исследовании приняли участие 66 студентов I курса педиатрического и лечебного факультетов Иркутского медицинского университета: 52 девушки и 14 юношей, средний возраст 18 лет. Методы исследования: шкала организационного стресса (ШОС) Маклина, адаптированная Н. Е. Водопьяновой [29]; методика оценки эмоционально-деятельностной адаптивности (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов) [30, с. 467]; анкета Описание профессиональной деятельности, разработанная Е. А. Климовым. Достоверность результатов исследования подтверждалась применением статистического метода ранговой корреляции rs Спирмена.

Результаты

Из результатов анкетирования с помощью Анкеты профессиональной деятельности, составленной на основе схемы описания профессиональной деятельности Е. А. Климова, следует, что повышенную ответственность за жизнь и здоровье других людей ощущают 85 % врачей и 94 % студентов-медиков. 15 % врачей и 6 % студентов считают, что у них ответственность средняя или обычная. Приходя в медицинский вуз, молодые люди осознанно подходят к выбору профессии, понимая всю меру ответственности за жизнь и здоровье других людей, которую предполагает данный выбор. Таким образом, этот фактор стресса существует изначально, лишь усугубляясь в конкретных трудовых ситуациях.

Для количественной обработки результатов анкетирования ответам по опроснику *Факторы, вызывающие психологическую напряженность* были присвоены баллы от 1 до 9. Врачи характеризовали свою реальную профессиональную деятельность, а студенты – представления о будущей деятельности. Отметим, что анкета дает возможность студентам еще раз оценить ее особенности.

19 % врачей и 36 % студентов считают, что в профессиональной деятельности врача есть риск для жизни. 27 % врачей и 45 % студентов отмечают в медицинской деятельности фактор сложных аварийных ситуаций. Практически в равном количестве (35 % врачей и 36 % студентов) респонденты отмечают такой фактор, как общение с правонарушителями, психически больными и т. п. Профессиональная деятельность врача имеет четко заданный ритм и темп работы – так считают 42 % врачей и 36 % студентов. К факторам, вызывающим психологическую напряженность, врачи (42 %) относят физические нагрузки, а студенты чаще не выбирают этот фактор, возможно, в связи с отсутствием опыта практической работы. 56 % студентов отметили длительное пребывание в одном положении (против 27 % врачей). Вероятно, студенты, долгое время проводящие в учебном заведении, длительно сидящие за столами, смешивают понятия учебной и врачебной деятельности. 35 % врачей и более половины студентов (56 %) считают, что ночные смены являются причиной психологической напряженности. Относительно малое количество врачей, отметивших этот фактор, объясняется тем, что для многих медицинских работников ночные дежурства – это обычная деятельность. Специфические условия, сопровождающие профессиональную деятельность врача, такие как неприятные запахи, температура, влажность помещения, 42 % врачей и 40 % студентов отмечают как фактор, вызывающий психологическое напряжение. В пункте Другое как фактор студенты (2 %) отметили крик детей, а врачи (27 %) – разных пациентов, состояния пациентов, общение с родственниками пациентов, эмоциональное напряжение пациентов, несоответствие оплаты труда трудозатратам, нереальные нормативы для приема пациента и др. Таким образом, почти треть врачей описали в этом пункте многие факторы, вызывающие у них напряжение, в то время как студенты отметили лишь то, что может вызвать сильное эмоциональное переживание, несмотря на широкое обсуждение и общеизвестность проблем современного отечественного здравоохранения. Реалистично оценивая степень трудности приобретаемой профессии, студенты в большей мере видят их в сфере ее организации, а не отношений, возникающих при взаимодействии в процессе лечебной деятельности.

По вопросу анкеты *Степень проблемности трудовых ситуаций* предлагается выбрать ответы, характеризующие три уровня проблемности: низкий – 1 балл; средний – 2 балла; высокий – 3 балла.

2 % студентов считают, что проблемность трудовых ситуаций находится на низком уровне, т. е. работа четко определена правилами, инструкциями, в ней практически нет новых, неожиданных для работника проблемных ситуаций. Среди врачей таких оценок нет. Средний уровень проблемности трудовых ситуаций отметили 58 % врачей и 36 % студентов. По их мнению, профессиональная деятельность врача достаточно четко определена, но иногда в ней возникают ситуации, требующие принятия новых,

нестандартных решений. Высокий уровень проблемности трудовых ситуаций, когда часто встречаются новые, сложные ситуации, требующие творческой активности и нестандартного подхода, отмечают 42 % врачей и 62 % студентов.

Проблемность профессиональных ситуаций может проявляться и в конфликтах. Источниками конфликтов врачи чаще всего называют непонимание, неадекватность пациента, нежелание больного быть здоровым (в том числе при психологической реверсии), саботаж больным проводимого лечения (низкий комплаенс), недостаточную компетентность врача, неадекватную самооценку, халатность в работе коллег, нарушение этики и деонтологии, недобросовестное отношение к выполняемой работе. У студентов понимание этих проблем может прийти лишь на практике. Серьезность и значимость отмечаемых причин возможных конфликтов в сфере профессиональной медицинской деятельности требует внимания к ним.

Успешность работы любого профессионала зависит от его работоспособности. К факторам снижения работоспособности обе группы респондентов отнесли дефицит времени, усталость, большой объем работы, большой документооборот, стрессовые ситуации, ночные смены, физические и эмоциональные нагрузки; врачи отметили плохой сон, высокую моральную ответственность, профессиональное выгорание.

Анкета позволяет определить личностные качества, способствующие или препятствующие успеху в работе. Среди первых наиболее существенными являются высокая профессиональная компетентность, профессионализм, далее – трудолюбие, человечность, интерес и любовь к работе, внимательность, собранность, быстрота реакции, терпение, внимание и ответственность по отношению к пациенту, коллегам, работе, целеустремленность. Препятствуют профессиональному росту, по мнению врачей (студенты, за редким исключением, не стали отвечать на этот вопрос), противоположные качества: профессиональная некомпетентность, лень, отсутствие интереса и мотивации к работе, неумение слушать других и работать в коллективе, нервозность, халатность, поверхностное отношение к пациентам, низкий интеллект, нежелание брать ответственность на себя, трусливость, лицемерие, недисциплинированность, низкая коммуникабельность, плохое состояние здоровья, неуверенность в себе. Большинство отмеченных личностных качеств, необходимых в повседневной деятельности врача (уверенность, целеустремленность, добросовестность, инициативность, внимательность, ответственность), определяя и готовность к профессиональной деятельности в экстремальных условиях [31].

Обращает на себя внимание тот факт, что молодые врачи оценивают позитивно варианты карьеры для специалиста своего медицинского учреждения при благоприятном стечении обстоятельств, определяют конкретно уровень этого роста (заведующий отделением, заведующий поликлиникой). Врачи с большим стажем профессиональной

Табл. Выраженность параметров стресса и адаптивности у врачей и студентов-медиков, %

Tab. Severity of stress and adaptability parameters in physicians and medical students, %

Анализируемый параметр	Врачи			Студенты медицинского вуза		
	уровень выраженности					
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Уровень стресса	20	30	50	6	12	82
Уровень адаптивности	20	40	40	55; 6 (очень низкий)	34,5	4,5

деятельности видят ее как в росте авторитета, освоении новых знаний и методов лечения, так и в уходе из медицинской профессии.

В таблице отражены результаты диагностики по ШОС Маклина и методики оценки эмоционально-деятельностной адаптивности у врачей и студентов-медиков.

Анализ результатов диагностики показал, что у половины врачей и 82 % студентов-медиков на высоком уровне выявлена восприимчивость к организационному стрессу. Она связана с недостаточным умением общаться (проблемы в отношениях с коллегами и пациентами), принимать ценности других людей, адекватно оценивать ситуацию без ущерба для своего здоровья и работоспособности, негибкостью поведения (высокая степень проблемности рабочих ситуаций) и пассивностью по отношению к активным формам отдыха и восстановления жизненных сил (физические нагрузки). Для студентов-первокурсников это также свидетельство сложности их учебно-профессиональной деятельности и необходимости психолого-педагогической поддержки на этапе адаптации к ней.

Высокий уровень организационного стресса связан с предрасположенностью к поведению типа А (англ. *type A behavior*), которое характеризуется рядом личностных особенностей: постоянное стремление к продвижению по служебной лестнице, настойчивый поиск признания, активное участие в разных видах деятельности, дефицит времени, высокая готовность к действиям, отсутствие ощущения безопасности, высокий темп жизни и ускорение многих физических и психических функций, неспособность к релаксации. Чем более явно выражены в поведении врача личностные особенности, относящиеся к типу А, тем больше предрасположенность к переживанию дистресса и различных стресс-синдромов, в том числе синдрома профессионального выгорания. У студентов-медиков, предрасположенных к такому типу поведения, также высока угроза развития неврозов и срыва психологической адаптации.

У 30 % обследованных врачей обнаружены пограничные показатели организационного стресса, 20 % стрессоустойчивы и имеют толерантность к организационному стрессу. Среди студентов низкие показатели организационного стресса и высокие показатели стрессоустойчивости выявлены только у 6 % обследованных. Другими словами, 80 % врачей и 94 % студентов-медиков находятся в состоянии организационного стресса или приближаются к нему.

У равного числа врачей (40 %) проявляются высокий и средний уровни адаптивности, низкий уровень, соответственно, – у 20 % врачей, очень низкий уровень не выявлен. 61 % студентов имеют низкий и очень низкий уровень адаптивности, и только 4,5 % студентов обладают высоким уровнем адаптивности. Таким образом, способность к адаптации как интегративная способность противостоять повышенным требованиям среды в большей мере характерна для врачей, чем для студентов-медиков.

Оценка связи между исследуемыми показателями методом ранговой корреляции Спирмена показала, что существует статистически значимая взаимосвязь между величиной организационного стресса и уровнем адаптивности $rs = -0,784$, $p < 0,001$, у врачей; $rs = -0,361$, $p < 0,01$, у студентов-медиков. Корреляция оценивалась между рядом эмпирических данных показателей организационного стресса, полученных с использованием методики ШОС, и рядом индивидуальных показателей, полученных при оценке эмоционально-деятельностной адаптивности. Низкие показатели адаптивности способствуют развитию высокого организационного стресса. В то же время чем выше показатели эмоционально-деятельностной адаптивности у врача, тем выше его стрессоустойчивость и толерантность, которая связывается с умением общаться, адекватно оценивать ситуацию без ущерба для своего здоровья и работоспособности, активно и интересно отдыхать, быстро восстанавливая свои силы.

Заключение

Большинство врачей и студентов медицинского вуза испытывают высокий уровень организационного стресса, основными причинами которого являются повышенный уровень ответственности за жизнь и здоровье других людей, высокая напряженность и ритм работы. Психическое напряжение может проявлять себя в эффективности взаимодействия врача с пациентами, коллегами и администрацией, провоцируя развитие конфликтных ситуаций.

80 % врачей имеют высокий или средний уровень адаптивности и успешно справляются с профессиональным стрессом, среди студентов эти показатели значительно ниже. 61 % студентов демонстрируют низкий или очень низкий уровень адаптивности и неустойчивость к воздействию стресса.

Низкая адаптивность к факторам стресса у студентов и молодых врачей связана с отсутствием профессионального и жизненного опыта, недостаточно развитыми компетенциями. В этой связи необходима психолого-педагогическая поддержка на этапе вхождения в новую учебную и профессиональную среду, которая для студентов может быть связана в большей мере с развитием ключевых компетенций. По нашему мнению, их развитие сможет повысить адаптивность к организационному стрессу. Если профессиональные компетенции врача будут последовательно формироваться на всех этапах обучения в вузе и далее совершенствоваться в ходе непрерывного медицинского образования, то уже на начальном этапе вхождения в эту профессию можно проводить превенцию организационного стресса у будущего специалиста.

Результаты исследования уровней выраженности стрессоустойчивости и адаптивности врачей могут быть использованы для разработки антистрессовых мероприятий, программ для студентов медицинских вузов, направленных на коррекцию персональной восприимчивости к организационным стрессам у будущих специалистов. С большой вероятностью позитивным будет обращение к развитию таких ключевых компетенций, как временная и коммуника-

тивная, в частности, связанная со способностью разрешения и управления конфликтами.

Конфликтологическая компетентность врача может базироваться на понимании сущности и наличии некоторых навыков медиации. Привычки разрешения конфликтов к моменту обучения в вузе в большей мере уже сформированы и не всегда направлены на достижение понимания того, что стремится получить каждая из его сторон. Подход же к конфликтам в медиации помогает избегать неконструктивных способов разрешения противоречий.

Высокий темп и ритм работы, дефицит времени, нарушение суточных и околосуточных ритмов при ночных дежурствах, отмечаемые в качестве одного из основных факторов возникновения психоэмоционального напряжения и у врачей, и у студентов, свидетельствуют о необходимости обращения к ресурсам относительного управления временем, развитию временной компетентности (прежде всего при обучении студентов) [32]. Повышение адаптивности студентов путем обращения к развитию различных психологических ключевых компетенций может стать одним из подходов к проблемам возникновения психоэмоционального напряжения и эмоционального истощения у медработников, создавая предпосылки эффективного поведения в сложных трудовых ситуациях.

Литература

1. Милерян Е. А. Психология труда и профессионального образования. Киев: НПП «Интерсервис», 2013. 290 с.
2. Пашенко М. В., Кутапов В. А. К проблеме эмоционального выгорания у врачей // Молодой ученый. 2015. № 23. С. 368–370.
3. Винокур В. А. Синдром профессионального «выгорания» у врачей // Оптимизация больничной среды средствами новых технологий: мат-лы XXXVII науч. конф. СПбМАПО. (Санкт-Петербург, 15 апреля 2004 г.) СПб, 2004. С. 122–124.
4. Felton J. S. Burnout as a clinical entity – its importance in health care workers // Occup. Med. 1998. Vol. 48. № 4. P. 237–250. DOI: <https://doi.org/10.1093/occmed/48.4.237>
5. Купер К. А., Дэйв Ф. Д., О'Драйсколл М. П. Организационный стресс: теории, исследования и практическое применение; пер. с англ. П. К. Власова. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 334 с.
6. Menon A., Munalula B., Glazebrook C. Stress in doctors: a pilot study of the University Teaching Hospital, Lusaka, Zambia // Journal of Psychology in Africa. 2007. Vol. 17. № 1-2. P. 137–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/14330237.2007.10820159>
7. Зарипова Э. М., Петров И. А., Чернавский А. Ф., Чернавский М. А. Организационно-психологические факторы формирования стресс-толерантности в профессиональной деятельности врачей стоматологов // Уральский медицинский журнал. 2016. № 7. С. 68–71.
8. Bhugra D., Bhui K. S., Gupta K. R. Burnout and stress among doctors and dentists in North India // International Journal of Culture and Mental Health. 2008. Vol. 1. № 1. P. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/17542860802102166>
9. Clough B. A., Ireland M. J., March S. Development of the SOSS-D: a scale to measure stigma of occupational stress and burnout in medical doctors // Journal of Mental Health. 2019. Vol. 28. № 1. P. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/09638237.2017.1370642>
10. Wu S. Y., Li H. Y., Wang X. R., Yang S. J., Qiu H. A comparison of the effect of work stress on burnout and quality of life between female nurses and female doctors // Arch. Environ. Occup. Health. 2011. Vol. 66. № 4. P. 193–200. DOI: [10.1080/19338244.2010.539639](https://doi.org/10.1080/19338244.2010.539639)
11. Dyrbye L. N., Thomas M. R., Massie F. S., Power D. V., Eacker A., Harper W., Durning S., Moutier C., Szyldo D. W., Novotny P. J., Sloan J. A., Shanafelt T. D. Burnout and suicidal ideation among U.S. medical students // Ann. Intern. Med. 2008. Vol. 149. № 5. P. 334–341.
12. Сидоров П. И., Парняков А. В. Клиническая психология. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 880 с.

13. Shanafelt T. D., Balch C. M., Bechamps G., Russell T., Dyrbye L., Satele D., Collicott P., Novotny P. J., Sloan J., Freischlag J. Burnout and medical errors among American surgeons // *Ann. Surg.* 2010. Vol. 251. № 6. P. 995–1000. DOI: 10.1097/SLA.0b013e3181bfdab3
14. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // *Annu. Rev. Psychol.* 2001. № 52. P. 397–422. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.397
15. Корехова М. В. Факторы психической дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 24 с.
16. Винокур В. А., Рыбина О. В. Синдром профессионального выгорания у медицинских работников: психологические характеристики и методические аспекты диагностики // *Психодиагностика и психокоррекция* / под ред. А. А. Александрова. СПб.: Питер, 2008. С. 205–235.
17. Говорин Н. В., Бодагова Е. А. Синдром эмоционального выгорания у врачей // *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение.* 2016. № 1. С. 98–106.
18. Siril H., Hirschhorn L. R., Hawkins C., Garcia M. E., Li M. S., Ismail S., Mdingi S. G., Chalamilla G., Fawzi W., Kaaya S. Stress, motivation and professional satisfaction among health care workers in HIV / AIDS care and treatment centers in urban Tanzania: a cross-sectional study // *East Afr. J. Public Health.* 2011. Vol. 8. № 1. P. 17–24.
19. Lee F. J., Stewart M., Brown J. B. Stress, burnout, and strategies for reducing them: what's the situation among Canadian family physicians? // *Can. Fam. Physician.* 2008. Vol. 54. № 2. P. 234–235.
20. Kruger A., Bezuidenhout C. Factors influencing female doctors' career decisions at Tshwane District Hospital, Pretoria // *South African Family Practice.* 2015. Vol. 57. № 1. P. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/20786190.2014.976971>
21. Rogers M. E., Creed P. A., Searle J. Emotional labour, training stress, burnout, and depressive symptoms in junior doctors // *Journal of Vocational Education & Training.* 2014. Vol. 66. № 2. P. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.1080/13636820.2014.884155>
22. Benbassat J., Bauml R., Chan S., Nirel N. Sources of distress during medical training and clinical practice: Suggestions for reducing their impact // *Medical Teacher.* 2011. Vol. 33. № 6. P. 486–490. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.531156>
23. Hays R. B., Lawson M., Gray C. Problems presented by medical students seeking support: A possible intervention framework // *Medical Teacher.* 2011. Vol. 33. № 2. P. 161–164. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.509415>
24. Rogers M. E., Creed P. A., Searle J., Nicholls S. L. Coping with medical training demands: thinking of dropping out, or in it for the long haul // *Studies in Higher Education.* 2016. Vol. 41. № 9. P. 1715–1732. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.999318>
25. Aboalshamat K., Hou X. Y., Strodl E. Psychological well-being status among medical and dental students in Makkah, Saudi Arabia: A cross-sectional study // *Medical Teacher.* 2015. Vol. 37. № 1. P. 75–81. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2015.1006612>
26. Peisah C., Latif E., Wilhelm K., Williams B. Secrets to psychological success: why older doctors might have lower psychological distress and burnout than younger doctors // *Aging Mental Health.* 2009. Vol. 13. № 2. P. 300–307. DOI: 10.1080/13607860802459831
27. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 258 с.
28. Лазарева Л. П. Адаптивность личности как детерминанта душевного здоровья // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2013. № 2. С. 76–80.
29. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 329 с.
30. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 488 с.
31. Поройский С. В., Доника А. Д., Еремина М. В. Врач как субъект экстремальной ситуации: проблема профессиональной готовности // *Кубанский научный медицинский вестник.* 2014. № 3. С. 99–102.
32. Молокова О. А. Развитие временной компетентности как условие сопровождения студентов на этапе адаптации с позиций личностно-центрированного подхода // *Научное мнение.* 2018. № 4. С. 67–73.

Physicians' Occupational Stress: Factors and Teaching Adaptability at Medical Schools

Margarita V. Pogodayeva^{a, @, ID1}; Yulia V. Chepurko^{b, ID2}; Olga A. Molokova^{c, ID3}

^a Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003

^b Irkutsk State Medical University, 1, Krasnogo Vosstaniya St., Irkutsk, Russia, 664003

^c Moscow State Technical University of Civil Aviation (Irkutsk branch), 3, Kommunarov St., Irkutsk, Russia, 664047

@ margopog@rambler.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-4875-4763>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-8496-3688>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5362-5539>

Received 11.05.2019. Accepted 23.10.2019.

Abstract: In medicine, extreme conditions and occupational stress are caused by a high level of responsibility, constant tension, heavy workload, complex relationships with patients and colleagues, etc. Therefore, it is important to preserve the physical and mental health of medical workers in order to increase their adaptability and resistance to extreme factors and everyday stress. To improve the quality of health care, it is important not only to establish stress factors, but also to increase adaptability and stress resistance. The research objective was to outline possibilities for increasing adaptability in medical students based on the analysis of factors of professional stress in medical practitioners. Stress factors include time restrictions, gap between salary and labor effort, physical exhaustion, emotionally unbalanced patients, night shifts, high work rates, high level of responsibility for the life and health of other people, inability to think about anything else but work, and high demands that patients place on medical workers. The study revealed dependence between adaptability and stress tolerance in medical doctors. Age and work experience did not correlate with the level of organizational stress and adaptability. The profile of medical activity and position was found to affect these indicators to a greater extent than age. Specific stressors appeared at any age and career stage, but some practitioners were more vulnerable. 90 % of medical students already demonstrated a high level of organizational stress. Thus, although most of the stressors are unavoidable, it is still possible to outline some ways to increase the stress resistance and adaptability in medical students by developing their professional competencies.

Keywords: stress factor, medical worker, medical student, professional burnout, mental health, stress resistance

For citation: Pogodayeva M. V., Chepurko Yu. V., Molokova O. A. Physicians' Occupational Stress: Factors and Teaching Adaptability at Medical Schools. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1005–1013. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1005-1013>

References

1. Milerian E. A. *Psychology of work and professional education*. Kiev: NPP "Interservice", 2013, 290. (In Russ.)
2. Pashchenko M. V., Kutasov V. A. Emotional burnout in physicians. *Molodoi uchenyi*, 2015, (23): 368–370. (In Russ.)
3. Vinokur V. A. The Syndrome of professional "burnout" in physicians. *Optimization of the hospital environment by means of new technologies*: Proc. XXXVII Sci. Conf. of the St. Petersburg Medical Academy of Postgraduate Studies, St. Petersburg, April 15, 2004. St. Petersburg, 2004, 122–124. (In Russ.)
4. Felton J. S. Burnout as a clinical entity – its importance in health care workers. *Occup. Med.*, 1998, 48(4): 237–250. DOI: <https://doi.org/10.1093/occmed/48.4.237>
5. Cooper C. L., Dewe P. J., O'Driscoll M. P. *Organization stress. A review and critique of theory, research and application*, transl. Vlasov P. K. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr, 2007, 334. (In Russ.)
6. Menon A., Munalula B., Glazebrook C. Stress in the doctors: a pilot study of the University Hospital, Lusaka, Zambia. *Journal of Psychology in Africa*, 2007, 17(1-2): 137–140. DOI: <https://doi.org/10.1080/14330237.2007.10820159>
7. Zaripova E. M., Petrov I. A., Chernavsky A. F., Chernavsky M. A. Organizational-psychological factors of stress tolerance in the professional activity of doctors and dentists. *Uralskii meditsinskii zhurnal*, 2016, (7): 68–71. (In Russ.)
8. Bhugra D., Bhui K. S., Gupta K. R. Burnout and stress among doctors and dentists in North India. *International Journal of Culture and Mental Health*, 2008, 1(1): 24–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/17542860802102166>
9. Clough B. A., Ireland M. J., March S. Development of the SOSS-D: a scale to measure stigma of occupational stress and burnout in medical doctors. *Journal of Mental Health*, 2019, 28(1): 26–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/09638237.2017.1370642>
10. Wu S. Y., Li H. Y., Wang X. R., Yang S. J., Qiu H. A comparison of the effect of work stress on burnout and quality of life between female nurses and female doctors. *Arch. Environ. Occup. Health*, 2011, 66(4): 193–200. DOI: 10.1080/19338244.2010.539639

11. Dyrbye L. N., Thomas M. R., Massie F. S., Power D. V., Eacker A., Harper W., Durning S., Moutier C., Szydlo D. W., Novotny P. J., Sloan J. A., Shanafelt T. D. Burnout and suicidal ideation among U.S. medical students. *Ann. Intern. Med.*, 2008, 149(5): 334–341.
12. Sidorov P. I., Parniakov A. V. *Clinical psychology*. Moscow: GEOTAR-Media, 2010, 880. (In Russ.)
13. Shanafelt T. D., Balch C. M., Bechamps G., Russell T., Dyrbye L., Satele D., Collicott P., Novotny P. J., Sloan J., Freischlag J. Burnout and medical errors among American surgeons. *Ann. Surg.*, 2010, 251(6): 995–1000. DOI: 10.1097/SLA.0b013e3181bfdab3
14. Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout. *Annu. Rev. Psychol.*, 2001, (52): 397–422. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.397
15. Korehova M. V. *Factors of mental maladjustment in specialists of extreme activity profile*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2013, 24. (In Russ.)
16. Vinokur V. A., Rybina O. V. Syndrome of professional burnout in medical workers: psychological characteristics and methodological aspects of diagnosis. *Psychodiagnostics and psychocorrection*, ed. Aleksandrov A. A. St. Petersburg: Piter, 2008, 205–235. (In Russ.)
17. Govorin N. V., Bodagova E. A. The emotional burnout syndrome of doctors. *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obuchenie*, 2016, (1): 98–106. (In Russ.)
18. Siril H., Hirschhorn L. R., Hawkins C., Garcia M. E., Li M. S., Ismail S., Mdingi S. G., Chalamilla G., Fawzi W., Kaaya S. Stress, motivation and professional satisfaction among health care workers in HIV / AIDS care and treatment centers in urban Tanzania: a cross-sectional study. *East Afr. J. Public Health*, 2011, 8(1): 17–24.
19. Lee F. J., Stewart M., Brown J. B. Stress, burnout, and strategies for reducing them: what's the situation among Canadian family physicians? *Can. Fam. Physician*, 2008, 54(2): 234–235.
20. Kruger A., Bezuidenhout C. Factors influencing female doctors' career decisions at Tshwane District Hospital, Pretoria. *South African Family Practice*, 2015, 57(1): 12–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/20786190.2014.976971>
21. Rogers M. E., Creed P. A., Searle J. Emotional labor, training stress, burnout, and depressive symptoms in junior doctors. *Journal of Vocational Education & Training*, 2014, 66(2): 232–248, DOI: <https://doi.org/10.1080/13636820.2014.884155>
22. Benbassat J., Bauml R., Chan S., Nirel N. Sources of distress during medical training and clinical practice: Suggestions for reducing their impact. *Medical Teacher*, 2011, 33(6): 486–490. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.531156>
23. Hays R. B., Lawson M., Gray C. Problems presented by medical students seeking support: A possible intervention framework. *Medical Teacher*, 2011, 33(2): 161–164. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2010.509415>
24. Rogers M. E., Creed P. A., Searle J., Nicholls S. L. Coping with medical training demands: thinking of dropping out, or in it for the long haul. *Studies in Higher Education*, 2016, 41(9): 1715–1732. DOI: <https://doi.org/10.1080/03075079.2014.999318>
25. Aboalshamat K., Hou X. Y., Strodl E. Psychological well-being in Makkah, Saudi Arabia: A cross-sectional study. *Medical Teacher*, 2015, 37(1): 75–81. DOI: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2015.1006612>
26. Peisah C., Latif E., Wilhelm K., Williams B. Secrets to psychological success: why older doctors might have lower psychological distress and burnout than younger doctors. *Aging Mental Health*, 2009, 13(2): 300–307, DOI: 10.1080/13607860802459831
27. Vodopianova N. E., Starchenkova E. S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Piter, 2008, 258. (In Russ.)
28. Lazareva L. P. Personal adaptability as determinant of mental health. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 2013, (2): 76–80. (In Russ.)
29. Vodopianova N. E. *Psychodiagnostics of stress*. St. Petersburg: Piter, 2009, 329. (In Russ.)
30. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Socio-psychological diagnosis in personal development and in small groups*. Moscow: Izd-vo In-ta psikhoterapii, 2002, 488. (In Russ.)
31. Poroysky S. V., Donika A. D., Eremina M. V. The doctor as the subject of an extreme situation: the problem of professional readiness. *Kubanskii Nauchnyi Meditsinskii Vestnik*, 2014, (3): 99–102. (In Russ.)
32. Molokova O. A. Temporal competence development as a condition for supporting students at the adaptation stage in terms of the person-centered approach. *Nauchnoe mnenie*, 2018, (4): 67–73. (In Russ.)

Опыт психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей младшего школьного возраста: методические и нейрофизиологические аспекты

Лариса А. Проскурякова^{а, @}; Татьяна А. Наимова^а

^а Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, 654041, Россия, Новокузнецк, ул. Циолковского, 23

[@] lora-al@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.10.2019. Принята к печати 28.11.2019.

Аннотация: Рассматривается явление ридингфобии, которое характеризуется иррациональным навязчивым страхом перед чтением, мешающим нормальному психоэмоциональному развитию и совершенствованию ребенка, что приводит к негативным последствиям в дальнейшей жизни. Представлен опыт разработки и реализации психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей. Систематически два раза в неделю с шестью учениками 1 класса проводились коррекционные занятия продолжительностью 40 минут. Они длились в течение 3–6 месяцев в зависимости от сложности каждого конкретного случая. Показаны 6 последовательных методических приемов, позволяющих эффективно нивелировать страх чтения: специфические действия совместной направленности психолога-педагога и родителей в условиях доброжелательной атмосферы, персональная работа с ребенком, использование специально подобранных текстов и приемов вовлечения ребенка в процесс чтения, индивидуальный подход к продолжительности занятий. Уделено внимание нейрофизиологическим особенностям данного явления. Определено, что ридингфобия – это боязнь, неприязнь к чтению и книге, которая часто возникает в период младшего школьного возраста. Апробированный опыт результативной коррекции может быть использован в реальной практике учителя начальных классов, при частном психолого-педагогическом консультировании в центрах помощи детям, испытывающим проблемы в обучении.

Ключевые слова: боязнь чтения, психолог-педагог, методология, школьники, успеваемость, психокоррекция

Для цитирования: Проскурякова Л. А., Наимова Т. А. Опыт психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей младшего школьного возраста: методические и нейрофизиологические аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1014–1020. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1014-1020>

Введение

Известно, что в основе процесса обучения детей лежит умение читать. В настоящее время все актуальнее становятся проблемы нечтения детей и взрослых в связи с тенденцией к снижению интереса общества к чтению как познавательному процессу, обусловленной многими причинами: нарастанием внедрения в жизнедеятельность IT-технологий, разрушением традиций семейного чтения, несовершенством методики приобщения детей к чтению в школьном возрасте [1; 2]. Все это может привести к ридингфобии – боязни, неприязни к чтению и книге, которая часто возникает в период младшего школьного возраста, когда начинающий чтец только входит в мир чтения и в учебную деятельность. «Ридингфобия, -и, ж. (англ. *read* – читать + лат. *fobia* – страх, боязнь). Навязчивый страх перед чтением»¹. Ридингфобия как явление до настоящего времени серьезного научного описания в литературе не получила. Первое

осмысление этого понятия дал американский специалист по технике чтения М. К. Джексон, именно поэтому оно получило название *синдром Джексона*. С точки зрения медицины ридингфобия рассматривается как библиофобия: «1. Навязчивый страх книг; 2. любой страх книг, вызванный болезненными причинами»². Медицинское видение ридингфобии и описание способов ее психокоррекции описывает В. В. Невеличук [3]. В Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) ридингфобия должна входить в класс Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99), блок Фобические тревожные расстройства (F40), группу «расстройств, при которых единственным или преобладающим симптомом является боязнь определенных ситуаций, не представляющих текущей опасности»³, хотя в расшифровке болезней этого типа навязчивый страх перед чтением конкретно не называется. Современные подходы к педагогическому

¹ Ридингфобия // Книга – текст – коммуникация. Словарь-справочник новейших терминов и понятий / Ю. В. Щербинина. М.: Форум, ИНФРА-М, 2017. 304 с. Режим доступа: <http://enc.znaniy.com/article/850052> (дата обращения: 10.03.2019).

² Невеличук В. В. Ридингфобия – боязнь книг (чтения) // Претич. Режим доступа: https://pretich.ru/articles.php?article_id=797 (дата обращения: 10.03.2019).

³ Фобические тревожные расстройства (F40) // МКБ 10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Режим доступа: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4238> (дата обращения: 10.03.2019).

осмыслению ридингфобии, способам ее преодоления с точки зрения ценителя книжной культуры представлены в публикации Ю. В. Щербининой, которая рассматривает исторические, социальные корни появления книгобоязни, затрагивает некоторые педагогические, методические аспекты организации работы со страдающими ридингфобией детьми [4].

Проблема страха чтения актуализируется тем, что данное явление оказывает негативное влияние на становление учебной деятельности младшего школьника в целом [5]. Ее естественным следствием является отставание ребенка в школе в связи с нарушением процесса познания мира. Ребенок, боясь читать, не может запомнить информацию, воспроизвести ее смысл, что тормозит становление второй сигнальной системы, и в целом – его психическое развитие. Даже вне ситуаций чтения многие свои действия, ощущения и впечатления он не может выразить словами, не способен объяснить причинно-следственную связь, многие факторы внешнего мира постепенно не находят отражения в его речевых реакциях, т. е. не осознаются и не отражаются во второй сигнальной системе. Ребенок, даже осознавая свой страх, не может объяснить причину его возникновения, бессилён самостоятельно корректировать и менять свое отношение к книге и чтению.

Кроме этого, актуальность проблемы состоит в том, что своевременно заподозрить это явление у обучающихся учитель начальной школы или родители могут не всегда, а именно они становятся свидетелями первых проявлений ридингфобии у начинающего чтеца. Чаще всего страдающего от чтения ученика считают лентяем, педагоги при этом обвиняют родителей в том, что ребенок не готов к школе, через некоторое время страдающий ридингфобией попадает в число неуспевающих и с трудом заканчивает хотя бы 9 классов. Педагог начальной школы, заметив первые проявления ридингфобии у ребенка, должен привлечь внимание родителей, рекомендовать обратиться за профессиональной помощью к квалифицированному специалисту (психологу или психоневрологу) [6].

Однако специалисты очень редко причину неуспешности ученика в обучении видят в боязни читать. Они диагностируют наличие других страхов, дислексию, логопедические проблемы, последствия родовых травм, дефицит внимания, недостатки воспитания и пр. [7; 8]. На ридингфобию, согласно литературным данным, в этом случае никто указывает. В отечественной научной литературе отсутствует описание клинических исследований, посвященных этой проблеме, как таковое [9; 10].

Отсутствие серьезного описания ридингфобии, неразработанность каких-либо четких рекомендаций по работе с детьми требуют осмысления и указывают на необходимость поиска результативных приемов психолого-педагогической коррекции ридингфобии у младших школьников. В связи с этим цель нашего исследования – разработка и внедрение

методических приемов психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей младшего школьного возраста.

Объект и методы исследования

Работа по психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей проводилась на базе Центра развития и социализации детей и подростков «Точка роста» г. Новокузнецк (Центр), куда обращаются родители детей с проблемами в обучении и общении. Проявления ридингфобии у детей были замечены в процессе наблюдения в естественных ситуациях уроков (жалобы учителя и родителей), и в специально организованных психологом-педагогом ситуациях чтения (школьникам на индивидуальном занятии предлагалось прочитать небольшие тексты разной тематики и вступить в беседу на основе прочитанного). Для понимания нейрофизиологических причин возникновения ридингфобии осуществлен теоретический анализ специализированной литературы. После выявления боязни чтения в Центре, ребенок направлялся на консультацию к психиатру и логопеду. На психолого-педагогическую коррекцию брались дети с психологическими причинами возникновения ридингфобии, имеющие медицинское заключение психиатра: «Отсутствие тревожно-фобического расстройства, связанного с нарушением гигиены обучения ребенка» – и логопедического заключения: «Отсутствие дислексии». В течение 10-летней практики зафиксированы 6 случаев ридингфобии (4 мальчика и 2 девочки), выявленные у первоклассников во второй половине учебного года. Психологом-педагогом занятия с детьми, у которых была выявлена ридингфобия, и консультации с их родителями проводились отдельно. Занятия продолжительностью 40 минут велись систематически два раза в неделю в течение 3–6 месяцев, что определялось тяжестью каждого конкретного случая ридингфобии. При этом обязательным условием была вовлеченность родителей в данный коррекционный процесс. Осуществлялась связь со школьным учителем.

Результаты опыта психолого-педагогической коррекции ридингфобии

Теоретический анализ литературы позволил выявить нейрофизиологические причины и проявления ридингфобии у детей. Все фобии имеют примерно одинаковый механизм развития. Установлено, что нейронный механизм взаимодействия нейроанатомических структур при формировании страха представляет собой нарушенную систему реагирования мозга при выполнении охранной функции. При нормальной передаче опасного сигнала по нервным структурам всегда задействована префронтальная кора. Она позволяет осмысленно обрабатывать сенсорный импульс от таламуса, обращается в гиппокамп для определения степени опасности ситуации и принятия осознанного ответного решения относительно дальнейших действий. При зарождении страха (ридингфобии) тревожный

сигнал, инициирующий страх, передается с таламуса сразу в лимбическую систему и гиппокамп, минуя префронтальную кору, что приводит к неадекватному ответу (страху) на несуществующую угрозу [11–13]. Во время проявления ридингфобии у детей изменяется физиологическое состояние организма: повышается пульс, артериальное давление, мышечный термогенез, потоотделение, гиперемия кожных покровов, изменяются речедвигательные функции в сторону спазмирования артикуляционного аппарата и др. При отсутствии своевременной коррекции и терапии ридингфобия может стать условным рефлексом, при котором в коре мозга возникает латентный очаг патологически инертного застойного возбуждения, тормозящий определенные процессы второй сигнальной системы. Индукционно возникающие возбуждающиеся условные рефлексы становятся особенно прочными, незакономерно устойчивыми. Однако общего торможения других участков коры мозга не происходит, и у ребенка может сохраняться критическое отношение к своему состоянию.

Наиболее частым терапевтическим решением в таком случае является работа, направленная на включение в данный механизм передачи сенсорных сигналов префронтальной коры, т. е. настройки диалога между подкорковыми структурами (миндалиной, таламусом и гиппокампом) и корой головного мозга через усиление осознания и внимательности [14]. К основным и наиболее эффективным приемам психоневрологической терапии детей и подростков с фобиями относят десенсибилизацию и метод якорения.

Как любая фобия, ридингфобия возникает внезапно в силу многих психофизиологических и наследственно детерминированных факторов, может быть вызвана нерациональным семейным воспитанием ребенка, имеющего еще незрелые свойства нервных процессов (лабильность, пластичность, инертность) [15]. При этом обязательным условием является пережитое ребенком какое-либо непредсказуемое событие, которое внезапно стало восприниматься им как опасное для жизни и здоровья [16; 17]. Не замеченная вовремя ридингфобия в подростковом возрасте становится первопричиной и составляющей частью других патологий, к примеру, школьной фобии [18–20].

Практическая деятельность психолога-педагога позволила установить, что проявление ридингфобии у ученика может быть разным. Один ребенок может просто избегать ситуаций чтения как предмета своего страха и при этом переживать относительно легкую тревожность, другой может пережить панический страх со всеми вытекающими из этого неблагоприятными симптомами.

Переломным моментом перехода от интереса к чтению как процессу к ридингфобии может стать одна из известных современным педагогам и родителям ситуаций: насильное обучение чтению в раннем дошкольном возрасте; форсирование скорости обучения чтению (когда первокласснику еще не дается секрет слияния букв, а учитель требовательно и жестко командует: «Читай быстрее!»); процедура

проверки сформированности техники чтения, проведенная в некомфортной для ребенка обстановке, когда публично отмечают неуспех ребенка в чтении в т. н. Экранах чтения без учета его типа темперамента (медленно говорящего ребенка нельзя заставить читать быстрее), особенностей развития зрительной памяти, внимания и мышления; общение со «страшной» по содержанию книгой, вызвавшей яркую вспышку отрицательных эмоций у ребенка. Отметим, что первоначально ребенок может хорошо решать математические задачи, сочинять, но постепенно боязнь чтения отрицательно влияет на всю учебную деятельность, в том числе и на то, что было для него ранее успешным. Малыш может легко запомнить буквы, научиться читать по слогам, целыми словами. Трудности обычно начинаются с чтения длинных предложений, небольших текстов. Прочитав их до конца, ребенок не может сказать, что было в начале прочитанного материала. К примеру, для чтения предложен незамысловатый текст: «Маша и Саша готовятся к празднику. Они вырезают снежинки из бумаги и украшают ими елку. Ребята любят Новый год!». Прочитав текст, ребенок не может назвать имен героев, их действия, событие, к которому готовятся дети. Школьник замыкается, молчит, затравленно смотрит на учителя или плачет, пытается спрятаться, часто именно в этот момент просится выйти.

Наблюдение за детьми, имеющими страх чтения, позволило выделить его наиболее характерные психологические проявления: плач, истерика, дезориентация, излишняя двигательная активность, желание спрятаться [21]. Анализ литературы, наблюдение за детьми, десятилетний практический опыт работы психологом-педагогом позволили разработать и реализовать методические приемы психолого-педагогической коррекции, помогающие осторожно и последовательно результативно вводить детей в пугающий мир чтения.

1. Согласованность действий психолога-педагога и родителей. Родителям рекомендуется по-особому внимательно относиться к ребенку в любой ситуации, связанной с чтением. Атмосфера понимания, любви и поддержки, открытая, но неназойливая, демонстрация интереса всех членов семьи к чтению (чтение книг родителями, возрождение традиции семейного чтения, слушание аудиокниг способствуют постепенному возникновению спокойного интереса к общению с книгами. Необходима семейная атмосфера развития и усиления эмоциональных коммуникаций между взрослыми и ребенком. И, наоборот, словесные окрики, одергивания, настойчивое требование от ребенка каждодневного чтения, полное неприятие проблемы родителями приведут к усугублению ситуации, к формированию стойкого отвращения ко всему, что связано с чтением.

2. Проведение индивидуальной работы со страдающим от ридингфобии ребенком психологом-педагогом, без создания публичных ситуаций. На момент коррекционных занятий в классе учитель не должен заставлять ребенка читать в слух, чтобы не вызывать смех и непонимание одноклассников.

Это необходимо для нивелирования у ребенка состояния тревожности в момент приучения его к чтению, чтобы ребенок не ожидал неблагоприятного развития событий.

3. *Уделение особого внимания подбору текстов для работы.* Текст должен иметь яркую сюжетную основу (интересные герои, одно-два события), быть доступным для понимания младшим школьником, простым по структуре (немного абзацев, простые недлинные предложения, четкая их последовательность). Для организации ситуаций чтения подойдут прозаические тексты приключенческой тематики, юмористические детские рассказы. Необходимо помнить, что у ребенка 7–8 лет в регуляции функций организма еще доминирует первая сигнальная система. Поэтому он познает лишь то, что непосредственно вызывает у него непроизвольный интерес, любознательность и вовлечение органов чувств. Очень сложно будет работать с детьми на основе текстов, содержащих описание природы или эмоциональных переживаний человека.

4. *Использование особой методики вовлечения в чтение и в беседу на основе прочитанного.* Психолог-педагог предлагает школьнику прочитать вслух специально подобранный текст: тот обычно читает без труда, сам процесс чтения (озвучивание зрительно воспринимаемых графических знаков) им, как правило, освоен. Далее учитель задает два-три простых вопроса, не связанных с содержанием прочитанного текста (А ты зиму или лето больше любишь? А тебе нравятся пирожки с малиной?). Если ребенок вступает в контакт, отвечает на подобные вопросы, учитель внезапно задает вопрос по прочитанному тексту. Реакция ребенка при этом может быть разной: может ответить (в этом случае учитель вправе задать еще 2–3 вопроса по тексту, а дальнейшая работа полностью зависит от желания ребенка говорить о прочитанном), может замкнуться (такая ситуация возникает чаще, беседа при этом завершается, работа на основе прочитанного откладывается на следующий раз). На очередной встрече учитель предлагает для чтения новый текст, затем втягивает ребенка в беседу по уже представленной схеме. В таком плане работа продолжается до тех пор, пока школьник не будет свободно, без тревоги, вступать в разговор на основе прочитанного. Этот этап является одним из основных, т. к. способствует выработке самых простых форм обучения, таких как привыкание к чтению.

5. *Ответственное отношение к выбору методических приемов чтения.* Целесообразно использовать игровые неожиданные задания на основе чтения: например, можно предложить читать прозаический или поэтический текст, вставляя в него смешные или ненастоящие слова; читать стихотворение по строчкам, которые искусственно образуются из фрагментов стоящих рядом столбцов и т. п. Читать такое смешно, смех сопровождает восторгом, что помогает ребенку преодолевать страх. Можно активнее вовлекать боящихся читать детей в творческую самостоятельную работу по придумыванию своих сказочных историй, созданию своих природных зарисовок, написанию заметок

и кулинарных рецептов. После творческой работы важно предложить ребенку прочитать свой текст (он знаком школьнику, процесс чтения не вызовет в этом случае тревожности), затем попросить пересказать его, не глядя в написанное. Потом педагог-психолог может порекомендовать прочитать другой текст: «А давай прочитаем, какую сказку (рассказ, стих) об этом написал писатель. Какая история тебе больше понравилась?». Даже если ребенок не ответит на последний вопрос, такое общение позволит ему чувствовать себя более уверенным. Целесообразно использовать в работе игровую ситуацию, построенную на основе смены ролей: учитель читает текст, а ученик задает вопросы, спрашивает пересказ. В такой момент дети осознают свои чувства как бы со стороны. Потом роли меняются, работа продолжается в привычном режиме.

6. *Учет факта, что ждать быстрых положительных результатов не стоит.* Продолжительность коррекции зависит от индивидуальных особенностей ребенка, степени проявленности ридингфобии, кропотливой, настойчивой индивидуально организованной, согласованной работы психолога-педагога и родителей.

Проведенная психологом-педагогом работа по нивелированию страха чтения у первоклассников, построенная на основе использования описанных выше приемов, постепенно приводила к заметным положительным результатам, конкретные проявления которых зависели от первоначальной степени выраженности ридингфобии у каждого ребенка. К примеру, Эдик Л., очень боящийся читать, включался в работу сложно. Первые занятия приходилось быстро сворачивать, ребенок на контакт на основе чтения не шел. После применения методики совместного чтения-рассматривания книги приключенческого содержания проявил интерес к сюжету произведения, стал осторожно пересказывать прочтенное педагогом, но читать сам желания не проявлял. Первые положительные сдвиги стали заметны после применения приема *сравни иллюстрацию с подписью к ней*: сначала беседа велась на основе рисунка, потом предлагалось соотнести его с фразой из текста. Рисунок помогал осознавать прочитанное, снимал страх непонимания написанного в книге: каждое слово и фраза в целом были ребенком восприняты. После этого психолог-педагог предлагал придумать свое окончание этой истории. Затем на разных занятиях применялись описанные выше приемы: смена ролей, особая беседа на основе прочитанного с переключением вопросов (поначалу не всегда успешная, впоследствии приводящая к робкому обсуждению прочитанного), творческие и игровые задания. Особо подбирались тексты: небольшие, яркие по сюжету, интересные для мальчика-первоклассника, сопровождаемые иллюстрациями. Постепенно (усиленная работа шла в течение четырех месяцев) ребенок стал спокойнее относиться к ситуации чтения, стал сам читать медленно, пытаясь по заданию учителя ставить вопросы к тексту или отвечая на вопросы психолога-педагога, хотя особого

интереса к чтению не проявлял. Родители, понимающие и принимающие цель проводящейся работы, отмечали, что в школе ребенок стал более уверенным, перестал избегать ситуаций чтения и прятаться от них, хотя долгое время еще относился к ним с опаской. Занятия с ребенком продолжались, психолог-педагог постепенно вводил мальчика в чтение художественных, учебно-научных текстов, в мир чтения. Ребенок благодаря внимательному отношению родителей, особой работе с психологом-педагогом перестал бояться читать и стал проявлять заметные успехи в учебной деятельности.

Подобные качественные изменения в ситуациях общения с книгой происходили у всех 6 детей. Все школьники вошли в мир чтения. У каждого был свой темп вхождения, свои проявления первых успехов, у некоторых – даже чередования с неудачами, свой отклик на разные приемы работы психолога-педагога, но все дети, с которыми проводилась работа, перестали испытывать страх перед чтением, стали лучше учиться в школе, а некоторые даже проявлять интерес к чтению произведений определенной тематики.

К качественным характеристикам произошедших изменений, которые могли бы свидетельствовать об эффективности реализации разработанных методических приемов психолого-педагогической коррекции страха чтения у ребенка, можно отнести спокойное отношение к процессу чтения, отсутствие ситуаций избегания чтения, самостоятельное медленное чтение без страха, понимание смысла прочитанного текста, появление более уверенного поведения при выполнении домашнего задания (по словам родителей), улучшение успеваемости в школе (засвидетельствовано школьным учителем).

Заключение

В настоящее время в доступной литературе явление ридингфобии не получило широкого внимания в кругу психологов

и педагогов в связи с тем, что является редким и не распространенным, часто остается не замеченным родителями из-за незнания о таком явлении, и школьными учителями, в силу большой профессиональной занятости в современных условиях существования средней общеобразовательной школы [22–24].

В медицинской практике врачи-психиатры работают с детьми, имеющими психические расстройства и расстройства поведения: фобические и тревожные. В логопедической практике терапевтическая поддержка оказывается детям с нарушениями корковых речевых центров – дислексиками. Младшие школьники, испытывающие страх перед чтением (книгой) в результате несоответствия (завышения) требований родителей и учителя реальным возрастным психофизиологическим возможностям ребенка, остаются без помощи взрослых, которую может оказать психолог-педагог. Отсутствие методических подходов к психолого-педагогической коррекции боязни чтения у младших школьников потребовало разработать методологию работы с данным явлением, включающую шесть результативных психолого-педагогических приемов, помогающих детям читать без страха.

На фоне актуализации проблемы боязни чтения у детей предлагаемый успешно апробированный опыт десяти лет работы по психолого-педагогической коррекции ридингфобии является одним из вариантов эффективной терапии и может быть использован в реальной практике, а также при частном психолого-педагогическом консультировании в центрах помощи детям, испытывающим проблемы в обучении.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за сотрудничество специалистам Центра развития и социализации детей и подростков «Точка роста».

Литература

1. Налимова Т. А. Воспитание грамотного читателя в младшем школьном возрасте. Барнаул: Колмогоров И. А., 2017. 140 с.
2. Столяров Ю. Н. Коллективные монографии о чтении: аналитический обзор // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4. С.182–195.
3. Невеличук В. В. Ридингфобия // Здоровье. 1991. № 10. С. 8–9.
4. Щербинина Ю. В. Бойся книг, домой приходящих // Знамя. 2015. № 8. Режим доступа: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2015/8/12ch.html> (дата обращения: 10.03.2019).
5. Борисова И. В. Взаимосвязь школьной тревожности и мотивации учебной деятельности на этапе адаптации к обучению в 5-х классах // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 22–28. DOI: 10.17759/pse.2018230503
6. Кириллова Е. В. Профилактика трудностей овладения чтением и письмом у детей с неврологической симптоматикой // Детская и подростковая реабилитация. 2010. № 1. С. 41–45.
7. Гольева Г. Ю. Исследование психолого-педагогической коррекции страхов у детей младшего школьного возраста // Концепт. 2015. № 2. С. 116–120. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/15048.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
8. Гузанова Т. В. Проблема метода психологического изучения школьных страхов учащихся начальных классов // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 91–96.
9. Кочетова Ю. А. Страхи современных дошкольников и их связь с особенностями детско-родительских отношений // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 77–87.
10. Менделевич В. Д., Соловьева С. Л. Неврология и психосоматическая медицина. М.: МЕДпресс-информ, 2002. 607 с.

11. Потупчик Т. В., Эверт А. С., Мирошниченко Е. В., Паничева Е. С. Характеристика и факторы риска дезадаптации и нервно-психических расстройств у детей первого года обучения в школе // Профилактическая медицина. 2014. № 6. С. 45–50. DOI: 10.17116/profmed201417645-50
12. Gloor P. Generalized cortico-reticular epilepsies. Some considerations on the pathophysiology of generalized bilaterally synchronous spike and wave discharge // *Epilepsia*. 1968. № 9. P. 249–263. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1968.tb04624.x
13. Gloor P., Avoli M., Kostopoulos G. Thalamocortical relationships in generalized epilepsy with bilaterally synchronous spike-and-wave discharge // *Generalized epilepsy: neurobiological approaches* / eds. M. Avoli, P. Gloor, G. Kostopoulos, R. Naquet. Birkhauser, Boston, MA, 1990. P. 190–212. DOI: 10.1007/978-1-4684-6767-3_14
14. Цветков Е. А., Краснощекова Е. И., Веселкин Н. П., Харазова А. Д. Амигдала: нейроанатомия и нейрофизиология страха // *Ж. эвол. биохим. и физиол.* 2015. Т. 51. № 6. С. 406–418.
15. Тарасова С. Ю., Осницкий А. К. Психофизиологические и поведенческие показатели школьной тревожности // *Психологическая наука и образование*. 2015. Т. 20. № 1. С. 59–68. DOI: 10.17759/pse.2015200107
16. Горьковая И. А. Страхи у детей и их преодоление // *Педиатр*. 2014. Т. 5. № 3. С. 128–133. DOI: 10.17816/PED53128-133
17. Фромм А. Азбука для родителей: как договориться с ребенком в любой ситуации / пер. И. Константиновой. М.: АСТ Прайм, 2017. 382 с.
18. Головина А. Г. Школьная фобия в структуре социофобических феноменов у подростков // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина*. 2009. № 4. С. 666–670.
19. Рудомазина В. М. Современная картина проявления тревожности у детей младшего школьного возраста // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2016. Т. 8. № 1. С. 76–85. DOI: 10.17759/psyedu.2016080107
20. Старовойтова М. С. Психологический синдром школьной неуспешности: теория и практика работы. Саратов: Вузовское образование, 2018. 103 с.
21. Кочетова Ю. А. Психологическая коррекция детских страхов // *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2012. № 1. Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/2789.phtml> (дата обращения: 14.03.2019).
22. Ковалевская А. А. Страхи детей младшего школьного возраста и способы их психокоррекции // *Приволжский научный вестник*. 2014. № 2. С. 176–179.
23. Панфилова М. А. Страхи в домиках. Диагностика страхов у детей и подростков // *Школьный психолог*. 1999. № 8. С. 10–12.
24. Шишова Т. А. Страхи – это серьезно. Как помочь ребенку избавиться от страхов. М.: Искатель, 1997. 92 с.

Pedagogical Correction of Reading Phobia in Primary School Pupils: Methodical and Neurophysiological Aspects

Larisa A. Proskuryakova^{a,*}; Tatiana A. Nalimova^a

^a Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, Russia, 654041

* lora-al@yandex.ru

Received 28.10.2019. Accepted 28.11.2019.

Abstract: The research featured the phenomenon of the so-called reading phobia, which is characterized by an irrational obsessive fear of reading that interferes with the normal psycho-emotional development of the child, thus affecting their entire life. The paper introduces a new method of pedagogical correction of reading phobia in children of primary school age. The experiment involved six first-graders (four boys and two girls). They received correctional 40-minute classes twice a week for 3–6 months, depending on the complexity of each particular case of reading phobia. The authors developed six consecutive teaching methods: teamwork of the teacher, the psychologist, and the parents in a friendly atmosphere; face-to-face work with the child; use of specially selected texts and methods of involving the child in the reading process; individual approach to the duration of classes, etc. The paper focuses on the neurophysiological characteristics and etiology of reading phobia. Reading phobia is described as a fear of reading instilled by adults, which often affects primary schoolers. The article also contains a list of negative effects of mental development and socialization that children with reading phobia are bound to face if they receive no special therapy. The developed method can be used by primary school teachers and psychologists.

Keywords: fear of reading, psychologist-teacher, methodology, school pupil, academic performance, psychocorrection

For citation: Proskuryakova L. A., Nalimova T. A. Pedagogical Correction of Reading Phobia in Primary School Pupils: Methodical and Neurophysiological Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1014–1020. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1014-1020>

References

1. Nalimova T. A. *How to encourage young school-age children to read*. Barnaul: Kolmogorov I. A., 2017, 140. (In Russ.)
2. Stoliarov Iu. N. Multi-authored monographs on reading: analytical review. *Culture and Arts Herald*, 2017, (4): 182–195. (In Russ.)
3. Nevelichuk V. V. Riding phobia. *Zdorove*, 1991, (10): 8–9. (In Russ.)
4. Shcherbinina Yu. V. Beware of books that come to your home. *Znamia*, 2015, (8). Available at: <http://www.zh-zal.ru/znamia/2015/8/12ch.html> (accessed 10.03.2019). (In Russ.)
5. Borisova I. V. Adaptation in students of 5th classes: relationship between school anxiety and learning motivation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2018, 23(5): 22–28. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2018230503
6. Kirillova E. V. Prevention of complications with reading and writing in children with neurological problems. *Detskaia i podrostkovaia reabilitatsiia*, 2010, (1): 41–45. (In Russ.)
7. Golieva G. Y. A study of psycho-pedagogical correction fears in children of primary school age. *Koncept*, 2015, (2): 116–120. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/15048.htm> (accessed 10.03.2019). (In Russ.)
8. Guzanova T. V. Exploring school fears in primary school children: the problem of method. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2008, (2): 91–96. (In Russ.)
9. Kochetova Y. A. Fears of modern pre-schoolers and their connection with peculiarities of child-parent relations. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2012, (3): 77–87. (In Russ.)
10. Mendelevich V. D., Soloveva S. L. *Neurosisology and psychosomatic medicine*. Moscow: MEDpress-inform, 2002, 607. (In Russ.)
11. Potupchik T. V., Evert L. S., Miroshnichenko E. V., Panicheva E. S. The characteristics and risk factors of maladaptation and neuropsychiatric disorders in first-year schoolchildren. *Profilakticheskaya meditsina*, 2014, (6): 45–50. (In Russ.) DOI: 10.17116/profmed201417645-50
12. Gloor P. Generalized cortico-reticular epilepsies: some considerations on the pathophysiology of generalized bilaterally synchronous spike and wave discharge. *Epilepsia*, 1968, (9): 249–263. DOI: 10.1111/j.1528-1157.1968.tb04624.x
13. Gloor P., Avoli M., Kostopoulos G. Thalamocortical relationships in generalized epilepsy with bilaterally synchronous spike-and-wave discharge. *Generalized epilepsy: neurobiological approaches*, eds. Avoli M., Gloor P., Kostopoulos G., Naquet R. Birkhauser, Boston, MA, 1990, 190–212. DOI: 10.1007/978-1-4684-6767-3_14
14. Tsvetkov E. A., Krasnoschekova E. I., Veselkin N. P., Kharazova A. D. Amygdala: Neuroanatomy and neurophysiology of fear. *J. Evol. Biochem. Physiol.*, 2015, 51(6): 406–418. (In Russ.)
15. Tarasova S. Yu., Osnitsky A. K. Physiological and behavioral indicators of school anxiety. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2015, 20(1): 59–68. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2015200107
16. Gorkovaya I. A. Fears among children and overcoming them. *Pediatrician*, 2014, 5(3): 128–133. (In Russ.) DOI: 10.17816/PED53128-133
17. Fromme A. *Alphabet for parents: how to negotiate with the child*, tr. by Konstantinova I. Moscow: AST Praim, 2017, 382. (In Russ.)
18. Golovina A. G. School phobia in the structure of social phobic phenomena adolescents. *RUDN Journal of Medicine*, 2009, (4): 666–670. (In Russ.)
19. Rudomazina V. M. Contemporary picture of anxiety manifestations in children of primary school age. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2016, 8(1): 76–85. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2016080107
20. Staroverova M. S. *The psychological syndrome of school failure: theory and practice*. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2018, 103. (In Russ.)
21. Kochetova Yu. A. Psychological correction of children's fears. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2012, (1). Available at: <http://psyedu.ru/journal/2012/1/2789.phtml> (accessed 14.03.2019). (In Russ.)
22. Kovalevskaya A. A. Fears primary school children and methods of their psychocorrection. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, (2): 176–179. (In Russ.)
23. Panfilova M. A. Fears in the house. Diagnosis of fears in children and adolescents. *Shkolnyi psikholog*, 1999, (8): 10–12. (In Russ.)
24. Shishova T. L. *Fears are serious. How to help your child get rid of fears*. Moscow: Iskatel, 1997, 92. (In Russ.)

Типология поведения молодежи в ситуациях с коррупционной составляющей

Юлия В. Стеклова^{a, @, ID}; Елена А. Петрова^b

^a Российский университет кооперации, 141014, Россия, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30

^b Российский государственный социальный университет, 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1

@ keyzerova.y@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6830-7285>

Поступила в редакцию 15.08.2019. Принята к печати 24.09.2019.

Аннотация: Статья посвящена проблеме изучения восприятия феномена коррупции современной российской молодежью. Актуальность изучения данной темы обусловлена повсеместным характером этого явления и недостаточным количеством исследований в социально-психологическом ключе. В статье идет речь о выявлении преобладающего типа поведения личности в различных жизненных ситуациях. Все ситуации, которые рассматривались в исследовании, с большой долей вероятности связаны с возможностью возникновения коррупционной составляющей в поведении молодых людей, т. е. имеют коррупционный подтекст. Описываются результаты трех серий исследования, которые были проведены в 2018–2019 годах. Данное исследование, построенное на применении проективной методики, в очередной раз демонстрирует важность и целесообразность изучения особенностей восприятия феномена *коррупция* современной молодежью. Новизна заключается в выявлении доминирующего типа поведения молодежи в жизненных ситуациях, которые носят коррупционный подтекст. Данные, полученные в результате исследования, свидетельствуют, что примерно половина опрошенных молодых людей убеждены в своей честности, менее половины опрошенных допускают свое участие в коррупции (в зависимости от ситуации) и лишь небольшой процент молодежи можно отнести к категории подверженных участию в коррупции.

Ключевые слова: восприятие коррупции, отношение к коррупции, коррупция, коррупционная ситуация, проективная методика, корреляционный анализ

Для цитирования: Стеклова Ю. В., Петрова Е. А. Типология поведения молодежи в ситуациях с коррупционной составляющей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1021–1029. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1021-1029>

Введение

Коррупция в настоящее время носит повсеместный характер, оказывая влияние не только на масштабные общегосударственные процессы, но и на трансформацию сознания людей. Это обусловлено влиянием событий, происходящих в обществе, и средств массовой информации, которые их освещают [1; 2]. В зону этого влияния, конечно, попадает молодежь в силу того, что эта социально-возрастная группа обладает специфическими особенностями, такими как юношеский максимализм, неприятие советов и наставлений, противоречивый характер, реформаторские мысли и идеи, специфичная культура, противопоставление себя всем вокруг, стиль поведения, ценности и др.

Современная психологическая наука, обращаясь к феномену коррупции, выделяет ряд проблем, которые следует изучать [3–8], к ним относятся: генезис феномена коррупции, его онтогенез, его исторический и социально-психологический генезис [9], психология коррумпированных и коррумпированных [10–12], а также изучение отношения общества к коррупции [13–15], т. е. наблюдается достаточно широкий спектр проблем для изучения. Но в то же время

психологических исследований недостаточно для решения многих научных проблем. Получается, что, с одной стороны, в обществе остро стоит проблема коррупции, а с другой – психологическая наука лишь частично включена в решение этого вопроса и поднимает только отдельные проблемы, а исследований, направленных на разработку центрального механизма противодействия коррупции в социально-психологическом русле, практически не существует.

Имеющиеся исследования в рамках психологической науки не дают однозначного ответа на вопрос о генезисе восприятия коррупции и о том, как именно воспринимается этот феномен современным поколением молодежи [16; 17]. Таким образом, мы можем говорить о существующем противоречии между имеющимися научными знаниями и практической значимостью действительного восприятия коррупции современной молодежью.

По словам М. М. Решетникова, «никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены одновременно на внутренние детерминанты человеческой активности» [18]. К актуальности социально-психологического

изучения коррупции необходимо отнести тот факт, что данный феномен оказывает влияние на личные и общественные взгляды, формирует моральные и нравственные установки в современном обществе [19–22]. И из-за формирования этих самых установок в условиях повсеместной коррупции происходит деформация в системе ценностей и подмена понятий в социальных нормах.

Методы

С целью изучения особенностей поведения при помощи экспертов (7 социальных психологов со стажем работы не менее 5 лет) была создана технология, состоящая из 12 типичных жизненных ситуаций, в которые может попасть любой современный молодой человек. Данные ситуации с большой долей вероятности, по мнению экспертов, связаны с возможностью возникновения коррупционной составляющей в поведении молодых людей. Помимо экспертного мнения в основу кейса ситуаций легли результаты наших предыдущих исследований о коррупции [23–26]. Оценивание каждой ситуации предполагалось с позиции т. н. *нормального молодого человека* (далее – НЧ), а не от первого лица.

К каждой ситуации испытуемый должен был предложить свое решение и записать его в свободной форме. Помимо описания ситуаций в кейсе были задействованы рисунки, иллюстрации к каждой ситуации. Чтобы не нагружать респондентов дополнительной смысловой нагрузкой, было принято решение сделать иллюстрации максимально простыми, содержащими минимальную информацию. Каждая иллюстрация содержит главного персонажа (мужского или женского пола), его образ остается неизменным на каждой картинке. Также на иллюстрации изображен какой-либо другой действующий персонаж в зависимости от ситуации. В инструкции к каждой ситуации подчеркивалось, что речь идет о нормальном современном молодом человеке. Однако, можно предположить, что ответы испытуемых будут носить проективный характер.

Благодаря этому существует возможность раскрыть субъективные причины поведения человека [27–29] ввиду того, что зачастую причины неосознанны и не поддаются пониманию. Коррупция – это противоправное явление, и вопросы, заданные прямо, чаще всего не дают ответов, отражающих действительное положение вещей. Вдобавок к этому реальное положение вещей может и не осознаваться человеком, т. к. может быть скрыто от сознания при помощи психологической защиты. «Функцией психологической защиты является ограждение сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний»¹. Проективные методики позволяют обхитрить сознание человека и обойти психологическую защиту, а следовательно, может проявиться реальное отношение человека к коррупции.

Для того чтобы исключить испытуемых с высокой степенью социально желаемых ответов, мы добавили в опросные

листы шкалу Д. Крауна и Д. Марлоу [30] для диагностики мотивации одобрения (шкала социальной желательности). Был использован русскоязычный сокращенный вариант, состоящий из 20 утверждений.

Первая серия исследования

В задании первой серии были предложены следующие ситуации.

1. Безбилетный проезд

НЧ сел в поезд дальнего следования «зайцем». После отправления поезда проводник обнаружил отсутствие проездного билета у НЧ. Как, на Ваш взгляд, в этой ситуации должен поступить НЧ?

2. На дороге

Представьте ситуацию, что на дороге НЧ остановил инспектор ДПС и говорит, что тот нарушил правила дорожного движения, при этом он предъявляет доказательства – фото / видео, на которых видно, как НЧ обгоняет другую машину через сплошную (вероятно НЧ не успел совершить обгон, пока была прерывистая линия). НЧ грозит уплата штрафа и лишение права управлять автомобилем на несколько месяцев. Каким Вы видите решение этой ситуации?

3. Экзамен

НЧ необходимо сдать экзамен, но преподаватель сказал, что будет его принимать только после того, как НЧ купит его учебник. Если НЧ не сможет сдать экзамен, то его, скорее всего, отчислят. Стоимость учебника 3500 руб. Как, на Ваш взгляд, в этой ситуации должен поступить НЧ?

4. ВИЧ-инфицированный

На плановом медицинском осмотре НЧ сказали, что он является ВИЧ-инфицированным. Он понимает, что это определенное клеймо на всю жизнь, если кто-нибудь из его друзей или знакомых узнает об этом страшном диагнозе. НЧ считает, что его болезнь не принесет никому вреда, потому что он знает, как себя вести. Чтобы не вешать на себя это клеймо, можно приобрести поддельную справку о состоянии своего здоровья (где не будет указан этот диагноз). Как, на Ваш взгляд, в этой ситуации должен поступить НЧ?

5. Бизнес

НЧ решает заняться бизнесом без оформления ИП или юридического лица, потому что это сложно и занимает много времени. В момент осуществления своей деятельности его задерживает полиция. Как поступит НЧ в этой ситуации?

6. Повестка в армию

НЧ пришла повестка в армию. Желания служить нет, потому что жизнь распланирована по-другому. Как, на Ваш взгляд, в этой ситуации должен поступить НЧ?

7. Нарушение правопорядка

НЧ на улице остановил полицейский и вменил ему правонарушение. Штраф за подобное правонарушение 25 тыс. руб. Как в этой ситуации поступит НЧ?

¹ Психология. Словарь / под. общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. С. 121.

8. Прогулы

НЧ прогулял несколько дней работы или занятий в университете. Нужна справка из медицинского учреждения или больничный лист. В противном случае его могут уволить / отчислить. Как в этой ситуации поступит НЧ?

9. Бесплатная операция

НЧ необходимо воспользоваться услугами врачей, а именно сделать бесплатную операцию. Но он знает, что отношение к пациентам бывает разное. Как в этой ситуации поступит НЧ?

10. Музыкант

НЧ прекрасно играет на гитаре и поет. Он решает давать концерты в подземном переходе и тем самым зарабатывать на жизнь, выбрав для этого несанкционированную площадку. Его задерживает полиция за незаконную деятельность. Как поступит НЧ в этой ситуации?

11. День рождения

НЧ отмечает свой день рождения в общежитии университета. На шум пришел комендант общежития и увидел на столе бутылки из-под спиртного и подвыпивших гостей. НЧ за подобное поведение грозит выселение из общежития и отчисление из университета. Как поступит НЧ в этой ситуации?

12. Ночной клуб

На выходе из ночного клуба (кафе, бара, ресторана и т. д.) НЧ останавливает полиция. Стражам порядка показалось, что НЧ ведет себя неадекватно. При досмотре НЧ вынул из кармана пакетик с порошком. НЧ говорит о том, что этот пакет его попросили передать другому человеку. А сам он не употребляет и не занимается распространением наркотиков. Проведенная чуть позже экспертиза подтвердила отсутствие в крови НЧ наркотических веществ. НЧ грозит лишение свободы на срок до 5-ти лет за распространение наркотиков. Как поступит НЧ в этой ситуации?

Все ответы, полученные в результате первой серии, были подвержены контент-анализу, в результате чего удалось выделить 3 укрупненных контента и 6 категорий. *Было выделено три типа коррупционного поведения личности:* убежденные в своей честности (У), ситуативно-допускающие (С), подверженные участию в коррупционных деяниях (П).

I контент. 1 категория. Принципиальная позиция в ответах респондентов выражалась во фразах: «Нормальный человек принципиально не намерен доплачивать мед. персоналу, потому что операция бесплатная», «Несмотря на возможное отчисление нормальный человек принципиально не будет предлагать деньги коменданту» и т. д. **2 категория.** Активная гражданская позиция была представлена ответами: «Нормальный человек не будет покупать учебник, потому что это вымогательство, он пожалуется на преподавателя его руководству», «Нормальный человек не будет пытаться решить этот вопрос "на месте", даже если условия к этому располагают, он предпочтет

оформить правонарушение через протокол и заплатить штраф» и т. д. Первый тип в целом показывает разные степени убежденности в своей честности, обозначим их как У1 и У2 (чем больше коэффициент, тем больше убежденность).

II контент. 1 категория. Ответы, относящиеся ко второму типу, наблюдаются во фразах: «Попробует решить эту ситуацию с руководством, попробует привести важные аргументы, а если не получится, то ему придется покупать больничный лист», «Считает, что выхода нет, все равно деньги потеряны, проще оплатить на месте». **2 категория.** Типичное поведение окружающих наполнено фразами: «Все так делают», «Больной думает, что все ВИЧ-инфицированные скрывают свой диагноз, поэтому надо купить поддельную справку», «Предложить деньги полицейскому это нормально, все так делают, если их задерживают». Второй тип отражает разные степени допущения участия в коррупции в зависимости от ситуации, обозначим их как С1 и С2.

III контент. Самое негативное поведение субъекта в ситуациях возможного коррупционного действия содержало такие ответы, как «Нормальный человек всегда договаривается с сотрудниками ДПС и платит деньги "на месте"», «Будет "косить" от армии любыми возможными способами (покупка военного билета, медицинские противопоказания)», «Нормальный человек всегда готов откупиться от стражей порядка» и т. д. **1 категория** – типичное поведение окружающих; **2 категория** – поведение субъекта в ситуациях возможного коррупционного действия. Третий тип показывает разные степени подверженности участию в коррупционных ситуациях, обозначим их как П1 и П2.

Результаты. В первой серии приняли участие 131 человек, из них 35 юношей, 96 девушек. Опрашивались молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст опрошенных – 24,3 года. По результатам вычисления коэффициента Марлоу-Крауна было отбраковано 49 анкет, т. к. в этих анкетах коэффициент по шкале социальной желательности оказался больше либо равен 13 пунктам в каждой. Дальнейшему анализу подверглись 82 анкеты. Высокий процент отбракованных анкет определяется особенно-стью изучаемого явления, которая заключается в том, что коррупция – явление противозаконное.

Большинство ответов по первой серии исследования (61 %) демонстрируют убежденность молодых людей в ситуациях, подобранных нами, действовать без коррупционного умысла, по закону или по совести. 23 % ответов показали, что для решения возникающих проблем люди сразу готовы давать взятки, 16 % свидетельствуют, что наши испытуемые готовы действовать в зависимости от ситуации, сначала попробовать договориться, а если не получится, то действовать уже по закону. Мы проанализировали ответ на каждый вопрос и благодаря этому удалось разработать критерии ранжирования ответов, которые были использованы во второй серии исследования.

Вторая серия исследования

Во второй серии мы оставили те же ситуации, что и в первой серии, исключили иллюстрации и добавили возможные варианты решений (ответов) сложившейся ситуации с возможностью выбора лишь одного ответа. Эти ответы удалось выявить и сгруппировать благодаря первой серии исследования.

Валидность кейса проверялась при помощи экспертов из области психологии, юриспруденции и экономики. По структуре кейс из серии 2 состоял из закрытых альтернативных вопросов. Надежность методики проверялась при помощи показателя устойчивости (проверяли ретестовую надежность), который отражает стабильность во времени результатов кейса на одной и той же выборке с учетом временного интервала между испытаниями. Ретестовая надежность проверялась на выборке из 30 человек. Между первым и вторым исследованием прошел 1 месяц. Для вычисления коэффициента ретестовой надежности был посчитан коэффициент корреляции Пирсона между одними и теми же ответами на вопросы опросного листа. Степень корреляции оказалась достаточно сильной, что свидетельствует о стабильности во времени результатов методики.

Результаты. Во второй серии исследования приняли участие 137 человек, из них 24 юноши и 113 девушек. Опрашивались молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст опрошенных – 22 года. По результатам вычисления коэффициента Марлоу-Крауна было отбраковано 64 анкеты. Дальнейшему анализу подверглись 73 анкеты. В результате проведенного исследования мы получили наиболее популярные ответы на вопросы, заданные в кейсах, ниже представлена сводная таблица по кейсу серии 2 (табл.).

В ситуациях 4, 7, 8 и 12 испытуемые продемонстрировали убежденность в своей честности и чаще всего в ответах показали свою принципиальную позицию о неучастии

в коррупционных схемах, а в ситуациях 1, 5 и 10 продемонстрировали активную гражданскую позицию, направленную на всевозможную борьбу с проявлениями коррупции. В ситуациях 2, 3, 6 и 11 испытуемые не исключают возможность участия в коррупции при условии, что они сначала попробуют решить вопрос без взятки, но если не получится, то взятки давать придется. А в ситуации 9 респонденты считают взятку приемлемым поведением, потому что не видят другого выхода из ситуации. В ситуациях 2, 6 и 8 мнения респондентов разделились примерно одинаково между ситуативно-допускающими коррупцию и убежденными в своей честности. Ни в одной из предложенных ситуаций испытуемые не продемонстрировали явного коррупционного поведения. Ответы, связанные с готовностью участия в коррупционных схемах, встречаются, но они присутствуют в меньшей степени по сравнению с остальными.

Важным представляется рассмотреть ситуации, в которых молодежь ситуативно допускает коррупцию, и те, в которых выделяются ответы коррупционно-направленные. В ситуации «На дороге» более 30 % респондентов попробуют решить этот вопрос без денег, а 23 % осознают, что это серьезное наказание и готовы решать вопрос «на месте». В ситуации «Повестка в армию» не выделяется один какой-то самый популярный ответ. В совокупности 44 % ситуативно допускают коррупцию, объясняя это тем, что другого выхода они попросту не видят или у человека есть другие более важные планы помимо службы в армии. В этой же ситуации 20 % продемонстрировали готовность коррупционного поведения. В ситуации «Прогулы» 40 % респондентов допускают покупку поддельного больничного листа или медицинской справки, чтобы не быть уволенными с работы или отчисленными из университета. В ситуации «Бесплатная операция» 56 % допускают дачу взятки, потому что ради своего здоровья

Табл. Распределение ответов респондентов в ситуациях, %

Tab. Distribution of answers in the model situations, %

Ситуация / критерий	У1	У2	С1	С2	П1	П2
1. Безбилетный проезд	15,3	47,2	12,5	20,8	1,4	2,8
2. На дороге	18,9	17,7	32,4	23	2,7	5,4
3. Экзамен	8,3	29,2	37,5	13,9	6,9	4,2
4. ВИЧ-инфицированный	66,7	9,7	9,7	7	5,5	1,4
5. Бизнес	8,3	68	7	7	5,5	4,2
6. Повестка в армию	13,9	22,2	26,4	18,1	4,2	15,2
7. Нарушение правопорядка	31,9	29,2	20,8	12,5	4,2	1,4
8. Прогулы	33,4	11,1	25	15,2	8,3	7
9. Бесплатная операция	15,1	11	27,4	28,7	6,8	11
10. Музыкант	12,3	49,3	30,1	1,4	1,4	5,5
11. День рождения	8,3	12,5	62,5	2,8	0	13,9
12. Ночной клуб	29,8	9,5	27	27	2,7	4

Прим.: полужирным выделены наиболее популярные категории ответов.

ничего не жалко, или в случае, если понимают, что без «благодарности» не обойтись. В этой же ситуации 18 % готовы платить врачам за хорошо проведенную операцию и доброе отношение к себе. В ситуации «День рождения» 62,5 % респондентов выбирают вариант ответа «НЧ попробует уговорить коменданта не применять к нему строгое наказание, а если не получится, то предложит ему "благодарность" за сокрытие инцидента», а еще 14 % готовы не просто решать подобные вопросы при помощи взяток, а всегда готовы предупреждать последствия таких инцидентов.

Во всех этих ситуациях молодые люди допускали возможность давать взятки, но необходимо отметить, что даже в этих ситуациях лишь часть людей, а не подавляющее большинство, отвечала подобным образом на поставленные вопросы.

Третья серия исследования

В третьей серии мы использовали те же ситуации, что и в первых двух, без иллюстраций, с выбором варианта ответа. В этой серии мы предложили респондентам самостоятельно проранжировать ситуации в зависимости от личной значимости (от 1 до 12).

Результаты. В третьей серии исследования приняли участие 30 человек, из них 10 юношей и 20 девушек. Опрашивались молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст опрошенных – 22,8 лет. По результатам вычисления коэффициента Марлоу-Крауна не было отбраковано ни одной анкеты. В результате проведенного исследования мы получили следующие данные: на рисунке изображены сравнительные данные распределения ответов респондентов по шкалам готовности к коррупционным действиям и значимости ситуаций. Коэффициент готовности располагается в диапазоне от 1 до 6, где 1 – минимальная готовность, 6 – максимальная.

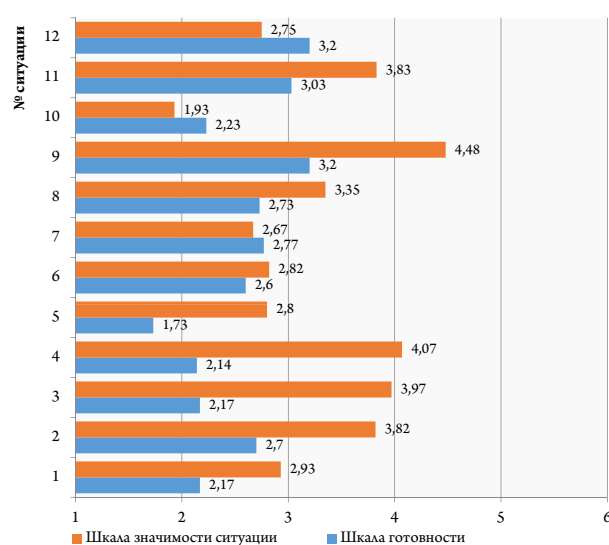

Рис. Сравнение шкал готовности к коррупционным действиям и значимости ситуаций

Fig. Comparison of scales "readiness to corruption" and "importance of the situations"

По всем ситуациям наблюдаются средние показатели готовности от 2 до 4; в ситуации 5 «Бизнес» наблюдается самая низкая ($k=1,73$) готовность к коррупционному поведению. Из представленных 12 ситуаций самыми коррупционными могут быть: Бесплатная операция ($k=3,2$), Ночной клуб ($k=3,2$), День рождения ($k=3,03$). Наименее коррупционные: Бизнес ($k=1,73$), Безбилетный проезд ($k=2,17$), Экзамен ($k=2,17$), ВИЧ-инфицированный ($k=2,17$).

По шкале значимости ситуаций в целом наблюдается схожая картина с готовностью к коррупционным действиям – большинство коэффициентов ситуаций расположены в средних значениях, но в ситуации 10 «Музыкант» мы видим минимальное значение ($k=1,93$), а в ситуации 9 «Бесплатная операция» – максимальное значение ($k=4,48$). Следовательно, из имеющихся 12 ситуаций можно выделить 5 наиболее значимых для испытуемых: Бесплатная операция ($k=4,48$), ВИЧ-инфицированный ($k=4,07$), Экзамен ($k=3,97$), День рождения ($k=3,83$), На дороге ($k=3,82$).

С целью выявления возможных взаимосвязей между значимостью ситуаций и готовностью личности действовать коррупционно нами был проведен корреляционный анализ. Использовался коэффициент корреляции Спирмена.

В результате этого анализа было выявлено, что в ситуации 5 «Бизнес» существуют значимые умеренные положительные связи между готовностью респондентов действовать коррупционно и значимостью этой ситуации, т. е. чем выше готовность, тем более значима эта ситуация для опрошенной молодежи.

Заключение

В рамках первой серии проводимого исследования были получены ответы респондентов, которые при помощи контент-анализа были распределены в 3 укрупненных контента (убежденные в своей честности, ситуативно-допускающие, подверженные участию в коррупционных деяниях) и 6 категорий, которые отражают разную степень либо уверенности в своей честности, либо разную степень ситуативного допущения коррупции, либо разную степень подверженности участия в коррупции.

Проективная методика, которую мы применили для типологизации коррупционного поведения личности, показала нам, что лишь небольшое число людей можно отнести к категории подверженных, более половины молодых людей убеждены в своей честности, но интересным открытием стал факт, что чуть меньше половины опрошенных ситуативно допускают участие в коррупции.

Мы можем предположить, что в ситуациях, связанных с деятельностью ГИБДД, здравоохранением, образованием и армией, молодежь демонстрирует ситуативное допущение коррупции из-за влияния таких факторов, как психовозрастные особенности (категоричность, максимализм, прямолинейность, неприятие советов и т. д.); нечеткость ценностных ориентиров (готовность к решению возникающих споров при помощи взяток).

Испытуемые изначально не настроены действовать коррупционно в типичных жизненных ситуациях. Многие из них ни в одной из ситуаций не выбрали ответ, в котором была заложена коррупционная составляющая. Но необходимо обратить внимание на то, что оценивание ситуации предполагалось с позиции нормального человека, именно обычного среднестатистического *нормального человека*, а не от первого лица. И как мы уже выяснили в предыдущих исследованиях, молодые люди редко связывают коррупцию с собой и людьми такого же социального статуса, как и они. Чаще всего они приписывают коррупционные действия чиновникам, депутатам и другим власть имущим.

Тем не менее важным представляется, что около половины опрошенных в зависимости от ситуации допускают коррупционное поведение в типичных жизненных ситуациях. На вопрос, почему молодежь так настроена, нельзя ответить однозначно, нам видится целый ряд причин:

- взятки дают потому, что не видят другой выход из сложившейся ситуации, что может свидетельствовать

об укоренившемся стереотипном представлении о коррупции в нашей стране;

- деньги дают под давлением ситуации / обстоятельств, потому что, по словам молодежи, в какие-то моменты лучше заплатить, чем, к примеру, идти служить в армию;
- использование взятки уменьшает человеческие трудозатраты в некоторых вынужденных действиях, например: «раз уж все равно придется платить штраф, то лучше его заплатить на "месте", чем потом куда-то ехать».
- взятки дают в ситуациях высокой важности для человека, которые касаются жизни и здоровья.

Зачастую эти причины оказывают влияние на поведение людей не по отдельности, а в совокупности, как между собой, так и с другими причинами коррупционного поведения, которые могут носить экономический, политический, психологический или социальный характер. Выявленные причины дают возможность для дальнейшего изучения имеющихся установок молодежи, а также нахождения путей для трансформации тех самых установок в положительную сторону.

Литература

1. Годубовский В. Ю., Синюкова Т. Н. Роль средств массовой информации в противодействии коррупции // Казанский педагогический журнал. 2016. № 2-2. С. 400–404.
2. Юсеф М. А. Анализ влияния рекламы в социальных сетях на потребительское поведение молодежи // OpenScience. 2019. Т. 1. № 1. С. 13–17.
3. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65.
4. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–21.
5. Закирова Л. М. Проблема изучения феномена коррупции в отечественной психологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 52–55.
6. Хаванова И. С. Исследование феномена коррупции в рамках психологии // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по мат-лам LVI–LVII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК. 2015. № 9-10. С. 82–87.
7. Ванновская О. В. Проблема коррупции в психологической феноменологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 54–62.
8. Васякин Б. С., Дебердеева Н. А., Пожарская Е. Л. Некоторые психологические аспекты противодействия коррупции // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 3. С. 61–63.
9. Алексеев С. В. Психология коррупции и причины девиации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 5. С. 140–143.
10. Ванновская О. В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 3. С. 130–135.
11. Глинкина С. П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: ИНЭС, 2010. С. 427–455.
12. Камнева Е. В. Коррумпирующее поведение и его психологические факторы // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: ИП РАН, 2015. С. 590–598.
13. Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И. Причины низовой коррупции и личностные особенности коррупционеров в представлении учащейся молодежи с разными типами отношения к взяточничеству // Психолог. 2017. № 6. С. 59–70. DOI: 10.25136/2409-8701.2017.6.24744
14. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N. Understanding of the causes of bribery by students with various types of attitude to bribery // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. № S3. P. 6459–6464.
15. Годубовский В. Ю., Синюкова Т. Н. Формы и виды проявления коррупции в современном российском обществе // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 240–246.

16. Джанерьян С. Т., Гвоздева Д. И., Панина Е. А. Типы отношения к взяточничеству у школьников и учащихся колледжей // Психолог. 2017. № 4. С. 65–81. DOI: 10.25136/2409-8701.2017.4.23735
17. Shirin S. S Corruption in higher education in Russia-first decade of the 21st century // International Education Studies. 2015. Vol. 8. № 2. P. 160–168.
18. Решетников М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: ВЕИП, 2008. 128 с.
19. Виноградова М. В., Шинкарева О. В., Бабакаев С. В., Малолетко А. Н., Каурова О. В., Шендрик Г. Н., Кейзерова Ю. В., Гончарова А. А., Ерпелев А. В., Ситдикова А. Б., Кулешов Г. Н., Стародумова С. Ю. Методологические и методические подходы к проведению социологических опросов в системе обязательного медицинского страхования (ОМС). М.: Русайнс, 2018. 272 с.
20. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Петрова Е. А., Сагалов М. В., Толстов С. Н., Карасёва Т. В., Стрелков В. И., Ковалева М. А. Психология развития человека как субъекта деятельности. М.: Русайнс, 2016. 224 с.
21. Steklov V. A. Judgment concept "virtual reality" modern science // Contemporary Problems of Social Work. 2018. Vol. 4. № 1. P. 84–90
22. Джанерьян С. Т. Структура типов профессиональных Я-концепций // Российский психологический журнал. 2005. Т. 2. № 3. С. 78–92.
23. Кейзерова Ю. В. Социальные представления российской молодежи о коррупции // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 6. С. 24–32. DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-6-24-32
24. Кейзерова Ю. В. Стереотипы восприятия коррупции глазами студентов – будущих юристов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 2. С. 64–74. DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-2-64-74
25. Петрова Е. А., Кейзерова Ю. В. Восприятие коррупции: социально-психологический аспект // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2017. Т. 16. № 3. С. 50–59. DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-3-50-59
26. Keyzerova Y. V., Kislyakov P. A. Corruption in mass consciousness of Russians: social and psychological aspect // Economic and Social Development: 25th Intern. Sci. Conf. (Moscow, 30–31 October, 2017). Moscow, 2017. P. 727–733.
27. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2002. 352 с.
28. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
29. Шляпникова И. А. Проективные методики психодиагностики. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. 71 с.
30. Ханин Ю. Л. Шкала Марлоу-Крауна для исследования мотивации одобрения. Методическое письмо. Л.: НИИ физической культуры, 1976. 10 с.

Typology of Behavior of Youth in Situations with a Corruption Component

Yulia V. Steklova ^{a, @, ID}; Elena A. Petrova ^b

^a Russian University of Cooperation, 12/30, Vera Voloshina St., Mitishi, Russia, 141014

^b Russian State Social University, buil. 1, 4, Vilgelm Pik St., Moscow, Russia, 129226

@ keyzerova.y@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6830-7285>

Received 15.08.2019. Accepted 24.09.2019.

Abstract: The article features the attitude of Russian youth to corruption. The research owes its relevance to the ubiquitous nature of this phenomenon, which remains understudied from the point of view of sociology and psychology. The article deals with the identification of the prevailing type of personality behavior in various life situations. All the experimental situations were potentially associated with corruption. Three series of studies were conducted in 2018–2019. This research was based on projective methodology. The authors identified the dominant types of behavior of young people in life situations with a corruption connotation. The data obtained indicate that approximately half of the young people were sure that they would remain honest under the suggested circumstances, while less than a half of them admitted that they would possibly get involved in corruption if needed. Only an insignificant percentage of the participants could be classified as susceptible to corruption.

Keywords: corruption perception, relation to corruption, corruption, corruption situation, projective technique, correlation analysis

For citation: Steklova Y. V., Petrova E. A. Typology of Behavior of Youth in Situations with a Corruption Component. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1021–1029. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1021-1029>

References

1. Golubovsky V. Yu., Sinyukova T. N. The role of media in countering the corruption. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, 2016, (2-2): 400–404. (In Russ.)
2. Iusef M. A. Analysis of the effect of advertising in social networks on the consumer behavior of youth. *OpenScience*, 2019, 1(1): 13–17. (In Russ.)
3. Zhuravlev A. L., Iurevich A. V. Corruption in contemporary Russia: the psychological aspect. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, (2): 56–65. (In Russ.)
4. Zhuravlev A. L., Iurevich A. V. Psychological factors of corruption. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya*, 2012, (1): 8–21. (In Russ.)
5. Zakirova L. M. The problem of studying the phenomenon of corruption in the national psychology. *Actual problems of economics and law*, 2010, (4): 52–55. (In Russ.)
6. Havanova I. S. Research of the phenomenon of corruption within the framework of psychology. *Personality, family and society: questions of pedagogy and psychology*: Proc. LVI–LVII Intern. Sci.-Prac. Conf. Novosibirsk: SibAK, 2015, (9-10): 82–87. (In Russ.)
7. Vannovskaya O. V. The problem of corruption in psychological phenomenology. *Vestnik Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 2009, (3-2): 54–62. (In Russ.)
8. Vasyakin B. S., Deberdeeva N. A., Pozharskaya E. L. Some psychological aspects of corruption counteractions. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2016, 2(3): 61–63. (In Russ.)
9. Alekseev S. V. Psychology of corruption and the causes of deviation. *Humane, Social and Economic Sciences*, 2007, (5): 140–143. (In Russ.)
10. Vannovskaya O. V. Substantiation of the concept of civil servants' corruption behavior. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2009, (3): 130–135. (In Russ.)
11. Glinkina S. P. Corruption: a fatal threat? *Non-economic facets of the economy: an unknown mutual influence*, ed. Bogomolov O. T. Moscow: INES, 2010, 427–455. (In Russ.)
12. Kamneva E. V. Corrupt behavior and its psychological factors. *Modern trends in the development of the psychology of labor and organizational psychology*, eds. Dikaya L. G., Zhuravlev A. L., Zankovsky A. N. Moscow: IP RAN, 2015, 590–598. (In Russ.)
13. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I. Causes of lower class corruption and personality traits of corrupt officials based on opinions of students with different attitudes to bribery. *Psychologist*, 2017, (6): 59–70. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8701.2017.6.24744
14. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I., Astafyeva I. N. Understanding of the causes of bribery by students with various types of attitude to bribery. *The Social Sciences*, 2016, 11(S3): 6459–6464.
15. Golubovsky V. Yu., Siniukova T. N. Forms and kinds of manifestation of corruption in Russian society. *Political linguistics*, 2015, (2): 240–246. (In Russ.)
16. Dzhanyan S. T., Gvozdeva D. I., Panina E. A. Attitudes to bribery demonstrated by school and college students. *Psychologist*, 2017, (4): 65–81. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8701.2017.4.23735
17. Shirin S. S. Corruption in higher education in Russia—first decade of the 21st century. *International Education Studies*, 2015, 8(2): 160–168.
18. Reshetnikov M. M. *Psychology of corruption: utopia and dystopia*. Saint-Petersburg: VEIP, 2008, 128. (In Russ.)
19. Vinogradova M. V., Shinkareva O. V., Babakaev S. V., Maloletko A. N., Kaurova O. V., Shendrik G. N., Keizerova Yu. V., Goncharova A. A., Erpelev A. V., Sitdikova L. B., Kuleshov G. N., Starodumova S. Yu. *Methodological and methodological approaches to conducting sociological surveys in the system of obligatory medical insurance*. Moscow: Rusains, 2018, 272. (In Russ.)
20. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Petrova E. A., Sagalov M. V., Tolstov S. N., Karaseva T. V., Strelkov V. I., Kovaleva M. A. *Psychology of human development as a subject of activity*. Moscow: Rusains, 2016, 224. (In Russ.)
21. Steklov V. A. Judgment concept "virtual reality" modern science. *Contemporary Problems of Social Work*, 2018, 4(1): 84–90.
22. Dzhanyan S. T. The structure of professional self-concepts types. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2005, 2(3): 78–92. (In Russ.)
23. Keyzerova Yu. V. Social perceptions of Russian youth about corruption. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2017, 16(6): 24–32. (In Russ.) DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-6-24-32
24. Keyzerova Yu. V. Stereotypes of corruption perception through the eyes of students – future lawyers. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2017, 16(2): 64–74. (In Russ.) DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-2-64-74

25. Petrova E. A., Keyzerova Yu. V. Perception of corruption: the socio-psychological aspect. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2017, 16(3): 50–59. (In Russ.) DOI: 10.17922/2071-5323-2017-16-3-50-59
26. Keyzerova Y. V., Kislyakov P. A. Corruption in mass consciousness of Russians: social and psychological aspect. *Economic and Social Development: 25th Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 30–31 October, 2017. Moscow, 2017, 727–733.
27. Burlachuk L. F. *Psychodiagnostics*. St. Petersburg: Piter, 2002, 352. (In Russ.)
28. Burlachuk L. F., Korzhova E. Yu. *Psychology of life situations*. Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1998, 263. (In Russ.)
29. Shlyapnikova I. A. *Projective methods of psychodiagnostics*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU, 2005, 71. (In Russ.)
30. Khanin Yu. L. *Marlowe-Crowne scale for the study of motivation approval. Methodical letter*. Leningrad: NII fizicheskoi kultury, 1976, 10. (In Russ.)

Связь агрессивного поведения и неравновесных психических состояний у водителей автотранспорта

Алена И. Четверикова^{a, @, ID1}; Виктор В. Ермолаев^{b, ID2}; Юлия Воронцова^{b, ID3}; Елена В. Бутовская^b

^a Московская областная энергосетевая компания, 142700, Россия, г. Видное, ул. Советская, 10/1

^b Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1

@ alenachetverikova@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

ID3 <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

Поступила в редакцию 28.08.2019. Принята к печати 24.09.2019.

Аннотация: В статье приводятся данные эмпирического исследования связи агрессивного поведения и неравновесных психических состояний у водителей автотранспорта. Гипотезой исследования выступает предположение, что агрессивное поведение водителей связано с неравновесностью их психических состояний. В качестве испытуемых выступили 27 водителей, которые стали участниками дорожно-транспортных происшествий за последние два года, и 33 водителя, управляющих транспортным средством без аварий, в возрасте от 18 до 57 лет с общим водительским стажем от 2 до 38 лет и средним годовым наездом километров 20–50 тыс. км. В качестве диагностического инструментария применялись бланковые и аппаратные методы: *Hand-test*, опросники *Buss-Perry Aggression Questionnaire*, *Dula Dangerous Driving Index*, *Driving Anger Expression Inventory* и аппаратно-программный комплекс для тестирования водителей УПДК-МК Автомобильный-М. Сделан вывод, что у водителей, участвовавших за последние два года в дорожно-транспортных происшествиях, более явно выражено проявление неравновесных психических состояний и выявлена статистически значимая связь агрессивного поведения с негативно окрашенными неравновесными психическими состояниями.

Ключевые слова: доминирующее психическое состояние, дорожно-транспортное происшествие, аварийность, транспортная психология, опасное вождение, безопасность движения

Для цитирования: Четверикова А. И., Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Бутовская Е. В. Связь агрессивного поведения и неравновесных психических состояний у водителей автотранспорта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1030–1038. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1030-1038>

Введение

В 2018 г. на российских дорогах произошло более 151 тыс. дорожно-транспортных происшествий (ДТП), в которых погибли 16,4 тыс. человек. Ещё около 193 тыс. человек получили травмы различной степени тяжести¹. Основной причиной дорожных аварий, как правило, является агрессивное поведение водителей. Государством предпринимаются меры усиления административной ответственности за агрессивное вождение, растет число социальных призывов к борьбе с этим явлением, ежегодно уносящим десятки тысяч жизней. Однако при всей известности употребляемого понятия остаются нераскрытыми как психологические и социально-психологические детерминанты агрессивного поведения, так и подходы к его нивелированию. Актуальность вопроса усиливается и тем, что если критерии агрессивного поведения водителей обозначены (хотя и недостаточно согласованы), то относительно вызывающих его причин

современная наука не даёт удовлетворительного системно обоснованного и предметно-прикладного ответа.

Мы обратились к трудам отечественных и зарубежных ученых-специалистов в области исследования агрессивного поведения и столкнулись со следующей проблемой. К настоящему времени о различных аспектах агрессивности написано более 500 монографий, издаются журналы, посвященные этой тематике, количество статей растет с каждым днем. Несмотря на это, в научном мире до сих пор нет четкого определения агрессии, которое было бы приемлемым для различных ее форм и видов [1–10]. Более того, к настоящему времени консенсус достигнут лишь в разграничении отдельных понятий. Агрессивность рассматривается как «черта личности, проявляющаяся в готовности к агрессивному поведению» [11, с. 20], агрессия – как агрессивное поведение, форма реагирования.

¹ Названо число погибших в ДТП россиян в 2018 году // Рамблер. 26.12. 2018. Режим доступа: https://auto.rambler.ru/roadaccidents/41489396/?utm_content=rauto&utm_medium=read_more&utm_source=copylink/ (дата обращения: 06.04.2019).

Согласно определению, приведенному в Большом психологическом словаре, «агрессия (от лат. *aggressio* – нападение) – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т. п.)»².

С. Г. Пилецкий, проводя сравнительный анализ понятий, отмечает, что исчерпывающего, общеупотребительного и общепонятного определения агрессии и агрессивности дать невозможно [7]. В содержательном смысле исследователь придерживается лоренцовского понимания агрессии и агрессивности, согласно которому агрессия как совокупность специфических реакций способствует выполнению необходимых для организма функций выживания и воспроизводства. Агрессивность – это накапливаемая мозговыми центрами организма негативная энергия, требующая выхода. Аккумулируемая организмом энергия ощущается как накапливаемая злость. Следовательно, обсуждая фрустрацию, акцентируют внимание и абсолютизируют лишь один из возможных поводов для ее выхода. В случае обсуждения инструментального характера агрессии или агрессии как причинения того или иного вреда основной упор делают на формах ее реализации и воплощения, которые культурно детерминированы. Таким образом, с точки зрения С. Г. Пилецкого, агрессия – это воплощенная, реализованная злость (в различных формах), а агрессивность – накапливаемая злость [7, с. 376].

Вместе с тем в психологии известно, что само по себе агрессивное поведение свойственно любому человеку в ситуации, когда не удовлетворяются какие-либо потребности, необходимые для выживания. По сути, агрессивность – один из факторов выживания, заложенный на биологическом уровне.

В науке принимается подход, рассматривающий агрессивность как свойство личности, проявляющееся в виде настойчивости, упорства. При этом человек не совершает действий, наносящих вред чему-либо или кому-либо. Социум такое поведение поощряет. Согласно этому подходу агрессивность необходима человеку для выживания и нормального функционирования в обществе. Агрессия может правомерно рассматриваться как мысленная, речевая или деятельная направленность на объекты, в том числе и самого себя. И до тех пор, пока поведение того или иного человека не вступает в конфликт с нормами (правилами) сосуществования людей в обществе и не является вредным для объектов нападения, оно не считается агрессивным.

Агрессивное поведение, согласно общепринятому определению, – «одна из форм реагирования на различные

неблагоприятные в физическом и психическом отношении жизненные ситуации, вызывающие стресс, фрустрацию и т. п. состояния. Психологически агрессия выступает одним из основных способов решения проблем, связанных с сохранением индивидуальности и тождественности, с защитой и ростом чувства собственной ценности, самооценки, уровня притязаний, а также сохранением и усилением контроля над существенным для субъекта окружением. Агрессивные действия выступают в качестве: 1) средства достижения какой-либо значимой цели; 2) способа психологической разрядки; 3) способа удовлетворения потребности в самореализации и самоутверждении»³.

Внося уточнение в рассматриваемую проблему, Н. Д. Левитов рассматривает агрессию как состояние, в котором он выделяет познавательный, эмоциональный и волевой компоненты [12]. Познавательный компонент – это ориентировка, требующая понимания ситуации, определения объекта для нападения и идентификации своих наступательных средств. От всего этого зависит сам факт возникновения данного состояния, его форма и сила. В случае переоценки угрозы возможен отказ от агрессии как средства борьбы и осознание своего бессилия. Одним из факторов, снижающих агрессивные действия опасного водителя, является наличие ребенка в машине потенциальной жертвы. Основным эмоциональным компонентом агрессивного состояния Н. Д. Левитов называет гнев. На любом из этапов агрессивного состояния (подготовки, осуществления, оценки результатов) человек переживает сильную эмоцию гнева, которая может принимать форму аффекта или ярости. При этом известно, что не обязательно агрессия сопровождается гневом, а гнев не всегда приводит к агрессии, т. е. эмоциональный компонент агрессии не исчерпывается гневом. Специфика этих психических состояний зависит от нюансов их переживаний: раздражения, недоброжелательности, тревожности, обидчивости, зависти, злости, мстительности, а иногда и чувства своего превосходства, силы, уверенности. В некоторых случаях агрессор переживает сильное чувство радости, эйфории, экстаза, патологическим выражением которого является садизм. Волевой компонент агрессивности включает в себя все формальные качества воли, такие как целеустремленность, настойчивость, решительность, а в ряде случаев инициативность и смелость. Агрессивное состояние зачастую возникает и развивается в борьбе, а всякая борьба требует описанных волевых качеств.

Представление об агрессивности как психическом состоянии в научной литературе не нашло широкого освещения. Несколько лет назад в «Российской Газете» появилось интервью и результаты исследования психологического облика россиян, проводившегося с 1981 г. по 2011 г. под руководством заместителя директора Института

² Агрессия // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ; АСТ-Москва; СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. С. 27.

³ Там же. С. 28.

психологии РАН А. В. Юревича⁴. В этом интервью в качестве примера способа оценки и измерения уровня агрессивности он привел поведение автомобилистов. Психологическими предпосылками агрессии, по его мнению, являются недовольство человека собой и своей жизнью, негативное отношение к другим людям (или социальным группам) и убежденность в том, что эти люди виноваты в его неудачах и препятствуют достижению его целей. Борьба с агрессией возможно путем развития у человека позитивного состояния, под которым понимается позитивный образ самого себя, своей жизни и окружающего мира [13].

На основании проведенного теоретического анализа мы можем предположить, что агрессивное поведение – это совокупность действий, имеющих как осознаваемую, так и неосознаваемую цель нанесения вреда объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), окрашенных и детерминированных определенными психическими состояниями. В этом контексте мы выдвинули гипотезу о связи агрессивного поведения водителей с доминирующим психическим состоянием и проверили ее эмпирически.

Методы и материалы

Исследование проводилось на базе автотранспортного предприятия Министерства обороны. В качестве испытуемых выступили водители в возрасте от 18 до 57 лет с общим водительским стажем от 2 до 38 лет и средним годовым наездом километров 20–50 тыс. км. Общий объем выборки составил 60 человек. В целях исследования причин агрессивного поведения при управлении транспортным средством выборка была разделена на две группы: 27 человек и 33 человека. Первую группу составили водители, ставшие участниками ДТП за последние два года, а вторую – водители, не допустившие аварий за этот же период.

Объект исследования – агрессивное поведение водителей, предмет – связь агрессивного поведения водителей с доминирующим психическим состоянием. Гипотеза: агрессивное поведение водителей связано с неравновесностью их психических состояний; водители, проявляющие агрессивное поведение в процессе управления транспортным средством, как правило, находятся в неравновесном психическом состоянии.

В качестве диагностического инструментария применялись:

1. *Hand-test* Э. Вагнера [14] для измерения агрессивности, а именно слабо осознаваемых проявлений агрессии.
2. Опросник *Buss-Perry Aggression Questionnaire* (BPAQ), разработанный для диагностики склонности к агрессии А. Бассом и М. Перри. Опросник BPAQ-24 содержит шкалы: физическая агрессия, гнев, враждебность [15–17].

3. Опросник *Dula Dangerous Driving Index* (DDDI), автором которого является К. С. Дула [18]. Шкалы методики: негативные когнитивные или эмоциональные реакции в ситуации вождения, агрессивное вождение, рискованное вождение, вождение в нетрезвом состоянии, индекс опасного вождения [17].

4. Опросник *Driving Anger Expression Inventory* (DAX) под авторством Дж. Л. Деффенбахер, Р. С. Линч для измерения внешнего выражения эмоции гнева у водителей [19]. Шкалы методики: вербальная агрессия с некоторыми элементами невербальной (негодующие взгляды), физическая агрессия, использование транспортного средства для выражения агрессии, адаптивные или конструктивные реакции, общий уровень агрессии. Психометрическая апробация на русскоязычной выборке была проведена С. Н. Ениколоповым и А. Г. Ефремовым [20].

5. Аппаратно-программный комплекс для тестирования водителей УПДК-МК Автомобильный-М производства АО НЕЙРОКОМ⁵.

6. Методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова [21]. Опросник предназначен для диагностики относительно устойчивых (доминирующих) состояний на основе субъективных оценок обследуемых. Доминирующее состояние в меньшей степени обуславливается актуальной текущей ситуацией и в большей степени – социально-психологическими личностными факторами; на его фоне формируются и существуют актуальные состояния. Оно скорее характерно для настоящего периода жизни человека, чем для данного конкретного момента, обусловленного особенностями определенной ситуации.

Результаты

На первом этапе была проверена промежуточная гипотеза о том, что детерминантами аварийности является агрессивность и склонность к агрессии. Статистический анализ эмпирических данных проводился с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни в программе SPSS Statistics 22.

В результате статистического анализа эмпирических данных по методикам Тест руки Э. Вагнера и BPAQ ни по одной из шкал: *индекс агрессии* ($Z=-0,645$, $p=0,05$), *физическая агрессия* ($Z=-0,571$, $p=0,05$), *гнев* ($Z=-1,222$, $p=0,05$), *враждебность* ($Z=-1,128$, $p=0,05$) – значимых различий в агрессивности и склонности к агрессии между двумя группами водителей выявлено не было. Следовательно, агрессивность и склонность водителя к агрессии не является детерминантой аварийности, и выдвинутая нами промежуточная гипотеза не нашла подтверждения.

На следующем этапе с целью выявления субъективных психологических причин, способствующих аварийности,

⁴ Сейчас взорвусь. Психологи нарисовали портрет современного россиянина // Российская газета. 10.12.2013. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 14.04.2019).

⁵ Аппаратно-программный комплекс (АПК) для тестирования и развития психофизиологических качеств водителей УПДК-МК Автомобильный // НЕЙРОКОМ. Режим доступа: http://www.neurocom.ru/ru2/auto/updk_mk_auto.html (дата обращения: 13.04.2019).

мы провели исследование агрессивного поведения при управлении транспортным средством с помощью методик DDDI и DAX. В результате статистического анализа эмпирических данных по шкалам *негативные эмоции во время вождения* ($Z=-0,330$, $p=0,05$), *агрессивное вождение* ($Z=-0,679$, $p=0,05$), *рискованное вождение* ($Z=-0,919$, $p=0,05$), *индекс агрессивного вождения* ($Z=-0,059$, $p=0,05$), *использование транспортного средства для выражения агрессии* ($Z=-0,809$, $p=0,05$), *общий уровень агрессии* ($Z=-0,916$, $p=0,05$) значимых различий между водителями также выявлено не было. То есть и те, и другие водители в равной степени проявляют агрессивное поведение при управлении транспортным средством.

Вместе с тем были выявлены статистически значимые различия по шкале *конструктивные реакции* ($Z=-2,618$, $p=0,01$), из чего следует, что водители, не допустившие аварий за последние два года, чаще применяют какие-либо действия для регуляции своего состояния и, вероятно, по этой причине реже попадают в ДТП. Эти водители отметили, что в ситуациях, когда они ощущают злость, они думают на отвлечённые темы, включают музыку или радио, стараются глубоко дышать, убеждают себя, что ситуация не стоит того, чтобы нервничать, начинают внимательно следить за действиями другого водителя, чтобы избежать аварийной ситуации и обдумывают свои действия перед тем, как отреагировать, выбирают наилучший способ разрешения ситуации и стараются найти позитивное решение, пытаются принять то, что на дорогах встречаются плохие водители, говорят себе, что неприятные ситуации – это часть дорожного движения.

Полученные данные свидетельствуют, что различий в показателях склонности к агрессивному поведению и проявлением агрессивного поведения при управлении транспортным средством у водителей, участвовавших в ДТП, и водителей, не допустивших аварий, за последние два года не выявлено, но в то же время выявлены различия в применении (неприменении) приемов по регуляции психических состояний водителями в ответ на негативные эмоции при управлении транспортным средством. Это привело нас к предположению, что агрессивность является не только чертой личности (К. Лоренц, А. А. Реан) [5; 6; 8], но и психическим состоянием, синтезирующим проявление широкого спектра эмоциональных состояний, таких как ненависть, возмущение, негодование, гнев, ярость [22; 23]. Ранее агрессию как состояние рассматривали Н. Д. Левитов [24] и В. К. Сафонов [25].

Опираясь на понимание агрессивного поведения как действенного выражения совокупности определённых эмоциональных состояний, мы выдвинули дополнительную гипотезу о различии доминирующих психических состояний у водителей.

В результате статистического анализа эмпирических данных по методике Эмоциональная устойчивость (УПДК-МК Автомобильный-М) были выявлены

статистически значимые различия между водителями, участвовавшими в ДТП, и водителями, не допустившими аварий за последние два года ($Z=2,563$, $p=0,05$).

В результате статистического анализа эмпирических данных по методике Оценка доминирующего состояния по шкалам *активное / пассивное отношение к жизненной ситуации* ($Z=-0,704$, $p=0,05$), *бодрость / уныние* ($Z=-0,543$, $p=0,05$), *спокойствие / тревога* ($Z=-1,631$, $p=0,05$) и *положительный / отрицательный образ самого себя* ($Z=-1,510$, $p=0,05$) статистически значимых различий между группами водителей выявлено не было. В то же время были выявлены статистически значимые различия по шкалам *тонус высокий / низкий* ($Z=-2,638$, $p=0,05$), *раскованность / напряженность* ($Z=-2,576$, $p=0,05$), *устойчивость / неустойчивость эмоционального тона* ($Z=-2,767$, $p=0,05$) и *удовлетворенность / неудовлетворенность жизнью в целом* ($Z=-3,152$, $p=0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют, что у водителей, участвовавших за последние два года в ДТП, более выражено проявление неравновесных психических состояний: ощущение усталости, несобранности, вялости, инертности, низкой работоспособности. Для них свойственна изменчивость настроения, повышенная раздражительность, преобладание негативного эмоционального тона. Отмечается переживание повышенной значимости осуществляемого поведения, масштабное вовлечение ресурсов или активизация защитных механизмов, неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессом самореализации и тем, как в настоящее время разворачиваются основные жизненные события, легкость возникновения эмоционального возбуждения. Это позволило нам выдвинуть еще одну гипотезу о возможности связи агрессивного поведения водителей с неравновесностью их психических состояний, которая оценивалась с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена в программе SPSS Statistics 22 (табл.).

В результате статистического анализа эмпирических данных по методике Оценка доминирующего состояния с методиками исследования агрессивности, склонности к агрессии и агрессивного поведения при управлении транспортным средством были выявлены статистически значимые обратные связи между показателями:

1) активное / пассивное отношение к жизненной ситуации и враждебность (BPAQ), инструментальная агрессия (DAX), агрессивное вождение (DDDI). Когда у водителя преобладает оптимистическое отношение к жизненной ситуации, ощущение сил для преодоления препятствий и достижения своих целей, он реже проявляет враждебность, агрессивное вождение в виде мигания фарами, создания помех из-за раздражения на других участников дорожного движения, не использует транспортное средство для выражения своей агрессии;

2) бодрость / уныние и физическая агрессия, гнев, враждебность (BPAQ), инструментальная агрессия (DAX),

агрессивное вождение (DDDI). Водители, у которых преобладает бодрое настроение, широкие интересы по сравнению с теми, кому свойственна разочарованность ходом событий, сужение интересов, мрачные тона в картине будущего, менее склонны к агрессии, в том числе с использованием транспортного средства, и агрессивному вождению;

3) тонус высокий / низкий и физическая агрессия, гнев, враждебность (BPAQ), физическая агрессия, инструментальная агрессия (DAX), агрессивное вождение (DDDI). Водители с преобладанием высокой активности, стенической реакцией на возникающие трудности, субъективным ощущением внутренней собранности, запаса сил, энергии по сравнению с водителями, которым характерно ощущение усталости, несобранности, вялости, инертности, низкой работоспособности, менее склонны к агрессии, в том числе с использованием транспортного средства, и агрессивному вождению;

4) раскованность / напряженность и индекс агрессивности (Hand-test), враждебность (BPAQ), конструктивные реакции

(DAX), рискованное вождение (DDDI). Водителям, ощущающим, что проблемы в значительной степени разрешены или успешно решаются, а желаемые цели воспринимаются как вполне достижимые, менее свойственна агрессивность и враждебность, реже требуется прибегать к самоуспокоению и проявлять рискованное вождение;

5) спокойствие / тревога и индекс агрессивности (Hand-test), враждебность (BPAQ), вербальная агрессия, физическая агрессия, инструментальная агрессия (DAX), негативные эмоции, рискованное вождение (DDDI). Обладающие большей уверенностью в своих силах и возможностях, чем у большинства людей, водители в меньшей степени испытывают агрессивность, проявляют враждебность, вербальную, физическую, инструментальную агрессию, испытывают негативные эмоции в процессе вождения и совершают рискованные действия при управлении автомобилем;

6) устойчивость / неустойчивость эмоционального тона и физическая агрессия, гнев, враждебность (BPAQ)

Табл. Коэффициенты корреляции Спирмена между показателями агрессивного поведения и доминирующим состоянием у водителей

Tab. Spearman correlation coefficients between indicators of aggressive behavior and driver's dominant state

Шкалы методик	Активное / пассивное отношение к жизненной ситуации	Бодрость / уныние	Тонус высокий / низкий	Раскованность / напряженность	Спокойствие / тревога	Устойчивость / неустойчивость эмоционального тона	Удовлетворенность / неудовлетворенность жизнью в целом
Hand-test: I (склонность к открытому агрессивному поведению)	0,003	0,028	-0,015	0,342**	0,395**	0,142	0,220
BPAQ							
Физическая агрессия	-0,150	-0,256*	-0,305*	-0,041	-0,115	-0,362**	-0,101
Гнев	-0,205	-0,374**	-0,427**	-0,249	-0,130	-0,538**	-0,293*
Враждебность	-0,258*	-0,397**	-0,354**	-0,505**	-0,372**	-0,495**	-0,619**
DAX							
Вербальная агрессия	-0,049	-0,122	-0,156	-0,165	-0,256*	-0,075	-0,051
Физическая агрессия	-0,185	-0,138	-0,343**	-0,185	-0,386**	-0,196	-0,052
Инструментальная агрессия	-0,370**	-0,271*	-0,420**	-0,220	-0,327*	-0,193	-0,182
Конструктивные реакции	0,112	-0,053	0,144	-0,286*	-0,179	0,073	-0,301*
Общий уровень агрессии	-0,246	-0,263*	-0,405**	-0,251	-0,382**	-0,203	-0,170
DDDI							
Негативные эмоции	-0,005	-0,149	-0,243	-0,126	-0,323*	-0,232	-0,001
Агрессивное вождение	-0,479**	-0,362**	-0,291*	-0,108	-0,176	-0,202	-0,075
Рискованное вождение	-0,056	-0,157	-0,218	-0,334**	-0,361**	-0,229	-0,288*
Индекс агрессивного вождения	-0,135	-0,234	-0,325*	-0,255*	-0,377**	-0,285*	-0,207

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

(ровный положительный эмоциональный тон, спокойное протекание эмоциональных процессов);

7) удовлетворенность / неудовлетворенность жизнью в целом и гнев, враждебность (BPAQ), конструктивные реакции (DAX), рискованное вождение (DDDI) (способность брать на себя ответственность и возможность делать свой выбор).

Заключение

Данные корреляционного анализа позволяют нам сделать вывод, что агрессивное поведение связано с негативно окрашенными неравновесными психическими состояниями. Теоретическим подтверждением полученных результатов может служить особенность неравновесных состояний, проявляющаяся в том, что даже незначительное воздействие на человека в таком состоянии может приводить к длительным и неожиданным последствиям. Например, в ситуации, когда человек зол в силу суженного поля сознания, даже мягко сказанная незначительная фраза может вызвать поток агрессивного поведения, которое окружающим покажется неадекватным данной ситуации.

Экспериментально доказано, что состояния могут изменять психический образ и за счет увеличения субъективного веса каких-либо параметров нарушают его предметную логику и трансформируют его значение, т. е. состояния могут влиять на сознание: изменяя значение смысла слов в сознании человека, они увеличивают вариативность значений. Это подтверждает работа А. Н. Леонтьева [26], в которой исследуется влияние эмоциональных состояний на характер протекания потока свободных ассоциаций. Проведенные им исследования показали, что когда ассоциативный поток попадает в область, чем-либо аффективно окрашенную для человека, наблюдается реакция аффективной персеверации (термин А. Н. Леонтьева). Другими словами, прерывается процесс ассоциирования по цепному принципу и человек дает ассоциации, связанные с этим состоянием, осуществляется переход к ассоциациям на ключевой раздражитель [22; 26; 27].

Для более наглядного подтверждения обратимся к классификации психических состояний В. А. Ганзена и В. Н. Юрченко. Они модифицировали шкалу уровней психической активности сознания Д. Линдсли. На ней равновесные состояния – это состояния, протекающие на уровне оптимальной психической активности, а неравновесные – это состояния, протекающие на уровне повышенной или пониженной психической активности. Полное сознание характеризуется концентрированным, избирательным, легко переключающимся вниманием и легко протекающими мнемическими процессами, наблюдается на уровне средней (оптимальной) психической активности. В случае отклонения состояния сознания от этого уровня происходит его ограничение из-за сужения внимания и ухудшения мнемической функции [22; 27]. К примеру, человек, находящийся в равновесном психическом состоянии, испытывает

кратковременное негативное возбуждение в ответ на негативные, по его мнению, события и ситуации, с которым он легко умеет справляться. Напротив, человек, находящийся в неравновесном психическом состоянии, в ответ на негативные, по его мнению, события и ситуации испытывает негативное возбуждение, которое еще более усугубляет его состояние, становясь со временем доминантным.

Необходимо признать многоаспектность рассматриваемой проблематики, которая заключается в том, что состояния динамичны и легко перетекают из одного в другое. Следовательно, выделить их и диагностировать по отдельности в каждой дорожной ситуации крайне сложно. Дорога априори воспринимается человеком как место повышенной опасности, ускоряющее возникновение соответствующих негативных состояний, проявляющихся в опасном маневрировании и провоцирующей и оскорбительной вербальной и невербальной коммуникации. В этом контексте для дальнейшего исследования детерминант агрессивного поведения водителей целесообразно рассматривать агрессивность как совокупность доминирующих психических состояний, а не только как устойчивую характеристику личности. Представляется, что агрессивность как черта личности – это одновременно системное и длительно испытываемое доминирующее неравновесное состояние, определяющее поведение человека в самом широком спектре жизненных ситуаций и ставшее впоследствии его устойчивой характеристикой. Вследствие чего полагаем, что водители, склонные к проявлению агрессивного поведения, прежде всего, находятся в неравновесном психическом состоянии.

Обозначим выводы исследования:

1. Различий в склонности к агрессивному поведению и проявлении агрессивного поведения при управлении транспортным средством между двумя выборками (водители, участвовавшие в ДТП, и водители, не допустившие аварий за последние два года) не выявлено.

2. Выявлены различия в применении методов саморегуляции водителями в ответ на негативные эмоции при управлении транспортным средством между двумя выборками. Водители, не допустившие аварий за последние два года, чаще применяют какие-либо действия для регуляции своего психического состояния.

3. У водителей, участвовавших за последние два года в ДТП, явно выражено проявление неравновесных психических состояний (ощущение усталости, несобранности, вялости, инертности, низкой работоспособности). Для них свойственна изменчивость настроения, повышенная раздражительность, преобладание негативного эмоционального тона.

4. Выявлена статистически значимая связь агрессивного поведения с негативно окрашенными неравновесными психическими состояниями.

Литература

1. Агрессия и психическое здоровье / под ред Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича. М.: Юридический центр Пресс, 2002. 464 с.
2. Алфимова М. В., Трубников В. И. Психогенетика агрессивности // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 112–121.
3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 510 с.
4. Бэрн Р. А., Ричардсон Д. Р. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. 352 с.
5. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. 368 с.
6. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М.: АСТ, 2018. 413 с.
7. Пилецкий С. Г. Каиново наследство, или Опыт изучения человеческой агрессивности: анализ этологических, социо-биологических и современных социально-гуманитарных концепций. М.: ЛЕНАНД, 2015. 477 с.
8. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 5. С. 3–18.
9. Румянцева Т. Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 81–87.
10. Психология человеческой агрессивности / сост. Сельченко К. В. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 653 с.
11. Шапарь В. Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Торсинг, 2004. 734 с.
12. Левитов Н. Д. Психическое состояние агрессии // Вопросы психологии. 1972. № 6. С. 168–173.
13. Четверикова А. И., Ермолаев В. В., Воронцова Ю. О роли неравновесных психических состояний водителя и рисках при управлении транспортным средством // Психология обучения. 2018. № 2. С. 134–143.
14. Диагностика агрессивности: тест руки Вагнера / сост. Т. В. Сенько. Мн.: МП д-р Кара, 1996. 32 с.
15. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Методики диагностики агрессии // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 41–72.
16. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
17. Четверикова А. И., Ермолаев В. В., Ткаченко О. Н. Когнитивные карты в стратегии поведения водителей по материалам опросников «Driving Anger Expression Inventory» («DAX») и «Dula Dangerous Driving Index» («DDDI») на российской выборке // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 4. С. 107–122. DOI: 10.17759/sps.2017080408
18. Dula C. S., Geller E. S. Risky, aggressive, or emotional driving: addressing the need for consistent communication in research // Safety Res. 2003. № 34. P. 559–566.
19. Deffenbacher J. L., Lynch R. S., Oetting E. R., Swaim R. C. The driving anger expression inventory: a measure of how people express their anger on the road // Behav. Res. Ther. 2002. № 40. P. 717–737. DOI: 10.1016/s0005-7967(01)00063-8
20. Ениколопов С. Н., Ефремов А. Г. Апробация методик исследования гнева у водителей // От истоков – к современности: сб. мат-лов юбилейной конф. (Москва, 29 сентября – 01 октября 2015 г.) М.: Когито-Центр, 2015. Т. 4. С. 160–161.
21. Диагностика здоровья: психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2011. 949 с.
22. Психология состояний / под ред. А. О. Прохорова. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.
23. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: ИПРАН, 1998. 149 с.
24. Левитов Н. Д. Фрустрация как один из видов психических состояний // Вопросы психологии. 1967. № 6. С. 115–121.
25. Сафонов В. К. Агрессия в спорте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 156 с.
26. Леонтьев А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. II. С. 50–71.
27. Галзен В. А., Юрченко В. Н. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния. 1981. Вып. 10. С. 6–16.

Aggressive Behavior and Unstable Mental States in Car Drivers

Alena I. Chetverikova^{a, @, ID1}; Viktor V. Yermolaev^{b, ID2}; Juliia Voroncova^{b, ID3}; Elena V. Butovskaya^b

^a Moscow Regional Power Grid Company, 10/1, Soviet St., Vidnoe, Russia, 142700

^b Moscow Pedagogical State University, 1/1, Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russia, 119991

@ alenachetverikova@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-1172-1041>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

ID3 <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

Received 28.08.2019. Accepted 24.09.2019.

Abstract: The present paper focuses on the connection between aggressive behavior and unstable mental states in car drivers. The hypothesis was that aggressive behavior of drivers is caused by an unstable mental state. The experiment featured 27 car drivers involved in road traffic accidents and 33 drivers without an accident history over the past two years. Their age was 18–57 years, driving experience – 2–38 years, average annual mileage – 20,000–50,000 kilometers. The following blank and instrumental methods were used as diagnostic tools: Hand-test, Buss-Perry Aggression Questionnaire, Dula Dangerous Driving Index, Driving Anger Expression Inventory, and a hardware-software complex for testing drivers UPDK-MK Avtomobilny-M. According to the results, the drivers with a bad driving history demonstrated serious unstable mental states, as well as statistically significant connection between aggressive behavior and negative unstable mental states.

Keywords: dominant mental state, traffic accident, accident rate, traffic psychology, dangerous driving, traffic safety

For citation: Chetverikova A. I., Yermolaev V. V., Voroncova J., Butovskaya E. V. Aggressive Behavior and Unstable Mental States in Car Drivers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1030–1038. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1030-1038>

References

1. *Aggression and mental health*, eds. Dmitrieva T. B., Shostakovich B. V. Moscow: Iuridicheskii tsentr Press, 2002, 464. (In Russ.)
2. Alfimova M. V., Trubnikov V. I. Psychogenetics of aggression. *Voprosy psikhologii*, 2000, (6): 112–121. (In Russ.)
3. Berkowitz L. *Aggression: Its causes, consequences, and control*. St. Petersburg: Praim-Evroznak, Neva; Moscow: OLMA-PRESS, 2001, 510. (In Russ.)
4. Baron R. A., Richardson D. R. *Human Aggression*. St. Petersburg: Piter, 2001, 352. (In Russ.)
5. Ilin E. P. *Psychology of aggressive behavior*. St. Petersburg: Piter, 2014, 368. (In Russ.)
6. Lorenz K. *Aggression, or the So-called Evil*. Moscow: AST, 2018, 413. (In Russ.)
7. Piletskii S. G. *Cain's inheritance, or Experience in the study of human aggressiveness: an analysis of ethological, sociobiological and modern socio-humanitarian concepts*. Moscow: LENAND, 2015, 477. (In Russ.)
8. Rean A. A. Aggression and aggressiveness of personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1996, 17(5): 3–18. (In Russ.)
9. Rumyantseva T. G. The concept of aggressiveness in modern foreign psychology. *Voprosy psikhologii*, 1991, (1): 81–87. (In Russ.)
10. *Psychology of human aggression*, comp. Selchenok K. V. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, 2005, 653. (In Russ.)
11. Shapar V. B. *Psychologist's dictionary*. Moscow: AST, Torsing, 2004, 734. (In Russ.)
12. Levitov N. D. Mental state of aggression. *Voprosy psikhologii*, 1972, (6): 168–173. (In Russ.)
13. Chetverikova A. I., Yermolaev V. V., Voroncova Ju. On the role of nonequilibrium mental states of the driver and risks in driving a vehicle. *Psikhologiya obucheniia*, 2018, (2): 134–143. (In Russ.)
14. *Diagnosis of aggression: Hand-test Wagner*, comp. Senko T. V. Minsk: MP d-r Kara, 1996, 32. (In Russ.)
15. Enikolopov S. N., Tsibul'sky N. P. Methods of diagnosing aggression. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2007, (3): 41–72. (In Russ.)
16. Enikolopov S. N., Tsibul'sky N. P. Psychometric analysis of Russian-language version of questionnaire for aggression diagnostics by A. Buss and M. Perry. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2007, 28(1): 115–124. (In Russ.)
17. Chetverikova A. I., Yermolaev V. V., Tkachenko O. N. Cognitive maps in driver behavior strategies based on the "Driving Anger Expression Inventory" ("DAX") and "Dula Dangerous Driving Index" ("DDDI") questionnaires in the Russian sample. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2017, 8 (4): 107–122. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2017080408
18. Dula C. S., Geller E. S. Risky, aggressive, or emotional driving: addressing the need for consistent communication in research. *Safety Res.*, 2004, (34): 559–566.

19. Deffenbacher J. L., Lynch R. S., Oetting E. R., Swaim R. C. The driving anger expression inventory: a measure of how people express their anger on the road. *Behav. Res. Ther.*, 2002, (40): 717–737. DOI: 10.1016/s0005-7967(01)00063-8
20. Enikolopov S. N., Efremov A. G. Testing of methods for the study of driver anger. *From the beginnings to the present days: Proc. of the anniversary Conf.*, Moscow, September 29 – October 01, 2015. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015, 4: 160–161. (In Russ.)
21. *Diagnosis of health: Psychological workshop*, ed. Nikiforov G. S. St. Petersburg: Rech, 2011, 949. (In Russ.)
22. *Psychology of mental states*, ed. Prokhorov A. O. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011, 624. (In Russ.)
23. Prokhorov A. O. *Psychology of unstable states*. Moscow: IPRAN, 1998, 149. (In Russ.)
24. Levitov N. D. Frustration as a type of mental state. *Voprosy psikhologii*, 1967, (6): 115–121. (In Russ.)
25. Safonov V. K. *Aggression in sports*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003, 156. (In Russ.)
26. Leontiev A. N. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. II, 50–71. (In Russ.)
27. Ganzen V. A., Iurchenko V. N. A systematic approach to the analysis, description and experimental study of human mental states. *Psikhicheskie sostoiianiia*, 1981, iss. 10, 6–16. (In Russ.)

Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: к постановке проблемы

Марина Б. Чижкова^{a, @, ID}

^a Оренбургский государственный медицинский университет, 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 6

@ chiztim@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2881-8413>

Поступила в редакцию 22.07.2019. Принята к печати 30.09.2019.

Аннотация: Статья посвящена изучению изменений, происходящих в процессе адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза в течение первого года обучения. Избранный диагностический инструментарий и методы обработки данных (методика «Адаптированность студентов в вузе» Т. Д. Дубовицкой и А. В. Крыловой, опросник «Тревожность студентов» в модификации опросника Ж. Тейлор, многофункциональный критерий угловое преобразование ф-Фишера и параметрический критерий t-Стьюдента для зависимых выборок), интерпретация и обобщение результатов статистического анализа позволили сформулировать выводы о неоднозначном характере динамики адаптации первокурсников к образовательной среде медицинского вуза. Выявленные достоверные различия по показателям адаптации к учебной деятельности вносят существенные дополнения в научные представления о ведущей роли данного вида адаптации, носящего открытый, ярко выраженный и относительно быстрый по времени положительный характер. Отсутствие значимых различий по показателям тревожности на начало и конец учебного года свидетельствует о достаточно стабильном, с преобладанием среднего и повышенного уровней, эмоциональном фоне студентов в процессе адаптации, а также о существовании определенных аспектов в образовательной среде вуза, вызывающих у первокурсников устойчивые негативные переживания. Наряду с этим в эмоциональном состоянии респондентов в конце первого года обучения выделяется новый аспект волнений и тревог – межличностные отношения в студенческой группе. По нашему мнению, это связано со сменой ориентиров в процессе адаптации, отражающих становление сообщества первокурсников с активно протекающими процессами статусной дифференциации и перерастания диффузной группы в группу типа просоциальной ассоциации. Данный момент реорганизации и обретения группой нового состояния равновесия, нашедший отражение в исследовании, позволяет предположить иные, в сравнении с адаптацией к учебной деятельности, особенности динамики адаптации к студенческой группе, раскрывающие ее более продолжительный, латентный и детерминированный внутригрупповыми процессами характер.

Ключевые слова: медицинское образование, адаптация к учебной деятельности, адаптация к студенческой группе, общий показатель адаптации, тревожность в вузе

Для цитирования: Чижкова М. Б. Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1039–1049. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1039-1049>

Введение

Инновационный путь развития государства обеспечивается совокупностью разнообразных детерминант, в числе которых значительное место занимает человеческий фактор – люди как важнейшие субъекты всех сфер народного хозяйства. В этом контексте молодое поколение России, особенно студенчество, выступает мощным стратегическим ресурсом, формирующим потенциал развития общества и обеспечивающим научно-технический и социальный прогресс в целом.

Высшее образование для молодого человека – не просто процесс подготовки к последующей трудовой деятельности. Это та ступень профессионального становления, на которой он должен и может получить мощный импульс

к повышению своего интеллектуального потенциала, стимулированию процессов саморазвития, активному формированию жизненных и профессиональных компетенций [1, с. 56]. Достижение указанных ориентиров во многом определяется успешным решением бывшим школьником задач адаптации на начальном этапе обучения в первый год вхождения в новую, качественно отличную от школьной образовательную среду вуза.

Адаптация студентов к образовательной среде вуза – актуальная проблема современной отечественной и зарубежной научной литературы. Отечественные работы по указанной проблеме разнообразны как по изучаемым объектам (иностранные студенты, студенты определенных специальностей, гендерные аспекты, сравнительные исследования

бакалавриата / специалитета и др.), так и применяемым методикам исследования (от психологических тестов К. Роджерса и Р. Даймонда и т. п. до субъективной самооценки студентом его адаптации к вузу, проективных методик и косвенных показателей в виде академической успеваемости и т. п.) [1–7]. В зарубежных исследованиях значительное место занимают вопросы влияния ряда индивидуальных особенностей личности на эффективную адаптацию студентов [8–12]. В частности, рассматриваются различия в возрасте, гендерной принадлежности, отношении к избранной специальности и университету, индивидуальный стиль разрешения проблемных ситуаций, некоторые личностные особенности, такие как оптимизм, удовлетворенность учебой, самоэффективность, самооценка и др. При этом особое внимание акцентируется на значимости первого года для дальнейшего обучения в университете.

Обобщение представленных точек зрения позволяет определить *адаптацию студентов к образовательной среде вуза* как один из видов общей адаптации человека, включающий в себя, с одной стороны, приспособление личности к постоянным внешним условиям, а с другой – активное взаимодействие человека и среды, когда личность не только приспосабливается к требованиям окружения, но и воздействует на него, вызывая изменения самой среды [13]. Содержание процесса адаптации студентов включает в себя освоение образовательной среды университета, принятие норм и правил внутреннего распорядка, ознакомление с особенностями общения и взаимодействия с различными структурами и службами университета [14]. В структуре целостного процесса адаптации можно выделить различные виды адаптации, раскрывающие многообразие связей обучающихся с различными компонентами образовательной среды вуза: академическая, социальная и психологическая [15]. Академическая отражает адаптацию первокурсников к требованиям учебной деятельности, социальная – к условиям взаимодействия с другими субъектами образовательной среды, прежде всего одногруппниками и однокурсниками, психологическая – эмоциональное благополучие, комфортность пребывания студента в образовательной среде, его удовлетворенность учебной деятельностью и социально-психологической атмосферой в студенческой группе. Существенной характеристикой процесса адаптации является зависимость как от воздействия внешних факторов (изменения окружающей обстановки, требования высшего учебного заведения и уклад жизни молодых людей при поступлении в вуз), так и от личностных и психофизиологических особенностей самого студента, его собственной оценки происходящих с ним событий [16, с. 28–29].

Важнейшим вопросом исследования адаптации студентов-первокурсников является проблема динамики данного процесса. Ряд авторов указывает на продолжительность адаптации в объеме четырех семестров [17]; другие полагают, что процесс адаптации завершается только к концу

третьего года обучения [18]. Высказывается точка зрения, что адаптация к различным условиям образовательной среды вуза, несмотря на разницу в возрасте и характере деятельности, происходит на одних и тех же уровнях примерно в одни и те же сроки: психофизиологическом – две недели, психологическом – до двух месяцев, социально-психологическом – от года до трех лет [19, с. 34].

Относительно характера динамики адаптации студентов-первокурсников данные также неоднозначны. Проведенное Р. М. Фатыховой с соавторами исследование показало, что интенсивность переживания адаптационных проблем в начале (сентябрь) и в конце (апрель) 1-го года обучения выше, чем частота их встречаемости. Частота возникновения проблем к апрелю увеличивается, а интенсивность их переживаний снижается. Это свидетельствует о позитивной динамике процесса адаптации, характеризующей снижением драматичности переживаний, наращивание у обучающихся психологической устойчивости и адаптационных способностей [20]. Однако имеются и исследования, выявляющие тенденцию снижения показателей адаптации первокурсников с первого семестра к концу второго семестра первого учебного года по всем изучаемым видам адаптации – академической, социальной и психологической. К концу второго семестра увеличивается доля тех, кто чувствует, что не волился в студенческую жизнь, беспокоится о своем здоровье, чувствует, что никто ему не может помочь с разрешением проблем в университете [15, с. 60]. При этом по некоторым показателям адаптации снижение продолжается и на последующих курсах обучения. С одной стороны, полагает Е. В. Горбунова, это может рассматриваться как формирование критического отношения к учебному процессу. С другой – отрицательная динамика индикаторов адаптации говорит о том, что с течением времени приспособление студентов к новой среде не улучшается, а ухудшается, вплоть до психологического «отчуждения» [15, с. 61].

На наш взгляд, динамику адаптационного процесса студентов-первокурсников нельзя рассматривать безотносительно к профилю учебного заведения, получаемой специальности, общим срокам обучения и особенностям используемых в образовательном процессе форм, методов и средств обучения.

Специфику адаптации к образовательной среде медицинского вуза составляет то, что он охватывает весь шестилетний период обучения, демонстрируя последовательное движение будущего врача от учебного процесса к профессиональной деятельности [21, с. 51; 22, с. 19]. Наиболее ярко указанные особенности проявляются на первом, четвертом и шестом курсах обучения. На четвертом курсе адаптация определяется переходом студентов с медико-биологического на клинический профиль обучения, а на шестом – усилением прагматизации студентов, когда практическая деятельность осуществляется в ущерб познавательной и творческой [21, с. 51].

Адаптация студентов первого курса обусловлена потерей привычной зоны комфорта, когда первокурсник, выйдя из знакомой ему школьной атмосферы и нередко родительской семьи, попадает в совершенно новые для него условия – образовательную среду вуза. Как следствие на первоначальном этапе адаптации студент находится в состоянии шока, связанного с психоэмоциональными (новые коммуникативные связи и отношения), информационными (насыщенность учебных предметов теорией и практикой, необходимость переработки большого объема информации) и социально-бытовыми (организация быта, досуга, системы питания и др.) перегрузками [18, с. 136].

К сожалению, в проанализированной нами литературе ощущается дефицит работ, посвященных динамике адаптации первокурсников медицинских вузов. О том, что динамика адаптации у будущих врачей «подчиняется» общей тенденции и носит положительный характер, свидетельствуют данные, полученные Т. М. Михайловой при изучении мотивационной сферы обучающихся, изменяющейся под давлением высоких вузовских требований к самоорганизации учебной деятельности. В осеннем семестре главным мотивом учебной деятельности является мотив избегания неудачи, субъективно выражающийся в стремлении уцелеть в новом статусе, справиться с проблемами, успеть в установленные сроки и т. п. Складывается парадоксальная ситуация, отмечает автор: «С одной стороны, студенты живут в режиме значительного напряжения, больших трудозатрат, высокой концентрации на учебной деятельности. Однако с другой стороны, осенний семестр 1-го курса можно условно назвать периодом "экономии личностных ресурсов". Суть подобного моратория состоит в том, что доминантой поведения и деятельности становится функционирование в оперативном режиме, активность по задаче, при которой личность выступает как функция учебной деятельности. Для первокурсников характерно стремление минимизировать риски, избегать сложных заданий, нежелание возвращаться к задачам, которые не удалось решить, уклончивость, повышенный уровень самокритичности, уязвимость по отношению к внешним оценкам, растерянность и нерешительность в ситуации неопределенности» [23, с. 11–12]. В середине весеннего семестра мотивационный вектор почти у половины студентов (до 47 %) сдвигается в сторону мотива стремления к успеху и тем самым свидетельствует, что завершается самый сложный период адаптации: первокурсники практически освоили новую образовательную и социальную ситуацию (успешная сдача первой сессии), обрели чувство уверенности в своей способности в целом справиться с учебными задачами [23, с. 12–13].

Исходя из противоречивости эмпирических данных и недостаточности специальных исследований, направленных на выявление особенностей динамики адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза, нами была определена основная цель

исследования – выявить количественные и качественные особенности динамики адаптации у студентов первого курса ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (ОрГМУ).

Представленные в статье результаты – одна из иллюстраций многолетнего изучения адаптации студентов-первокурсников ОрГМУ [24–26]. Отправной точкой данного исследования послужило предположение, что в мае, по завершении первого года обучения, по всем показателям адаптации будет отмечаться положительная динамика, свидетельствующая об успешности включения первокурсников в новую для них образовательную среду медицинского университета. В процессе подтверждения сформулированной гипотезы мы предполагали получить новые данные о характере динамики адаптационного процесса, выявить сходства / различия в показателях адаптации первокурсников в начале и конце первого года обучения.

Методы и материалы исследования

Изучение динамики адаптации студентов первого курса проводилось с помощью методики «Адаптированность студентов в вузе» [27] и опросника «Тревожность студентов» (модификация опросника Ж. Тейлор) [28, с. 560–561]. Данные методики, направленные на выявление характера адаптации к учебной деятельности, адаптации к студенческой группе, общего показателя адаптации, а также уровня эмоционального благополучия у будущих врачей на начальном этапе обучения, позволяют, на наш взгляд, уже в первом приближении оценить характер изменений, наметить направления и способы дальнейшей, более глубокой диагностики адаптационного процесса к образовательной среде медицинского вуза.

Выборку исследования составили обучающиеся лечебного, педиатрического, стоматологического, медико-профилактического и фармацевтического факультетов общей численностью 467 человек. Такая выборка достаточно адекватно отражает характерные качества, присущие всей генеральной совокупности и, следовательно, может считаться репрезентативной. Исследование проводилось в 2016–2017 учебном году на базе ОрГМУ в два этапа: первый – в октябре 2016 г., второй – в мае 2017 г. Средний возраст испытуемых на начало исследования – 18,1 года, на окончание – 18,6 лет. По половому признаку выборка распределилась следующим образом: юноши – 131 человек (28,1 %), девушки – 336 человек (71,9 %). По характеру соотношения на первом и втором этапах эксперимента группы студентов представляют собой зависимые выборки, в которых каждому испытуемому в одной выборке поставлен в соответствие испытуемый из другой выборки [29, с. 22]. Критерием соответствия избраны фамилия и имя студентов. В связи с использованием персональных данных все первокурсники были уведомлены об основных положениях этики проведения психологического исследования

и гарантированном соблюдении со стороны экспериментатора конфиденциальности полученной информации.

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи многофункционального критерия угловое преобразование φ -Фишера. Основанием для подобного выбора послужило ограничение в применении к двум зависимым выборкам численностью 467 человек непараметрического критерия Т-Вилкоксона, предусматривающего максимальный верхний предел испытуемых в количестве 50 человек [30, с. 89].

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительные данные динамики адаптации студентов-первокурсников к студенческой группе на первом (осень 2016 г.) и втором (весна 2017 г.) этапах исследования представлены в табл. 1 (фтабл. – величина угла (в радианах) для процентной доли; фэмп. – эмпирическое значение критерия). Адаптация юношей и девушек к студенческой группе на обоих этапах исследования протекает достаточно успешно, раскрывая высокий уровень включения большинства испытуемых в студенческий коллектив. Несмотря на отсутствие достоверных различий в уровнях адаптации, примененный математический аппарат позволил вскрыть отдельную качественную динамику во взаимоотношениях первокурсников с одногруппниками.

На момент первичной диагностики обучающиеся ведут себя в группе достаточно активно, не боятся проявлять симпатию к другим студентам и обращаться к ним за помощью, легко находят общий язык с однокурсниками. Оценивая свое положение в группе, большинство опрошенных (89,9 %) отрицают настороженность со стороны одногруппников и указывают на интерес и стремление последних к взаимодействию. Комфортность в новом студенческом сообществе, принятие его норм и правил отмечают 83,3 % респондентов. Однако возможность в полном объеме влиять на мнение других студентов признают лишь 49,7 %, что косвенно может говорить о становящемся характере формирования нового сообщества, в котором пока еще мало лидеров, но достаточно большой процент членов группы, не оказывающих серьезного влияния на внутригрупповые отношения [31].

На завершающем этапе исследования, как показал сравнительный анализ, статистически значимо сократилось количество юношей и девушек, испытывающих различные трудности в установлении контактов с однокурсниками ($\varphi=1,787$, $p\leq 0,05$), но при этом увеличилось число респондентов, демонстрирующих активность и инициативу в межличностных отношениях ($\varphi=1,803$, $p\leq 0,05$), изменивших свое сомнение на полную уверенность в том, что другие члены коллектива проявляют к ним интерес и симпатию ($\varphi=2,429$, $p\leq 0,01$), а также отрицающих дискомфорт в группе, нарушение ее норм и требований ($\varphi=2,230$, $p\leq 0,05$). Интересным фактом, в определенной мере раскрывающим процесс становления студенческого коллектива, мы считаем достоверный рост обучающихся, которые могут влиять

на мнение и взгляды однокурсников с учетом своих интересов ($\varphi=2,139$, $p\leq 0,05$).

Динамика адаптации к учебной деятельности более показательна (табл. 2). На начальном этапе экспериментальной работы по показателям адаптации к учебной деятельности можно выделить три группы студентов. Студенты с низким уровнем адаптации (12,2 %) испытывают серьезные трудности в новой для себя учебной деятельности. Для этих испытуемых характерны неуверенность и дискомфорт на учебных занятиях, особенно практических и лабораторных, сложности в презентации своего ответа перед одногруппниками, выражении собственного мнения и демонстрации имеющихся познавательных способностей. Большинство предметов для представителей данной группы трудны и непонятны в изучении, вызывают негативные эмоции и переживания. Несмотря на это, лишь 37 % обучающихся данной группы испытывают необходимость в дополнительной помощи и консультациях со стороны преподавателей.

Студенты со средним уровнем адаптации к учебной деятельности (55,2 %) в целом успешно справляются с новыми учебными задачами, однако указывают на трудности в своевременной подготовке по всем учебным дисциплинам (49,5 %), отсутствие собственного видения отдельных предметов и периодически возникающее смущение при ответах на семинарских и практических занятиях. В помощи преподавателей в группе со средним уровнем нуждаются 33,3 % испытуемых.

В группе с высоким уровнем адаптации к учебной деятельности (32,6 %) у респондентов отсутствуют значительные трудности при освоении избранной сферы труда. Они с легкостью высказывают свои мысли по изучаемым темам, выступают с докладами по дополнительным вопросам, стараются в полном объеме продемонстрировать свои интеллектуальные и познавательные способности, успешно и в срок справляться со всеми домашними заданиями. Хотя этим первокурсникам не трудно обратиться за помощью к преподавателю, в консультациях профессорско-преподавательского состава нуждаются лишь 30 % юношей и девушек данной группы.

Динамика адаптации к учебной деятельности, как следует из табл. 2, демонстрирует статистически значимые различия по показателям низкого (снижение на 6,6 %) и высокого (рост на 9,1 %) уровней. Наряду с этим обнаружено достоверное увеличение численности студентов, успешно и в срок справляющихся с домашними заданиями ($\varphi=4,26$, $p\leq 0,001$), имеющих собственное мнение по учебным предметам и не боящихся его высказывать ($\varphi=2,062$, $p\leq 0,05$). Значимо снизилось число первокурсников, переживающих неуверенность и дискомфорт на занятиях ($\varphi=3,239$, $p\leq 0,001$), трудности выступления перед аудиторией и выражения своих мыслей ($\varphi=2,674$, $p\leq 0,01$), сложности при освоении учебных дисциплин и практик ($\varphi=4,293$, $p\leq 0,001$), затруднения при обращении за помощью к преподавателю ($\varphi=2,016$, $p\leq 0,05$). На фоне

данных позитивных изменений сократилось и количество испытуемых, которые нуждаются в дополнительных консультациях педагогов по большинству преподаваемых дисциплин ($\varphi=2,139$, $p\leq 0,05$).

Общий показатель адаптации, как следует из результатов статистической обработки, претерпел изменения за счет смещения респондентов из категории со средним уровнем адаптации в группу с высоким уровнем адаптации (табл. 3).

Изучение тревожности на первом этапе исследования выявило оптимальность эмоционального напряжения у студентов-первокурсников в процессе адаптации к образовательной среде ОрГМУ: две трети опрошенных характеризуются низким (8,1 %) и средним (52,8 %) уровнем тревожности в вузе, тогда как превышение допустимых показателей тревожности зафиксировано лишь у 39,1 % обучающихся. Как показал качественный анализ ответов испытуемых, для всех студентов, независимо от уровня принадлежности, наиболее травмирующими оказываются следующие ситуации: возможность неудачи в сессии (88,4 %), неудачи в учебе (86,7 %), страх перед предстоящими зачетами и экзаменами (85,7 %). Большинство юношей и девушек полагают, что их знания по тому или

иному предмету ничтожны (74,9 %), они не смогут усвоить весь учебный материал и, как следствие, будут отчислены по результатам предстоящей сессии (75,6 %). Настроение респондентов во многом зависит от успеха в учебной деятельности (70,9 %), а случающиеся неудачи и промахи мгновенно выводят многих студентов из хорошего расположения духа (75,6 %). Более 60 % опрошенных испытывают трудности с организацией своего рабочего дня и выполнением намеченных планов. Накапливающиеся незавершенные дела истощают психофизиологические ресурсы и сказываются на общем самочувствии и здоровье первокурсников. Так, 73,7 % обучающихся испытывают сильное сердцебиение в ситуациях контроля знаний и умений, 69,2 % – беспокойно спят, а 52,2 % – испытывают после длительной и напряженной умственной деятельности сильные головные боли.

Указанные особенности эмоционального фона учебной деятельности, на наш взгляд, вполне созвучны с показателями адаптации к учебной деятельности и позволяют констатировать преимущественно учебно-деятельностный характер нарушений общего адаптационного процесса у будущих специалистов на первом этапе исследования (осень 2016 г.).

Табл. 1. Сравнительные данные динамики адаптации к студенческой группе студентов-первокурсников

Tab. 1. Comparative data on adaptation dynamics of the first-year students to student group

Уровень адаптации	Этап исследования						Φ _{эмп.}	p
	осень 2016 г.			весна 2017 г.				
	количество	%	Φ _{табл.}	количество	%	Φ _{табл.}		
Низкий	1	0,2	0,089	3	0,6	0,155	1,008	–
Средний	77	16,5	0,837	72	15,4	0,807	0,458	–
Высокий	389	83.3	2.300	392	84	2.319	0.290	–

Табл. 2. Сравнительные данные динамики адаптации к учебной деятельности студентов-первокурсников

Tab. 2. Comparative data on adaptation dynamics of the first-year students to learning activity

Уровень адаптации	Этап исследования						Φ _{эмп.}	p
	осень 2016 г.			весна 2017 г.				
	количество	%	Φ _{табл.}	количество	%	Φ _{табл.}		
Низкий	57	12,2	0,714	26	5,6	0,478	3,606	0,001
Средний	258	55,2	1,675	246	52,7	1,625	0,764	–
Высокий	152	32,6	1,215	195	41,7	1,404	2,887	0,001

Табл. 3. Сравнительные данные динамики общего показателя адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде

Tab. 3. Comparative data on the dynamics of the general index of adaptation of the first-year students to the educational environment

Уровень адаптации	Этап исследования						Ф _{эмп.}	p
	осень 2016 г.			весна 2017 г.				
	количество	%	Ф _{табл.}	количество	%	Ф _{табл.}		
Низкий	6	1,3	0,229	3	0,6	0,155	1,130	–
Средний	148	31,7	1,196	118	25,3	1,054	2,169	0,05
Высокий	313	67	1.918	346	74.1	2,074	2.383	0.01

Динамика тревожности студентов-первокурсников в процессе адаптации к образовательной среде ОрГМУ представлена как положительными, так и негативными аспектами (табл. 4). С одной стороны, в течение первого года обучения произошло снижение числа студентов с повышенным уровнем тревожности в вузе и увеличение числа юношей и девушек с низким и средним уровнями. С другой стороны, в 3 раза выросло и количество испытуемых, оказавшихся в категории высокого уровня тревожности.

Статистическая обработка полученных на первом и втором этапах исследования первичных данных, проведенная при помощи параметрического критерия t-Стьюдента для зависимых выборок, значимых различий в выраженности тревожности не выявила ($M_{осень}=13,97$; $M_{весна}=13,69$; M_d – средняя разность значений – 0,28; $\sigma_{осень}=4,53$; $\sigma_{весна}=4,84$; σ_d – стандартное отклонение разностей – 3,84; $t=1,565$; $p \geq 0,1$). Обращение же к критерию углового преобразования ϕ -Фишера позволило констатировать достоверность полученных изменений только по показателям высокого уровня. По остальным уровням различия либо отсутствуют, либо проявляются на уровне тенденции, например в отношении повышенного уровня.

Качественный сопоставительный анализ ответов респондентов на вопросы методики «Тревожность студентов в вузе» продемонстрировал определенного рода стабильность некоторых наиболее переживаемых проблем как в начале, так и в конце первого учебного года. Для будущих специалистов сохраняют напряженность мысли о предстоящем зачете или экзамене (74,1 %) даже при полной уверенности в своих знаниях (84,4 %), потенциальная неудача в сессии и отчисление из вуза (82,4 %) как по причине невозможности на «отлично» усвоить весь учебный материал (63 %), так и по представлениям о кажущейся ничтожности собственных знаний (75,4 %). У большей части первокурсников вновь отмечается зависимость настроения от успехов в учебе (68,7 %), склонность к эмоциональной неустойчивости (70,4 %), трудности в организации своего рабочего дня (59,7 %), негативные психофизиологические проявления (головные боли, сильное

сердцебиение, нарушения сна и др.) (от 54,6 % до 74,7 % опрошенных в зависимости от симптоматики).

Однако следует подчеркнуть, что по многим из указанных переживаний число респондентов значительно сократилось. На статистическом уровне достоверности обнаружено снижение числа юношей и девушек, пугающихся возможного «отсева» из ОрГМУ ($\phi=4,186$; $p \leq 0,001$), подчиняющих «знак» своих эмоций и чувств отметкам на семинарских и практических занятиях ($\phi=1,787$; $p \leq 0,05$), а мысли о настоящем и будущем исключительно учебной деятельности ($\phi=1,894$; $p \leq 0,05$). Необходимость соответствовать требованиям новой образовательной среды здесь и сейчас без наличия дополнительного времени для «раскачки» способствовала формированию у обучающихся умений и навыков самоорганизации, планирования дел и их выполнения ($\phi=2,001$; $p \leq 0,05$), а пройденный сложный период первой экзаменационной сессии привел к снижению эмоционального накала и выравниванию сна ($\phi=4,431$; $p \leq 0,001$).

К сожалению, в показателях тревожности первокурсников проявились ранее не актуализированные переживания, которые не могут не вызвать настороженности и постановки новых исследовательских вопросов. В частности, увеличилось количество испытуемых, объясняющих свои неудачи в учебе отсутствием воли и волевых качеств ($\phi=2,016$; $p \leq 0,05$), а также низкой концентрацией внимания на выполнении какого-либо задания и раздражительностью в связи с этим ($\phi=1,711$; $p \leq 0,05$). Значительно больше обучающихся стали испытывать трудности слушания и ведения записей на лекциях ($\phi=2,444$; $p \leq 0,01$). Определенное развитие на уровне тенденции получил и факт проявления у отдельных студентов волнения (вплоть до заикания) при ответах на семинарских занятиях или на промежуточной аттестации ($\phi=1,573$; $p \leq 0,1$). Достоверно большее количество опрошенных стали беспокоиться по поводу микроклимата в студенческом коллективе ($\phi=2,001$; $p \leq 0,05$), собственного положения в учебном сообществе ($\phi=2,780$; $p \leq 0,01$), часто возникающих ссор с одноклассниками из-за пустяков ($\phi=2,551$; $p \leq 0,01$).

Табл. 4. Сравнительные данные динамики тревожности студентов-первокурсников в процессе адаптации к образовательной среде

Tab. 4. Comparative data on anxiety dynamics of the first-year students in the process of adaptation to the educational environment

Уровень тревожности	Этап исследования						Φ _{эмп.}	p
	осень 2016 г.			весна 2017 г.				
	количество	%	Φ _{табл.}	количество	%	Φ _{табл.}		
Низкий	38	8,2	0,581	42	9,0	0,609	0,427	–
Средний	246	52,7	1,625	258	55,2	1,675	0,764	–
Повышенный	180	38,5	1,339	158	33,8	1,241	1,497	0,1
Высокий	3	0,6	0,155	9	2,0	0,284	1,971	0,05

Заключение

Выдвинутая в начале эксперимента гипотеза подтверждается лишь частично. С одной стороны, сопоставление данных по уровням выраженности показателей адаптации на обоих этапах эксперимента демонстрирует общую положительную динамику изучаемого феномена у первокурсников ОрГМУ. С другой стороны, репрезентативные положительные сдвиги выявлены лишь по адаптации к учебной деятельности, тогда как изменения показателей адаптации к студенческой группе не достигают уровня статистической достоверности. На наш взгляд, это подтверждает имеющиеся в научной литературе данные о том, что на начальном этапе обучения преобладающую роль играет именно адаптация к требованиям и условиям учебной деятельности. Возникающий при поступлении в высшее учебное заведение дидактический барьер, обусловленный несопадением методов, форм и средств преподавания / учения в высшей школе с отработанными в школе приемами [21, с. 139; 32, с. 18], побуждает первокурсников к решению наиболее приоритетных задач по устранению имеющихся познавательных трудностей и активному включению в процесс обучения. Прикладываемые студентами в этом направлении усилия, в том числе физиологические и психологические ресурсы, дают вполне очевидный позитивный результат, нашедший отражение и в нашем исследовании.

Наряду с количественными особенностями динамика процесса адаптации первокурсников к образовательной среде ОрГМУ имеет и качественные, наиболее ярко проявляющиеся в аспекте адаптации к учебной деятельности. В течение первого года обучения, включаясь в учебную деятельность, будущие специалисты приобретают умения и навыки формулирования индивидуального мнения по учебным предметам, выступления и выражения собственных мыслей на учебных занятиях, своевременного выполнения задаваемых домашних заданий. Многие обучающиеся учатся преодолевать трудности взаимодействия с педагогами, без смущения могут обратиться к ним за разъяснением непонятого вопроса. К концу первого курса уверенность и комфорт на учебных занятиях повышаются, преподаваемые дисциплины хотя и не теряют своей сложности, но оцениваются как вполне поддающиеся усвоению, а потребность в помощи и консультациях со стороны профессорско-преподавательского состава снижается.

Эмоциональный фон процесса адаптации первокурсников к образовательной среде ОрГМУ на протяжении всего периода обучения на 1-м курсе остается достаточно стабильным, с преобладанием среднего и повышенного уровня тревожности. Несмотря на положительную динамику абсолютных и относительных показателей данных уровней, статистической значимости указанные изменения не достигают и, следовательно, не могут рассматриваться как достоверные.

Более показательной представляется нам качественная трансформация самой тревожности, обнаруженная при сравнительном анализе первого и второго этапов

исследования. Во-первых, полученные результаты позволили выделить у первокурсников наиболее устойчивые аспекты образовательной среды вуза, вызывающие отрицательные эмоции: неуверенность в своих знаниях и представление об их ничтожности, страх предстоящей сессии и возможности «отсева» из вуза по ее неудовлетворительным результатам, зависимость настроения от успехов / неудач в учебе, беспокойство сна, трудности планирования своих дел. При всем этом в конце учебного года указанные переживания снижают свою остроту и охватывают значительно меньшее количество испытуемых, чем на момент первичной диагностики. Во-вторых, в ходе сравнительного анализа был выявлен новый, наиболее актуальный в конце учебного года повод для тревоги и волнения, – межличностные отношения внутри студенческой группы (переживания из-за микроклимата в коллективе, своего положения в группе, ссор с одноклассниками).

На наш взгляд, причина этого кроется в смене ориентиров адаптации первокурсников к образовательной среде ОрГМУ. Решив на приемлемом для себя уровне проблемы адаптации к учебной деятельности и выработав наиболее соответствующие ее требованиям методы и формы работы, студенты обращают свои взоры на социальную атмосферу обучения: «В каком коллективе я учусь? Кто находится рядом со мной?». В значительной степени этому способствуют и сдача первой сессии, и включение в общественную и воспитательную работу в вузе, и деятельность куратора, и собственная динамика развития студенческой группы как становящегося малого сообщества, в котором активно протекают, но еще не окончены процессы статусной дифференциации и перерастания диффузной группы в группу типа «просоциальной ассоциации» [31; 33]. Под влиянием этих и других причин в группе наступает состояние нарушения равновесия, подвижности ее структуры, когда каждый член группы, стремясь занять определенное место, приобрести (или отстоять) тот или иной статус, выработать адекватную стратегию взаимодействия с другими членами,вольно или невольно концентрируется на психологическом климате внутри группы (иногда и потока, курса). Полагаем, данный момент реорганизации и обретения группой нового состояния равновесия и проявился в показателях тревожности студентов-первокурсников ОрГМУ. Однако именно это позволяет выдвинуть гипотетическое предположение о различиях в динамике разных видов адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза. Если динамика адаптации к учебной деятельности носит открытый, ярко выраженный и относительно быстрый по времени положительный характер, то динамика адаптации к студенческой группе может быть более продолжительной, латентной и детерминироваться внутригрупповыми процессами, протекающими в студенческом коллективе. Разумеется, данное предположение нуждается в дальнейшей теоретической и эмпирической верификации, открывая простор для дальнейших научных изысканий.

Литература

1. Резник С. Д., Черниковская М. В. Студенты России: жизненные приоритеты и социальная устойчивость. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2019. 242 с. DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
2. Луков В. А., Луков С. В. Адаптация к учебе в вузе отдельных проблемных групп первокурсников: эмпирические данные и теоретические выводы // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 86–95. DOI: 10.17805/ggz.2017.5.7
3. Макарова А. Н. Адаптация студентов к профессионально-педагогической деятельности в условиях многоуровневого образования: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2005. 189 с.
4. Нагаева Т. А., Пономарева Д. А., Басарева Н. И., Желев В. А., Ильиных А. А., Семенова А. А., Струкова А. И. Клинико-психологическая оценка адаптационного процесса и поведенческих факторов риска у студентов высшей школы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23613> (дата обращения: 22.11.2018).
5. Егоренко Т. А. Социально-психологическая адаптация личности в процессе профессионального становления. Тверь: Тверской гос. технич. ун-т, 2011. 103 с.
6. Жукова Т. А., Степанова Л. А. Социально-профессиональная адаптация студентов в системе высшего профессионального образования. Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 2007. 151 с.
7. Кудрявцев В. Т., Бережковская Е. Л., Кравцов О. Г., Меркулова О. П., Новикова Т. С., Перелыгина И. А., Прихожан А. М. Психология раннего студенческого возраста. М.: Проспект, 2014. 192 с.
8. Tinto V. Dropout from higher education: a theoretical synthesis of recent research // Review of Educational Research. 1975. Vol. 45. № 1. P. 89–125.
9. Hurtado S., Carter D. F., Spuler A. Latino students transition to college: assessing difficulties and factors in successful college adjustment // Research in Higher Education. 1996. Vol. 37. № 2. P. 135–157.
10. Chemers M. M., Hu L., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first year college student performance and adjustment // Journal of Educational Psychology. 2001. Vol. 93. № 1. P. 55–64.
11. Friedland L. J., Reid G. J., Shupak N., Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? // Journal of College Student Development. 2007. Vol. 48. № 3. P. 259–274.
12. Clinciu A. Ion. Adaptation and stress for the first year university students // Procedia-Social and Behavioral Scincse. 2013. Vol. 78. P. 718–722. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>
13. Власова Т. А. Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к условиям обучения в вузе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. №1. С. 13–22.
14. Современные проблемы адаптации обучающихся в социально-культурном пространстве образовательного учреждения: сб. мат-лов Всеросс. науч.-практ. конф. (Кемерово, 11 апреля 2013 г.) / сост. Е. В. Милькова, Ю. В. Жегульская, Т. И. Варова. Кемерово: КемГУКИ, 2013. 274 с.
15. Горбунова (Колотова) Е. В. Адаптация студентов 1–3 курсов бакалавриата / специалитета к университетской жизни (в НИУ Высшая школа экономики в 2011–2012 учебном году) // Эмпирические исследования. Universitas. 2017. № 1. С. 48–64.
16. Тюрюпина И. В. Группы риска психической дизадаптации среди студентов-первокурсников вуза с различными типами акцентуации личности // Экология человека. 2014. № 3. С. 28–33.
17. Абишева З. С., Жетписбаева Г. Д., Даутова М. Б., Раисов Т. К., Айхожаева М. Т., Исакова У. Б., Асан Г. К., Исмагулова Т. М. Взаимосвязь образа жизни и культуры здоровья студентов с процессом адаптации к учебной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-5. С. 495–498.
18. Михайлова Л. В., Мохаммад А., Авилова Т. М., Чумаков В. И. Междисциплинарный подход к психолого-педагогической адаптации студентов медицинского вуза // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 4. С. 135–139.
19. Симаева И. Н. Психология адаптации личности к изменениям жизнедеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 42 с.
20. Фатыхова Р. М., Иванченко Т. П., Зайнуллин А. М. Адаптация студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 6. С. 59–70. DOI: 10.21510/1817-3292-2017-6-59-70
21. Бухарина Т. Л., Аверин В. А. Психолого-педагогические аспекты медицинского образования. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 405 с.
22. Заболотная С. Г. К вопросу об успешности адаптации студентов медицинского вуза // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2012. Т. 19. № 4. С. 17–20.
23. Михайлова Т. М. Динамика самооценки студентов 1 курса в процессе адаптации в вузе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 51. С. 7–13.

24. Чижкова М. Б. Удовлетворенность учебно-профессиональной деятельностью студентов-первокурсников на начальном этапе обучения в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/127-21304> (дата обращения: 22.11.2018).
25. Чижкова М. Б. Структура личности студентов-первокурсников с разным уровнем адаптации к образовательной среде медицинского вуза // Мир науки. 2017. Т. 5. № 3. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/29PSMN317.pdf> (дата обращения: 22.11.2018).
26. Чижкова М. Б. Ситуативная и личностная тревожность студентов медицинского вуза с различным характером адаптации к образовательной среде // European Social Science Journal. 2018. № 7-1. С. 360–369.
27. Дубовицкая Т. Д., Крылова А. В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 2. С. 1–12.
28. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002. 752 с.
29. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. 3-е изд. СПб.: Речь, 2008. 392 с.
30. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2000. 350 с.
31. Кондратьев Ю. М., Сачкова М. Е. Специфика отношений межличностной значимости в студенческой группе на разных этапах обучения // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. № 1. С. 150–160.
32. Локаткова О. Н. Структурно-динамические характеристики психологической готовности личности к взаимодействию с образовательной средой вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2017. 26 с.
33. Бабанин П. А. Социально-психологические особенности отношений авторитетности в студенческих группах современного российского вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 23 с.

Adaptation Dynamics of the First-Year Students to the Educational Environment of the Medical University

Marina B. Chizhkova^{a, @, ID}

^a Orenburg State Medical University, 6, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460000

@ chiztim@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2881-8413>

Received 22.07.2019. Accepted 30.09.2019.

Abstract: The paper features the changes that take place in the process of adaptation of first-year students to the educational environment of the medical university during the first year of study. The methods research included diagnostic tools and methods of data processing, e.g. T.D. Dubowitzka and A. V. Krylova's technique "Adaptation of students at the university", questionnaire "Student Anxiety" in J. Taylor's modification, ϕ -Fisher conversion multifunctional criterion and t-Student parametric criterion for dependent samples. A statistical analysis made it possible to make certain conclusions about the ambiguous nature of the dynamics of adaptation of freshmen to the educational environment of the medical university. The identified reliable differences in the indicators of adaptation to learning activity make significant additions to the scientific perception on the leading role of the given adaptation type, which has an open, pronounced, but fleeting positive character. The absence of significant differences in anxiety rates at the beginning and end of the school year indicates a fairly stable emotional background, with a predominance of average and elevated levels. On the other hand, certain aspects in the educational environment of the university cause persistent negative experience. The emotional state of the respondents by the end of the first year revealed a new aspect of anxiety, i. e. interpersonal relationships within the group. The authors believe this is due to the change of orientation in the adaptation process. The change reflects the formation of a community of freshmen with actively flowing processes of status differentiation and the transformation of a diffuse group into a prosocial association. This transformation suggests a different kind of adaptation dynamics to student group. This longer and more latent kind of adaptation is determined by intragroup processes.

Keywords: medical education, adaptation to educational environment, adaptation to learning activity, adaptation to student group, general index of adaptation, anxiety at university

For citation: Chizhkova M. B. Adaptation Dynamics of the First-Year Students to the Educational Environment of the Medical University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1039–1049. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1039-1049>

References

1. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. *Russian students: life priorities and social sustainability*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 242. (In Russ.) DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
2. Lukov V. A., Lukov S. V. Adaptation to education of individual problem groups of freshmen: empirical data and theoretical results. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2017, (5): 86–95. (In Russ.) DOI: 10.17805/ggz.2017.5.7
3. Makarova A. N. *Adaptation of students to professional-teaching activity in multi-level education*. Cand. Ped. Sci. Diss. Nizhny Novgorod, 2005, 189. (In Russ.)
4. Nagaeva T. A., Ponomareva D. A., Basareva N. I., Zhelev V. A., Ilinykh A. A., Semenova A. A., Strukova A. I. Clinical-psychological evaluation adaptation process and behavioral risk factors among high school students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (6). Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23613> (accessed 22.11.2018). (In Russ.)
5. Egorenko T. A. *Social and psychological adaptation of a person in the process of professional formation*. Tver: Tverskoi gos. tekhnich. un-t, 2011, 103. (In Russ.)
6. Zhukova T. A., Stepanova L. A. *Social-professional adaptation of students in higher professional education*. Kemerovo: Kemerovskii poligrafkombinat, 2007, 151. (In Russ.)
7. Kudryavtsev V. T., Berezhkovskaya E. L., Kravtsov O. G., Merkulova O. P., Novikova T. S., Perelegina I. A., Prikhodhan A. M. *Psychology of early student age*. Moscow: Prospekt, 2014, 192. (In Russ.)
8. Tinto V. Dropout from higher education: a theoretical synthesis of recent research. *Review of Educational Research*, 1975, 45(1): 89–125.
9. Hurtado S., Carter D. F., Spuler A. Latino students transition to college: assessing difficulties and factors in successful college adjustment. *Research in Higher Education*, 1996, 37(2): 135–157.
10. Chemers M. M., Hu L., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first year college student performance and adjustment. *Journal of Educational Psychology*, 2001, 93(1): 55–64.
11. Friedland L. J., Reid G. J., Shupak N., Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? *Journal of College Student Development*, 2007, 48(3): 259–274.
12. Clinciu A. Ion. Adaptation and stress for the first year university students. *Procedia-Social and Behavioral Scincse*, 2013, 78: 718–722. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>
13. Vlasova T. A. Socio-psychological adaptation of the first-year students to study conditions at higher educational institutions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (1): 13–22. (In Russ.)
14. *Contemporary problems of adaptation of students in the socio-cultural area of the educational institution*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, April 11, 2013, comps. Milkova E. V., Zhegulskaya Yu. V., Varova T. I. Kemerovo: KemGUKI, 2013, 274. (In Russ.)
15. Gorbunova (Kolotova) E. V. Adaptation of the 1–3-year students of Bachelor's / Specialist's program to university life (at the NRU Higher School of Economics in 2011–2012 academic year). *Empiricheskie issledovaniia. Universitas*, 2017, (1): 48–64. (In Russ.)
16. Tyuryapina I. V. Signification of mental dysaptation high-risk groups among first year university students with different types of personal accentuations. *Ecologiya cheloveka*, 2014, (3): 28–33. (In Russ.)
17. Abisheva Z. S., Zhetpishbayeva G. D., Dautova M. B., Raisov T. K., Aykhozhaeva M. T., Iskakova U. B., Asan G. K., Ismagulova T. M. The relationship of students' lifestyle and health culture with adaptation process to learning activities. *International Journal of Experimental Education*, 2015, (3-5): 495–498. (In Russ.)
18. Mikhaylova L. V., Mokhammad A., Avilova T. M., Chumakov V. I. Multidisciplinary approach to psychological and educational adaptation of medical students. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2018, (4): 135–139. (In Russ.)
19. Simaeva I. N. *Psychology of personal adaptation to changes in life*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2006, 42. (In Russ.)
20. Fatykhova R. M., Ivanchenko T. P., Zaynullin A. M. Adaptation of student-first-students to the conditions of training in the university. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*, 2017, (6): 59–70. (In Russ.) DOI: 10.21510/1817-3292-2017-6-59-70
21. Bukharina T. L., Averin V. A. *The psychological and educational aspects of medical education*. Ekaterinburg: UrO RAN, 2002, 405. (In Russ.)
22. Zabolotnaya S. G. Successful adaptation of medical students. *The Scientific Notes of IPP-SPSMU*, 2012, 19(4): 17–20. (In Russ.)

23. Mikhailova T. M. Dynamics of self-assessment of the first-year students in the process of adaptation at the university. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2016, (51): 7–13. (In Russ.)
24. Chizhkova M. B. Satisfaction with educational and professional activities of first-year students at the initial stage of training at the medical university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (4). Available at: <http://www.science-education.ru/127-21304> (accessed 22.11.2018). (In Russ.)
25. Chizhkova M. B. Personality structure of the first-year students with different levels of adaptation to educational environment of medical university. *World of Science*, 2017, 5(3). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/29PSMN317.pdf> (accessed 22.11.2018). (In Russ.)
26. Chizhkova M. B. Situational and personal anxiety of medical students with different nature of adaptation to the educational environment. *European Social Science Journal*, 2018, (7-1): 360–369. (In Russ.)
27. Dubovitskaya T. D., Krylova A. V. The method of studying the adaptability of students at the university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2010, (2): 1–12. (In Russ.)
28. Ilyin E. P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg: Piter, 2002, 752. (In Russ.)
29. Nasledov A. D. Mathematical methods of psychological research. *Analysis and interpretation of the data*, 3rd ed. St. Petersburg: Rech, 2008, 392. (In Russ.)
30. Sidorenko E. V. *Mathematical processing techniques in psychology*. St. Petersburg: Rech, 2000, 350. (In Russ.)
31. Kondratiev Yu. M., Sachkova M. E. Relationships of interpersonal importance in a student group at different stages of learning. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2011, (1): 150–160. (In Russ.)
32. Lokatkova O. N. *Structural-dynamic characteristics of a person's psychological readiness to interact with the educational environment of the university*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2017, 26. (In Russ.)
33. Babanin P. A. *Social and psychological features of the relationship of authoritativeness in the student groups of modern Russian university*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2015, 23. (In Russ.)

Диагностика представлений о прокурорской деятельности: теория и практика

Дмитрий В. Шабаров^{a, @}; Владимир А. Губин^a; Валерий А. Майоров^b

^a Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское ш., 10

^b Прокуратура Санкт-Петербурга, 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 2/9

@ shabarovdv@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019. Принята к печати 06.11.2019.

Аннотация: Проанализированы подходы к изучению социальной установки, которые были использованы в качестве теоретической основы разработки и апробации диагностического комплекса Представление о прокурорской деятельности, состоящего из проективных методик, направленных на выявление социальных представлений о прокурорской деятельности. Данная разработка является составной частью Комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры Российской Федерации, разработанной на базе прокуратуры Санкт-Петербурга В. А. Губиным и Д. В. Шабаровым в 2019 году. Она позволяет выявить интересы и предрасположенность к различным видам прокурорской деятельности, сформировать индивидуальный профессионально-образовательный маршрут в рамках подготовки вновь принятых прокурорских работников, определить профессиональную направленность, которая представлена социальными установками, включающими систему представлений о среде прокурорской деятельности, оценку своей способности выполнять эту деятельность, степень выраженности профессиональных ценностных ориентаций, интереса к профессиональной деятельности. Методики могут быть полезны для районных, специализированных прокуроров, наставников молодых специалистов органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации при решении вопроса о формировании индивидуального плана обучения и воспитания вновь принятых прокурорских работников. Они могут быть использованы в отношении тех работников органов и учреждений прокуратуры Российской Федерации, которые решили сменить вид надзорной деятельности. В качестве иллюстрации проведен анализ Проективной методики «20 определений понятия "прокуратура"», разработанной и успешно апробированной В. А. Губиным и Д. В. Шабаровым в 2019 году и направленной на выявление когнитивной составляющей социальных представлений о прокурорской деятельности.

Ключевые слова: социальные представления, установка, повышение квалификации, практико-ориентированное обучение, психодиагностика

Для цитирования: Шабаров Д. В., Губин В. А., Майоров В. А. Диагностика представлений о прокурорской деятельности: теория и практика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1050–1059. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1050-1059>

Введение

В современном российском обществе престижной и значимой является профессиональная деятельность, связанная с несением службы в органах и учреждениях прокуратуры РФ. Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения, «главной инстанцией в нашей стране, куда люди потенциально готовы обратиться в случае нарушения гражданских и предпринимательских прав, является прокуратура: половина участников всероссийского телефонного опроса (48 %) и две трети представителей бизнеса (67 %) подали бы заявление именно туда. Вторым по популярности ответом среди граждан в целом является МВД (21 %), среди представителей юрлиц – суды (53 %). Третий и более россиян обратились бы в прокуратуру при неисполнении своих обязательств госорганами,

по вопросам нарушения трудовых прав, невыплаты социальных пособий, отказе в лечении и т. д. Незаконные действия госорганов, нарушения со стороны следственных органов, а также несоблюдение трудовых прав работников стало бы поводом обратиться в прокуратуру и для более чем половины предпринимателей»¹.

Содержащиеся в указанном исследовании выводы подтверждают, что органы прокуратуры РФ имеют большой авторитет среди населения страны, следовательно, престиж профессии прокурора остается высоким. Многие выпускники юридических вузов стремятся трудоустроиться в органы и учреждения прокуратуры РФ, зачастую не имея адекватных социальных представлений о всей многогранности профессии. Та же ситуация часто складывается со вновь принятыми прокурорскими работниками,

¹ Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод // ВЦИОМ. 22.05.2018. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9110> (дата обращения: 06.08.2019).

имеющими непродолжительный стаж службы в органах и учреждениях прокуратуры РФ. Вместе с тем потребность общества в высококвалифицированных компетентных юристах, осуществляющих надзорную деятельность, остается высокой [1; 2].

Эффективность организации обучения молодых специалистов обусловлена тем, что оно охватывает все звенья системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников прокуратуры (по месту прохождения службы, в базовой прокуратуре, в межрегиональных центрах профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих, в Академии Генеральной прокуратуры РФ) и осуществляется непрерывно на плановой основе с использованием индивидуального подхода к каждому молодому специалисту в зависимости от его личных качеств, уровня подготовки, полученной в образовательной организации высшего образования [3]. Эти обстоятельства предопределили актуальность разработки диагностического комплекса Представление о прокурорской деятельности. В его основу легли результаты теоретического анализа понятия социальных представлений и эмпирических исследований, проведенных на базе прокуратуры Санкт-Петербурга. Комплекс позволяет определить готовность юриста к прокурорской деятельности, выявляет его профессиональные интересы и предрасположенности. Он базируется на современных подходах к изучению социальных установок. Актуальность работы связана с отсутствием в отечественной психологии диагностического инструментария для исследования представлений о прокурорской деятельности.

Подходы к исследованию социальной установки

Анализ подходов к проблеме социальной установки в зарубежной и отечественной психологической науке показывает, что, несмотря на наличие значительного количества работ и критических обзоров, множества экспериментов по ней, сама такая установка по-прежнему остается неисследованным в целом ряде аспектов объектом психологии. Причина этого – существование целого круга не нашедших своего разрешения проблем данного явления, который можно свести к нескольким основным категориям: понятие социальной установки, ее формирование и смена, структура названного феномена и функции его компонентов.

Исследование категории понятия социальной установки позволяет сделать вывод, что согласно представлениям, устоявшимся в отечественной психологической науке, социальная установка представляет собой категориальное понятие социальной психологии. Интерес к данной проблеме и многообразие мнений и суждений по поводу указанной психической структуры объясняется ее исключительной важностью как категории психологии, необходимой для понимания социальной сущности и жизни человека, а также сложностью ее определяемости.

В современной психологии установка рассматривается как один из самых важных психологических механизмов включения индивида в социальную систему, одновременно функционирующий в качестве и элемента психологической структуры личности, и элемента социальной структуры [3]. Например, П. Н. Шихирев относит социальной установке роль центрального объекта в социальной психологии, утверждая, что «исследования социальной установки – миниатюрная копия американской социальной психологии» [4, с. 159].

Традиция изучения социальных установок сложилась в западной социальной психологии и социологии [5]. Г. Олпорт еще в начале XX в. указывал, что «ни один термин не появился так быстро в современной экспериментальной и теоретической литературе» [6, с. 38]. В целом все исследования по психологии установки размещаются в границах двух магистральных направлений психологии – бихевиористического и когнитивного [7].

При рассмотрении этапов становления представлений о социальной установке можно отметить нестабильность публикаций по данной проблеме. В частности П. Н. Шихирев в истории исследования социальных установок в западной социальной психологии выделил четыре периода:

- 1) бурный рост популярности проблемы и числа исследований по ней (от введения термина в 1918 г. до Второй мировой войны);
- 2) упадок исследований в связи с затруднениями и тупиковыми ситуациями (40–50-е гг. XX в.);
- 3) возрождение интереса к проблеме, возникновение ряда новых идей, но с признанием кризисного состояния исследований (50–60-е гг. XX в.);
- 4) явный застой, связанный с обилием противоречивых и несопоставимых фактов (70-е гг. XX в.) [8].

Л. Ланге, с работ которого началось исследование установки, определял ее как готовность, обусловленную прошлым опытом. Им исследовалось время моторной и сенсорной реакции и его зависимость от установки испытуемого [7].

Начавшиеся вслед за этим исследования установки сразу приобрели ряд особенностей. В рамках общей психологии установка стала объектом изучения Вюрцбургской школы экспериментального исследования мышления, где общепсихологически установка изучалась в качестве готовности сознания к определенной реакции, т. е. как бессознательный феномен [9]. Два важнейших для исследования явления установки вопроса поставлены О. Кюльпе, Н. Ах и К. Бюлером: активность установки и ее интенциональность. При этом интенциональная составляющая была отброшена всеми направлениями изучения в связи со значительным влиянием естественнонаучной ориентации психологии, а также низкой разработанностью вопросов интенциональности в светской традиции [7].

Активность установки далее стала подробно изучаться в школе Д. Н. Узнадзе. В теории установки им выделялся

процесс фиксированности установки, который имеет отчетливое наполнение и связан с прошлым опытом [10]. Ш. А. Надирашвили определял данное явление как «фиксируемую социальную установку» и указывал на приспособительную установочную активность, которая не только представляет собой ранний этап психического развития, но и базу, на основе которой происходит формирование всей последующей активности [11].

В первом периоде исследователи осуществляли рассмотрение вопросов определения установки, было предложено значительное их количество. В западной социальной психологии для обозначения социальных установок был введен термин *attitюд*, переводимый в литературе на русском языке как социальная установка или приводимый без перевода. Первоначально *attitюд* определялся через его функции в качестве регулятора поведения и деятельности человека.

С точки зрения Г. Олпорта, одним из первых психологов, употребивших термин *attitюд*, являлся Г. Спенсер, родоначальник позитивизма [6]. А. А. Девяткин в монографии о социальной установке указывает на А. Бинэ и Н. Н. Ланге. При анализе взглядов психологов в 1914 г. он отмечает: «Бинэ видит в этих актах, вообще, моторные приспособления и называет их *les attitudes*, позами, готовностями. Умственная готовность (*attitude*) кажется мне вполне подобной физической готовности, это подготовка к акту, эскиз действия, оставшийся внутри нас и осознаваемый через те субъективные ощущения, которые его сопровождают» [7, с. 19].

Первой проблемой, которая стала рассматриваться практически каждым исследователем, являлась проблема определения *attitюда*. Изучая вопрос об определении, необходимо указать на различия в толковании понятий *социальная установка* и *установка*. По мнению А. Г. Асмолова и М. А. Ковальчук, социальная установка выполняет функции общепсихологической установки на уровне социальной общности и обеспечивает единое отношение и поведение членов общества, т. е. обладает более высокой организацией [9].

Д. Н. Узнадзе и представители его школы (А. С. Прангишвили, И. Т. Бжалава, В. Г. Норакидзе, И. В. Имедадзе и др.) применяли термин *установка* в рамках общепсихологической теории установки, для которого в английском языке существует обозначение *set* [12].

Таким образом, изучения *attitюдов* есть совершенно самостоятельная линия, идущая не в русле развития идей установки (*set*), а превратившаяся в одну из самых разработанных областей социальной психологии.

В 1935 г. Г. Олпорт написал обзорную статью по истории психологии установки. Большая часть ее посвящена истории развития проблемы, анализу различных направлений и определений, а также отличию *attitюдов* от других понятий. По результатам анализа семнадцати определений исследуемого понятия Г. Олпорт пришел к выводу о существовании единого связующего звена между всеми этими определениями установок. В свою очередь, из определений, данных Г. Олпортом, выделены следующие

черты *attitюда*: а) определенное состояние сознания и нервной системы; б) выражающее готовность к реакции; в) организованное; г) на основе предшествующего опыта; д) оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение. По мнению Г. Олпорта, основными чертами *attitюда* были его ментальное или нейтральное состояние, готовность к действию, организованность, следствие опыта [6].

После исследований Г. Олпорта попытка классификации стратегий разработки определения понятия *attitюд* была сделана Э. Гринвальдом, авторы отнесены им к одному из четырех классов:

1) автор представляет собственное определение *attitюда* и доказывает, что оно может не быть идентичным уже имеющимся (Э. Дуб, 1947; Ч. Осгуд, 1955);

2) автор рассматривает множество вариантов других определений и отдает предпочтение одному из них (А. Инско, 1967) или предлагает новое определение (Г. Олпорт, 1935);

3) автор допускает разнообразие определений *attitюда*, отчаявшись найти консенсус различных определений (Д. Мак-Гуайер, 1968; М. Смит, 1956);

4) автор пытается перевести различные определения *attitюда* на обычный разговорный язык и при помощи его выработать направление конвергенции различных направлений (А. Кэмпбелл, 1963).

Предпринятую Э. Гринвальдом попытку определения рассматриваемого понятия отличает желание объединить все ранее разработанные теории *attitюда* для создания комплексной психологической теории, сконструированной на базисных психологических теориях научения, общей когнитивной ориентации [7]. Вместе с тем, как утверждают А. Г. Асмолов и М. А. Ковальчук, «в зарубежной психологии первая попытка классификации различных значений, вкладываемых в понятие "установка", принадлежит Дж. Гибсону» [9, с. 161].

Современная социальная психология оперирует значительным количеством определений рассматриваемого явления. Так, Т. Шибутани понимает социальную установку как «психологическое переживание индивидом ценности, значения социального объекта, организованное на основе предшествующего опыта, оказывающее направляющее влияние на поведение» [13, с. 38]. С точки зрения Д. Г. Майерса, «установка – это благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на что-либо или на кого-либо, которая выражается в мнениях, чувствах и целенаправленном поведении» [14, с. 162]. П. Н. Шихиревым предложена формулировка: «социальная установка есть устойчивое, латентное состояние предрасположенности индивида к положительной или отрицательной оценке объекта или ситуации, сложившееся на основе его жизненного опыта, оказывающее регулятивное, организующее влияние на перцептуальные, эмоциональные и мыслительные процессы и выражающееся в последовательности поведения

(как вербального, так и невербального) относительно данного объекта в данной ситуации» [8]. Таким образом, в настоящее время отсутствует общепринятое определение аттитюда при наличии множества разработанных различным исследователями подходов.

Функции и структура аттитюда

П. Н. Шихирев в ходе анализа и обобщения различных взглядов на функции аттитюда приводит описание работы Д. Каца, теория которой получила наименование функциональной теории установки [15]. Д. Кацем выделены четыре основные функции аттитюдов с точки зрения потребностей индивида:

- 1) аттитюд направляет субъекта к объектам, которые служат достижению его целей – приспособительная (инструментальная, утилитарная, адаптивная) функция;
- 2) аттитюд дает упрощенные указания относительно способа поведения по отношению к конкретному объекту – функция организации знания;
- 3) аттитюд выступает как средство освобождения субъекта от внутреннего напряжения, выражения себя как личности – функция выражения (ценности, саморегуляции);
- 4) аттитюд способствует разрешению внутренних конфликтов личности – функция Эго-защиты [8].

Согласно выводу Д. Каца, указанные функции могут реализовываться аттитюдом в связи с наличием у него развитой дифференцированной внутренней структуры. Это значит, что вопрос функций аттитюда неотделим от вопроса о его структуре, который стал одной из важнейших проблем теории аттитюда. Следовательно, возникающая проблема структуры аттитюда связана непосредственно с процедурами его измерения, в связи с чем представляется неслучайным то, что эти вопросы возникали в фокусе внимания исследователей одновременно. В 1942 г. М. Смитом представлена трехкомпонентная структура социальной установки, в которой выделены:

- а) осознание объекта социальной установки – когнитивный компонент;
- б) эмоциональная оценка объекта установки, выявление чувства симпатии или антипатии к нему – аффективный компонент;
- в) последовательное поведение по отношению к объекту – поведенческий (конативный) компонент [8].

М. Агостинос и И. Уокер, выступившие с критикой указанной структуры, считали, что единственным релевантным индикатором аттитюда является лишь аффективный компонент, в связи с чем установку следует отличать от убеждения и поведенческого намерения. Ф. Шлегель и Ди Текко, в свою очередь, пришли к выводу, что размерность структуры аттитюда находится в прямой зависимости от вида объекта, при этом одномерная структура существует в тех случаях, когда убеждения относительно объекта немногочисленны, просты и непротиворечивы.

Все элементы установочной системы взаимосвязаны и представляют собой систему реакций, специфичную для каждой конкретной личности. Поэтому изменение

одного компонента может вызвать изменение какого-либо другого [16].

Вопрос о формировании установок может быть рассмотрен в контексте его трехкомпонентной структуры. Несмотря на то, что все установки состоят из аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов, формирование социальной установки может в большей степени базироваться на переживании какого-то одного типа. Э. Аронсон выделяет три типа установок в зависимости от способа их возникновения:

- 1) установки, сформированные когнитивно (основаны на представлениях о качествах объекта установки, выполняют функцию классификации достоинств и недостатков объекта);
- 2) установки, основанные на эмоциях (базируются на чувствах и нравственных ценностях людей, а не на объективных характеристиках объекта, большую роль в формировании которых играет классическое и оперантное обусловливание);
- 3) установки, основанные на поведении (строятся основе наблюдения за поведением по отношению к объекту установки) [17].

В качестве центральной многим ученым видится проблема смены социальной установки. Исследователями было выдвинуто много различных моделей объяснения процесса изменения социальных установок. В качестве причин, оказывающих влияние на изменение социальной установки, могут быть выделены: влияние убеждения, массовой пропаганды, членства в новой социальной группе, более глубокое знакомство с объектом установки [16]. Наибольшее распространение получили две теоретические модели, объясняющие изменение социальной установки, опирающиеся на принципы бихевиористской и когнитивистской ориентаций. Бихевиористская теория изменения социальных установок основана на принципе научения. Предполагается, что социальные установки индивида изменяются в зависимости от того, каким образом организуется подкрепление какой-либо социальной установки. То есть изменение социальной установки зависит от системы вознаграждений и наказаний. Общей для данных теоретических положений является идея об изменении социальной установки, когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие [13]. Одним из самых известных направлений эмпирических исследований изменения аттитюда являются исследования убеждающей коммуникации, проводившиеся в 1950-х гг. в Йельском университете (США) и связанные с именами К. Ховланда и его коллег И. Джаниса, Г. Келли, М. Шерифа и др. Проблема изменения аттитюда рассматривается и в современных когнитивных моделях убеждающей коммуникации. Наиболее известными являются Вероятностная модель обработки информации Р. Петти и Дж. Качоппо и Эвристико-систематическая модель Ш. Чейкен [18]. В этих моделях рассматриваются различные способы переработки человеком поступающей информации, определяющие устойчивость и прочность изменения его аттитюдов.

Другая проблема аттитюда – его измерение. М. Смит выделяет три класса измеряемых характеристик аттитюда: аффективный аспект (направленность аттитюда); когнитивный параметр (информационный контекст и центральная направленность убеждений, фактических знаний, которые имеют отношение к объекту); поведенческий компонент (описание конативных тенденций). Называют три группы методов измерения: вербальный самоотчет, физиологические и поведенческие методы [7].

Среди тестов, используемых в социальной психологии, особое место занимают шкалы измерения социальных установок. К наиболее известным методам измерения и построения шкал установок можно отнести метод равных интервалов (А. Терстоун), метод суммарных оценок (Р. Лайкерт), метод кумулятивного шкалирования (А. Гутман) [19]. Широко используются шкалы для измерения социальных установок, основанные на использовании метода семантического дифференциала для измерения эмоционального и когнитивного компонента установок. Эмоциональная составляющая оценивается по степени выраженности оценки по шкалам с указанием чувств противоположного значения, например *ненависть – любовь*. Шкалы для измерения когнитивного компонента установки содержат характерные черты, относящиеся к объекту, например *бесполезный – полезный*. Эти шкалы разработаны С. Критом, Р. Фабригаром и Р. Петти [20]. Для измерения поведенческого компонента социальной установки используются анкеты и опросники.

Методы и методики

С помощью результатов теоретического анализа феномена социальной установки [21] для разработки индивидуального профессионально-образовательного маршрута подготовки вновь принятых прокурорских работников, выявления представлений о прокурорской деятельности авторами создан диагностический комплекс Представление о прокурорской деятельности, состоящий из следующих методик:

- проективная методика «20 определений понятия "прокуратура"»;
- методика «Построение индивидуального семантического пространства»;
- опросник «Направленность на прокурорскую деятельность»;
- методика оценки прокурорской деятельности.

Данные методики позволяют выявить профессиональные интересы и предрасположенность к различным видам прокурорской деятельности у юристов различного уровня подготовки.

Цель состоит в конструировании диагностического комплекса, состоящего из методик, направленных на изучение предрасположенности и готовности к осуществлению прокурорской деятельности. Методы, используемые при разработке диагностического комплекса, – теоретический анализ и моделирование.

Проективная методика «20 определений понятия "прокуратура"»

Методика предназначена для оценки сформированности когнитивного компонента социальных установок на основе критерия полноты и осознанности имеющихся знаний и представлений относительно деятельности органов и учреждений прокуратуры РФ у вновь принятых прокурорских работников [22]. Методологическую основу данной методики составляет модифицированный вариант методики М. Куна и Т. Макпартлэнда «20 высказываний» [23; 24].

Испытуемым предлагается бланк с инструкцией: «Представьте себе, что Вы встретились с человеком, великолепно владеющим русским языком, но совершенно ничего не знающим о понятии "прокуратура". Объяснить значение этого слова Вашему партнеру можете только Вы. Для этого Вам необходимо дать понятию "прокуратура" 20 определений. Это могут быть отдельные слова, словосочетания, ассоциативные термины и т. п., но в любом случае одно определение должно быть ориентировано на какое-то одно свойство или качество "прокуратуры". Каждое определение Вы должны записать в одну строку бланка. Располагайте определения в том порядке, в каком они приходят Вам в голову. Не заботьтесь об их логичности или важности, правильности или неправильности. Пишите быстро, не задумываясь, т. к. Ваше время ограничено десятью минутами. Итак, ПРОКУРАТУРА – это ...».

Исследование по данной методике может носить как индивидуальный, так и групповой характер. Протоколы испытуемых подвергаются контент-анализу с выявлением следующих категорий:

- определение прокуратуры как организационной структуры (ОРГ – государственный орган и т. п.);
- определение прокуратуры как среды профессиональной деятельности (Пд – служба);
- определение прокуратуры как среды жизни (Ж – семья, коллектив);
- определение прокуратуры как среды общения (Общ – друзья и т. д.);
- определение прокуратуры как среды воспитания (В – честь, мужество, патриотизм);
- определение прокуратуры как среды обучения (Об – учеба и т. п.);
- определение прокуратуры как среды изоляции (И – ненормированный рабочий день и т. д.);
- метафорические определения (М – передача «Прокурорская проверка», «Тайны следствия» и т. д.);
- атрибутивные определения (А – погоны, форма).

Предложенная совокупность категорий соответствует структуре среды субъекта деятельности по Е. А. Климову, который выделяет в ней информационную, социально-контактную, вещественную часть и общественно-исторические, общественно-экономические, политические условия [25].

При помощи данной методики для выявления наиболее адекватных представлений о среде профессиональной

деятельности прокуратуры был использован метод экспертных оценок. В качестве экспертов выступили прокурорские работники прокуратуры Санкт-Петербурга в количестве 10 человек в возрасте от 34 до 45 лет, мужчины, со сроком службы в органах и учреждениях прокуратуры РФ более 10 лет, занимающие управленческие должности, обладающие высоким уровнем профессионализма и авторитета как среди подчиненных, так и вышестоящего руководства.

Данные обработаны при помощи контент-анализа, т. е. количественного анализа вариантов определений с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Схожие по смысловому содержанию понятия и суждения объединялись в общие категории, после чего была подсчитана частота встречаемости в ответах респондентов [26]. Далее каждому определению была приписана модальность (позитивность, нейтральность, негативность), а затем подсчитана частота его употребления в каждой выборке. Совокупность наиболее часто встречающихся типовых терминов называется модальной совокупностью представлений [27], соответствующей ядру групповой системы представлений и свидетельствующей о ее содержании. В таблице приведено 19 дефиниций, поскольку абсолютная частота встречаемости определений понятия *прокуратура* 3 и более, встретились только в 19 случаях, прочие представляют собой частные определения, не относящиеся ни к одной из представленных категорий.

Прокуроры-эксперты определяют понятие *прокуратура* через категории *профессиональная деятельность* (13), *организационная среда* (3), *атрибуты прокуратуры* (2) и *среда воспитания* (1). В скобках указано количество определений в каждой категории. Общее количество определений – 19.

Полученные данные легли в основу разработки методики Построение индивидуального семантического пространства. Методологической основой выступил метод построения индивидуальных или групповых семантических пространств, разработанный Ч. Осгудом. Методика позволяет выявить различия в представлениях о прокурорской деятельности по факторам оценки, силы и активности у вновь принятых прокурорских работников и экспертов в прокурорской деятельности.

Опросник «Направленность на прокурорскую деятельность» разработан В. А. Губиным и Д. В. Шабаровым в 2019 г. Он сконструирован по принципу семантического дифференциала в шкале из семи интервалов и включает в себя 34 пары взаимно противоположных утверждений, отражающих содержание пяти факторов:

- фактор ценностных ориентаций;
- фактор интереса к профессиональной деятельности;
- фактор самооценки профессиональной пригодности;
- фактор социального прогноза;
- фактор социальной поддержки.

Подсчет выраженности каждого фактора производится путем вычисления среднего арифметического значения из числа баллов пунктов, входящих в смысловое поле

Табл. Модальная совокупность представлений понятия *прокуратура* у прокуроров-экспертов

Tab. Modal set of definitions of the *prosecutor's office* concept in expert prosecutors

№	Определение	Модальность	Абсолютная частота	Категория
1.	Надзор	+	21	Пд
2.	Анализ состояния законности	+	9	Пд
3.	Защита	+	9	Пд
4.	Юриспруденция	+	8	Пд
5.	Координация	+	8	Пд
6.	Государственное обвинение	+	8	Пд
7.	Система	+	7	Орг
8.	Борьба с преступностью	+	7	Пд
9.	Профилактика	+	6	Пд
10.	Жалобы и обращения	–	6	Пд
11.	Служба	+	5	Орг
12.	Форма, мундир	+	5	А
13.	Власть	+	5	Орг
14.	Законность	+	4	Пд
15.	Погоны	+	4	А
16.	Профессионал	+	4	Пд
17.	Присяга	+	3	В
18.	Статистика	+	3	Пд
19.	Помощь	+	3	Пд

каждого фактора и полученных путем преобразования качественных оценок шкалы опросника в шкалу интервалов.

Основой разработки данной методики послужил диагностический комплекс Направленность на военно-профессиональную деятельность, разработанный В. А. Губиным и А. Л. Загорюевым в 2011 г. Сохранена структура методики, переформулированы некоторые пункты, касающиеся специфики прокурорской деятельности [28; 29].

Проективная методика оценки прокурорской деятельности предназначена для выявления профессиональных интересов, представлений и диагностику знаний у вновь принятых прокурорских работников. Она включает два диагностических блока. В первом – испытуемому предлагается проранжировать 10 направлений надзора по степени его профессиональных интересов, письменно ответить на вопрос, с чем связан выбор более приоритетного для него направления надзора. Далее следуют задания: «Дайте определение понятию "анализ состояния законности"» и «Назовите источники получения информации, которые Вы будете использовать для проведения анализа состояния

законности по избранному направлению надзорной деятельности». Во втором блоке испытуемому предлагается самостоятельно составить план предварительного, основного и завершающего этапа прокурорской проверки по интересующему направлению надзора.

Методика позволяет выявить степень подготовки к осуществлению прокурорской деятельности, знание процедуры проведения прокурорской проверки, знания методологических и тактических основ надзорной деятельности и степень готовности к ее осуществлению. В качестве дополнительной методики оценки эмоциональной составляющей социальных представлений о прокуратуре рекомендуется использовать методику, предложенную С. Крит, Р. Фабригар и Р. Петти, включающую 8 шкал с чувствами противоположного значения.

Заключение

Понятие психической установки вошло в научный обиход в первой половине прошлого века и обозначалось термином *attitude* (аттитюд). В истории исследования социальной установки необходимо отметить нестабильность публикаций по данной проблеме, периоды чередования всплесков и упадка изучения феномена. На данный момент существуют теоретические разногласия, проявляющиеся в расхождении взглядов на основные характеристики понятия социальных установок [30; 31].

Сложность и многогранность понятия *аттитюд* служат причиной его неоднозначного толкования. Значение, вкладываемое различными исследователями в понятие *социальная установка*, очень широко варьируется по содержанию. Отсутствуют четкие границы между терминами *установка* и *социальная установка*, в некоторых источниках содержание этих понятий рассматривается как идентичное. В качестве основных проблем социальной установки на сегодняшний день могут быть обозначены отсутствие

общепринятого определения понятия аттитюда, вопрос структуры и функций аттитюда, проблема его измерения и проблема смены социальных установок.

Теоретический анализ феномена *социальная установка* лег в основу диагностического комплекса Представление о прокурорской деятельности, который является составной частью Комплексной программы подготовки вновь принятых прокурорских работников прокуратуры РФ к различным видам надзорной деятельности, разработанной В. А. Губиным и Д. В. Шабаровым в 2019 г. Результаты применения диагностического комплекса позволяют определить установку на вид надзорной деятельности, сформировать индивидуальный профессионально-образовательный маршрут. Одной из форм реализации данного образовательного маршрута является направление на целевое обучение по образовательной программе высшего образования по направлению надзорной деятельности в рамках подготовки магистров или повышение квалификации на базе образовательной организации неюридического профиля. В данном случае происходит специализация прокурорского работника, которая в совокупности с полученными в юридическом вузе знаниями делает его компетентным, квалифицированным специалистом во вверенном направлении надзорной деятельности. Например, прокурорский работник, осуществляющий надзор в экономической сфере, имеющий интерес и предрасположенность к данной сфере прокурорской деятельности, получив высшее экономическое образование, будет обладать углубленными знаниями в предмете надзора, что, несомненно, найдет свое отражение в качестве и эффективности проводимых им проверок. Диагностический комплекс и Комплексная программа внедрены и успешно зарекомендовали себя в практической деятельности кадровых подразделений органов и учреждений прокуратуры РФ в нескольких субъектах страны.

Литература

1. Губин В. А., Шабаров Д. В. Психологические характеристики прокурорских работников как субъектов практико-ориентированной учебно-профессиональной деятельности // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. № 4. С. 47–58.
2. Амиребеков К. И., Будаев С. Н., Кроз М. В., Кулакова Н. А., Хатов Э. Б. Организация работы с молодыми специалистами в органах прокуратуры // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2016 году / под общ. ред. О. С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. Вып. 5. С. 305–341.
3. Тихомандрицкая О. А. Социальные изменения и изменение социальных установок // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 162–181.
4. Шихирев П. Н. Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. 1973. № 2. С. 159–166.
5. Деннис А. Социология установки // Американская социология. М.: Аспект Пресс, 2005. 152 с.
6. Олпорт Г. Становление личности / пер. с англ. Л. В. Трубицыной, Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 461 с.
7. Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. 309 с.
8. Шихирев П. Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения / отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976. С. 278–295.

9. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А. О соотношении понятий установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 143–163.
10. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 451 с.
11. Надирашвили Ш. А. Классификация форм активности в свете теории установки // Психология личности и образ жизни / отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 23–27.
12. Шеварев П. А. Об основных положениях предложенной Д. Н. Узнадзе теории установки // Вопросы психологии. 1962. № 5. С. 36–47.
13. Шибутани Т. Социальная психология / под. ред. В. Б. Ольшанского. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 538 с.
14. Майерс Д. Г. Социальная психология. СПб.: Питер, 2007. 794 с.
15. Кац Д. Функциональный подход к изучению аттитюдов. М.: Общественное издательство, 1960. 186 с.
16. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / отв ред. А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 1996. 225 с.
17. Аронсон Э., Уилсон Т. Д., Эйкерт Р. М. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2004. 560 с.
18. Шулепов Д. А. Управление социальными установками массовой аудитории // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 22. С. 44–45.
19. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. 508 с.
20. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2001. 686 с.
21. Попов А. И. Факторы, влияющие на социальные установки кандидатов, поступающих на службу по контракту в силовые структуры // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. Т. 6. № 6. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/122PSMN618.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).
22. Муромцев И. Ю. Влияние социальных установок (аттитюда) на процесс адаптации к военной службе // Юридическая психология. 2018. № 1. С. 30–34.
23. Андреева Г. М., Петровская Л. А., Богомолова Н. Н. Современная социальная психология на Западе. М.: Изд-во МГУ, 1978. 270 с.
24. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2004. 520 с.
25. Климов Е. А. Психология профессионала: избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 454 с.
26. Семенов В. Е. Метод изучения документов в социально-психологических исследованиях. СПб.: Питер, 2003. 315 с.
27. Шаньгина Н. В. Образ психолога-профессионала в представлении студентов психологического факультета // Вестник Российской академии естественных наук. Санкт-Петербургское отделение образования и развития науки. 2006. № 11. С. 43–46.
28. Губин В. А., Загорюев А. Л. Диагностический комплекс «Направленность на военно-профессиональную деятельность» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3. С. 91–95.
29. Попов А. И. Модель формирования социальных установок кандидатов, поступающих на службу по контракту в силовые структуры // Интернет-журнал «Мир науки». 2019. Т. 7. № 1. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/100PSMN119.pdf> (дата обращения: 14.07.2019).
30. Ювченко М. С., Ушакова В. Р. Различные подходы в психологии к пониманию социальных установок // Научно-методический журнал «Наука и образование: новое время». 2019. № 1. С. 71–73.
31. Харченко Д. В. Основные подходы к проблеме установки личности в зарубежной и отечественной социальной психологии // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 66–70.

Social Attitudes to Public Prosecution: Theory and Practice

Dmitrii V. Shabarov^{a, @}; Vladimir A. Gubin^a; Valery A. Mayorov^b

^a Pushkin Leningrad State University, 10, St. Petersburg Highway, St. Petersburg, Russia, 196605

^b Prosecutor's Office of St. Petersburg, 2/9, Pochtamskaya St., St. Petersburg, Russia, 190000

@ shabarovdv@mail.ru

Received 30.07.2019. Accepted 06.11.2019.

Abstract: The research featured the approaches to the study of social attitudes to public prosecution. The results were used as the theoretical basis for the development and testing of the complex of diagnostic measures "Representation of Public Prosecution". The complex consisted of projective techniques aimed at identifying social attitudes to public prosecution. The proposed complex is an integral part of the Comprehensive Program for the Training of Newly Hired Prosecutors of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. The program was developed on the basis of the St. Petersburg Prosecutor's Office by V. A. Gubin and D. V. Shabarov in 2019. It identifies interests and predisposition to various types of prosecutorial activities. The program makes it possible to create an individual vocational and educational route in the framework of training newly hired prosecutors. It also determines the professional orientation and social settings of the new employees, their system of ideas about the environment of prosecutorial activities, their self-esteem and ability to perform this activity, the degree of professional value orientations, and interest in professional activity. The methods may be useful for district prosecutors that mentor young specialists in various institutions and form an individual training plan. In addition, the presented methods can be of some help to those employees of bodies and institutions of the prosecutor's office who decided to change the type of supervisory activity. The article describes an analysis of one of the methods of the Complex, namely the Projective methodology "20 definitions of the concept of "prosecutor's office". It was developed and successfully tested in practice by V. A. Gubin and D. V. Shabarov in 2019. The methodology identifies the cognitive component of social representations of prosecutorial activity.

Keywords: social attitudes, representation, professional development, practice-oriented training, psychodiagnostics

For citation: Shabarov D. V., Gubin V. A., Mayorov V. A. Social Attitudes to Public Prosecution: Theory and Practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1050–1059. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1050-1059>

References

1. Gubin V. A., Shabarov D. V. Psychological characteristics of prosecutors as subjects of practice-oriented educational and professional activities. *Vestn. Leningr. gos. un-ta. A. S. Pushkina*, 2018, (4): 47–58. (In Russ.)
2. Amirbekov K. I., Buday S. N., Kroz M. V., Kulakova N. A., Khatov E. B. Organization of work with young specialists in prosecution authorities. *Scientific support for the activities of prosecution authorities in 2016*, ed. Capinus O. S. Moscow: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2017, iss. 5, 305–341. (In Russ.)
3. Tikhomandritskaya O. A. Social changes and changes in social attitudes. *Social psychology in the modern world*, eds. Andreeva G. M., Dontsov A. I. Moscow: Aspekt Press, 2002, 162–181. (In Russ.)
4. Shikhirev P. N. Studies of social attitudes in the USA. *Voprosy Filosofii*, 1973, (2): 159–166. (In Russ.)
5. Dennis A. *Sociology of the installation. American Sociology*. Moscow: Aspect Press, 2005, 152. (In Russ.)
6. Allport G. *Socialization*, tr. Trubitsyna L. V., Leontyev D. A.; ed. Leontyev D. A. Moscow: Smysl, 2002, 461. (In Russ.)
7. Devyatkin A. A. *The phenomenon of social attitudes in the psychology of the twentieth century*. Kaliningrad: Kaliningr. un-t, 1999, 309. (In Russ.)
8. Shikhirev P. N. Social installation as a subject of socio-psychological research. *Psychological problems of social regulation of behavior*, eds. Shorokhova E. V., Bobneva M. I. Moscow: Nauka, 1976, 278–295. (In Russ.)
9. Asmolov A. G., Kovalchuk M. A. On the correlation of concepts of attitude in general and social psychology. *Theoretical and methodological problems of social psychology*, eds. Andreeva G. M., Bogomolova N. N. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977, 143–163. (In Russ.)
10. Uznadze D. N. *Psychological research*. Moscow: Nauka, 1966, 451. (In Russ.)
11. Nadirashvili Sh. A. Classification of forms of activity in the light of the theory of attitudes. *Psychology of personality and lifestyle*, ed. Shorokhova E. V. Moscow: Nauka, 1987, 23–27. (In Russ.)
12. Shevarev P. A. On the main provisions of the proposed D. N. Uznadze installation theory. *Voprosy psikhologii*, 1962, (5): 36–47. (In Russ.)
13. Shibutani T. *Social Psychology*, ed. Olshanskii V. B. Rostov-on-Don: Feniks, 2002, 538. (In Russ.)

14. Myers D. G. *Social Psychology*. St. Petersburg: Piter, 2007, 794. (In Russ.)
15. Katz D. *Functional approach to the study of attitudes*. Moscow: Obshchestvennoe izdatelstvo, 1960, 186. (In Russ.)
16. *The dynamics of socio-psychological phenomena in a changing society*, ed. Zhuravlev A. L. Moscow: IP RAN, 1996, 225. (In Russ.)
17. Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M. *Social psychology*. St. Petersburg: Praim-Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2004, 560. (In Russ.)
18. Shulepov D. A. Management of social settings of the mass audience. *Tsentralnyi nauchnyi vestnik*, 2018, 3(22): 44–45. (In Russ.)
19. Ilin E. P. *Motivation and motives*. St. Petersburg: Piter, 2006, 508. (In Russ.)
20. Anastasi A., Urbina S. *Psychological testing*. St. Petersburg: Piter, 2001, 686. (In Russ.)
21. Popov A. I. Factors affecting the social attitudes of candidates entering the service under the contract in the power structures. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*, 2018, 6(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/122PSMN618.pdf> (accessed 14.07.2019). (In Russ.)
22. Muromtsev I. Yu. Influence of social attitudes on the process of adaptation to military service. *Iuridicheskaya psikhologiya*, 2018, (1): 30–34. (In Russ.)
23. Andreeva G. M., Petrovskaya L. A., Bogomolova N. N. *Modern social psychology in the West*. Moscow: Izd-vo MGU, 1978, 270. (In Russ.)
24. Burlachuk L. F., Morozov S. M. *Dictionary guide for psychodiagnostics*. St. Petersburg: Piter, 2004, 520. (In Russ.)
25. Klimov E. A. *Professional psychology: selected psychological works*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2003, 454. (In Russ.)
26. Semenov V. E. *The method of studying documents in socio-psychological research*. St. Petersburg: Piter, 2003, 315. (In Russ.)
27. Shan'gina N. V. The image of a professional psychologist in the view of students of the psychological department. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk. Sankt-Petersburgskoe otdelenie obrazovaniia i razvitiia nauki*, 2006, (11): 43–46. (In Russ.)
28. Gubin V. A., Zagoryuev A. L. Diagnostic complex "Military career orientation". *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2013, (3): 91–95. (In Russ.)
29. Popov A. I. Model of formation of social attitudes of candidates entering the service under the contract in the power structures. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*, 2019, 7(1): Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/100PSMN119.pdf> (accessed 14.07.2019). (In Russ.)
30. Yuvchenko M. S., Ushakova V. R. Different approaches in psychology to understanding social attitudes. *Nauchno-metodicheskii zhurnal "Nauka i obrazovanie: novoe vremia"*, 2019, (1): 71–73. (In Russ.)
31. Harchenko D. V. The main approaches to the installation problem of personality in foreign and national social psychology. *Scientific Review. Series 2. Human science*, 2017, (1): 66–70. (In Russ.)

Языковые установки вынужденных переселенцев в регионе Курдистана

Ризгар М. Амин^{а, @, ID}

^а Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

@ rizgarmuhammad1983@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-8419-388X>

Поступила в редакцию 30.10.2019. Принята к печати 09.12.2019.

Аннотация: Рассматриваются языковые установки вынужденных переселенцев, бежавших в Иракский Курдистан из-за угроз террористических групп с 2003 г. Данная социальная группа включает в себя преимущественно представителей арабской национальности, приехавших из разных регионов страны. Выбор данной социальной группы и языка анализа во многом определяют новизну проблемы исследования. В фокусе исследовательского внимания находится изучение уровня сформированных языковых установок и факторов, влияющих на отношение к своим этническим языкам или курдскому языку (как языку большинства в регионе). Показано, что большинство представителей рассматриваемой социальной группы в регионе по-прежнему позитивно относятся к своему этническому языку и гордятся им. При этом у них не формируется отрицательное отношение к курдскому языку, так как этот язык считается необходимым условием общения с другими участниками, устройства на работу и ведения бизнеса, а также распространения социальных и культурных ценностей курдского общества. Исследование показало, что анализируемая социальная группа вынужденных мигрантов не имеет враждебной настроенности к курдскому языку, несмотря на столетнюю историю этнических проблем с курдами Ирака.

Ключевые слова: языковые установки, этнический язык, язык большинства, вынужденные переселенцы, мигрирующий регион, социальные ценности, культурные ценности

Для цитирования: Амин Р. М. Языковые установки вынужденных переселенцев в регионе Курдистана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1060–1068. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1060-1068>

Литература

1. Haig G. The invisibilisation of Kurdish: the other side of language planning in Turkey // Die Kurden. Studien zu ihrer Sprache, Geschichte und Kultur / eds. Conermann S., Haig G. Schenefeld: EB-Verlag, 2004. P. 121–150.
2. Baker C. Key issues in bilingualism and bilingual education. Multilingual Matters, 1988. 222 p.
3. Baker C. Attitudes and language. Multilingual Matters, 1992. 200 p.
4. Holmes J. An introduction to sociolinguistics. London: Longman, 1992. 489 p.
5. Juvrianto C. People's language attitude in sociolinguistics. State University of Makassar, 2016. Режим доступа: https://www.academia.edu/29335111/People_s_Language_Attitude_in_Sociolinguistics (дата обращения: 10.10.2019).
6. Baker C. Foundations of bilingual education and bilingualism / 3rd ed. Multilingual Matters, 2001. 484 p.
7. Calvet J.-L. Language wars: language policies and globalization. Oxford: Oxford University Press, 2006. 228 p.
8. Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems. 8th ed. The Hague: Mouton, 1974. XII+148 p.
9. Park S. M., Sarkar M. Parents' attitudes toward heritage language maintenance for their children and their efforts to help their children to maintain the heritage language: A case study of Korean-Canadian immigrants // Language, Culture and Curriculum. 2007. Vol. 20. № 3. P. 223–235. DOI: 10.2167/lcc337.0
10. Kuncha R. M., Bathula H. The role of attitudes in language shift and language maintenance in a new immigrant community: A case study. 2004. Working paper № 1. AIS ST HELENS Centre for Research in International Education. Режим доступа: http://crie.org.nz/research-papers/H.Bathula_WP1.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
11. Tuwakham M. Language vitality and language attitude among the YONG people in Lamphun province: a sociolinguistic study. Presented to the Graduate School of Payap University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of arts in Linguistics, 2005. XXI+192.
12. Roberts M. Immigrant's attitude towards language maintenance in New Zealand // Languages of New Zealand / eds. Bell A., Harlow R., Starks D. Wellington: Victoria university press, 2005. P. 248–270.
13. Starks D. Other languages of New Zealand: introduction // Languages of New Zealand / eds. Bell A., Harlow R., Starks D. Wellington: Victoria university press, 2005. P. 241–247.

14. Plimmer C. Language maintenance and shift in the Italian community in Wellington // *Wellington Working Papers in Linguistics*. 1994. № 1. P. 83–104.
15. Romaine S. Identify and multilingualism // *Studies in bilingualism*. Vol. 42. Bilingual Youth: Spanish in English speaking societies / eds. Potowski K., Rotman J. Amsterdam: Jon Benjamins publishing, 2011. P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1075/sibil.42.03rom>
16. Mannheim B. Una nacion acorralada: Southern Peruvian Quechua language planning and politics in historical perspective // *Language in Society*. 1984. Vol. 13. № 3. P. 291–309.
17. Khadidja A. Language maintenance and language shift among Kabyle speakers in Arabic speaking communities: The case of Oran. Oran: The University of Oran, 2013. 145 p.
18. Dweik B. S. Language contact, use and attitudes among the chaldo-assyrians of Baghdad, Iraq: a sociolinguistic study // *Journal of Advances in Linguistics*. 2014. Vol. 3. № 3. P. 2019–232. DOI: 10.24297/jal.v3i3.5212
19. Dweik B. S. language choice and language attitudes in a multilingual Arab-Canadian community: Quebec – Canada: a sociolinguistic study // *British Journal of English Linguistics*. 2015. Vol. 3. № 1. P. 1–12.
20. Bichani S. A study of language use, language attitudes and identities in two Arabic speaking communities in the UK. Thesis (PhD). Department of English Language and Linguistics, 2015. 314 p.
21. Deji-Afuye O. O. Language use and language attitudes in a bi / multilingual community: an overview // *International Journal of Innovative Language, Literature & Art Studies*. 2016. Vol. 4. № 1. P. 51–56.
22. Adesoji-Farayibi Ch. Attitude towards igbo language in high schools in Nigeria: insight into Nigerian indigenous language issues. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. 88 p.
23. Belmihoub K. Language attitudes in Algeria // *Language Problems & Language Planning*. 2018. Vol. 42. № 2. P. 144–172.

Language Attitude among the Displaced People in the Kurdistan Region

Rizgar M. Ameen ^{a, @, ID}

^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

@ rizgarmuhammad1983@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-8419-388X>

Received 30.10.2019. Accepted 09.12.2019.

Abstract: This paper focuses on the language attitudes of the displaced people who fled to the Kurdistan region of Iraq due to having the daily threats on their life by the terrorist groups since 2003. These people are mostly from Arabic nation and came from the different parts of the country, the language of analysis and the chosen social group contributing to the novelty of the research. The research aims at exploring the level of attitudes and the factors which affected the motivation of these people either towards their ethnic languages or Kurdish (the language of the majority in the region). It is shown that the majority of the displaced people in the region still have a positive attitude towards their ethnic language, are proud of it while having quite normal attitudes towards Kurdish, and believe that it is necessary for communication with other constituents, for getting jobs and conducting business and in order to spread social and cultural values of the Kurdish society. Here can be seen that the migrated people, who had about a hundred year history of ethnic problems with the Kurds of Iraq, nowadays have a normal attitudes towards Kurdish language.

Keywords: language attitude, ethnic language, language of the majority, displaced people, migrated region, social values, cultural values

For citation: Ameen R. M. Language Attitude among the Displaced People in the Kurdistan Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1060–1068. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1060-1068>

Introduction

The object matter of this paper is the type of language contact and the motivation of the displaced people towards the Kurdish language. Its scientific novelty is due to presenting for the first time the language attitude of the displaced people

in the Kurdistan Region which is the Kurdish-populated territory incorporated into Iraq and considered by the Kurds as one of four parts of Greater Kurdistan.

Whereas the region is quite small in its territory, it is hosting the largest number of refugees from the wars in Iraq and Syria

(a total of 1,4 million displaced people according to a count done with UN help). A comprehensive count carried out jointly by the Kurdistan Regional Government (KRG) and the United Nations indicates that some 850,000 war-displaced Iraqis have fled to the three provinces of the autonomous Kurdistan Region since January 2014. By the end of 2015 Over 2 million refugees and internally displaced persons (IDPs) have fled their home towns and countries, and have found refuge in Iraqi Kurdistan¹.

The displaced people are from Arabic, Turkmen and Assyrian nations, and they are from Mosul governorate on the border of Turkey and Kurdistan region with some from the central and northern part of the country. Their stay for years left no chance for them to have any contact with Kurdish, the spoken language of the majority in the region meanwhile Kurdish has been banned by the regime in Iraq since its demarcation by British mandate.

Kurdish has its certain linguistic status. It is a Western Iranian language, with two major dialects (Sorani and Kurmanji) and about four minor ones. It is thus related to Persian (though not a dialect of Persian, as some popular sources have claimed) and unrelated to Turkish or Arabic. Unsuccessful attempts to prove that it is a debased 'mountain' dialect of Turkish (various examples of which appeared during the twentieth century) were undertaken for the purposes of Turkish propaganda, and should not be taken seriously [1]. Kurdish has been in contact for a decade with Persian in Iran, Turkish in Turkey, and Arabic in Syria and Iraq and its situation has been changed by time. It faces a new challenge today in the Kurdistan Region due to embodying thousands of the displaced people and this may affect its situation again.

Due to this challenge the situation in the Kurdistan region is worldwide analyzing from a linguistic point of view. The aspect of sociolinguistic studies can be viewed as the region of multiple language contact. This type of contact gives the displaced people a chance to have some linguistic scenarios (language maintenance, language shift or creation new language) which vividly related to their attitude.

Language attitude as an issue of socio-linguistic studies

Language attitude is one of the most important factors that lead to maintaining a language [2, p. 114]. Baker C. defines attitudes as "hypothetical constructs that are interfered, conceptual inventions hopefully aiding the description and explanation of behavior" [2, p. 115]. The term "language attitudes" is an umbrella term. It comprises a wide range of research topics and areas:

- attitude to language variation, dialect and speech style;
- attitude to learning a new language;
- attitude to a specific minority language (e.g. Irish);
- attitude to language groups, communities, and minorities;
- attitude to language lessons;
- attitude to the uses of a specific language;

- the attitude of parents [together with other relatives as well as an individual's social environment] to language learning;
- attitude to language preference [3, p. 151].

Attitude can be classified into some levels. Holmes J. expresses three levels of attitudes towards a social or ethnic group [4, p. 211]. The first level is that of attitudes towards a social or ethnic group. The second level is that of attitudes towards the language of that group and the third is the attitude towards individual speakers of that language. Here the individual speakers are important and people generally do not hold opinions about languages in a vacuum. They develop attitudes towards language which reflect their views about those who speak the language, and the contents and functions with which they are associated. Holmes J. points out that the underlying assumption for learning languages is that in a society, social or ethnic groups have certain attitudes towards each other, relating to their differing positions. These attitudes affect "attitudes towards cultural institutions or patterns characterizing these groups such as language, and carry over to and are reflected in attitudes towards individual members of the group" [4, p. 212]. These levels of attitude deserved to be changed any time due to having some factors.

Factors affecting language attitude

Factors affecting language attitudes are many. Yet, the most decisive ones are: historical factor, sociocultural factors, prestige and power of the language, political factor, economic factor, religion and ethnicity.

History is one the factors that influence people's attitude towards a language or a language variety. Juvrianto C. states that "some Middle East people may not want to study English because they learn from their history that Western people were Colonialist" [5].

Sociocultural factor is another important factor because when a language associated with great cultural value, norms and beliefs will attract positive attitude towards the language from the people. Yoruba for an example is a honourific language that gives honour to people who are superior to someone because of this rich culture, people seem to love Yoruba. For example, Yoruba uses the second person plural "ẹyin" for an adult individual. Likewise a language that has a great social influence on people influence positive attitude. Some Nigerians will say they hate English language just because it does not respect status nor position in its language. This kind of attitude is based on the fact that this people consider English as a language that is not culturally rich. Baker C. argues that social factors affect the rate of language attitude. Migrants whose goal is to move upwards in society often experience rapid language shift as the better their knowledge of the dominant language is the better their chances of success are. Access to education also plays a part. Undertaking higher education, while providing migrants with opportunities for social and economic mobility, can also alienate them from

¹ Global trends: forced displacement in 2015 // UNHCR. The UN refugee Agency. 2015. Режим доступа: <https://reliefweb.int> (дата обращения: 02.02.2018).

their communities if other community members do not have the same opportunities [6, p. 127].

The Prestige and Power of the Language is important as well, some people assume that learning a foreign language will correlate with declining the national loyalty of the learners. However scholars have learned that the enthusiasm on learning a foreign language is not always correlated with a negative attitude toward the national and cultural feeling of the learners. In the African context, so much is attached to the ability to speak English. The term "illiteracy" has been attached to the inability to speak and write English. Thus, the attitude of Africans towards English is highly positive.

Politics it is another factor which may affect the attitude of language learners because the language with great political influence and power attracts people. Based on the truth that people love power and politics and some languages like French, English, Spanish and German have great political dominance in many countries [5].

Economics can't be out of the process and Language that is attached to great economic benefits and goods attract people. Many people around the world will say, "English is a language and when you learn English, you are assured of a good job". This kind of statement is given birth to because of the economic power of English. Calvet L. J. states that human beings are not always able to choose their languages, their choice is determined first and foremost by the milieu in which they find themselves, by the languages that coexist in this niche and then by their needs, and very little by the typological situation of the coexisting languages [7, p. 16]. Holmes J. states that economic factors such as employment opportunities also impact on the survival of a language within a small community. Learning the language of their host country often becomes critical in order for migrants to obtain employment [4, p. 119].

Religion is another factor which may affect the attitude, a language attached to a particular religion will attract positive attitude from people. A Muslim will always have positive attitude towards Arabic is considered as the language of the Holy Quran and it is the language that Allah (God) understands. A catholic person will have a positive attitude towards Latin because that is the language of the Roman Catholic Church. The same religious factor applies to a Sango worshipper. A Sango worshipper will have positive attitude towards Yoruba because that is the language of the Obakoso (Sango).

Ethnicity for some is vital as well and attitude towards an ethnic group influences attitude towards a language of the ethnic group. For example, in Kano state, Hausa as an ethnic group is regarded as a prestigious language because people consider the ethnic group a good one. This attitude influences positive attitude towards Hausa as a language.

Attitude as a factor to maintain and shift languages

Language attitude as one of the main factors to language maintenance or shift may have a positive or negative impact. For those who have a positive attitude towards learning new

languages, the result will be positive too, but for the ones who still believe that the prestige of their language is much more important the result will be negative. C. Baker argues that people who consider their language essential to both their ethnic and self-identities, and who have strong emotional attachments to their heritage language, are more likely to maintain the language than are those who define their identities through factors other than language [6, p. 130].

Weinreich U. argues that some ethnic groups stick to their mother language because of the emotional involvement with it, as one learned it in childhood or because of the role of language as a symbol of group integrity [8, p. 99]. Park S. M. & Sarkar M. who investigated Korean immigrant parents' attitudes towards heritage language maintenance for their children and their efforts to help their children maintain Korean as their heritage language in Montreal. They concluded that "Korean immigrant parents were very positive towards their children's heritage language maintenance. Korean parents believed that their children's high level of proficiency in the Korean language would help their children keep their cultural identity as Koreans, ensure them better future economic opportunities, and give them more chances to communicate with their grandparents efficiently" [9]. Not so far Kuncha R. M. and Bathula H. sought to investigate language attitudes of mothers and children in the Telugu community and how they relate to the loss of language in an English speaking country. The findings showed that although most of the Telugu people speak their own community language at home, the children are rapidly losing their language [10]. Also Tuwakham M. investigated language vitality and language attitudes of the Yong people in Lamphun province. The findings showed that the Yong people in Lamphun have positive attitudes towards their own language as well as other languages such as Kammuang and Standard Thai [11, p. 117].

The motivation of the community members towards the host language is one of the factors which can have a role in the process of language shift. Both Roberts M. and Starks D. identify a positive attitude on the part of a migrant community towards the language of its homeland as the essential ingredient in language shift. A positive attitude increases the likelihood that the language will be spoken in a number of domains and this assists the community in avoiding a shift to the dominant tongue [12; 13].

While the attitude of the migrant community can reduce the rate of language shift if the community values its language and feels that it is fundamental to its cultural identity, the attitude of wider society also plays a role. A positive societal attitude towards the language encourages a positive attitude in the migrant community which is essential to ensure the use of the language in different domains and resistance to language shift. C. Plimmer's study of the Italian community in Wellington found that its attitude towards the language was enhanced by the prestige of it being associated with fashionable clothes, cars, and food [14].

Romaine S. discusses the way in which stereotypes can be projected onto a language and how this can result

in the community making a conscious decision to stop speaking the language as self-defense in order to avoid stigma, such as in the aforementioned case of Dutch settlers [15]. Another example of this is Quechua which is spoken throughout Andean countries from Chile and Argentina in the south, to Ecuador at the northern tip of the Andes. Quechua speakers were encouraged to abandon their language in preference for Spanish which was considered the language of education, economics, and politics. There was a great stigma attached to being heard speaking Quechua and, in Peru, this was reinforced by the labelling of the shift from Quechua to Spanish as "integration into national society" [16, p. 292].

Empirical studies related to language attitude

In the last ten years, some researchers investigated the language attitudes of the different ethnic groups in the world.

Khadidja A. is another researcher who investigated the different attitudes of the Kabyle minority group living in Oran towards the four languages that include their speech repertoire. The findings pointed that the Kabyle speakers of Oran manifest positive attitudes towards their native language. These positive attitudes may play a significant role in the maintenance of the Kabyle variety in the speech community of Oran where the predominant language is Algerian Arabic [17, p. 145].

Dweik B. S. investigated the language attitudes of the Chaldo-Assyrians of Baghdad, and found that the attitudes of the Chaldo-Assyrians towards Syriac and Arabic were highly positive [18]. He also investigated language choice and language attitudes in a multilingual Arab-Canadian community and found that Arabs of Quebec – Canada have positive attitudes towards Arabic, English and French [19].

Bichani S. investigated Language Attitudes in two Arabic Speaking Communities in the UK and her findings show that subjects' attitudes to the heritage language, in both its varieties, namely standard (Fusha) and colloquial Arabic, were generally positive [20].

Deji-Afuye O. O. investigated in Language Use and Language Attitudes in a Bi / Multilingual Community and found that there are several factors may affect the prestige and status of a language and thus, the attitude of people towards it [21].

Adesoji-Farayibi Ch. investigated the Attitude towards Igbo Language in High Schools in Nigeria and found out that the general attitude towards indigenous Nigerian languages has often been that of disdain and negligence, especially in the domain of education. Igbo, one of the major Nigerian languages seems to be the most affected among its counterpart-Hausa and Yoruba [22].

Belmihoub K. investigated language attitude in Algeria and his results show a strong preference of Modern Standard Arabic (MSA), English, and French by native speakers of Algerian Arabic (Derja). Native speakers of Tamazight (a Berber language) preferred MSA, English, French, and Tamazight [23].

Methodology

I. Selection of participants. Since the study was on the displaced people, any data from non-displaced people was not used. The displaced people are from different parts of Iraq and their staying in the region obliges them to have a contact with the other languages in the region. The subjects were also selected based on convenience sampling since their stay was still on, and I could get as many displaced people as were willing to participate. The only requirement was that they be displaced people and came from Iraq, not from other countries.

II. Description of the participants. The subjects in this study were 80 displaced people: 56 % male and the other 44 % female. The participants were from different nations; 70 Arab, 6 Turkmen and 4 Assyrian. Participants were categorized into groups as follow: age 15–24, age 25–34, age 35–44, age 45–54 and those above 55. The largest percentage was of those aged 15–24, who made up 40 % of the participants. The respondents were also categorized according to their level of education, 33 % have secondary school education and in the second position were those who have a high school education with 19 %.

III. The survey items. To address the research question, participants were surveyed by use of a questionnaire that investigated language attitude of the displaced people. The questionnaire had two main sections. The first section was an in depth exploration of the participants' biographical information to assess how various family backgrounds. This section sought information such as participants' age, gender, ethnic group, place of birth and parents' educational levels. The second part explored language use patterns seeking information on languages preferred in various contexts. The questionnaires were distributed to all willing participants along with necessary instructions. Since all the respondents were not in a high linguistic level therefore it's translated into Arabic, the ethnic language of the majority.

IV. Data analysis. The data collected from the questionnaire items was analyzed using descriptive statistics. Results are presented below with a table given for illustration. Open ended questions were categorized so that they would be interpreted for possible generalizations.

Finding

For understanding the attitude of the displaced people in the Kurdistan Region a list of questions is designed. These question deal with the participants' attitudes and feelings towards both the ethnic language and Kurdish. The participants were asked to respond to twenty-four statements about their attitudes towards their ethnic language and Kurdish. Each statement is given five options to answer: Strongly disagree, Disagree, Undecided, Agree, Strongly agree.

Tab. 1 below shows the attitudes of the participants towards their ethnic language. The results indicate that the majority of the participants (72,5 %) like their ethnic language and are proud of it. Furthermore, the results indicate that the same ratio is given when the participants are asked whether they can

Tab. 1. Attitudes towards the ethnic language

Табл. 1. Отношение к этническому языку

Items	Strongly disagree	Disagree	Undecided	Agree	Strongly agree	Total
I like this language and I am proud of it	6	2	14	23	35	80
I can express myself best in this language	6	4	12	26	32	80
I feel at home when I talk in this language	6	1	16	24	33	80
Knowledge of this language is necessary to maintain the unity of the ethnic group	3	2	11	26	38	80
This language is a symbol of my individual identity	1	6	18	24	31	80
Knowledge of this language is a symbol of prestige and social status	3	5	7	33	32	80
The ethnic language does not help me in the work	10	11	6	24	29	80
The ethnic language does not help me in higher education	14	4	10	31	21	80
It is the language of my ancestors, childhood and I am emotionally attached to it	–	3	–	29	48	80
This language is associated with my heritage and history	5	4	9	30	32	80
This language is dying in my home	5	2	16	30	26	80
It is important that my children speak ethnic language fluently	6	3	8	31	32	80

express themselves best in this language while 12,5 % disagree. Also, 71,25 % agree that they feel at home when they talk in their ethnic language; 20 % are undecided and only 8,75 % disagree.

When the participants were asked whether the knowledge of this language is necessary to maintain the unity of the ethnic group, the majority of them (80 %) agree; 13,75 % are undecided and 6,25 % disagree. Moreover, the majority of the participants (68,75 %) consider the ethnic language a symbol of their identity and only 22,5 % are undecided while 8,75 % disagree. Also the results show that the majority of the participants (81,25 %) regard their ethnic language a symbol of prestige and social status, only 8,75 % of them are undecided and just 10 % disagree.

Whether the ethnic language is useful and help them at work, 66,25 % of the participants believe that the ethnic language does not help them while 7,5 % are undecided and (26,25 %) disagree. Furthermore, 65 % of the participants believe that their ethnic language does not help them in higher education because Kurdish is the official language in the region and it is the language used in all domains; 12,5 % are undecided and 22,5 % disagree.

Moreover, the results in tab. 1 indicate that the overwhelming majority of the participants (96,25 %) regard their ethnic language as the language of their ancestors and childhood and only 3,75 % disagree. Also 77,5 % believe that their ethnic language is associated with their heritage and history, only 11,25 % disagree and the same ratios are undecided (11,25 %). 70 % of the participants believe that their ethnic language is not

dying in their home, while only 8,75 % agree and 20 % are undecided. Finally, 78,75 %, as pointed out in tab. 11, encourage their children to speak the ethnic language fluently, 10 % are undecided and only 11,25 % disagree.

Concerning the participants' attitudes and feelings towards Kurdish, tab. 2 below shows their opinion towards this language which is the official language of the region and used in different domains.

When the participants were asked whether they prefer to learn Kurdish in the whole country, the result shows that 65 % of the participants agree, just 18,75 % disagree and 16,25 % are undecided. About Kurdish speaking 68,75 % agree and show their positive attitude towards Kurdish and see it as an important language to speak, 10 % are undecided and 21,25 % disagree. With regard to the importance of Kurdish in the region compared to their ethnic languages, 67,5 % of the participants agree while 7,5 % are undecided and 25 % disagree. When they were asked whether they prefer to use Kurdish for social mobility, the results indicate that 58,75 % agree with this statement, only 11,25 % are undecided while 30 % disagree. When the participants were asked about the importance of Kurdish for communication with other constituents of Kurdish society, the majority (71,25 %) agree, 8,75 % are undecided and 20 % disagree.

Moreover, while the results indicate that 90 % of the participants believe that Kurdish is necessary for getting jobs, 7,5 % are undecided and 2,5 % disagree. Similarly, 90 % of the participants

report that Kurdish is necessary for conducting business, 6,25 % are undecided and 3,75 % disagree with this statement.

When the participants were asked if it is better to learn the Kurdish language in order to spread social and cultural values of the Kurdish society, 67,5 % of them agree, 20 % are undecided and just 12,5 % disagree. About the participants' consideration to see Kurdish as their future carrier language, only 18,75 % of them disagree, the majority (70 %) agree and 11,25 % are undecided. 53,75 % of the participants agree to speak Kurdish because it's the language of their children's school, 31,25 % are undecided and 15 % disagree.

Furthermore, the majority of the participants (78,75 %) agree that Kurdish has many dialects, which makes the communication more difficult, only 8,75 % disagree and 12,5 % are undecided. Finally, the results show that 61,25 % of the participants agree and see Kurdish as an interesting language, 33,75 % disagree and just 5 % are undecided.

Discussion

The results shown in tab. 1 prove that about three-fourth of the participants still have attitude towards their ethnic languages and see it as the symbol of prestige and social status, their heritage and history, the language of their ancestors and childhood. This group of people are the ones who use their ethnic language in most of the domains, this result matches U. Weinreich who argued that some ethnic groups stick to their mother language because of the emotional involvement

with it, as one learned it in childhood or because of the role of language as a symbol of group integrity [8, p. 99].

It agrees with Park S. M. & Sarkar M. who investigated Korean immigrant parents' attitudes towards heritage language maintenance for their children and their efforts to help their children maintain Korean as their heritage language in Montreal. They concluded that "Korean immigrant parents were very positive towards their children's heritage language maintenance. Korean parents believed that their children's high level of proficiency in the Korean language would help their children keep their cultural identity as Koreans, ensure them better future economic opportunities, and give them more chances to communicate with their grandparents efficiently" [9].

It also matches C. Baker's words who stated that people who consider their language essential to both their ethnic and self-identities, and who have strong emotional attachments to their heritage language, are more likely to maintain the language than are those who define their identities through factors other than language [6, p. 130].

The results shown in tab. 2 confirm that about three-fifth of the participants see Kurdish as the important language for conducting business, getting jobs, spreading social and cultural values of the Kurdish society, and having a better future career. This group of people are the ones who integrated into the Kurdish community and use their ethnic language in some domains which have been discussed above. This agrees with C. Baker who argued that social factors affect the rate of language shift. Migrants whose goal is to move upwards

Tab. 2. Attitudes towards the Kurdish language

Табл. 2. Отношение к курдскому языку

Items	Strongly disagreed	Disagree	Undecided	Agree	Strongly agree	Total
Kurdish is the official language of the region and Iraq, so it must be learned	5	10	13	28	24	80
It is important that I speak Kurdish in all domains	9	8	8	34	21	80
Kurdish is more important than my ethnic language in the region	19	1	6	28	26	80
I prefer to use Kurdish for social mobility	14	10	9	34	13	80
It is necessary for communication with other constituents of the region's society	6	10	7	37	20	80
It is necessary for getting jobs	1	1	6	48	24	80
It is necessary for conducting business	3	–	5	38	34	80
It is better to learn Kurdish in order to spread social and cultural values of the Kurdish society	5	5	16	28	26	80
It is the language of my future career	9	6	9	38	18	80
It is the language of my children's school, so I need to speak Kurdish	7	5	25	22	21	80
Kurdish has many dialects that make the communication more difficult	1	6	10	36	27	80
Speaking Kurdish is not interesting	25	24	4	13	14	80

in society often experience rapid language shift as the better their knowledge of the dominant language is the better their chances of success are. Access to education also plays a part. Undertaking higher education, while providing migrants with opportunities for social and economic mobility, can also alienate them from their communities if other community members do not have the same opportunities [6, p. 127].

It also matches J. Holmes' words who argued that economic factors such as employment opportunities also impact on the survival of a language within a small community. Learning the language of their host country often becomes critical in order for migrants to obtain employment [4, p. 119].

Conclusion

The findings of this study cover the issue of the language attitude which is still the urgent field of researches related to the displaced people. The present analysis proved that the displaced people in the region still have a great attitude towards their ethnic language. The replies of the interviewed people vividly show that the displaced people of the Kurdistan

region are still proud of it and see it as a symbol of their individual identities (see tab. 1). It can be related to the fact that they can express themselves better in this language.

In spite of their proudness, the results indicate that the attitude of the participants towards Kurdish language is in a normal degree and more than half of the participants believe that it is important to speak Kurdish because it is the official language of the region and Iraq. It is necessary for communication with other constituents, for getting jobs and conducting business and in order to spread social and cultural values of the Kurdish society. Further research will focus on the language shift and maintenance among the displaced people and factors which facilitate each of them to see whether Kurdish language has left any impact on them during their stay in the region or not.

Acknowledgement

The authors would like to express their sincere gratitude to David Braddick, a British citizen currently residing in Krasnoyarsk.

References

1. Haig G. The invisibilisation of Kurdish: the other side of language planning in Turkey. *Die Kurden. Studien zu ihrer Sprache, Geschichte und Kultur*, eds. Conermann S., Haig G. Schenefeld: EB-Verlag, 2004, 121–150.
2. Baker C. *Key issues in bilingualism and bilingual education*. Multilingual Matters, 1988, 222.
3. Baker C. *Attitudes and language*. Multilingual Matters, 1992, 200.
4. Holmes J. *An introduction to sociolinguistics*. London: Longman, 1992, 489.
5. Juvrianto C. *People's language attitude in sociolinguistics*. State University of Makassar, 2016. Available at: https://www.academia.edu/29335111/People_s_Language_Attitude_in_Sociolinguistics (accessed 10.10.2019).
6. Baker C. *Foundations of bilingual education and bilingualism*, 3rd ed. Multilingual Matters, 2001, 484.
7. Calvet J.-L. *Language wars: language policies and globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 228.
8. Weinreich U. *Languages in contact: findings and problems*. 8th ed. The Hague: Mouton, 1974, XII+148.
9. Park S. M., Sarkar M. Parents' attitudes toward heritage language maintenance for their children and their efforts to help their children to maintain the heritage language: A case study of Korean-Canadian immigrants. *Language, Culture and Curriculum*, 2007, 20(3): 223–235. DOI: 10.2167/lcc337.0
10. Kuncha R. M., Bathula H. *The role of attitudes in language shift and language maintenance in a new immigrant community: A case study*. 2004. Working paper No. 1. AIS ST HELENS Centre for Research in International Education. Available at: http://crie.org.nz/research-papers/H.Bathula_WP1.pdf (accessed 10.10.2019).
11. Tuwakham M. *Language vitality and language attitude among the YONG people in Lamphun province: a sociolinguistic study*. Presented to the Graduate School of Payap University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of arts in Linguistics, 2005, XXI+192.
12. Roberts M. Immigrant's attitude towards language maintenance in New Zealand. *Languages of New Zealand*, eds. Bell A., Harlow R., Starks D. Wellington: Victoria university press, 2005, 248–270.
13. Starks D. Other languages of New Zealand: introduction. *Languages of New Zealand*, eds. Bell A., Harlow R., Starks D. Wellington: Victoria university press, 2005, 241–247.
14. Plimmer C. Language maintenance and shift in the Italian community in Wellington. *Wellington Working Papers in Linguistics*, 1994, (1): 83–104.
15. Romaine S. Identify and multilingualism. *Studies in bilingualism. Vol. 42. Bilingual Youth: Spanish in English speaking societies*, eds. Potowski K., Rotman J. Amsterdam: Jon Benjamins publishing, 2011, 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1075/sibil.42.03rom>
16. Mannheim B. Una nacion acorralada: Southern Peruvian Quechua language planning and politics in historical perspective. *Language in Society*, 1984, 13(3): 291–309.
17. Khadidja A. *Language maintenance and language shift among Kabyle speakers in Arabic speaking communities: The case of Oran*. Oran: The University of Oran, 2013, 145.

18. Dweik B. S. Language contact, use and attitudes among the chaldo-assyrians of Baghdad, Iraq: a sociolinguistic study. *Journal of Advances in Linguistics*, 2014, 3(3): 2019–232. DOI: 10.24297/jal.v3i3.5212
19. Dweik B. S. language choice and language attitudes in a multilingual Arab-Canadian community: Quebec – Canada: a sociolinguistic study. *British Journal of English Linguistics*, 2015, 3(1): 1–12.
20. Bichani S. *A study of language use, language attitudes and identities in two Arabic speaking communities in the UK*. Thesis (PhD). Department of English Language and Linguistics, 2015, 314.
21. Deji-Afuye O. O. Language use and language attitudes in a bi / multilingual community: an overview. *International Journal of Innovative Language, Literature & Art Studies*, 2016, 4(1): 51–56.
22. Adesoji-Farayibi Ch. Attitude towards igbo language in high schools in Nigeria: insight into Nigerian indigenous language issues. *LAP Lambert Academic Publishing*, 2017, 88.
23. Belmihoub K. Language attitudes in Algeria. *Language Problems & Language Planning*, 2018, 42(2): 144–172.

Актуализация понятийных признаков концепта *star* в английской лингвокультуре

Айгуль А. Бакирова^{a, @, ID}

^a Институт иностранных языков, 199178, Россия, г. Санкт-Петербург, 12 линия В. О., 13, корп. 27

@ aigulbakirova@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Поступила в редакцию 01.10.2019. Принята к печати 05.11.2019.

Аннотация: Рассматриваются понятийные признаки концепта *star*, характерные для концепта в английской языковой картине мира, выявляется специфика его репрезентации, отражающей особенности национального сознания носителей английского языка. Для описания особенностей структуры концепта были проанализированы словарные статьи, устойчивые выражения и синонимы. Анализ позволил выделить 17 понятийных признаков: светящееся тело, видимое на небе ночью; неподвижная светящаяся точка; огненный газовый шар, излучающий собственный свет; планета; судьба; гороскоп; знаменитость; исполнитель главной роли в фильме / пьесе; чрезвычайно успешный человек в группе; предмет или форма; фигура; знак различия военнослужащих; звездообразный орнамент или медаль, носимая как знак чести, авторитета; классификация гостиниц; белое пятно на лбу лошади или другого животного; морская звезда; астериск. Когнитивные признаки *светящееся тело, видимое на небе ночью, судьба и белое пятно на лбу лошади или другого животного* восходят к мотивирующим, что указывает на давность их появления в языке. Изучение способов сочетаемости английской лексики *star* указывает на признаки, появившиеся относительно недавно в процессе развития английского языкового сознания. Языковым материалом послужили примеры из произведений классической английской литературы, включенные в Британский Национальный корпус. Анализ актуализации значений слова-репрезентанта исследуемого концепта в предложениях и их сопоставление между собой показали, что понятийные признаки соответствуют данным толковых словарей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковая картина мира, этнокультура, компонентный анализ, мотивирующий признак, значение слова

Для цитирования: Бакирова А. А. Актуализация понятийных признаков концепта *star* в английской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1069–1077. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1069-1077>

Введение

На современном этапе развития этнолингвистики исследование концептов не теряет своей актуальности в силу необходимости уточнения и расширения лингвокультурных представлений в рамках языковой картины мира. Понятие концепта достаточно широко разработано в лингвистике. Существует множество определений данного термина [1–5]. С. Г. Воркачев, обобщая все точки зрения на концепт и разные его определения в лингвистике, приходит к заключению, что это единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. По существу, единственным лингвокультурологическим основанием терминологизации лексики *концепт* является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц – соотношении их с языковой личностью. С. Г. Воркачев приводит свое определение: концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих

языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму [6, с. 47]. Изучение глубинных основ языковой картины мира позволяет по-новому взглянуть на языки иной лингвокультуры.

Концепты небесного мира становятся объектами многих исследований. Анализу концепта *звезда* в русской культуре посвящены работы М. В. Пименовой [7–9], М. Н. Пироговой [10], О. В. Ланской [11], С. Е. Баркан [12], Т. Т. Нгуен [13], М. Л. Поповой [14]; в сопоставительном аспекте отдельные группы признаков в русской и английской концептосферах *звезда* и *star* описаны Е. В. Репьюк [15–18], А. А. Бакировой [19–20], концепты *звезда* и *étoile* были рассмотрены в статьях А. А. Рольгайзер [21–24].

Постановка проблемы. Санкт-Петербургско-Кемеровская школа концептуальных исследований разработала методику концептуального анализа, по которой в структуре концепта выявляют базовую и образную части когнитивных признаков. Описание концептуальной структуры основывается на определении всех возможных когнитивных признаков,

входящих в эту структуру. В. В. Колесов отмечал: «признак – всегда образ, история каждого древнего слова и есть сгущение образов – исходных представлений – в законченное понятие о предмете» [25, с. 11].

Неметафорические и категориальные признаки составляют базовую часть структуры концепта. В первую группу входят мотивирующие и понятийные признаки. Мотивирующий признак по сути составляет «ядро будущего концепта, который в дальнейшем обрстет новыми признаками. Первоначальное развитие концептуальной структуры предполагает развитие образов на основе внутренней формы слова-репрезентанта концепта, то есть образные признаки концепта – следующий этап переосмысления мотивирующего признака» [8, с. 141].

На первом этапе исследования на основе дефиниций современных толковых словарей были выявлены следующие мотивирующие признаки концепта *star* по данным английских этимологических словарей: небесный (*heavenly*), тело (*body*), не включая Солнце и Луну (*not including the Sun and Moon*), распылитель или распространитель, рассеиватель света (*strewer or spreader, or disperser of light*), рассыпающий (*sprinkling*), сияние (*sparkling*), образовывать созвездие (*constellate*), рожденный под несчастливой звездой (*born under unlucky star*), несчастье (*disaster*), гибельный, бедственный, пагубный (*disastrous*) [20, с. 482].

В данной статье внимание обращено на актуальное содержание концепта в английской языковой картине мира, т. е. ту часть смысла, которая «актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средством взаимопонимания и общения» [5, с. 4]. Другими словами, делается попытка выделить понятийные признаки рассматриваемого концепта.

Методы исследования. В работе используются методы компонентного анализа (выявляются понятийные признаки на базе анализа сем и семем языковой единицы-репрезентанта концепта) и концептуального анализа, разработанного Санкт-Петербургско-Кемеровской школой концептуальных исследований, заключающегося в выявлении пяти основных групп признаков, составляющих структуру концепта (мотивирующих, понятийных, категориальных, образных и символических); описательный метод. Языковым материалом послужили произведения классической английской литературы, включенные в Британский Национальный корпус¹.

Результаты

Понятийные признаки актуализированы в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем) слова-репрезентанта концепта [26, с. 314]. Актуальное значение слова-репрезентанта концепта *star* восстанавливается по данным дефиниций Merriam-Webster², Lexico³, Macmillan dictionary⁴, Cambridge dictionary⁵, Longman Dictionary of Contemporary English⁶. Анализ дефиниций в представленных словарях позволил выделить 17 когнитивных признаков исследуемого концепта (табл.).

Ряды синонимов принято рассматривать как цепочку слов, связанных между собой семантически. В таком ряду каждая лексема отличается от остальных своим значением и в то же время имеет общий компонент с ними. В синонимическом ряду слов с общим компонентом *star* следует выделить слова, которые соответствуют понятийным признакам. Согласно словарю The Oxford Thesaurus⁷, данная лексема имеет две группы слов-синонимов, каждая из которых имеет свой оттенок значения:

- *celestial or heavenly body; evening star, morning star, alling star, shooting star, comet; nova, supernova;*
- *celebrity, personage, dignitary, VIP, name, somebody, luminary, leading light, leading man or woman or lady, lead, principal, diva, prima donna, hero, heroine, idol, superstar.*

Лексема *star* в составе устойчивых выражений и идиом

Someone's star is rising someone – becoming ever more successful or popular – становиться более успешным или популярным: *But, nevertheless, we may say that as Lady Lufton sat that morning in her own room for two hours without employment, the star of Lucy Robarts was gradually rising in the firmament* (Trollope A. Framley Parsonage). **A rising star** – восходящая звезда: *Again Fjorsen bowed. "You may be proud of her," he said; "she is the rising star". "I was hearing of Daisy only to-day. She's quite a star now, isn't she?"* (Galsworthy J. Beyond).

Reach (for) the stars – to set one's goals or ambitions very high; to try to attain or achieve something particularly difficult – ставить перед собой высокие цели или амбиции, попытаться достичь чего-то особенно сложного: *Well for him that his lesser self kept firm hold upon the wheel or maybe a few broken spars, tossing upon the waves, would have been all that was left to tell of a promising young aviator who, on a summer night of June, had thought he could reach the stars* (Jerome J. K. Malvina of Brittany).

¹ British National Corpus. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 02.09.2019).

² Star // Merriam-Webster. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/star> (дата обращения: 14.09.2019).

³ Star // Lexico. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/star> (дата обращения: 14.09.2019).

⁴ Star // Macmillan dictionary. Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/star_1 (дата обращения: 15.09.2019).

⁵ Star // Cambridge dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/star> (дата обращения: 15.09.2019).

⁶ Star // Longman Dictionary of Contemporary English. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/star> (дата обращения: 15.09.2019).

⁷ Star // The Oxford Thesaurus. Режим доступа: <http://english-learners.com/wp-content/uploads/The-Oxford-Thesaurus-An-A-Z-Dictionary-Of-Synonyms.pdf> (дата обращения: 20.08.2019).

Табл. Понятийные признаки концепта *star*, указанные в толковых словарях современного английского языка
 Tab. Notional features of the concept of *star* fixed in modern English explanatory dictionaries

Понятийный признак	Merriam-Webster	Lexico	Macmillan dictionary	Cambridge dictionary	Longman Dictionary of Contemporary English
a natural luminous body visible in the sky at night	+	–	–	–	+
a fixed point of light in the sky	–	+	–	–	–
hot balls of self luminous (burning) gas	–	+	+	+	–
a planet	+	–	+	–	–
fortune / destiny	–	+	+	+	–
horoscope	–	+	+	–	–
a famous and popular person	+	+	+	+	–
main person in a film / play	+	+	+	+	–
an outstandingly successful person or thing in a group	–	+	+	–	+
an object or shape	+	+	+	+	–
a figure	+	–	+	–	–
a sign of rank / position	+	–	+	+	–
a star-shaped ornament or medal worn as a badge of honor, authority	+	–	–	–	–
quality or importance / value	+	+	+	+	–
a white patch on the forehead of a horse or other animal	–	–	–	–	+
a sea animal	–	–	–	–	+
asterisk	–	–	+	+	+

Thank (bless) one's lucky stars – feel grateful for your good fortune – быть благодарным за хорошую судьбу: *Men bless their stars and call it luxury* (Scott. W. Ivanhoe); **I thank my stars**, I am happy. I will be strange, stout, in yellow stockings, and cross-gartered, even with the swiftness of putting on. Jove and my stars be praised! – Here is yet a postscript (Shakespeare W. Twelfth Night; Or, What You Will).

Have stars in (one's) eyes – to have an overly idealistic or optimistic outlook, usually regarding one's hopes for success – иметь чрезмерно идеалистический или оптимистический взгляд, обычно касающийся надежд на успех: *I doubt she'll actually become a famous actress – she just has stars in her eyes*⁸.

Star in something – to be a featured actor in a play, movie, opera, etc. – быть актером первого плана в пьесе, фильме, опере и т. д.: *Roger starred in an off-Broadway play last season. Mary always wanted to star in her own movie, but it was not to be*⁹.

Сравнивая значения лексемы *star*, можно утверждать, что слово сохраняет свое исходное значение, а в выражениях принимает определённую эмоционально-экспрессивную семантику.

Понятийные признаки концепта *star*

1. Для объективации понятийного признака **a luminous body visible in the sky at night** – светящееся тело, видимое на небе ночью, – используются различные языковые средства. Звезды нередко именуются телами: *I cannot see now the black dress and the servant's cap and apron. I see the wonderful, beautiful body shining through the darkness of my room, the glimmering of the white flower in the dark, the stars in the forest pool* (Machen A. The Secret Glory), – которые светятся: *Everything was black except the parallelogram of the blue skylight with the luminous dust of stars, against which the end of the telescope now appeared in silhouette* (Wells H. G. The Stolen Bacillus and Other Incidents).

Признак свечения также актуализируется глаголами **shine**: *They stepped out into the night. And now, without rain, the storm had passed away, and the stars were shining* (Maugham S. The magician); **gleam**: *The last red streaks had faded away in the west and night had settled upon the moor. A few faint stars were gleaming in a violet sky* (Doyle A. C. The Hound of the Baskervilles); **sparkle**: *All was dark and still no light glimmered in the windows, no wreath of smoke obscured the stars that sparkled above it in the frosty sky* (Bronte A. The Tenant of Wildfell Hall); **glint**: *The snug comfort of the close carriage on a cold though fine night, the pleasure of setting out*

⁸ Stars in (one's) eyes // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/stars+in+her+eyes> (дата обращения: 20.08.2019).

⁹ Stars in (something) // The Free Dictionary. Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/star+in> (дата обращения: 20.08.2019).

with companions so cheerful and friendly, the sight of the stars glinting fitfully through the trees as we rolled along the avenue (Bronte Ch. Villette).

Для обозначения принадлежности звезд к небесным телам часто используются предположно-падежные конструкции **in the sky**: *The stars in the sky were intensely bright and seemed to me to twinkle very little* (Wells H. G. The Time Machine); **in heaven**: *And the youth went home with the stars in heaven whirling fiercely about the blackness of his head, and his heart fierce, insistent, but fierce as if he felt something baulking him* (Lawrence D. H. The Rainbow); **in the spaces**: *Only high up in the great spaces star doth speak unto star...* (Rider H. Haggard. Allan and the Ice Gods); **in the firmament**: *Saying, Leander's joys are past and spent, Like stars extinguish'd in the firmament* (Hood T. The Poetical Works of Thomas Hood). Небо в английском языке может обозначаться словом **the blue**: *A few stars now had pierced the blue, and in the east there shone brightly a prolate moon* (Wells H. G. The War in The Air). Используется выражение «небо, полное звезд»: *The night was warmer than any night had ever been, the heavens by some miracle at once vaster and nearer, and spite of the great ivory-tinted moon that ruled the world, the sky was full of stars* (Wells H. G. A Moonlight Fable) или указывается расположение звезд среди других небесных объектов. Это могут быть Луна: *For the frost continued unbroken; the nights were of perfect stillness; the moon and stars blazed with the hard fixity of diamonds, and to the fine music of flute and trumpet the courtiers danced* (Woolf V. Orlando a Biography); тучи, сквозь которые видны звёзды: *One or two stars were shining through the openings of the clouds, and the lights were seen in the village, glimmering faintly, as if at an immeasurable distance* (Cooper J. F. Pioneers).

2. Следующий понятийный признак **a fixed point of light** – неподвижная светящаяся точка – актуализируется прилагательными **fixed**: *"Go out of doors any clear night," continued Morgan, "and you will see that commonplace wonder of our age – the stars that never rise or set, but are fixed motionless in the sky* (Clarke A. C. The Fountains of Paradise); **steady**: *The stars above our heads were dim and steady, Like eyes suffused with rapture* (Coleridge S. T. The Complete Poetical Works of Samuel Taylor Coleridge); **motionless**: *Bright and glimmering as the stars above their heads, lonely and motionless as they, it seemed to claim some kindred with the eternal lamps of Heaven, and to burn in fellowship with them* (Dickens Ch. The Old Curiosity Shop). Эти точки не меняют своего положения: *There was nothing that looked like an asteroid; all the images, even under the highest magnification, were dimensionless points of light* (Clarke A. C. A Space Odyssey). Звезды излучают ровный, постоянный свет: *He was about to switch back to the regular news channel when, like an erupting nova, a star flashed out near the lower edge of the picture. For a moment Rajasinghe wondered if the capsule had exploded; then he saw that it was shining with a perfectly steady light* (Clarke A. C. Fountains of Paradise). В силу

отдаленности звезд от земли они видны как точки: *the summer-evening was warm; the bell-music was joyous; the blue smoke of the fires looked soft; their red flame bright; above them, in the sky whence the sun had vanished, twinkled a silver point – the Star of Love* (Bronte Ch. Shirley).

3. В научной картине мира звезды – это огненные газовые шары, излучающие собственный свет – **hot balls of self luminous (burning) gas**: *A star is like the Sun – a ball of fire – hot fiery gas* (Stannard R. Black holes and Uncle Albert); *Imagine some scientific inhabitant of one of the larger fixed stars examining us through a magnifying-glass as we examine ants...* **The ball of all sorts and sizes, from the marble to the pushball, would lead to endless scientific argument** (Jerome J. K. The Angel and the Author, and Others). Взору людей звезды представляются в виде огня: *It was his own soul going forth to experience, unfolding itself sin by sin, spreading abroad the bale – fire of its burning stars and folding back upon itself, fading slowly, quenching its own lights and fires* (Joyce J. A Portrait of the Artist as a Young Man).

4. Под влиянием научной картины мира звезды называют также **planet** – планетами: *The educated of those days, with but few exceptions, believed in astrology, and the possibility of developing the future fate and fortunes of an individual, whenever the hour of his birth and the name of the star or planet under which he was born could be ascertained* (Carleton W. The Evil Eye; Or, The Black Spector).

5. Понятийный признак **fortune / destiny** – судьба – связан с астрологией, с влиянием звезды или созвездий на судьбу человека (**a planet, constellation, or configuration regarded as influencing a person's fortunes or personality**). Он достаточно частотен в индоевропейских языковых картинах мира, считается, что каждый человек рождается под определенной звездой: *No, sure, my lord, my mother cried; but then there was a star danced, and under that was I born* (Shakespeare W. Much Ado about Nothing). Можно родиться под счастливой звездой: *Monsieur Parolles, you were born under a charitable star* (Shakespeare W. All's Well That Ends Well); *All others of her friends would certainly rejoice, would applaud her, pat her on the back, cover her with caresses, and tell her that she had been born under a happy star* (Trollope A. He Knew he was Right) – или под несчастливей: *He got into a bad way among us in London he had an unfortunate taste for gambling; and surely the fellow was born under an unlucky star, for he always lost thrice where he gained once* (Bronte A. The Tenant of Wildfell Hall); *No ... the splinters hurt too badly. If you can find an axe you might chop me out, though. Oh dear, I do really begin to believe that I was born under an ill-omened star* (Montgomery L. M. Anne of Avonlea).

Значение **influence of planets and zodiac on human affairs** – влияние планет и зодиака на дела человека – зафиксировано с середины XIII в., с 1600 г. – **person's fate as figured in the stars** – судьба человека, предначертанная звездами.

У. Шекспир упоминает несчастные *star-crossed* "ill-fated" в «Ромео и Джульетте» (1592)¹⁰. Звёзды предопределяют судьбу каждого: *Shall for my legacy be sanctified By the luckiest stars in heaven: and, would your honour. But give me leave to try success, I'd venture The well-lost life of mine on his grace's cure By such a day and hour* (Shakespeare W. All's Well That Ends Well); *Providence has protected and cultured you, not only for your own sake, but I believe for Graham's. His star, too, was fortunate: to develop fully the best of his nature, a companion like you was needed: there you are, ready* (Bronte Ch. Villette).

6. Когнитивный признак *horoscope* – гороскоп – актуален в современном английском языке. Люди верят, что по звездам можно прочесть судьбу / будущее: *Yonder hermit is said to read the stars, too, an art generally practised in these lands, where the heavenly host was of yore the object of idolatry* (Scott W. The Talisman); *In vain we trust the Fair-one's eyes; In vain the sage explores the skies, To learn from stars his fate: 'Till, led by fancy wide astray, He finds no planet mark his way; Convinc'd and wife – too late* (Lucan. An Address to the Deity).

7. Понятийный признак *a famous and popular person* – знаменитость – достаточно частотен. Существуют выражения **признанная звезда**: *Thackeray had now become a personage, – one of the recognised stars of the literary heaven of the day* (Trollope A. Thackeray), **знаменитости Лондона**: *His dinner-parties – small in number, the viands rare and delicate in quality, and sent up to table by an Italian cook – should be such as even the London stars should notice with admiration* (Gaskell E. A Dark Night's Work), **восходящая звезда**: *Though the world did pet him, though he was liked at his club, and courted in the hunting-field, and loved at balls and archery meetings, and reputed by old men to be a rising star, he told himself that he was so maimed and mutilated as to be only half a man* (Trollope A. The Prime Minister). Человек может быть известным в определенной сфере деятельности: *how to accept everything her father gave her, without making him aware that his taste had no sense of the future; how to keep hold of Sibley Swan, the new literary star, and to get hold of Gurdon Minho, the old; of how Wilfrid Desert was getting too fond of her; of what was really her style in dress* (Galsworthy J. A Modern Comedy). В современном английском языке можно встретить выражения *rock star, sport star, pop star* и т. д.

8. Понятийный признак *main person in a film / play* – исполнитель главной роли в фильме / пьесе – введен не пресой, как принято считать. Он был впервые зафиксирован в 1779 г. в книге о театре, где был дан отзыв о великом английском актере David Garrick: *The little stars, who hid their diminished rays in his [Garrick's] presence, began to abuse him*¹¹. Звёзды – это актеры: *And for two hours we sat and listened to a wicked-looking little woman who from the boards of a Bowery music-hall had worked her way up to the position of a star in musical comedy* (Jerome J. K. They and I); *The women in their girlhood made themselves look like variety theatre*

stars, and settled down later into the types of beauty imagined by the previous generation of painters (Shaw B. Heartbreak House). С появлением кинематографа, вероятно, появилось выражение *film star*: *Surely a New England village maiden might find herself among the wigwams in the power of the formidable and fiendish 'Little Blue Bison,' merely through her mistaken sympathy with his financial failure as a Film Star* (Chesterton G. K. What I saw in America).

9. Для носителей английского языка актуален признак *an outstandingly successful person in a group* – чрезвычайно успешный человек в группе. Это может быть человек, отличившийся в семье, коллективе: *Perhaps the most crushing memory of all was that which told her that she, who had through all her youth been regarded as a bright star in the family, had been the one person to bring a reproach upon the name of all these people who were so good to her* (Trollope A. The Prime Minister); *He had seen the dead hero but half a dozen times in his life: he had never been honoured by a word from him: but like every other naval officer, he had come to look up to Nelson as to the splendid particular star among commanders* (Quiller-Couch A. News from the Duchy). Очень распространенным является выражение *a star pupil* – выдающийся, звездный ученик: *On the other hand, my little charmer... "Your...?" The one who put me in. Betty Maitland. My Betty, star pupil of the arts line at Bedfordshire Comprehensive. Such a sweet girl. Everybody said so* (Barnard R. Little victims).

10. Признак *an object or shape* – предмет или форма – трактуется достаточно широко и связан с тем, что некоторые артефактные предметы сравниваются со звездами по признаку формы: *But the most singular thing about him was that the front of his coat was covered with a multitude of shining metallic emblems made in the shape of stars and crescents* (Chesterton G. K. What I saw in America).

11. Понятийный признак *a figure* – фигура – выражается словами, описывающими количество лучей у фигуры в форме звезды: *Among the lace in the bosom of her dress was shining a five pointed star, made of eleven diamonds* (Galsworthy J. The Forsyte Saga). Фигуры звезд встречаются в качестве изображения (нарисованного или вышитого) на тканях.

12. *A sign of rank / position* – звезда является знаком различия военнослужащих в различных государствах. В XVII и XVIII столетиях звание в британской армии определялось по качеству тесьмы и прочим особенностям отделки военной формы. Знаки различия старшего офицерского состава (майор, подполковник, полковник) впервые были введены в 1810 г. (носились на эполетах), а для капитанов и лейтенантов – в 1855 г. Эти знаки состояли (и состоят) из набора корон (*crowns*) и звезд (*pips*). Звездочки представляли собой стилизованное изображение Ордена Бани и применялись во всех британских полках. Исключение составляли т. н. Придворные полки (*Household Regiments*). Лейб-гвардия (*The Life Guards*), Королевская конная

¹⁰ Star // Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?page=1&q=star> (дата обращения: 14.08.2019).

¹¹ Hendrickson R. The Facts on File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. Facts on File, 2008. 948 p.

гвардия (*Blues and Royals*), Гренадерская гвардия (*Grenadier Guards*), Колдстримская гвардия (*Coldstream Guards*) и Валлийская гвардия (*Welsh Guards*) применяли в качестве звездочек стилизованное изображение Ордена Подвязки. Шотландская гвардия (*Scots Guards*) отдавала предпочтение Ордену Чертополоха, а Ирландская гвардия (*Irish Guards*) – ордену Св. Патрика. Изначально знаки различия носились на воротнике; в 1880 г. по случаю реорганизации системы корон и звездочек они переключались на погоны парадной формы для всего офицерского состава: *For seeing one with ribands, black and blue, Stars, medals, and a bloody sword in hand, Addressing him in tones which seem'd to thank, He recognised an officer of rank* (Byron G. G. Don Juan).

13. Понятийный признак *a star-shaped ornament or medal worn as a badge of honor, authority* выражает значение «звездообразный орнамент или медаль, носимая как знак чести, авторитета»: *I wonder, does he wear a star?' thought she, 'or is it only lords that wear stars? But he will be very hand-somely dressed in a court suit, with ruffles, and his hair a little powdered, like Mr. Wroughton at Covent Garden.* (Thackeray W. M. *Vanity Fair*). Довольно часто встречается выражение *stars and garters*, что относится к королевским почестям и наградам: *Lords come up to my door with stars and garters, instead of poor artists with screws of tobacco in their pockets* (Thackeray W. M. *Vanity Fair*). *The Noble Order of the Garter* – высший геральдический орден, которым может наградить Британский монарх: *The grand Pitt diamond – the Queen's own star of the garter – a sample of otto-of-roses at a guinea a drop, would not be handled more curiously, or more respectfully, than this porcelain card of the Baroness* (Thackeray W. M. *The Paris Sketch Book of Mr. M. A. Titmarsh*).

14. Понятийный признак *a category of excellence / quality or importance* относится к классификации гостиниц в европейской системе, в основе которой лежит деление гостиниц на категории от одной до пяти звезд: *This newly built five star hotel is part of the Dutch based Golden Tulip Group with 370 hotels in 60 countries, all of which are deluxe standard* (Glenpatrick News. 627 s-units); *One lucky reader and a friend will stay in a 3 star hotel in the heart of New York* (Hair Flair, 1992).

Самым известным на данный момент рейтингом ресторанов является гид Мишлен, который имеет трехзвездочную систему оценки: *The hotel has an attractive bar area, an la carte restaurant currently holding a Michelin Star and a brasserie with patio area* (Amsterdam Travel Service, 1992); *His big break came when Blanc was 27. He later opened his own small restaurant, Les Quat' Saisons, (also in Oxford), which received its second Michelin star in 1982. He followed this with a traditional French bakery in Oxford while he set about converting a 15th century Cotswold manor house into Le Manoir, which opened*

in 1984 and has since become one of Britain's most exclusive restaurants (BBC Good Food. London: Redwood Pub).

15. Признак *A white patch on the forehead of a horse or other animal* реализует значение «светлое пятно на лбу животного», которое принято называть звездой. Данный признак неразрывно связан с отметинами на теле животных, которым придавали важное значение с древних времён. Этот признак встречается во многих языковых картинах мира, в том числе и в английской: *Corsairs do these sort of things. The horses themselves were two sweet dears, with stars on their foreheads, and shining coats, and a delicious aptitude for jumping over everything at a moment's notice* (Trollope A. *Eustace Diamonds*).

16. *A sea animal* – морские звезды – животные, тело которых имеет форму звезды: обычно это пять лучей, отходящих от туловища. *Alice caught the baby with some difficulty, as it was a queer-shaped little creature, and held out its arms and legs in all directions, "just like a star-fish," thought Alice* (Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*); *Perhaps a sort of dark shore octopus, star-fish coloured amid its darkness. It was watching him as he crouched* (Lawrence D. H. *Kangaroo*).

17. *Asterisk – mark in the shape of a star, used to draw attention to something written* – символ в виде звездочки, используемый на письме для того, чтобы обратить внимание на написанное. Этот понятийный признак зафиксирован в словарях, но не был обнаружен в исследуемом материале, что связано с употреблением его в технической и профессиональной литературе.

Заключение

Дефиниционный анализ и выявление понятийных признаков – неотъемлемая часть анализа концептуальной структуры. Анализ толкований лексемы *star* в указанных словарях позволяет говорить о полисемантической репрезентанта концепта *star*. Слово *star* в английском языке приобретает новые значения, расширяя свой семантический диапазон. В настоящее время концепт *star* широко представлен в английской языковой картине мира. В результате исследования толкований, представленных в словарях, нами было выделено 17 понятийных признаков. Сравнение значений в определенных контекстах позволяет утверждать, что лексема *star* сохраняет свое исходную семантику, а в выражениях принимает более точную эмоциональную окраску. Часть понятийных признаков восходит к мотивирующим (*a natural luminous body visible in the sky at night, fortune / destiny и a white patch on the forehead of a horse or other animal*), что указывает на давность их появления в английском языке. Анализ актуализации значений словаря-репрезентанта исследуемого концепта в предложениях и их сопоставление между собой показали, что понятийные признаки соответствуют данным толковых словарей.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
3. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 11–35.
4. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80–85.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 991 с.
6. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
7. Пименова М. В., Бакирова А. А. Образные признаки концепта «звезда» // Язык и текст / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2015. С. 49–55.
8. Пименова М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. М.-Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 140–153.
9. Пименова М. В. «Душа хотела б быть звездой...» // Ethnohermeneutik und Antropologie / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. С. 38–43.
10. Пирогова М. Н. Концепт «звезда» в заговорно-заклинательной поэзии (на материале вятских заговоров) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-2. С. 139–142.
11. Ланская О. В. Концепт «звезда» как отражение пространства в поэзии Ю. П. Кузнецова // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2012. С. 124–128.
12. Баркан С. Е. Признаки живой природы в структуре концепта звезда // Язык и культура. 2009. № 3. С. 5–9.
13. Нгуен Т. Т. Т. Концепт «звезда» в русской языковой картине мира: к постановке проблемы // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. 2016. № 10. Режим доступа: <http://www.apriori-nauka.ru/media/slovo/10-2016/Nguen.pdf> (дата обращения 05.09.2019).
14. Попова М. А. Концепт как единство трех составляющих (на примере концепта ЗВЕЗДА) // Концепт. 2016. Т. 11. С. 1431–1435.
15. Репьюк Е. В. Мифологические признаки концептов «звезда» и «star» // Человек. Язык. Культура. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 385–391.
16. Репьюк Е. В. Образные признаки вещества концептов «звезда» и «star» в русской и английской концептуальных системах // Современные подходы к исследованию ментальности. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 272–278.
17. Репьюк Е. В. Концептуальные признаки стихий концептов звезда и star // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 429–435.
18. Репьюк Е. В. Признаки неживой природы концептов ЗВЕЗДА и STAR (на материале произведений русских и английских авторов) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 131–135.
19. Бакирова А. А. Понятийные признаки, появившиеся у концепта «звезда» в истории развития русского языка // Исследования языка и речи / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 8–19.
20. Бакирова А. А. Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов звезда и star // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487>
21. Рольгайзер А. А. Соматические признаки концептов звезда и étoile // Новое в когнитивной лингвистике XXI века. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. С. 304–308.
22. Рольгайзер А. А. Анализ зооморфного кода культуры: на примере концептов звезда и étoile (на материале русского и французского языков) // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2012. С. 153–159.
23. Рольгайзер А. А. Антропоморфные признаки концептов звезда и étoile // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 236–241.
24. Рольгайзер А. А. Вегетативный код как способ описания концептов «звезда» и «étoile» // Человек. Язык. Культура. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 391–397.
25. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 326 с.
26. Пименова М. В. Концепт «сердце»: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.

Concept "Star" in English Linguaculture: Notional Features

Aigul A. Bakirova^{a, @, ID}

^a Institute of Foreign Languages, Bldg. 27, 13, 12th Line, Vasilievskiy Island, St. Petersburg, Russia, 199178

@ aigulbakirova@inbox.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Received 01.10.2019. Accepted 05.11.2019.

Abstract: The article describes the notional features of the concept of star in the English worldview and focuses on those specifics of the representation of the concept that reveal the national consciousness of native English speakers. To describe the structure of the concept, the author analyzed dictionary articles, idioms, and synonyms. The analysis revealed 17 notional signs: a natural luminous body visible in the sky at night; a fixed point of light in the sky; hot balls of burning gas that emits its own light; a planet; fortune / destiny; horoscope; a celebrity; the main person in a film / play; an outstandingly successful person or thing in a group; an object or shape; a figure; a sign of rank / position; a star-shaped ornament or medal worn as a badge of honor or authority; classification of hotels; a white patch on the forehead of a horse or other animal; starfish; a sign of asterisk. The cognitive attributes "stellar body", "fortune / destiny", and "a white patch on the forehead of a horse or other animal" proved to go back to motivating features, which indicates their long-term presence in the language. However, a study of co-occurrence indicated relatively recent cognitive features. Examples were taken from classical English literature and the British National Corpus. A comparative analysis of the actualization of the meanings of the representative word in sentences showed that its conceptual features coincide with the data of explanatory dictionaries.

Keywords: cognitive linguistics, language picture of the world, ethnoculture, component analysis, motivating feature, word meaning

For citation: Bakirova A. A. Concept "Star" in English Linguaculture: Notional Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1069–1077. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1069-1077>

References

1. Arutiunova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 896. (In Russ.)
2. Likhachev D. S. The conceptsphere of the Russian language. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1993, 52(1): 3–9. (In Russ.)
3. Liapin S. Kh. Conceptology: approach formation. *Concepts*. Arkhangelsk: Izd-vo Pomor. un-ta, 1997, iss. 1, 11–35. (In Russ.)
4. Neroznak V. P. From concept to word: to the problem of philological conceptualism. *Questions of philology and methods of teaching foreign languages*. Omsk, 1998, 80–85. (In Russ.)
5. Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*, 3rd ed. Moscow: Akad. proekt, 2004, 991. (In Russ.)
6. Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
7. Pimenova M. V., Bakirova A. A. Figurative signs of concept "zvezda". *Language and text*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg, 2015, 49–55. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. On the question of the methodology of conceptual studies (on the example of a conceptual star). *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world*, ed. Simashko T. V. Moscow-Arkhangelsk, 2009, iss. 4, 140–153. (In Russ.)
9. Pimenova M. V. "Soul would like to be a star...". *Ethnohermeneutik und Antropologie*, eds. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004, 38–43. (In Russ.)
10. Pirogova M. N. The concept star in invocation poetry (on the material of Vyatka magic word formulas). *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 2009, (4-2): 139–142. (In Russ.)
11. Lanskaya O. V. Concept "star" as a reflection of space in the poetry of Yu. P. Kuznecov. *East Slavic languages and literature in historical and cultural contexts*, ed. Pimenova M. V. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2012, 124–128. (In Russ.)
12. Barkan S. E. The signs of nature in the structure of the concept star. *Yazyk i kul'tura*, 2009, (3): 5–9. (In Russ.)
13. Nguyen T. T. T. The concept "star" in Russian linguistic world view: problem statement. *Slovo. Predlozhenie. Tekst: analiz iazykovoi kultury*, 2016, (10). Available at: <http://www.apriori-nauka.ru/media/slovo/10-2016/Nguen.pdf> (accessed 05.09.2019). (In Russ.)
14. Popova M. L. Concept as a unity of three components as in the case of STAR concept. *Koncept*, 2016, 11, 1431–1435. (In Russ.)
15. Rep'yuk Ye. V. Mythological features of "star". *Person. Tongue. Culture*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, pt. 1, 385–391. (In Russ.)

16. Rep'yuk Ye. V. Image signs of substance of concepts "zvezda" and "star" in Russian and English conceptual systems. *Contemporary methods in research of mentality*. St. Petersburg: SPbGU, 2011, 272–278. (In Russ.)
17. Rep'yuk Ye. V. Conceptual signs of the elements of the concepts of "zvezda" and "star". *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions: collection of articles*, ed. Pimenova M. V. Moscow: IIA RAN, 2011, 429–435. (In Russ.)
18. Rep'yuk Ye. V. Signs of inanimate nature of the concepts "ZVEZDA" and "STAR" (based on the material of Russian and English authors). *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*, 2013, (1): 131–135. (In Russ.)
19. Bakirova A. A. Conceptual signs that appeared in the concept star in the history of the development of the Russian language. *Studies of language and speech*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGEU, 2018, 8–19. (In Russ.)
20. Bakirova A. A. Motivating signs of the concepts "zvezda" and "star" in comparative Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 478–487. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487>
21. Rolgayzer A. A. Somatic features of the concepts "star" and "étoile". *New in XXI century linguistics*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, 304–308. (In Russ.)
22. Rolgayzer A. A. Analysis of the zoomorphic culture code: the case of the concepts "star" and "étoile" (as exemplified in Russian and French). *East Slavic languages and literature in historical and cultural contexts*, ed. Pimenova M. V. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2012, 153–159. (In Russ.)
23. Rolgayzer A. A. Anthropomorphous characteristics of concepts star and étoile. *Siberian Journal of Philology*, 2013, (2): 236–241. (In Russ.)
24. Rolgayzer A. A. Vegetative code as a way of describing "star" and "étoile" concepts. *Person. Tongue. Culture*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, pt. 1, 391–397. (In Russ.)
25. Kolesov V. V. Ancient Russia: word heritage. *The world of man*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2000, 326. (In Russ.)
26. Pimenova M. V. *Concept "serdtse": image, meaning, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)

Характер синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в произведениях Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies*

Рина Р. Ганиева^{a, @, ID}

^a Набережночелнинский государственный педагогический университет, 423806, Россия, г. Набережные Челны, ул. им. Низаметдинова Р. М., 28

@ anira1988@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6072-2799>

Поступила в редакцию 16.08.2019. Принята к печати 15.10.2019.

Аннотация: Предметом данного исследования выступает синтаксический строй предложений в англоязычных художественных произведениях американских писателей – Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies*. Цель – изучить характер синтаксических отношений, выражаемых порядком слов в предложениях в речи автора и персонажей. Основным методом является описательный метод с использованием приемов наблюдения, интерпретации, обобщения. Рассмотрение синтаксического строя предложения в исследуемых произведениях позволило определить, что в речи персонажей чаще всего отсутствуют вспомогательные глаголы в вопросительных предложениях. Имеется большое количество вопросительных предложений, имеющих структуру утвердительного предложения. В романе Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* в речи персонажей в некоторых случаях вопрос задается посредством междометий *eh, ah*. В авторской речи в обоих произведениях присутствуют предложения, в которых перед главными членами предложения стоят обстоятельства, дополнения или определения. Для описания событий и героев авторы широко используют односоставные и контекстуально-неполные предложения. В произведении Д. Д. Сэлинджера в авторской речи мало случаев нарушений норм порядка слов в предложении, то есть преобладает прямой порядок слов. Большее количество нарушений норм словопорядка приходится на речь персонажей, так как в художественном произведении ярко представлена разговорная речь американцев-подростков XX в., однако в речи взрослых наблюдаются предложения с правильным порядком слов. В произведении Л. Грофф *Fates and Furies* в авторской речи встречается значительное количество предложений, в которых отсутствует вспомогательный глагол *to be* в простом глагольном сказуемом в *Present Continuous*, в составном именном сказуемом, в страдательном залоге. Изучение синтаксического строя предложений в англоязычных художественных произведениях Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies* содействовало углубленному пониманию характера синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в предложении в английском языке, позволило дать представление о грамматическом строении английского языка, выявить наиболее часто используемые типы предложений. Кроме того, проведенное исследование показало, как носители языка выражают свои идеи и мысли средствами языка, и в какой степени и как нарушают обычные и привычные языковые нормы.

Ключевые слова: языкознание, синтаксис, коммуникативная цель, прагматика предложения, порядок слов, инверсия, художественное произведение, речь автора, речь персонажей

Для цитирования: Ганиева Р. Р. Характер синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в произведениях Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1078–1085. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1078-1085>

Введение

Цель данного исследования заключается в изучении характера синтаксических отношений, выражаемых порядком слов в предложениях в речи автора и персонажей, в англоязычных художественных произведениях американских писателей – Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* (Над пропастью во ржи) и Л. Грофф *Fates and Furies* (Судьба и Гнев). Достижению цели способствует решение следующих задач: рассмотреть правила порядка слов в предложении в английском языке; изучить имеющиеся в лингвистической науке труды, посвященные исследованию синтаксиса

предложения; проанализировать синтаксический строй предложений в авторской речи и речи персонажей в художественных произведениях Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies*. Практическая значимость состоит в возможности применения результатов исследования в курсах грамматики, при разработке спецкурсов и учебных пособий. Теоретическая значимость работы обусловлена выявлением особенностей порядка слов в предложении в двух произведениях XX в. и XXI в. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в данном ключе проанализированы произведения

Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies*; исследован характер синтаксических отношений, отражаемый словопорядком, в предложении в речи автора и персонажей в рассматриваемых произведениях; выделены случаи нарушения прямого порядка слов в английском предложении.

Среди исследователей, занимавшихся изучением порядка слов на материале английского языка, следует отметить Г. В. Садыкову, которая в своей работе сопоставляет формирование норм словорасположения в русском и английском языках, рассматривает тексты электронных газет и порядок слов в начальном элементе информационных текстов электронных газет [1]. В исследовании У. А. Исламовой представлен комплексный сопоставительный анализ синтаксиса простого предложения аварского и английского языков [2]. Имеются исследования особенностей порядка слов и в других языках. Порядок слов в простом предложении кабардино-черкесского языка является объектом изучения З. Г. Хутежева [3]. Рассмотрению порядка слов и актуального членения предложения на материале венгерского языка посвящена работа С. В. Кормилицина [4]. Вопросы изучения структуры простого предложения в лезгинских языках касалась в своем исследовании Е. А. Кокорина [5]. Исследование порядка слов в простом предложении в эрзянском и финском языках является целью исследования Е. Н. Мухиной [6]. В. В. Понарядов проводит сопоставительный анализ порядка слов в простом предложении в пермских языках [7]. Обзор литературы позволяет сделать вывод, что изучение синтаксического строя предложения является объектом исследований в различных языках, однако до сих пор не были проведены исследования характера синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в предложении в английском языке на материале художественной литературы.

Методы и материалы. Основным методом работы является описательный метод с использованием приемов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения [8]. Материалом исследования является выборка предложений из произведений Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies*.

Результаты

В английском языке имеется незначительное количество грамматических окончаний и суффиксов, поэтому отношения между членами предложения выражаются с помощью определенного порядка слов [9]. Для английского языка характерен следующий порядок слов в предложении: подлежащее – сказуемое – дополнение – обстоятельство [10]. Обстоятельства также могут стоять в начале предложения [11]. Если сказуемое следует за подлежащим, порядок слов называется прямым. При обратном порядке слов подлежащее следует за сказуемым [12]. Нарушение обычного

порядка слов в предложении в английском языке, когда какой-либо член предложения приобретает эмоциональную или экспрессивную окраску, называется инверсией [13].

The Catcher in the Rye Джерома Сэлинджера

Роман 1951 г. повествует об американском мальчике, Холдене, который от своего лица делится мыслями об окружающем его мире. Язык художественного произведения сочетает авторскую речь и речь персонажей [14]. Так, в данном художественном произведении в речи персонажей чаще всего отсутствуют вспомогательные глаголы в вопросительных предложениях. Их отсутствие объясняется тем, что в разговорной речи в английском языке допустимы такие нарушения. Например: *How's Mr. Spencer? He over his gripe yet?*¹ (p. 45); *Your folks know you got kicked out yet?* (p. 35); *You going out anywheres special tonight?* (p. 67); *What a thing to say. Want me to wash your mouth out with soap?* (p. 68); *You goin' out tonight?* (p. 56); *You used to play what with her all the time? That Phyllis Smith babe?* (p. 13). Анализ показал, что автор использует большое количество сокращений: *Ya lost them, ya mean?* (p. 6); *Ya got 'em handy?* (p. 7); *Willya please cut your crumby nails over the table?* (p. 5); *Wanna do me a big favor?* (p. 11); *Where'dja get that hat?* (p. 13); *Ya like it?* (p. 20); *Ya have to stand right there?* (p. 11); *Listen, where ya going on your date with her?* (p. 9); *Ya know yet?* (p. 8); *Ya hear me?* (p. 5); *Wuddaya wanna make me do – cut my goddam head off?* (p. 4); *Y'awake?* (p. 8); *Wuddaya want the light for?* (p. 5); *What the hellyla doing, anyway?* (p. 7); *Ya wanna play a little Canasta or don'tcha?* (p. 13). Имеются неполные вопросительные предложения: *How come?* (p. 13); *How much?* (p. 26); *Any good?* (p. 35); *What on?* (p. 54); *In the Annex?* (p. 29). Встречаются вопросительные предложения, имеющие структуру утвердительного предложения: *He did?*; *You know that?*; *You know what he'd do?* (p. 25). В некоторых случаях в качестве вопросов используются утвердительные предложения, а вопрос задается посредством междометий *eh, ah*: *"So you're leaving us, eh?" he said. "You glanced through it, eh?" he said – very sarcastic* (p. 56).

В рамках данного художественного произведения встречаются нарушения в порядке слов, при которых союз или предлог в предложениях стоит на первом месте: *Or – you know what he'd do?*; *"Up home we wear a hat like that to shoot deer in, for Chrissake," he said* (p. 87). Это объясняется стилистическими особенностями: в первом случае через речь персонажа автор выражает некое подозрение, а во втором случае автор подчеркнул значимость дома, т. к. главный персонаж проживал в пансионате-школе на момент повествования. В предложении *Like hell it is* мы также наблюдаем инверсию, при которой словосочетание *like hell* должно следовать после сказуемого, однако автор для усиления смыслового значения словосочетания *like hell*

¹ Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. Little, Brown and Company, 1951. 213 p. Режим доступа: https://bookfrom.net/j-d-salinger/31584-catcher_in_the_rye.html (дата обращения: 15.08.2019). Далее сноски на это произведение даны в виде страниц в круглых скобках.

посчитал необходимым вынести его в начало предложения, подчеркнув, что школа является словно адом.

Контекстуально-неполные предложения, в которых отсутствует член предложения, названный в предшествующем или последующем тексте [15], довольно часто встречаются в произведении: *I oughta go down and say hello to her or something. Where is she? In the Annex?* (p. 45); *Your, ah, exam paper is over there on top of my chiffonier. On top of the pile* (p. 76); *Anything. Anything descriptive. A room. Or a house* (p. 85); *He always shaved himself twice, to look gorgeous. With his crumby old razor* (p. 13).

Для выделения семантически значимых слов автор повторяет данные слова: *I'd be very interested to know. Very interested* (p. 78); *Oh, I feel some concern for my future, all right. Sure. Sure, I do* (p. 43); *But not too much, I guess. Not too much, I guess* (p. 98); *"You will," old Spencer said. "You will, boy. You will when it's too late"* (p. 95).

Выше были представлены случаи нарушения обычного порядка слов в английском предложении, однако в романе имеется большое количество примеров предложений с правильным порядком слов. Данный порядок слов наблюдается в речи взрослых, в то время как нарушения, указанные выше, относятся к речи подростков.

Рассмотрим следующий отрывок из романа Д. Д. Сэлинджера:

He stopped reading and put my paper down. I was beginning to sort of hate him.

"Your essay, shall we say, ends there," he said in this very sarcastic voice. You wouldn't think such an old guy would be so sarcastic and all. "However, you dropped me a little note, at the bottom of the page," he said (p. 68).

"I know I did," I said. I said it very fast because I wanted to stop him before he started reading that out loud. But you couldn't stop him. He was hot as a firecracker (p. 78).

В данном отрывке мы наблюдаем речь профессора по поводу написанного Холденом сочинения о египтянах. Мы видим в его речи нарушение *Your essay, shall we say, ends there*, в котором вводное предложение, не являясь вопросительным, составлено по принципу общего вопроса, однако данная фраза сопровождается авторской речью *he said in this very sarcastic voice*, что дает нам понять, что говорящий пытался говорить с главным персонажем, с подростком, на его уровне, используя нормы разговорной речи, однако в последующем он использует литературный язык: *However, you dropped me a little note, at the bottom of the page*.

Так, анализ показал, что нарушения в порядке слов в речи персонажей романа Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* являются нередким языковым явлением, которое объясняется тем, что автор хотел показать, каким образом молодежь того времени общалась, что таким образом подростки пытались противостоять взрослым не только своим поведением, но и манерой речи.

В исследуемом художественном произведении авторская речь ведется от лица подростка, главного персонажа,

Холдена; по своему характеру речь является субъективной, т. е. главный персонаж рассказывает о своих чувствах, переживаниях, поэтому авторской речи характерен разговорный стиль, примеры которого описаны ниже.

В произведении автор нередко использует односоставные предложения [16], а именно назывные предложения: *Very big deal. Game. Some game. Nothing. No game. No kidding. Hours* (p. 78). Часто встречаются контекстуально-неполные предложения [17]: *Maybe two guys. If that many* (p. 65); *Their bumpy old chests are always showing. And their legs* (p. 38); *He went out of the room with his toilet kit and towel under his arm. No shirt on or anything* (p. 29); *I started imitating one of those guys in the movies. In one of those musicals* (p. 59); *Old Stradlater was putting Vitalis on his hair. My Vitalis* (p. 17); *He's got a lot of dough, now. He didn't use to* (p. 19).

В авторской речи присутствуют предложения, в которых перед главными членами предложения стоят либо обстоятельство, либо дополнение, однако порядок слов прямой, сказуемое следует за подлежащим: *Then, the next morning, in chapel, he made a speech that lasted about ten hours* (p. 78); *I sat down on the one right next to him and started turning the cold water on and off – this nervous habit I have* (p. 7).

С помощью инверсии автор хотел придать дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию и акцентировать внимание читателя на некоторых семантически значимых элементах предложения [18]. С той же целью автор использует отрицательную частицу *not* перед вспомогательным глаголом: *I just sort of sat and not did anything* (p. 8).

В процессе определения особенностей порядка слов в предложениях в исследуемом художественном произведении обнаружены случаи, при которых наречия неопределенного времени (*always, ever, never, often, seldom, just, already* и т. д.) находятся в конце или в начале предложения, однако должны стоять перед глаголом согласно правилу порядка слов [19]: *Usually I like riding on trains, especially at night, with the lights on and the windows so black, and one of those guys coming up the aisle selling coffee and sandwiches and magazines* (p. 59); *I can even read one of those lousy stories on a train at night, usually* (p. 50).

В английском языке в косвенных вопросах порядок слов должен быть таким же, как и в повествовательном предложении [20], однако автор использует вспомогательный глагол как в прямом вопросе: *I was wondering if it would be frozen over when I got home, and if it was, where did the ducks go* (p. 90).

В некоторых предложениях вспомогательный глагол предшествует подлежащему, однако знак вопроса отсутствует: *Boy, did I get in that house fast* (p. 19); *Boy, did he look worried* (p. 39); *Boy, did that annoy me* (p. 28); *Boy, did I feel rotten*; *Boy, could he get on your nerves sometimes* (p. 78); *Boy, was he sore*; *Boy, was I excited, though; I really was. Boy, was she lousy with rocks* (p. 78). Предложения сопровождаются словом-обращением к конкретному потенциальному читателю

мужского рода. Смысл таких предложений заключается в том, что авторская речь подростка представляет собой постоянные раздумья, размышления о действиях людей и сказанных словах.

В некоторых предложениях отсутствует формальное подлежащее *it* и вспомогательный глагол *to be*: *Ten times worse than old Thurmer. Grand. Sensitive* (p. 47).

Так, анализ показал: несмотря на то, что данный художественный текст изобилует нормами разговорной английской речи, авторская речь содержит незначительное количество ошибок и в большинстве случаев представлена предложениями с прямым порядком слов: *The snow was very good for packing* (p. 83); *I started to throw it* (p. 78); *He's dead now* (p. 7).

Fates and Furies Лорен Грофф

Роман *Fates and Furies*² написан в 2015 г. американским автором Лорен Грофф. В исследуемом произведении в речи персонажей в условных предложениях встречается обратный порядок слов. Союз *if* убирается, и на первое место выносятся вспомогательный глагол: *Had I your tongues and eyes, I'd use them so* (p. 69).

Так же как и в произведении Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye*, в вопросительных предложениях отсутствуют вспомогательные глаголы: *That a real Polo?* (p. 78); *Risk destroying this perfection?* (p. 72). Имеется большое количество вопросительных предложений, имеющих структуру утвердительного предложения: *You kiss my friend with that dirty mouth of yours?*; *You invited me?*; *You know Kristina from our class?* (p. 38); *I'm the prey and Mathilde's the predator?*; *You know?*; *You're jealous?* (p. 91); *Nobody wanted to adopt you?*; *You know Hamlin Springs water? You mean a girl with a rich family?* (p. 46). Некоторые вопросительные предложения являются односоставными: *Better life?*; *Shakespeare again?*; *Suicide at Dusk?*; *Church on a Winter Afternoon?*; *Jealous of you?*; *Old Single Dingle?*; *See?*; *Beauty like you?*; *Chess?*; *Lotto?*; *Arnie?* (p. 78). В утвердительных предложениях может отсутствовать формальное подлежащее *it* и вспомогательный глагол *to be*: *So salty. So sweet. Too bad he's a giant. Same thing. Called The Springs* (p. 58). Это объясняется тем, что в устной речи возможны такие нарушения.

Анализ показал, что среди утвердительных предложений имеются односоставные предложения. Среди односоставных предложений встречаются назывные предложения: *Ovations*; *Water bottling*; *Saving my pennies* (p. 37); *Crashing in the costume room. Foreclosure. Ice queen. Opposites* (p. 78).

Произведение изобилует неполными предложениями. Приведем пример контекстуально-неполного предложения: *"Tell you later," he said* (p. 8). Одна мысль может быть разделена на несколько частей и передана несколькими неполными предложениями: *Kristina. She killed herself. Hanged herself in the bathroom. Out of the blue, only yesterday* (p. 78); *But I get longer. Six years. Until 1998* (p. 8); *I can*

imagine. Bottle of peppermint schnapps. The Breakfast Club on the VCR (p. 7); *"I didn't date in college," Lotto said. "Except for Mathilde. For two weeks. Then we eloped"* (p. 45).

Как справедливо отмечают И. Б. Голуб и Д. Э. Розенталь: «Неполные предложения используются как средство передачи эмоциональности речи» [21, с. 45]. Л. Грофф в своем произведении использует неполные предложения также в качестве средств для передачи эмоционального состояния персонажей.

Речь автора представлена в форме третьего лица единственного числа. Большая часть инверсии приходится на речь автора. Как и в речи персонажей, в речи автора в условных предложениях встречается обратный порядок слов: *It came over him that even had he crept up the stairs and found the dean's office unlocked and opened the drawer and felt the weight of the gun in his hand, something in him would have resisted* (p. 56).

Когда автор желает сделать акцент на месте или времени действия, указатель места или времени ставится на первое место, далее – обратный порядок слов – подлежащее следует за сказуемым [22]: *Ten months later came the hurricane, the baby* (p. 78); *Beside the Asian boy sat a wild-haired girl with slashes of eyeliner, red lipstick, a safety pin over her eyebrow, a fake emerald glittering in her nose* (p. 68); *The boy behind him kicked his shirt and out fell a tiny poop* (p. 43). После слов *only* и *thus* в начале предложения сказуемое ставится перед подлежащим: *Only with focus came specifics, mole by nostril, tooth stuck to a dry bottom lip in sleep, the papery skin of an armpit; Thus began the era of women* (p. 29).

Рассмотрим примеры инверсии, в которых соблюдается прямой порядок слов в предложении, однако те значимые части предложения, на которых автор акцентирует свое внимание, стоят либо в начале, либо в середине предложения [23]. В исследуемом произведении автор выделяет дополнения: *Such terrible things his mother had said when he'd called to tell her he was married; With the horn-rimmed glasses she'd bought him, in bespoke suits, he was distinguished if not handsome; The one way, Lotto had finally found, that he could live in this world; It moved him to know that for her he was everything* (p. 54); определения: *So skinny, she was more eel than nixie* (p. 39); обстоятельства образа действия: *Slowly, the other three awoke* (p. 68).

Размышления автора передаются с помощью вопросительных предложений со структурой утвердительного предложения: *Cloth over wood, no, not wood, foam with a steel core, no, not foam, pudding with a tough skin?* (p. 26); *Laces?*; *Shoe?* (p. 17); *See him later?*; *Dropsy?*; *Disappointed?* (p. 38).

В авторской речи встречается значительное количество предложений, в которых отсутствует вспомогательный глагол *to be* в простом глагольном сказуемом в *Present Continuous*: *Women in fishtails undulating in mottled green; Thread running off its spindle; Samuel's parents getting misty,*

² Groff L. *Fates and Furies*. N. Y.: Riverhead Books, 2015. 400 p. Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/100656-lauren-groff-fates-and-furies.html> (дата обращения: 15.08.2019). Далее сноски на это произведение даны в виде страниц в круглых скобках.

untangling the new Labrador puppy from the table; Dining hall: girls tonguing soft-serve ice creams (p. 8); в составном именном сказуемом: *The bottling plant just another big machine; Chollie and Gwennie and Michael asleep on the red blanket; Gritty sandwiches long in the past; His wealth, which had once singled him out, unremarkable among the wealthy* (p. 36); *When it was dark, flowers on the trees like pale moths, Lotto went out; Tough girl, pierced, jailhouse-tattooed by her own pen and pins; Earth a mere spinning blip; Closer, the city a knot of light between other knots; even closer, and buildings gleamed, slowly separating* (p. 78); в страдательном залоге: *His father's ghost, gone; Traded for an obscene amount of money; Beer and ice carried in, snacks prepared; A unity, marriage, made of discrete parts* (p. 68).

В данном произведении, как и в произведении Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye*, в предложениях могут отсутствовать формальное подлежащее и вспомогательный глагол *to be*: *Astonishing; Odd; Calm; Mild; Four o'clock; Golden* (p. 47); *A relief, to find her own beauty there; Easy to believe that his was the better half, the one that set the tone* (p. 79). Данные нарушения не мешают пониманию смысла предложения и использованы для описания действий, персонажей, для передачи размышлений автора и более глубокого эмоционального воздействия на читателя.

Для описания событий, героев произведения Л. Грофф использует односоставные предложения. В количественном соотношении значительно преобладают назывные предложения: *Summer, late sixties. Hamlin, Florida. Heat. Silence. No scoffing. A Southerner, inferior* (p. 38); *Chill in the air like a premonition. Now, briefly, sun. Church all day long* (p. 68); *Spring; summer in Maine; autumn, Head of the Charles, the varsity eight placed. Relief* (p. 27). Существительные могут иметь определения: *A dormitory smelling of boys' feet; Grublike face; Pasty sheen, sparse hair; A round of snickers; A house of tartan and Liberty print and Fiestaware, thick with dust; the guest room with the lighthouse's triple blink in the night, the craggy beach below; Poor Gawain, his mat of hair, his filthy work clothes* (p. 57); *Summer stretched long into the school year, ninth grade, a cakewalk with his memory; Antique boat hanging from the rafters; His wife, a caught rabbit; All the friends over all the years, leaning in, secret romantics, grinning* (p. 28); *Mathilde watching him from across the table, unreadable; Trees turned to sparked neurons in silhouette; The campus quick ember, slow ash; Same high cheekbones, red-gold hair; Second-floor catwalk lined with oils of fleshy white men* (p. 69). Главный член предложения может быть выражен также инфинитивом, что встречается крайне редко: *To wear her* (p. 38).

Автор данного произведения часто использует контекстуально-неполные предложения, т. е. предложения с неназванными членами предложения, которые были упомянуты в контексте: в ближайших предложениях или в том же предложении, если оно сложное [24]: *She thought the painkillers she didn't stop taking after Rachel was born were her secret. They were not* (p. 26); *The boys laughed, Samuel loudest of all* (p. 63); *She couldn't have died, dangerous Gwennie, vibrating with life.*

But she had; This Lancelot child in Denton's lap. So young, crying past the point of immediate sorrow into something deeper (p. 8); *Thus began the era of women. Trips to the city, sweating through polo shirts at the nightclubs, lines of coke on midcentury-modern coffee tables, parents out of town* (p. 68); *Poor Muvva, he thought. So undone. So fat* (p. 83); *Her most vivid memories of her childhood were of the television that was never turned off. Salvation of school, scholarship, modeling for spare change* (p. 8); *The world revealed itself as it was. Threatened from below with darkness* (p. 46); *Oh, he longed to hold his sister; she was growing, she wouldn't remember him. To taste Sallie's food. To smell his mother's perfume, to let her tell him in her dreamy voice about Moses or Job as if they were people she'd known* (p. 47); *She never partied. Olympian, elegant on her mount* (p. 64); *Anyway, I give this marriage a year. I mean, who gets married at twenty-two? Like coal miners. Like farmers. Not us* (p. 85).

В целях эмоционально-художественного воздействия на читателя автор часто использует прием нарастания, когда каждое последующее высказывание важнее, значительнее, существеннее, чем предыдущее. Анализ неполных предложений показал, что автор использует их, чтобы привлечь внимание читателя к написанному, придать дополнительный эмоциональный оттенок [25]. Воспринимая данные предложения, читатель чувствует нарастание эмоционального напряжения: *He hung up the phone, hopeless. Friendless. Abandoned. Hysterical with self-pity* (p. 47); *A boy. Dead boy. Blue-faced. Tongue out. Glasses cocked* (p. 84); *She'd been so far above Lotto – so far above every person at the school – she had become mythological. Friendless. Icy* (p. 57); *She passed into her thirties. Thirty-two. Thirty-five* (p. 72); *In twenty years, they'd have country houses and children with pretentious literary names and tennis lessons and ugly cars and liaisons with hot young interns. Hurricanes of entitlement, all swirl and noise and destruction, nothing at their centers* (p. 58).

На примере приема нарастания возможно увидеть оценочное отношение писателя к фактам объективной действительности. Информация, которая является наиболее важной, существенной и значительной, организована в форме нарастания. Анализ показал, что данный художественный текст в большинстве случаев представлен предложениями с прямым порядком слов.

Заключение

На основе детального анализа рассмотренных нами произведений выявлено, что в речи персонажей чаще всего отсутствуют вспомогательные глаголы в вопросительных предложениях. Имеется большое количество вопросительных предложений, имеющих структуру утвердительного предложения. В некоторых случаях вопрос задается посредством междометий *eh, ah*. Кроме того, отмечается широкое употребление контекстуально-неполных предложений. В речи персонажей присутствует большое количество сокращений, что свойственно разговорной речи.

В авторской речи присутствуют предложения, в которых перед главными членами предложения стоят обстоятельства, дополнения или определения. С помощью инверсии авторы анализируемых произведений хотели придать дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию и акцентировать внимание читателя на некоторых семантически значимых элементах предложения. Для описания событий, героев произведения авторы широко используют односоставные и контекстуально-неполные предложения. В целях эмоционально-художественного воздействия на читателя авторы применяют прием нарастания, используя неполные предложения. Размышления авторов передаются с помощью вопросительных предложений со структурой утвердительного

предложения. В предложениях могут отсутствовать формальное подлежащее *it* и вспомогательный глагол *to be*.

Таким образом, изучение синтаксического строя предложений в англоязычных художественных произведениях Д. Д. Сэлинджера *The Catcher in the Rye* и Л. Грофф *Fates and Furies* содействовало углубленному пониманию характера синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в предложении в английском языке, позволило дать представление о грамматическом строении английского языка, выявить наиболее часто используемые типы предложений. Кроме того, проведенное исследование показало, как носители языка выражают свои идеи и мысли средствами языка, как и в какой степени нарушают языковые нормы.

Литература

1. Садыкова Г. В. Порядок слов: функциональный аспект: на материале текстов электронных газет на русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 197 с.
2. Исламова У. А. Простое предложение в аварском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. 134 с.
3. Хутежев З. Г. Порядок слов в простом предложении кабардино-черкесского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1999. 115 с.
4. Кормилицин С. В. Порядок слов и актуальное членение предложения: исследование на материале венгерского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 207 с.
5. Кокорина Е. А. Структура простого предложения в лезгинских языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 183 с.
6. Мухина Е. Н. История изучения порядка слов в простом повествовательном предложении эрзянского и финского языков // Мат-лы XI науч. конф. молодых ученых филол. факультета Мордовского гос. ун-та им. Н. П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. С. 104–109.
7. Понарядов В. В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении: простое предложение: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2001. 179 с.
8. Ганиева Р. Р. Структурно-грамматический анализ фразеологических единиц со структурой предложения, характеризующих болезнь – здоровье, в английском, немецком, русском и татарском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4. С. 52–58. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10407
9. Болдырев Н. Н., Кобрин Н. А., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высш. шк., 2007. 368 с.
10. Langacker R. W. A usage-based model // Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn Amsterdam: Benjamins, 1988. P. 78–94.
11. Воякина Е. Ю., Гунина Н. А., Королева Л. Ю. Грамматика английского языка. Подготовка к итоговой аттестации. Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-т, ЭБС АСВ, 2015. 96 с.
12. Шевякова В. Е. Современный английский язык: порядок слов, актуальное членение, интонация. М.: Наука, 1980. 380 с.
13. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990. 301 с.
14. Федотов О. И. Основы теории литературы. Ч. 1: Литературное творчество и литературное произведение. М.: Владос, 2003. 272 с.
15. Попов Е. Б. Грамматика английского языка. Саратов: Вузовское образование, 2019. 156 с.
16. Симхович В. А. Практическая грамматика английского языка. Мн.: Вышэйшая школа, 2014. 328 с.
17. Хорень Р. В., Крюковская И. В., Стамбакио Е. М. Практическая грамматика английского языка. Мн.: РИПО, 2016. 568 с.
18. Шамсутдинов Ф. А. Соотношение структурной и коммуникативной функции порядка слов в современном немецком и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.
19. Недалков И. В. Видовременные формы в эвенкийском языке // Проблемы функциональной грамматики. Вып. 6. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте. СПб.: Наука, 2017. С. 96–110.
20. Хабибуллин В. А. О порядке слов в современном китайском, английском и русском языках. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. 106 с.
21. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Книга о хорошей речи. М.: Культура и спорт; Юнити, 1997. 268 с.
22. Краснощёрова Ю. В. Теоретическая грамматика английского языка. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2019. 75 с.

23. Дмитриева И. В., Петрашкевич Н. П. Теоретическая грамматика английского языка. Мн.: РИПО, 2017. 224 с.
24. Ившин В. Д. Синтаксис речи современного английского языка: (смысловое членение предложения). Ростов н/Д: Феникс, 2002. 317 с.
25. Шемякова В. Е., Павликова М. А. Инверсионные структуры английского языка: пособие по экспрессивному синтаксису. М.: Наука, 2001. 68 с.

Syntactic Relations Reflected by Word Order in "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger and "Fates and Furies" by L. Groff

Rina R. Ganieva^{a, @, ID}

^a Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 28, Nizametdinov St., Naberezhnye Chelny, Russia, 423806

@ anira1988@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6072-2799>

Received 16.08.2019. Accepted 15.09.2019.

Abstract: The research features syntactic structure in the twentieth century "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger and the twenty first century "Fates and Furies" by L. Groff. The research objective was to study the nature of syntactic relations expressed by word order in speech of narrators and characters. The paper outlines the rules of word order in the English sentence and reviews related studies in the field of syntax. The author analyzed the syntactic structure of sentences in the speech of narrators and characters in the two novels. The analysis was based on the descriptive method and techniques of observation, interpretation, comparison, and generalization. There were numerous examples of omission of auxiliary verbs in interrogative sentences in characters' speech, as well as interrogative sentences with affirmative structure. In "The Catcher in the Rye", affirmative sentences obecame interrogative with the help of interjections *eh* and *ah*. Both novels contained sentences where adverbial modifiers, objects, or attributes preceded the main parts – in the narrators' speech. A lot of one-member and contextually incomplete sentences were used to describe events and personages in both novels. In "The Catcher in the Rye", the narrator's speech revealed few cases of violations of word order rules, mostly in sentences with direct word order. The characters' speech appeared to contain much more cases of word order violations, since the novel features colloquial speech of twentieth century American teenagers. The speech of adult personages was characterized by correct word order. In "Fates and Furies", the narrator's speech demonstrated a significant number of elliptical sentences where auxiliary verb *to be* was omitted in simple verbal predicate with the verb in Present Continuous, as well as in compound nominal predicate and in passive voice. A comparative study of syntactic structure contributed to a deeper understanding of the nature of syntactic relations reflected by word order in the English sentence, grammatical structure of the English language, and popular types of sentences. In addition, the study showed the way native speakers express their ideas and thoughts by linguistic means and violate linguistic norms. The results can be used in various grammar courses and compiling textbooks.

Keywords: linguistics, syntax, communicative goal, pragmatics of a sentence, word order, inversion, fiction, narrator's speech, characters' speech

For citation: Ganieva R. R. Syntactic Relations Reflected by Word Order in "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger and "Fates and Furies" by L. Groff. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1078–1085. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1078-1085>

References

1. Sadykova G. V. *Word order: functional aspect: the case of electronic newspaper texts in Russian and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2005, 197. (In Russ.)
2. Islamova U. A. *A simple sentence in the Avar language in comparison with English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Makhachkala, 1999, 134. (In Russ.)
3. Khutezhev Z. G. *Word order in a simple sentence of the Kabardino-Circassian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Nalchik, 1999, 115. (In Russ.)
4. Kormilitsyn S. V. *Word order and actual division of the sentence: the case of the Hungarian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 207. (In Russ.)
5. Kokorina E. A. *The structure of the simple sentence in Lezgin languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2013, 183. (In Russ.)

6. Mukhina E. N. The history of word order study in a simple sentence in the Erzyan and Finnish languages. *Proc. XI Sci. Conf. of Young Scientists of the Department of Philology, Ogarev Mordovian State*. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2006, 104–109. (In Russ.)
7. Ponaryadov V. V. *Word order in Perm languages in comparative-typological aspect: simple sentence*. Cand. Philol. Sci. Diss. Syktyvkar, 2001, 179. (In Russ.)
8. Ganieva R. R. Structural-grammatical analysis of phraseological units with the structure of a sentence characterizing disease – health in the English, German, Russian and Tatar languages. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo univerisiteta*, 2019, (4): 52–58. (In Russ.) DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10407
9. Boldyrev N. N., Kobrina N. A., Khudyakov A. A. *Theoretical grammar of modern English*. Moscow: Vyssh. Shk., 2007, 368. (In Russ.)
10. Langacker R. W. A usage-based model. *Topics in cognitive linguistics*, ed. Rudzka-Ostyn B. Amsterdam: Benjamins, 1988, 78–94.
11. Voyakina E. Yu., Gunina N. A., Koroleva L. Yu. *Grammar of the English language. Preparation for final certification*. Tambov: Tambov. gos. techn. un-t, EBS ASB, 2015, 96. (In Russ.)
12. Shevyakova V. E. *Modern English: word order, actual division, and intonation*. Moscow: Nauka, 1980, 380. (In Russ.)
13. Arnold I. V. *Stylistics of the modern English language*. Moscow: Prosveshchenie, 1990, 301. (In Russ.)
14. Fedotov O. I. *Fundamentals of the theory of literature. Pt. 1: Literary work and literary oeuvre*. Moscow: Vldos, 2003, 272. (In Russ.)
15. Popov E. B. *English Grammar*. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2019, 156. (In Russ.)
16. Simkhovich V. A. *Practical English Grammar*. Minsk: Vysheishaia shkola, 2014, 328. (In Russ.)
17. Khoren R. V., Kryukovskaya I. V., Stambakio E. M. *English Grammar Practice*. Minsk: RIPO, 2016, 568. (In Russ.)
18. Shamsutdinov F. A. *Correlation of structural and communicative functions of word order in modern German and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1974, 33. (In Russ.)
19. Nedyalkov I. V. Temporal forms in the Evenki language. *Problems of functional grammar. Iss. 6. Predictive Categories in Utterance and Text*. St. Petersburg: Nauka, 2017, 96–110. (In Russ.)
20. Khabibullin V. A. *Word order in modern Chinese, English, and Russian*. Vladivostok: Izd-vo Dalnevost. un-ta, 1996, 106. (In Russ.)
21. Golub I. B., Rosental D. E. *A book about good speech*. Moscow: Kultura i sport; Iuniti, 1997, 268. (In Russ.)
22. Krasnopiorova Yu. V. *Theoretical grammar of the English language*. Saratov: Ai Pi Ar Media, 2019, 75. (In Russ.)
23. Dmitrieva I. V., Petrashkevich N. P. *Theory of English grammar*. Minsk: RIPO, 2017, 224. (In Russ.)
24. Ivshin V. D. *The speech syntax of modern English: (semantic division of sentences)*. Rostov-on-Don: Feniks, 2002, 317. (In Russ.)
25. Shevyakova V. E., Pavloкова M. A. *Inversion in English*. Moscow: Nauka, 2001, 68. (In Russ.)

Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе

Татьяна Ф. Гришенкова^а; Елизавета В. Вариясова^{а, @}

^а Сургутский государственный университет, 628412, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, 1

[@] justina2302@mail.ru

Поступила в редакцию 13.08.2019. Принята к печати 13.11.2019.

Аннотация: Статья посвящена выявлению суггестивных возможностей некоторых текстов религиозного дискурса. Суггестия рассматривается как действенный инструмент незаметного внедрения в сознание специальной идеи, мнения без прямого или непосредственного осознания этого объектом внушения. Авторы затрагивают проблему взаимодействия рациональной и эмоционально-субъективной сторон коммуникации, рассматривая суггестию как способ речевого воздействия, опирающийся на чувственно-ассоциативные стороны сознания. На конкретных примерах текстов религиозного содержания исследуются средства и приёмы речевого воздействия на установки личности. Авторы полагают, что суггестия ведет к принятию и последующему включению новых сведений в сложившуюся систему взглядов, к определенной трансформации мировоззрения, а значит, и мотивационной основы поведения, в том числе и к формированию враждебных намерений и призывам к экстремистским действиям. Наличие некоторых суггестивных приемов позволяет завуалировать, скрыть, сделать менее очевидной фактическую базу, которая может использоваться для доказательства наличия конфликтных элементов, и избежать наказания. Такие тексты используются для создания определенного эмоционального состояния, через которое облегчается возможность мотивации к каким-либо действиям, дальнейших контактов и формирование идей.

Ключевые слова: суггестивный текст, языковые средства, речевое манипулирование, языковое воздействие, коммуникация, речевой акт, языковое сознание, экстремизм

Для цитирования: Гришенкова Т. Ф., Вариясова Е. В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1086–1094. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094>

Введение

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением феномена языкового воздействия, в современной лингвистике является вопрос о соотношении рациональной и эмоционально-субъективной сторон коммуникативного процесса. Поскольку в ходе речевого акта возможно изменение прежних взглядов, ценностей, поведенческих установок личности, представляется неоднозначным ответ на вопрос о приоритетных источниках данного коммуникативного воздействия. По сути это проблема связи чувства и разума, интеллектуальных возможностей человека и его эмоциональной сферы.

Что же оказывает преимущественное влияние на сознание человека, причем таким образом, что способно изменить даже его мировоззрение, систему ценностей, традиционный образ жизни? Ответ на данный вопрос особенно важен, когда мы сталкиваемся с проблемой вовлечения в различные религиозные (возможно экстремистские) организации новых адептов. Данный факт определяет актуальность предпринятого исследования: это и увеличение масштаба распространения текстов религиозно-экстремистского содержания, и их пагубное воздействие на сознание людей, и всё возрастающая роль сети Интернет и социальных сетей в коммуникативном пространстве русской

культуры, а также недостаточная исследованность феномена суггестии вообще и суггестивных приемов в религиозном дискурсе в частности.

Религиозный дискурс оказывается одним из ярких примеров использования как рационального, так и эмоционального воздействия на слушателя (читателя). Подтверждением тому служат тексты религиозного содержания, поступившие на лингвистическую экспертизу и ставшие материалом для данной статьи. Мы постараемся выделить в этом «сложно структурированном ментальном комплексе» рациональности и эмотивной сферы личности сторону, связанную с речевым воздействием на чувства и эмоции человека, т. е. рассмотрим внушение, или суггестию, как специфический способ коммуникативного поведения личности [1]. Предметом исследования являются средства речевого воздействия текстов религиозного содержания (статьи, песни, публичные высказывания в социальных сетях). Цель – выявление суггестивных возможностей религиозного дискурса на примере текстов, ставших предметом лингвистической экспертизы по различным категориям дел.

Методы и материалы

В процессе исследования использовались лингвистические методы анализа письменного текста. Лексико-семантический

анализ проводился с целью определения лексических значений слов и их сочетаний, толкования их значений и функций. С помощью стилистического анализа выявлялись языковые факты, способы их организации, их связи и соотносительности (функции и функционирование языковых средств текста с учетом выражаемого содержания и целевой установки). Контекстуальный анализ применялся для определения значения языковых единиц и уточнения их смыслового наполнения. Все виды анализа текста производились в соответствии с традиционными научными представлениями о современном русском литературном языке и нелитературных компонентах русского национального языка.

Исследованный материал представляет такой вид дискурса, в котором функционируют специфические языковые единицы, характерные для религии (религиозные термины, концепты и т. п.), представленные в русском языке соответствующими лексическими единицами со специальным религиозным смыслом, поэтому материал принадлежит религиозному дискурсу. Как отмечают лингвисты-исследователи, отдельные характеристики данного вида дискурса (с точки зрения как внеязыковых свойств стиля, так и лингвистических элементов и категорий, составляющих стилистическое содержание данных позиций) важны для анализа, а именно:

- совокупность видов коммуникации, актуальных для религиозной сферы общения (коллективная, массовая, личная), а также гиперкоммуникация, специфический тип соотношения «говорящий / пишущий – слушающий / читающий» в религиозном общении;
- диалогичность, присущая монологическому религиозному тексту;
- сочетание функций сообщения и воздействия, в которых реализуется просветительская и дидактическая направленность текстов [2, с. 60].

Результаты

Дискурс сейчас выступает объектом исследования многих дисциплин: философии, литературоведения, политологии, семиотики, социологии, психологии. На пороге третьего тысячелетия активно проводятся исследования на стыке лингвистики и теологии. Некоторые ученые исследуют и описывают отдельные дискурсивные жанры: религиозный дискурс [3], религиозно-философский дискурс [4], православную проповедь [5]. Возникает интегративное научное направление – теолингвистика, «исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [6, с. 164]. Аспекты теоретической теолингвистики в культурно-историческом контексте рассматриваются профессором В. И. Постоваловой [7]. Вопросы конфессиональной языковой личности и религиозного сознания в языковой картине мира оказываются в центре внимания ученых-лингвистов [8]. В XXI в. интенсивно развивается сопоставительная теолингвистика [9; 10]. Функционально-стилистическому изучению религиозного языка, особенностям религиозного

дискурса посвящены работы Л. П. Крысина [11], И. В. Бугаевой [12], Д. В. Ореховой [13]. На современном этапе развития лингвистической науки необходимо отметить и работы в области прикладной теолингвистики [14], в русле данного направления написано и наше исследование.

Суггестивность как лингвистический термин входит в научный оборот в 90-е гг. предыдущего столетия, прежде (в начале XX в.) данное понятие находилось под пристальным вниманием психологов. На современном этапе, в связи с масштабным расширением коммуникационного пространства, лингвистов особенно заинтересовали механизмы речевого воздействия и связанные с данным феноменом понятия суггестии, речевого манипулирования и не прямой коммуникации [15–23]. Суггестию определяли как «способ незаметного внесения в сознание посторонней идеи, мнения без прямого или непосредственного участия объекта» [24, с. 5]. Под ней понимали «возможность навязывать многообразные и в пределе даже любые действия. Последнее предполагает возможность их обозначать» [25, с. 416]. Выделяли ее особенности в отличие от убеждения, подчеркивая «адресованность не к логике и разуму, а к готовности получить инструкцию к действию» [26, с. 397]. Поскольку суггестию рассматривали как явление принудительной силы слова на бессознательное (подсознательное), «термины "суггестивность" или "суггестивная лингвистика" стали употребляться для обозначения воздействия в психотерапевтических целях». Предметом исследования суггестивной лингвистики является вербальная суггестия, т. е. манипулирование человеком при помощи слова. Выделяют три типа манипуляций: закрепление установки, создание установки, изменение установки [27]. Суггестивную лингвистику интересует преимущественно изменение установок посредством текстов. Если определить установку как «неосознаваемую изготровку психики к определенному восприятию, решению, действию» [28, с. 55], то суггестию можно представить как арсенал средств и приёмов направленного воздействия на установки личности. Рассмотрим репрезентацию суггестивных возможностей текстов, обратившись к анализу представленных на лингвистическое исследование материалов. Данные материалы поступали на исследование в Научно-образовательный лингвистический центр Сургутского государственного университета в течение 2018 г. Чаще всего исследуемые материалы представляют собой стенограммы видео- и аудиофайлов, тексты сообщений, размещенные в открытом доступе в социальных сетях, в сообществах религиозной тематики.

Данные тексты буквально изобилуют различными историями, примерами из жизни тех, кто посвятил свою жизнь Аллаху, кто ведет, по мнению приверженцев Ислама, праведный образ жизни. То есть религиозными адептами создаются суггестивные тексты специально «по канонам той или иной мифологии и используются для воздействия на личность и / или социальные группы» [1, с. 33]. Например, в одном из материалов была представлена «Прекрасная

история о женитьбе шахида на гурии», основное содержание которой – рассказ о матери, посылающей своего сына на смерть (посредством истишхади) и воздающей при этом благодарение Аллаху. Как указывает Толковый словарь А. П. Евгеньевой, *гурия* – «в мусульманской мифологии: вечно юная красавица, обительница рая, улаждающая попавших туда праведников»¹. Автор истории прибегает к аллегории женитьбы на райской деве. Поскольку шахиды определяются в Исламе как пожертвовавшие собой за веру, подчеркивается один из столпов данной религии: высшая ступень веры – не просто верить в Аллаха, но принять смерть во имя веры. С позиций мусульманства, шахид утверждает свою веру собственной смертью в войне против неверных. Ему гарантирован Рай, куда он попадает, минуя испытания в могиле и в мусульманском чистилище. В истории представлена целевая интерпретирующая информация, облеченная в приукрашенную выразительно-изобразительными средствами форму, имеющая вид истолкования идеи истишхада, или шахида. «В Исламе этот термин применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью»². Задача автора – заставить поверить в истинность своих утверждений относительно справедливости излагаемых религиозных идей. В качестве обоснования используются оценочные характеристики поступков персонажей. Например: *Быть может мой сын умрет шахидом и сможет заступиться за меня в Судный день. Или: Она сказала: «О Аллах, Ты мой свидетель, что я женила моего сына на этой девушке из Рая с условием, что он пожертвует собой ради Тебя». Тогда она ушла и вернулась назад с 10 000 динарами, отдала их Абуль Уахиду и сказала: «Это ее махр. Возьми его и используй для снаряжения муджахидов».*

Целью данной информации, распространяемой в форме поучительной истории, является эмоциональное воздействие на слушателей (читателей). С помощью внушения в массовое сознание внедряется мысль, что наличие определенных свойств явления объясняется теми причинами, о которых сообщает говорящий. В данном случае это возможность вознесения в Рай благодаря истишхади, т. е. совершения террористических действий. Пропаганда производит знание об устойчивой обуславливающей связи между объектом и его свойствами: *Абдул Вахид сказал: «Если ты поступишь так, тогда это будет величайшим успехом для тебя и твоего сына».* Для обоснования религиозных убеждений о правомерности действий шахида используются демагогические приемы воздействия на сознание слушателей с помощью искажения общечеловеческих

нравственных ценностей (мать, дающая жизнь своему ребенку, осознанно посылает его на смерть во имя Аллаха, *как подарок ему*), односторонней пристрастной интерпретации преподносимых в данной истории событий.

В качестве суггестивных текстов используются и стихотворные произведения, например песни Тимура Муцураева. Одна из них – «Исламская Умма». В первой её части возникает образ *лучших сынов Ислама*, которые *должны вкусить смерти, зато в Раю получают крылья*. В первом и втором четверостишиях фигурируют несколько символов: смерть как неизбежность, Рай и воздаяние как высшая награда за послушание, Ислам как истинная религия. Необходимо отметить еще один символ, употребляющийся в тексте песни как знак надежды на возрождение мусульманского сообщества, – *знамя Таухида*. «Таухид (араб. – единение, единобожие, монотеизм) – догмат о единственности и единстве Аллаха, выраженный в формуле – “нет никакого божества, кроме Аллаха”»³. В контексте данного произведения все названные предметные образы (Рая, смерти, воздаяния) объединяют собой разные планы воспроизводимой автором картины: прошлое, соотносимое с *утратами, печалью и тревогами*; будущее, связанное с образом смерти и окрыленностью в Раю; *сотканную из трещин* жизнь в настоящем. Символ знамени Таухида олицетворяет собой объединяющее начало данных разновременных пластов. В тексте песни Т. Муцураева «Исламская Умма» присутствует уничижительное для мусульманина противопоставление по гендерному признаку: *Покуда миром правят жёны, Увы, отнюдь, не их мужья!* Кроме того, используется презрительный для определения мусульманской общины эпитет – *стала женственной община*. Необходимо подчеркнуть, что песня Т. Муцураева посвящена «общине верующих, которая приняла пророков, подчинилась им и уверовала в Аллаха»⁴. Согласно словарю мусульманских терминов: «умма (араб. – народ, нация, община) – мусульманская община, нация правоверных. Канонический ислам не признает понятие “нация” в этническом смысле слова, для него существует лишь “умма” мусульманская община, объединенная верой в Аллаха и его посланника Пророка Мухаммада»⁵. Тем более оправданно звучат принижающие достоинство мужчин-мусульман данные сравнения, ибо они звучат из уст врагов – *с издевкой недруги твердят*. В тексте названа ещё одна нелицеприятная для автора фигура – *кафир*: *и кафиру мы платим дань*. «Кяфир – неверный, неблагодарный, скрывающий, не признающий истины, не верующий в существование или единство Аллаха. Слово происходит от глагола “кафара” – покрывать, скрывать. Слово “кяфир” в узком смысле означает “скрывающий свое знание о Боге”. Кяфирами называются люди, которые отказываются признавать существование,

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 357.

² Краткий словарь мусульманских религиозных терминов и понятий. Режим доступа: <http://www.islam.az/article/a-181.html> (дата обращения: 12.09.2019).

³ Там же.

⁴ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. Режим доступа: <https://www.islamskij-enciklopedicheskij-slovar-read-390442-42.html> (дата обращения: 20.09.2019).

⁵ Краткий словарь мусульманских религиозных терминов и понятий...

единство и атрибуты Аллаха, пророческую миссию Божьих посланников (или хотя бы одного пророка), существование ада и рая, воскресение после смерти и страшный суд. Смысл жизни они видят только в своем земном существовании»⁶. Но в контексте песни она противопоставлена не отдельным представителям конфессиональной группы, а мусульманам, образ жизни которых не соответствует законам Шариата. Отношение автора к предмету речи выражено через наличие определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально экспрессивных. Так мусульмане (они названы своими: *и вверг в страдания свой народ*), изменившие истинной вере, получают негативную оценку, отразившуюся в метафорах *сброд безродной нечисти и гнусов, корчатся в пыли бригадные воры и воры*. Как видим, в данном примере коммуникативное намерение автора («цель, ради которой производится речевое произведение» [29, с. 32]) не совпадает с его ментальным состоянием, поскольку в песне осуждаются мусульмане, отошедшие от истинной веры в Аллаха, а вот эмотивная оценка их действий выдает неискренность, аллегоричность его высказываний: песня обращена ко всем верующим в Аллаха, которые должны подняться на борьбу с неверными. Такая противоречивость может свидетельствовать о несовпадении «ментального состояния, порождающего текст» и «выраженного коммуникативного намерения» [29, с. 32].

Текст песни Т. Муцураева «Аварское село» построен на антитезе русских и чеченских воинов. Русские солдаты называются *ордой* (лексема имеет пренебрежительный оттенок в значении вражеское войско, полчище⁷). В песне создается негативный образ русских солдат как трусливых воинов в противовес мужественно сражающимся чеченцам: *но вдруг от ужаса все встали, как один: чеченцы мертвые вставали из руин; огонь ответный витязей кромсал и клич «Аллах» им души разрывал*. По отношению к русским употребляется эпитет *пьяные*: *спасались пьяные солдаты напролом* – имеющий негативную коннотацию, в то время как о чеченцах говорится: *отвага горцев крепче их огня*. В песне создается собирательный образ врага в лице представителей русской национальности: это и воюющие русские солдаты, и командующий ими генерал («*Их, верно, всех сразил я наповал!*» – *кричит хвастливо русский генерал*), и весь русский народ, который в данном тексте определяется при помощи ключевого понятия русской православной культуры – русский дух (*Но будет помнит жжена земля, как русский дух сломить смогла Чечня*). Поскольку пропаганда предполагает сознательный предварительный отбор фактов, манипуляции мнениями и убеждениями людей посредством различных символов, необходимо отметить, что в качестве таковых в песне «Аварское село» используются *смерть-коса, ад, огонь, свинец*: *без устали носилась смерть-коса; огонь ответный витязей кромсал и клич «Аллах» им души разрывал*. Действие деструктивных глаголов *кромсать, разры-*

вать, сломить, направлено на врага, конкретизирующегося в тексте в образах русских воинов. Характерной для религиозных текстов, в том числе и анализируемого, является метафора смерти как перехода в лучший мир. Для объекта речи в тексте (бойца джихада) это будет переход в рай: *В мечтах и грезях смутно виден Рай*. Используя средства выразительности для характеристики бойцов джихада, автор романтизирует борьбу с неверными, создает положительный образ тех, кто готов пожертвовать собой за Аллаха: *Направил на Священный Газават, Даруя мусульманам очищение. Я чувствую – имеет наша кровь. Лишь ей присущий вековечный навык. Мужчинам не до жизненных улад, Когда враги кромсают плоть Отчизны. Джихад душой, имуществом и словом*. В приведенном текстовом фрагменте бойцы Аллаха оцениваются позитивно: у них особая кровь – кровь избранных, они храбры и не боятся врагов. Священная война для них – дело жизни. Гибель в бою – праведная смерть, т. к., погибая, преданный воин Аллаха думает только о нем и просит о даровании ему рая и райских гурий: *И потому грехи мои прости, И помоги уйти стезей Джихада..., а если встречу гибель на пути – у господи миров моя награда*. Кроме того, в тексте говорится, что смерть не страшна тем, кто умирает ради Аллаха: *Я сильно возжелал тот чудный край, Где нету зла, и нет печали*. Подчеркивание романтического характера действий бойцов джихада является имплицитным одобрением их деятельности.

В анализируемых текстах мы можем выделить «внутреннюю структуру говорящего» [30, с. 25], производителя текста, которая представляется следующим образом:

- его знания, мнения: знание, что сражающиеся под знаменем Аллаха наши братья погибают, коррелируется с твердой верой, что их ждет лучший мир: *Там есть источник влаги Салсабил, Там навсегда со мною рядом братья... Господь Миров, даруй мне больше сил, И помоги до Вечности добраться;*
- его потребности: предпочтение земной жизни, однако это желание превышает надежда на райскую жизнь: *Лишь только стихнет рукопашный бой, Мы вместе с кровью вмиг стяхнем усталость... И снова я стою перед тобой, В мою мольбу опять печаль закралась;*
- его отношения, установки: противопоставление чудный край, *Где нету зла, и нет печали*. Пятном кровавым виширь распознал враг, Нависнув над землей сплошным покровом. Метафорика в приведенных примерах антиномична, именно эпитеты указывают на различия в оценках двух миров. Противопоставленными оказываются реальности земного существования: мирной жизни и кровавой битвы;
- его чувства, эмоции: основное чувство – это чувство ненависти к врагу *Все недруги мои – твои враги, Я их безверье ненавижу люто! Пылает в этом сердце Божий гнев, Перемешавшись с личной неприязнью*.

⁶ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь...

⁷ Орда // Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/орда> (дата обращения: 20.09.2019).

Семантический уровень последнего отрывка характеризуется контрастностью по принципу *мы – они*, которая в данных предложениях имеет смысловую нагрузку, вызывающую отрицательные ассоциации, указывая на конфликтный текст, который предполагает наличие или возбуждение оппозиционных отношений между субъектом и предметом речи. К группе *мы* принадлежат те, кто воюет с врагами – бойцы джихада. *Они* – враги, неверные. Это лексема с абстрактной семантикой, т. к. нет указания на конкретных лиц. Что еще важнее, имеется негативная характеристика группы-антагониста: *Когда враги кромсают плоть Отчизны. Они вломились нагло в нашу дверь, И кто-то должен стать для них препоной. Пускай же ужаснется этот зверь, В облиии кровавого дракона*. Деструктивные слова усиливают впечатления, негативные эмоции и создают враждебное отношение к группе людей *они – неверные*, которая причиняет физический вред представителям другой группы *мы – бойцы джихада* и с которой нужно бороться, поэтому на имплицитном уровне имеется программа действий, которые необходимо совершить в отношении этой группы: *Пускай же ужаснется этот зверь*. На это указывают и формальные языковые маркеры призыва – слова *пусть, пускай*. Итак, проанализировав структуру говорящего, приходим к выводу, что в созданной религиозной картине мира образ воина Аллаха приобретает ореол мученика. Однако в современной языковой картине, по словам исследователя А. Г. Волковой, «наиболее частотными словами, сопряженными со словом "джихад", являются "шахид", "смертник", "террорист", "теракт"» [31, с. 27]. Так, лексема *джихад*, означающая на религиозном языке праведного воина, святого, отдающего свою жизнь во имя Аллаха, приобретает отрицательную коннотацию. В рамках анализируемого материала декларируется изначальная враждебность группы *мы – воины джихада* по отношению к тем, кто не верует в Аллаха. Слово *враг* прямо употребляется в текстах при номинации и при трактовке их отношения к иноверцам. Эту изначальную враждебность подчеркивают эпитеты, применяемые автором по отношению к немусульманам: *Пускай же ужаснется этот зверь, В облиии кровавого дракона. Все недруги мои – твои враги, Я их безверье ненавижу люто!; Сподвижник, продолжил свою речь, и сказал, и каждый раз, когда войска мусульман с кафирами сходятся в этой битве*. Многие глаголы в представленном материале можно объединить в одну лексико-семантическую группу, основанную на семе войны, разрушения, насильственной смерти: *Пятном кровавым виширь расплзся враг; Когда враги кромсают плоть Отчизны*. Текст пропагандирует образ врага как носителя социального зла, как агрессора, формирует убеждение в необходимости ответной, защитной, оборонительной реакции на эту агрессию. Это навязывание ложной presupпозиции или подведение к ложному умозаключению: к неверным нужно относиться враждебно, нужно с ними воевать. Образ врага является основополагающим как в анализируемых материалах, так и экстремистском

дискурсе в целом. По мнению большинства современных исследователей, конструирование образа врага – это один из наиболее важных, значимых механизмов формирования любой социальной группы, именно «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как "Они-группа", общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной "Мы-группы"» [32, с. 3].

Неслучайным в данных произведениях является и обращение к изобразительно-выразительным средствам, они активно применяются в суггестивных текстах. По мнению исследователей коммуникативной лингвистики, для суггестивного воздействия на реципиента «с целью изменить его точку зрения, настроение используются языковые средства и свойства художественных произведений» [1, с. 33].

Поскольку религиозный дискурс отличается наличием особого ритуала, вся информация, передаваемая в ходе коммуникации на религиозную тему, принимается на веру. Как справедливо заметила Е. В. Бобырева, «адресант религиозного дискурса обладает неоспоримым авторитетом и любое его указание, наставление должно беспрекословно исполняться, не подвергаясь сомнению» [3, с. 9]. Обратившись к контекстуальному анализу представленных на лингвистическую экспертизу текстов, мы постулируем презумпцию приоритета компонента *насилие* в семантической структуре слова *джихад*. Хотя для религиозного дискурса характерно наличие военной метафоры, такая «военная метафорика характерна для некоторых текстов, которые описывают внутреннюю борьбу верующего со своими грехами» [31, с. 28]. В следующих высказываниях важно отметить, что коммуникативная цель заключается в акцентуации негативного признака – враждебного действия по отношению к неверующим при помощи прямого призыва. В этом случае вербальная составляющая призыва характеризуется наличием в высказывании выраженных императивов и модального долженствования: *так вступайте в бой, идите в передних рядах* и *не унижайте райских гурий; Каждый из тех, кто понимает ислам, на сегодняшний день и хочет придерживаться его, он непременно должен понять, что джихад является такой же неотъемлемой частью этой религии, как пост, как молитва, как ... [неразборчиво], как все остальное*.

Призыв как речевой акт подразумевает, помимо иллокутивной цели, условий искренности и успешности, высказывание-побуждение. По словам известного эксперта-лингвиста К. И. Бринева, «в ядерных случаях это высказывание, в котором присутствуют формы повелительного наклонения глагола, либо другие средства, которые способны выступать в функции побуждения (инфинитив, интонационные конструкции и т. д.)» [33, с. 151]. В одном из видеоматериалов, представленных на исследование, адресант рассказывает историю из жизни сподвижников. Один из фрагментов содержит следующую информацию: *Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной! И тогда Аллах полюбит вас и простит вам ваши грехи. И ты сегодня умудришься стесняться перед*

какими-то людьми, которые быть может будут растопкой огня. Ты не можешь проснуться, но когда ты проснешься, кто-то проснется раньше тебя, а кто-то проснется тогда, когда над ним будут уже джаназы⁸ читать. В качестве смыслового и структурного ядра выступает форма условного наклонения в значении повелительного: *Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной!* Отмеченные высказывания направлены на формирование мотивации изменения ситуации, формирования установки на необходимость неуклонного следования «жизненной системе Ислама».

В другом примере суггестивного текста, одном из фрагментов ораторского выступления, наблюдаем высказывание: *Но одна группа из их числа принялась бежать в сторону Медины. Но их встретили женщины со словами «Бежите от смерти на пути Аллаха?»». Мужчины начали оправдываться, говоря «Убит пророк». На что женщины ответили «Так умрите на том, на чем умер он». Женщины сказали мужчинам «Так умрите же на том, на чем умер Мухаммад».* Здесь мы отмечаем негативный речевой акт выражения волеизъявления по отношению к тем людям, которые предают религию Ислам при помощи слов с выраженной отрицательной коннотацией и глагола *умрите* с семантикой грядущего долженствования.

Заключение

На начальном этапе предпринятого исследования мы определили понятийное содержание основных терминов и категорий, необходимых для лингвистического анализа текстов, ставших предметом изучения. Далее был проведен лексико-семантический анализ единиц, являющихся концептуально значимыми показателями религиозного дискурса. На примере текстов песен Т. Муцураева «Исламская Умма» и «Аварское село» мы выявили используемые автором средства и приемы направленного воздействия на систему ценностей и знаковые нравственные установки личности.

Стилистический анализ данных текстов, относящихся к художественному стилю речи, позволил сделать вывод

о коммуникативном намерении автора – романтизировать образ воинов Аллаха, бойцов джихада, тем самым «благословить», поддержать их деятельность. Были выявлены активно используемые автором манипулятивные приемы воздействия на слушателей: характерная исламская символика религиозной семантики, изобразительно-выразительные средства художественного стиля.

В качестве следующего этапа выступил контекстуальный анализ суггестивных текстов, который подчеркнул статус манипуляции как ключевой категории речевого воздействия. С этой целью используются «средства воздействия на сознание (подсознание) адресата, чтобы сформировать выгодное для себя убеждение» [22, с. 104]. Во-первых, это оппозиция *свои – чужие*, в которой к первой группе принадлежат истинные поборники веры Аллаха, а ко второй – враги, т. е. «неверные». Во-вторых, это воздействие на эмоциональную сферу личности. В-третьих, многочисленные повторы устойчивых эпитетов, милитарных метафор. Так срабатывает «когнитивный механизм трансформации модели мира» [34, с. 38], суггестия воздействует на уровне подсознания, и слушатель может даже не подозревать о данном манипулятивном внушении.

В проанализированных текстах религиозного дискурса использованы приемы вербального воздействия, которые основаны на системе доводов, выстроенных по законам формальной логики, причем исходный тезис констатируется с определенной, зачастую негативной позиции. Так, в «модель мира коммуникантов вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [35, с. 12]. На примере исследованных текстов религиозного дискурса мы убедились, что суггестия ведет к принятию и последующему включению новых сведений в сложившуюся систему взглядов, к определенной трансформации мировоззрения, а значит, и мотивационной основы поведения, в том числе к формированию враждебных намерений и призывам к действиям.

Литература

1. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: Ленанд, 2017. С. 160.
2. Салихова Э. А. Экспертиза конфликтогенного текста: об отдельных лингвистических и лингвосомиотических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура. 2016. № 3. С. 58–63.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 45 с.
4. Сергеева Е. В. Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2002. 469 с.
5. Бурцев В. А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2012. 48 с.
6. Гадамский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 1. № 49. С. 164–167.

⁸ ислам. – погребальные молитвы.

7. Поставалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Современная филология: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. конф. (Симферополь, 14 ноября 2013 г.) Симферополь, 2013. С. 23–24.
8. Галиева М. Р. Религиозное сознание в языковой картине мира // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 5. С. 36–46.
9. Степаненко В. А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul». Иркутск: Иркут. гос. лингвист. ун-т, 2006. 312 с.
10. Грицкова А. В., Кулинич М. А. Дискурсивные характеристики речевого жанра в англоязычной православной проповеди // Изв. Самар. НЦ РАН. 2014. Т. 16. № 2-1. С. 160–165.
11. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. С. 135–138.
12. Бугаева И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста / отв. ред. Е. В. Плисов. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 3–11.
13. Орехова Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
14. Борисова А. С., Кургузенкова Ж. В., Никишин В. Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 448–473.
15. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. М.: Лабиринт, 2011. 332 с.
16. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо Изд-во МГУ, 1996. 342 с.
17. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 374 с.
18. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001. 252 с.
19. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Ленанд, 2017. 308 с.
20. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 203 с.
21. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2001. 830 с.
22. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм, 2002. 288 с.
23. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза. М.: Флинта; Наука, 2016. 356 с.
24. Мельник Г. С. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа ориентированный подход / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 3–34.
25. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. СПб.: Алетейя, 2007. 713 с.
26. Парыгин Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: СПбГУП, 1999. 592 с.
27. Черепанова И. Ю. Вербальная суггестия: теория, методика, социально-лингвистический эксперимент: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 50 с.
28. Добрович А. Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 205 с.
29. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Ленанд, 2019. 200 с.
30. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова, сост. В. В. Петров. М.: URSS; Ленанд, 2015. 308 с.
31. Волкова А. Г. Методика дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе религиозных текстов: особенности применения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы VI Всеросс. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.) Ростов н/Д.: Донское книжное изд-во, 2016. С. 26–30.
32. Белоконова А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны»: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 28 с.
33. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Флинта; Наука, 2017. 297 с.
34. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2017. 240 с.
35. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 46 с.

Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse

Tatyana F. Grishenkova^a; Elisaveta V. Variyasova^{a, @}

^a Surgut State University, 1, Lenin Ave., Surgut, Russia, 628412

[@] justina2302@mail.ru

Received 13.08.2019. Accepted 13.11.2019.

Abstract: The research featured suggestive potential of religious discourse. The authors interpret suggestion as an effective tool that allows its users to plant an idea or attitude into the mind of the recipient, the latter being unaware of the object of suggestion. The paper focuses on the problem of interaction between rational and emotional-subjective sides of communication. Suggestion is defined as a way of linguistic manipulation based on the sensory-associative sides of consciousness. The authors study the means and methods of linguistic manipulation of personal attitudes using religious texts as specific examples. The suggestion makes the recipient adopt and include new information in the existing system of views, thus leading to a certain transformation of the worldview, which changes the motivational basis of behavior and may trigger hostile intentions and extremist actions. Suggestive techniques make it possible to avoid legal punishment by disguising facts that can be used to prove the presence of conflict-generating elements in the discourse. Such texts are used to create a certain emotional state, thus facilitating motivation, further contacts, and formation of opinion.

Keywords: suggestive text, language means, speech manipulation, language impact, communication, speech act, language consciousness, extremism

For citation: Grishenkova T. F., Variyasova E. V. Suggestion as a Method of Linguistic Manipulation in Religious Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1086–1094. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1086-1094>

References

1. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Speech impact in political, advertising, and online discourses*. Moscow: Lenand, 2017, 160. (In Russ.)
2. Salikhova E. A. Examination of conflictogenic text: on individual linguistic and linguosemiotic signs of extremist text. *Evrasijskaya advokatura*, 2016, (3): 58–63. (In Russ.)
3. Bobyreva E. V. *Religious discourse: values, genres, strategies in Orthodox Christianity*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2007, 45. (In Russ.)
4. Sergeeva E. V. *Russian religious-philosophical discourse of the school of all-unity" (lexical aspect)*. Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2002, 469. (In Russ.)
5. Burtsev V. A. *Discourse of Russian Orthodox Sermon: methods of producing statements*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Yelets, 2012, 48. (In Russ.)
6. Gadowski A. K. On the gaps in the system of linguistic science: the problem of the interaction of language and religion. *Kultura narodov Prichernomoria*, 2004, 1(49): 164–167. (In Russ.)
7. Postovalova V. I. Theolinguistics in modern humanities knowledge: origins, main ideas, and approaches. *Modern philology: problems and prospects*: Proc. Intern. Conf., Simferopol, November 14, 2013. Simferopol, 2013, 23–24. (In Russ.)
8. Galieva M. R. Religious consciousness in the language world picture. *Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta*, 2015, (5): 36–46. (In Russ.)
9. Stepanenko V. A. *Word / Logos / Name – names – concept – words: comparative-typological analysis of the concept "Soul. Seele. Soul"*. Irkutsk: Irkut. gos. lingvist. un-t, 2006, 312. (In Russ.)
10. Gritskova A. V., Kulinich M. A. Discourse characteristics of speech genres of the Russian Orthodox sermon delivered in English. *Izv. Samar. NTs RAN*, 2014, 16(2-1): 160–165. (In Russ.)
11. Krysin L. P. Religious-preaching style and its place in the functional-stylistic paradigm of the modern Russian literary language. *Poetics. The style. Language and Culture*. Moscow: Nauka, 1996, 135–138. (In Russ.)
12. Bugaeva I. V. Stylistic features and genres of the religious sphere. *Text style*, ed. Plisov. E. V. Nizhny Novgorod: NGLU im. N. A. Dobroliubova, 2005, 3–11. (In Russ.)
13. Orekhova D. V. *Church-religious and political types of discourse through the prism of dialogism (on the basis of the message genre)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2015, 22. (In Russ.)
14. Borissova A. S., Kurguzenkova Zh. V., Nikishin V. D. Translation of religious and extremist texts: forensic-linguistic expert examination. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, 22(2): 448–473. (In Russ.)
15. Sedov K. F. *Discourse as suggestion*. Moscow: Labirint, 2011, 332. (In Russ.)

16. Dotsenko E. L. *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms, and protection*. Moscow: CheRo Izd-vo MGU, 1996, 342. (In Russ.)
17. Dementev V. V. *Indirect communication*. Moscow: Gnozis, 2006, 374. (In Russ.)
18. Sternin I. A. *Introduction to speech exposure*. Voronezh: Istoki, 2001. 252. (In Russ.)
19. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Moscow: Lenand, 2017, 308. (In Russ.)
20. Ermakov Iu. A. *Manipulation of personality: meaning, methods, consequences*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 203. (In Russ.)
21. Kara-Murza S. G. *Manipulation of consciousness*. Moscow: EKSMO, 2001, 830. (In Russ.)
22. Grachev G. V., Melnik I. K. *Manipulation of personality: organization, methods, and technologies of information-psychological impact*. Moscow: Algoritm, 2002, 288. (In Russ.)
23. Grachev M. A. *Forensic linguistic expertise*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 356. (In Russ.)
24. Melnik G. S. Psychological effects of the media. Advertising: suggestion and manipulation. *Media oriented approach*, ed. and comp. Raigorodskii D. Ia. Samara: Bakhrakh-M, 2001, 3–34. (In Russ.)
25. Porshnev B. F. *On the beginning of human history: problems of paleopsychology*. St. Petersburg: Aleteia, 2007, 713. (In Russ.)
26. Parygin B. D. *Social Psychology. Problems of methodology, history, and theory*. St. Petersburg: SPbGUP, 1999, 592. (In Russ.)
27. Cherepanova I. Yu. *Verbal suggestion: theory, methodology, and socio-linguistic experiment*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1996, 50. (In Russ.)
28. Dobrovich A. B. *Educator about the psychology and hygiene of communication*. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 205. (In Russ.)
29. Brinev K. I. *Forensic linguistic expertise handbook*. Moscow: Lenand, 2019, 200. (In Russ.)
30. Van Dijk T. A. *Language. Cognition. Communication*, tr., ed. Gerasimov V. I., comp. Petrov V. V. Moscow: URSS; Lenand, 2015, 308. (In Russ.)
31. Volkova A. G. The methodology of discursive analysis in the linguistic examination of religious texts: specifics of application. *Language and law: actual problems of interaction*: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, November 15, 2016. Rostov-on-Don: Donskoe knizhnoe izd-vo, 2016, 26–30. (In Russ.)
32. Belokoneva A. S. *Constructing the image of external enemy: Soviet media and official documents of the early Cold War period*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2004, 28. (In Russ.)
33. Brinev K. I. *Forensic linguistic expertise*. Moscow: Flinta; Nauka, 2017, 297. (In Russ.)
34. Issers O. S. *Linguistic manipulation*. Moscow: Flinta; Nauka, 2017, 240. (In Russ.)
35. Baranov A. N. *Linguistic theory of argumentation (cognitive approach)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1990, 46. (In Russ.)

Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в.

Сауле С. Дутбаева^{a, @}

^a Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 060011, Республика Казахстан, г. Атырау, пр. Студенческий, 212

[@] saule_sergo@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2019. Принята к печати 06.11.2019.

Аннотация: Современная филология обращается к исследованиям языка на стыке разных направлений: герменевтики и культурологии, когнитивной лингвистики и литературоведения, лингвокультурологии и текстологии. Наиболее интересные результаты получаются при использовании методов анализа разных направлений. В статье описываются образы неба в русской поэзии 90-х гг. XX в. Восприятие этого периода поэтами России весьма отличается от предыдущих и последующих периодов. Поэты по-новому преломляют видение известных символов из мифологии и культуры, применяя свои приёмы при передаче образных рядов. Как показало исследование, Россия описывается поэтами конца XX в. как умершая женщина, как находящийся на распутье человек; небо воспринимается как утерянный рай, в котором царит утраченный на земле мир и покой. Разобщенность неба и земли показывается шумом и хаосом, когда кричат птицы и грохочут механизмы, когда небо взвивается червивым грибом (гриб – символ атомного взрыва). Небо и землю объединяет Мировое Древо, символизирующее единство макро- и микрокосмоса. Человек ищет равновесия, гармонии, но не может их отыскать ни на земле, ни на небесах. Человечество проходит похожий этап, который мир проживал в начале XX в., когда вырубали вишневые сады для железных дорог, когда старому миру приходил конец. Люди перестали смотреть на небо в поисках утешения; люди смотрят себе под ноги, видя в рельсах отражение небес. Глубокий символизм наполняет российскую поэзию 90-х гг. XX в. В ходе анализа были выделены кластеры образов неба в современной поэзии: мифологический, религиозный, культурологический, философский (эсхатологический), научно-технологический, фольклорный. Указанные кластеры сопряжены между собой и взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова: лингвокультурология, образы культуры, символизм, современная поэзия, коды лингвокультуры, языковая картина мира

Для цитирования: Дутбаева С. С. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1095–1104. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104>

Введение

Современная поэзия имеет свои отличительные особенности. Тексты разных эпох показывают специфику картины мира. С одной стороны, значения, выражаемые в языке, складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 39]. С другой стороны, описание некоторых фрагментов мира отображает то, как этот мир преобразился. Ориентация на ведущие направления изучения языка в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики составляет актуальность проводимого исследования.

Выбор текстов для анализа обусловлен несколькими факторами: 1. Тема неба как проводника высших сил в 90-х гг. XX в., переломные для многих стран и для России в частности, не была еще поднята в научной литературе. 2. Поэзия России 90-х гг. XX в. в целом мало изучена. Взгляд на лирику России 90-х гг. XX в. со стороны жителя другой страны в период распада Советского Союза позволяет

увидеть некоторые лингвокультурологические особенности поэтического языка данного периода. Для анализа было отобрано 612 примеров со словом *небо* (и его производными) из поэзии 90-х гг. XX в. Среди поэтов этого периода – Н. Байтов, В. Блаженный, А. В. Еременко, И. Ф. Жданов, С. В. Кекова, В. Б. Кривулин, Ю. П. Кузнецов, А. Н. Миронов, Е. Б. Рейн, О. А. Седакова, А. А. Сопровский, И. В. Чиннов, О. А. Юрьев и др. Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹.

Изучению языка русской поэзии посвящено много научной литературы. Анализ неба и небесных тел встречается в трудах разной направленности: религиозной, философской, мифокритической, культурологической, искусствоведческой (А. Н. Афанасьев [2], О. В. Белова [3; 4], А. А. Плотнокова [3], С. М. Толстая [3; 4], Н. В. Брагинская [5], С. Н. Булгаков [6], Г. Д. Гачев [7], А. Голан [8], В. В. Евсюков [9], А. Ф. Лосев [10; 11], М. Мюллер [12], А. Н. Робинсон [13], В. Н. Топоров [14], П. А. Флоренский [15], О. М. Фрейденберг [16; 17], Дж. Фрэнсер [18] и др.). Описание неба и его объектов

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 05.09.2019).

в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики встречается в работах А. А. Бакировой [19], Н. П. Балашовой [20], С. Е. Баркан [21], Г. Е. Гуляевой [22], Е. Е. Демидовой [23], О. В. Кривалевой [24], К. С. Мирановой [25], А. К. Муллагалиевой [26], Е. П. Панасовой [27], Е. Е. Пименовой [28], М. В. Пименовой [29], Н. И. Пирмановой [30], С. М. Подвигиной [31], Е. В. Репюк [32], А. А. Рольгайзер [33], Н. П. Сидоровой [34], А. Т. Хроленко [35] и др. «Анализ лингвокультурных концептов позволяет раскрыть общие закономерности и специфику человеческого освоения мира посредством языка» [23, с. 3]. В данной статье анализу подвергается небесная сфера в русской поэзии 90-х гг. XX в. Обратимся к небу и небесному миру и опишем его с позиций образов и символов, характеризующих его в аспекте современной русской лингвокультуры.

В качестве основных методов, используемых в работе, выступают методы лингвокультурологического и текстологического анализа. Описательный метод, семантический анализ, различные приемы анализа словарных дефиниций используются при воссоздании образных признаков, входящих в семантику имен неба и небесных объектов.

Анализ образов небесного мира

Язык поэзии опирается на образы и символы, закрепленные в той или иной лингвокультуре. Традиционные образы неба подробно описаны в научной литературе, указанной выше. Смена парадигм в научном изучении космоса, в общественно-политическом устройстве России привело к изменению сознания носителей языка и восприятию неба в целом. 90-е гг. XX в. для России были трудными, как и для всех стран бывшего СССР. Русская поэзия этого времени фиксирует изменения в привычных образах и символах неба и небесных объектов. Небо воспринималось русским народом как источник изменений: на земле происходят события по воле небес. Поэты остаются поэтами во все века, и даже в трудное время поэты творят свои произведения. Рассмотрим тексты русской поэзии, созданной в это время, с позиций мифологии и лингвокультурных кодов и символов.

Русский фольклор – один из самых продуктивных источников образов и символов неба. Небо и небесные объекты видятся сквозь привычные мифологические образы, например месяц рогат: *Месяц в небо воткнул рога* (Кекова С. В. Выпив время в один присест..., 1995). Один и тот же небесный объект может восприниматься через разные образы. Тот же месяц в русской лингвокультуре – это серп:

*В низком небе узкий месяц, ноготочек
(– где же ручка, если серп? –),
Облохся светлым клубом (– бок наполнил,
маскируя свой ущерб –).*

Юрьев О. А. В говнодавах на резине,
на резинке, на резиновом ходу..., 1996

Поэты С. В. Кекова и О. А. Юрьев используют привычные для русского народа символы, дошедшие из глубины веков, – символ небесной коровы, рогами которой и считается месяц, и артефактный символ серпа-месяца, упоминаемый в разных фольклорных источниках. Однако уже здесь мы видим трансформацию образа. Небо преобразуется из серпа в образ ногтя перста указующего. Человеку-атеисту трудно увидеть бога и понять волю неба. Он способен осмыслить только часть происходящего. Невозможно охватить своим взором всю картину преобразования, человек небесную волю трактует посредством символического давления: ноготь позволяет этот смысл раскрыть – *давить ногтём*. С другой стороны, поэт использует слово в форме с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *ноготочек*, что указывает на несерьезность взгляда на окружающий и небесный миры. При этом поэт использует слово *ущерб*, имеющее 2 значения: «1. в упадке. *Силы его на ущербе*. 2. о луне: в последней фазе»². Подлунный мир – земля – в упадке. Упадок страны маскируется под свет: *Облохся светлым клубом (– бок наполнил, маскируя свой ущерб –)*.

Трудные для России 90-е гг. XX в. выдвинули в поэзии на первый план эсхатологические мотивы. Символически распутать обыгрывается мотив сложности выбора. Любой из путей не предвещает ничего хорошего для выбирающего. Безопасного пути при таком выборе просто не существует:

*Поедешь налево – умрёшь от огня.
Поедешь направо – утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама.*

Новиков Д. Г. Ты белые руки сложила
крестом... | Россия, 1992

Мотив выбора пути встречается в русских народных сказках, когда от этого выбора зависит жизнь русского богатыря и его коня (конь, как мы помним, тоже символ России: птица-тройка Н. В. Гоголя). Любой путь по земле предвещает смерть (*Поедешь налево – умрёшь от огня. Поедешь направо – утопишь коня*). Остается прямой путь, но он плохо виден сквозь туман (*Туман расстилается прямо*). Однако и он ведет к смерти (*Поехали по небу, мама*). После смерти душа отправляется на тот свет – на небо.

Поэт Д. Г. Новиков обращается к своей стране (*Россия*) как умершей (*Ты белые руки сложила крестом*). Выбор надземного – небесного – пути предполагает уход с плана земного (*умрёшь от огня*). Традиционный сращенный образ-символ России как гоголевской птицы-тройки, который сопряжен у поэта с правильным – правым – путем, предполагает смерть страны (*утопишь коня*).

Небо поэтами описывается через традиционные античные мифологические образы. «Понятийные сферы содержат значительный объем этнокультурной информации, обладают когнитивной направленностью в художественных текстах

² Ущерб // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/definitsuscherb/?q=742&n=185728> (дата обращения: 05.09.2019).

при описании человека и окружающей его действительности» [36, с. 18]. При этом эти образы тесно переплетаются с современными научными знаниями по астрономии.

Особое внимание привлекают способы описания созвездий и иных небесных объектов. *Небо песьеглавое* – так называет поэт В. Б. Кривулин в своем стихотворении пространство над головой.

*Капли измороси, тающие звезды,
в песьеглавом небе, где-то возле
крепостного крестика...*

Кривулин В. Б. Ночь. ворота. прутья.
обнаженный зоосад..., 1993

Такой эпитет небо получает из-за одной из ярчайших звезд на небе – Сириуса, которую видно из любой точки Земли, кроме северных ее областей. Сириус, а точнее альфа Большого Пса (лат. *α Canis Majoris*), являлся объектом культа в разных религиях. В долине Нила Сириусу поклонялись как богине Сопдет, в древней Греции это имя передавалось как Сотис (Σῶθις). По греческой мифологии Сириусом стала собака Ориона. Об этом пишет Гомер в «Илиаде» (XXII 30), называя эту звезду Псом Ориона. По-латински Сириус – *Canicula* «собачка». На небе есть и созвездие Малого Пса, в котором яркой звездой светит Процион. Сириус и Процион называют пёсьими или собачьими звездами.

Тематика космонавтики тесно переплетается с мифологией. В. Блаженный обращается к теме воздухоплавания – так называется передвижение по небу. Корабли возвращаются из небесной земли – рая, где царит мир и покой:

*Но вернутся они, словно после прибытия
Корабля, из далекого плаванья в небе,
Из небесной земли, где ни кровопролития,
Ни вражды, где у каждого избранный жребий.*

Блаженный В. Но ведь не было этого,
не было этого..., 1992

Небо в разных мифологиях – это небесный океан, по которому плывут небесные объекты – тучи, облака, звезды, луна. Рукотворные объекты – ракеты, самолеты, космические станции – в любых жанрах (в публицистике, научном дискурсе, в поэзии и прозе) называют кораблями. Воды неба – волны. О. А. Юрьев называет небо волнистым:

*Где в волнистом небе кричат галчата
И стучат ногами в раздранный бубен.*

Юрьев О. А. Нет забвенья и никогда
не будет..., 1993

В русской лингвокультуре небо часто предстает в образе огромного водного пространства. «Культурные концепты, реализуемые в художественном тексте посредством ключевых слов, объединяют понятия, представления, образы, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, а также системы социокультурных отношений, традиций, обычаев, характерные для башкирской культуры» [36, с. 18]. Волнение знаменует беспокойствие. Мир окутан как зрительными

образами беспокойства, так и слуховыми (кричат галчата и стучат ногами в разодранный бубен). И бубен тоже символичен – к нему обращаются, когда традиционные религии не справляются, не могут дать ответа на вопросы – за что? почему? зачем? И языческие боги тоже молчат – бубен разодранный. Только галки – медиаторы – посредники между миром земным и миром неба – кричат и пытаются привлечь внимание человека. Но человек уже не понимает природного языка.

Уже в 1990-м г. внимание людей чаще привлекает ночное небо, на котором видятся звезды и месяц. Ночь – время раздумий. И с другой стороны – темнота символизирует мрак. Тьма опустилась на мир и на Россию. И в этой тьме человек обязан жить, как в заточении, по воле небес:

*На холмах Грузии лежит такая тьма,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслилась на небе
Земля как пересыльная тюрьма.*

Еременко А. В. На холмах Грузии
лежит такая тьма..., 1990

Еще одна тенденция современной поэзии – взгляд на небо с позиций искусства. А. Н. Миронов в стихотворении использует зооморфный и вегетативный образы для описания неба. У этого поэта мы наблюдаем эпитеты неба – *скулящее* и *червивое*:

*Нет, от своей пустоты
сеет сеятель семя в ночи и кричит убого,
а его сменяют жнецы и прочие палачи
под скулящим червивым небом Ван-Гога...*

Миронов А. Н. Жизни перетирается
нить..., 1993

У голландского постимпрессиониста Винсента Ван Гога есть картина «Звёздная ночь», написанная им в 1889 г., на которой изображены вихри и спирали на небе. Астрономы отмечают, что именно так выглядят сверхзвуковые потоки газа и пыли. Картина, по мнению специалистов, показывает точное описание турбулентности. Однако поэты видят в этой картине иные образы. Червивое небо – это гриб ядерного взрыва. Мир отравлен супероружием. Скулящее небо – образ псов – Большого и Малого – о которых упоминалось выше. Собака скулит, когда жалуется на боль, на страх и на испуг.

Вегетативный код – один из самых распространенных образных приемов описания неба. В. Блаженный объединяет образ Мирового Древа, растущего корнями в небе, с образом небесного времени жизни человека, похожего на орбиту движения звезды:

*В небе цветешь ты, как божие деревце,
Я же путем пролетаю безвестным, –
Не на что больше мне в мире надеяться,
Жду и надеюсь на встречу с чудесным...*

Блаженный В. Ангел мой, ангел,
слезой изукрашенный..., 1999

Гермесу Трисмегисту приписывают слова: «Что вверху, то и внизу». Небесный мир человеку свойственно видеть

в образах мира земного. На небесах (подчеркнем множественное число существительного) есть земли, неизвестные нам, где есть цветущие сады и леса, населяемые животными:

*О нет, на небесах
Я видел, как цветут неведомые земли,
Как бродит кроткий зверь в загадочных лесах.*

Блаженный В. И если говорил
я «небо», то затем ли..., 1993

В русской лингвокультуре важным фактором выступает единичность неба и множественность небес. Небо – пространство над землей. Небеса – пространства над земным небом.

Зодиак – звериный круг, пришедший из древнегреческой мифологии. Этот образ широко применяется поэтами наших дней. Зодиак называют *звериным колесом*:

*А небеса звериным колесом
Вращаются, и воздух невесом...*

Кекова С. В. Я не пойму, сновидец
иль мертвец..., 1995

Зодиакальные созвездия определяют жизнь человечества на земле. Вращение – основной образ самой жизни (все возвращается на круги своя). Однако жизнь человека – это восхождение на небеса по вертикали:

*А там стоит такая полумгла,
что я боюсь, что я умру в Багеби.
Наверно, Богу мыслился на небе
наш путь как вертикальная шкала...*

Еременко А. В. На холмах Грузии
лежит такая тьма..., 1990

Прожив на земле установленный срок, человеку, а точнее его душе, суждено оказаться на небе и зажечься там в виде звезды. Небесный мир и мир земли объединены в этом аспекте.

Образ неба-поля и пасущихся в нем зверей совмещается с незвериным компонентом Зодиака – Весаами:

*Два бивуака парят в небесах,
нав среди звёздных полей,
белый журавль, я усну на Весах,
без ощущения корней.*

Новиков Д. Г. Жаль, обморожены
корни волос..., 1992

Весы (лат. *Libra*) – созвездие, располагающееся между Девой и Скорпионом. По некоторым мифам это вознесенный в небо атрибут Немезиды, Фемиды, Деметры, по суду которых решалась судьба человека после его смерти. Д. Г. Новиков обыгрывает образы сна-смерти и атрибута богини правосудия (усну на Весах), а также образ звезды, который по русской мифологии связан с темой превращения души человека после смерти в звезду.

*А утром легчайшая смерть наступала,
Душа, как роса, в небеса улетала.
Мы все исчезали в сияющей тверди,
Где свет до рожденья и свет после смерти.*

Кузнецов Ю. П. Мы темные люди,
но с чистой душою..., 1997

Человек всегда верил в знаки неба. На небесном пространстве он «читал» свою судьбу по расположению звёзд. Небесная книга – вот еще один образ, который до сих пор актуален для современных поэтов:

*Да, труден путь и тяжела узда
Для смертных тел, и непосильно иго
Закона, и небес открыта книга –
В ней кровью наливается звезда,
И свет ее приобретает вес,
И падает, как камень у порога, –
Так каждый звук немислимых словес
Летит от уст неведомого Бога.*

Кекова С. В. Я не пойму, сновидец
иль мертвец..., 1995

Есть версия, что по очертаниям звезд были сложены первые письменные знаки – руны. Петербург со своей знаменитой адмиралтейской иглой видится Н. Байтову стилем, которым чертят руны по петербургскому хмурому небу:

*И чертит руны в небе хмуром
адмиралтейское стило.*

Байтов Н. И вот уже трещат морозы... |
Три года, 1993

Знакам неба было принято внимать. В современном мире принято обращать внимание на знаки из двух столиц – светской (Москвы) и духовной (Санкт-Петербурга).

Постперестроечный период приносит свои изменения в образный ряд русской поэзии. Разъединение народов, война в Чечне – всё это политические события новой истории России. СМИ через телевизор создают новый, достаточно жесткий образный ряд нового мироустройства:

*– Где ты, Россия, и где ты, Москва? –
В небе врагами зажаты,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой.
Пала Россия, пропала Москва.
Дико устала взоры
АнтиРоссия и антиМосква
На тележик Пандоры.*

Кузнецов Ю. П. Где ты, Россия, и где
ты, Москва?., 1994

Религия, а именно христианство, также становится источником описания жизни в России. За всё, что происходит в земном мире, несет ответственность творец небесный:

*Твоими руками я слеплен нелепо,
Но в этой юдоли угрюмой
Даны мне земля и попутное небо,
И отрока тихие думы.*

Блаженный В. – Господь, – возопил
я во мраке вселенском..., 1991–1992

Бог-творец – создатель человека – негативно оценивается его творением (*Твоими руками я слеплен нелепо*), а это уже почти мотив богоборчества. Мир, данный человеку – это

юдолю. Книжное слово юдолю, устаревшее, означает «место, где страдают, мучатся». Человек на земле, данной ему в дар, не имеет предполагавшейся изначально гармонии (*даны мне земля и попутное небо*). Небо в 90-е г. XX в. не сопутствовало счастью человека, не приносило радость на землю.

Даже после смерти человек, при всей своей доброте и кротости, не находит покоя в небесах:

*И это в небесах я видел мать с клюкою –
Увы, ее и там неласковы пути,
И все ж она была счастливою такою, –
Она была добром Христовым во плоти...*

Блаженный В. Если говорил
я «небо», то затем ли..., 1993

Земной путь человека – это путь лишений и скорби. Небесный путь не менее труден и тяжок. И нет веры в светлое будущее. Утрачены ожидания награды за перенесенные страдания по ту сторону жизни. Человеку приходится учиться находить радость в том, что он имеет здесь и сейчас, живя на земле. Человек, созданный по образу и подобию божьему, уподобляет себе небо. Олицетворение – вот еще один способ описания неба. Только небо конца XX в. – это небо болеющего организма:

*Кожа неба под звездной паршюю.
Боже! В вере меня укрепи!
Я не знаю, что делать с душою
в понедельник в Голодной степи.*

Кекова С. В. Рыбаки не дождалась
улова..., 1991

Парша – грибковое заболевание кожи. Звезды описываются образами чешуек парши. Это уже не ирония и сарказм, которые означают высшую степень десакрализации сакрального. Это низвержение богов, полный атеизм. И солнце – не животворящее и несущее свет и тепло, а рана, зияющая на коже неба: *Солнце на небе пылает, как свежая рана* (Кекова С. В. Что это за птицы летят? Светится пыль..., 1999). 90-е гг. XX в. воспринимаются поэтами как нарушение миропорядка, приведшее к болезни и общества, и космоса:

*Небо в звездах, как тело в коросте,
как листва в беловатой пыли.
Проступают берцовые кости
на поверхности теплой земли.*

Кекова С. В. Небо в звездах, как тело
в коросте..., 1995

Небо, как кожа, облекает тело земли. Болезнь земли заметна на коже-небе либо приводит к судорогам организма-мира: *И неба судорожная кривизна...* (Кенжеев Б. Ш. Еще глоток. Покуда допоздна..., 1997).

Поэзия конца XX в. обращается к русской классике. 90-е гг. XX в. принесли народу ощущение опустошения. Душа поэта требовала гармонии, а ее в мире не было. И. В. Чиннов, обращаясь к этой теме, пишет:

*Ты бы хотела увидеть
Небо в алмазах?
Разве тебе не довольно
Звездного неба?
Ты бы хотела увидеть
Ангела в небе?
Разве тебе не довольно
Первого снега?*

Чиннов И. В. Ты бы хотела увидеть...,
1992

В пьесе «Дядя Ваня» в 4-м действии есть сцена, когда Соня обращается к уставшему дяде Ване со словами: «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как сказка»³. Как мы видим, И. В. Чиннов другими способами передает слова А. П. Чехова, вложенными в уста своей героини. Повторяющиеся трудности для России на стыке веков становятся темой для понимания утрачиваемого, уходящего мира.

Не обойден вниманием и научно-технический прогресс. Безусловно, эпоха НТР – так называли XX век – запечатлелась в стихотворениях рассматриваемого периода. Поэзия впитала в себя образы техногенного мира: небо видится в железнодорожном полотне. Человек стал смотреть не вверх, а вниз – под ноги, на землю, на рельсы, в которых видит искаженный образ неба:

*Застыло озеро заката
и отразилось небо в рельсах.
А хризантема в это время,
откинув плащ, открыла счет.
<...>
Закат, заманивая, вянет,
и отразилось небо в рельсах,
и пахнет дым последней фразы,
как пудра на ее лице.*

Байтов Н. Застыло озеро заката... |
Свобода на баррикадах, 1991).

Первоначальным, широко распространенным образом, который встречается издавна в описаниях неба, был образ дома. Дом строят из кирпичей:

*Вот ангел в небе носит кирпичи,
в сырой земле копаются грачи
и бережат ее сквозную рану.*

Кекова С. В. Слова слетают с кончика
пера..., 1995

Артефактная модель образов неба чрезвычайно детализирована. У дома-неба есть стены, потолки и иные составляющие его части:

³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Т. 13. М.: Наука, 1978. С. 104.

*Стол и кресла, вина и закуски,
Был тут и замшелый бутылек.
– Тут и думать нечего! – и русский
Выбил пробку в небо-потолок.*

Кузнецов Ю. П. Самолет летел над океаном..., 1995

Стены неба-дома в 90-е гг. XX в. описываются метафорами разрухи. Переломный этап всегда описывается в метафорах разрухи (вспомним Интернационал: *мы мир разрушим до основанья, а затем...*). Везде в стенах мира щели и трещины: *Небо в трещинах и щелях* (Кривулин В. Б. Снова, Господи, прости им..., 1996). Этот образ переключается с разрушенной в 1990-м г. Берлинской стеной, которая была снесена как символ, разделяющий мир. Однако ее снос принес разрушение дома-Европы.

Небо перестает быть домом для человека. Небо – дом бога. Богов в русской лингвокультуре называют *небожителями*. Человек остаётся на земле – один на один с самим собой:

*Все мы, поэты, у Бога в гостях.
Домом не может быть небо.*

Байтов Н. Где вы живете, так много стрижей..., 1996

Еще одним широко распространенным артефактным образом неба было зеркало. Небо отражается в земных объектах, и земля отражается в небе, как в зеркале:

*Не пугай и не мучай меня,
видишь – кто-то нам грудь обнажает –
это небо в оправе огня,
словно зеркало, мир отражает.*

Кекова С. В. Нет ни в жилах любви, ни в костях..., 1995

К артефактной части образов неба может быть отнесена и ткань. На ткани неба читаются вышитые звездами знаки. Однако такие знаки только кажутся. Человек не уверен в том, что он правильно читает знаки неба:

*Небо над ними казалось расшитым крестами,
дыбом стояло. неверно-светящийся нимб.*

Кривулин В. Б. Ездили за город жадно смотреть на комету..., 1995–1996

Небо предстает в метафорах полога, завесы. Завеса неба скрывает от человека некую тайну. И если раньше к небу человек относился с пиететом, то сейчас уважение к небу исчезло, как и его тайна: *Грубо разодрана неба завеса* (Кекова С. В. В речке прозрачной вода убывает..., 1995).

Развитие техники привело к появлению артефактов, которых ранее не было. Здесь встречаются такие образы, как компьютер, консервы и др.:

*Илья-пророк берет грозы аккорд,
но отвечает сдержанно и хмуро
сияющих небес клавиатура.*

Кекова С. В. Слова слетают с кончика пера..., 1995

Человек по-новому смотрит высоко в небо и видит там не привычные мифологическому сознанию образы, а то, с чем встречается в повседневной своей жизни:

*Вскрывающий небо ущербным консервным ножом,
бросающий сверху пустую цветочную бомбу,
крутой полумесяц на клумбе развернут, как скатерть.*

(Жданов И. Рапсодия батареи отопительной системы, 1999)

Небо 90-х гг. XX в. десакрализовано. Оно перестало нести в себе символику справедливости. Небо – это только пространство над головой, не более того. Небо – часть компьютерной системы.

Бытовой взгляд на то, что ранее было связано с астральным, солнечным и лунным культами, с христианством, где небо понималось как пространство бога или богов, показывает зашоренность человеческого миропонимания, отсутствие веры в то, что происходящее в мире закономерно. Всё это приводит человека к одиночеству, обрывая связь с высшим миром, с космосом, где всё взаимосвязано и упорядочено. Человек становится творцом своей жизни. Только эта жизнь его не радует, не приносит ему счастья. Гармония, которую человек утратил, показывает, что только душа, являющаяся космосом малым, соединяет человека с небом. Душа помнит небесную свою жизнь. И об этом пишут поэты конца XX в.

*Где неба привычного лик? Творцы вавилонской баини
искали его вверху, не чаяли, как обрести,
и метили с ним срастись, сравняться плотью всегдашней,
а выпало растеряться, себя и его низвести.*

Жданов И. Ф. Гора над моей деревней: возле нее погреться..., 1991

Атеизм, распространенный в советское время, когда человек считался творцом, которому доступны поворот рек, достижение космоса и пр., привел к замещению божественных функций человеческими. Человек сам отказался от бога. Апогеем развития атеизма становится забвение своей мифологии. Небо пустеет, а значит, осознанная связь души и неба прерывается. Однако душе все равно предстоит очутиться после смерти на небе, но только ее там уже никто не ждёт:

*В небесах пустырей рассыпались осенние звезды,
Среди них и моя.*

Сопровский А. А. Липа, ясень, рябина, два тополя пирамидальных..., 1990

В 90-е гг. XX в. в России появляются «братки», которые живут на широкую ногу. Удивительно, что, осознавая свои преступления, они пытаются наладить связь с небом на договорных условиях. Проще говоря, они пытаются за свое благополучие, добытое преступлениями, откупиться от небес деньгами, но не понимают, что это не та плата. Небо – не слуга человеку, оно – вершитель судеб:

*Что же делать? Что же делать?
Кто-то запер адреса.
Он же щедро сыплет мелочь
Чаевую в небеса.*

Рейн Е. Б. Темный дождик в переулке...,
1990

Открытие железного занавеса приводит к переселению людей из постсоветского пространства в другие страны. И над головами эмигрантов видится уже другое небо, в котором парят другие птицы. Орёл – традиционная птица на гербе России, заменена на кондора – символ Америки. И новый мир называется иначе – зоной:

*В соседстве Большого Каньона,
Где кондоры в небе висят,
Песчано-кремнистая зона:
Под солнцем лежит Аризона,
Похожий на Мексику штат.*

Чиннов И. В. В соседстве
Большого Каньона..., 1990

Выводы

Как показывает проведенное исследование, в русской языковой картине мира образы неба формируются из двух блоков: 1) объективная реальность (видимое пространство над землей) и 2) духовная реальность (обусловленная религией, мифологией и культурой в целом). Не столь давнее открытие доступа для каждого человека к небесной сфере приводит всё человечество к воздухоплаванию благодаря научно-техническим достижениям в области астрономии, авиации и космонавтики. Одновременно сохраняется интерпретация небес как таинственной части мира, однако это обусловило развитие эсхатологической составляющей системы поэтических образов, связанной с представлением о разрыве связи между небом и землей, оторванности человека от небес и полном его атеизме.

Царивший в советское время атеизм приводит людей к отрицанию роли небес в своей жизни. Расплата за неверие наступает в лихие 90-е гг. XX в., когда человеческая жизнь утратила свою цену. *Лихо* в русском языке – «1. То же, что зло. 2. Поминать лихом вспоминать дурно о ком-чём-н.»⁴. 90-е гг. – злые, дурные. Эта оценка закрепила за ними в сознании носителей русского языка надолго.

Лингвокультурологический анализ стихотворений рассматриваемого нами периода показывает, что в сознании поэтов символика неба и небес прежних времён сохранена. Она относится не только к русской мифологии, но и мифологии античной. Но эта символика используется не в привычном – традиционном – виде, она преобразуется, низводится до бытового восприятия, теряя свою сакральность.

Поэты и писатели первыми пытаются выразить в привычных образах и символах новую эпоху. Лингвокультурологический анализ символики новой эпохи пугающе устрашающ. В России именно в 90-е гг. XX в. стро-

ится много храмов, разрушенных в советское время. В этих храмах отпевают «братков» – преступников, а многие из них, дожившие до наших времен, станут олигархами. С богом они пытаются вступать в товарно-денежные отношения.

На стыке столетий происходит смена исторических и социальных условий жизни общества. На сломе веков в России произошел серьезный скачок в сознании, к которому привели изменения в стране. Можно говорить о смене эпох – переходе от советского атеистическо-идеалистического мышления к мышлению капиталистическо-прагматическому. Этот переход оказался болезненным и ощутимым для каждого.

Исследование мифологических, научных и религиозных представлений оказывается принципиально важным в аспекте изучения определенного этапа жизни народа России. Представления об окружающем мире влияют на язык, на творчество жителей страны – поэтов и писателей, способствуя акцентуации тех образов, которые возникают в сознании при проживании определенных исторических моментов в жизни общества.

Заключение

Языковой материал показывает, что на формирование и развитие понятий, связанных с небом и небесной сферой, влияют разные факторы: древние мифологические представления; социально-исторические изменения в обществе, приводящие к переплетению обыденного, религиозного и научного знаний; особо следует отметить прагматический подход носителей языка при выделении приоритетных признаков неба и его объектов; взаимосвязь небесного и земного мира в аспекте языковой картины мира; лингвокультурологический и этнопсихологический факторы.

Лингвокультурологический фактор связан с осознанием собственного одиночества в этом мире, утраты связи со своими предками – их культурой, которая выражена в мифологии и религии. Восстановление единства двух миров – макрокосма и микрокосма – приводит к иногда неверным шагам – попытке подкупить небо или вовсе его сменить, покинув свою Родину. Этнопсихологический фактор обусловлен пониманием невозможности контролировать события в этом мире и свою собственную жизнь. Это приводит к появлению маргиналов в обществе и к снижению стиля поэзии 90-х гг. XX в. Этот период истории России ассоциируется с упадком и злом, страхом и болью. Жизнь на земле воспринимается как наказание – отсюда образы узника и зоны – тюрьмы на Земле.

Небо в русской лингвокультуре – это символ гармонии, созвучия проживаемого и необходимого для души. Сращение мифологических, религиозных и научных представлений о небе, небесных объектах, земле и человеке показывает конкретную часть духовной жизни русского народа в 90-е гг. XX в., в которой переплетается уходящая старина и современность. Всё это послужило фундаментом для целостности восприятия духовной и физической действительности, в которой обитает человек.

⁴ Лихо // Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://что-означает.рф/лихо> (дата обращения: 05.10.2019).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. III. 768 с.
3. Белова О. В., Плотникова А. А., Толстая С. М. Небо // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 376–380.
4. Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 143–147.
5. Брагинская Н. В. Небо // Мифы народов мира. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энцикл., 1988. Т. II. С. 206–208.
6. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
7. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
8. Голан А. Миф и символ. 2-е изд. М.: РУССЛИТ, 1994. 375 с.
9. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
10. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
11. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
12. Мюллер М. Шесть систем индийской философии. М.: Искусство, 1995. 448 с.
13. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.). М.: Наука, 1980. 336 с.
14. Топоров В. Н. Океан мировой // Мифы народов мира. В 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энцикл., 1988. Т. II. С. 249–250.
15. Флоренский П. А. (священник). Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловьевских писем. Завещание. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
16. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
17. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
18. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
19. Бакирова А. А. Способы вербализации мотивирующих признаков концепта звезда в русской языковой картине мира // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2018. С. 108–114.
20. Балашова Н. П. Вегетативный код лингвокультуры в описании луны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4. С. 105–108.
21. Баркан С. Е. Признаки живой природы в структуре концепта звезда // Язык и культура. 2009. № 3. С. 5–9.
22. Гуляева Г. Е. Роль историко-культурного контекста в формировании концепта «Солнце» (на материале творчества К. Кинчева) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2006. № 6. С. 133–137.
23. Демидова Е. Е. Структуры и способы актуализации признаков концептов небо и heaven в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 22 с.
24. Кривалева О. В. Сопоставительная характеристика словообразовательных гнезд в рамках исследования концептов «небо» / «Himmel» и «земля» / «Erde» в русской и немецкой языковой картине мира // Языковые и речевые единицы в разных языках / отв. ред. Р. З. Мурсов. Уфа: БашГУ, 2006. С. 351–359.
25. Миронова К. С. Концептосфера небо в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 19 с.
26. Муллагалиева Л. К. Реализация концепта «луна» в русской языковой картине мира (на примере лингвокультурологического словаря) // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии. В 2 т. / отв. ред. Н. В. Пятаева. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2006. Т. 2. С. 96–98.
27. Панасова Е. П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 194 с.
28. Пименова Е. Е. Концептуализация небес посредством признаков артефактов // Язык и ментальность / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 489–495.
29. Пименова М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта звезда) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. М.-Архангельск, 2009. Вып. 4. С. 140–153.
30. Пирманова Н. И. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами свет – небо – земля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
31. Подвигина С. М. Образы неба и небесных светил в русской и немецкой фразеологии // Язык и национальное сознание / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2005. Вып. 7. С. 92–99.
32. Репьюк Е. В. Концептуальные признаки стихий концептов звезда и star // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 429–435.

33. Рольгайзер А. А. Витальные признаки концептов звезда и étoile // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 435–441.
34. Сидорова Н. П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2. С. 170–174.
35. Хроленко А. Т. Кластерный анализ в лингвокультурологических исследованиях // Небо: Опыт кластерного анализа / науч. ред. А. Т. Хроленко. Курск: КГПУ, 2003. С. 3–7.
36. Самситова А. Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2015. 62 с.

Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's

Saule S. Dutbayeva^{a, @}

^a Dosmukhamedov Atyrau State University, 212, Studencheskiy Ave., Atyrau, Republic of Kazakhstan, 060011

[@] saule_sergo@mail.ru

Received 16.09.2019. Accepted 06.11.2019.

Abstract: Modern philology studies language at the junction of different directions, e.g. hermeneutics and cultural studies, cognitive linguistics and literary criticism, linguaculturology and textology, etc. As a rule, combined methods provide the most interesting results. The article describes the images of the sky / heaven in the Russian poetry of the late XX century, the period of Russian history known as “the dashing nineties”. Contemporary poets seemed to have a very peculiar perception of that period. Their vision of traditional mythological and cultural symbols differed from commonly accepted interpretations. They described Russia as a dead woman or as a man at a crossroads, while the sky was a lost paradise that retained the peace and tranquility that are not to be found on the earth any more. The gap between heaven and earth is shown by the chaos of birdcalls, machinery noise, and nuclear clouds. Heaven and earth are connected by the World Tree, which unites the macro- and microcosm. Man seeks balance and harmony but cannot find them. In the 1990's, mankind was repeating the stage it had passed in the early XX century, when cherry orchards gave place to railways, and the old world order was coming to an end. In such periods, people do not look at the sky for solace; they mind their own step and see heaven reflected in the rails. The poetry of the 1990's is filled with deep symbolism. The present analysis revealed several image clusters of the sky: mythological, religious, culturological, philosophical (eschatological), scientific and technological, and folklore. These clusters are interconnected and complement each other.

Keywords: linguaculturology, cultural images, symbolism, modern poetry, codes of linguistic culture, linguistic worldview

For citation: Dutbayeva S. S. Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1095–1104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1095-1104>

References

1. Apresyan Yu. D. Man via language: an attempt of systematic description. *Voprosy iazykoznanii*, 1995, (1): 37–67. (In Russ.)
2. Afanasyev A. N. *Myths, beliefs, and superstitions of the Slavs. Poetic views of the Slavs on nature*. Moscow: EKSMO; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002, vol. III, 768 s. (In Russ.)
3. Belova O. V., Plotnikova A. A., Tolstaya S. M. *Sky. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*, ed. Tolstoy N. I. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, 376–380. (In Russ.)
4. Belova O. V., Tolstaya S. M. *Moon. Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary*, ed. Tolstoy N. I. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, 143–147. (In Russ.)
5. Braginskaya N. V. *Sky. Myths of the World*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sovetskaia entsikl., 1988, vol. II, 206–208. (In Russ.)
6. Bulgakov S. N. *Non-Evening Light: Contemplation and speculation*. Moscow: Respublika, 1994, 415. (In Russ.)
7. Gachev G. D. *Mentality of the peoples of the world*. Moscow: Eksmo, 2003, 554. (In Russ.)
8. Golan A. *Myth and symbol*, 2nd ed. Moscow: RUSSLIT, 1994, 375. (In Russ.)
9. Evsiukov V. V. *Myths about the universe*. Novosibirsk: Nauka, 1988, 176. (In Russ.)
10. Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow: Politizdat, 1991, 525. (In Russ.)

11. Losev A. F. *Being. Name. Space*. Moscow: Mysl, 1993, 958. (In Russ.)
12. Muller M. *Six systems of Indian philosophy*. Moscow: Iskustvo, 1995, 448. (In Russ.)
13. Robinson A. N. *Literature of Ancient Russia in the literary process of the Middle Ages (XI–XIII centuries)*. Moscow: Nauka, 1980, 336. (In Russ.)
14. Toporov V. N. *World Ocean. Myths of the World*, ed. Tokarev S. A. Moscow: Sovetskaia entsikl., 1988, vol. II, 249–250. (In Russ.)
15. Florensky P. A. (Priest). *To my children. Memories of the past. Genealogical research. Letters from the Solovetsky Archipelago. The last will*. Moscow: Moskovskii rabochii, 1992, 560. (In Russ.)
16. Freidenberg O. M. *The myth and literature of antiquity*. Moscow: Nauka, 1978, 605. (In Russ.)
17. Freidenberg O. M. *Poetics of the plot and genre*. Moscow: Labirint, 1997, 448. (In Russ.)
18. Fraser J. *The Golden Bough*. Moscow: Politizdat, 1986, 703. (In Russ.)
19. Bakirova A. A. Methods of the motivating signs verbalizing of the concept "zvezda" in the Russian language picture of the world. *Conceptual Studies in the aspect of Russian lingvoculture*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg, 2018, 108–114. (In Russ.)
20. Balashova N. P. Vegetative metaphors in the description of the moon. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-4): 105–108. (In Russ.)
21. Barkan S. E. The signs of nature in the structure of the concept "star". *Jazyk i kul'tura*, 2009, (3): 5–9. (In Russ.)
22. Gulyaeva G. E. The role of the historical and cultural context in the formation of the concept of the "Sun" in K. Kinchev's oeuvre. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2006, (6): 133–137. (In Russ.)
23. Demidova E. E. *Structures and methods for updating the signs of the concepts "nebo" and "heaven" in Russian and English language worldviews*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2010, 229. (In Russ.)
24. Krivaleva O. V. A comparative characteristic of word-building nests in the framework of the study of the concepts "sky" / "Himmel" and "earth" / "Erde" in the Russian and German language worldviews. *Language and speech units in different languages*, ed. Murzasov R. Z. Ufa: BashGU, 2006, 351–359. (In Russ.)
25. Mironova K. S. *Sphere of concepts "sky" in English and German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2009, 19. (In Russ.)
26. Mullagalieva L. K. Implementation of the "moon" concept in the Russian language worldview based on the linguacultural dictionary). *Anthropocentric linguistics paradigm and problems of linguoculturology*, ed. Piataeva N. V. Sterlitamak: Sterlitamak. gos. ped. akademiia, 2006, vol. 2, 96–98. (In Russ.)
27. Panasova E. P. *The concept of the SUN in the Russian language and speech*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2007, 194. (In Russ.)
28. Pimenova E. E. Conceptualization of heaven via object features. *Language and Mentality*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGU, 2010, 489–495. (In Russ.)
29. Pimenova M. V. On the question of the methodology of conceptual studies (on the example of the concept star). *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world*, comp. and ed. Simashko T. V. Moscow-Arkhangelsk, 2009, iss. 4, 140–153. (In Russ.)
30. Pirmanova N. I. *The cultural connotations of phraseological units with the components of light – sky – earth*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 24. (In Russ.)
31. Podvigina S. M. Images of the sky and celestial bodies in Russian and German phraseology. *Language and national consciousness*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2005, iss. 7, 92–99. (In Russ.)
32. Repiuk E. V. Conceptual signs of forces of nature in the "zvezda" and "star" concepts. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*, ed. Pimenova M. V. Moscow: IIA RAN, 2011, 429–435. (In Russ.)
33. Rolgayzer A. A. Vital features of zvezda and étoile concepts. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*. Moscow: IIA RAN, 2011, 435–441. (In Russ.)
34. Sidorova N. P. Mythological portrait of the moon in the field of Russian concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2008, (2): 157–162. (In Russ.)
35. Khrolenko A. T. Cluster analysis in linguistic and cultural studies. *Sky: cluster analysis experience*, ed. Khrolenko A. T. Kursk: KGPU, 2003, 3–7. (In Russ.)
36. Samsitova L. Kh. *Cultural concepts in the Bashkir language worldview*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ufa, 2015, 62. (In Russ.)

Передача флоберовской точки с запятой в англоязычных переводах *Madame Bovary**

Валентина В. Карапец^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

@ valentinakarapec@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0706-8214>

Поступила в редакцию 13.06.2019. Принята к печати 10.09.2019.

Аннотация: В статье на материале шести англоязычных переводов романа Г. Флобера *Madame Bovary* с применением метода сплошной выборки и сопоставительного метода рассматриваются особенности передачи такой стилистической черты писателя, как точка с запятой в сложных предложениях между клаузами в отсутствие союза и перед сочинительным союзом *et*. Этот пунктуационный знак в указанных позициях и является предметом работы. Анализ корпуса показывает, что, несмотря на индивидуальные предпочтения, которые наблюдаются в некоторых текстах, в подавляющем большинстве случаев переводчики тем не менее придерживаются пунктуационного изоморфизма, сохраняя исходную точку с запятой и используя эквивалентный союз. Доля изоморфизма выше, чем в русских переводах, что отчасти обусловлено большим сходством французской и английской пунктуационных систем по сравнению с русской. Степень верности оригиналу объясняется не пунктуационными тенденциями в тот или иной период, а скорее, переводческими стратегиями. Результаты работы могут быть задействованы в подготовке многоязычных корпусов параллельных текстов, а также в разработке пособий по сопоставительной грамматике, синтаксису.

Ключевые слова: пунктуация, клауза, стиль, множественные переводы, пунктуационный изоморфизм, сопоставительные исследования, Гюстав Флобер, французская литература, переводы произведений Флобера

Для цитирования: Карапец В. В. Передача флоберовской точки с запятой в англоязычных переводах *Madame Bovary* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1105–1113. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1105-1113>

Введение

Достаточно распространённым можно считать положение о том, что анализ множественных переводов какого-либо художественного текста в рамках одного языка перевода позволяет получить более полную и объективную картину при выяснении вопроса о степени соответствия переводов оригиналу с той или иной точки зрения (например, в плане передачи стиля) [1, p. 330; 2]. В продолжение этой идеи существует мысль, что ещё более убедительные результаты позволяет получить анализ множественных переводов на несколько языков: так, на «плодотворность» такого рода сопоставительных исследований (*comparaison plurilingue*) указывает Андре Дюссар [1, p. 330]. При этом автор полагает, что знакомство переводчика с предыдущими версиями, в том числе выполненными на разные языки, даст лишь приблизительное представление о способах

передачи особенностей стиля, который передать в целом невозможно: «En effet, si les traducteurs peuvent consulter les transpositions réalisées dans d'autres langues, ils n'y trouveront que des indications relatives à l'interprétation, puisque le style n'est guère transférable d'une langue à l'autre¹» [1, p. 331]. В настоящей работе мы попытаемся подвергнуть сомнению это достаточно категоричное суждение автора о невозможности передачи идиостиля в переводе, показав, что при передаче точки с запятой – которая является одним из стилистических приёмов Г. Флобера – в англоязычных переводах романа *Madame Bovary* доля пунктуационного изоморфизма² [3], как и в русских переводах, достаточно высока. Наше исследование призвано продолжить сравнительный анализ переводов *Madame Bovary*, начатый на материале русских переводов романа [4], и расширить его благодаря привлечению англоязычных текстов. Предметом нашего

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00620 А.

¹ Хотя переводчики могут консультироваться с «переложениями», выполненными на другие языки, в этих переложениях они найдут лишь указания, имеющие отдалённое отношение к переводу, поскольку передать стиль с одного языка на другой невозможно (перевод автора статьи).

² Под изоморфизмом (греч. равный, тождественный) в переводоведении понимается некое подобие, устанавливаемое в переводящем языке на уровне выражения и не искажающее исходное содержание. Так, пунктуационный изоморфизм предполагает употребление в переводном тексте знаков препинания, эквивалентных исходным (например, точка с запятой в оригинале может быть без потерь передана точкой с запятой в переводе). При этом изоморфизм не уподобляется буквализму, поскольку последний предполагает «слепую» передачу формы оригинала, не всегда соответствующую со смыслом. В зарубежной научной литературе (например, во франкоязычных работах) изоморфизм именуется *isomorphisme*.

исследования является точка с запятой между клаузами с бессоюзной связью, а также перед сочинительными союзами *et*, *mais* и её передача на английский язык в этих позициях.

Об особом употреблении Г. Флобером точки с запятой, в том числе перед союзом *et*, упоминали многие авторы: в их числе как писатели и литературоведы (М. Пруст, В. В. Набоков, Ж. Филипп, П.-А. Рей и др.), так и лингвисты (Ж. Антуан, А. Тибоде, Р. Ле Бидуа). Приведём высказывание В. В. Набокова о сочетании «; *et*»: «Пара "точка с запятой – и" следует за перечислением действий, состояний или предметов; точка с запятой создает паузу, а "и" завершает абзац, вводя ударный образ, живописную деталь – описательную, поэтическую, меланхолическую или смешную. Это особенность флюберовского стиля» [5, с. 231–232]. Вслед за упомянутыми авторами мы будем исходить из того, что употребление Г. Флобером точки с запятой между клаузами при бессоюзной связи и перед сочинительным союзом *et* относится к специфике его идиостиля.

В настоящее время известно в общей сложности около 20 английских переводов *Madame Bovary* как на британский, так и на американский варианты английского языка, что свидетельствует о неугасающем интересе к классическим произведениям французской художественной литературы – последние переводы вышли после 2010 г. Однако в ряде справочных изданий по истории англоязычных переводов перечислены лишь некоторые переводы *Madame Bovary*; наиболее полный список, состоящий из 13 переводов, мы нашли в статье И. Дж. Аלקсниса 1997 г. [6].

Методы и материалы

Материалом для настоящего исследования послужил французский текст первой части романа *Madame Bovary*, состоящий из 9 глав общим объёмом 138 тыс. знаков, и 6 текстов англоязычных переводов приблизительно аналогичного объёма каждый: первый британский перевод *Madame Bovary*, выполненный Элеанорой Маркс-Эвелинг (*Eleanor Marx-Aveling*, дочь Карла Маркса; первое издание её перевода романа Г. Флобера вышло в Великобритании в 1886 г.), затем предположительно более поздняя редакция того же перевода, имеющая с первой ряд расхождений как минимум пунктуационного характера (год публикации нового издания нам неизвестен – имеющийся у нас электронный вариант лишён каких бы то ни было выходных данных); перевод Уильяма Блейдса (*William Blaydes*, перевод издан в Нью-Йорке в 1902 г.), перевод Джеймса Льюиса Мея (*James Lewis May*, текст впервые опубликован в 1928 г. в Нью-Йорке), перевод Джоан Чарльз (*Joan Charles*, выпущен в 1949 г. тоже в Нью-Йорке) и, наконец, один из последних переводов романа – перевод Лидии Дэвис (*Lydia Davis*, опубликован в США в 2010 г.). Таким образом, анализируемые нами англоязычные переводы были выполнены между 1886 г. и 1949 г., появляясь примерно каждые 20 лет; несколько особняком с точки зрения временной «концентрации» переводов стоит современный текст, выполненный в 2010 г.

Что касается диахронического аспекта, то, как правило, когда речь идёт об изменениях в пунктуационной системе английского языка, сравнивают эпоху XVIII в. и современность. О разительных отличиях между пунктуационными системами в эти два периода упоминают, в частности, Роберт Траск [7, р. 254] и Джеймс Эйтчисон [8, с. 142]. Если же говорить о предположительных изменениях в интересующий нас отрезок времени, то, по всей видимости, существенных сдвигов зафиксировано не было. Вместе с тем в отечественной работе В. В. Убушаевой предпринята попытка описать некоторые пунктуационные тенденции: приводятся данные о популярности английской точки с запятой в XIX–XX вв. В целом на протяжении XIX в. и вплоть примерно до 1920-х гг. точка с запятой в бессоюзных предложениях была частотной [9, с. 39], что во многом объяснялось стилистическими особенностями письменной речи, а именно художественных текстов, для которых были характерны длинные распространённые предложения [9, с. 56]. В 1930–1950-е гг. в аналогичных позициях при бессоюзии ставилась как запятая, так и точка с запятой, без ярко выраженных предпочтений к тому или другому знаку; тем не менее в 1940-е гг. формулируется рекомендация использовать между короткими клаузами, скорее, запятую. В 1970-е гг. на выбор знака стали в большей степени оказывать влияние долгота паузы и смысл клаузы (степень их «слитности») [9, с. 57, 70]. Таким образом, со второй половины XX в. постановка знака препинания (а именно точки с запятой) стала определяться не тенденциями эпохи, а более объективными критериями, связанными с длительностью пауз и семантическими связями между клаузами. Но все-таки жёстких предписаний по использованию точки с запятой не существует.

Обратимся к нашему корпусу. В исследуемом фрагменте методом сплошной выборки было выявлено 235 случаев постановки точки с запятой между клаузами с различными видами связи: 164 случая между клаузами в отсутствие союза, 50 случаев между клаузами перед сочинительным союзом *et* (пунктуационная схема «; *et*») и 15 случаев в схеме «; *mais*». Затем с применением сопоставительных методов были рассмотрены эквивалентные фрагменты в англоязычных переводах.

Способы передачи флюберовской точки с запятой между клаузами при бессоюзной связи

В нижеследующих табл. 1–4 приводятся варианты передачи точки с запятой между клаузами при бессоюзной связи и в рамках пунктуационных схем «; *et*», «; *mais*» в шести англоязычных переводах *Madame Bovary*, сопровождаемые примерами из корпуса.

При бессоюзной связи (паратаксисе) многие авторы считают уместным употребление между клаузами точки с запятой [10, р. 282; 11, р. 56; 12, р. 51; 13, р. 88]. Основными типами отношений между клаузами, когда допустима точка с запятой, выступают повтор, контраст или развитие мысли [10, р. 283; 14, р. 1738]. В любом случае точка с запятой имеет статус необязательного в данной позиции знака:

Табл. 1. Способы передачи флоберовской точки с запятой между клаузами при бессоюзной связи, %

Tab. 1. Ways of translation of Flaubert's semicolon between clauses in asyndetic sentences, %

Пунктуационные решения для «;»	Marx-Aveling, 1886	Marx-Aveling, год не известен	Blaydes, 1902	May, 1928	Charles, 1949	Davis, 2010
;	62	72	86	26	90	99
; + союз	0,5	–	–	2	0,5	0,5
,	15	10	1	5	3	–
, + союз	0,5	0,5	0,5	4	–	–
.	17	12	8	57	2,5	0,5
:	–	1	2	–	0,5	–
, между однородными членами	3,5	3,5	2	5	–	–
; между однородными членами	0,5	–	0,5	–	–	–
–	1	1	–	–	–	–
пропущено	13	–	–	1	3,5	–

«semicolon (optional punctuation) is effective if – even with short clauses – a long pause is effective» [10, p. 287].

Рассмотрим пример из нашего корпуса, где в одном предложении поставлены две точки с запятой: *La nuit, il ne dormit pas, sa gorge était serrée, il avait soif; il se leva pour aller boire à son pot à l'eau et il ouvrit la fenêtre; le ciel était couvert d'étoiles, un vent chaud passait, au loin des chiens aboyaient*³.

Варианты переводов:

- *At night he could not sleep; his throat was parched; he was thirsty. He rose to drink from the carafe, and opened the window. The sky was covered with stars, a warm wind was blowing; dogs were barking* (Marx-Aveling, 1886);
- *At night he could not sleep; his throat was parched; he was athirst. He got up to drink from the water-bottle and opened the window. The night was covered with stars, a warm wind blowing in the distance; the dogs were barking* (Marx-Aveling, год не известен);
- *At night he did not sleep, his throat was contracted, he was thirsty; he got up to drink from his water-jug, and he opened the window; the sky was covered with stars, a warm wind breathed, in the distance dogs barked* (Blaydes);
- *That night he could not sleep: something seemed to grip his throat, he felt thirsty. He got up, took a drink from the water-jug and opened the window. The sky was filled with stars, a warm breeze was blowing, and a long way off, some dogs were barking* (May);
- *That night he did not sleep, his throat was tight, he was thirsty; he arose to go and drink from his carafe and he opened the window; the sky was covered with stars, a hot wind was blowing; in the distance dogs howled* (Charles);
- *That night, he could not sleep, his throat was tight, he was thirsty; he got up to drink from his water jug, and he opened the window; the sky was covered with stars, dogs were barking* (Davis).

В исходном предложении Г. Флобер употребляет точку с запятой дважды, как бы разделяя предложение на смысловые части, сцены: описание состояния Шарля (бессонница, жажда), его последующие действия (встал, выпил воды, открыл окно), пейзаж за окном (звёздное небо, тёплый ветер, лай собак вдали). Клаузы словно нанизываются друг на друга, описывая последовательные действия и разворачивая картину происходящего. Этот пример иллюстрирует следующее положение (которое является общим для пунктуационных систем европейских языков): «When more than two clauses lie side by side but the sense calls for one of the breaks between them to be more marked than the others, a semicolon at that point, contrasted with commas at the others, will give the desired effect» [15, p. 6–7] (см. также [16, p. 74; 17, p. 63; 18, p. 98]). Что касается переводческих решений, то Э. Маркс-Эвелинг в обеих редакциях ставит две точки вместо точек с запятой; вместе с тем она также ставит три дополнительных точки с запятой вместо флоберовских запятых. К сегментации «традиционно» прибегает и Дж. Л. Мей, тогда как У. Блейдс и Дж. Чарльз воспроизводят обе исходных точки с запятой; последний добавляет ещё одну вместо первоначальной запятой.

Способы передачи флоберовской точки с запятой перед сочинительными союзами

О тенденциях постановки знаков препинания перед сочинительными союзами между клаузами пишет та же В. В. Убушаева: на всём протяжении XX в. предпочтительной в этой позиции оставалась запятая, особенно между короткими клаузами, лишёнными других знаков препинания внутри себя; точка с запятой употреблялась перед союзами крайне редко [9, с. 58]. Более того, в середине XX в. стала складываться тенденция к опущению знака препинания перед сочинительным союзом, особенно между

³ Ночью он никак не мог уснуть, в горле у него все пересохло, хотелось пить; он встал, выпил воды и растворил окно; небо было звёздное, дул тёплый ветерок, где-то далеко лаяли собаки (перевод Н. М. Любимова).

короткими клаузами и при наличии одного и того же подлежащего [9, с. 58, 69], или же к использованию запятой вместо точки с запятой [11, р. 62].

Согласно рекомендациям американских и британских работ, датируемых второй половиной XX в., точка с запятой перед сочинительным союзом обычно ставится в случае, если последующая клауза обладает значением противопоставления или вводит объяснение: «A clause introduced by *for*, *and*, *but* or *or*, or equivalent connectives, when it denotes contrast, inference, or explanation, is set off by a semicolon» [11, р. 61] (см. также [13, р. 95; 15, р. 7]). Или же в случае, если автор стремится выделить на письме более длинную паузу, маркирующую смысловые или ритмические акценты: «... if the writer wants a significant pause for emphasis or rhythm» [10, р. 283]; (см. также [12, р. 51; 19, р. 164]).

Тем не менее, несмотря на все рекомендации, в авторитетной Кембриджской грамматике подчёркивается, что в позиции перед сочинительным союзом между клаузами допускается вариативность – это служит своего рода подтверждением высказанной ранее мысли о некоторой пунктуационной свободе, присущей британской традиции [14, р. 1739].

Добавим, что и в пособиях по стилистике не даётся чётких указаний относительно предпочтительности использования того или иного знака. Характеризуя распространённость знака (запятой, точки с запятой, двоеточия), автор оперирует наречиями частотности: «When you have mastered the correct use of these two stops [full stop and comma], much more than half the battle is over. The colon is very seldom needed by most people for ordinary purposes. The semicolon is wanted more frequently, but generally no very serious error is committed if it is replaced by a comma or a full stop (according to the nature of the case)» [19, р. 149]. Рассмотрим в табл. 2 способы передачи пунктуационной схемы «; *et*» в англоязычных переводах.

Как отмечалось выше, перед сочинительным союзом *and* допустима как запятая (чаще используемая),

так и точка с запятой: «There is the same old argument about the semicolon before *and* in a series as there is about the comma before *and*. The trend is toward lighter punctuation before *and*: just as the comma is changed to no punctuation mark, the semicolon is down-graded to the comma» [20, р. 253]. Проанализируем пример из корпуса: *Mais Charles, donnant au harnais un dernier coup d'oeil, vit quelque chose par terre, entre les jambes de son cheval; et il ramassa un porte-cigares tout bordé de soie verte et blasonné à son milieu comme la portière d'un carrosse*⁴. Варианты переводов:

- *Charles, giving a last look at the harness, saw something on the ground between his horse's legs, and picked up a cigar-case with a green silk border and blazoned in the centre like the door of a carriage* (Marx-Aveling, 1886);
- *But Charles, giving a last look to the harness, saw something on the ground between his horse's legs, and he picked up a cigar-case with a green silk border and beblazoned in the centre like the door of a carriage* (Marx-Aveling, год не известен);
- *But Charles, as he took a last look over the harness, saw something on the ground, between the legs of his horse, and picked up a cigar-case bound with green silk and blazoned in the middle like the door of a carriage* (Blaydes);
- *But Charles, giving a final glance at the harness, noticed something lying on the ground between his horse's legs. He stooped down and picked up a cigar-case lined with green silk, with a coat of in the centre, like the blazon on a carriage door, and a couple of cigars inside it* (May);
- *But Charles, giving it a last glance, saw something on the ground between the horse's legs; he picked up a cigar case embroidered all over in green silk and emblazoned in the middle like a carriage door* (Charles);
- *But Charles, giving the harness one last glance, saw something on the ground, between the legs of his horse; and he picked up a cigar case with a green silk border all around it and a coat of arms in its center like a carriage door* (Davis).

Табл. 2. Способы передачи пунктуационной схемы «; *et*», %

Tab. 2. Ways of translation of the punctuation pattern "; *et*", %

Пунктуационные решения для «; <i>et</i> »	Marx-Aveling, 1886	Marx-Aveling, год не известен	Blaydes, 1902	May, 1928	Charles, 1949	Davis, 2010
; and	18	26	72	22	80	96
, and	32	40	12	28	2	4
.	2	2	–	16	–	–
,	2	2	–	2	–	–
;	2	–	2	–	2	–
. And	–	2	–	18	–	–
= and =	4	2	6	6	–	–
. / ; / , + союз	2	2	–	4	–	–
пропущено	12	–	–	–	6	–

⁴ Когда же он, перед тем как пуститься в путь, еще раз осматрел упряжь, ему показалось, что под ногами у лошади что-то валяется; он нагнулся и поднял зеленый шелковый портсигар, на котором, как на дверце кареты, красовался герб (перевод Н. М. Любимова).

Вторая клауза, вводимая с помощью *et*, обладает значением вывода; субъект в обеих клаузах один. Схема «; *et*» передана изоморфно только у Л. Дэвис, тогда как у остальных переводчиков имеют место различные варианты: в первой версии текста Э. Маркс-Эвелинг, а также у У. Блейдса и Дж. Л. Мея эквивалентный союз *and* связывает однородные сказуемые (при этом в конце первой клаузы Дж. Л. Мей ставит точку и начинает новое предложение с детали, отсутствующей в оригинале). Во второй редакции Э. Маркс-Эвелинг синтаксическая структура сохранена, но точка с запятой заменена на запятую. У Дж. Чарльз сохранена точка с запятой, но опущен эквивалентный союз. Последний случай иллюстрирует следующее положение из работ по пунктуации: «By substituting a semicolon for the comma, we can omit the conjunction» [17, p. 65] (см. также [8, с. 144]). В Кембриджской грамматике подобные случаи объединены под названием «asyndetic coordination» [14, p. 1743].

В табл. 3 приведены способы передачи пунктуационной схемы «; *mais*» в англоязычных переводах. Рассмотрим предложение, в котором задействованы одновременно союзы *et* и *mais*: *Du temps de madame Dubuc, la vieille femme se sentait encore la préférée; mais, à présent, l'amour de Charles pour Emma lui semblait une désertion de sa tendresse, un envahissement sur ce qui lui appartenait; et elle observait le bonheur de son fils avec un silence triste...*⁵ Варианты переводов:

- *In Madame Dubuc's time the old woman felt that she was still the favorite; but now Charles's love for Emma seemed to her a desertion from her own tenderness, an encroachment upon what was hers, and she observed her son's happiness in sad silence* (Marx-Aveling, 1886);
- *In Madame Dubuc's time the old woman felt that she was still the favorite; but now the love of Charles for Emma seemed to her a desertion from her tenderness, an encroachment upon what was hers, and she watched her son's happiness in sad silence* (Marx-Aveling год не известен);
- *In the time of Mme. Dubuc, the old woman used to feel herself still the preferred one; but, now, Charles's love for Emma seemed to her a desertion of her tenderness, an encroachment upon what belonged to herself; and she observed the happiness of her son with a sad silence* (Blaydes);

- *In Madame Dubuc's day, the old lady still regarded herself as the favorite, but now Charles was so wrapt up in Emma that she felt as she had been thrown over, as if she had been robbed of something that belonged to her. And she contemplated her son's happiness in gloomy silence* (May);
- *In Madame Dubuc's time, the old lady had felt herself still to be the favorite; but now Charles' love for Emma seemed to her a forsaking of her own tenderness, an encroachment upon what belonged to her; and she observed her son's happiness in gloomy silence* (Charles);
- *In Madame Dubuc's day, the old woman had felt that she was still the favorite; but now Charles's love for Emma seemed to her a desertion of her own affection, an encroachment on what belonged to her; and she observed her son's happiness in sad silence* (Davis).

Пунктуационная схема «; *mais*» передаётся изоморфно во всех переводах, кроме Дж. Л. Мея, использующего запятую. Что касается «; *et*», то изоморфные варианты предложены У. Блейдсом, Дж. Чарльз и Л. Дэвис, тогда как у Э. Маркс-Эвелинг в обеих версиях перед эквивалентным союзом *and* поставлена запятая, а у Дж. Л. Мея – точка. Этот пример иллюстрирует случай обязательной постановки точки с запятой между клаузами – общее положение, которое сформулировано в большинстве работ по пунктуации: при наличии запятых внутри клауз необходимо использовать точку с запятой, чтобы разграничить клаузы и избежать тем самым смысловой путаницы [8, с. 145–146; 10, p. 283, 285; 11, p. 58; 12, p. 52; 13, p. 88; 14, p. 1740; 15, p. 7; 21, p. 7; 22, p. 3]. Это правило распространяется и на предложения с союзной сочинительной связью [18, p. 99; 23, p. 279; 24, p. 44].

Необходимо отдельно отметить, что в нашем корпусе между клаузами с бессоюзной и союзной сочинительной видами связи мы зафиксировали случаи использования в переводах точек с запятой вместо других пунктуационных знаков оригинала. Нам представляется, что эти случаи можно квалифицировать в качестве так называемых компенсаторных мер. Случаи замены (в абсолютных цифрах) различных знаков препинания оригинала на точку с запятой в переводах отражены в табл. 4.

Табл. 3. Способы передачи пунктуационной схемы «; *mais*», %Tab. 3. Ways of translation of the punctuation pattern "; *mais*", %

Пунктуационные решения для «; <i>mais</i> »	Marx-Aveling 1886	Marx-Aveling, год не известен	Blaydes, 1902	May, 1928	Charles, 1949	Davis, 2010
; but	40	33	87	33	73	93
, but	53	60	6,5	33	13	7
. But	–	–	–	33	–	–
другие	7	7	6,5	1	14	–

⁵ Во времена г-жи Дюбюк старуха чувствовала, что Шарль привязан к ней сильнее, чем к жене, а его чувство к Эмме она расценивала как спад его сыновней нежности, как посягательство на ее собственность. И она смотрела на счастье сына с безмолвной печалью (перевод Н. М. Любимова).

Табл. 4. Количество замен различных знаков препинания на точку с запятой в переводах

Tab. 4. Substitution of various punctuation marks for semicolon in translations

Исходная пунктуация	Marx-Aveling, 1886	Marx-Aveling, год не известен	Blaydes, 1902	May, 1928	Charles, 1949	Davis, 2010
,	52	15	24	31	12	11
:	7	–	11	2	6	3
.	10	13	–	2	1	–
, mais	–	–	; but 1	–	–	–
, et	; and 15	–	–	–	–	; and 4

Результаты

Наиболее изоморфным из шести переводов является текст Л. Дэвис (2010): во всех рассматриваемых позициях изоморфные случаи составляют более 95 %; помимо этого, она добавляет некоторое количество точек с запятой вместо исходных запятых. Далее располагается текст Дж. Чарльз (1949), где на долю изоморфных решений приходится от 73 % до 90 % случаев передачи всех рассматриваемых пунктуационных схем. Она не прибегает к сегментации и добавляет точки с запятой в минимальном количестве случаев по сравнению с предшественниками.

Затем с небольшим отставанием следует перевод У. Блейдса (1902), у которого изоморфных пунктуационных решений от 72 % до 87 %; в остальных случаях в предложениях с бессоюзной связью он использует точку, тем самым сегментируя исходное предложение, а в предложениях с сочинительной связью – запятую перед эквивалентным союзом. Кроме того, он достаточно активно заменяет точку с запятой исходные запятые и двоеточия.

В самом раннем переводе, принадлежащем Э. Маркс-Эвелинг (1886), точка с запятой воспроизводится при бессоюзии более чем в 60 % случаев; далее по частотности следуют запятые и точки (15–17 %). Кроме того, именно в этом переводе отмечено наибольшее количество дополнительных точек с запятой между клаузами в отсутствие союза, использованных переводчицей взамен исходных запятых в этой позиции. В союзных предложениях преобладающим пунктуационным знаком в сочетании с эквивалентным союзом является запятая (от 30 % до 50 % соответственно при передаче предложений с *et* и *mais*), тогда как на долю изоморфных решений приходится от 20 % до 40 %. Вместе с тем в этом переводе есть и обратные случаи, когда исходная схема «*, et*» передаётся с применением точки с запятой: «*; and*». Стоит отдельно отметить, что около 13 % предложений, содержащих точки с запятой в отсутствие союза и перед *et*, в первой редакции перевода Э. Маркс-Эвелинг не переданы.

Вторая же её редакция является, во-первых, полной (все пропущенные предложения переведены), а во-вторых, более изоморфной в пунктуационном отношении. Так, при передаче предложений с бессоюзной и сочинительной связью перед *et* изоморфных решений больше на 8–10 % по сравнению с первой версией перевода. При передаче схемы «*; et*» это достигается, в частности, за счёт более

предпочтительного использования эквивалентного союза *and* (тогда как в версии 1886 г. он чаще опускается). В этом переводе в целом наблюдается тенденция к передаче флорберовской пунктуации, поэтому и случаев использования точки с запятой при бессоюзии вместо иных исходных знаков в 4 раза меньше. Однако несколько вразрез с описанной тенденцией идёт передача схемы «*; mais*», где изоморфных решений «*; but*», напротив, меньше на 7 % по сравнению с первой редакцией в пользу запятой перед союзом. Отметим, что в рассматриваемом нами отрывке наблюдается баланс между количеством случаев, с одной стороны, сегментации английских предложений, эквивалентных исходным, а с другой стороны, объединения двух французских предложений в одно сложное английское с использованием точки с запятой.

Один из современных переводчиков *Madame Bovary* Джеффри Уолл (*Geoffrey Wall*), прежде чем выпустить в 1992 г. свой перевод романа, изучил предшествующие, в том числе самый ранний. В своей статье он характеризует перевод Э. Маркс-Эвелинг как буквальный в плане передачи формы (синтаксическая структура, граница предложений), но лишённый флорберовской «плавности» и поэтичности: «*Eleanor Marx's translation (1886) is a very special case. <...> She escaped the flowing style. Her translation achieves an austere literalism, which I greatly admire. She respects sentence boundaries and she respects the syntactical order of the original. Unfortunately, she mangles the poetic moments*» [25]. Однако наш анализ показал, что граница предложений соблюдена переводчицей не всегда; что касается буквальности, то в нашем корпусе переводы, более верные оригиналу с точки зрения формы.

Перевод Джеймса Льюиса Мея наименее изоморфен в интересующем нас отношении (25–30 % случаев). При передаче предложений с бессоюзной связью изоморфных случаев четверть, тогда как практически 60 % приходится на точку. В целом можно констатировать, что сегментация является излюбленным приёмом переводчика (возможно, она является способом разъяснения): значительно чаще всех своих предшественников он использует точку вместо исходной точки с запятой между клаузами. Отметим, что некоторые авторы считают такую пунктуационную замену стилистически неуместной: «*The substitution of the semicolon for a full stop is not compulsory. If the two*

sentences stood alone, a full stop would do equally well. But usually they will not stand alone, in which case it is obviously better that they should be linked together by the semicolon» [17, p. 66]. В тексте Дж. Л. Мей зафиксированы и случаи использования точки с запятой вместо исходной запятой, т. е. не исключено, что он всё же заметил пунктуационную особенность флоберовского текста. Схема «; *et*» передаётся различными способами: 22 % решений приходится на изоморфный вариант «; *and*», 35 % – на точку перед *and* и без союза, 30 % – на запятую перед *and*. Наконец, способы передачи схемы «; *mais*» распределяются поровну (примерно по 30 %): перед эквивалентным *but* ставится либо точка с запятой, либо запятая, либо точка.

Заключение

Важно отметить, что положения из работ по пунктуации, на которые мы ссылаемся при анализе переводческих решений, касаются непереводаемых текстов. Согласно ряду работ, точка с запятой была достаточно употребительна в середине XX в. Однако анализ переводческих решений, на первый взгляд, будто бы размывает временные рамки частотности этого знака: точка с запятой активно используется в переводах 1902, 1949 и 2010 гг. В данном случае уместнее было бы заключить, что высокая доля точек с запятой обусловлена влиянием оригинала, а не тенденций в тот или иной период. Что касается последних, то на материале переводных текстов они прослеживаются с трудом: в переводах конца XIX в. (Э. Маркс-Эвелинг) и 1928 г. (Дж. Л. Мей) преобладают иные знаки (запятая и точка), что наводит на мысль об индивидуальных предпочтениях переводчиков. Таким образом, интерпретируя переводческие решения, мы считаем привязку ко времени не совсем верной.

Итак, согласно результатам нашего исследования, многие переводчики (У. Блейдс, Дж. Чарльз и Л. Дэвис) сохраняют точку с запятой в значительном количестве случаев: с одной стороны, это отвечает стремлению передать специфику оригинала, а с другой – не нарушает рекомендаций по пунктуации. Наши данные позволяют заключить, что пунктуация является достаточно доступным для передачи в переводах стилистическим приёмом (в отличие от некоторых лексических и синтаксических), особенно между такими относительно близкими языками, как французский и английский, обладающими схожими принципами расстановки пунктуационных знаков.

При сравнении с русскими переводческими тенденциями мы также можем констатировать, что фактор популярности точки с запятой вряд ли сказывался на переводческих решениях: независимо от времени создания перевода, есть более и менее изоморфные в пунктуационном отношении. Наиболее изоморфными оказываются переводы Л. Г. (1895), А. Н. Чеботаревской (1918) и М. И. Ромма (1930-е гг.), т. е. временной разброс по сравнению с англоязычными текстами не столь велик. При этом отметим, что доля изоморфизма в русских переводах ниже и достигает в среднем 70 % (а в случае передачи схемы «; *et*» и вовсе снижается до 30 % ввиду невысокой употребительности эквивалентного сочетания «; *и*» в русском языке). Кроме того, если среди рассматриваемых нами англоязычных переводов наиболее изоморфными являются самые поздние из них, то в корпусе русских переводов наиболее поздний – перевод Н. М. Любимова 1956 г. – наименее близок оригиналу в пунктуационном отношении. Таким образом, «расслоение» по переводам присутствует и в англоязычном, и в русском корпусах, но приобретает разные формы.

Литература

1. Dussart A. Mario Wandruszka ou la stylistique comparée dans une perspective européenne // Europe et traduction / ed. M. Ballard. Arras; [Ottawa]: Artois Presses Université, 1998. P. 323–343.
2. Карапец В. В. Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов "Madame Bovary" на русский язык) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2017. № 5. С. 143–153.
3. Разлогова Е. Э. Изоморфизм и буквализм в переводе // Актуальные проблемы романских языков и современные методики их преподавания: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 27–28 октября 2016 г.) Казань: Отечество, 2016. С. 112–125.
4. Карапец В. В. Точка с запятой в романе Г. Флобера «Госпожа Бовари» и в его русских переводах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 140–146.
5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе: Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стивенсон. М.: Независимая Газета, 1998. 512 с.
6. Alksnis I. J. Flaubert: Les dessous de Madame Bovary. Genève, 1997. Режим доступа: <http://www.letton.ch/alksnis.htm> (дата обращения: 01.06.2019).
7. Trask R. L. Key concepts in language and linguistics. London: Routledge, N. Y., 1999. XVIII+378 p.
8. Эйтчисон Дж. Английский: Грамматика, орфография, пунктуация, стилистика. М.: Аквариум, 1996. 460 с.
9. Убушаева В. В. Формирование пунктуационной системы в английском языке. Элиста: КалМГУ, 2008. 99 с.
10. Kane T. S. The new Oxford guide to writing. N. Y.: Oxford university press, 1988. VIII+327 p.
11. O'Neill K. Punctuation. Practically, ill. A manual for students and correspondents. N. Y.: Simmons, 1913. 192 p.
12. Sidwell P., Seigfried R. G. Handbook of grammar. Including punctuation and sentence structure. N. Y., Chicago: Scribner, 1928. 139 p.

13. Smith K., Steele L. Proper punctuation / cons. ed. Goodman R. London, 1962. 280 p.
14. Huddleston R. D., Pullum K. The Cambridge grammar of the English language. Cambridge: Cambridge university press, N. Y.; Melbourne, 2003. XVII+1842 p.
15. Carey G. V. Punctuation. With an appendix by P. G. Burbidge. Cambridge: University press, 1957. VI+40 p.
16. Murray L. Abridgement of Murray's English grammar: With an appendix, cont. exercises in orthography, in parsing, in syntax, and in punctuation: Designed for the younger classes of learners. London: Harvey and Darton, 1827. 128 p.
17. Skelton R. Modern English punctuation. London: Pitman, 1949. VI+234 p.
18. Summey G. American punctuation. N. Y.: The Ronald press, 1949. VII+182 p.
19. Pink M. A. A dictionary of correct English; A manual of information and advice concerning of grammar, idiom, use of words points of style, punctuation, pronunciation, and other practical matters. London: Pitman, 1938. XII+196 p.
20. Flesch R. F. The ABC of style. A guide to plain English. N. Y.: Harper&Row, 1964. X+303 p.
21. Partridge E. Notes on punctuation. Oxford: Blackwell, s. a. 20 p.
22. Spencer M. L. Practical English punctuation. Menasha (Wisconsin): Banta, 1914. XIX+153 p.
23. Faulkner C. W. Writing good sentences: A functional approach to sentence structure, grammar, and punctuation. N. Y.: Scribner, 1957. XVIII+295 p.
24. Nunberg G. The linguistics of punctuation. Stanford CA: Center for the study of language and information, 1990. IX+141 p.
25. Wall G. Flaubert's voice: Retranslating Madame Bovary // Palimpsestes. 2004. Vol. 15. P. 93–98. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/palimpsestes/1573?lang=en> (дата обращения: 01.06.2019).

Flaubert's Semicolon in English Translations of "Madame Bovary"*

Valentina V. Karapets^a, @, ID

^a Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

@ valentinakarapec@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0706-8214>

Received 13.06.2019. Accepted 10.09.2019.

Abstract: The paper considers the peculiarities of translation of such a stylistic feature in G. Flaubert's novel "Madame Bovary" as a semicolon. The research featured extracts from six English translations and focused on the use of semicolons in complex sentences in position between clauses without conjunction and before et. The continuous sampling method and the comparative method were employed to detect and analyze the punctuation mark and its use. The research objective was to verify whether the author's punctuation was translated and to what extent. The analysis of the corpus shows that, despite some individual preferences, translators respected isomorphism in punctuation in the great majority of cases, i.e. they used semicolon and equivalent conjunctions. Isomorphism's percentage appeared higher than in Russian translations, which was possibly due to the fact that English punctuation system has more in common with the French than with the Russian one. The degree of fidelity can possibly be explained by the strategies used by a particular translator rather than by the contemporary punctuation tendencies. The results of this research can be used in preparation of multilingual corpora of parallel texts, as well as in textbooks on comparative grammar and syntax.

Keywords: punctuation, clause, style, retranslation, isomorphism in punctuation, comparative studies, Gustave Flaubert, French literature, translations of Flaubert's texts

For citation: Karapets V. V. Flaubert's Semicolon in English Translations of "Madame Bovary". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1105–1113. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1105-1113>

References

1. Dussart A. Mario Wandruszka ou la stylistique comparée dans une perspective européenne. *Europe et traduction*, ed. Ballard M. Arras; [Ottawa]: Artois Presses Université, 1998, 323–343.
2. Karapets V. V. Translation multiplicity: borrowings or accidental coincidences of translation Solutions (on the example of Russian translations of "Madame Bovary"). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2017, (5): 143–153. (In Russ.)

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00620 A.

3. Razlogova E. E. Isomorphism and literalism in translation. *Actual problems of Romance languages and modern teaching methods*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Kazan, October 27–28, 2016. Kazan: Otechestvo, 2016, 112–125. (In Russ.)
4. Karapets V. V. Semicolon in G. Flaubert's novel "Madame Bovary" and in its Russian translations. *Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2015, (6): 140–146. (In Russ.)
5. Nabokov V. V. *Lectures on literature: Austen, Dickens, Flaubert, Joyce, Kafka, Proust, Stevenson*. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1998, 512. (In Russ.)
6. Alksnis I. J. *Flaubert: Les dessous de Madame Bovary*. Genève. 1997. Available at: <http://www.letton.ch/alksnis.htm> (accessed 01.06.2019).
7. Trask R. L. *Key concepts in language and linguistics*. London: Routledge, N. Y., 1999, XVIII+378.
8. Aitchison J. *English: Grammar, spelling, punctuation, stylistics*. Moscow: Akvarium, 1996, 460. (In Russ.)
9. Ubushaeva V. V. *The formation of English punctuation*. Elista: KalmGU, 2008, 99. (In Russ.)
10. Kane T. S. *The new Oxford guide to writing*. N. Y.: Oxford university press, 1988, VIII+327.
11. O'Neill K. *Punctuation. Practicall, ill. A manual for students and correspondens*. N. Y.: Simmons, 1913, 192.
12. Sidwell P., Seigfried R. G. *Handbook of grammar. Including punctuation and sentence structure*. N. Y., Chicago: Scribner, 1928, 139.
13. Smith K., Steele L. *Proper punctuation*, cons. ed. Goodman R. London, 1962, 280.
14. Huddleston R. D., Pullum K. *The Cambridge grammar of the English language*. Cambridge: Cambridge university press, N. Y.; Melbourne, 2003, XVII+1842.
15. Carey G. V. *Punctuation. With an appendix by P. G. Burbidge*. Cambridge: University press, 1957, VI+40.
16. Murray L. *Abridgement of Murray's English grammar: With an appendix, cont. exercises in orthography, in parsing, in syntax, and in punctuation: Designed for the younger classes of learners*. London: Harvey and Darton, 1827, 128.
17. Skelton R. *Modern English punctuation*. London: Pitman, 1949, VI+234.
18. Summey G. *American punctuation*. N. Y.: The Ronald press, 1949, VII+182.
19. Pink M. A. *A dictionary of correct English; A manual of information and advice concerning of grammar, idiom, use of words points of style, punctuation, pronunciation, and other practical matters*. London: Pitman, 1938, XII+196.
20. Flesch R. F. *The ABC of style. A guide to plain English*. N. Y.: Harper&Row, 1964, X+303.
21. Partridge E. *Notes on punctuation*. Oxford: Blackwell, s. a., 20.
22. Spencer M. L. *Practical English punctuation*. Menasha (Wisconsin): Banta, 1914, XIX+153.
23. Faulkner C. W. *Writing good sentences: A functional approach to sentence structure, grammar, and punctuation*. N. Y.: Scribner, 1957, XVIII+295.
24. Nunberg G. *The linguistics of punctuation*. Stanford CA: Center for the study of language and information, 1990, IX+141.
25. Wall G. Flaubert's voice: Retranslating Madame Bovary. *Palimpsestes*, 2004, 15: 93–98. Available at: <https://journals.openedition.org/palimpsestes/1573?lang=en> (accessed 01.06.2019).

Лингвоконфликтологическое исследование интернет-обращения*

Елена В. Кишина^{а, @}; Екатерина Ю. Сафиулина^а

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ kishina@mail.ru

Поступила в редакцию 10.07.2019. Принята к печати 29.10.2019.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению жанра интернет-обращения как диалогического конфликтного процесса. Объектом выступает интернет-обращение как элемент конфликтной коммуникации. Представленный объект иллюстрирует одну из форм открытого диалога государства с широкой общественностью. Основной аспект описания – лингвоконфликтологический подход в его обусловленности коммуникативными стратегиями и интенциональными установками адресанта и адресата интернет-обращений. Систематизируются основания выделения интернет-обращения как особого субжанра жанра жалобы, объясняются причины проявления конфликтности в данном жанровом типе, проводится анализ стратегий и тактик адресата и адресанта интернет-обращения, приводящих к отражению концептуальных представлений рядовых граждан, обратившихся за помощью к официальным лицам. Собранная путём анализа виртуальной приёмной губернатора Кемеровской области эмпирическая база исследования позволяет установить обусловленность разными факторами используемых стратегий и тактик со стороны отправителя и официального лица, дающего ответ на интернет-обращение, установить их коммуникативные намерения. Вывод: интернет-обращение характеризуется набором специфических коммуникативных стратегий и тактик конфликтного типа, появление которых во многом обусловлено несовпадением интенциональных установок адресата и адресанта.

Ключевые слова: обращение, жалоба, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, официально-деловая коммуникация, конфликт, конфликтная интенция, адресат, адресант, концепт

Для цитирования: Кишина Е. В., Сафиулина Е. Ю. Лингвоконфликтологическое исследование интернет-обращения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1114–1122. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1114-1122>

Введение

Современный период развития общественно-языковой ситуации обуславливает изучение различных жанров деловой письменной коммуникации, обладающих диалоговым характером. В поле зрения лингвистов попадают вопросы, связанные с онтологией и генезисом [1–4], функционированием и интерпретацией [5–7], коммуникативно-семiotическим устройством и типологией [8–10] жанров деловой коммуникации. Одним из новых направлений генристических исследований является вариативно-интерпретационный подход, развиваемый в работах Т. Г. Рабенко [11–13], согласно которому феномен жанровой вариативности является объективным отражением языковых особенностей и коммуникативно-прагматических условий функционирования. Подобный аспект способствует выработке «критериев разграничения речевых жанров, объединения разных вариантов и вариаций в единый инвариант», что приводит к рассмотрению «первичных и соотносимых с ними вторичных речевых жанров как жанровых вариантов некоего инварианта» [12, с. 251].

Среди традиционных жанров деловой коммуникации (деловое письмо, договор, публичное выступление, совещание, отчёт и т. д.) начинают выделяться жанры, «возникающие на стыке официальной и неофициальной речи. К такому стыку относится большое число деловых документов, создаваемых на низовом уровне деловой и правовой коммуникации» [14, с. 80]. Степень официальности текстов «во многом определяется уровнем коммуникативной компетенции» их авторов. Большинство обращений, как показывает материал, представляют собой контаминированные тексты, в которых официальное начало переплетено с обиходно-бытовым [14, с. 88]. Неофициальный характер, структурное и содержательное отступление от канонизированных форм во многом сближают данные речевые единицы с жанрами естественной письменной речи, обладающими специфическими категориальными признаками [15; 16].

К группе жанровых образований, обладающих деофициальным характером, примыкает обращение в официальные инстанции как «жанр деловой письменной речи различной степени официальности. Специфика жанра заключается

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-012-00202А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

в подразумеваемом социальном диалоге с властью (при монологической форме текста)» [17, с. 55].

Основным аспектом описания в работе выступает лингвоконфликтологический подход в его обусловленности коммуникативными стратегиями и тактиками адресанта и адресата интернет-обращений. Под коммуникативной стратегией вслед за О. С. Иссерс понимается макроинтенция, соответствующая общему замыслу говорящего. В свою очередь коммуникативная тактика выступает как конкретный приём, направленный на реализацию интенциональной установки говорящего [18].

Цель – выявление и описание коммуникативных стратегий и тактик адресата и адресанта, отражающих конфликтный характер интернет-обращения. В данном случае под конфликтным характером интернет-обращения понимается столкновение интенциональных установок участников диалоговой жанровой формы, вербализованное определённым набором речевых стратегий и тактик. Подобный подход базируется на представлении о когнитивной организации речевых конфликтов в его системоцентрической и адресатоцентрической обусловленности [19; 20].

Научная проблема определяется противоречием между коммуникативными установками адресата и адресанта интернет-обращений, что обуславливает исследование процессов порождения, репрезентации и идентификации их конфликтных интенций.

Проведённый анализ работ в области жанроведения позволяет сделать вывод о недостаточной решённости вопросов, связанных с анализом конфликтной организации интернет-обращения. В целом выделенный жанр, представленный в виртуальной либо традиционной форме, в современной лингвистике анализируется очень редко, что во многом может быть объяснено закрытым характером текстов [17]. В настоящее время можно выделить несколько основных аспектов описания жанра обращения: генристический, предполагающий выделение категориальных жанрообразующих признаков [6; 21; 22]; социолингвистический, базирующийся на рассмотрении воздействующей функции обращений рядовых граждан [23]; юрислингвистический, верифицирующий тексты обращений на предмет идентификации личности автора и экспликации их оскорбительного характера [24].

Собственно лингвоконфликтологический аспект представлен небольшим количеством исследований, в основном построенных на описании тематической конфликтной составляющей жанра обращения [25–27]. Между тем, как представляется, рассмотрение жанра интернет-обращения как диалогического конфликтного процесса неотделимо от анализа его интенциональной составляющей. Подобный подход отражается в немногочисленных научных работах [17; 28–30], авторы которых акцентируют внимание на том, что сущностные особенности анализируемой речевой модели обуславливают междисциплинарный характер исследований (прежде всего на пересечении языка и права),

направленных на изучение того, «каким образом происходит диалог с властью, где и как скрытая конфликтная интенция "прорывается", вербализуется и каким образом она оформляется» [17, с. 55].

Новизна представленного в настоящей работе лингвоконфликтологического аспекта исследования интернет-обращения связана с выделением интенциональных детерминант в обусловленности факторами адресата, адресанта и ситуативным контекстом.

Жанр интернет-обращения предполагает наличие имплицитно выраженной конфликтной интенции, во многом предопределённой установками адресантов, которыми, как правило, являются рядовые лица, выступающие от своего имени. Опираясь на основные положения теории таксономии, разработанной Дж. Р. Серлем [31], можно утверждать, что «основу обращения составляет намерение адресанта изложить проблемную ситуацию (репрезентативный акт) и призвать к действию (директивный акт). Ведущей интенцией адресата, в свою очередь, является нейтрализация конфликта и его дальнейшее предотвращение. Несовпадение намерений свидетельствует о конфликтности самой коммуникативной ситуации» [30, с. 19].

Основной интенцией адресанта выступает намерение выразить претензию относительно произошедшего события и обратиться к органам власти с просьбой или призывом по оказанию помощи в устранении причины обращения. Адресант пишет с целью быть услышанным и получить ответ (поэтому данный жанр характеризуется как двусторонне ориентированный), им движет конфликтная интенция, подразумевающая под собой коммуникативное намерение показать личную / коллективную негативную оценку сложившейся ситуации, неудовлетворенность работой органов власти или отсутствие возможности успешного диалога с ней. Конфликтная интенция здесь выступает в качестве вторичной, однако зачастую она может ярко эксплицироваться и выходить на первый план. В свою очередь доминирующей интенциональной установкой адресата сообщения является снижение социальной конфликтности путём описания принятых мер либо разъяснения действующего законодательства.

Доминирующие содержательные компоненты анализируемого жанра (заявление официальному лицу, негативная оценка ситуации, просьба предпринять необходимые меры) присутствуют практически в каждом обращении, хотя сам жанр не предполагает обязательного наличия негативной интенции. С позиции адресата обращения, в качестве которого выступает официальное лицо, интенциональность определяется институциональными установками, регламентированными правилами оформления официальной жалобы. Обязательными компонентами ответа на обращение гражданина являются документ, в соответствии с которым анализируется ситуация; указание нарушения конкретной части законодательной базы; предписание действий для исправления сложившейся ситуации. Житейское

обращение гражданина конвертируется компетентным лицом в оформленную официальную жалобу.

Гипотезой исследования является верификация предположения, что интернет-обращение характеризуется набором специфических коммуникативных стратегий и тактик конфликтного типа, выбор которых во многом обусловлен фактором адресата / адресанта и ситуативным контекстом. Рассмотрение конфликтной ситуации в ее диалоговом единстве позволяет выявить и описать сформированные адресатом и адресантом языковые концепты, во многом отражающие несовпадение установок коммуникантов и различную интерпретацию одного социального явления с позиций рядового гражданина и представителя власти.

Методы и материалы

Материалом выступает письменное обращение, представленное в интернет-форме. Традиционно интернет-обращение относится к субжанру (гипержанру) интернет-жалобы, под которым понимается «макрообразование, речевые формы которого сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своём составе несколько жанров» [32, с. 41]. Как отмечают исследователи, необходимость выделения анализируемого речевого образования обусловлена специфическими признаками канала коммуникации: более свободный язык, позволяющий говорить о невыраженной жанровой специфике. В качестве параметров выделения называются композиционная лакуна (обсуждение нарушенных норм) и языковые средства (черты первичного и вторичного жанров в одном тексте) [33, с. 455].

Выделение интернет-обращения как субжанра жалобы во многом обусловлено и смешением обыденного и профессионального понимания сущности данных речевых моделей. Если с лексикографического представления обращение выступает как «призыв, речь или просьба, обращённые к кому-нибудь»¹, то с позиции обыденного восприятия «обращение в официальные инстанции – это возможность диалога граждан с представителями власти в случае нарушения их прав и интересов» [17, с. 56]. На уровне обыденного сознания жалоба и обращение обладают синкретичным характером. Следовательно, можно говорить о существовании субжанра интернет-обращения, который сочетает в себе черты интернет-жалобы и официальной жалобы.

В предлагаемой статье анализируются размещённые в открытом доступе обращения рядовых граждан, представленные на официальном сайте онлайн-приёмной губернатора Кемеровской области². Объект исследования иллюстрирует одну из форм открытого диалога государства с широкой общественностью: на официальном сайте приёмной губернатора Кемеровской области имеется возможность оформления рядовыми гражданами

обращения на имя губернатора и получения ответа на него от уполномоченного лица. С момента образования данной интернет-рубрики и до 2018 г. к присылаемым обращениям не предъявлялись официальные требования оформления. На наш взгляд, отсутствие канонизированных официальных форм во многом способствовало тому, что интернет-обращения, содержащие в себе соотносённость с реально произошедшей конфликтной ситуацией, по своему содержанию наполнению и форме представления стали скорее соотноситься с жанром жалобы, нежели обращения.

По содержанию наполнению анализируемые обращения могут быть разделены на несколько тематических групп, затрагивающих общесоциальные проблемы, вопросы социально-экономического устройства, качества услуг ЖКХ, функционирования железнодорожного комплекса.

Собранная путём анализа виртуальной приёмной губернатора Кемеровской области эмпирическая база исследования позволяет установить обусловленность разными факторами используемых стратегий и тактик со стороны отправителя (адресанта) и официального лица (адресата), дающего ответ на интернет-обращение.

Результаты

Проведённый анализ позволяет утверждать, что тематическое разнообразие интернет-обращений не обуславливает выбор коммуникативных стратегий и тактик конфликтного типа. Конфликтность в данном случае заключена не в содержании письменного заявления, а в установке адресанта на выражение существующего нарушения норм и на информирование о решении социальной проблемы. Интенциональная направленность определяет выделение следующей ядерной группы речевых стратегий и тактик адресанта и адресата диалогичной формы письменного общения:

1. Стратегия самопрезентации. Пишущий старается предстать в выгодном, по его мнению, свете, надевая определенную коммуникативную маску. Обычно адресант выбирает образ с установкой на социальное одобрение или жалость, поэтому наблюдаются следующие коммуникативные тактики:

- 1) *одинокая мать: Я одинокая мама двоих студентов, отличников учебы³; Я мама троих детей (от года до восьми лет);*
- 2) *выдвиженец от многочисленных пострадавших: ... от имени всех марийцев переживающих за свой город и судьбу его жителей; от лица жителей поселка ...;*
- 3) *«я такой один» – адресант сравнивает свою жизнь с жизнью других людей и сталкивается с неравенством: ... у меня подрастает ребёнок, который ходит в 1 класс, и я хочу, чтобы у него были такие же условия развития, как и у других детей нашего города;*

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 436.

² Виртуальная приемная // Администрация Кемеровской области. Режим доступа: <https://ako.ru/obrashcheniya-grazhdan/virtualnaya-priemnaya.php> (дата обращения: 18.02.2019).

³ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинала.

4) жертва, оказавшаяся по чужой вине в безвыходном положении: *Скажите, откуда неработающим студентам брать деньги на проезд и при этом им еще надо как-то жить!;*

5) добропорядочный гражданин, который заявляет о своих положительных личностных и социальных качествах в начале или в конце обращения: *Я оплачиваю коммунальные услуги с мая 2013 года через личный кабинет, всегда своевременно; Учусь на четыре и пять по всем предметам, занимаюсь спортом, имею большое портфолио и принимаю участие всех внешних мероприятиях.*

2. Стратегия уговаривания. Адресант старается убедить власть в своей правоте, реализуя коммуникативную тактику уговора посредством следующих коммуникативных ходов:

1) апелляция к личностным качествам и разуму партнёра, игра на повышение: *Принимая во внимание Вашу жесткую позицию относительно подрядных организаций, халатно проводящих ремонтные дороги автодорог, прошу разобраться в ситуации;*

2) присоединение не относящихся к проблемной ситуации жизненных реалий или повторение одной мысли несколько раз: *К слову сказать, в городе одна общественная баня и та в ужасном состоянии (при описании проблемы, связанной со снижением предоставляемого по льготе количества угля).*

3. Стратегия дискредитации. Адресант выражает в эксплицитной либо имплицитной форме негативную оценку власти. Осуществляется через:

1) коммуникативную тактику издёвки: *Когда уже закончится это наплевательское отношение! Ведь когда мы ходим голосовать за них, они горы золотые обещают, а тут вроде проблема на три копейки, а у них техники нет ползими;*

2) эксплицитно выраженные эмоциональные высказывания: *У нас, что пенсию повысили в разы?; А дороги у нас в области, ничуть не лучше вышеупомянутых областей!!! Налоги Московские - Заработная плата Сибирская; Для кого работает УЕЗТУ? Мы думали, что для людей, ошибаемся?*

4. Стратегия управления дистанцией. Использование тактики сближения, направленной на установление доверительных отношений и призыв к личному участию. Преимущественно выражается посредством комплимента: *С уважением и огромной признательностью за Ваш огромный труд и чуткое сердце; Хочу поблагодарить Вас, от себя и от всех садоводов любителей, дачных обществ, находящихся по направлению Абашиво-Карлык-113км, за асфальтовую дорогу, которая соединяет наши дачные участки с городом, но...; Спасибо за понимание.*

При анализе ответов на интернет-обращения было отмечено, что коммуникативные стратегии и тактики адресата типизированы и формально мало чем отличаются друг

от друга. В ходе исследования были выделены следующие коммуникативные стратегии и тактики, наиболее часто используемые официальными лицами при ответе на поступившую интернет-жалобу:

1. Стратегия самопрезентации. Представители власти также создают коммуникативную маску, но, в отличие от масок адресантов, она всегда одна и реализуется через коммуникативную тактику официального ответа, осуществляющуюся на основе одинаково строящихся этикетных формул приветствия и прощания, что маркирует установку на серьезное деловое общение: *Уважаемый С. Ю.! ... С уважением, начальник управления по ценным бумагам и страховому рынку Администрации Кемеровской области Н. А.*

2. Стратегия аргументации реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик:

1) апелляция к авторитету официального лица и закона: *Ваше обращение в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» рассмотрено департаментом образования и науки Кемеровской области; Ваше обращение рассмотрено в управлении по ценным бумагам и страховому рынку Администрации Кемеровской области;*

2) прямая констатация, сводящаяся к информированию о сложившихся нормах, правилах или отчету о предпринятых мерах: *Для нормализации ситуации на рынке ОСАГО, сложившейся в Кемеровской области, проведено совместное совещание представителей Банка России, Федеральной антимонопольной службы, Роспотребнадзора, правоохранительных органов, Администрации Кемеровской области, страховых компаний; Так как Вами не представлены запрошенные специалистом документы, удостоверяющие факт заключения договора с компанией «Губернские окна», не представляется возможным рассмотреть Ваше обращение по существу поставленных вопросов.*

3. Стратегия поучения. Представители власти предупреждают о возможности возникновения проблем у пишущего из-за несоблюдения им сложившихся норм общественных отношений. Осуществляется путём тактики предостережения: *И. В., обращаем внимание на недопустимость некорректного отношения к специалистам администрации Итатского городского поселения, которое Вы позволяли себе во время телефонных звонков.*

4. Стратегия Контроль дистанции направлена на осуществление двух функций:

1) имплицитный отказ от личного участия, реализуемый путём тактики отдаления, подчеркивание установки власти на равенство всех граждан: *В первую очередь необходимо отметить, что в настоящее время процедура предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства является очень востребованной;*

2) установку на доверительные отношения путём тактики сближения, реализуемой комплиментами и пожеланиями: *Желаем Вам и Вашим близким здоровья, успехов, благополучия; Благодарим Вас за неравнодушное отношение к вопросам воспитания подрастающего поколения; Уважаемая Е. Р., надеемся, что Вы успешно окончите школу и выберете профессию, с которой сможете посвятить себя служению людям и Родине!* Данная тактика реализуется относительно редко, т. к. выходит за рамки канонизированной формы официального ответа и, по нашему мнению, употребляется для снижения уровня конфликтности.

5. Стратегия ухода от ответственности, организуемая имплицитной фразой: *Это все, чем мы можем вам помочь*. Как правило, в данном случае используется тактика перенаправления в регулирующие органы: *Для защиты своих интересов Вы можете обратиться: в Банк России (осуществляющий контрольные и надзорные функции в сфере финансовых рынков), заполнив электронное обращение на сайте Банка России или направив письменное обращение на почтовый адрес; в органы прокуратуры по месту жительства с жалобой на действия страховой компании*.

В процессе анализа было отмечено наличие «глобальной» стратегии в области речевого воздействия у адресата и адресанта, которая реализуется через создание концепта *Глобальное бедствие* (у адресанта) и концепта *Все под контролем* (у адресата), осуществляющихся путем комбинирования коммуникативных стратегий и тактик, приводящих к постепенному наращиванию смыслов (со стороны автора) или их нейтрализации (со стороны официального лица).

Рассмотрим реализацию выделенных концептуальных представлений на примере одного интернет-обращения и ответа на него.

Интернет-обращение, организующее концептуальное образование Глобальное бедствие

Уважаемый А. Г. (А)! От имени всех мариинцев, переживающих за свой город и судьбу его жителей (В), прошу Вас (С) обратить внимание на наш просто умирающий город (D). Нам как воздух нужна работа (Е). И не за 5-6 тыс. рублей, работая на дядю-барина, а чтобы заработать нормальные деньги для достойной жизни, чтобы не уезжала за лучшей жизнью молодежь из Мариинска, чтобы от безделья не занимались пьянством и наркоманией (F). Беда в том, что все крупные предприятия у нас теперь не существуют (G), а обещанный лескомбинат люди ждут уже третью пятилетку (H). Наша местная власть не в состоянии решать подобные задачи (I). Вопрос: как наш Мариинский район из дотационного превратить опять в экономически развитый? Просим помочь советом и делом (J). С уважением жители г. Мариинска (K).

Адресант, используя этикетную форму обращения (А), начинает коммуникацию с осуществления стратегии управления дистанцией: сближение, с целью налаживания доверительных отношений, установки на личное участие.

Вслед за установлением контакта следует самопрезентация и изложение проблемной ситуации. Пишущий представляется через коммуникативную маску *Выдвиженец от многочисленных пострадавших (В)*, стараясь вызвать эмоциональный отклик адресата и изобразить огромный масштаб своей проблемы (от ее решения зависит судьба всего города и его жителей).

Также наблюдается игра на повышение (С). Написание личного местоимения *Вы* с прописной буквы маркирует высокий статус адресата и уважительное отношение к нему адресанта, его авторитетность для пишущего, а учитывая выбранную им коммуникативную маску – для всех «мариинцев, переживающих за свой город и судьбу его жителей». Подобное троекратное использование коммуникативных стратегий, направленных на сокращение дистанции, по нашему мнению, производится для максимального привлечения адресата к излагаемой проблеме. Он уже не сторонний слушатель, а некто вроде покровителя, способного помочь.

Далее пишущий переходит к конкретизации проблемы, образ которой постепенно приобретает все более широкий размах. Адресант активно использует различные тропы: гиперболу (D), сравнение (Е), аллюзию на проблемные периоды отечественной истории (H), – посредством которых город предстает в бедственном положении, а люди в нем – задыхающимися и гибнущими (особенно ярко это проявляется в нарушении логических связей суждения (F), согласно которому отсутствие крупных предприятий приводит к пьянству, наркомании).

Создание ситуации Глобального бедствия усугубляется за счет стратегии дискредитации власти (I). Бедственное положение воспринимается как безвыходная ситуация, а адресат – как единственный, кто может помочь многочисленным страдающим, о количестве которых напоминает в этикетной форме прощания (K).

Стоит отметить еще один коммуникативный ход (J). Употребление множественного числа здесь направленно на сокращение дистанции для окончательного установления близости адресата и адресанта. В конце проблема воспринимается не как проблема адресата или проблема адресанта (точнее, адресантов), а как общая для них, предполагающая совместное решение.

Официальный ответ, организующий концептуальное образование Всё под контролем

Уважаемая З. П. (А)! Ваше обращение рассмотрено в департаменте лесного комплекса Кемеровской области. Сообщая, что, действительно, создание предприятия по заготовке и переработке древесины с объемом производства древесностружечных плит по современной технологии 120 тыс. куб. метров в год запланировано в Мариинском районе.

Частными инвесторами представлен инвестиционный проект, который включен в перечень инвестиционных проектов Кемеровской области постановлением Коллегии

Администрации Кемеровской области № 189 от 22.05.2012 (В). С руководством проекта Администрацией Кемеровской области заключено Соглашение об инвестиционной деятельности от 24 мая 2012 № 48 (С). Стадия основного проекта выполнена на 100% и имеет положительное заключение госэкспертизы (№ 42-1-4-0042-14 от 13.03.2014) (D).

В связи со значительным объемом привлекаемых кредитных средств инвестиционный проект включен в перечень приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов приказом Минпромторга РФ № 1115 от 11.07.2013 г. (Е).

Инвестиционным проектом предусмотрена организация 290 новых рабочих мест на работах по производству плит. Будут образованы рабочие места и в лесозаготовительной деятельности предприятия.

Еще необходимо исполнить ряд организационных процедур и обязательств, в том числе: заключить договоры поставки оборудования; определить генерального подрядчика по строительству предприятия на конкурсной основе; получить разрешение и начать строительство; выполнить рабочий проект освоения лесов для выделенных под заготовку древесины лесных участков.

Исходя из сложившихся условий прохождения организационных решений, предполагается возможным, при оптимальном прогнозе, приступить к строительству завода в 1 квартале 2015 года.

С уважением, начальник департамента лесного комплекса Кемеровской области Г. А. (F).

Коммуникативным стратегиям и тактикам представителя власти не присущи пестрота и многообразие, что и наблюдается в анализируемом письме-ответе. Адресат начинает с типичной реализации стратегии самопрезентации (A) через создание маски официального лица, настроенного на деловую беседу и решение возникших проблем. Но уже с помощью использования канонизированной этикетной формулы отвечающий начинает разрушение концепта Глобальное бедствие. Обращение к конкретному, единичному человеку сужает масштаб бедствия до проблемы конкретной личности, которой принадлежит особое видение экономической ситуации Мариинска. Подобная речевая ситуация минимизирует катастрофическое положение, в отличие от использования возможного варианта «Уважаемые жители г. Мариинск!».

Весь дальнейший ответ является развернутой реализацией стратегии аргументации посредством активного использования коммуникативных тактик апелляции к авторитетным источникам (B), (C), (D), (E), (F) и прямой констатации. Разоблачение смыслов, выстроенных адресатом, производится последовательно:

- 1) отрицание семы «лесокомбината не будет» путём констатации факта строительства предприятия,

пошаговое описание реализации стадии основного проекта, сообщение о его 100 % реализации, оглашение предполагаемой даты строительства;

- 2) отрицание семы «невозможность нахождения работы» путём констатации факта утвержденных 290 рабочих мест;
- 3) ответ на поставленный в обращении вопрос путём представления подробного перечня предстоящих задач, решение которых способно привести к открытию лесокомбината.

Логичность суждений, подкрепление ее авторитетом официальных постановлений, четко структурированная информация формирует образ контролируемой ситуации, хотя конкретные сроки решения проблемы остаются размытыми: «предполагается возможным, при оптимальном прогнозе, приступить к строительству завода в 1 квартале 2015 года».

Заключение

Выбор коммуникативных стратегий и тактик во многом определяется не тематикой обращения, а интенциональными установками адресата и адресанта. Различия в описании конфликтной ситуации во многом складываются из-за несовпадения коммуникативных позиций пишущего и отвечающего. Установка адресанта всегда атакующе-обличительная, а позиция адресата – оборонительная.

Организующим мотивом-целью адресанта является как можно более красочное и убедительное описание сложившейся в его жизни проблемы и призывание к ее решению представителей власти. Из соединения данного мотива-цели с предельно субъективной оценкой адресанта, в силу его личной причастности, рождается во многом гиперболизированное описание конфликтной ситуации, отражающей концептуальное представление Глобальное бедствие.

Со стороны адресата мотив-цель определяется стремлением максимально нивелировать проблемную ситуацию, свести реализованную конфликтную интенцию обратившегося субъекта к минимуму. Официальное лицо никогда не вступает в открытую полемику, а лишь соглашается с приводимыми доводами адресанта или разоблачает их. Представители власти также создают коммуникативную маску, но, в отличие от авторов интернет-обращений, она всегда одна и реализуется через коммуникативную тактику официального ответа, отражающего концептуальные представления. Всё под контролем.

Интернет-обращение представляет собой особый субжанр жанра жалобы, обладающий конфликтным потенциалом. Детерминантами, маркирующими конфликтный характер интернет-обращения, выступают фактор адресата, адресанта и ситуативный контекст.

Литература

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. 320 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
4. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Гос. УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
5. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
6. Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте / под ред. Н. Д. Голева. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. 332 с.
7. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. 2009. № 6. С. 11–27.
8. Рабенко Т. Г., Лебедева Н. Б. К соотношению жанров естественного и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «Письмо в редакцию») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1. С. 50–61. DOI: 10.17223/19986645/39/5
9. Колокольцева Т. Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96–105. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104
10. Кукуева Г. В. Интернет-жанр или коммуникативная практика? (К вопросу о терминологическом определении текстов, функционирующих в виртуальном пространстве) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 44–50. DOI: 10.17516/2311-3499-005
11. Рабенко Т. Г. Оппозиция автор / адресат и дискурсивные особенности её реализации // Культура и текст. 2017. № 3. С. 180–192.
12. Рабенко Т. Г. Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 250–260. DOI: 10.17223/18137083/62/17
13. Рабенко Т. Г. Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник») / под ред. Н. Б. Лебедевой. Кемерово: КемГУ, 2018. 171 с.
14. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Официальное функционирование языка в сфере государственной коммуникации // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 74–89.
15. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: URSS КРАСАНД, 2011. 256 с.
16. Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанровый аспект. Кемерово: КемГУ, 2013. 179 с.
17. Коноваленко И. В. Конфликтная интенция в «социальном диалоге» (на материале обращения граждан в официальные инстанции) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3. С. 55–58.
18. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 284 с.
19. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: мат-лы российской секции Междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева. (Екатеринбург, 21–22 октября 2013 г.) Екатеринбург-Цюрих, 2014. С. 47–70.
20. Кишина Е. В. Когнитивная организация речевых конфликтов // Социально-когнитивное функционирование языка / гл. ред. Н. Д. Голев; отв. ред. Е. В. Кишина. Кемерово: КемГУ, 2017. С. 74–80.
21. Сологуб О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 400 с.
22. Алексеева А. В. Реализация жанрового канона официально-деловой речи (на примере обращений граждан в официальные инстанции) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 56–59.
23. Утехин И. В. Из наблюдений за поэтикой жалобы // Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2004. Вып. 2. С. 274–305.
24. Ким Л. Г. Кто автор жалобы? // Юрислингвистика. 2013. № 2. С. 97–103.
25. Буторина Е. П. Особенности жанра жалобы на интернет-сайтах // Конфликт в языке и коммуникации / отв. ред. Л. Л. Фёдорова. М.: РГГУ, 2011. С. 451–464.
26. Новичёнок О. В. Речевой жанр жалобы: факторы, формирующие содержание // Молодёжь и наука XXI века. Актуальные проблемы современной гуманитаристики: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и преподавателей (Красноярск, 25 апреля 2018 г.). Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2018. С. 46–48.

27. Чистова Е. В. Трансформация жанра жалобы в современной коммуникативной практике (на примере коммуникации в социальных сетях) // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2019. № 3. С. 73–79.
28. Коноваленко И. В. Концепт «закон» в жанре обращения граждан в официальные инстанции // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 138–140.
29. Коноваленко И. В. Иллокутивная составляющая жанра обращения граждан в официальные инстанции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 12. С. 328–331.
30. Сафиулина Е. Ю. Конфликтная интенция жанра интернет-обращения // МНСК-2019. Языкознание: материалы 57-й Междунар. науч. студенческой конф. (Новосибирск, 14–19 апреля 2019 г.) Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 19–21.
31. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170–194.
32. Седов К. Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Язык и человек / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Гос. УНЦ «Колледж», 1996. Вып. 26. С. 38–43.

Linguaconflictological Research of Internet Appeal*

Elena V. Kishina^{a, @}; Ekaterina Yu. Safiulina^a

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] kishina@mail.ru

Received 10.07.2019. Accepted 29.10.2019.

Abstract: The present research features the genre of internet appeal as a dialogic conflict process. The paper focuses on the internet appeal as an element of conflict communication and a form of open dialogue between the state and society. The linguaconflictological approach was determined by communication strategies and intentional attitudes of the sender and recipient of the internet appeal. The authors proved that the internet appeal is a special sub-genre of the complaint and explained how conflict manifests itself in this genre. The analysis of strategies and tactics revealed conceptual ideas of internet users who applied for help to officials institutions. The empirical basis of research was obtained from the internet page of the Governor of Kemerovo region. The analysis showed the effect of various factors on speech strategies and tactics and revealed communicative intentions. The internet appeal is characterized by a set of specific strategies and tactics of conflict communication, determined by the gap between the intentional attitudes of the sender and the recipient.

Keywords: appeal, a complaint, communication strategy, communication tactics, official and business communication, conflict, conflict intention, addressee, addresser, concept

For citation: Kishina E. V., Safiulina E. Yu. Linguaconflictological Research of Internet Appeal. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1114–1122. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1114-1122>

References

1. *Anthology of speech genres: everyday communication*, ed. Sedov K. F. Moscow: Labirint, 2007, 320. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Collected works*. Moscow: Russkie slovari, 1996, vol. 5, 159–206. (In Russ.)
3. Dementyev V. V. *Speech genres theory*. Moscow: Znak, 2010, 600. (In Russ.)
4. Shmeleva T. V. Speech genre model. *Speech genres*. Saratov: Gos. UNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, 88–98. (In Russ.)
5. Dementyev V. V. Genres in changing world: creationistic potentials of speech genres and epistemological potentials of the theory of speech genres. *Speech genres*, 2019, (1): 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
6. Sologub O. P. *Russian business text in functional-genetic aspect*, ed. Golev N. D. Novosibirsk: Novosib. gos. tekhn. un-t, 2008, 332. (In Russ.)
7. Goroshko E. I. Internet genre and the functioning of a language on the Internet: an attempt at reflection. *Speech genres*, 2009, (6): 11–27. (In Russ.)

* The research was funded by Russian Foundation for Basic Research, Project № 19-012-00202A "Everyday political communication in social networks: a comprehensive linguistic analysis".

8. Rabenko T. G., Lebedeva N. B. On the correlation of genres of natural and artistic discourses: setting the problem (in the genre "letter to the editor"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016, (1): 50–61. (In Russ.) DOI: 10.17223/19986645/39/5
9. Kolokoltseva T. N. Dialogism in the genres of internet communication (chat, forum, blog). *Speech genres*, 2016, (2): 96–104. (In Russ.) DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-96-104
10. Kukueva G. V. Internet genre or the communicative practice? (On the terminological determination of the texts functioning in the internet). *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 2018, (1): 44–50. (In Russ.) DOI: 10.17516/2311-3499-005
11. Rabenko T. G. Opposition, the author / addressee and discourse the peculiarities of its implementation. *Kul'tura i tekst*, 2017, (3): 180–192. (In Russ.)
12. Rabenko T. G. The flexible functioning of the speech genre (based on the speech genre of the "personal diary"). *Siberian philological journal*, 2018, (1): 250–260. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/62/17
13. Rabenko T. G. *Russian speech genre in the paradigm of linguistic variant studies in the speech genre of "personal diary"*, ed. Lebedeva N. B. Kemerovo: KemGU, 2018, 171. (In Russ.)
14. Golev N. D., Sologub O. P. The official functioning of the language in the field of state communication. *Yurislingvistika*, 2008, (9): 74–89. (In Russ.)
15. Lebedeva N. B., Zyrianova E. G., Plaksina N. Yu., Tyukaeva N. I. *Genres of natural writing: student graffiti, marginal pages of notebooks, private note*. Moscow: URSS KRASAND, 2011, 256. (In Russ.)
16. Lebedeva N. B., Koriukina E. A. *Naive author as written personality: genre aspect*. Kemerovo: KemGU, 2013, 179. (In Russ.)
17. Konovalenko I. V. The conflict intention in a social dialogue (using citizens appeals to official organizations as a source). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, (3): 55–58. (In Russ.)
18. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*, 5th ed. Moscow: URSS; LKI, 2008, 284. (In Russ.)
19. Golev N. D., Kim L. G. Trivial political internet commentary as a manifestation of variability of interpretation (oppositions "explicit – implicit" and "manifested – expected"). Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse: Proc. of the Russian section of the Intern. Conf. "Ain't misbehavin'? *Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse*", eds. Chudinov A. P., Budaev E. V., Ekaterinburg, October 21–22, 2013. Ekaterinburg-Zurich, 2014, 47–70. (In Russ.)
20. Kishina E. V. Cognitive organization of speech conflicts. *Social and cognitive functioning of language*, eds. Golev N. D., Kishina E. V. Kemerovo: KemGU, 2017, 74–80. (In Russ.)
21. Sologub O. P. *Modern Russian official and business text: functional and genetic aspect*. Dr. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2009, 400. (In Russ.)
22. Alekseeva A. V. The genre canon in formal business speech (the case of citizens' appeals to competent authorities). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 2013, (1): 56–59. (In Russ.)
23. Utekhin I. V. From observations of the poetics of complaint. *Studia Ethnologica: Proceedings of the Department of Ethnology*. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2004, iss. 2, 274–305. (In Russ.)
24. Kim L. G. Who is the author of a complaint? *Yurislingvistika*, 2013, (2): 97–103. (In Russ.)
25. Butorina E. P. Features of the complaint genre on Internet sites. *Conflict in language and communication*, ed. Fedorova L. L. Moscow: RGGU, 2011, 451–464. (In Russ.)
26. Novichyonok O. V. Speech genre complaints: forming content factors. *Youth and science of the XXI century*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf. students, graduate students and teachers, Krasnoyarsk, April 25, 2018. Krasnoyarsk: Krasnoiar. gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, 2018, 46–48. (In Russ.)
27. Chistova E. V. Genre of complaint transformation in contemporary communicative practice (based on social media communication). *Mezhdunarodnyj aspirantskii vestnik. Russkii iazyk za rubezhom*, 2019, (3): 73–79. (In Russ.)
28. Konovalenko I. V. Concept "law" in the genre of appeal of the citizens to the official instances. *Politicheskaya lingvistika*, 2010, (3): 138–140. (In Russ.)
29. Konovalenko I. V. The illocutive component of the genre of citizens' address to official instances. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2009, (12): 328–331. (In Russ.)
30. Safiulina E. Yu. Conflict intention of the genre of Internet circulation. *MNSC-2019. Linguistics*: Proc. 57th Intern. student Sci. Conf., Novosibirsk, April 14–19, 2019. Novosibirsk: IPTs NGU, 2019, 19–21. (In Russ.)
31. Searle J. R. A Classification of illocutionary acts, tr. by Demyankov V. Z. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 1986, (17): 170–194. (In Russ.)
32. Sedov K. F. Genre thinking of a linguistic personality in the rhetoric of everyday communication. *Language and Man*, ed. Sirotinina O. B. Saratov: Gos. UNTs "Kolledzh", 1996, iss. 26, 38–43. (In Russ.)

Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ)

Нинель В. Малышева^{a, ID1}, Игорь А. Данилов^{a, @, ID2}

^a Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58

@ igor_danilov_2000@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Поступила в редакцию 19.06.2019. Принята к печати 09.10.2019.

Аннотация: Рассматриваются вопросы языковых контактов тюркских языков по материалам общeturкской лексики якутского языка, обозначающей наименования частей тела животного, в сравнительно-историческом аспекте с древнетюркскими и современными тюркскими языками. Статья посвящена описанию лексико-семантических и фоноструктурных особенностей названий частей тела животного в якутском языке, имеющих общeturкское происхождение. При работе над лингвистическим материалом использован метод сплошной выборки из лексикографических источников, описательный, сравнительный и сопоставительный методы. В рамках исследования анализируются семантические переходы тюркских лексических рефлексов от пратюркской системы до современной формы. Выявляется, что номинации элементов частей тела животных представляют наиболее древний пласт словарного состава якутского языка, состоят из общей для большинства тюркских языков лексики и относятся к устойчивым разрядам. В рамках фонологического анализа определяются фоноструктурные типы и особенности фонологической системы лексических рефлексов, характер устойчивости и изменчивости лексем, выявляются основные причины неустойчивости фоноструктур рассматриваемых основ других тюркских языков в якутском языке. Анализ лексико-семантических особенностей якутских названий частей тела животного в сравнении с их лексическими параллелями в других тюркских языках выявляет характер устойчивости и изменчивости лексических значений основ с указанием конкретного тюркского языка.

Ключевые слова: тюркские языки, зоологическая лексика, фоноструктурные типы, сравнительно-исторический аспект, лексико-семантические особенности, лексико-семантическая группа

Для цитирования: Малышева Н. В., Данилов И. А. Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1123–1130. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1123-1130>

Введение

Якутский язык является важнейшим для исследования сравнительно-исторической грамматики тюркских языков [1–13]. Зоологическая лексика в якутском языке представляется одним из наиболее интересных пластов словарного состава, отличается древностью, многообразием и самобытностью лексических единиц. Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного, хранит в себе исчерпывающие сведения, тесно взаимосвязанные с мышлением, этнографией и этноментальностью тюркского народа, основным ремеслом которых с древних времен считается животноводство. Цель исследования заключается в описании лексико-семантических и фоноструктурных особенностей общeturкской лексики якутского языка, обозначающей наименования частей тела животного, в сравнительно-сопоставительном аспекте с другими тюркскими языками. В качестве материала исследования использована общeturкская лексика якутского языка, обозначающая

наименования частей тела животного, и ее лексические параллели в других тюркских языках.

Теоретической основой исследования послужили работы А. Е. Божедановой [14], Ю. И. Васильева [15], Г. Г. Левина [9; 10], Н. В. Малышевой [14; 16], А. С. Нестеровой [17], Я. Е. Старостиной [14], А. Е. Шамаевой [18]. Изучение места монголизмов в современном якутском языке, в частности лексики зоонимов, нашло отражение в словарной работе Ю. И. Васильева. По его мнению, 1/3 лексического состава современного якутского языка составляют слова монгольского происхождения [15]. Термины монгольского происхождения на примере названий рыб в диалектной лексике якутского языка были рассмотрены А. Е. Шамаевой [18], названия рыб тюркского происхождения – А. С. Нестеровой [17]. Вопросы исторического отношения якутского языка к древнетюркским языкам, в том числе по материалам лексики животного мира, получили достаточно полное освещение в научном труде Г. Г. Левина [9]. Определенный интерес представляют работы А. Е. Божедановой

в области изучения номинаций мастей лошади в якутском языке в сравнительно-историческом аспекте с тюркскими языками Южной Сибири и монгольскими языками (например, [14]). А. Е. Божедонова определяет этимологическую характеристику якутских номинаций мастей лошади с указанием конкретного пласта заимствования, анализирует способы и принципы словообразовательной системы и составляет семантическую классификацию на основе основных мастей, подмастей и отметин лошадей. Таким образом, обращение к научной разработке проблемы обусловлено отсутствием в якутском языкознании специальных исследований по зоологической лексике якутского языка, в том числе по наименованиям частей тела животного. В этой связи сравнительно-историческое исследование общетюркской лексики якутского языка, обозначающей наименования частей тела животного, признается актуальной задачей.

Методы и материалы. С зоологической точки зрения внешний облик животных разнообразен и зависит от условий среды обитания и образа жизни. Для большинства представителей животных внешнее строение состоит из 4-х основных элементов: головы, шеи, туловища с двумя парами конечностей и хвоста. Особенности внешнего строения животных позволяют им совершать многообразные движения, развивать большую скорость при беге, что свидетельствует о давнем обитании зверей на суше, освоении ими разнообразных условий [19, с. 126]. Общетюркская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного, рассматривается в рамках трех лексико-семантических групп (ЛСГ), характерных только для животных: 1) голова, шея; 2) туловище; 3) конечности (выросты) и их виды. При работе над лингвистическим материалом использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки из лексикографических источников, сравнительный и сопоставительный методы, которые позволяют установить лексические параллели и определить фоноструктурные и структурно-семантические особенности якутского языка, а также описательный метод для изложения выявленных данных и их характеристики, лексико-семантический и фоноструктурный анализы эмпирического материала.

ЛСГ Голова, шея

В якутском языке для обозначения частей тела, расположенных с головы до шеи животных, служат общетюркские монолексемные основы **муос** «рог, рога, кость, мамонтовая

кость», **тумус** «клюв, вытянутая вперед передняя часть головы некоторых животных», **моѳох** «двойной подбородок», имеющие лексические рефлексы в древних и современных тюркских языках.

Рог, рога

Пратюрк. **buɣɯz** «рог»¹ (СИГТЯЛ, с. 148) // як. **muos** «рог, рога; кость; кость слоновая; мамонтовая кость»² (Пек., т. II, стб. 1635); «1. рога; 2. сделанный из рога, кости»³ (БТСЯЯ, т. VI, с. 360), нов.-уйг. **müŋgüz** «рога»⁴ (УРС, с. 719), кр.-уйг. **müñüz** «рог (животного)»⁵ (ДЛТ, с. 1011; ДТС, с. 354); тур., гаг. **boɣnuz** «рог, рога», аз., турк. **buɣnuz** «рог, рога», сал. **moɣus** «рог, рога», кар. **müñüz** «рог, рога», тат. **müǧiz** «рог, рога», баш. **müǧüz** «рог, рога», ног., ккалп. **müjüz** «рог, рога», каз. **müjiz** «рог, рога», кирг. **müjüz** «рог, рога», алт. **mü:s** «рог, рога», узб. **muǧuz** «рог, рога», сюг. **moɣus** «рог, рога», хак. **mü:s** «рог, рога», тув. **myjys** «рог, рога», чув. **mǎjraga** «рог, рога» (СИГТЯЛ, с. 148). Во всех лексикографических источниках наблюдается значение «рог, рога». Следует отметить, что слово имеет надежную алтайскую этимологию: монг. **möver-sun** «хрящ» (СИГТЯЛ, с. 148), тунгусо-маньчж. **muŋi** «сухожилие» (СИГТЯЛ, с. 148), кор. **müñim** «клыки» [20, с. 282].

В отличие от других языков, входящих в алтайскую языковую семью, в якутском языке отмечается другое значение представленной лексемы **muos**, которое обозначает «кость слоновая; мамонтовая кость» и «сделанный из рога, кости». В якутской основе **muos** по отношению к другим тюркским языкам наблюдаются следующие фонетические явления:

- образование дифтонга в якутском языке при опущении следующих инлаутных согласных: [ɲ]: як. **muos** – кр.-уйг. **müñüz**, сал. **moɣus**, сюг. **moɣus**, тур., аз., кар. **müñüz**; [j]: як. **muos** – тув. **myjys**, ккалп. **müjüz**, ног., каз. **müjiz**, кирг. **müjüz**; [jn]: як. **muos** – гаг. **boɣnuz**, турк. **buɣnuz**; [jɲ]: як. **muos** – пратюрк. **buɣɯz**; [ɲg]: як. **muos** – уйг. **müñgüz**; [g]: як. **muos** – тат. **müǧiz**, баш. **müǧüz**, узб. **muǧuz**;
- соответствие анлаутного согласного [m~b]: як. **muos** ~ пратюрк. **buɣɯz**, гаг. **boɣnuz**, аз., турк. **buɣnuz**;
- соответствие конечных консонантных элементов [s~z]: як. **muos** ~ пратюрк. **buɣɯz**, гаг. **boɣnuz**, аз., турк. **buɣnuz**, уйг. **müñgüz**, кр.-уйг. **müñüz**, кар. **müñüz**, тат. **müǧiz**, баш. **müǧüz**, ног., ккалп. **müjüz**, каз. **müjiz**, кирг. **müjüz**, алт. **mü:s**, узб. **muǧuz**;
- соответствие якутского дифтонга [uo] с алтайским и хакасским долгим [ü:]: як. **muos** ~ хак. **mü:s**, алт. **mü:s**.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с. Далее по тексту указывается в скобках СИГТЯЛ, с указанием страниц.

² Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб. Далее – Пек., с указанием тома и столбца.

³ Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука. 2007. Т. IV. 670 с.; 2008. Т. V. 613 с.; 2009. Т. VI. 518 с.; Т. IX. 2012. 630 с. Далее – БТСЯЯ, с указанием тома и страниц.

⁴ Уйгурско-русский словарь / сост. Э. Н. Наджип. М.: Советская энциклопедия, 1968. 828 с. Далее – УРС, с указанием страниц.

⁵ Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк». Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с. Далее – ДЛТ, с указанием страниц; Древнетюркский словарь / сост. В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. В. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с. Далее – ДТС, с указанием страниц.

Нос, клюв

Основа «нос, клюв» представлена в якутском языке лексемой **tumus**, ее рефлексy в других тюркских языках следующие: пратюрк. **tumšyk** «нос, клюв» // як. **tumus** «1. клюв; 2. вытянутая вперед передняя часть головы некоторых животных, рыло; 3. хоботок кровососущих насекомых (напр., комара); 4. передняя выступающая часть какой-л. посуды, предмета, нос, носик (напр., чайника, лодки); 5. край мыса, выступ; выступающий мысом» (БТСЯЯ, т. XI, с. 108), др. уйг. **tumšuy** «клюв, хобот», крх.-уйг. **tumšuy** «клюв», ср.-уйг. **tumšuy** «клюв», нов.-уйг., ср.-огуз. **domšaq, domšuy, tumšuy, dumšaq** «клюв», хрзм.-т. **tumšuy** «клюв», чаг. **tumšuy** «клюв; клюв, отрог скал, горы», тур. **tomšuk** «клюв крючком», турк. **tumšuy** «подбородок; морда; мыс», сал. **tunčux** «угол», тат. **tümšuy** «клюв», башк. **tümšūq** «морда, рыло животного; рожа», башк. диал. **tomšoq** «клюв; нос», ног. **tumsyq** «морда животного», ккалп. **tumsuy** «клюв; морда; хобот; мыс», каз. **tümšyq** «морда, рыло животного; клюв; носок сапога», кирг. **tumšuy** «клюв; морда, рыло, хобот; переносье узды; мыс», алт. **tumčuy** «нос, клюв; морда, рыло, хобот; мыс», куманд. **tunčuy** «нос, верхняя губа; угол, мыс», узб. **tunčuy** «клюв птиц; морда; рожа; нос; выступ», уйг. **tumšuy** «клюв птиц; морда; рожа; нос; выступ», лобн. **tumšuy** «клюв», сюг. **tymsyq** «клюв», хак. **tumzux** «нос, клюв, хобот, морда, рыло», тув. **dumčuy** «нос, клюв, хобот, уступ горы» (СИГТЯЛ, с. 216).

Только в тувинском языке это слово является основным функциональным наименованием для носа, при том что общетюркское функциональное слово **burun** ушло в пространственно-ориентационную терминологию, а старое анатомическое слово **ха** стало названием части тела исключительно животных. Последовательность изменения семантики должна восстанавливаться здесь так: сначала оппозиция *функциональный ~ анатомический* меняется на оппозицию *часть тела человека ~ часть тела животного*, а затем происходит стилистическое повышение сниженного слова, вытесняющего **murun** в другую лексическую микросистему [21, с. 113]. В других тюркских языках сниженное слово становится названием части тела животного с возникновением такой же оппозиции (СИГТЯЛ, с. 217). В якутской форме **tumus** наблюдается опущение инлаутного согласного по сравнению с пратюркской формой и другими тюркскими языками, например: як. **tumus** – пратюрк. **tumšyk**, др. уйг. **tumšuy**, чаг. **tumšuy**, тур. **tomšuk**, турк. **tumšuy**, сал. **tunčux**, тат. **tümšuy**, башк. **tümšūq** и др.

Зоб, двойной подбородок

Пратюрк. **bok-agu** «зоб» // як. **мозоо** «двойной подбородок» (БТСЯЯ, т. VI, с. 275), крх.-уйг. **boqag** «зоб», ср.-кыпч. **boqazu** «зоб», тур. **boğak** «ангина», аз. **buxag** «второй подбородок», турк. **buqaw** «серебряное украшение, надеваемое на шею», кум. **buzaq** «зоб», башк. **būzaq** «зоб», каз. **būzaq** «зоб», кирг. **bozoq** «зоб», алт.

bogoq «зоб», узб. **buqoq** «зоб», уйг. **poqag** «зоб», хак. **розо** «зоб» (СИГТЯЛ, с. 150). Во всех источниках, кроме якутского, турецкого, азербайджанского и туркменского, рассматриваемый рефлекс обозначает «зоб». В якутском языке слово **мозоо** представляется как «двойной подбородок». Возможно, это связано с физиологическим признаком лексических рефлексов, т. к. при зобе появляется т. н. «второй подбородок». В якутской основе **мозоо** наблюдаются следующие фонетические явления в сравнении с лексическими параллелями в других тюркских языках:

- соответствие начального согласного [m] с начальным согласным [b] в других тюркских языках: як. **мозоо** ~ пратюрк. **bok-agu**, крх.-уйг. **boqag**, тур. **boğak**, аз. **buxag**, турк. **buqaw**, кум. **buzaq**, башк. **būzaq**, каз. **būzaq**, кирг. **bozoq**, алт. **bogoq**, узб. **buqoq**;
- соответствие якутского вокального [o] и тюркского вокального [u]: як. **мозоо** ~ аз. **buqag**, турк. **buqaw**, кум. **buzaq**, башк. **būzaq**, каз. **būzaq**, узб. **buqoq**.

ЛСГ Туловище

ЛСГ Туловище представлена якутской моноксემной основой **силин** «вымя». С зоологической стороны туловище животных объясняется как центральная в анатомическом отношении часть тела животных, не включая голову с шеей, конечности и хвост. Пратюркская форма и лексические рефлексy в других тюркских языках представлены следующим образом: пратюрк. **jelin** «вымя» // як. **silin** «вымя» (Пек., т. II, стб. 2219), крх.-уйг. **jelin**, ср.-уйг. **jelin**, ср.-кыпч. **jelin**, хрзм.-т. **jelin**, ст.-осм. **jelin**, тур. диал., гаг., аз., турк. **jelin**, кум., кбалк. **jelin**, тат. **žilin**, башк. **jilin**, ног. **jelin**, каз., ккалп., **želin**, кирг. **želin**, алт. **d'eli**, уйг. **jelin**, **jilin**, **žilim**; хак. саг. **čelin**, чув. **šilē** (СИГТЯЛ, с. 148). Во всех рассматриваемых языках наблюдается устойчивое сохранение лексического значения рефлексов. Лексические параллели также отмечаются в монгольском **delen** и тунгусо-маньчжурском **diliŋa**. В якутской основе **silim** наблюдаются следующие фонетические явления в сравнении с лексическими параллелями в других тюркских языках – закономерное соответствие анлаутного согласного: [s~j]: як. **silin** ~ пратюрк. **jumurtka**, др. уйг. **jumurtā, jumurtqa**, тур. **yumurtā, az. jumurta**, турк. **jumurtā, кум. jymyrtqa**, тат. **jūmyrtqa**, узб. диал. **jumurqa**. По отношению к пратюркской форме якутская основа по сравнению с другими представленными тюркскими языками имеет неустойчивую фоноструктуру слова, т. к. во всех других языках наблюдается наличие именного тюркского аффикса – **rta / rtqa / rta / ха**.

ЛСГ Конечности (выросты) и их виды

С анатомического аспекта конечности (выросты) животных представляют собой парные придатки тела, обособленные от туловища или головы. Служат у разных групп животных для опоры, передвижения, осязания и обоняния, хватания, нападения или защиты, а также сбора и обработки пищи. Названия конечностей

и их видов в якутском языке представлены основами **туйах** «копыто; 2. часть ноги животного от колена до копыта, лытка», **ыыраах** «расщеп, раздвоение (у копыта), промежуток между двумя находящимися в связи частями; промежутки между пальцами руки и ноги, между копытами рогатого скота и между ветвями дерева; раздвоенное копыто», **кутурук** «хвост (*животных и птиц*)» и **кынат** «крыло, крылья».

Копыто

Начнем анализ с названия твердого рогового образования вокруг дистальных пальцевых фаланг копытных млекопитающих – копыт: пратюрк. **tujnak** «копыто» (СИГТЯЛ, с. 147) // **як. tujaq** «1. копыто; 2. часть ноги животного от колена до копыта, лытка (*используется для приготовления холодца*)» (БТСЯЯ, т. XI, с. 73); **уйг. tujak** «1. копыто; 2. поголовье, голова (*единица счёта скота*)» (УРС, с. 340), **кар.-уйг. tujax** «копыто» (ДЛТ, с. 864; ДТС, с. 585); **ср.-уйг. tujnaq** «копыто», **ср.-кыпч. tujaq** «копыто», **хрзм.-т. tujnaq** «копыто», **чаг. tuway** «когти, ногти», **тур. dujnaq** «копыто», **турк. tojnaq** «копыто», **сал. c'enax** «копыто», **кар., кум., балк. tujaq** «копыто», **тат., башк. tūjaq** «копыто», **ног., каз., ккалп., кирг. tujaq** «копыто», **алт. tujraq** «копыто», **узб. tujāq** «копыто», **сюг. tujax, tyjyx** «копыто», **хак. tujrax** «копыто», **тув. dujug** «копыто» (СИГТЯЛ, с. 147). Во всех лексикографических источниках лексическая единица обозначает «копыто», кроме чагатайского языка, в котором данное слово обозначает «когти, ногти». Это явление можно назвать семантическим переходом в пределах одной лексико-тематической группы.

Фоноструктура рефлекса якутского названия копыта без изменений сохранилась в ср.-кыпч. **tujaq**, **кум. tujaq**, **балк. tujaq**, **кирг. tujaq** и **узб. tujāq**. В якутской лексеме по сравнению с представленными тюркскими языками наблюдаются следующие фонетические явления:

- соответствие начальных согласных [t~d]: **як. tujaq** ~ **тур. dujnaq**, **тув. dujug**;
- соответствие конечных согласных [q~ɣ]: **як. tujaq** ~ **кар.-уйг. tujax**, **сал. c'enax**, **сюг. tujax, tyjyx**;
- соответствие вокализов в первом слоге [u~o, e]: **як. tujaq** ~ **турк. tojnaq**, **сал. c'enax**;
- соответствие вокализов во втором слоге [a~u]: **як. tujaq** ~ **тув. dujug**, **сюг. tyjyx**;
- опущение инлаутного консонантного элемента [ŋ], [n], [ɣ] в якутском: **як. tujaq** ~ **пратюрк. tujnak**, **ср.-уйг. tujnaq**, **хрзм.-т. tujnaq**, **тур. dujnaq**, **турк. tojnaq**, **алт. tujraq**, **хак. tujrax**.

В ср.-уйг., хрз.-т., тур., турк., алт., хак. языках, в отличие от якутского, отмечается сохранение пратюркской формы со структурным типом CVCCVC. Другое название копыт в якутском языке представляется основой **ыыраах**. Пратюрк. **syŋr(ɣ)a-k** «копыто» // **як. iiraq** «расщеп, раздвоение (у копыта), промежуток между двумя

находящимися в связи частями; промежутки между пальцами руки и ноги, между копытами рогатого скота и между ветвями дерева; раздвоенное копыто» (Пек., т. III, стб. 3814), **ср.-кыпч. siŋraq** «промежуток между пальцами», **чаг. saŋraq** «копыто парнокопытных», **тур. диал. syrnaq** «голень животного, копыто парнокопытных», **турк. syŋraq, syrnaq** «копыто парнокопытных, промежуток между пальцами», **узб. диал. хорезм. syŋuraq** «голень животных», **кум., тат. syjraq** «голень животных», **башк. syraq** «голень животных», **ног., каз., ккалп. syjraq** «голень животных», **кирг. syraq** «голень животных», **узб. диал. syjraq** «голень животных», **тув. sy:rgaq** «голень животных» (СИГТЯЛ, с. 148). Первое значение рассматриваемого рефлекса в тюркских языках представляется как «копыто парнокопытных». В якутском языке отмечается второе значение данного рефлекса, которое означает «промежуток между двумя находящимися в связи частями; промежутки между пальцами руки и ноги, между копытами рогатого скота и между ветвями дерева». В разговорном якутском языке более часто используется второе значение, чем первое. Во всех тюркских языках и пратюркской форме наблюдается наличие начального согласного элемента [s]. В якутской форме начальный [s] опускается, и в результате данного закономерного опущения образуется долгий гласный [i̯].

Хвост

Хвост, который является отделом сегментированного тела, располагающийся позади анального отверстия и не содержащий кишечника, в якутском языке представляется общетюркской основой **кутурук**. Пратюрк. **kudru-k** «хвост» (СИГТЯЛ, с. 145) // **як. kuduruk** «1. хвост (*животных и птиц*); 2. *перен.* отрог горы, горки, суживающийся край острова, озера и т. д.; 3. *перен.* корма (*напр., судна, лодки*); 4. *перен.* приспешники и защитники кого-л., подхалимы, прихвостни; 5. *перен.* конец чего-л., какого-л. действия (*напр., дождя, концерта*); 6. *перен., разг.* "хвост" (*несданный и перенесенный экзамен*)» (БТСЯЯ, т. IV, с. 566), **уйг. kujruk** «хвост» (УРС, с. 618), **кар.-уйг. qudruq** «общее название для хвостов животных любого вида» (ДЛТ, с. 438), «1. хвост; 2. задняя часть, зад» (ДТС, с. 463; ДЛТ, с. 463), **kudruk** «хвост»⁶ (КВ, с. 289), **тур. kuyruk** «хвост», **турк. gujruk** «хвост», **тат. kūjryk** «хвост», **хак. xuzurux** «хвост», **тув. quduruq** «хвост», **чув. xüre** «хвост» (СИГТЯЛ, с. 145). Во всех тюркских языках данная лексема обозначает «хвост». В якутском языке и в языке письменного памятника Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» имеется переносное значение представленной основы, которое обозначает «заднюю часть, зад, конец чего-л., какого-л. действия».

Кроме этого, якутская основа **kuduruk** имеет и другие переносные значения: отрог горы, горки, суживающийся край острова, озера и т. д.; корма (*напр., судна, лодки*); *перен.* приспешники и защитники кого-л., подхалимы,

⁶ Юсуф Баласагунский. Кутадгу билиг. Стамбул: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1979. 565 с. Далее – КВ, с указанием страниц.

- Крыло**

Турцо, являющееся парной передней конечностью у птиц, в якутском языке имеет номинацию **кынат**. Пратюрк. **kajna-t** «крыло» // як. **kīnat** «1. крыло, крылья; 2. несущая плоскость летательного или другого движущегося аппарата, кыро; 3. часть невода по обе стороны мотни, похожая на длинную сеть, служащая преграждением для рыбы» (БТСЯЯ, т. V, с. 264), др. уйг. **qanat** «крыло», тур. «плавник», гаг. **kanat** «крыло», аз. **ganat** «крыло», сал. **qanat** «крыло», турк. **ga-nat** «крыло», кар. к. **qanat** «крыло», бак., кум., тат. **qanat** «крыло», тат. диал. **qanat** «крыло», бараб. **qanat** «крыло», башк. **qanat** «крыло», ног. **qanat** «плавник», ккалп., каз. **qanat** «крыло», кирг., алт. **qanat** «плавник», алт. диал. **qanat** «плавник», узб., уйг., уйг. диал. **qanat** «крыло», сюг. **qanat, qyjnat** «крыло», хак. **xanat** «плавник», чув. **sun'at** «плавник» (СИГТЯЛ, с. 149). В большинстве языков обозначает крыло, кроме турецкого, ногайского, алтайского, хакасского и чувашского, в которых лексические параллели обозначают «плавник». Это явление можно объяснить как семантический переход по функции предмета. По сравнению с пратюркской формой в большинстве языков наблюдается опущение инлаутного

В якутской основе **kinat** наблюдаются следующие фонетические явления в сравнении с лексическими параллелями в других тюркских языках:

- соответствие начального [k] в якутском языке и [q] тюркских языков: як. **k**inat ~ др. уйг. **q**anat, сал. **q**anat, кар.к. **q**anat, балк., кум., тат. **q**anat, тат. диал. **q**anat, бараб. **q**anat, башк. **q**anat, ног. **q**anat, ккалп., каз. **q**anat, кирг., алт. **q**anat, алт. диал. **q**anat, узб., уйг., уйг. диал. **q**anat, сюг. **q**anat, **q**yjnat, хак. **x**anat;
- базовое соответствие якутского [i] и тюркского [a]: як. **k**inat ~ др. уйг. **q**anat, сал. **q**anat, кар. к. **q**anat, балк., кум., тат. **q**anat, тат.диал. **q**anat, бараб. **q**anat, башк. **q**anat, ног. **q**anat, ккалп., каз. **q**anat, кирг., алт. **q**anat, алт. диал. **q**anat, узб., уйг., уйг. диал. **q**anat, сюг. **q**anat, хак. **x**anat, гар. **k**anat, аз. **g**anat.

Фоноструктурный и лексико-семантический анализы 8 якутских основ, обозначающих наименования частей тела животного, и их лексических рефлексов в других древних и современных тюркских языках позволяют сделать следующие выводы.

1. Фонетическая структура якутских форм в ходе своего становления значительно видоизменялась. В ней сохранились некоторые праязыковые реликты в связи с ранней изоляцией от других тюркских языков, а именно сохранение пратюркских гласных в якутском языке, характерных только для данных языков: як. *tü:* // пратюрк. *tü:k*, як. *sa:l* // пратюрк. *ja:l*.

2. Анализ лексико-семантических особенностей якутских названий частей тела животного в сравнении с их лексическими параллелями в других тюркских языках дает возможность полагать, что высокий показатель устойчивости лексических значений лексем отмечается в АСГ Туловище. Но вместе с тем якутские формы **ыыраах** (копыто) и **кутурук** (хвост) имеют вторичные лексические значения, которые не зафиксированы в других современных тюркских языках, но представлены в языке древнеуйгурского письменного памятника Махмуда Кашгары «Диван Лугат ат-Турк». Это подтверждает древность якутского языка и устойчивость семантических значений якутских основ, обозначающих наименования частей тела животного.

3. В результате анализа фоноструктурных особенностей наименований частей тела животного можно утверждать, что основные причины неустойчивости фоноструктур лексических параллелей тюркских языков в якутском языке объясняются: образованием дифтонга в якутском при опущении инлаутных согласных [ŋ], [j], [jŋ], [ŋg], [g]; закономерным соответствием анлаутных согласных: [m~b], [s~z], [s~j], [t~d], [k~q, x]; соответствием начального согласного [m] и [k] в якутском языке с начальным согласным [b]

и [q] в других тюркских языках; опущением инлаутного консонантного элемента [ŋ], [n], [ɣ] в якутском; соответствием вокализмов: [u~o, e], [a~u]; базовым соответствием якутского [i] и тюркского [a].

4. По итогам фонологического анализа лексических параллелей выявлено, что по многим параметрам фонетическая структура общетюркской лексики якутского языка, обозначающей наименования частей тела животного, имеет тесную взаимосвязь с другими тюркскими языками, кроме чувашского, который находится в наиболее отдаленной

позиции от якутского языка по сравнению с другими тюркскими языками.

Таким образом, номинации элементов строения животных представляют наиболее древний пласт словарного состава якутского языка, состоят из общей для большинства тюркских языков лексики и относятся к устойчивым разрядам. Причем древняя лексика характерна не только близкородственным восточно-тюркским языкам, куда входит якутский язык, но и языкам других групп в рамках тюркской языковой семьи.

Литература

1. Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
2. Vambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1885. 638 S.
3. Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961. 170 s.
4. Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. 36 с.
5. Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 13 с.
6. Гоголев А. И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
7. Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.
8. Pakendorf B. Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives. Utrecht: LOT Janskerhof 13, 2007. 375 p.
9. Левин Г. Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками): дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2013. 436 с.
10. Левин Г. Г. Историческое отношение якутского языка к древнетюркским, восточно-тюркским и монгольским языкам // Karadeniz. 2012. Т. 4. № 16. С. 12–22.
11. Karoly L. History of the intervocalic velars in the Turkic language // Turkic Languages. 2012. Vol. 16. № 1. P. 3–24.
12. Karoly L. Some remarks on the Yakut suffix +SXt // Turkic Languages. 2006. Vol. 10. № 3. P. 187–192.
13. Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.
14. Малышева Н. В., Божедонова А. Е., Старостина Я. Е. Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2. С. 102–109. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109
15. Васильев Ю. И. Якутско-монгольские лексические параллели. Якутск: Компания «Дани Алмас», 2007. 40 с.
16. Малышева Н. В. Отношение якутского языка к уйгурскому и древнеуйгурскому языкам (фоноструктурные и структурно-семантические особенности): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015. 182 с.
17. Нестерова А. С. Названия рыб тюркского происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1. С. 147–149.
18. Шамаева А. Е. Термины монгольского происхождения в диалектной лексике якутского языка (на примере названий рыб) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 261–265.
19. Анатомия и физиология животных / под ред. Н. В. Зеленецкого. СПб.: Лань, 2019. 368 с.
20. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.: Наука, 1991. 298 с.
21. Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры, 1996. 369 с.

Common Turkic Vocabulary of the Yakut Language: Words Denoting Animal Body Parts (Comparative Historical Analysis)

Ninel V. Malysheva ^{a, ID1}; Igor A. Danilov ^{a, @, ID2}

^a Ammosov North-Eastern Federal University, 58, Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000

@ igor_danilov_2000@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6358-4256>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Received 19.06.2019. Accepted 09.10.2019.

Abstract: The article discusses linguistic contacts of the Turkic languages. The research was based on the common Turkic vocabulary of the Yakut language, namely words denoting animal body parts. The paper focuses on the comparative-historical aspect of the ancient Turkic and modern Turkic languages. The authors described the lexical-semantic and phonostructural features of Yakut words denoting animal body parts that have a common Turkic origin. The methods included continuous sampling method from lexicographic sources, as well as descriptive and comparative methods. The semantic transitions of Turkic lexical reflexes from the Praturk system to the modern form revealed that words denoting animal body parts represent the most ancient layer of the Yakut vocabulary. It consists of vocabulary common for most Turkic languages and belongs to stable categories. As part of the phonological analysis, the authors determined phonostructural types and characteristics of the phonological system of lexical reflexes, the nature of the stability and variability of lexemes, and the main causes of the instability of the phonostructures of the word stems of other Turkic languages in the Yakut language. An analysis of the lexical-semantic features of the Yakut words for animal body parts in comparison with their lexical parallels in other Turkic languages revealed the nature of stability and variability of the lexical meanings of the stems for specific Turkic language.

Keywords: Turkic languages, zoological vocabulary, phonostructural type, comparative historical aspect, lexical and semantic feature, lexical and semantic group

For citation: Malysheva N. V., Danilov I. A. Common Turkic Vocabulary of the Yakut Language: Words Denoting Animal Body Parts (Comparative Historical Analysis). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1123–1130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1123-1130>

References

1. Böhtlingk O. N. *To the language of the Yakuts*. Novosibirsk: Nauka, 1990, 646. (In Russ.)
2. Vambery H. *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1885, 638.
3. Kaluzynski St. *Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache*. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo, 1961, 170.
4. Ubriatova E. I. *Essay on the history of the study of the Yakut language*. Yakutsk: Gos. izd-vo IaASSR, 1945, 36. (In Russ.)
5. Ubriatova E. I. *The Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as Mongolian and Tungus-Manchu languages*. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1960, 13. (In Russ.)
6. Gogolev A. I. *The Yakuts (Problems of ethnogenesis and culture formation)*. Yakutsk: Izd-vo IaGU, 1993, 200. (In Russ.)
7. Shirobokova N. N. *Attitude of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 2005, 268. (In Russ.)
8. Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. Utrecht: LOT Janskerhof 13, 2007, 375.
9. Levin G. G. *The historical ties of the Yakut language to the ancient Turkic languages of the VII–IX centuries (comparative aspect of Eastern Turkic and Mongolian languages)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Yakutsk, 2013, 436. (In Russ.)
10. Levin G. G. The historical relation of the Yakut language to the Old Türkic, Eastern Turkic and Mongolian languages. *Karadeniz*, 2012, 4(16): 12–22. (In Russ.)
11. Karoly L. History of the intervocalic velars in the Turkic language. *Turkic Languages*, 2012, 16(1): 3–24.
12. Karoly L. Some remarks on the Yakut suffix +SXt. *Turkic Languages*, 2006, 10(3): 187–192.
13. Eginova S. D. *Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kirghiz languages)*. Novosibirsk: Nauka, 2014, 231. (In Russ.)
14. Malysheva N. V., Bozhedonova A. E., Starostina Y. E. Horse coat colors: investigating Yakut and Mongolian lexical parallels. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2018, (2): 102–109. (In Russ.) DOI: [10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109](https://doi.org/10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109)

15. Vasiliev Iu. I. *Yakut-Mongolian lexical parallels*. Yakutsk: Kompaniia "Dani Almas", 2007, 40. (In Russ.)
16. Malysheva N. V. *Attitude of the Yakut language to the Uygur and Old Uigur languages (phonostructural and structural semantic features)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Yakutsk, 2015, 182. (In Russ.)
17. Nesterova A. S. Names of fish of the Turkic origin in Yakut. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (4-1): 147–149. (In Russ.)
18. Shamayeva A. E. Terms of Mongolian origin in the dialect vocabulary of the Sakha language (based on fish names). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2009, (89): 261–265. (In Russ.)
19. *Anatomy and physiology of animals*, ed. Zelenevskiy N. V. St. Petersburg: Lan, 2019, 368. (In Russ.)
20. Starostin S. A. *The Altai problem and the origin of the Japanese language*. Moscow: Nauka, 1991, 298. (In Russ.)
21. Dybo A. V. *Semantic reconstruction in the Altai etymology. Somatic terms (shoulder girdle)*. Moscow: Iazyki russkoi kultury, 1996, 369. (In Russ.)

Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*)

Марина В. Пименова^a; Алексей Б. Бодриков^{b, @}

^a Институт иностранных языков, 191178, Россия, г. Санкт-Петербург, 12 линия В. О., 13

^b Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22

@ 79261454613@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.03.2019. Принята к печати 18.09.2019.

Аннотация: Приведены результаты исследования когнитивных признаков концепта *воин*. Основной репрезентант исследуемого концепта стилистически окрашен. Лексема *воин* часто употребляется в высоком стиле. Воинство в русской культуре – особое сословие, призванное защищать народ и оберегать русские земли. Как показал анализ, исследуемый концепт отличается структурными особенностями. В структуру концепта *воин* входит 7 мотивирующих признаков: (боевой) клич, войско / рать, покорение, охота, желание / стремление, цель, целеустремленность. Из них только 4 признака, трансформируясь во времени, перешли в разряд понятийных: войско / рать → ратник / оборонитель / тот, кто воюет; желание / стремление + цель + целеустремленность → целеустремленный (человек). Вторая группа, входящая в структуру концепта, формируется 20 понятийными признаками: военный, освободитель, боец, (военно)служащий, солдат, (опытный) в военном деле, ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный (человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу). Данные когнитивные признаки показывают широкий спектр функциональных проявлений современных представителей о воине. В особую группу включены образные стереотипные и гендерные признаки (в русской лингвокультуре *воин* в истории страны – это богатырь, мужчина). Стереотипы русской лингвокультуры связаны с боевым прошлым нашего народа, с его героическим эпосом (былинами, сказками, сказаниями). В структуру изучаемого концепта вошли отдельной группой 16 символических признаков, которые также относятся к истории русского народа, в которой было много войн и побед: боги и святые, (братские) могилы воинов, ветераны войны, вечный огонь, (воинские) ритуалы, (воинские) части, знамя (стяг), Георгий Победоносец, герб, города-герои, иконы, награды (ордена и медали, оружие), памятники (obelisks и колонны), песни и марши, поле, статус Город-герой, храм.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, когнитивные признаки концепта *воин*, ментальность

Для цитирования: Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1131–1138. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138>

Введение

Язык и культура – взаимозависимые базовые социальные явления. Язык отображает культуру (материальную и духовную), язык есть проявление культуры народа. Чтобы изучить тот или иной аспект культуры, лингвисты обращаются к языку, апеллируя к языковой картине мира. Языковая картина мира – это сумма знаний об окружающем мире, запечатленная в форме языковых знаков. «Существование человека в языке предполагает трёхмерность связей: отношение человека к знаку-слову (мы его называли символом), его отношение к идее-смыслу и его отношение к вещи и миру. Полнота

восприятия предполагает все три источника в поступлении информации: и чувства, и разум, и волю» [1, с. 6].

Изучением знаний в языке и воплощением этих знаний в форме языковых знаков занимаются когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации»¹. Исходя из этого, центральным вопросом в когнитивной лингвистике считается «категория

¹ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. С. 53.

знания, проблема видов знания и способов их языкового представления, так как именно язык является основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания» [2, с. 8].

Анализ концепта осуществлялся в рамках теории ментальности. Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка (В. В. Колесов). Теория ментальности внедряется в научную практику разных дисциплин, в том числе и в когнитивную лингвистику. Как отмечает В. В. Колесов, «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [3, с. 148], «ментальные "архетипы" складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения. Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь, например, в духовном пространстве данного языка» [4, с. 14–15]. Культура при этом может рассматриваться как наивысший уровень проявления языка, а точкой взаимодействия, пересечения языкового и культурного уровней становится текст [5].

Постановка проблемы. Милитарные концепты только начинают привлекать внимание исследователей. Существует ряд работ, посвященных изучению военной лексики [6–19]. Однако эти работы носят фрагментарный характер. Эта область постепенно открывается и для лингвистов-когнитологов. Цель исследования – обобщить полученные результаты по выявлению когнитивных признаков концепта *воин* в русской языковой картине мира.

Объектом исследования в данной работе выступают когнитивные признаки концепта *воин*, формирующие его структуру. В настоящем исследовании рабочим выступает следующее определение *концепта* – это «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [20, с. 17].

Использовались следующие *методы и приемы* исследования: количественный метод обработки данных, методы лексикографического, этимологического, контекстуального анализа лексики; метод концептуального анализа.

Лингвокультурология – одно из самых перспективных направлений современной науки о языке [21–32]. В рамках этого направления изучаются концепты лингвокультуры. Концептуальные исследования помогают выявить специфику национальной лингвокультуры и языковой картины мира [33–45]. В современной науке о языке отсутствуют работы, посвященные лингвокультурологическому исследованию концепта *воин*. В этом состоит *научная новизна* проведенного исследования.

Материалом для исследования послужили конструкции с включенным репрезентантом концепта *воин* из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², а также данные различных словарей, в том числе из словарей русского языка и Словаря эпитетов³. Под конструкциями понимаются словосочетания и предложения с включенным репрезентантом концепта *воин* (всего 3953 конструкции).

Результаты

Как пишет в своём словаре М. Фасмер, слово *воин* происходит от праславянского *vojь-. От этого корня произошли в том числе: др.-русс. *воинъ* (мн. ч. *вои*), ст.-слав. *воинъ* (др.-греч. *στρατιώτης*), русск. *воин*, вояка, укр. *воїн*, вояк, болг. *войник* «солдат», сербохорв. *војник*, словенск. *vojnik*, чешск., словацк. *vojín*, *voják*. Русские (славянские) воины шли на битву с боевым кличем «Ура!». Возможно, именно воинский клич, крик на поле боя, боевой возглас стал тем самым «бросающимся в глаза» признаком – внутренней формой слова *воин*. Громкие звуки использовались на войне в качестве психологического воздействия на врага. Раскатистое «Ура!» наводило на врага ужас.

На охоте встречаются разные типы кличей. В любом случае охотники используют голос и грозные выкрики для загона дичи (*Толпа улюлюкала, как на охоте на волка*. Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922)). Дичь охотники загоняют до сих пор, в том числе с помощью разных звуков – криков людей, лая собак (*Николай, его стремянной, дядюшка и его охотник вертели над зверем, улюлюкая, крича, всякую минуту собираясь слезть, когда волк садился на зад и всякий раз пускаясь вперед, когда волк встряхивался и подвигался к засеке, которая должна была спасти его*. Толстой Л. Н. *Война и мир*).

Другая ступень чередования: в ст.-слав. *повинѣти* «покорить». Война шла за земли (*Считается, что именно Чингисхан и его воины принесли с собой это умение на покоренные земли, хотя само искусство дистилляции зародилось в арабском мире, предположительно в Ираке*. Форум 2012: Самогон из молока), территории.

Слово *воин* родственно лит. *vejù, vùti* «гнать(ся), преследовать» (*vajóti* импф.), др.-инд. *vēti* «преследует, стремится к», авест. *vayeiti* «гонит, преследует», лат. *venor, -āri* «охотиться», др.-исл. *veidr* «охота», др.-в.-нем. *weida* «охота», греч. *ἔμαι* «стремлюсь, желаю», ирл. *fiad* «дичь»⁴.

Когнитивные признаки, выявленные на основе словарных данных, показывают, что внутренняя форма слова *воин* восходит к признакам *охота, желание, цель*. Первоначально, видимо, воин – это тот, кто охотится за добычей. Признак *охота* у анализируемого концепта встречается до сих пор (*И если тургеневская охота есть школа поэтических открытий, то народная охота с гончей, как она*

² НКРЯ. Режим доступа: <http://www.ruscorpota.ru/new/> (дата обращения: 25.02.2019).

³ Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.

⁴ Воин // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-2040.htm> (дата обращения: 04.06.2017).

у нас существует повсюду, **есть школа воинов** с простой, открытой душой. Пришвин М. М. Моим молодым друзьям). В русском языке слово *охота* имеет дополнительное значение *желание, стремление*. В одном контексте реализуется ряд мотивирующих признаков: охота, цель и желание (**Охотники** и **купцы, мореплаватели и воины** готовы были, не задумываясь, пуститься в путь на сотни, а то и тысячи километров – лишь бы **добиться желанной цели**. Волков А. Давайте полетаем).

И. И. Срезневский указывает, что слово *воин* – древнерусское. Уже с XI в. отмечено все словообразовательное гнездо этого слова: *воинъ, воинскъ, воинский, воинный, воинство*⁵. Он приводит примеры, где *вой* (в ед. ч.) – существительное в значении *войско, рать*. В современном русском языке это значение актуально и ныне (**Воины** Культуры, **Герои** Культуры, **вы составите непобедимое воинство**. Рерих Н. Листы дневника).

Как отмечают С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова в Толковом словаре русского языка: «ВОИН, -а, м. (высок.). Человек, к-рый служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом. Воины-освободители. Один в поле не в. (посл.)»⁶. В Толковом словаре русского языка, изданном под редакцией Д. Н. Ушакова, к слову-репрезентанту исследуемого концепта приводится следующее определение: «ВОИН, а, м. Военный, солдат (поэт.). || Опытный в военном деле; обладающий воинскими качествами (книжн.). В сражении он показал себя истинным воином»⁷.

Языковой материал из НКРЯ позволил выявить еще 14 дополнительных понятийных признаков, не отмеченных в толковых словарях русского языка:

1) ратник / оборонитель / тот, кто воюет (Этим объясняется и неканоническое решение Сергия отправить вместе с князем на битву двух монахов своей обители, бывших **ратников** – **воинов** Александра (Пересвета) и Андрея (Ослябя). Краснова В. Поборник Троицы);

2) герой (Бабушка писала про **героические атаки советских воинов**. Трауб М. Плохая мать);

3) защитник (22 февраля мероприятия начались с церемонии возложения венков и цветов к монументу **воинам – защитникам** Старой Руссы. Память о земляках // Новгородские ведомости. 2013);

4) храбрец / смелый человек (О, мои воины! Мои **храбрые воины!** Чарская Л. А. Галина правда);

5) победитель (А вот без них не сможет воевать даже и советский **непобедимый воин**. Астафьев В. Обертон);

6) оруженосец (Когда он брал в руки инструмент и из миловидно-невзрачного юноши превращался в музыканта по той самой формуле, которая человека и лошадь

обращает во всадника, мужчину и **оружие** в **воина**: когда сумма человеческого и нечеловеческого превышает значение каждого в отдельности. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого);

7) мужественный / доблестный (человек) (Чтобы **воин имел мужество** стать навстречу морю огня, грудью защитить других, он должен **быть** очень **сильным духовно**. Служения и встречи Святейшего Патриарха Кирилла // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 1; Это были его оценки, жалкая горстка преданных **доблестных воинов** в окружении трусов и предателей. Павлов О. О. Асистолия);

8) пример для подражания (Они совершали духовные подвиги солдата, своим личным **примером** увлекая **воинов** в бой! Лебедев С. А. С крестом – на линии огня);

9) ответственный (человек) (Кража пуль объясняется небрежностью администрации и возлагается всецело на **ответственность воина – генерала** Андрэ. Иностранные известия // Русский листок. 1902);

10) целеустремленный (человек) (Что у **воина** на вооружении. Как ему увидеть **цель**? Увидеть цель? // Юный техник. 2013);

11) отдающий долг стране (Вы, вместе с **воинами** Красной Армии, до конца исполнили свой **долг**, разгромили агрессора, вернули народам Европы мир и свободу. Путин В. В. Послание ветеранам государств – союзников по антигитлеровской коалиции);

12) готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг (О преемственности поколений, доблести новгородских мужей времён Александра Невского и **подвигах воинов** Великой Отечественной войны напомнил присутствующим и Игорь Верходанов, заместитель губернатора Новгородской области. Славина Н. Служба будет лёгкой);

13) участник войны (Вчера в Военно-историческом музее Восточного военного округа в Хабаровске состоялось торжественное открытие новой экспозиции, посвященной подвигу **воинов-дальневосточников, принимавших участие в военном конфликте** на острове Даманский в марте 1969-го. Храмчихин А. А. Партнеры-победители);

14) патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу) (Я бы желал надеяться, что Ваше Превосходительство проявит себя не только выдающимся **воином**, но и великим **патриотом**. Деникин А. И. Очерки русской смуты).

Как показал анализ когнитивных признаков, они обусловлены стереотипами, закрепленными в русской лингвокультуре. В первую очередь, речь идёт о гендерных (маскулинных) и исторических стереотипах. Стереотип в данном исследовании понимается «как готовая схема восприятия – относительно устойчивый и упрощенный

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893. Т. 1. А–К. С. 285–287.

⁶ Воин // Ожегов С. И., Шведова Н. В. Словарь русского языка. Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/definit/voin/?q=742&n=167126> (дата обращения: 08.10.2018).

⁷ Воин // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1995. Т. 1. А–К. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 25.02.2019).

образ социального объекта (группы, человека, события, явления и т. п.), складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта индивида и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе» [26, с. 114].

Русская языковая картина мира подходит к вопросу о возможности женщин участвовать в войне, опираясь, прежде всего, на опыт, связанный с историей русского народа. Данные показывают, что воины – это мужчины, на что прямо указывают 64 % актуализаций соответствующих маскулиных признаков. Женщины принимали участие в сражениях, есть такие примеры в истории не только России, но и других стран (36 % актуализаций в языковом материале).

Существуют стереотипы, связанные с внешним обликом воина, среди которых военная выправка (*рослый, статный*), физическая сила и мощь (*дюжий, могучий, мускулистый, крепкий, плечистый, стройный, низкорослый, коренастый, широкоплечий*), напористость и жесткость в поведении (*безжалостный, беспощадный, грозный, неукротимый, суровый, хладнокровный*). Все эти черты могут носить врожденный характер (*прирожденный воин*).

Со стереотипами связаны и боевые качества воина – смелость, отвага, храбрость, непобедимость, бесстрашие. Воин может быть *бесстрашный, храбрый, доблестный, мужественный, непобедимый, отважный, смелый, храбрый* (Зная, что едва ли вонмут его разумным словам **отважные воины**, не очень доверяясь рассудку, майор Котлов велел назначить патрулей с красными повязками на рукавах. Астафьев В. Обертон).

Из НКРЯ были взяты примеры, где со словом *воин* употребляются сопутствующие гендерные признаки мужской или женской. Обычно воин – это мужчина (*Делает его – воином, охотником, мужчиной!* Довлатов С. Д. Иная жизнь; *Все они исчезли, – говорил наш гид, – мужчины, которые были смелыми воинами, женщины, дети, верблюды*. Подцероб А. Б. Петроглифы ливийской Сахары). Этот стереотип заложен в нашем сознании (*Они охраняли имущество, скот, жилища, когда мужчины-воины уходили в военные походы или в длительные сезонные перекочевки со скотом*. Гуляев В. И. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия).

История русского языка показывает существование отдельного слова, служившего для обозначения воинов Древней Руси – *богатырь*. По словарю Т. Ф. Ефремовой: «*богатырь* м. 1. Герой русских былин и сказок. 2. Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью. 3. Рослый, крепкого сложения, сильный человек. 4. перен. Незаурядный, выдающийся в какой-л. области человек»⁸. Здесь мы видим процесс десемантизации слова, где первичный признак «Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удалью»

был вытеснен на вторую позицию относительно признака «Герой русских былин и сказок».

Существует лингвистическая литература, посвященная образу богатырей в русском героическом эпосе [6; 13; 27; 28, с. 239–325]. Подчеркнем еще раз: богатыри в русской лингвокультуре – это, прежде всего, воины (*Наши сны о богатырях, которых мы ждем и надеемся, что они вернутся и сделают Россию могучей, непобедимой державой! – Слава русским воинам! – закричали с трибуны*. Денисова С. Богатыри и цензура).

Богатырский эпос представлен тремя блоками:

1) сказочные богатыри: Горыня, Дубыня, Иван Гостинный сын, Медведко, Сосна-богатырь, Усыня;

2) легендарные персонажи: Кий, Вольга Святославович, Дунай Иванович, Святогор, Георгий Победоносец;

3) былинные богатыри IX–XIII вв.: Алеша Попович / Алёшенька Попович млад, (Александр) Пересвет, Василий Казимирович, Горденко Блудович, Добрыня Никитич / Добрынюшка Никитич млад, Дунай Иванович, Евпатий Коловрат, Илья Муромец / матерый Илья / Илья из Муромы / старый Илья Муромец Иванович, Микула Селянинович, Михаил Потык Иванович / Михайло Потык, Никита Кожемяка, Родион Ослябя, Самсон Самойлович / Василий Буслаевич, Ставр Годинович.

Как показывает проведенное нами исследование, в русском эпосе сохранились имена не трёх, а как минимум 25 богатырей. Возможно, если расширить границы языкового материала, их количество увеличится. Статистика показывает, что в языковом материале высокая частотность свойственна таким именам богатырей, как Илья Муромец (30,3 %), Добрыня Никитич (13,2 %), Георгий Победоносец (10,7 %), Алеша Попович (9,4 %), Святогор (5,5 %), Микула Селянинович (4 %).

В языковом материале были упомянуты не все богатыри: не встретились имена таких богатырей, как Сосна-богатырь и Самсон Самойлович. Некоторые богатыри имеют вариативно выраженные имена: Илья Муромец / матерый Илья / Илья из Муромы / старый Илья Муромец Иванович, Алеша Попович / Алёшенька Попович млад, Добрыня Никитич / Добрынюшка Никитич млад.

Обширную группу образуют символические признаки. Самыми частотными выступают следующие: (воинские) части (20 %), памятники (obelisks и колонны) (15 %), знамя (стяг) (12,8 %), награды (ордена и медали, оружие) (11,2 %), города-герои (10,6 %), боги и святые (7,4 %), поле (6 %), вечный огонь (5 %), (братские) могилы воинов (4 %), храм (2,8 %). Средняя частотность характерна для признаков *иконы* (1,2 %) и *песни и марши* (1 %), Низкая частотность отличает такие символические признаки, как ветераны войны (0,8 %), (воинские) ритуалы (0,8 %), герб (0,8 %), Георгий Победоносец (0,6 %).

⁸ Богатырь // Ефремова Т. Ф. Современный словарь русского языка: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20000 слов, около 1200 словообразовательных единиц. М.: АСТ, 2010. Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/bogatyr.html#.XZaxXEYzaM8> (дата обращения: 25.02.2019).

Языковой материал показал наличие 16 символических признаков концепта *воин*: боги и святые, (братские) могилы воинов, ветераны войны, вечный огонь, (воинские) ритуалы, (воинские) части, знамя (стяг), Георгий Победоносец, герб, города-герои, иконы, награды (ордена и медали, оружие), памятники (obelisks и колонны), песни и марши, поле, статус Город-герой, храм.

Русская национальная символика тесно связана с духовной составляющей защиты Родины. К символическим признакам относится целый комплекс когнитивных признаков, связанных с религией: боги и святые, иконы, храм, в совокупности представляющих 11,8 % от общего количества примеров с символическими признаками.

Выводы

На основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей выделены следующие 7 мотивирующих признаков концепта *воин*: (боевой) клич, войско / рать, покорение, охота, желание / стремление, цель, целеустремленность.

На основании семного анализа словарных дефиниций основного репрезентанта анализируемого концепта выделено 6 понятийных признаков: военный, освободитель, боец, (военно)служащий, солдат, (опытный) в военном деле. В языковом материале обнаружено 14 понятийных признаков, отсутствующих в словарях: ратник / оборонитель / тот, кто воюет, герой, защитник, храбрец / смелый человек, победитель, оруженосец, мужественный / доблестный

(человек), пример для подражания, ответственный (человек), целеустремленный (человек), отдающий долг стране, готовый к самопожертвованию / совершающий подвиг, участник войны, патриот / преданный / верный (Родине / Отечеству / народу). Как показал анализ языкового материала, не все понятийные признаки указываются в толковых словарях современного русского языка.

Образные признаки обусловлены стереотипами русской лингвокультуры. Воин в русской лингвокультуре – это, прежде всего, смелый и отважный мужчина, в истории мы его видим как богатыря – защитника земли русской. Как показывают полученные данные материала из НКРЯ, в русской языковой картине мира выделено 16 символических признаков. Они связаны с символами страны (герб, флаг), с памятью о героях-защитниках (памятник, песни, марши, братские могилы и под.), с местами боевой славы (города и крепости-герои, поля боев). Русский народ помнит и чтит память своих предков, защищавших своё Отечество в битвах.

В статье обобщены когнитивные признаки, формирующие структуру концепта *воин*. Перспективами дальнейшего изучения может быть исследование таких милитарных концептов, как, например, *армия*, *солдат*, *генерал*, *полковник*, *воевода*, *богатырь*, и их соответствий в иных лингвокультурах как в русском, так и в других языках. Следует оговорить тот факт, что некоторые из указанных концептов являются лакунарными для некоторых языковых картин мира: *воевода*, *богатырь*.

Литература

1. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001. 304 с.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта; Наука, 2008. 296 с.
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
4. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Языки и этнический менталитет. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
5. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способы представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 110–112.
6. Багаутдинова Г. Н. Традиционная военная лексика башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. 178 с.
7. Бодриков А. Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Ученые записки ЗабГУ. 2018. Т. 13. № 2. С. 57–64.
8. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб.: Тип. Имп. АН, 1887. С. 1–215.
9. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 180 с.
10. Волкова С. Б. Концепт «military service» и его составляющие в художественном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. С. 87–94.
11. Гребеньков В. Н. Тенденции эволюции военной культуры современного российского общества // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 118–124.
12. Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 293 с.
13. Пименова М. В. Богатырши в русских народных сказках // Виноградов В. А., Воркачев С. Г., Карасик В. И., Колесов В. В., Маслова В. А., Пименова М. В., Теркулов В. И. Лингвистика начала XXI века. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. С. 174–204.
14. Третьякова Л. Н. Военный концепт «Шинель» в языковой картине мира русского человека // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 56–59.
15. Третьякова Л. Н. Эволюция военной концептосферы в поэзии М. В. Ломоносова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 14–17.

16. Уланов А. В. Формирование и функционирование военной лексики в русском языке XVII–XVIII веков (на материале столичной и региональной деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 25 с.
17. Фахрутдинова Д. Р. Системно-сопоставительное исследование терминологии войсковой противовоздушной обороны английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999. 24 с.
18. Фахрутдинова Д. Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 259–266.
19. Юсупова А. Ш. Военная лексика в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Казань: Казанск. гос. ун-т, 2006. С. 274–277.
20. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
21. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
22. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
23. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.
24. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
25. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
26. Пименова М. В. Смена стереотипов в русской лингвокультуре // Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. 3-е изд., доп. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 109–114.
27. Пименова М. В. Стереотипы о богатырях и рыцарях сквозь призму русской ментальности // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. сост. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. Талдыкорган-СПб.-Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. С. 10–15.
28. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: Инфра-М, 2018. 355 с.
29. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (К проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25–37.
30. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры / ред. М. Б. Ешич, Я. Корженский, Г. П. Нешименко, Л. Б. Никольский, Е. Ф. Тарасов, Ю. Е. Стемковская. М.: Наука, 2000. С. 45–54.
31. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: мат-лы II Междунар. конф. (Тамбов, 12–14 мая 1999 г.) / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. 3. С. 14–15.
32. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2004. 201 с.
33. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
34. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
35. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: КомКнига, 2003. 544 с.
36. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
37. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 5–18.
38. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 554 с.
39. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
40. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
41. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
42. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
43. Croft W., Cruse A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
44. Fauconnier G. Meanings in thought and language. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. XI+205 p.
45. Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. N. Y.: Basic Books, 2002. 464 p.

Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concept)

Marina V. Pimenova^a; Alexei B. Bodrikov^{b, @}

^a Institute of Foreign Languages, 13, Line 12 V. O., St. Petersburg, Russia, 191178

^b Military Institute (Engineering and Technical) of General A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, 22, Zakhariyevskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

@ 79261454613@yandex.ru

Received 27.03.2019. Accepted 18.09.2019.

Abstract: The article features the cognitive signs of the warrior concept. The main representation of the concept is stylistically marked. The word warrior is often used in elevated style. In Russian culture, the army has always been a special estate that protects the people and the Russian lands. The concept warrior proved to have some structural peculiarities. It includes seven motivating signs in the structure of the concept: (battle) cry, army, conquest, hunting, desire / aspiration, target, dedication. Only four of them transformed with time and moved into the category of conceptual signs: army → warrior / defender / one who is fighting; desire / aspiration + goal + dedication → purposeful (person). The second group of the structure is formed by twenty conceptual signs: military, liberator, fighter, (military) employee, soldier, (experienced) in military affairs, warrior / defender / the one who fights, hero, protector, brave man, winner, squire, courageous / valiant (man), role model / example for imitation, responsible (man), purposeful (person), giving a debt to the country, ready for self-sacrifice / accomplishing a feat, participant in the war, patriot / devotee / loyal (Motherland / Fatherland / people). These cognitive characteristics show a wide range of functional manifestations of modern representations of military occupation. The special group includes figurative stereotypical and gender signs, since a warrior has always been a male hero in Russian linguistic culture. The stereotypes of Russian linguistic culture are connected with the military past of our people, with its heroic epos, tales, and legends. Symbolic signs make up a separate group. The structure of the studied concept includes sixteen symbolic signs, which are also connected with the history of the Russian people with its numerous wars and victories: gods and saints, (fraternal) graves of warriors, war veterans, eternal flame, (military) rituals, (military) units, banner, George the Victorious, coat of arms, hero cities, icons, awards (orders and medals, weapons), monuments (obelisks and columns), songs and marches, field, status Hero-city, temple.

Keywords: cognitive linguistics, cultural linguistics, cognitive signs of the concept warrior, mentality

For citation: Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concept). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1131–1138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138>

References

1. Kolesov V. V. *Ancient Russia: a legacy in the word. Good and evil*. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2001, 304. (In Russ.)
2. Maslova V. A. *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow: Flinta; Nauka, 2008, 296. (In Russ.)
3. Kolesov V. V. "Life comes from the word ...". St. Petersburg: Zlatoust, 1999, 368. (In Russ.)
4. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
5. Pocheptov O. G. Linguistic mentality: ways of representing the world. *Voprosy iazykoznanii*, 1990, (6): 110–112. (In Russ.)
6. Bagautdinova G. N. *Traditional military vocabulary of the Bashkir language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2001, 178. (In Russ.)
7. Bodrikov A. B. Linguistic and cultural study of the voin (warrior) concept in the military technical institute. *Scientific Notes of ZabSU*, 2018, 13(2): 57–64. (In Russ.)
8. Buslaev F. I. *Folk poetry*. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1887, 1–215. (In Russ.)
9. Venediktova L. N. *The concept of "war" in the linguistic picture of the world (a comparative study on the material of the English and Russian languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 2004, 180. (In Russ.)
10. Volkova S. B. The concept of "military service" and its components in art discourse. *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I., Kulpina V. G. Moscow: MAKSPress, 2009, iss. 39, 87–94. (In Russ.)
11. Grebenkov V. N. Trends in the evolution of military culture of the modern Russian society. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2006, (45): 118–124. (In Russ.)
12. Loseva-Bakhtiyarova T. V. *Military vocabulary of Turkic languages (names of weapons)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 293. (In Russ.)

13. Pimenova M. V. Heroes in Russian folk tales. Vinogradov V. A., Vorkachev S. G., Karasik V. I., Kolesov V. V., Maslova V. A., Pimenova M. V., Terkulov V. I. *Linguistics of the beginning of the XXI century*. St. Petersburg: VI ZHDV i VOSO, 2015, 174–204. (In Russ.)
14. Tretyakova L. N. Military concept of "overcoat" in Russian linguistic world view. *Mir russkogo slova*, 2013, (1): 56–59. (In Russ.)
15. Tretyakova L. N. Evolution of military concept sphere in poetry of M. V. Lomonosov. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, (2): 14–17. (In Russ.)
16. Ulanov A. V. *The formation and functioning of military vocabulary in the Russian language of the XVII–XVIII centuries (based on the material of the capital and regional business writing)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2008, 25. (In Russ.)
17. Fakrutdinova D. R. *System-comparative study of the terminology of military air defense of the English and Russian languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kazan, 1999, 24. (In Russ.)
18. Fakhrutdinova D. R. Structuring the genre space of military institutional discourse. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, (2): 259–266. (In Russ.)
19. Yusupova A. Sh. Military vocabulary in the Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries of the XIX century. *Actual problems of the natural sciences and humanities*. Kazan: Kazansk. gos. un-t, 2006, 274–277. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
21. Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)
22. Vorobiev V. V. *Linguoculturology: theory and methods*. Moscow: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
23. Maslova V. A. *Introduction to Linguaculturology*. Moscow: Nasledie, 1997, 207. (In Russ.)
24. Maslova V. A. *Linguaculture*. Moscow: Akademiia, 2004, 208. (In Russ.)
25. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
26. Pimenova M. V. Change of stereotypes in Russian linguistic culture. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Linguistic foundations of Russian mentality*, 3rd ed. St. Petersburg: SPbGU, 2011, 109–114. (In Russ.)
27. Pimenova M. V. Stereotypes about heroes and knights through the prism of the Russian mentality. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, eds. Momynova B. K., Pimenova M. V. Taldykorgan-St. Petersburg-Kemerovo: ZhGU, KemGU, 2015, 10–15. (In Russ.)
28. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales*. Moscow: Infra-M, 2018, 355. (In Russ.)
29. Postovalova V. I. Linguoculturology in the light of the anthropological paradigm (as exemplified by the problem of the foundations and boundaries of modern phraseology). *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 25–37. (In Russ.)
30. Tarasov E. F. Language as a means of cultural translation. *Language as a means of cultural translation*, eds. Eshich M. B., Korzhensky Y., Neshchimenko G. P., Nikolsky L. B., Tarasov E. F., Stemkovskaya Yu. E. Moscow: Nauka, 2000, 45–54. (In Russ.)
31. Teliya V. N. The main postulates of linguaculturology. *Philology and culture: Proc. II Intern. Conf.*, Tambov, May 12–14, 1999, ed. Boldyrev N. N. Tambov: Izd-vo TGU, 1999, part 3, 14–15. (In Russ.)
32. Khrolenko A. T. *Fundamentals of linguaculturology*. Moscow: Flinta: Nauka, 2004, 201. (In Russ.)
33. Wierzbicka A. *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 288. (In Russ.)
34. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture: Linguistic and regional studies in the teaching of Russian as a foreign language*, 4th ed. Moscow: Rus. iaz., 1990, 246. (In Russ.)
35. Gachev G. D. *The mentality of the peoples of the world*. Moscow: KomKniga, 2003, 544. (In Russ.)
36. Humboldt W. von. *Language and philosophy of the culture*. Moscow: Progress, 1985, 451. (In Russ.)
37. Zalevskaya A. A. The concept as the property of the individual. *Psycholinguistic research: word and text*. Tver: Tver. gos. un-t, 2002, 5–18. (In Russ.)
38. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2005, 554. (In Russ.)
39. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
40. Karasik V. I. *Language keys*. Volgograd: Paradigma, 2007, 520. (In Russ.)
41. Karasik V. I. *Language matrix of culture*. Moscow: Gnozis, 2013, 320. (In Russ.)
42. Sapir E. *Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow: Progress, 1993, 656. (In Russ.)
43. Croft W., Cruse A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 356.
44. Fauconnier G. *Meanings in thought and language*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997, XI+205.
45. Fauconnier G., Turner M. *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. N. Y.: Basic Books, 2002, 464.

Лингвокреативные основания немецкого комикса *Dig, Dag, Dgedag*

Елена А. Энгель^{a, @, ID}; Марина В. Денеко^a

^a Тюменский индустриальный университет, 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38

@ engelkind@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-4472-6922>

Поступила в редакцию 08.08.2019. Принята к печати 11.10.2019.

Аннотация: Статья посвящена исследованию лингвокреативных оснований в немецком комиксе *Dig, Dag, Dgedag*. Одним из актуальных направлений работы современных лингвокультурных, когнитивных исследований и дискурсивных практик является изучение комиксов, представляющих собой серию рисунков с краткими сопроводительными текстами. Для выявления лингвокреативных оснований немецкого комикса предлагается филологический и семиотический анализ. Алгоритм филологического анализа заключается в литературоведческой характеристике даты, времени и места написания комикса, выявлении оригинальных и интересных сюжетов в рамках нескольких выпусков комикса, отборе и описании лексических средств выражения и стилистических конструкций. Графика комикса, относящаяся к невербальному компоненту, подвергается семиотическому анализу. Лингвокреативные основания исследуемого комикса проявляются в оригинальных сюжетах-путешествиях в Древний Рим, Сицилию, государства Древнего Востока, на необитаемый остров, на Луну и Марс. Посредством тщательно подобранных научных и бытовых знаний, передаваемых с помощью вербальных средств и графики комикса, читатели, в частности молодые, расширяют свой кругозор. Использование гипербола, метафор, каламбуров, разноплановой лексики также позволяет говорить о лингвокреативности комикса *Dig, Dag, Dgedag*.

Ключевые слова: креолизованный текст, лингвокреативность, лингвокреативные средства, филологический анализ, семиотический анализ

Для цитирования: Энгель Е. А., Денеко М. В. Лингвокреативные основания немецкого комикса *Dig, Dag, Dgedag* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1139–1149. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1139-1149>

Введение

Комиксы, положившие начало новому литературному жанру и даже новому виду искусства, стремительно завоевывают читателями всего мира и оказывают культурное влияние на жителей определенной страны. Понимаемые как «серия рисунков с краткими сопроводительными текстами, образующими связное повествование, обычно приключенческого или юмористического характера»¹, они вызывают интерес большого числа зарубежных и отечественных ученых. Р. Барт [1], Т. Гренстин [2], С. МакКлауд [3], Е. Е. Анисимова [4], Ю. А. Ейкалы [5], Е. В. Козлов [6], Л. А. Нефёдова [7] и Л. Г. Стоярова [8] отмечают взаимосвязь вербального и невербального компонентов комикса. Вербальным компонентом выступает текст в виде речевых высказываний героев, повествования и комментариев автора, различных подписей и надписей; невербальным – графика (рисунок-панель, полосные кадры, разворот). Наличие двух видов компонентов позволяет отнести комиксы к креолизованным текстам, о чем говорится в работах Е. Е. Анисимовой [4], Л. М. Большиановой [9], Н. С. Валгиной [10], М. Б. Ворошиловой [11], О. В. Поймановой [12], Ю. А. Сорокина

и Е. Ф. Тарасова [13]. Т. М. Белова рассматривает комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов [14]. Д. Г. Дмитриева изучает историю американского супергероя и его феномен в контексте визуальной культуры XX в. [15; 16]. О комиксе как типе дискурса говорит Ю. А. Ейкалы [17]. Все эти ученые рассматривают комиксы с различных сторон. Тем не менее в науке о языке не представлены работы, выявляющие и характеризующие лингвокреативные основания комиксов.

Лингвокреативность (языковая креативность, лингвистическая креативность) трактуется в работе В. П. Коровушкина и Дж. О. Фалоджу как «творческая двусторонняя способность носителя соответствующего языка создавать из заложенных в этом и других известных ему языках материальных средств и конструктивных механизмов новообразования на всех лингвистических уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, дискурсивном)» [18, с. 32–33]. В. Б. Базилевич определяет лингвокреативность как «систему знаний о языке, благодаря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения

¹ Комлев Н. Г. Комикс // Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. С. 461.

определенного эффекта» [19, с. 21]. А. В. Галкина понимает данный феномен как «способность личности к использованию оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли» [20, с. 163]. Исходя из этих определений, можно утверждать, что лингвокреативность всегда связана с оригинальными и нестандартными новообразованиями, порождаемыми на любом языковом уровне. Вклад ученых в исследование лингвокреативности увеличивается. О когнитивных основаниях креативности пишут Г. Е. Гарднер [21], К. Н. Сандерс и Т. Б. Уорд [22], Т. А. Гридина [23], Н. А. Купина [24] и др. Поле для лингвокреативной деятельности является художественный текст [23; 26–27]. Лингвокреативными средствами признаются языковая игра, каламбур, полисемия, омонимия (Е. Ф. Болдарева [28], Т. А. Гридина [23], Г. В. Пономарева [29], Н. Н. Карл [30]). Между тем на современном этапе развития филологических наук лингвокреативность признается сложным феноменом, что требует научного исследования с различных сторон.

Актуальность статьи заключается в интересе ученых к изучению комиксов, являющихся креолизированными текстами, в частности на немецком языке. В настоящее время недостаточно изучены их лингвокреативные основания и параметры. Новизна обусловлена тем, что выявляемые в ходе филологического и семиотического анализа вербальные и невербальные средства выражения позволяют рассмотреть лингвокреативность на лексическом, коммуникативном и семиотическом уровнях. Цель – выявить лингвокреативные основания немецкого комикса Ханнеса Хегена *Dig, Dag, Dagedag*, издаваемого с 1955 г. в ГДР, и представить средства его вербального и невербального выражения.

История немецких комиксов и комикса *Dig, Dag, Dagedag*

За историю своего существования немецкие комиксы пережили ряд изменений. В середине 20-х гг. XX в. они печатались в газетах на отдельной странице, что способствовало интересу читателей к соответствующей газетно-журнальной продукции и увеличению ее продаж. Позднее немецкие комиксы стали выходить в виде отдельных серий и представлять собой истории в картинках. Так, в издаваемом с 1938 г. рассказе в картинках Э. О. Плауена *Vater und Sohn* практически отсутствует вербальный компонент. Сюжет строится исключительно на сменяющихся друг друга кадрах, в которых изредка появляются подписи и надписи. Ранние немецкие комиксы отличаются и тем, что через картинки и сопровождаемый текст передаются правдивые или правдоподобные истории, происходящие с людьми в некий период жизни. Большей частью комиксы были ориентированы на юных читателей. Примерно с середины 1950-х гг. немецкие комиксы вытесняются зарубежными комиксами, в основном привозимыми из Америки, Франции и Японии. В 1960-х гг. они становятся чтением для взрослых и затрагивают политические, психологические, семейные и подростковые

проблемы, проблемы насилия, несправедливости, повествуют о трудностях и радостях жизни в ГДР и ФРГ. При этом сюжет и композиция текста комикса строятся по принятым языковым, литературным, жанровым правилам и строго контролируются государством.

История появления немецких комиксов различного рода насчитывает примерно 150 лет. Среди них стоит отметить известнейшие истории в картинках о проделках двух мальчишек *Max und Moritz*, истории-приключения двух лисят *Fix und Foxi*, комикс о 3 кобальдах *Dig, Dag, Dagedag*, взрослые истории *Der bewegte Mann*, комикс о пионерской жизни в ГДР *Kinderland* и др.

Комикс *Dig, Dag, Dagedag*, выступающий материалом предлагаемого исследования, появился в 1955 г., в эпоху, когда только начала расширяться авторская свобода, создающая условия для всевозможных языковых и (или) литературных нарушений, что в свою очередь предполагает проявление креативности. Авторы комиксов реализуют свои оригинальные идеи, воплощенные в тексте и графике. Лингвокреативные основания исследуемого текста прослеживаются в уникальном сюжете и идее комикса, в вербальных и невербальных средствах, используемых на лексическом, синтаксическом и семиотическом уровнях.

Героями комикса Х. Хегена становятся три брата кобальда – Диг, Даг и Дигедаг, родившиеся в Царстве сказок и снов. Образы героев прототипичны: кобальды как особый вид эльфов считались духами-хранителями подземных богатств и были добрыми, смешными и проказливыми созданиями. По настоянию старейшины Царства братья отправляются в мир людей, чтобы противостоять злу. Диг, Даг и Дигедаг путешествуют в Древний Рим, в Сиракусы в Сицилии, сказочный Восток, улетают на Луну и на Марс, попадают на необитаемый остров, ищут пиратские сокровища, создают цирк и выступают с шоу в Риме. Благодаря данным сюжетам читатели (в основном дети и подростки) путешествуют вместе с героями по различным странам и местам, что было невозможно в условиях неспокойной политической обстановки в замкнутой ГДР. Истории в картинках, ставшие самыми популярными в ГДР, привлекают своими креативными сюжетами и предлагают увлекательное, не имеющее ничего общего с политикой и трудной жизнью развлечение, знакомят с тщательно отобранными сведениями о культуре и истории разных стран, естественных науках и технике (строительство морского корабля, устройство космического корабля).

Анализ вербального и невербального компонентов в комиксе *Dig, Dag, Dagedag*

Реплики героев комикса в филактерах (словесных пузырях), вступительное слово, комментарии и повествование автора, онomatопея (вдох, стон, удар) образуют вербальный компонент комикса. Отбор лексических единиц обусловлен темой выпуска комикса. Например, в первом выпуске *Dig, Dag, Dagedag auf der Jagd nach dem Golde*² (Диг, Даг, Дигедаг

² Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag auf der Jagd nach dem Golde*. Berlin, 1955. № 1. 32 S.

в погоне за золотом) представлена тематическая группа словных и сверхсловных единиц, передающих **реалии страны Востока** (der Sultan, der Scherge (des Sultans), Allah, bei Allah, Achmed, Ali, Hassan, das Gefolge (des Sultans), der Harem, der Rest der Truppe, von Allah verneigen, in den Harem gehen, im Harem, der Schatz, der Riesenschatz³), **процедуры сбора налогов** (die Steuern, neue Steuern, der Steuereintreiber, der Steuerbescheid, bezahlen, die Rechnung, pfänden, strafen, schulden, genug Steuern bekommen, der Schaden, Geld nehmen (sollen), der bewaffnete Angriff, heimtückischer Angriff, das Gold⁴), **ремесленного дела в исламском государстве** (der Handwerker, der Töpfer, die Lanze, der Schuster, der Schneider, der Meister, nähen, die Hose annähen, die Kollektion fertigstellen, der Betriebsunfall, die Modepuppe (ersetzen), ein grosser Schlager, verkaufen, der Basar, auf dem Basar (verkaufen), die Auswahl haben, der Verkaufsschlager⁵).

Рисунки и кадры данного выпуска дополняют информацию, передаваемую вербальным способом, или несут в себе самостоятельное смысловое и семиотическое значение. Так, текст отражает размышления и мнение автора через реплики героев о роли и значимости правителя исламского государства, о существовании несправедливой налоговой системы, о взаимопомощи и поддержке друзей в сложных ситуациях. Соответствующие кадры комикса сопровождают данный текст и делают более наглядным восприятие состояния ремесленников: поднятый вверх кулак, сдвинутые от удивления брови, напуганное лицо, скрещенные пальцы как знак мольбы, сидящий на поленях ремесленник, подпирающий руками подбородок (рис. 1).

В другом случае, когда радость султана, нашедшего новую сокровищницу на своей земле, сменяется гневом, потому что он ничего там не обнаруживает, используется вербальная передача через единицы *Nichts da, Geld auf meinem Grund und Boden gehört mir! / Wunderbar, eine neue Goldquelle! / Treten alle zurück, ich will allein nachsehen! / In meiner Schatzkammer könnte ich noch viel Gold unterbringen! / Bei Allah, hier scheint ja ein Riesenschatz zu liegen! / Ich bin der glücklichste Mensch / Gold kann man wirklich nie genug haben! / Hiiiiiiilfe – meine Schatzkammer ist leer! / Helft mir, Leute, ich bin über Nacht ein armer Mann geworden!*⁶ Рисунки помогают лучше прочувствовать состояние и эмоции султана. Радость изображается с помощью улыбки во все зубы, приподнятых бровей, расталкивающего руками своих подчиненных и тянущегося к монеткам султана, а шок от пропажи всего султанского состояния – его обмороком (рис. 2).

Рис. 1. Мольба, злость и уныние ремесленника

Fig. 1. Craftsman: plea, anger, and gloom

Рис. 2. Обморок султана

Fig. 2. Sultan fainted

³ Султан, приспешник (султана), Аллах, клянусь Аллахом, Ахмед, Али, Хасан, дружина (султана), гарем, остальная часть войска, поклониться Аллаху, идти в гарем, в гареме, сокровищница. (Здесь и далее перевод комикса сделан авторами, орфография оригинала сохранена).

⁴ Налоги, новые налоги, сборщик налогов, налоговое уведомление, платить, счет, брать в залог, штрафовать, быть в долгу, получить достаточно налогов, ущерб, (должны) взять деньги, вооруженное нападение, коварная атака, золото.

⁵ Ремесленник, гончар, копье, сапожник, портной, мастер, шить, шить брюки, закончить коллекцию, производственная авария, манекен, очень модный товар, продать, базар, на базаре, иметь выбор, хит продаж.

⁶ Ничего нет, деньги на моей земле принадлежат мне! / Замечательно, новый источник золота! / Отойдите все, я хочу сам посмотреть! / В моей сокровищнице я мог бы разместить еще много золота! / Клянусь Аллахом, здесь, кажется, лежит огромная сокровищница! / Я самый счастливый человек / Золота действительно никогда не может быть достаточно! / На поощение – моя сокровищница пуста! / Помогите мне, ребята, я стал бедным человеком в одночасье!

Во втором и четвертом выпусках *Dig, Dag und Dagedag bei Windstärke 12*⁷ (Диг, Даг, Дигедаг при силе ветра в 12 баллов), *Dig, Dag und Dagedag im Kampf gegen Piraten*⁸ (Диг, Даг, Дигедаг в борьбе против пиратов) герои и читатели отправляются в мореплавание. Подбор вербальных средств осуществляется относительно данной темы, включающей в себя компоненты: **корабль и его устройство** (*ein Schiff, ein Schiff in Sicht haben, das Schiff kommt, der Mast, der Mastkorb, die Flagge (erkennen), der Laderaum, das Bullauge, verfangen, der Waffenkammer, der Kahn, manövrierunfähig, das Steuerrad, die Ruderanlage (abbekommen), über die Reling springen, aus dem Bug holen*⁹); **члены корабля** (*der Käptn, der Kapitän, alle Mann*¹⁰); **питание и снаряжение** (*die Vorräte, ein Faß Rum, das Boot, das Rettungsboot, der rettende Kahn, die Strickleiter (hinaufsteigen), das Fernrohr, der Dolch, durchgucken, die Kette*¹¹); **пираты** (*eine Piratenflagge, der Seeräuber, das Räubervolk, ein Seeräuberschiff, die Bande (angreifen), (das Boot) kapern, das doppeltes Prisengeld, das Räubergut, ins Netz sperren, besiegt sein*¹²); **морской бой** (*Ein toller Kampf, die Kanonen in Stellung bringen, die Kugeln verpulvern, hinein ins Gefecht!, den Mast abknallen, sich ergeben, die Salve, schießen, abfeuern, außer Gefecht setzen, die Lanze werfen / schnappen, ein Seil binden, das Seil anschneiden, die Steuerung blockieren, Korn nehmen, einen schweren Kampf führen, ein grandioser Sieg*¹³); **морское путешествие** (*Romantisch, schön, eine Insel, an den Strand legen, auf ein Felsenriff treiben, am Riff zerschellen, auf dem Riff krabbeln, die Bergspitze*¹⁴).

Среди невербальных компонентов этого выпуска примечательным является полосный кадр, изображающий момент сражения с пиратами (рис. 3). Он несет отдельно воспринимаемую информацию и не требует словесного описания. Искры и черный дым символизируют взрыв боевого снаряда, а падающие в сторону пираты – достижение пушечным ядром цели, получение ранений или желание некоторых пиратов убежать и спастись.

Тема необитаемого острова раскрывается в нескольких выпусках комикса: *Dig, Dag, Dagedag und der überlistete Krake*¹⁵ (Диг, Даг и Дигедаг и обхитренный осьминог), *Dig, Dag,*

Рис. 3. Разгром пиратов
Fig. 3. Defeating the pirates

*Digedag und die grosse Explosion*¹⁶ (Диг, Даг, Дигедаг и большой взрыв), *Dig, Dag, Dagedag und die rasende Seemühle*¹⁷ (Диг, Даг, Дигедаг и Бушующее море), *Dig, Dag, Dagedag und das Urteil des Singongo*¹⁸ (Диг, Даг, Дигедаг и приговор Сингонго), *Dig, Dag, Dagedag und der Kampf um den Korsarenschatz*¹⁹ (Диг, Даг, Дигедаг и борьба за сокровище корсара), *Dig, Dag, Dagedag und der Aufruhr im Dschungel*²⁰ (Диг, Даг, Дигедаг и беспорядки в джунглях). В этих выпусках читатель знакомится с географическим положением острова и его ландшафтом, которые вызывают у главных героев восхищение и желание на нем жить (рис. 4).

Описание передается с помощью единиц *die gottverlassene Insel, unheimlich, märchenhaft, eine wirklich wundervolle Aussicht, ein Vulkan ist ausgebrochen, herrliche Farben, unheimliche Brocken, die Schattenspitze des Riffes,*

⁷ Hegen H. *Dig, Dag und Dagedag bei Windstärke 12*. Berlin, 1956. № 2. 32 S.

⁸ Hegen H. *Dig, Dag und Dagedag im Kampf gegen Piraten*. Berlin, 1956. № 4. 32 S.

⁹ Корабль, корабль в поле зрения, корабль приходит, мачта, платформа на марсе, распознать флаг, грузовой трюм, иллюминатор, поймать, помещение для оружия, лодка, маневренный, штурвал, получить рулевое устройство, прыгать через поручни, забрать из носовой части.

¹⁰ Капитан, капитан, все моряки.

¹¹ Запасы, бочка рома, лодка, спасательная лодка, спасательная шапка, веревочная лестница (подниматься), подозрительная труба, кинжал, подглядывать, цепь.

¹² Пиратский флаг, пират, разбойники, разбойничий корабль, (атаковать) банду, захватить (лодку), двойной выигрыш, разбойничий груз, заманить в сеть, быть побежденным.

¹³ Отличная битва, привести в боевую готовность пушки, растративать пули, в бой, расстрелять мачту, капитулировать, залп, произвести выстрел, вывести из строя, выбросить / захватить копье, привязать веревку, отрезать веревку, блокировать управление, взять на мушку, вести тяжелую борьбу, грандиозная победа.

¹⁴ Романтичный, красивый, остров, лежать на пляже, дрейфовать на риф, разбиться на рифе, вползти на риф, горная вершина.

¹⁵ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag und der überlistete Krake*. Berlin, 1957. № 6. 32 S.

¹⁶ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag und die grosse Explosion*. Berlin, 1957. № 7. 32 S.

¹⁷ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag und die rasende Seemühle*. Berlin, 1956. № 8. 24 S.

¹⁸ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag und das Urteil des Singongo*. Berlin, 1957. № 9. 24 S.

¹⁹ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag und der Kampf um den Korsarenschatz*. Berlin, 1957. № 10. 24 S.

²⁰ Hegen H. *Dig, Dag, Dagedag der Aufruhr im Dschungel*. Berlin, 1957. № 11. 24 S.

Рис. 4. Появление Дигедагов на острове
Fig. 4. The Digateds on the island

sandiger Boden²¹. Через призму героев и их деятельность на затерянном среди моря острове репрезентованы знания о том, **кто проживает на этом острове** (Sägefische, Haifische, eine Riesenkrake, Delphine, Leoparden, Löwen, Antilopen, Keiler / Eber, ein Geier, ein Nashorn / Rhinoceros, Insulaner²²), **чем занимаются жители острова** (ewig bleiben, so lange warten, bis mal ein Schiff aufkreuzt, umgucken, drinnen aussehen, gut ausbauen, ein Floß bauen, Lagerplatz bauen, Wasser finden, Feuer machen, Felle für neue Kleider, auf Jagd gehen, einen Spaziergang zum Strand machen, ein Schiff bauen, die Insel umfahren²³) и **какие у них обычаи и традиции** (Götzen nehmen, Häuptling Arakulk, mächtiger Sabamba, nur den guten Geistern verdanken²⁴).

В выпусках Dig, Dag, Digated und die Zirkuspremiere²⁵ Диг, Даг, Дигедаг и премьера циркового шоу), Dig, Dag, Digated im Wirbel des Tornados²⁶ (Диг, Даг и Дигедаг в вихре торнадо), Dig, Dag, Digated und der Anschlag auf den Zirkus²⁷

(Диг, Даг, Дигедаг и покушение на цирк) три героя создают цирк зверей из населявших остров животных и отправляются на специально сооруженном корабле на гастроли по всему миру. Здесь следует выделить следующие компоненты и их репрезентанты: **актеры цирка** (Zirkusdirektor, beim Zirkus bleiben, der geborene Artist, ein Solotänzer, die besten Dampfteure, Pinguine, Robben, Eisbären, fliegende Fische (Heringe), die Walrosse²⁸), **цирковое шоу** (jedes Kunststück können, Kunststücke zeigen, Tanzen war immer meine Stärke, die Ballettprobe, die Löwendressur, den Löwen dressieren, die wilden Tiere dressieren, in die Welt hinausfahren, in aller Welt sehen lassen, trommeln, die Attraktion, Vorstellungen geben, Vorstellung des Zirkus mit einem Meisterstück der Dressur, die Krokodilschaukl, die lebende Pyramide, mit Truppe im Kolosseum auftreten, ins Programm Nummer übernehmen, vollendete Artistik, der Riesenerfolg, großartig gefallen, zu einer Eröffnungsvorstellung einladen, eine zünftige Zirkusvorstellung geben, einzigartiges Salto, weiterproben, das Publikum, verehrte Zuschauer, verehrter Tribun, die Premiere, einige Proben aus unserem großen Programm, in den Zirkus gehen, Vorbereitungen für die Vorstellung²⁹), **цирковые предметы** (das Zirkusschiff, Garderoben, Manege, Orchesterbühne, Sitzplätze für 500 Personen, die Loge schmücken, Tribüne reservieren³⁰).

Изображения на кадрах комикса представляют некоторые цирковые трюки. Например, сидящие зебры с открытыми ртами поют, а аборигены, тянущиеся вверх руки, являются дирижерами и управляют процессом подготовки музыкального номера (рис. 5). Кадр ниже дает наглядную информацию о другом трюке, в котором главными цирковыми артистами стали слоны.

Другим познавательным и увлекательным сюжетом исследуемого комикса стоит признать путешествие Дигедагов в Древний Рим. Действие происходит в стране, славящейся могущественной **армией** (eine ganze Armee, Gladiatoren, sämtliche Gladiatoren für einen Schaukampf, die Orden, zur Geltung kommen, saubere Uniformen anziehen, den Ehrenplatz direkt neben dem Kaiser besitzen, Pünktlichkeit, Personen kürzen, den Kampf ansehen, die Kämpfer, Umsturzpläne unterstützen, die Generale sind Feuer und Flamme, von der Schlacht bei Eukalyptus erzählen, den Gegner angreifen, den Schlachtenplan im Kopf

²¹ Зброшенны остров, жутокый, сказочный, действительно замечательный вид, вулкан взорвался, великолепные цвета, жутокые глыбы, тень кончика рифа, песчаная почва.

²² Пилы, акулы, гигантский осьминог, дельфины, леопарды, львы, антилопы, дикий кабан / кабан, гриф, носорог / носорог, островитяне.

²³ Остаться навечно, пока корабль не появится, осматривать, выглядывать внутри, хорошо отстраивать, построить плот, построить склад, найти воду, огонь, шкуры для новой одежды, пойти на охоту, прогуляться до пляжа, построить корабль, объехать остров.

²⁴ Взять идола, вождя Аракульк, мощный Сабама, благодарить добрых духов.

²⁵ Hegen H. Dig, Dag, Digated und die Zirkuspremiere. Berlin, 1957. № 12. 24 S.

²⁶ Hegen H. Dig, Dag, Digated im Wirbel des Tornados. Berlin, 1957. № 13. 24 S.

²⁷ Hegen H. Dig, Dag, Digated und der Anschlag auf den Zirkus. Berlin, 1958. № 14. 24 S.

²⁸ Директор цирка, оставаться в цирке, прирожденный артист, сольный танцор, лучшие паровозы, пингвины, тюлени, белые медведи, летающие рыбы (сельди), моржи.

²⁹ Уметь делать любой трюк, показывать трюки, танцы всегда были моей сильной стороной, репетиция балета, дрессировка льва, дрессировать льва, дрессировать диких животных, отправиться в мир, показать всему миру, барабанить, аттракцион, давать представления, цирковое представление с шедевром дрессировки, качание крокодила, живая пирамида, выступить с группой в Колизее, внести в программу номер, завершенная акробатика, огромный успех, очень нравится, пригласить на открытие, дать зажигательное цирковое представление, уникальное сальто, дальше тренироваться, зрители, уважаемые зрители, уважаемые трибуны, премьера, некоторые пробные номера из нашей большой программы, ходить в цирк, подготовка к представлению.

³⁰ Цирковой корабль, гардеробы, манеж, оркестровая сцена, посадочные места на 500 человек, украшать ложу, бронировать трибуну.

Рис. 5. Подготовка и репетиция цирковых трюков
Fig. 5. Rehearsing circus tricks

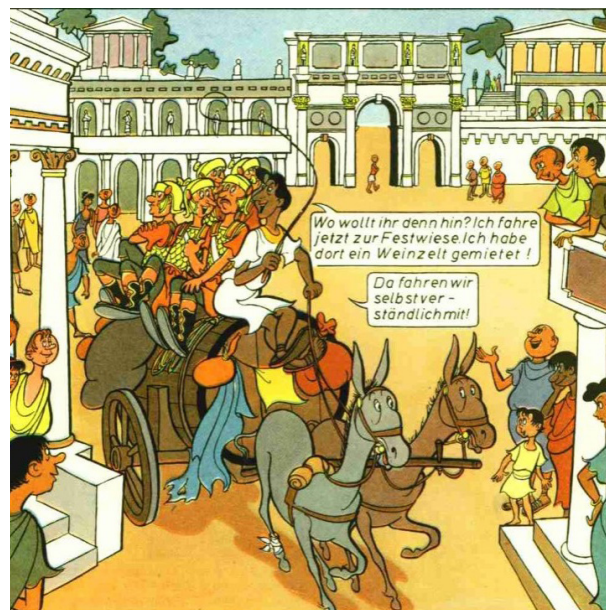

Рис. 6. Приезд в Рим
Fig. 6. Arrival in Rome

haben, die Truppen alarmieren, das historische Zeichen geben, in die belagerte Hauptstadt eindringen, Sturmkolonnen, ein Gewaltmarsch, Militärtransport halten, die Verpflegungskontrolle, Truppenteile kontrollieren, Tagesbefehl unseres ruhmgekrönten Kaisers, die ganze gallische Standardentruppe³¹), известнейшими **достопримечательностями** (der Hafen von Rom, der mächtige Stadt der Welt, Marcellusplatz, eine seltsame Brücke, der Kasernenhof, ein Denkmal setzen, das schönste Denkmal alter Zeiten enthüllen³²), **справедливым правительством и жителями** (Kaiser, die Herren Generale, auf dem Thron helfen, einen anderen Kaiser suchen, der Kaiser aus Rom verbrennen, das Marmorbild eures geliebten Kaisers auf einer Höhe, Bürger von Rom, Flavius, Centurio Barras, Direktor vom Kolosseum, Direktor Julius Gallus, Marcus Barras, die Strolche, Sklaven haben³³). Все это описывается и изображается в выпусках *Dig, Dag, Digedag und das verhängnisvolle Gastmahl*³⁴ (Диг, Даг, Дигедаг и роковой банкет), *Dig, Dag, Digedag und die Verschwörung*³⁵ (Диг, Даг, Дигедаг и заговор), *Dig, Dag, Digedag und der Angriff aus der Luft*³⁶ (Диг, Даг, Дигедаг и атака с воздуха),

*Dig, Dag, Digedag und die Siegesfeier*³⁷ (Диг, Даг, Дигедаг и празднование победы). Большой объем информации передается через графику комикса. В комиксе появляются изображения самого города и его строений, расположенные в основном на заднем плане (рис. 6).

Технические и естественнонаучные знания читателей расширяются благодаря, например, оригинальному сюжету выпуска *Die Digedags und die Entführung ins All*³⁸ (Дигедаги и похищение в космосе), когда главные герои и один ученый античного Рима случайно попадают на космический корабль чужеземцев. Х. Хеген в своем комиксе креативно представляет научные факты о космическом пространстве простым, ненаучным языком. Противостояние античного и современного сознания наблюдается через разговор двух ученых, в котором выдвигаются споры о том, двигаются ли планеты вокруг солнца или же наоборот; похожа планета Земля на шар или на диск. Все это выражается лексическими единицами *ein wissenschaftlicher Eifer in allen Ehren, meine Berechnungen stimmen, welch eine glänzende Bestätigung*

³¹ Целая армия, гладиаторы, все гладиаторы для показательного боя, орден, предстать в выгодном свете, надеть чистую униформу, занимать почетное место рядом с императором, пунктуальность, сократить количество человек, смотреть бой, бойцы, поддерживать планы переворота, генералы – это огонь и пламя, рассказывать о битве у эвкалипта, атаковать противника, иметь в голове боевой план, поднять по тревоге войска, подать исторический знак, проникать в осажденную столицу, штурмовая колония, марш-бросок, удерживать военный транспорт, контроль питания, контролировать воинские части, распорядок дня нашего славного императора, весь галльский знаменитый отряд.

³² Порт Рима, могущественный город в мире, площадь Марцелла, странный мост, казарменный двор, поставить памятник, открыть самый красивый памятник древних времен.

³³ Императоры, господа генералы, помочь найти другого императора на трон, выгнать императора из Рима, мраморный образ вашего любимого императора на высоте, граждане Рима, Флавий, Центурион Баррас, руководитель Колизея, руководитель Юлий Галлус, Маркус Баррас, бродяги, иметь рабов.

³⁴ Hegen H. *Dig, Dag, Digedag und das verhängnisvolle Gastmahl*. Berlin, 1958. № 16. 24 S.

³⁵ Hegen H. *Dig, Dag, Digedag und die Verschwörung*. Berlin, 1958. № 17. 24 S.

³⁶ Hegen H. *Dig, Dag, Digedag und der Angriff aus der Luft*. Berlin, 1958. № 18. 24 S.

³⁷ Hegen H. *Dig, Dag, Digedag und die Siegesfeier*. Berlin, 1958. № 19. 24 S.

³⁸ Hegen H. *Die Digedags und die Entführung ins All*. Berlin, 1958. № 25. 24 S.

meiner Theorie, nach meiner Berechnung, eine Probe von diesem Gas, Die Erde ist eine Kugel? Unsere Gelehrten sagen doch, sie wäre eine Scheibe, diese Lehre stammt auch von Ptolemäus, der ein großer Gelehrter in Alexandria war, an einer Zwiebel erklären, heute weiß bei uns jedes Kind, dass sich die Planeten stets um ihre Sonne bewegen, ein echter Wissenschaftler³⁹. Вместе с героями читатели попадают на космический корабль и знакомятся с его устройством. Вербально это передается через единицы *ins Raumschiff bringen, in der Zentrale unseres Weltraumschiffes, Steuerzentrale und Kommandoraum, Kommandantenkabine, astronautische Rechenzentrale, elektronischer Rechenautomat, Operationssaal, astronomische Kamera, Speisesaal, Zahnstation, Aufenthaltsräume, Erkundungsrakete, Lastaufzug, Luftschleuse, Werkstätten, Fahrzeuggaragen, Mannschaftskabinen, Raumzüge, Personenaufzug, Gärtnerei, Algenzucht, leitender Ingenieur, Triebwerk, Reaktor*⁴⁰, невербально – через кадр-разворот, изображающий план-конструкцию корабля с четкими подписями существующих отделов и помещений. На этом большом корабле они совершают полет в космическое пространство, что словесно репрезентовано через выражения *Dieser Planet ist bewohnt, die Lebewesen den Bewohnern unseres Planeten ähnlich ist, nicht bewegen können, keine Luft kriegen, zehn Zentner wiegen, kein Gewicht haben, durch den Weltraum fliegen, die große Kugel ist euer Planet, unser Heimatplanet, zu einem der benachbarten Sonnensysteme, Position Nähe vierter Planet, durch das Weltall*⁴¹. На этом корабле выполняются различного рода космические задачи: *den Meteor entdecken, mit der Rakete starten, Raumschiff, Raumschiff rufen, Kurs und Geschwindigkeit beibehalten, zum Weiterflug starten, die Startbeschleunigung überstehen, Luftschleuse für Landrakete öffnen, zum Mond fliegen, den Kurs für den Mondanflug berechnen, eine neue Probe von der Mondatmosphäre holen, Landung auf dem Mond, den Raumzug anziehen, einen Panzer anziehen*⁴². Благодаря объяснению капитана корабля Дигдаги и, соответственно, читатели узнают, как космическому кораблю удается взлететь и отправиться в открытый космос, о возникновении лунных кратеров, роли скафандра в космическом пространстве и о бережном к нему отношении.

Рис. 7. Капитан объясняет принцип отдачи

Fig. 7. The captain explains the recoil principle

Словесный текст дополняется простой нарисованной схемой (рис. 7). Научные факты излагаются в примитивной, доступной для понимания форме, ориентированной на маленьких читателей.

Стилистический анализ комикса

В целом стоит отметить в тексте немецкого комикса разнотипную в стилистическом отношении лексику, включающую **книжную** (*der Steuereintreiber, der Steuerbescheid, die Rechnung, pfänden, strafen, der Schaden, der bewaffnete Angriff, der Betriebsunfall, heimtückischer Angriff, ein grosser Schlager, der Verkaufsschlager*⁴³), **нейтральную** (*der Sultan, der Harem, der Turban, die Truppe, zufrieden sein, von Allah verneigen, der Schatz, der Riesenschatz, die Steuern, bezahlen, die Rechnung, schulden, das geraubte Geld, der Handwerker, der Töpfer, der Schneider, der Meister, schaffen, nähen, annähen, verkaufen, der Gartenzwerg, der Geister, beschweren, prächtig, wunderbar, kläglich*⁴⁴), а также **разговорную** (*Gucken, Nachgucken, Pinseln, Fehlgeschlagen, Nix, Totlachen, der Spitzbube, Schleppen, Zulangen, Aufkreuzen, Reissen, ich Werde Zeigen, was eine Harke ist*⁴⁵), **унизительную**

³⁹ Научное рвение во всех почестях, мои расчеты верны, какое блестящее подтверждение моей теории, по моему расчету, образец этого газа, Земля – это сфера? Наши ученые говорят, что это диск, это учение также происходит от Птолемея, один из великих ученых в Александрии, объяснить на луковиче, сегодня знает каждый ребенок, что планеты всегда движутся вокруг солнца, настоящий ученый.

⁴⁰ Принести в космический корабль, в Штаб-квартире нашего космического корабля, центр управления и каюта командира, астрономический вычислительный центр, электронный вычислительный автомат, операционный зал, астрономические камеры, столовая, зубная станция, комнаты отдыха, разведочная ракета, грузовой лифт, воздушный замок, мастерские, гаражи, каюты экипажа, космические поезда, пассажирский лифт, садоводство, разведение водорослей, старший инженер, двигатель, реактор.

⁴¹ Эта планета населена, живые существа похожи на обитателей нашей планеты, не смочь двигаться, не получать воздух, не весить десять центнеров, не иметь веса, лететь через космос, большой шар – это ваша планета, наша родная планета, к одной из соседних солнечных систем, позиция рядом с четвертой планетой, через космос.

⁴² Открыть метеорит, запустить ракету, космический корабль, вызвать космический корабль, сохранить курс и скорость, продолжить полет, пережить ускорение запуска, открыть шлюз для наземной ракеты, лететь на Луну, рассчитать курс для лунного полета, получить новый образец из атмосферы Луны, посадка на Луну, надеть космический костюм, надеть скафандр.

⁴³ Сборщики налогов, налогообложение, счет, брать в залог, штрафовать, ущерб, вооруженное нападение, несчастный случай на производстве, вероломное нападение, хит продаж, самый лучший продавец.

⁴⁴ Султан, гарем, турбан, отряд, быть довольным, кланяться Аллаху, сокровищница, гигантская сокровищница, налоги, платить, счет, долг, похищенные деньги, ремесленник, гончар, портной, мастер, создать, шить, зашивать, продавать, садовый гном, призраки, жаловаться, великолепный, замечательный, жалкий.

⁴⁵ Смотреть, осматривать, смазывать, безуспешный, ничего, умирать со смеху, плут, тащить, брать, появиться, разорвать, я покажу вам кузькину мать.

(*der Laufbursche, der Scherge, der Dicke*⁴⁶), **шутливую** (*ihr Bruder, Chef, Leute, Kinder, Mensch, Männer*⁴⁷), **ругательную** (*Ihr Schurken, ihr Unwürdigen, Donnerwetter*⁴⁸) и **устаревшую** (*das Gefolge, der Basar, der Schatzkammer*⁴⁹). Х. Хеген целенаправленно использует разноплановую лексику, чтобы его текст воспринимался читателями легко и недвусмысленно. Шутливая и ругательная лексика применяется для придания комического эффекта происходящим ситуациям и пренебрежительного отношения к некоторым героям комикса. Автор намеренно нарушаются принятые литературные нормы, диктующие применение в основном нейтральной и книжной лексики.

Автор прибегает к таким лингвокреативным средствам выражения, как **гипербола** (*Mein neuntes Weltwunder / Ich lach mich tot*⁵⁰), **аллюзия** (*die letzten der Mohikaner*⁵¹), **метафора** (*wir haben doch keinen Dachschaden / Hasch mich, ich bin der Frühling / ich hab den Drehwurm / ein schwarzer Tag*⁵²), **шутка** (*soviel Bewegung hat mir der Arzt wiederum nicht verschrieben / Sultan, jetzt hilft nur Aspirin... und 25 m Hansaplast / beeil dich, die Fahrt ist kostenlos / Dig, du blockierst unseren ganzen Rückweg*⁵³), **сравнение** (*genau wie der fliegende Holländer / sieht wie ne Wasserpfeife aus*⁵⁴).

Глагольных форм немного, в основном они настоящего времени: *der Sultan hat aber heute gute Laune! / Huch, das Gefolge des Sultans kommt schon wieder, jetzt aber nix wie weg! / Wir nehmen den Kampf auf! / Nichts da, Geld auf meinem Grund und Boden gehört mir! / Bei Allah, hier scheint ja ein Riesenschatz zu liegen*⁵⁵. Данные примеры показывают, что действие или событие происходит именно в тот момент, когда читатель погружен в чтение комикса и находится в тех же временных координатах, что и герои. Это позволяет ему находиться в центре событий, проживать то, что происходит в кадре в данный момент.

Следует отметить большое количество глаголов в повелительном наклонении, наличие которых объясняется

определенной ситуацией: приказы султана, команды капитана корабля, побуждение к действию других лиц, различного рода пожелания: *Bleibt uns ja vom Halse! / Na, raus damit! / Leute, helf mir! Ich hänge vollkommem in der Luft! / Du, Dag, ich brauch mal schnell deine Hilfe! / Oooh, Ali, Ali, der Sultan will schon wieder neue Steuern! / Platz da! / He, bleibt doch stehen, ihr seid verhaftet! / Hört ihr Schweiger? Ihr sollt stehenbleiben! / Mach schnell, sie kommen schon! Alles auf Stationen! Wir starten*⁵⁶.

Среди синтаксических особенностей отметим наличие разговорных конструкций с инверсией – нарушением порядка слов в восклицательном предложении (*War die Flüssigkeit die Ursache!*), отсутствие подлежащего ([Es] *Sieht aus wie 'ne Wasserpfeife* / [Er] *Spricht in Rätseln!* / [Ich] *Bin müde!*), отсутствие сказуемого или его части (*Ist gut, Dig, und ich [gehe] zu Achmed, dem Schneider / Na, Chef, [bist] zufrieden? / Wohin [fahren] jetzt?*⁵⁷). Функционирование придаточного предложения без главного также типично для разговорных конструкций: *Ob das was nützt? / Ob wir auch mit suchen sollen? / Ob hier ein Schatz vergraben wurde?*⁵⁸ Вызывают интерес восклицательные предложения, не относящиеся к передаче повелительного наклонения, а используемые для эмоционального выражения восторга, радости или гнева, удивления: *Na, dreimal darfst du raten! / Ich habe doch alle Steuern schon bezahlt! / Passt auf, ich habe ne Idee! / Gerne, gerne, denn allein schaffe ich nicht viel! / Ach du meine Güte, mein bestes Stück! / Ich ersetze die Modepuppe! / Wunderbar! / Als Gartenzwerg macht sich der Dagedag eigentlich ganz gut! / Schicke Idee! / Oh, sind die prächtig! Unbekanntes Raumschiff in Not! S–O–S aus dem Weltall!*⁵⁹ Удивление, восторг, ликование передается также через синонимичный ряд *Bravo, Wunderbar, Unwahrscheinlich, Herrlich, Phantastisch, Doll, Enorm*⁶⁰. Благодаря широкому использованию синонимов автор не только избегает повтора, но и всякий раз по-новому характеризует предмет описания, выражая свое отношение к нему.

⁴⁶ Мальчик на побегушках, приспешник, толстяк.

⁴⁷ Вы – братья, босс, люди, дети, человек, мужчины.

⁴⁸ Вы – негодяй, вы – недостойные.

⁴⁹ Дружина, базар, сокровищница.

⁵⁰ Мое девятое чудо света / я умираю со смеху.

⁵¹ Последний из могикиан.

⁵² У нас не поехала крыша (мы не сумасшедшие) / слови меня, я весна / у меня голова идет кругом / черный день.

⁵³ Столько движения мне врач не прописывал / Султан, сейчас поможет только аспирин и... 25 м пластыря Ганза / поторопись, поездка бесплатна / Диг, ты блокируешь весь наш обратный путь.

⁵⁴ Как летающий голландец / выглядит как кальян.

⁵⁵ У султана сегодня хорошее настроение! / Фу, дружина султана уже возвращается, но теперь не уйти! / Мы начинаем бой! / Ничего нет, деньги на моей земле принадлежат мне! / Клянусь Аллахом, здесь, кажется, лежит огромная сокровищница!

⁵⁶ Оставьте нас в покое! / Ну, выходи! / Ребята, помогите мне! Я полностью повис в воздухе! / Ты, Даг, мне нужна твоя помощь! / Ооо, Али, Али, султан хочет новых налогов! / Места! – Эй, остановитесь, вы арестованы! / Вы слышите, молчуны? Вы должны стоять! / Быстро, они уже идут! Все на станции! Мы начинаем!

⁵⁷ Жидкость была причиной, [она] похожа на кальян / [он] говорит в загадках! / [Я] устал, хорошо, Диг, а я [пойду] к Ахмеду, портному – Ну, босс, [ты] доволен? / Куда сейчас [ехать]?

⁵⁸ Полезно ли это? / Мы тоже должны искать? / Захоронено ли сокровище?

⁵⁹ Ну, угадай три раза! / Я уже заплатил все налоги! / Внимание, у меня есть идея! / С удовольствием, с удовольствием, потому что в одиночку я не справлюсь! / О, боже мой, мое лучшее произведение! / Я замену манекен! / Замечательно! / Как садовый гном Дигедаг на самом деле очень хорош! / Шикарная идея! / О, они великолепны! / Неизвестный космический корабль в беде! S–O–S из космоса.

⁶⁰ Bravo, замечательно, маловероятно, великолепно, фантастически, сногшибательно, колоссально.

Посредством междометий *hoppla, he, ha, na, oooh, hi hi hi, hihi, oh, huch, iiiiii, ei⁶¹*, причисляемых к вербальному компоненту комикса, нагляднее и точнее передаются эмоции героев на застывшем кадре – смех, удивление, раздражение или недоумение.

Заключение

Как показывает анализ использованных языковых и неязыковых средств и особой организации текста комикса *Dig, Dag, Dgedag*, креативность автора проявляется в оригинальном уникальном сюжете комикса, использовании нейтральной и разговорной лексики для правильного и легкого восприятия текста, употреблении глаголов настоящего времени, позволяющих переживать описываемые и представленные на рисунке события, действия и двигаться вместе с героями комикса, повелительного наклонения, задающего характер отношений подчиненного и главного, и восклицательных предложений для эмоционального выражения восторга, удивления, злости и др. Х. Хеген освещает темы существования исламского и античного государств, где правит султан /

кайзер, поведения правителей и командиров по отношению к своим подчиненным и жителям, жажды денег, которая влечет постоянный, порой несправедливый, сбор налогов и организованные заговоры. Основной линией, вычленяемой из всего текста, выступает тема дружбы и поддержки друзей, взаимовыручки и помощи нуждающимся. Все языковые элементы и структура текста направлены на то, чтобы читатель смог распознать данные темы и понять замысел автора. Ирония, шутки, нелепые и смешные ситуации делают комикс креативным и интересным для читателя.

Невербальным выражением креативного сюжета выступает графика комикса. Через кадры и картинки у читателя визуализируется античный мир, космический корабль, его устройство, наглядно реализуется внешний вид капитана морского и космического кораблей, моряков и пиратов. Несколько ярких кадров комикса изображают морское сражение и гладиаторские бои, что практически исключает их вербальное описание. Именно так читатель нагляднее и быстрее получает определенные знания о технике, военном и морском деле.

Литература

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / общ. ред. и сост. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297–319.
2. Groensteen T. Why are comics still in search of cultural legitimization? // A Comics Studies Reader. University Press of Mississippi, 2009. P. 3–12.
3. МакКлауд С. Понимание комикса. М.: Белое яблоко, 2016. 216 с.
4. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5. С. 74–85.
5. Ейкалис Ю. А. Современный немецкоязычный комикс: вербальный и иконический компоненты. Самара: Инсома-пресс, 2018. 159 с.
6. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002. 219 с.
7. Нефёдова Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2010. № 1. С. 4–9.
8. Столярова Л. Г. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в текстах французских комиксов (на материале комиксов серии «Астерикс»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 23 с.
9. Большакина Л. М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка / отв. ред. А. М. Шахнарович. М.: ИЯ, 1987. С. 167–172.
10. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. С. 173.
11. Ворошилова М. В. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. № 1. С. 75–80.
12. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 237 с.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
14. Белова Т. М. Комиксы как средство выражения этнокультурных стереотипов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-3. С. 132–136.
15. Дмитриева Д. Г. Феномен американского супергероя в контексте визуальной культуры XX века: дис. ... канд. наук культурологии. М., 2014. 218 с.
16. Дмитриева Д. Г. Век супергероев: истоки, история, идеология американского комикса. М.: Изотека, 2015. 317 с.
17. Ейкалис Ю. А. Дискурс комикса: специфика синтаксического оформления речи персонажей // Эволюция и трансформация дискурсов / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Самара: Изд-во Самарского ун-та. 2017. Вып. 2. С. 60–67.
18. Коровушкин В. П., Фалоджу Дж. О. Лингвокреативный потенциал нигерийско-английского пиджина как проявление современной социально-языковой ситуации в Нигерии // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2013. № 3. С. 32–42.

⁶¹ Опля, хе, ха, ну, оооо, хи хи хи, хихи, фу-ты, иинии, эй.

19. Базилевич В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-3. С. 20–22.
20. Галкина А. В. Овладение лингвистической креативностью в контексте овладения иностранным языком // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 10. С. 158–164.
21. Gardner H. E. *Creating minds: an anatomy of creativity as seen through the lives of Freud, Einstein, Picasso, Stravinsky, Eliot, Graham, and Gandhi*. N. Y.: Basic Books, 1993. 608 p.
22. Ward T. B., Saunders K. N. *Creativity // Torrance tests of creative thinking* / ed. Torrance E. P. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 1974. P. 3448–3455.
23. Лингвистика креатива – 2 / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2012. 379 с.
24. Купина Н. А. Креативы в речи детей // Уральский филологический вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». 2012. № 3. С. 140–144.
25. Голованова Л. Н., Панкратова Е. Н. Лингвокреативность как свойство языкового сознания личности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (дата обращения: 31.07.2019).
26. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основы теории номинализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 53 с.
27. Мукарежовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок / ред. и сост. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 406–432.
28. Болдарева Е. Ф. Языковая игра как форма выражений эмоций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 21 с.
29. Пономарева Г. В. Каламбур как форма реализации языковой игры в англоязычной персуазивной коммуникации в аспекте перевода: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 151 с.
30. Карл Н. Н. Метафорический аспект репрезентации категории качества в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 190 с.

Linguacreative Foundations of the German Comic Book "Dig, Dag, Digatedag"

Elena A. Engel^{a, @, ID}; Marina V. Deneko^a

^a Industrial University of Tyumen, 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000

@ engelkind@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-4472-6922>

Received 08.08.2019. Accepted 11.10.2019.

Abstract: The paper features linguistic and creative foundations in the German comic book "Dig, Dag, Digatedag". Modern linguacultural, cognitive studies, and discursive practices are aimed at studying comics, which are a series of drawings with brief accompanying texts. However, comic books consist of two components – verbal and nonverbal, which means that graphic novels and strips have linguacreative foundations. The author performed philological and semiotic analyzes to identify the linguistic and creative foundations of the German comic book. The algorithm of the philological analysis included literary description of the time and place, the most original and interesting scenes in several editions, lexical expressive means and stylistic devices. The semiotic analysis featured the graphics related to the non-verbal component. The linguistic and creative foundations of the comic are manifested in original plots that allow its readers to escape from everyday and political problems through fun, exciting, and informative trips to Ancient Rome, Sicily, ancient Arab countries, the Moon and Mars, as well as to an uninhabited island. The carefully selected scientific and mundane knowledge is transmitted through verbal means and comic book graphics, making young readers expand their horizon. The use of such tools as hyperbole, metaphor, pun, as well as diverse vocabulary within the text of the comic, also suggests linguistic creativity of the German comic book "Dig, Dag, Digatedag".

Keywords: creolized text, linguistic creativity, linguistic creative means, linguistic analysis, semiotic analysis

For citation: Engel E. A., Deneko M. V. Linguacreative Foundations of the German Comic Book "Dig, Dag, Digatedag". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 1139–1149. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1139-1149>

References:

1. Barthes R. Rhetoric of the image. *Selected works. Semiotics. Poetics*, ed. and comp. Kosikova G. K. Moscow: Progress, 1989, 297–319. (In Russ.)
2. Groensteen T. Why are comics still in search of cultural legitimization? *A Comics Studies Reader*. University Press of Mississippi, 2009, 3–12.
3. McClaud S. *Understading comics*. Moscow: Beloe Iabloko, 2016, 216. (In Russ.)
4. Anisimova E. E. On the integrity and connectedness of the creolized text (problem statement). *Filologicheskie nauki*, 1996, (5): 74–85. (In Russ.)
5. Eykalis Yu. A. *Modern German-language comic book: verbal and iconic components*. Samara: Insoma-press, 2018, 159. (In Russ.)
6. Kozlov E. V. *Comics as a phenomenon of linguistic culture: sign – text – myth*. Volgograd: Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 2002, 219. (In Russ.)
7. Nefyodova L. A. Cognitive peculiarities of comic strips as creolized texts. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2010, (1): 4–9. (In Russ.)
8. Stolyarova L. G. *Verbal and non-verbal components of communication in the texts of French comics (based on the comics of the "Asterix" series)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2012, 23. (In Russ.)
9. Bolshiianova L. M. The external organization of a newspaper text of a multicode nature. *Types of communication and the substantial aspect of the language*, ed. Shakhnarovich A. M. Moscow: Ila, 1987, 167–172. (In Russ.)
10. Valgina N. S. *Text theory*. Moscow: Logos, 2003, 173. (In Russ.)
11. Voroshilova M. B. Creolized text: aspects of study. *Politicheskaya lingvistika*, 2007, (1): 75–80. (In Russ.)
12. Poimanova O. V. *Semantic space of video-verbal text*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1997, 237. (In Russ.)
13. Sorokin Iu. A., Tarasov E. F. Creolized texts and their communicative function. *Speech Optimization*, ed. Kotov R. G. Moscow: Nauka, 1990, 180–186. (In Russ.)
14. Belova T. M. Comics as means of expressing ethnocultural stereotypes. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-3): 132–136. (In Russ.)
15. Dmitrieva D. G. *The phenomenon of the American superhero in the context of visual culture of the XX century*. Cand. Culturology Sci. Diss. Moscow, 2014, 218. (In Russ.)
16. Dmitrieva D. G. *Century of superheroes: origins, history, and ideology of the American comic strip*. Moscow: Izoteka, 2015, 317. (In Russ.)
17. Eykalis Yu. A. Comic discourse: specifics of the syntactic design of the characters' speech. *The evolution and transformation of discourses*, eds. Dubinin S. I., Shevchenko V. D. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2017, iss. 2, 60–67. (In Russ.)
18. Korovushkin V. P., Falodzhu J. O. Linguocreative potential of Nigerian Pidgin English as an evidence of the present socio-language situation in Nigeria. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya "Iazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa"*, 2013, (3): 32–42. (In Russ.)
19. Bazilevich V. B. Language game as form of linguistic creativity manifestation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (8-3): 20–22. (In Russ.)
20. Galkina A. V. Mastering of linguistic creativity in the context of mastering a foreign language. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2011, (10): 158–164. (In Russ.)
21. Gardner H. E. *Creating minds: an anatomy of creativity as seen through the lives of Freud, Einstein, Picasso, Stravinsky, Eliot, Graham, and Gandhi*. N. Y.: Basic Books, 1993, 608.
22. Ward T. B., Saunders K. N. Creativity. *Torrance Tests of Creative Thinking*, ed. Torrance E. P. Bensenville, IL: Scholastic Testing Service, 1974, 3448–3455.
23. *Creative Linguistics – 2*, ed. Gridina T. A. Ekaterinburg: Uralskii gos. ped. un-t, 2012, 379. (In Russ.)
24. Kupina N. A. Units of a creative text in children's speech. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya "Iazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa"*, 2012, (3): 140–144. (In Russ.)
25. Golovanova L. N., Pankratova E. N. Lingvocreativity as an attribute of consciousness transformation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (3). Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20288> (accessed 31.07.2019). (In Russ.)
26. Iriskhanova O. K. *Linguacreative foundations of the theory of nominalization*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 53. (In Russ.)
27. Mukarzhovskii Ia. Literary language and poetic language. *Prague Linguistic Circle*, ed. and comp. Kondrashov N. A. Moscow: Progress, 1967, 406–432. (In Russ.)
28. Boldareva E. F. *Language game as a form of expression of emotions*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2002, 21. (In Russ.)
29. Ponomareva G. V. *Pun as a form of realization of a language game in English-language Persuasive communication in the aspect of translation*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2009, 151. (In Russ.)
30. Karl N. N. *The metaphorical aspect of the representation of the quality category in modern German*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2006, 190. (In Russ.)

Указатель статей, изданных за 2019 г. в журнале «Вестник КемГУ»

	Стр.	№
История и археология		
Абдусаламов М.-П. Б. Торговая переписка кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан)	881	4
Аронов Д. В., Жилева С. К. Конституция А. И. Гучкова – праволиберальный проект основного закона Российской империи или черновик партийной программы?	890	4
Атантаева Б. Ж., Мамаева Г. Е. Источники по истории хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев на территории Семипалатинской области (по материалам Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области г. Семей)	297	2
Боголепова Л. З., Белоусова Н. А. Собрания музея Кемеровского государственного университета как основа для научной реконструкции национального телеутского женского костюма	1	1
Боровикова З. В. Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области в 1946–1950 гг.	303	2
Вальков И. А. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии	574	3
Гаврилов С. В. Феномен Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской глазами историка-народника В. И. Семевского	898	4
Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будаичев А. А., Абиев А. К., Абдулаев А. М., Магомедов Ю. А. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента	10	1
Гарбарт М. И. Основные источники «мягкой силы» КНР в Латинской Америке на современном этапе	907	4
Генина Е. С., Каймашикова Е. Б. А. Р. Розенберг: «дело врачей» в Сталинском государственном институте для усовершенствования врачей (1953)	915	4
Докучаева И. Г. Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)	585	3
Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н. Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в.	924	4
Земцов Б. Н. Политика царского правительства по отношению к этническим регионам России (XVI–XIX вв.)	595	3
Зиняков Н. М. Исторические предпосылки образования и развития средневековых городов Семиречья и Южного Казахстана	932	4
Зиняков Н. М. Эволюция технологии земледелия как фактор становления и развития средневековых городов Южного Казахстана и Семиречья	606	3
Казаков А. А., Ситников С. М. Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край)	20	1
Карпинец А. Ю. Миграционные процессы на кабинетских землях Кузбасского региона к концу XIX в.	313	2
Карпинец А. Ю. Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в.	321	2
Куулар А. И. К вопросу об идентификации некоторых каменных изваяний Тувы	327	2
Лупанова Е. М. Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в.	614	3
Мартынов А. И. Археология: вузовский учебник и наука (к 45-летию публикации учебника: Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1973)	940	4
Мартынов А. И., Сивина К. Н., Мещерский Р. Д. Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних Святилищ	626	3
Мартюшев А. В. Малая Антанта в отечественной историографии	336	2

	Стр.	№
Овчинников В. А. Роль учебно-показательных мастерских в развитии профессионально-технического образования и подготовки кадров для кустарной промышленности Томской губернии в начале XX в.	948	4
Онищенко С. С., Герман П. В., Девяшин М. М., Сидельникова А. Н. Зооархеологическая коллекция большепечугинского курганного могильника (по материалам раскопок 2013 и 2016 гг.)	26	1
Павлюкевич Р. В. Мясная промышленность Красноярского края в 1956–1965 гг.	342	2
Плац И. А. Историография андронидных культур Приобья	353	2
Прищеп Е. В. Историография и источники о развитии жилищ хакасов и русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII–XXI вв.	635	3
Савельева А. С. Перспективы поиска объектов горного дела древности на севере Кузнецкого Алатау	644	3
Сайберт В. О. Основные этапы и особенности изучения городищ I тыс. н. э. лесостепного Алтая	654	3
Салихова А. Б. К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане	365	2
Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии	663	3
Шевнина И. В. Керамический комплекс неолитической стоянки Екидин 24	37	1
Психология		
Айзман Н. И. Структура, функции и уровень сформированности сексуальности у студенток вуза	44	1
Бакушкина Н. И., Рогачева Т. В. Анализ нейроразвития детей со средней и легкой степенью недоношенности в раннем возрасте с помощью шкал Бейли (третья редакция)	56	1
Белогай К. Н. Представления о своем теле у женщин в период средней зрелости	375	2
Борисенко Ю. В. Опыт применения психолого-педагогических технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству	674	3
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Бородин Ю. В., Терехина О. В., Ульянич А. А. Особенности личностной и этнической идентичности студентов в аспекте кросскультурного сравнения	962	4
Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. Деформация свойств системы идентичности в процессе профессионального выгорания специалистов деонтологического профиля	685	3
Волкова О. В. Перспективы внедрения системы профилактики выученной беспомощности в процессе подготовки специалистов помогающих профессий	384	2
Духновский С. В. Особенности межличностных отношений государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности	66	1
Евсеев Е. В. Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков	74	1
Елисеева Н. Д. Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках	695	3
Иванов М. С. Угрозы идентичности в системе отношения к личной безопасности	974	4
Кабрин В. И., Выскочков В. С., Прудовиков И. О., Ткаченко А. Ю. Исследование возможностей метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики для достижения измененных состояний сознания	395	2
Кадыров Р. В., Капустина Т. В., Дозакина В. А., Исаева Т. С. Особенности социальной тревожности при аффективных расстройствах личности	707	3
Куфтяк Е. В., Тихонова И. В. Социокультурные факторы психического здоровья детей младшего школьного возраста	716	3
Логинова И. О., Севостьянова М. С. Особенности устойчивости жизненного мира спортсменов высокой квалификации с различной профессиональной успешностью: сравнительный анализ	87	1
Мазуркевич А. В. Методологические возможности системного и синергетического подходов к изучению проектного мышления	982	4

	Стр.	№
Марин Е. Б. Образы представителей России и США у российской молодежи	101	1
Марин Е. Б., Цой С. Ю. Ценностно-мотивационные факторы удовлетворенности трудом сотрудников системы здравоохранения	726	3
Нелюбин Н. И. Прологомены к системно-антропологической теории мышления	112	1
Оюунсүрэн Ж., Ермолаев В. В. Счастливая семья: кросс-культурный анализ представлений российской и монгольской молодежи	989	4
Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. Психический процесс в социальной перцепции	403	2
Плотникова А. В., Глоzman Ж. М. Бригадный подход к диагностике и коррекции трудностей обучения в общеобразовательной начальной школе	998	4
Погодаева М. В., Чепурко Ю. В., Молокова О. А. Факторы профессионального стресса врачей и возможности повышения адаптивности к ним на этапе обучения в вузе	1005	4
Помуран Н. Н., Кириченко Е. Н. Специфика формирования межкультурной чувствительности у студентов-лингвистов	414	2
Проскуракова Л. А. Нарушение пищевого поведения и риск его развития у студентов в зависимости от уровня личностной тревожности	121	1
Проскуракова Л. А., Налимова Т. А. Опыт психолого-педагогической коррекции ридингфобии у детей младшего школьного возраста: методические и нейрофизиологические аспекты	1014	4
Савеньшиева С. С., Головей Л. А., Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю. Самоактуализация, психологическое благополучие и повседневный стресс в период взрослости	130	1
Самойлик Н. А. Содержательно-динамические характеристики профессионально-ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций ФСИН России	741	3
Скорова Л. В., Черникова Е. В. Методика исследования компонентов психологической медиакомпетентности родителей младших школьников	141	1
Смирнова Я. К. Имитация и способность формировать социальный опыт на основе модели психического в дошкольном возрасте	751	3
Солодухин А. В. Игровая платформа как инструмент психологической коррекции когнитивных нарушений у пациентов кардиологического профиля	421	2
Стеклова Ю. В., Петрова Е. А. Типология поведения молодежи в ситуациях с коррупционной составляющей	1021	4
Сысолятин М. В. Социальные факторы и психологические предикторы удовлетворенности образом жизни у курсантов военного вуза	763	3
Ульянич А. А., Бохан Т. Г., Лецинская С. Б., Агаркова Л. А., Куценко И. Г., Михеенко Г. А. Особенности внутренней картины беременности у женщин с соматическими осложнениями с угрозой прерывания беременности	435	2
Фоминых Е. С. Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций жизненного пути личности	451	2
Цариценцева О. П., Чеховская М. Н. Социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа	152	1
Четверикова А. И., Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Бутовская Е. В. Связь агрессивного поведения и неравновесных психических состояний у водителей автотранспорта	1030	4
Чижкова М. Б. Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: к остановке проблемы	1039	4
Шабаров Д. В., Губин В. А., Майоров В. А. Диагностика представлений о прокурорской деятельности: теория и практика	1050	4

	Стр.	№
Шаповал И. А. Психологические сценарии и индикаторы неравновесного состояния личности в пограничной ситуации	770	3
Яновский М. И. Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия)	459	2
Яценко Е. Ф., Лащенко Д. А., Лазорак О. В. Субъективная комфортность, копинг-стратегии и типы акцентуаций личности российских и индонезийских студентов университета	467	2
Языкознание		
Акай О. М. Родовые корреляты как элиминация лакун	780	3
Алпеева Л. В. Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке	788	3
Амин Р. М. Языковые установки вынужденных переселенцев в регионе Курдистана	1060	4
Бакирова А. А. Актуализация понятийных признаков концепта <i>star</i> в английской лингвокультуре	1069	4
Бакирова А. А. Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов <i>звезда</i> и <i>star</i>	478	2
Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов <i>horse</i> и <i>лошадь</i> / конь в кросскультурных концептуальных картинах мира	488	2
Бодриков А. Б. Шлем, щит, меч – символические признаки концепта воин	496	2
Гаврилова И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии	504	2
Ганиева Р. Р. Характер синтаксических отношений, отражаемых словопорядком, в произведениях Д. Д. Сэлинджера <i>The Catcher in the Rye</i> и Л. Грофф <i>Fates and Furies</i>	1078	4
Гаус К. О., Рябова М. Ю. Когнитивный сценарий вербализации концепта <i>threat</i> в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа)	164	1
Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Предлоги и падежные формы русского языка как предмет идентификационной лингвистики	801	3
Гришенкова Т. Ф., Варясова Е. В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе	1086	4
Дашкина А. И., Злобина О. Н. Формирование иноязычной презентационной компетенции студентов лингвистических направлений в условиях обучения в сотрудничестве	171	1
Дутбаева С. С. Лингвокультурологические особенности образов небесного мира в русской поэзии 90-х гг. XX в.	1095	4
Желудкова Е. Г. Роль речевого стереотипа в формировании стереотипа поведения (на материале французской социальной рекламы)	185	1
Залавина Т. Ю., Дерина Н. В., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Концепт <i>деньги</i> в контексте национальных лингвокультур	191	1
Иванова Е. В. Синтаксическая организация высказываний с цепочками осязательных прилагательных при полимодальном восприятии	197	1
Калюжная Т. В. Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека	205	1
Карапез В. В. Передача флоберовской точки с запятой в англоязычных переводах <i>Madame Bovary</i>	1105	4
Карпухина Т. П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам)	212	1
Кислицына Н. Н., Службина А. Г. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков)	513	2
Кишина Е. В., Сафиулина Е. Ю. Лингвоконфликтологическое исследование интернет-обращения	1114	4

	Стр.	№
Командакова М. С., Андреева Т. А. Актуализация теоморфных признаков на примере концепта <i>imagination</i>	521	2
Корниенко Е. Р. Информативность публицистических текстов XVIII в. в журналах Н. И. Новикова	811	3
Корогодина И. В. Эмоциональный концепт <i>Ekel</i> и его функциональные характеристики в современном немецком языке	529	2
Куракина Н. А. Прагматика речевого акта комплимент: проявление региональной идентичности	540	2
Куцевич Ю. А. Лингвостилистические средства выражения антитезы «материализм – духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» на примере образов Сьюзен Браун и Элис Эйстилл	223	1
Кучина С. А. Электронный художественный текст в рамках текстологии постструктурализма	821	3
Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю. Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The»	232	1
Малышева Н. В., Данилов И. А. Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ)	1123	4
Мануковская М. А. Принципы номинации турагентств г. Воронежа	242	1
Матыцина М. С. Особенности конструирования иммиграционного дискурса в британской прессе	248	1
Наумова Н. Г. Особенности функционирования предлога ПО в текстах научного стиля: значение <i>действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо</i>	258	1
Панкратова С. А. Диалогическая природа локализованных киноназваний	830	3
Пименова М. В., Бодриков А. Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта <i>воин</i>)	1131	4
Савельева И. В. Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопо-рождения	839	3
Тейкин М. С. Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России	549	2
Теренин А. В. <i>That</i> и <i>this</i> в сопоставлении с <i>тот</i> и <i>этот</i>	850	3
Терехова Н. В. Опыт построения модели этимологического анализа китайского иероглифического знака	270	1
Терешко Е. В. Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента	285	1
Фомин А. Г., Чоботар В. И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези	558	2
Чертоусова С. В. Структура и свойства концепта <i>экономический заголовок</i> в немецкоязычной лингвокультуре	860	3
Шунейко А. А., Чибисова О. В. Семантика и прагматика слова в масонской традиции	869	3
Энгель Е. А., Денеко М. В. Лингвокреативные основания немецкого комикса <i>Dig, Dag, Digedag</i>	1139	4
Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. «Асрий мусульманлык» (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма	565	2

Index of articles published in 2019 in the journal "Bulletin of Kemerovo State University"

	Pages	No
History and Archeology		
Abdusalamov M.-P. B. Trade Correspondence between Kumyk Feudal Lords with the Russian Military Administration in the Caucasus in the 1740's–1760's (Based on the Materials of the Central State Archive of the Republic of Dagestan)	889	4
Aronov D. V., Zhilyaeva S. K. Was A. I. Guchkov's Constitution a Right-Liberal Draft of the Basic Law of Russian Empire or a Party Program?	896	4
Atantaeva B. Zh., Mamayeva G. Y. Household of the Special Settlers of Chechen Ethnicity in Semipalatinsk Region: Historical Sources Obtained from the Documentation Center of Contemporary History of Eastern Kazakhstan (Semey)	302	2
Bogolepova L. Z., Belousova N. A. Collections of the Museum of Kemerovo State University as a Basis for Scientific Reconstruction of the Telet Women's Costume	8	1
Borovikova Z. V. Development of Housing and Communal Infrastructure of the Kemerovo Region in 1946–1950	311	2
Dokuchaeva I. G. Educational Institutions of Labor Reserves in Western Siberia at the Beginning of the Great Patriotic War (1941–1942)	594	3
Drobotushenko E. V., Lantsova Y. N. Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century	930	4
Gadzhiev M. S., Taymazov A. I., Budaychiev A. L., Abiev A. K., Abdulaev A. M., Magomedov Y. A. Prospecting Archaeological Works at the Northern Defensive Wall in the Seaside Part of Derbent	18	1
Garbart M. I. Main Sources of Chinese "Soft Power" in Latin America in the Modern Era	913	4
Gavrilov S. V. The Phenomenon of N. D. Khvoshchinskaya-Zaionchkovskaya as Viewed by the Populist Historian V. I. Semevsky	905	4
Genina E. S., Kaymashnikova E. B. A. R. Rosenberg: "the Doctors' Plot" in Stalinsk State Institute of Advanced Medical Training (1953)	922	4
Karpinets A. Yu. Migratory Processes on the Imperial Majesty Lands of the Kuzbass Region in the late XIX Century	319	2
Karpinets A. Yu. Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century	326	2
Kazakov A. A., Sitnikov S. M. A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai)	24	1
Kuular A. I. Identification of Stone Sculptures of Tuva	334	2
Lupanova E. M. Economic Policy in the Field of Forest Exploitation in the Baltic States of the First Half of the XVIII Century	624	3
Martynov A. I. Archeology: University Textbook and Science (to the 45th Anniversary of the Publication of the Textbook: Martynov A. I. Archeology of the USSR. Moscow, 1973)	946	4
Martynov A. I., Sivina K. N., Meshcherskiy R. D. Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the Identification Problem of Ancient Shrines	633	3
Martynushev A. V. The Little Entente in Russian Historiography	340	2
Onischenko S. S., German P. V., Devyashin M. M., Sidelnikova A. N. Zooarchaeological Collection from Bolshepichuginsky Kurgan Burial Mound (According to the Excavations in 2013–2016)	35	1
Ovchinnikov V. A. The Role of Educational and Demonstration Workshops in the Development of Vocational Education and Training for the Handicraft Industry of Tomsk Province in the Early XX Century	960	4
Pavlyukevich R. V. The Meat Industry of the Krasnoyarsk Region in 1956–1965	351	2
Plats I. A. The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography	362	2

	Pages	No
Prishchepa Y. V. The Historiography and the Sources on the Development of the Dwellings of the Khakass and Russian Long-Term Residents of the Khakass-Minusinsk Region in XVIII–XXI Centuries	641	3
Saibert V. O. Main Features and Stages of the 1st Millenium AD Hillforts in the Altai Forest-Steppe	660	3
Salikhova L. B. Formation of Provisional Government Bodies in Dagestan	373	2
Savelieva A. S. The Search Possibilities of the Ancient Ore Mining Sites in the North of the Kuznetsky Alatau	652	3
Shevnina I. V. Ceramic Complex of the Neolithic Camp Ekidin 24	42	1
Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology	672	3
Valkov I. A. Traceological Analysis of Bone Artifacts in Archeology	582	3
Zemtsov B. N. Tsarist Policy in Relation to the Ethnic Regions of Russia in XVI–XIX Centuries	604	3
Zinyakov N. M. Development of Farming Technology as a Factor in the Formation of Cities in Southern Kazakhstan and the Semirechie	612	3
Zinyakov N. M. Historical Background of Formation and Development of Medieval Cities in Zhetysu (Semirechye) and South Kazakhstan	938	4
Linguistics		
Akay O. M. Generic Correlates as Lakunae Elimination	786	3
Alpeeva L. V. Word-Formation Categories of Adjectivities with the Meaning "Attribute by Action" in the Modern Russian Language	798	3
Ameen R. M. Language Attitude among the Displaced People in the Kurdistan Region	1061	4
Bakirova A. A. Concept "Star" in English Linguaculture: Notional Features	1076	4
Bakirova A. A. Motivating Signs of the Concepts "Zvezda" and "Star" in Comparative Aspect	485	2
Bekmurzaeva F. Sh. Motivating Signs of the Concepts "Horse" and "Loshad' / Kon'" in Cross-Cultural Conceptual Worldviews	495	2
Bodrikov A. B. Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept	501	2
Chertousova S. V. Structure and Characteristics of the Concept "Economic Headline" in German Linguaculture	867	3
Dashkina A. I., Zlobina O. N. Developing Foreign Language Presentation Competence of Linguistic Majors through Cooperative Learning	183	1
Dutbayeva S. S. Linguaculturological Features of the Images of the Celestial World in the Russian Poetry of the 1990's	1103	4
Engel E. A., Deneko M. V. Linguacreative Foundations of the German Comic Book "Dig, Dag, Digedag"	1148	4
Fomin A. G., Chobotar V. I. Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation	564	2
Ganieva R. R. Syntactic Relations Reflected by Word Order in "The Catcher in the Rye" by J. D. Salinger and "Fates and Furies" by L. Groff	1084	4
Gaus K. O., Riabova M. Yu. Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements)	169	1
Gavrilova I. A. Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology	511	2
Golev N. D., Napreenko G. V. Prepositions and Case Forms of the Russian Language as a Subject of Identification Linguistics	809	3
Grishenkova T. F., Varyiasova E. V. Suggestion as a method of speech exposure in religious discourse	1093	4

	Pages	No
Ivanova E. V. Syntactical Organization of Statements with Chains of Tactile Adjectives in Polymodal Perception	203	1
Kalyuzhnaya T. V. Propositional-Frame Approach to the Description of Families of Russian Cognate Words as a Representation of Mental Discourse	210	1
Karapets V. V. Flaubert's Semicolon in English Translations of "Madame Bovary"	1112	4
Karpukhina T. P. Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students)	221	1
Kishina E. V., Safiulina E. Yu. Linguaconflictological Research of Internet Appeal	1121	4
Kislitsyna N. N., Slujbina A. G. Linguo-Cognitive Features of Film based on Teenagers' English-Language Dialogues	519	2
Komandakov M. S., Andreev T. L. Verbalization of Theomorphic Features of the Concept "Imagination"	527	2
Kornienko E. R. The Informativity of Publicistic Texts of the XVIII Century in N. I. Novikov's Journals	819	3
Korogodina I. V. Emotional Concept "Ekel" (Disgust) and its Functional Properties in the Modern German Language	538	2
Kuchina S. A. Electronic Literary Text in the Framework of Post-Structuralism Textology	828	3
Kurakina N. A. The Pragmatics of Complimentary Speech Acts: Aspects of Regional Identity	542	2
Kutsevich Y. A. Linguostylistic Means Expressing the Antithesis "Materialism – Moral Values" in John Braine's Novel "Room at the Top" Exemplified by the Images of Susan Brown and Alice Aisgill	230	1
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Postmodernist Play within Different Text Levels in There But For The by Ali Smith	240	1
Malysheva N. V., Danilov I. A. Common Turkic Vocabulary of the Yakut Language: Words Denoting Animal Body Parts (Comparative Historical Analysis)	1129	4
Manukovskaya M. A. The Naming Principles of Travel Agencies in Voronezh	246	1
Matysina M. S. Immigration Discourse in the British Press: Peculiarities of Construction	256	1
Naumova N. G. Preposition "по" in Russian Scientific Texts in the Meaning "to Act in Accordance with Something, on the Basis of Something"	269	1
Pankratova S. A. The Dialogical Nature of Localized Filmonyms	837	3
Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Military Concepts in the Russian Linguistic World Image (as in the case of "Warrior" Concep	1137	4
Saveleva I. V. Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model	848	3
Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Semantics and Pragmatics of the Word in Masonic Tradition	878	3
Teikin M. S. Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms	556	2
Terekhova N. V. Etymological Analysis Model of the Chinese Hieroglyph: an Experiment	283	1
Terenin A. V. "That" and "This" vs "Tot" and "Etot"	858	3
Tereshko E. V. Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment	295	1
Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh. "Asri Musulmanliq" (1924–1927) – the First Muslim Journal of Crimea	572	2
Zalavina T. Yu., Derina N. V., Polyakova L. S., Yuzhakova Y. V. Concept "Money" in the Context of National Linguocultures	195	1
Zheludkova E. G. The Role of Speech Stereotype in the Formation of Speech Behavior: a Case Study of the French Social Advertising	190	1

	Pages	No
Psychology		
Aizman N. I. Structure, Functions, and Level of Sexual Maturity in Female Undergraduates	54	1
Bakushkina N. I., Rogacheva T. V. Analysis of Neurocognitive Development of Moderate and Late Preterm Children in Early Childhood Using Bayley-III	63	1
Belogai K. N. Body Image in Women during Midlife	382	2
Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Borodich J. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L. Personal and Ethnic Identity in Students: a Cross-Cultural Comparison	972	4
Borisenko Y. V. Empirical Results of Practical Application of Psychological and Pedagogic Support of Fatherhood Readiness	682	3
Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Y. V., Bilan M. A. Deformation of Properties of Identity System in the Process of Professional Burnout in Specialists of the Deontological Profile	693	3
Chetverikova A. I., Yermolaev V. V., Voroncova J., Butovskaya E. V. Aggressive Behavior and Unstable Mental States in Car Drivers	1037	4
Chizhkova M. B. Adaptation Dynamics of the First-Year Students to the Educational Environment of the Medical University	1047	4
Dukhnovsky S. V. Interpersonal Relations of the Civil Servants with the Different Level of Social Normativity	72	1
Eliseeva N. D. Yakut Mentality Studies in Psychology and Related Sciences	703	3
Evseenkova E. V. The Risk Factors of Auto-Destructive Behavior in Adolescents	84	1
Fominykh E. S. Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual	457	2
Ivanov M. S. Identity Threats in the System of Attitudes to Personal Security	980	4
Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Tkachenko A. Y. Method of Synchronized Fractal and Musical Dynamics as a Means to Achieve Altered States of Consciousness	401	2
Kadyrov R. V., Kapustina T. V., Dogadina V. A., Isaeva T. S. Social Anxiety in Affective Personality Disorders	713	3
Kuftyak E. V., Tikhonova I. V. Sociocultural Factors of Mental Health in Children Primary Schoolers	723	3
Loginova I. O., Sevost'yanova M. S. Lifeworld Stability in Qualified Athletes with Various Levels of Professional Success: Comparative Analysis	99	1
Marin E. B. Images of Russians and Americans as Seen by Russian Adolescents	109	1
Marin E. B., Tsoy S. Y. Value-Motivational Factors of Job Satisfaction in Public Health Care Workers	738	3
Mazurkevich A. V. Methodological Abilities of Systemic and Synergistic Approaches to the Study of Project Thinking	987	4
Nelyubin N. I. Prolegomena to the System-Anthropological Theory of Thinking	119	1
Oyunsuren J., Yermolaev V. V. Happy Family Representation: a Cross-Cultural Analysis of Russian and Mongolian Youth	996	4
Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A. Psychical Process in Social Perception	411	2
Plotnikova A. V., Glozman J. M. Team Approach to Diagnostic and Correction of Learning Problems in a Public Primary School	1003	4
Pogodayeva M. V., Chepurko Y. V., Molokova O. A. Physicians' Occupational Stress: Factors and Teaching Adaptability at Medical Schools	1012	4
Pomuran N. N., Kirichenko E. N. Developing Intercultural Sensitivity in Students of Linguistics	419	2

	Pages	No
Proskuryakova L. A. Eating Disorders and the Risk of their Development in Students according to the Level of Personal Anxiety	128	1
Proskuryakova L. A., Nalimova T. A. The experience of pedagogical correction of reading phobia in children of primary school age: methodical and neurophysiological aspects	1019	4
Samojlik N. A. Substantive and Dynamic Characteristics of Professional Value Orientations in Cadets of the Educational Organizations of the Federal Penal Service of Russia	749	3
Savenysheva S. S., Golovey L. A., Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu. Self-Actualization, Psychological Well-Being and Daily Hassles during Adulthood	138	1
Shabarov D. V., Gubin V. A., Mayorov V. A. Social Attitudes to Public Prosecution: Theory and Practice	1058	4
Shapoval I. A. Psychological Scenarios and Indicators of Non-Equilibrium State of the Person at the Borderline Situation	778	3
Skorova L. V., Chernikova E. V. Psychological Media Competence of Parents of Primary School Children	149	1
Smirnova Y. K. Imitation and Ability to Form Social Experience Based on a Mental Model in Preschoolers	759	3
Solodukhin A. V. Game Platform as an Instrument of Psychological Correction of Cognitive Impairment in Cardiac Patients	430	2
Steklova Y. V., Petrova E. A. Typology of Behavior of Youth in Situations with a Corruption Component	1027	4
Sysolyatin M. V. Social Factors and Psychological Predictors of Life Satisfaction at Military Institutes	768	3
Tsaritsentseva O. P., Chekhovskaya M. N. Social and Demographic Characteristics of the Women Focused on Career of Different Type	162	1
Ulianich A. L., Bokhan T. G., Leshchinskaia S. B., Agarkova L. A., Kutsenko I. G., Miheenko G. A. Internal Image of Pregnancy in Women with Somatic Complications and Possible Miscarriage	448	2
Volkova O. V. Courses of Learnt Helplessness Prevention for Caring Professions	392	2
Yanovsky M. I. Possessiveness as an Inductor of Deformation of Consciousness as in Illusions of Perceptions	465	2
Yashchenko E. F., Lashchenko D. A., Lazorak O. V. Subjective Comfort, Coping-Strategies, and Types of Accentuations of Personality in Russian and Indonesian University Students	475	2

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Редакторы выпуска:
Лоншакова К. А., Митько Н. В.,
Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 13.12.2019.
Дата выхода в свет __.12.2019.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 35,6. Уч.-изд. л. – 31,2.
Тираж 500 экз.
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область,
650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.